

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 446. Сентябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 446. September

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филос. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Замыслова Е.Е. Роль отечественных журналов первой трети XIX в. в становлении традиций изучения и преподавания всеобщей истории в России	5
Земичева С.С., Иванцова Е.В. Диалектный корпус как новый ресурс областной лексикографии	15
Илюхина Н.А. Существительное как средство репрезентации пропозициональной семантики	23
Кочергина К.С. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики: концепция, структура, наполнение	29
Ленько Г.Н. Способы выражения эмоций в произведениях Кирстен Боје	41
Назаренко И.И. Дневник в сюжетной и нарративной организации романа Б. Поплавского «Домой с небес»	49
Толстоноженко О.А. Конструирование субъектности писателя из народа в эстетике позднего Л.Н. Толстого	55

ФИЛОСОФИЯ

Бабинович В.С. Идентичность Геймера в виртуальном пространстве видеоигр	64
Ростова Н.Н. Человек на границе животного мира	68
Сыров В.Н. Культурная травма и сетевое сообщество: методологические соображения	76

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Абрамова М.А., Костюк В.Г., Гончарова Г.С. Изучение влияния лингвокультурной специфики среды на межэтнические установки молодежи: факторы, индикаторы, показатели	83
Дебрени М., Погорельская А.М., Поморина И.В., Скалабан И.А. Сравнительный анализ факторов, определяющих выбор университета для обучения британскими, российскими и французскими абитуриентами	90

ИСТОРИЯ

Андреев К.П. Миграционная политика Австрии: от регуляционных мер к интеграции	96
Антошин А.В., Запарий Ю.В. ООН как институт глобального управления в середине 1940-х – начале 1950-х гг.: взгляд российских эмигрантов	102
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Глобальная миссионерская деятельность христианских церквей в XX – начале XXI в.: пространственный аспект	111
Коломиец Т.И., Артибякина Т.И. Становление и развитие экономического образования в Томском государственном университете (1898–2018 гг.)	118
Румянцев П.П. Некоторые аспекты учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью Западной Сибири	132
Салихова Л.Б. Деятельность органов временного правительства Дагестанской области	138
Ульянов П.В. Эволюция «образа врага» в британской пропаганде периода Первой мировой войны	149
Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Коллективный портрет профессоров Императорского томского университета в зеркале их взаимоотношений со студенчеством (конец XIX – начало XX в.)	159

CONTENTS

PHILOLOGY

Zamyslova E.E. The Role of National Magazines of the First Third of the 19th Century in the Formation of Traditions of Universal History Studying and Teaching in Russia	5
Zemicheva S.S., Ivantsova E.V. A Dialect Corpus as a New Resource of Regional Lexicography	15
Iliukhina N.A. Noun as a Means of Propositional Semantics Representation	23
Kochergina K.S. Linguistic Database of Negative Evaluative Lexis: Concept, Structure, Content	29
Lenko G.N. Means of Emotional Expression in Works of Kirsten Boie	41
Nazarenko I.I. Diary in the Plot and Narrative Organization of Boris Poplavsky's Novel <i>Home from Heaven</i>	49
Tolstonozhenko O.A. Creation of the Writer-of-the-People's Subjectivity in Leo Tolstoy's Late Aesthetics	55

PHILOSOPHY

Babinovich V.S. The Identity of a Gamer in the Virtual Space of Video Games	64
Rostova N.N. The Human at the Border of the Animal World	68
Syrov V.N. Cultural Trauma and a Network Society: Methodological Considerations	76

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Abramova M.A., Kostyuk V.G., Goncharova G.S. A Study of the Influence of the Linguistic and Cultural Specificity of the Environment on Inter-Ethnic Attitudes of Young People: Factors, Indicators, Indices	83
Debrenne M., Pogorelskaya A.M., Pomorina I.V., Skalaban I.A. A Comparative Analysis of the Factors Determining the Way British, Russian and French University Entrants Choose the University	90

HISTORY

Andreev K.P. The Migration Policy of Austria: From Regulative Measures to Integration	96
Antoshin A.V., Zaparyi Yu.V. The United Nations as an Institute of Global Governance: A View of Russian Emigrants (Mid-1940s – Early 1950s)	102
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Global Missionary Activities of Christian Churches in the 20th and 21st Centuries: The Spatial Aspect	111
Kolomiets T.I., Artibyakina T.Yu. Formation and Development of Economic Education in Tomsk State University (1888–2018)	118
Rumyantsev P.P. Some Aspects of the Establishment of Gendarme Supervision over the Private Gold Mining Industry in Western Siberia	132
Salikhova L.B. Activities of the Provisional Government Bodies of the Dagestan Oblast	138
Ulyanov P.V. The Evolution of the “Enemy Image” in the British Propaganda During the First World War	149
Fominykh S.F., Stepnov A.O. A Collective Portrait of Professors of the Imperial Tomsk University in the Mirror of Their Relationships with Students (Late 19th – Early 20th Centuries)	159

ПЕДАГОГИКА

Абакумова Н.Н., Борисова В.А. Механизмы реализации и этапы развития Junior Skills как перспективной программы раннего профессионального самоопределения обучающихся	170
Головина Е.А., Гуренко Ю.В., Томашевская О.Б. Отношение женщин пожилого возраста к занятиям в группах здоровья	178
Пашенко Л.Г. Диагностический инструментарий оценки субъективного отношения студентов к состязательной деятельности в процессе физической активности	183
Сафоненко С.В. Исследование особенностей совершенствования согласованности двигательных действий в групповых упражнениях с обручем у девочек 10–11 лет	191

ПРАВО

Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина	196
Архипов А.В. Содержание терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества как элементов объективной стороны хищения	202
Грибунов О.П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты	207
Зайцева Л.В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса	212
Канакова А.Е. Предпосылки введения и конституционные основы налога на профессиональный доход	223
Коновалова Л.Г. Советы или парламентаризм: конкуренция идей	231
Мальшхин А.В. Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций	240
Шеслер А.В. Методы криминологического исследования групповой преступности	247

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	252
--	-----

PEDAGOGICS

Abakumova N.N., Borisova V.A. Implementation Mechanisms and Development Stages of Junior Skills as a Promising Program of Students' Early Professional Self-Determination	170
Golovina E.A., Gurenko Yu.V., Tomashevskaya O.B. Elderly Women's Attitude to Training in Health Groups	178
Pashchenko L.G. Diagnostic Tools for Evaluating Students' Subjective Attitude to Competing During Physical Activity	183
Safonenko S.V. A Study of the Features of Improving the Coordination of Movements in Group Exercises with a Hoop in Girls Aged 10 and 11	191

LAW

Anichkin E.S., Ryakhovskaya T.I. "Constitutional Identity": On the Specification of the Term	196
Arkhipov A.V. The Content of the Terms "Seizure" and "Appropriation" of Another's Property as Elements of the Objective Side of the Theft	202
Gribunov O.P. The Forensic Theory of Causality in the Establishment of the Trace Creation Mechanism: Philosophical and Theoretical Aspects	207
Zaitseva L.V. The Economically Dependent Self-Employed: Differences in National Approaches to the Determination of Their Legal Status	212
Kanakova A.E. Tax on Professional Income: Preconditions for Introduction and Constitutional Fundamentals	223
Kononova L.G. Soviets or Parliamentarism: The Competing Ideas	231
Malyshkin A.V. Specialized Courts in the Context of the Differentiation and Integration of Court Jurisdictions	240
Shesler A.V. Methods of Criminological Research of Group Crime	247

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	252
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 070

Е.Е. Замыслова

РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. В СТАНОВЛЕНИИ ТРАДИЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Анализируется отечественная периодика первой трети XIX в. с точки зрения ее вовлеченности в дискуссию об историческом знании. Выявляется, как авторы разных по типу журналов использовали периодические издания в качестве трибуны для обсуждения важных для исторического цеха проблем. Доказывается, что они единогласно декларировали необходимость пересмотра взглядов на изучение и преподавание Всеобщей истории, вырабатывали новые правила ее изложения, конструктивно критиковали устаревшие учебные пособия.

Ключевые слова: «Вестник Европы»; Всеобщая история; «Журнал министерства народного просвещения»; «Московский вестник»; «Московский телеграф»; «Педагогический журнал»; «Телескоп».

Специфика изучения и преподавания Всеобщей истории¹ в первой трети XIX в. требует внимательно-го изучения, ведь осмысление всемирной истории в России неизбежно становилось частью более широкой дискуссии об определении места России в мире, пред-варяющей полемику славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и др.) и западников (В.Г. Белинский, А.И. Герцен и др.).

Тема «Журналистика и историческая наука» воз-никла еще в 1881 г. в трудах С.П. Весина [1]. Однако специальное внимание этой проблеме впервые было уделено лишь почти век спустя: в 1970-е гг. С.С. Дмитриев предложил проанализировать отече-ственную специальную периодику с точки зрения публикаций в ней исторических документов, пред-ставляя ее, таким образом, неотъемлемой составляю-щей развития отечественной историографии [2]. В выбранном им ключе изучение периодики продолжил В.Ю. Афиани [3]. В конце 1990-х гг. М.П. Мохначева начала плодотворно изучать периодику в контексте наукотворчества и историографической традиции, сконцентрировав внимание на периоде 1830–1870-х гг., времени, когда «закладывались основы отраслевой системы исторической периодики в Рос-сии» [4. С. 282], вследствие чего материалы до 1830-х гг. остались малоизученными. Несомненен вклад в разработку темы «Исторической журналистики» и санкт-петербургского исследователя С.Н. Ущипов-ского [5]. Но на журналах первой трети XIX в. он в своих работах подробно не останавливается.

Объектом данного исследования стала ранее оста-вавшаяся в тени журнальная периодика первой трети XIX в. с точки зрения ее вовлеченности в дискуссию об историческом знании и шире – в процесс формиро-вания национально-исторического сознания в России.

Для предметного анализа были привлечены ори-гинальные и переводные статьи, относящиеся к осмыслению Всеобщей истории, ее методологии и преподавания, помещенные в наиболее крупных жур-налах. Материалом для изучения также явились учеб-ники по Всеобщей истории для средней и высшей школы, увидевшие свет в России в 1820–1830-е гг. Кроме того, к исследованию были привлечены работы

немецких и французских историков конца XVIII – начала XIX в., которые активно пропагандировала отечественная периодика изучаемого периода и на которые частично ориентировались составители учебных пособий.

История в периодике. Причины появления исторической тематики на страницах неспециализированных журналов

Анализ периодики первой трети XIX в. позволяет констатировать усиление внимания журналов к исто-рической проблематике. За весь изучаемый период (с 1800 по 1836 г.) в рассмотренных нами 25 периоди-ческих изданиях увидели свет в общей сложности около 600 публикаций исторической тематики. Инте-ресно, что количество материалов на исторические темы в журналах со временем только увеличивалось. Характерен пример «Вестника Европы». Если за пер-вое десятилетие XIX в. в издании в целом было опубликовано около десяти таких материалов, то уже в 1810-е гг. – порядка двадцати, а за 1820-е – чуть ме-нее тридцати.

В первую очередь это объясняется тем, что в це-лом, начиная с 1810-х гг., и особенно в 1820-е гг., в российском обществе заметно возрастала и актуали-зировалась роль исторического знания. История нача-ла восприниматься не как область отвлеченной науки, но как «наука нас самих», рассматривающая «челове-ка во всех отношениях». Так, например, трактовал историю П.П. Бекетов, занявший в 1811 г. пост пред-седателя Общества истории и древностей российских. Предвосхищая Любоумров, он подчеркивал исто-риософскую сущность науки о прошлом, науки само-познания человечества: она «показует <...> все дей-ствия человеческие, ровно, как и причины, к тому побудившие» [6. С. 4]. Мысль о том, что историю нужно знать, чтобы «изучиться постижению челове-чества» [7. С. 445], звучит лейтмотивом во многих статьях на исторические темы в первой трети XIX в.

Щедрое наполнение научно-литературных журна-лов историческими публикациями объяснялось, ко-нечно, и тем, что среди издателей и редакторов 1800–

1830-х гг. было немало тех, чьи имена так или иначе связаны с развитием отечественной исторической науки. Это, прежде всего, Н.М. Карамзин, создавший и редактировавший «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., и профессор Московского университета М.Т. Каченовский, взявший на себя редактуру «Вестника Европы» с 1805 по 1830 г. (с небольшим перерывом: в 1808–1810 гг. его замещал В.А. Жуковский). Это и Н.А. Полевой – он с 1825 по 1834 г. редактировал «Московский телеграф». Активно интересовавшийся историей, с 1829 г. Полевой начал издавать свою «Историю русского народа» (1829–1833). В значительной мере благодаря редакторскому труду М.П. Погодина, профессора истории Московского университета, автора «Исторических афоризмов» (1827–1836), выходил «Московский вестник» (1828–1830 гг.). Министр (с 1833 г.) С.С. Уваров, серьезное внимание уделявший изучению и преподаванию истории [8], сыграл ключевую роль в реорганизации «Журнал министерства народного просвещения» в 1834 г.

Периодика как эксклюзивный источник информации о достижениях западной историографии и полигон для выработки и систематизации современных правил изложения Всеобщей истории

Более половины из выявленных нами публикаций на исторические темы освещали вопросы Всеобщей истории. Указанная проблематика нашла свое место на страницах не только ведущих столичных журналов, но и провинциальных, например, «Казанского вестника», «Украинского вестника», «Украинского журнала». Последние, издаваемые при местных университетах, естественно не хотели отставать от тренда, как сказали бы сегодня. А Всеобщая история была именно «в тренде». Издания двух столиц, тяготеющие к энциклопедизму, особенно «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф», «Сын Отечества и Северный архив» и «Соревнователь», а позднее, в первой половине 1830-х гг., и «Библиотека для чтения», «Всеобщая библиотека полезных для юношества сведений», «Телескоп» выявляют большую наполняемость материалами по Всеобщей истории, чем университетские издания или издания при научных обществах, такие как «Записки и труды Общества истории и древностей российских», «Ученые записки, издаваемые Казанским императорским университетом», «Ученые записки Московского университета» и «Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете». Это объясняется тем, что в энциклопедических изданиях были широко представлены переводные, реферативные и компилятивные материалы из сочинений западных историков, перепечатывались статьи из зарубежных журналов. В то время как университетские издания и издания при научных обществах сосредоточили свое внимание на публикации отрывков из сочинений отечественных исследователей, которые, и это в общем естественно, в первую очередь освещали вопросы русской истории.

Именно периодика вводила в отечественный интеллектуальный оборот наследие западной историографии. Это было особенно важно, так как оригинальные сочинения европейских историков были мало доступны более-менее широкой аудитории, а полные их переводы появлялись в России обычно с опозданием на десятилетия. Поэтому переводные материалы, рефераты и обзоры в журналах представляли особую ценность. По словам В.Г. Белинского, в 1834 г. русская читающая публика, во многом благодаря усилиям периодики, за несколько десятилетий «перечувствовала, перемыслила и пережила всю умственную жизнь Европы» [9. С. 70]. Думается, это утверждение относится и к восприятию европейской исторической мысли в русском обществе. Периодические издания регулярно знакомили читателей с историческими идеями самых ярких представителей крупнейших в Европе исторических школ – немецкой (Аст, Геерен, Гердер, Луден, Мюллер, Нибур, Ранке, Шлецер) и французской (Барант, Гизо, Мишле, Тьерри). Публиковались биографические очерки о западных историках, выдержки из переписки именитых ученых. Подобные материалы, предоставляемые периодикой, были в условиях того времени эксклюзивными и могли стать подспорьем не только для учащихся, но и для преподавателей.

Ведь Всеобщую историю – научную дисциплину, возникшую в XVIII в. – в высших учебных заведениях России в начале XIX в. преподавали главным образом немцы, как правило, по устаревшим европейским учебникам. В гимназиях и училищах ситуация была еще плачевнее.

Отсталость отечественной интеллектуальной мысли казалась непреодолимой. В то время как в Европе чтения триумвирата историков в Сорбонне (Гизо, Тьерри, Минье) стали фактом общественной и политической жизни, для отечественного университетского лектора по истории большой заслугой считалось, если он изредка предлагал слушателям «собственные зрелые мысли о случаях и характерах» [10. С. 265]. Об этом писал Н.М. Карамзин в «Вестнике Европы» в 1803 г. Компиляции не были признаком профессиональной несостоятельности, скорее – нормой [11. С. 19–21]. В соответствии с университетским уставом профессорско-преподавательский состав исторических кафедр в то время основные усилия сосредоточил на подготовке компилятивных курсов, учебных пособий, не претендовавших на самостоятельность научных изысканий. Целый ряд исследователей констатировали критически низкий уровень преподавания Всеобщей истории в отечественных университетах, сохранявшийся на протяжении всей первой трети XIX века [12. С. 211 и др.].

В начале 1830-х гг. по собственным запискам курсы Всеобщей истории читали в Петербургском университете единицы. Например, профессор И.П. Шульгин (с 1833 г. – декан историко-филологического факультета, с 1834 – ректор Санкт-Петербургского университета). При этом он не скрывал, что опирался на геттингенских профессоров Геерена, Коха, Эйхгорна и сочинения профессора истории при Берлинской военной академии Ансильона [13. С. 317]. Много печат-

тавшийся (сначала в «Сыне Отечестве и Северном архиве», а затем в «Журнале министерства народного просвещения»), в 1832 г. Шульгин выпустил учебную книгу «Изображение характера и содержания истории трех последних веков» [14]. Сочинение Шульгина в целом было доброжелательно встречено критикой. Погодин писал в «Телескопе»: «Можно поздравить русских читателей, любителей истории, с появлением сей примечательной книжки; по одному языку, не говоря даже о прочих ее достоинствах, она должна занять не последнее место в нашей литературе». Критик отмечал достоинства способа и манеры изложения: события «обозрены здесь при всей краткости ясно и отчетливо», слог «точный, ровный и сильный» [15. С. 237]. Рецензент «Московского телеграфа» с радостью констатировал, что «автор глядит на историю, как должен глядеть на нее писатель XIX-ого столетия», отметил «глубокомысленность» выводов, а не «пустозвонность» определений, приведенных в учебнике [16. С. 549, 554].

Передовые представители ученого сословия, используя периодику в качестве трибуны, настойчиво требовали, чтобы пособия соответствовали духу времени: «Ныне, когда труды великих мужей возвели историю на высокую должную ей степень совершенства, которая была не известна красноречивым древним писателям, пособия истории, на коих создается она, великая часть здания народного просвещения, делаются важнее и затруднительнее, по совершенству, какого от них требует изыскательный суд учения», – настаивал Полевой в 1827 г. в собрании Общества любителей истории и древностей российских, размышляя о качестве исторических пособий в целом [17. С. 108]. Вместе с тем для обоснования претензий к учебной литературе нужно было выработать одобренный всеми эталон исторического повествования. Ведь как отметил в 1826 г. на страницах «Северного архива» один из ярчайших историков-теоретиков своего времени И.Д. Ертов, в научном сообществе еще царило «разномыслие о важнейшей для человечества науке» и очевидной стала необходимость согласовать «верные правила для сочинения Всеобщей истории» [18. С. 268].

Именно периодика взяла на себя труд и смелость выработать, вернее сказать, систематизировать эти правила, основываясь на опыте западной историко-философской мысли. В цикле статей, помещенных в 1827 г. в «Вестнике Европы», историком и философом романтического направления Н.И. Средним-Камашевым был впервые предложен «Взгляд на историю как науку» [19]. Этот цикл настолько значим, что П.Н. Милоков считал данную публикацию точкой отсчета нового периода в развитии русской исторической мысли [20. С. 321–324].

Вдохновителями Камашева стали представители немецкой исторической школы, историки-ориентеры для Любомудров – Гердер, Геерен и Аст [19. С. 251], которых пропагандировал и Погодин. Неудивительно, что редактор «Московского вестника» рекомендовал данную статью к прочтению своим подписчикам, хотя и обещал в скором времени опубликовать замечания на нее [21. С. 51]. По нашим наблюдениям,

прямая рекомендация материала из другого журнала – случай единичный в практике Погодина. Думается, в данном случае необходимость привлечь внимание аудитории к обсуждаемому вопросу оказалась для историка-Погодина важнее, чем риск переключить внимание аудитории со своего журнала на журнал-конкурент для Погодина-редактора.

Как и Погодин [22. С. 110], Камашев требовал глубинной систематизации исторических сведений: «При нынешней степени образованности, кажется, наукам нужны не столько сведения о событиях, сколько систематическое расположение оных». Главным критерием научности истории Средний-Камашев считал объективность, называя историю «честнейшим зеркалом». Задачей же научного познания провозглашалось выявление закономерностей исторического процесса: в зеркале истории должны отразиться судьбы, управляющие человеком [19. С. 241, 249–250]. Иными словами, историк был призван расшифровать философский смысл прошлого.

Именно философское начало обеспечивало истории научность в высшем понимании – заслуга развития этой идеи принадлежала шеллингианцам. Естественно, что и Полевой, также, как известно, прошедший через кружок русских шеллингианцев-любомудров, не мыслил историка как «простого регистратора фактов». «Московский телеграф» прикладывал максимум усилий, чтобы популяризировать установку на поиск философского смысла исторического развития: этот поиск виделся Полевому главной задачей современной исторической науки [23. С. 306–307 и др.].

Журналистика зафиксировала парадоксальную особенность развития отечественной исторической школы: только начав «догонять» западных коллег, ее представители одновременно уже мечтали и стремились «перегнать» их. Погодин в ту пору был, пожалуй, самым ярким апологетом ученого сословия в России, называл его «солью земли», «цветом общества», выражающим «разум всего народа». «Пора, пора нам свергнуть с себя чуждое иго, свергнуть, разумеется, с благодарностью и продолжать образование собственными своими трудами! Пора нам доказать этим гордым немцам, этим французам, англичанам, что мы сами уже умеем мыслить; что мы можем идти вперед без их руководства», – восклицал историк в речи «Об ученом сословии и историческом его значении», произнесенной в торжественном собрании Московского университета 5 июля 1833 г. и опубликованной, правда, с полугодовым опозданием, в «Ученых записках Московского университета» [24. С. 79, 87].

На страницах периодики Погодин активно призывал сочинителей «всякую ученую славу проверять собственным рассуждением». В одной из рецензий на выход очередного европейского исторического сочинения, помещенной в «Телескопе», он недоумевал, почему «русское сочинение берут в руки с какою-то недоверчивостью», а «французское, немецкое начинают читать с пристрастием»: «Как будто французы или немцы получили от Аполлона привилегию на талант и ученость, а русские, напротив, осуждены только на безусловное почтение своим прежним учи-

телям!» [25. С. 116]. М.А. Максимович на страницах того же «Телескопа» констатировал готовность отечественной науки выступить на равных с европейскими коллегами. «Европа должна быть для России предметом соревнования, а не подражания», мы «сами уже в силах рождать свои, живые мысли и мнения», – писал он [26. С. 172, 175].

Но если вплоть до начала 1830-х гг. выступления в периодике в защиту самобытности отечественной науки были единичными, то в возобновленном Уваровым в 1834 г. «Журнале министерства народного просвещения» желание показать ее интеллектуальную состоятельность, самостоятельность и самодостаточность стало основным лейтмотивом большинства публикаций. Их авторами были ученые нового типа, «русские по сердцу и европейцы по обширности своих познаний» [27. С. 29]. Таким ученым, используя административный ресурс, покровительствовал министр, уверенный в том, что «именно теперь Русское юношество более чем когда-либо нуждается в пособиях, которые приготовлены были бы для него русским просвещенным умом, русской добросовестностью, а не спекуляцией чужеземцев» [28. С. 437–438].

Критика учебников по Всеобщей истории на страницах периодики

Правда, приходится констатировать, что, судя по выходившим в свет новым сочинениям, рецензируемым периодикой, зависимость от западной исторической мысли по-прежнему оставалась непреодоленной. Это регулярно фиксировал, например, С.Н. Смарагдов, отвечавший за историческую тематику в «Педагогическом журнале»: все пять рецензий на книги по Всеобщей истории, опубликованные в журнале в 1833–1835 гг., подписаны его именем. Смарагдов преподавал историю и географию в Сиротском институте Императорского Гатчинского воспитательного дома и в Институте корпуса инженеров и сам готовил собственный учебник по истории Средневековья. Рецензируя уже упомянутый учебник Шульгина, он, в частности, обращал внимание на проблему, свойственную всем авторам пособий первой трети XIX в. Отечественные составители, «не имея еще всех истинных средств, потребных к обширным и вековым трудам по части Всеобщей истории, не будучи даже, без особенной помощи правительства, в состоянии приобрести их», вынуждены «следовать источниками средствами второстепенным, или второй руки, должны заимствовать у западных писателей вместе с материей и мысли» [29. С. 59–60]. Впрочем, Шульгин и не пытался скрыть частой вторичности своих суждений. Напротив, в «Предисловии» он открыто декларировал, что многие мысли заимствованы им «у писателей отечественных и иноземных, нередко взяты целые их собственные выражения». Частично компилятивный характер своего сочинения Шульгин объяснял тем, что не считал нужным «переговаривать по-своему то, что было уже сказано прежде <...> и лучше», но везде соблюдал законы цитирования, указывая на автора, которому «должен тою или другою мыслью, тем или другим выражением» [30. С. VIII].

К сожалению, результатом такого подражания стало неминуемое отставание от передовой исторической мысли. Так Шульгин, например, по мнению того же Смарагдова, выбрав Геерена, «ошибся в путеводителе», так как тот уже «отстает от века» [29. С. 60]. Специализацией Геерена было изучение развития торговых отношений и политики во всем мире. Причем такое направление исследований ставилось скорее в заслугу ученому как его современниками, так и более поздней историографией. В авторитетном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что Геерен «первый выяснил, насколько важно изучение торговых сношений древних народов для понимания их государственного строя и гражданского быта» [31. С. 235]. При этом ограничиваться при изложении Всеобщей истории исключительно данным аспектом, на котором построено основное историческое сочинение Геерена [32], представляется несколько ущербным. Но, к сожалению, именно подход Геерена был взят на вооружение отечественными университетами. В первой половине 1830-х гг. Всеобщая история в высших учебных заведениях России читалась, главным образом, по Геерену. Тогда же, в 1834 г., Погодин начал заниматься подготовкой к печати «Лекций по Геерену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (М., 1835–1836. Ч. 1, 2). За что, кстати, получил отповедь Н.В. Гоголя, в то время преподающего историю в Петербургском университете и активно работающим над собственным учебником по Всеобщей истории (гоголевский труд так и не увидел свет, сохранилось только несколько набросков). В письме своему товарищу по историческим штудиям Погодину от 2 ноября 1834 г. Гоголь весьма резко, но вполне справедливо заметил, что Геерен «далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит» и что политика является у него «мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков» и в итоге получается «черт знает, что такое» [33. С. 341].

«Незабвенным своим наставником» называл Геерена еще профессор императорского Царскосельского Лицея И.К. Кайданов, автор «Основания Всеобщей политической истории» (с 1821 г. выходило под названием «Руководство к познанию Всеобщей политической истории»), самого распространенного пособия в гимназиях, начиная с 1814 г. Учебник Кайданова был весьма достойным для своего времени пособием. Автор представлял «главные происшествия, такие, кои на все или на многие государства имели влияние», а затем «особо излагал происшествия, случившиеся в каждом государстве». Издание было снабжено «алфавитным списком упоминаемых главнейших происшествий, имен достопамятных людей, названий народов, государств, областей и пр. с показанием страниц и с приложением синхронической таблицы» [34. С. VIII–IX].

Но, поначалу благодарно встреченный периодикой, с каждым новым переизданием (а их было в общей сложности 16, и последнее вышло в 1854 г. (!)) учебник Кайданова неизбежно терял актуальность. Любопытно, что Н.Г. Федорова в статье ««Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX ве-

ка» указывает на негативную критику учебника Кайданова в 1860-е гг. [35. С. 81–82]. Но, как показывает проведенный нами анализ, изъяны учебника были замечены критикой уже в конце 1820-х гг. Так, в частности, «Московский телеграф», высоко оценив еще одно пособие Кайданова – «Краткое начертание Всеобщей Истории», переизданное в третий раз в 1826 г. (первое издание – 1821) и переведенное на польский язык, все же упрекал автора в отсутствии единства, последовательности в изложении: «каждый народ начинается у Г. Кайданова отдельно; каждый народ выдумывает себе, Бог знает почему, веру, законы, обычаи». Такой подход не соответствовал последним европейским работам в области Всеобщей истории, согласно которым необходимо было аналитически «рассматривать и излагать постепенно географическую и политическую картину всего света», выстраивая причинно-следственную связь: «...почему именно такое-то происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступал так, а не иначе, шел туда, а не сюда» [36. С. 250–251].

Для Погодина, который, в свою очередь, сетовал, что на русском языке почти вовсе нет учебных книг исторических, так же было очевидно, что в основном учебнике Кайданова – «Руководстве к познанию Всеобщей политической истории» – не отображен сам «закон и принцип Всеобщей истории». При этом практически разгромная рецензия устаревшего с точки зрения критика учебника («Во всем сочинении его царствует хаос, в коем перемешано существенное со случайным, важное с неважным, хорошее с дурным»; «Происшествия начислены, как слагаемые, без итогов»; «Важные происшествия завалены хламом ненужных подробностей»; «Народы не обозначены резкими чертами, и мы не видим явственно, чем в политическом отношении одно государство отличалось от другого»; «Автор судит везде о людях и происшествиях по теперешним понятиям, вовсе не вникая в дух времени») завершалась неожиданно позитивным выводом. Погодин утверждал, что «при жалком недостатке нашем в учебных пособиях книга Кайданова не только не излишня, но и полезна» [37. С. 55, 59–60, 70].

Рецензенты «Педагогического журнала» и «Телескопа» занимали более жесткую позицию относительно некомпетентности авторов учебников. Смарагдов не готов был, как Погодин, прощать авторам множественные недостатки на фоне общего дефицита учебных пособий. Рецензируя, например, в «Педагогическом журнале», в разделе «Литература педагоги» учебник по древней истории Александра Ветошникова [38], он подверг сокрушительной критике некомпетентность автора. По мнению Смарагдова, тот не имел представления о современном определении истории, а соответственно, и о подходах к ее изучению и изложению (деление на эпохи и периоды), о всестороннем описании социально-политической жизни народа, не знаком с сочинениями современных авторов, «плодит» анахронизмы и поверхностные суждения. Он настаивал на том, что, прежде чем взяться за составление пособия по истории, автор обязан ознакомиться с современными европейскими источниками «по сему предмету», ибо «невозможно

допустить, чтобы каждый, кто едва только ознакомился с историей, мог пользоваться правом сочинителя» [39. С. 63]. Степень ответственности автора учебного пособия, естественно, возрастала в разы, так как информация, изложенная в нем, воспринималась юными умами как непоколебимая истина. Ошибки в учебниках «весьма опасны, потому что читаются людьми, еще не способными предохранять себя от оных», – предостерегал в «Телескопе» В.П. Андросов [40. С. 532–533], рецензируя вышедшее в 1831 г. «Сокращение Всеобщей истории» Александра Преображенского, подготовленное для воспитанниц Московского училища ордена Св. Екатерины [41].

Периодика высказывала авторам учебников по Всеобщей истории, по сути, одни и те же претензии в неумении выстраивать повествование, в отсутствии представлений о системе и причинно-следственных связях во Всеобщей истории, что провоцировало хаотичное изложение, перегруженное массой несущественных фактов. «Конечно, и «больной Папа» и «чепец Г-жи Пуль-Мулье», который некий француз Бриз-Ту в ссоре сбил с ее головы, – суть исторические факты. Но не стоит засорять голову учащимся информацией о том, что Бриз-Ту «позван в суд и оправдан, представив свидетелей, что соседка обыкновенно носит чепец набекрень?», – иронически замечал в «Телескопе» Ю.И. Венелин в отзыве на «Краткую Всеобщую историю от потопы до наших времен, изложенную по новому плану Н. Кировым» [42]. Рецензент указывал на то, как важно при составлении пособия уметь изобилить исторического материала, этого «магазина фактов, расположенных по столетиям», выбирать самые существенные [43. С. 318, 322].

Рецензируя учебник того же Кирова, Смарагдов заострил внимание на еще одной проблеме, свойственной многим пособиям, – отсутствию ориентированности на целевую аудиторию: «...не годится ни для детей, ни для юношей, ни для ученых». Если данное пособие написано для начинающих, рассуждал рецензент, то зачем в предисловии цитировать на немецком гердеровское определение истории: «...дети еще не в состоянии понимать идей Гердера и других заморских ученых» [44. С. 202, 208]. Действительно, в введении Киров привел несколько цитат на немецком (из работ Шлецера и Гердера) и на латыни из сочинения Цицерона [45. С. IX–XI]. И даже при том, что цитаты из произведений немецких историков даны с переводом, ход рассуждений Кирова с опорой на мысли западных мыслителей, в частности, о соотношении статистики, истории и географии, все равно остается неудобоваримым, особенно для неподготовленного читателя.

Смарагдов использовал в отношении пособия Кирова слово «скомкано», что представляется вполне уместным. Например, философическую историю автор учебника определяет как «произведение мыслителей новейших времен», никак не расшифровывая суть новых подходов к изучению истории. Далее в скобках автор кратко указывает имена немецких историков-просветителей Изелина, Гердера, Канта, Грубера и др. без каких-либо пояснений [42. С. X].

Реакция авторов учебных пособий на критику в периодике и усовершенствование учебников с учетом озвученный в журналах замечаний

И Кайданов, и Преображенский, и Киров, по справедливым замечаниям рецензентов, давали «обетшное» определение истории, используя устаревшую формулировку – «изложение достопамятных происшествий» [40. С. 534–535], из которого нельзя получить понятия «ни о содержании, ни о форме истории» [37. С. 49–51].

Вместе с тем подвергшийся наибольшей критике профессор Кайданов старался усовершенствоваться: в 1834 г. он переиздал свое «Руководство к познанию Всеобщей политической истории», представляя в новом труде «результаты успехов, сделанных наукой в продолжении последних 15 лет» («Учебная книга Всеобщей истории для юношества», 1834 – пять переизданий). Но, как с сожалением констатировал Белинский в газете «Молва», при всем своем усердии Кайданов с 1817 по 1835 г. повторяет «старые, истертые вещи»: «История есть описание великой, долговременной жизни рода человеческого. Посему предметом ее суть деяния и судьбы людей». Так Кайданов определял историю в 1835 г. (сверено по переизданию 1839 г. – прим. автора [45. С. I]), по сути повторяя определения 1817, 1824 и 1832 гг. – «повествование о достопамятных явлениях в мире». В той же статье Белинский предложил свое, тяготеющее к геереновскому, определение Всеобщей истории как «науки, показывающей, каким образом и вследствие каких причин жизнь человечества, развивавшаяся под формою политических обществ, явилась в том виде, в каком теперь находится». «Это определение не ново, но благо уже готово», – замечал автор статьи, резонно заключая, что «в наше время можно иметь на историю взгляд еще высший; но иметь на нее взгляд низший значит совершенно не понимать ее» [46. С. 310–312].

Наиболее корректное определение Всеобщей истории появилось в учебнике Шульгина в 1832 г., на что тут же обратила внимание периодика. В рецензии на «Изображение характера и содержания истории трех последних столетий» автор из «Московского телеграфа» не без удовольствия процитировал новое определение: «История есть та, которая изображает великие перевероты в их взаимной связи <...> и доказывает, что великие события мира не были делом слепого случая, и что всякое из них в судьбе человеческого рода имело свою цель, волею премудрою и всемогущею определенную» и верно заключил, что «такого понятия о Всеобщей истории еще не было изложено у нас, на Русской земле» [16. С. 550].

Интересно, что многие авторы учебной литературы с вниманием относились к замечаниям критики и по возможности исправляли неточности, восполняли пробелы при переиздании учебников. Так, например, Смарагдов заметил, что в первом издании Шульгин «совершенно забыл о влиянии монархической власти, когда же ему это напомнили в “Московском телеграфе”, то и утверждение монархической власти получило место, в числе семи главных событий» [29. С. 75].

Ознакомление с учебным пособием Шульгина выявляет, что в первом издании автор обозначил всего шесть ключевых событий XIV–XV вв., «придавших Новой истории сей характер»: 1. Изобретение компаса. 2. Изобретение пороха. 3. Изобретение книгопечатания. 4. Взятие турками Константинополя. 5. Открытие Америки. 6. Открытие морского пути в Индию [14. С. 13–22]. После выхода рецензии в «Московском телеграфе» в переизданном пособии Шульгина, действительно, появился 7-й пункт – «Утверждение монархической власти в Европе в течении XV века» [30. С. 16–17]. Правда, ни в предисловии, ни в сноске автор не счёл нужным указать на заслугу журнальной критики в появлении столь существенно-го дополнения.

Как показало подробное рассмотрение статьи из «Московского телеграфа», рецензент предлагал Шульгину расширить список ключевых исторических событий не только за счет пункта о введении монархии, но и обозначить еще несколько значимых свершений, повлиявших на дальнейший ход Всеобщей истории. «Неужели менее важны были: Реформация и ограничение власти пап; <...> явление в мир Петра Великого и сближение России с Европой; изобретение газет и, следственно, выражение общественного мнения; освобождение Северной Америки; изобретение паровых машин и проч. и проч.?» – задавался вопросом автор «Московского телеграфа» [16. С. 551]. Судя по тому, как хорошо рецензент владел материалом, осмелимся предположить, что ее автором был Николай Полевой, выпустивший к этому времени уже пять томов своей «Истории русского народа», в которой история России рассматривалась по системе французских ученых, в частности Гизо и Мишле. Но перечисленные дополнения были проигнорированы Шульгиным. Скорее всего, это был обдуманный шаг. Автор учебника предпочел умолчать об остальных пунктах, так как последствия большинства из этих событий повлекли за собой революционные изменения в государственном и общественном устройстве разных стран. А подобные изменения совсем не встраивались в доминирующую в то время в России консервативно-охранительную концепцию развития общества по Уварову. Переживший идеологическую эволюцию интеллигент-чиновник, прошедший путь от умеренного либерала до убежденного консерватора-охранителя, пытался дозировать неизбежную рецепцию европейского просвещения ради сохранения установленного в России «порядка вещей», опираясь на три основополагающих принципа: «Православие – Самодержавие – Народность».

В целом анализ периодики первой трети XIX в. показывает, что на страницах таких разных по типу, направлению и составу журналов, как тяготеющие к энциклопедизму «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф», официальный «Журнал министерства народного просвещения», специализированный «Педагогический журнал», литературно-общественный «Телескоп», со второй половины 1820-х гг. единогласно декларировалась назревшая необходимость пересмотра взглядов на изучение и преподавание Всеобщей истории, приве-

дения самого понятия «Всеобщая история» в соответствии с мировыми стандартами, выработки четких правил для сочинения и изложения истории.

Традиционно историки русской журналистики рассматривают конфронтацию между «Московским телеграфом» Полевого, «Вестником Европы» Каченовского и журналами любомудров «Московским вестником» и «Московским наблюдателем» по вопросам эстетики, литературы и искусства [47. С. 211–214; 48. С. 109 и др.]. При сравнении же декларируемых этими изданиями историографических позиций становится понятно, что разногласий в сфере представлений о методах изучения и изложения истории между ними было не так много.

Периодика единогласно утверждала, что исходной точкой всех исторических рассуждений должна стать идея исторической закономерности, а главной задачей историка – отыскивание связей между событиями в истории, выявление этого закона и его модификации в условиях разных эпох и внешних обстоятельств. Со второй половины 1820-х гг. эти установки проходили лейтмотивом через большинство публикаций в периодике на исторические темы.

При этом очевидно, что исторические взгляды издателей и авторов журналов оказались намного более передовыми, чем представления о Всеобщей истории авторов учебных пособий. Критические рецензии в периодике выявляли несостоятельность устаревших руководств И.К. Кайданова и некомпетентность нового поколения сочинителей (Н. Кирова, А. Преображенского, А. Ветошникова). Последние часто не были знакомы с трудами современных западных авторов и, как результат, плодили анахронизмы и поверхностные суждения.

Авторы и издатели журналов, часто сами вовлеченные в исторические штудии, такие как Каченов-

ский, Погодин, Полевой, Смарагдов, активно включились в обсуждение недостатков учебных пособий. Среди наиболее часто высказываемых претензий было: 1. Отсутствие представления о причинно-следственных связях во Всеобщей истории. 2. Неумение выстраивать изложение (деление на эпохи и периоды и т.д.). 3. Перегрузка повествования массой несущественных фактов. 4. Неумение ориентироваться на целевую аудиторию.

Как показывает наше исследование, именно благодаря журналам второй половины 1820-х гг. – первой половины 1830-х гг., самым разным по типу, актуальные вопросы исторической науки оказались предметом обсуждения среди довольно широкой аудитории. А спровоцированная дискуссия, естественно, стала толчком для их дальнейшей разработки. Немаловажно также, что авторы пособий, рецензируемых периодикой, учитывали высказанные в их адрес замечания и исправляли ошибки в последующих переизданиях (Кайданов, Шульгин).

Ю.И. Венелин, М.А. Максимович, М.П. Погодин, Н.А. Полевой, С.Н. Смарагдов были не просто рецензентами, сторонними наблюдателями, но и практикующими преподавателями истории, исследователями, авторами исторических трудов. Они использовали самый широкий спектр периодических изданий в качестве трибуны для обсуждения важных для исторического цеха проблем. Именно благодаря тому, что в разных по типу изданиях оказались авторы подобной формации, мы можем констатировать, что периодика способствовала зарождению и усовершенствованию отечественной школы изучения и преподавания Всеобщей истории и шире – сыграла важную роль в становлении и развитии исторического знания и, соответственно, в процессе формирования национально-исторического сознания в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В XX в. за данной дисциплиной / разделом исторической науки закрепилось название «всемирная история», но для первой трети XIX в. наиболее характерно определение ее / его как «Всеобщая». Причем в подавляющем большинстве журнальных публикаций изучаемого периода, привлеченных к исследованию, как и в учебной литературе первой трети XIX в., использовалась форма данного слова с заглавной буквы. Это обуславливает написание «Всеобщая» с прописной буквы и в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Весин С.П. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб., 1881.
2. Дмитриев С.С. Проблемы источниковедения русской исторической периодики. М., 1972.
3. Афиани В.Ю. Публикации исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
4. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1: Журналистика в контексте науковтвочества в России XVIII–XIX вв. М., 1998.
5. Ущиповский С.Н. Российская историческая журналистика. СПб., 2012.
6. Бекетов П. Речь, читанная при открытии первого заседания вновь образованного Общества истории и древностей российских. М., 1811.
7. Степанов Г. Об истории вообще, предмете, цели и практическом изложении оной // Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 42. С. 438–454.
8. Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.
9. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1.
10. [Карамзин Н.М.] О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23. С. 261–268.
11. Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. : сб. ст. М., 2009.
12. Козлов В.П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Всемирная история и Восток : сб. ст. М., 1989. С. 203–222.
13. [Без подписи]. О публичных курсах в университетах на 1834–1835 академический год // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 2. С. 317–318.
14. Шульгин И. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. СПб., 1832.
15. Погодин М. Изображение характера и содержание истории трех последних столетий. [Соч.] Ивана Шульгина. СПб., 1831 // Телескоп. 1832. № 10. С. 237–252.
16. [Без подписи]. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. Соч. Шульгина. СПб., 1832 // Московский телеграф. 1832. № 8. С. 549–554.

17. Полевой. Благодарственная речь // Записки и труды Общества истории и древностей российских. 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 107–109.
18. Ертов И. О существе Всеобщей истории и критики // Северный архив. 1826. № 7. С. 268–283.
19. Средний-Камашев [Н.И.]. Взгляд на Историю как на науку // Вестник Европы. 1827. № 4. С. 241–256; № 18. С. 193–217; № 21. С. 3–19; № 22. С. 81–101.
20. Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006.
21. М.П. [Погодин М.П.] Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Соч. Кайданова // Московский вестник. 1827. № 21. С. 49–71.
22. М.П. [Погодин М.П.] Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. № 2. С. 109–116; № 23. С. 303–309.
23. [Полевой Н.А.] История Российско-Австрийской кампании 1799 г. Под предводительством генералиссимуса, князя Итальянского, графа А.В. Суворова-Рымникого, изданная Е. Фуксом. СПб., 1825 // Московский телеграф. 1826. № 12. С. 305–311.
24. Погодин [М.П.] Об ученом сословии и историческом его значении // Ученые записки Московского университета. 1834. № 1. С. 56–91.
25. М.П. [Погодин М.П.] История Пруссии до Фридриха Великого. Соч. Камилла Паганеля. Пер. с фр. СПб., 1831 // Телескоп. 1831. № 21. С. 109–117.
26. Максимович М.А. О русском просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского университета 1832 января 12 // Телескоп. 1832. № 2. С. 169–190.
27. Фишер А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия. Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета 20 сентября 1834 г. (пер. с фр.) // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 1. С. 28–68.
28. Краевский А. Об исторических таблицах В.А. Жуковского // Журнал министерства народного просвещения. 1836. № 6. С. 409–438.
29. Смарагдов [С.Н.] Изображение характера и содержания истории трех последних веков. Издание второе, исправленное и дополненное. [Соч. Шульгина.] СПб., 1833 // Педагогический журнал. 1833. № 9. С. 58–77.
30. Шульгин И. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1832.
31. Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 15.
32. Heeren. Ideenüber die Politik, den Verkehrrundden Handeldervornehmsten Volkerderalten Welt. Gottingen, 1803.
33. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1952. Т. 10.
34. Кайданов И.К. Руководство к познанию Всеобщей политической истории. СПб., 1823. Ч. 1.
35. Федорова Н.Г. «Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX века // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 74–91.
36. [Без подписи]. Historia powszechna krotko zebrana przez Iana Kaydanowa. Вильна. 1826 // Московский телеграф. 1826. № 14. С. 246–254.
37. М.П. [Погодин М.П.] Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Соч. Кайданова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1826 и 1827 // Московский вестник. 1827. № 21. С. 49–71.
38. Ветошников А. История древних азиатских и африканских царств. СПб., 1833.
39. Смарагдов [С.Н.] История древних азиатских и африканских царств, составленная Александром Ветошниковым. СПб., 1833 // Педагогический журнал. 1833. № 5. С. 63–91.
40. В.П. [Андросов В.П.] Сокращение Всеобщей истории, изданное для воспитанников Московского училища ордена Св. Екатерины. [Соч.] А. Преображенского. М., 1831 // Телескоп. 1831. № 8. С. 532–539.
41. Преображенский А. Сокращение Всеобщей истории, изданной для воспитанниц московского училища ордена св. Екатерины. Ч. 1. М., 1831.
42. Киров Н. Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану. М., 1834.
43. Венелин Ю. Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану Н. Кировым. Ч. I. М., 1834 // Телескоп. 1834. № 21. С. 316–322.
44. Смарагдов [С.Н.] Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану. [Соч.] Н. Кирова. М., 1834 // Педагогический журнал. 1834. № 7. С. 200–210.
45. Кайданов И. Учебная книга Всеобщей истории для юношества. СПб., 1839.
46. - онъ – инский [Белинский В.Г.] Учебная книга Всеобщей истории. СПб., 1834 // Молва. 1835. № 19. С. 310–316.
47. Есин Б.И. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 2013.
48. Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 мая 2019 г.

The Role of National Magazines of the First Third of the 19th Century in the Formation of Traditions of Universal History Studying and Teaching in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/446/1

Elizaveta E. Zamyslova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

Keywords: *Vestnik Evropy*; universal history; *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*; *Moskovskiy vestnik*; *Moskovskiy telegraf*; *Pedagogicheskiy zhurnal*; *Teleskop*.

Periodicals of the first third of the 19th century are analyzed in terms of their involvement in the discussion of historical knowledge in this article. The study examined 25 periodicals in which 600 publications on the topic of history were found. The analysis shows that such magazines as *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, *Moskovskiy vestnik*, *Moskovskiy telegraf*, *Pedagogicheskiy zhurnal* and *Teleskop* argued that a revision of views on the study and teaching of universal history was overdue in order to bring the very concept of universal history in accordance with world standards. In the course of this research, the author managed to determine how new rules of historical science were developed and systematized taking into account Western historical philosophical thought in the magazines. The authors and publishers of these magazines, who were often involved in historical studies, such as M.T. Kachenovsky, M.P. Pogodin, N.A. Polevoy, S.N. Smaragdor, actively joined the discussion of the flaws of universal history textbooks. Among the most frequent complaints were: (1) they lacked knowledge about the cause-effect relationships in universal history; (2) they lacked the ability to build an argument; (3) the narrative was overloaded with a lot of irrelevant facts; (4) they were unable to focus on their target audience. Critical textbook reviews in periodicals revealed the failure of the outdated textbooks by authors such as I.K. Kaidanov and the incompetence of the new generation of writers (N. Kirov, A. Preobrazhensky, A. Vetoshnikov). The latter often did not know the works of contemporary Western authors, and, as a result, they produced anachronistic and superficial judgments. As this study shows, the contemporary issues of historical science became a subject of discussion among a broad audience due to the diverse magazines of the second half of the 1820s – the first half of the 1830s. The discussion

became an impetus for these issues' further development. It is also important that the authors of the textbooks reviewed by the periodicals took the criticism into account and corrected the flaws in subsequent editions (Kaidanov and Shulgin). The author focuses on the fact that Yu.I. Venelin, M.A. Maksimovich, M.P. Pogodin, N.A. Polevoy and S.N. Smaragdov were not just reviewers and observers, but also practicing history teachers, researchers, authors of works on history. They used the periodicals as a platform for discussing important historical problems. Due to the fact that such persons published their opinions in different types of magazines, it can be stated that the periodicals contributed to the genesis and evolution of the studying and teaching of universal history in Russia.

REFERENCES

1. Vesin, S.P. (1881) *Ocherki istorii russkoy zhurnalistiki dvadtsatykh i tridsatykh godov* [Essays on the History of Russian Journalism of the 1820s–1830s]. St. Petersburg: Tipo-litografiya A.E. Landau.
2. Dmitriev, S.S. (1972) *Problemy istochnikovedeniya russkoy istoricheskoy periodiki* [Issues of Source Studies of Russian Historical Periodicals]. Moscow: [s.n.].
3. Afiani, V.Yu. (1982) *Publikatsii istoricheskikh dokumentov v otechestvennykh zhurnalakh pervoy treti XIX v.* [Publications of Historical Documents in Domestic Magazines of the First Third of the 19th Century]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Mokhnacheva, M.P. (1998) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka* [Journalism and Historical Science]. Vol. 1. Moscow: Russian State University for the Humanities.
5. Ushchipovskiy, S.N. (2012) *Rossiyskaya istoricheskaya zhurnalistika* [Russian Historical Journalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Beketov, P. (1811) *Rech', chitannaya pri otkrytii pervogo zasedaniya vnov' obrazovannogo Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Speech Delivered at the Opening of the First Meeting of the Newly Formed Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Tipografiya Beketova.
7. Stepanov, G. (1834) *Ob istorii vooobshche, predmete, tseli i prakticheskomo izlozhenii onoy* [On History in General, its Subject, Purpose and Practical Presentment]. *Syn Otechestva i Severnyy Arkhiv*. 42. pp. 438–454.
8. Uvarov, S.S. (1813) *O prepodavanii istorii otnositel'no k narodnomu vospitaniyu* [On Teaching History in Relation to Popular Education]. St. Petersburg: Tipografiya F. Drekslera.
9. Belinskiy, V.G. (1953) *Literaturnye mechtaniya* [Literary Dreams]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Karamzin, N.M. (1803) *O publichnom prepodavanii nauk v Moskovskom universitete* [On Public Teaching of Sciences at the Moscow University]. *Vestnik Evropy*. 23. pp. 261–268.
11. Andreev, A.Yu. (2009) "Ideya universiteta" v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) ["The Idea of the University" in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. In: Doronin, A.V. (ed.) *"Byt' russkim po dukhu i evropeytsem po obrazovaniyu": universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy XVIII – nachala XX v.* ["To be Russian by Spirit and European by Education": Universities of the Russian Empire in the Educational System of Central and Eastern Europe of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
12. Kozlov, V.P. (1989) *Status istorii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Status of History in Russia in the End of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. In: Piotrovskiy, B.B. (ed.) *Vsemirnaya istoriya i Vostok* [World History and the East]. Moscow: Nauka. pp. 203–222.
13. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (1835) *O publichnykh kursakh v universitetakh na 1834–1835 akademicheskiy god* [On Public Courses at Universities for the Academic Year 1834–1835]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1835. 2. pp. 317–318.
14. Shul'gin, I. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh stoletiy* [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
15. Pogodin, M. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhanie istorii trekh poslednykh stoletiy*. [Soch.]. Ivana Shul'gina. SPb, 1831 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. A Work by Ivan Shul'gin. St. Petersburg, 1831]. *Teleskop*. 10. pp. 237–252.
16. Moskovskiy telegraf (1832). *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh stoletiy*. Soch. Shul'gina. St. Petersburg, 1832 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. A Work by Ivan Shul'gin. St. Petersburg, 1832]. *Moskovskiy telegraf*. 8. pp. 549–554.
17. Polevoy. (1827) *Blagodarstvennaya rech'* [A Speech of Gratitude]. *Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh*. 3 (2). pp. 107–109.
18. Erto, I. (1826) *O sushchestve Vseobshchey istorii i kritiki* [On the Essence of World History and Criticism]. *Severnyy Arkhiv*. 7. pp. 268–283.
19. Sredniy-Kamashev, N.I. (1827) *Vzglyad na Istoriyu kak na nauku* [A View on History as a Science]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 241–256; 18. pp. 193–217; 21. pp. 3–19; 22. pp. 81–101.
20. Milyukov, P.N. (2006) *Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli* [The Main Trends of Russian Historical Thought]. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii.
21. Pogodin, M.P. (1827) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii*. Soch. Kaydanova [A Guide to the Learning of General Political History. A Work by Kaydanov]. *Moskovskiy vestnik*. 21. pp. 49–71.
22. Pogodin, M.P. (1827) *Istoricheskie aforizmy i voprosy* [Historical Aphorisms and Questions]. *Moskovskiy vestnik*. 2. pp. 109–116; 23. pp. 303–309.
23. Polevoy, N.A. (1826) *Istoriya Rossiysko-Avstriyskoy kampanii 1799 g. Pod predvoditel'stvom generalissimusa, knyazyza Italiyskogo, grafa A.V. Suvorova-Rymnikskogo, izdannaya E. Fuksom*. SPb, 1825 [History of the Russian-Austrian Campaign of 1799, Led by the Generalissimo, Prince of Italy, Count A.V. Suvorov-Rymniksky, Published by E. Fuks. St. Petersburg, 1825]. *Moskovskiy telegraf*. 12. pp. 305–311.
24. Pogodin, M.P. (1834) *Ob uchenom soslovii i istoricheskom ego znachenii* [On the Academic Estate and Its Historical Significance]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta*. 1. pp. 56–91.
25. Pogodin M.P. (1831) *Istoriya Prussii do Fridrikha Velikogo*. Soch. Kamilla Paganelya. Per. s fr. SPb, 1831 [The History of Prussia before Frederick the Great. A Work by Camille Paganel. Translated from French. St. Petersburg, 1831]. *Teleskop*. 21. pp. 109–117.
26. Maksimovich, M.A. (1832) *O russkom prosveshchenii. Rech'*, govorenaya v sobranii Moskovskogo universiteta 1832 yanvarya 12 [On Russian Enlightenment. A Speech Delivered on the Assembly of the University of Moscow on January 12, 1832]. *Teleskop*. 2. pp. 169–190.
27. Fisher, A. (1835) *O khode obrazovaniya v Rossii i ob uchastii, kakoe dolzhna prinimat' v nem filosofiya. Rech'*, proiznesennaya v torzhestvennom sobranii S.-Peterburgskogo universiteta 20 sentyabrya 1834 g. [On the Course of Education in Russia and Participation, which Philosophy Should Take in It. A Speech Delivered at the Ceremonial Assembly of St. Petersburg University on September 20, 1834]. Translated from French. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1. pp. 28–68.
28. Kraevskiy, A. (1836) *Ob istoricheskikh tablitsakh V.A. Zhukovskogo* [On the Historical Tables of V.A. Zhukovsky]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. pp. 409–438.
29. Smaragdov, S.N. (1833) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh vekov*. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. [Soch. Shul'gina.]. SPb, 1833 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. The Second Edition, Revised and Enlarged. [A Work by Shul'gin]. St. Petersburg, 1833]. *Pedagogicheskij zhurnal*. 9. pp. 58–77.

30. Shul'gin, I. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i sodержaniya istorii trekh poslednikh stoletiy* [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
31. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 15. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona).
32. Heeren, A.H.L. (1803) *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*. Göttingen: [s.n.].
33. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: USSR AS.
34. Kaydanov, I.K. (1823) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii* [A Guide to the Learning of General Political History]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
35. Fedorova, N.G. (2012) "Vospitanie istoriei" po gimnazicheskim uchebnikam v pervoy polovine XIX veka ["Education by history" According to Gymnasium Textbooks in the First Half of the 19th Century]. In: Dmitriev, A.N. (ed.) *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii. Formirovaniye predstavleniy o proshlom* [Historical Culture of Imperial Russia. Formation of Ideas about the Past.]. Moscow: Higher School of Economics. pp. 74–91.
36. *Moskovskiy telegraf*. (1826) *Historiya powszechna krotko zebrana przez Iana Kaydanowa*. 14. pp. 246–254.
37. Pogodin, M.P. (1827) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii*. Soch. Kaydanova. 3-e izd., ispr. i dop. SPb, 1826 i 1827 [A Guide to the Learning of General Political History. A Work by Kaydanov. The Third Edition, Revised and Enlarged. St. Petersburg, 1826 and 1827]. *Moskovskiy vestnik*. 21. pp. 49–71.
38. Vetoshnikov, A. (1833) *Istoriya drevnikh aziatskikh i afrikanskikh tsarstv* [History of Ancient Asian and African Tsardoms]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
39. Smaragdov, S.N. (1833) *Istoriya drevnikh aziatskikh i afrikanskikh tsarstv, sostavlenneya Aleksandrom Vetoshnikovym*. SPb, 1833 [History of Ancient Asian and African Tsardoms by Aleksandr Vetoshnikov. St. Petersburg, 1833]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 5. pp. 63–91.
40. Androssov, V.P. (1831) *Sokrashchenie Vseobshchey istorii, izdannoe dlya vospitannikov Moskovskogo uchilishcha ordena Sv. Ekateriny*. [Soch.]. A Preobrazhenskogo. M., 1831 [Reduction of the General History Published for the Students of the Moscow Academy of the Order of St. Catherine. A Work by A. Preobrazhenskiy. Moscow, 1831]. *Teleskop*. 8. pp. 532–539.
41. Preobrazhenskiy, A. (1831) *Sokrashchenie Vseobshchey istorii, izdannoy dlya vospitannits moskovskogo uchilishcha ordena sv. Ekateriny* [Reduction of the General History Published for the Students of the Moscow Academy of the Order of St. Catherine]. Vol 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
42. Kirov, N. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu* [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan]. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov.
43. Venelin, Yu. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu N. Kirovym*. Ch. I. M., 1834 [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan by N. Kirov. Part 1. Moscow, 1834]. *Teleskop*. 21. pp. 316–322.
44. Smaragdov, S.N. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu*. [Soch.]. N. Kirova. M., 1834 [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan. [A Work by]. N. Kirov. Moscow, 1834]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 7. pp. 200–210.
45. Kaydanov, I. (1839) *Uchebnaya kniga Vseobshchey istorii dlya yunoshestva* [Textbook on World History for Youth]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
46. - on" – inskiy [Belinskiy, V.G.]. (1835) *Uchebnaya kniga Vseobshchey istorii*. SPb, 1834 [A Textbook on World History. St. Petersburg, 1834]. *Molva*. 19. pp. 310–316.
47. Esin, B.I. (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Centuries]. Moscow: [s.n.].
48. Rudnitskaya, E.L. (1999) *Poisk puti. Russkaya mysl' posle 14 dekabrya 1825 goda* [Search for the Way. Russian Thought after 14 December 1825]. Moscow: Editorial URSS.

Received: 03 May 2019

С.С. Земичева, Е.В. Иванцова

ДИАЛЕКТНЫЙ КОРПУС КАК НОВЫЙ РЕСУРС ОБЛАСТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00320
«Томский диалектный корпус как новый ресурс для изучения народно-речевой культуры».*

Ставится вопрос об использовании электронного корпуса тестов в сфере диалектной лексикографии. Потенциал применения этого нового источника составления областных словарей проанализирован на примере работ томской диалектологической школы. Показано, какими информативными возможностями характеризуется Томский диалектный корпус при совершенствовании уже составленных ранее словарей среднеобских говоров и создании новых лексикографических трудов.

Ключевые слова: диалектный корпус; диалектная лексикография; томская диалектологическая школа; среднеобские диалектные словари.

Лексикография, имеющая многовековую историю, и корпусная лингвистика, входящая в ряд самых молодых междисциплинарных областей науки, активно развиваются в наши дни, демонстрируя актуальность этих направлений научного поиска. Процессы интеграции названных дисциплин привели к формированию корпусной лексикографии. На Западе данное направление разрабатывается с 60-х гг. XX в. Уже в этот период «в США и Европе крупнейшие лексикографические дома обратились к созданию корпусов литературного английского языка <...> для дальнейшего составления и издания словарей» [1. С. 17]. На рубеже XX–XXI вв. корпусная лексикография начинает развиваться и в России.

В этой области формируются два подхода. В первых, в качестве источника для составления словарей может использоваться уже существующий универсальный ресурс. В российской словарной практике чаще всего лексикографы обращаются к Национальному корпусу русского языка. На его основе в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН создан ряд экспериментальных словарей: «Грамматический словарь новых слов русского языка», «Новый частотный словарь русской лексики», «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени», «Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка» [2]. Кроме того, иллюстрации из НКРЯ включаются в лексикографические труды разных типов: «Академический толковый словарь» [3], «Активный словарь русского языка» [4], «Словарь служебных слов» [5], «Словарь русской пищевой метафоры» [6], региональный ономастический словарь [7] и др. Во вторых, для лексикографических целей может собираться специальный корпус. Так, корпус текстов А.П. Чехова был создан для авторского частотного словаря [8]. Корпусная лексикография внедряется и в диалектологические исследования: электронная база данных, близкая к корпусу, создана составителями «Архангельского областного словаря» [9]; в проекте корпуса коми диалектов предполагается составление на его основе электронного диалектного словаря [10].

Привлечение новых электронных ресурсов в словаростроении на данном этапе опережает осмысление источниковедческих возможностей корпусов для совершенствования уже существующих и составления новых словарных трудов. Очевидно, эта задача значима как для лингвистики в целом, так и для ее отдельных областей.

В настоящей статье вопрос о возможностях использования диалектного корпуса как источника составления областных словарей рассматривается на примере работ томской диалектологической школы.

Специфика этой школы многогранна [11]; одним из направлений деятельности, развивавшимся на протяжении всех лет ее существования, является лексикографическое. С 1964 г. издано более 40 словарей (в том числе многотомных), относящихся к 28 словарным типам (обзор см.: [12]). Ведется работа по составлению новых лексиконов; задумано также создание исправленной и дополненной версии толкового дифференциального словаря среднеобских говоров (ССГ) – первого из лексикографических трудов томских диалектологов, отразившего лексико-фразеологический состав диалектов Среднего Приобья по данным полевого архива 1946–1981 гг. в русле традиций диалектной лексикографии своего времени. Словарь представляет собой семитомное издание [СРСГ, Д-1, Д-2].

С 2010 г. параллельно с традиционной лексикографической деятельностью был начат новый проект – Томский диалектный корпус (ТДК). Его первоначальная концепция развивается и совершенствуется [13]; с 2016 г. работа по наполнению и разметке компьютерной базы данных под руководством С.С. Земичевой приобрела систематический интенсивный характер.

Источником создания корпуса служит диалектный архив кафедры русского языка Томского государственного университета, состоящий из трёх частей. Первая часть включает записи «от руки» 40–70-х гг., вторая – блокнотные расшифровки аудиозаписей 80-х – начала 2000-х гг., третья – расшифровки материалов новых экспедиций 2008–2018 гг., снабжённые звуковыми файлами.

Общий объём ресурса на сегодняшний день – свыше 1 400 000 словоупотреблений, из них 40% всего введенного и размеченного контента приходится на последнее десятилетие. Включенные в корпус новые экспедиционные материалы, собранные с применением технических средств и в большей мере, чем прежде, ориентированные на отражение непринужденной речи информантов, расширяют возможности электронного ресурса для словарной работы. Самые ранние записи нередко представляют собой фиксацию несвязных фрагментов речи, в том числе отдельных слов.

В ТДК реализованы три вида разметки: паспортная (место и год записи, сведения об информанте – в том числе возраст, пол, образование), иерархическая тематическая разметка и разметка по типу текста (спонтанные тексты: диалог, полилог, ситуативные вкрапления, спровоцированные тексты с ответами по вопросам); в дальнейшем предполагается также морфологическая и жанровая разметка. Кроме обозначенных параметров, возможен поиск слов по конкретной форме и по лемме. На данном этапе основная часть корпуса [ТДК] закрыта для широкого круга пользователей, в свободном доступе представлена его демоверсия [14].

На стадии апробирования этого ресурса изучаются в том числе его информативные возможности для использования в области словарной работы.

Было установлено, что корпус может служить для составителей диалектных словарей 1) источником нового текстового материала; 2) источником выявления новых единиц, подлежащих лексикографированию; 3) источником уточнения семантических, грамматических и функциональных особенностей слов и фразеологизмов, уже зафиксированных в среднеобских словарях.

Прежде всего для лексикографа представляют ценность отраженные в корпусе фрагменты диалектного дискурса, которые являются фундаментом любого областного словаря.

В течение длительного периода источниковая база диалектных словарей складывалась на основе ручных записей устной речи с широким привлечением сбора материала по опросникам. Такие особенности присущи и словарю среднеобских говоров, составители которого опирались на полевые данные 40–70-х гг. XX в.

Появление в экспедициях техники для аудиозаписи (в Томском государственном университете – с конца 70-х – начала 80-х гг. XX в.) существенно облегчило возможность точной фиксации речи диалектоносителей, в том числе связной монологической и диалогической речи, дало резкий прирост объема собранного архива текстов. Эти введенные в корпус материалы позволяют дополнить описание лексикографируемых единиц.

В ССГ некоторые слова были представлены без примеров употребления в речи старожилов. Словарные статьи такого типа давались в тех случаях, когда в результате ответа на вопрос «Что это?» был получен однословный ответ [СРСГ. Т. 1. С. 6]. Без иллюстративной зоны, например, описана лексема *бондарка*:

БОНДАРКА, и, ж. Бондарня. В.-Кет. Б. Яр (Том. В.-Кет)¹ [Д-1. Ч. 1. С. 39].

Новые данные ТДК дают возможность заполнить эту лауну. Ресурс содержит на сегодняшний день контексты, отражающие девять словоупотреблений лексической единицы: *Бонда'рить – человек кадки делат, бочки, у меня вот муж был бонда'рь, так всё делал, в бондарке работает* (Белый Яр, 1979); *Бондарка – это бо'ндарь там, бочки делает.* (Колпашево, 1982)² и др.

Корпус дает возможность дополнить словарные материалы примерами употребления слов в живой непринужденной речи. Так, словарная статья ЧЕЛЯДЬ в ССГ иллюстрируется только высказываниями старожилов, полученными в результате опроса:

ЧЕЛЯДЬ, и, ж. То же, что арда [дети³]. – Челядь – маленьких зовут. Челядь наберётся – это ребя'ты (Карг. Тым.). Всяко зовут: ребятишки и арда и челядь (Крив. Был.). Том. (В.-Кет. Колп. Крив. Пар.) [СРСГ. Т. 3. С. 224].

ТДК позволяет дополнить иллюстративную зону фрагментами спонтанного дискурса: *У отца – одна-нацать душ, у дяди – двенадцать душ. <...> Отец получал за их премии, похвальну грамоту давали. Челяди было много, много* (Нарга, 1984).

Расширяют возможности представления спонтанной речи в словаре отраженные в корпусе дискурсивные фрагменты общения жителей села между собой. Словарные статьи ССГ репрезентируют только монологические высказывания – как, например, в статье на фразеологизм *каку' (таку') беду*:

БЕДА ♦ КАКУ (ТАКУ) БЕДУ. Очень, сильно. – Раньше ежли добром пойдёт (невеста), дак плачет каку беду. Плачет, дак спасу нет (Том. Н. Ишт.). Гуляли вон каку беду (Кем. Пром. Ваг.). Закуталась каку беду, насдевала на себя (Кем. Яшк. Мох.). Хотели нас сфотографировать, директор таку беду разошёлся (В.-Кет. Мох.). Вот они с ней жить-поживать. Стал Иван Петрович с ней скучать, таку беду [из сказки] (В.-Кет. Кет.). Том. (В.-Кет. Том.). Кем. (Пром. Яшк.) [Д-1. Ч. 1. С. 25].

В корпусе можно найти иллюстративный материал с этим фразеологизмом в диалоге диалектоносителей: *Г.Д. Чё-то, однако, хочет разгуляться, ветер-то. В.П. Чё? Г.Д. Дак чё, он каку' беду рвёт. В.П. Рвёт, ии'бко? Г.Д. Ну. В.П. Поди, уж плёнку сорвал там. Г.Д. Дак а чё, за'просто, щас таку' беду рвёт.* (Вершинино, 1995). Пример демонстрирует также вариативность формы фразеологической единицы (*каку'/таку' беду*) в речи одного лица.

Актуальным для современной лексикографической практики представляется и более широкое включение в областные словари фрагментов дискурса, отражающих особенности материальной и духовной народной культуры. Корпус, включающий объемный массив текстов и охватывающий значительный временной диапазон, помогает лексикографу отобрать самые яркие, выразительные контексты, раскрывающие своеобразие народного быта, истории, традиций и обрядов, мировидения и миропонимания.

В словарной статье ЧИРОК, например, томскими лексикографами представлено ограниченное число

высказываний, позволяющих выявить семы «обувь с опушкой», «женская», «облегающая ступню»:

ЧИРОК, а, или у, м., чаще мн. **ЧИРКИ**. 1. См. чарок в 1-м знач. [кожаная женская обувь с опушкой и завязками]. – Чирки были с опушкой (Мол. В. Сор). Чирки – как глубоки калоши (Крив. Перш.). Ну, вот чирки были, как сейчас тапочки, их носили женщины (Кем. Яшк. Пача). Том. (повсеместно). Кем. (Мар. Яшк.). Даль. Доп.: Олон. (Каргоп.). Маляревский: черки. Молотилов. Осокин. Патканов и Зобнин: черки⁴ [СРСГ. Т. 3. С. 231].

Поиск по ТДК выдает контексты, в которых проявляются также семы «кожаный», «легкий», «кустарного производства», поясняется слово *опушка* как деталь чирков, описывается их изготовление: *У нас пермяки приезжали, все в лаптях, а у нас-то всё чирки' были. Сами же кожу каку'-нибудь обдерут да и сошьют чирки'. А они лёгоньки, небось наденешь, дак только пятки говорят. И красивы они были, опушают их, так и любо сглянуть-то.* (Баткат, 1967); *А на вечерку холщовые чулки наденем, не было же ничё. Чирки с опушками. Русские чирочки. [А опишите, из чего они делались?] А они делались, скотину били, мы делали кожу, отец сам шил чирки. Вот чирок такой, это из кожи, тут опушка вот такая, сделаем оборочки, сплетём. [А что за опушка?] А опушка, чтоб чирки затягивать, тут затянем, затягивали.* (Парабель, 2012). Представляет интерес пример, отражающий восприятие информантами этой обуви как сибирской (в сопоставлении с лаптями) и исконно русской (*русские чирочки*), хотя, по сведениям словаря М. Фасмера, название является заимствованным («из тур., крым.-тат., кумык., кирг.») [Фасмер]. В первом из высказываний, кроме того, вербализуется прагматическая (*лёгоньки; наденешь, дак только пятки говорят*) и эстетическая оценка (*красивы были; любо сглянуть*) этого вида обуви.

Предельно лаконичная иллюстрация употребления слова *хрестник* в одном из томов ССГ может быть дополнена зафиксированным в ТДК фрагментом диалектного дискурса, в котором детально описывается церковный обряд крещения ребенка, а также воспроизводится народный обрядовый текст «приговаривания» над младенцем с прогнозированием его счастливой судьбы. Ср.:

ХРЕСТНИК, а, м. Крестник. – Сестрин сын хресник мне ешшо (Кем. Пром. Ваг.). Том. (Том.). Кем. (Пром. Яшк.) [Д-1. Ч. 2. С. 256].

ТДК: [Как отмечают крестины?] *Ккуда родится ребёнок. Берут в церкву крёстных мужчину и женщину. В церкви кум приготовит купель, хрёсная воды тёплой и выльет в купель. А тоуды' ложат ребёнка в купель. Из купели вынимают и ложат на руки хрёстному, если мальчик, ежели девочка, то ложат на руки хрёстной. Ребёнка постригут, помажут миром головку и тело. Волоски и кусочек от свечки и бросают в купель. Если утонет, то ребёнок помрёт. Мальчика ностят за царские двери, а девочку нет. С церкви приедут, шубу вверх шерсту положат и приговаривают: «Мой хрестник как был под крестом, так чтоб стал под венцом. И как эта шуба космата, так*

был бы мой хрестник богатый». Уж а потом долго гуляют (Каргала, 1967).

Примеры такого рода могут быть полезны для составления лингвокультурологических словарей, в том числе концептоориентированных.

Корпусные данные позволяют также полнее отразить в современных лексикографических трудах такую неотъемлемую черту народной речи, как ее образность, широкое употребление диалектоносителями разнообразных выразительных средств текста – сравнений, метафор, фразеологизмов, вкраплений малых жанров фольклора. Этот материал для пополнения томских областных словарей был обнаружен в ТДК не только среди записей последних лет, но и в архивах ранних экспедиций.

Так, в ССГ присутствует архаизирующееся слово *шулю'кан/шулюка'н*, обозначающее в народной культуре ряженого в период празднования святок:

ШУЛЮКАН, а, м. Устар. То же, что *наряжунчик* [ряженный]. – В новый год бегали шулюканы, ворожили (Крив. Был.). Наряжали, одевали маски, называли шулюкан (Шег. Карг.). В святки шулюкан облокается. Если в хорошую одежду, то ряженный, а если махор какой страшной, то шулюкан (Мол. В. Сор.). Том. (Кож. Колп. Крив. Мол. Том. Шег.). Ср. Даль: шуликун арх. Опыт: шуликун Арханг. (Арханг.). Молотилов: шуликун [СРСГ. Т. 3. С. 242].

ШУЛЮКАН, а, м. Устар. Ряженный. – В старое время шулюканом идевались. Там чё попало на себя идевали. Охотница я была до этого. Гармонисты приходят, садятся на лавку, а шулюканы пляшут (Кем. Ягун.) [Д-2. Ч. 2. С. 207].

Вместе с тем не только в нем, но и в аспектном «Словаре образных слов и выражений сибирского говора» [СОСВ] образные употребления от этой лексики не представлены. Единственное сравнение *как шулюкан* дано в «Полном словаре диалектной языковой личности» [ПСДЯЛ. Т. 4. С. 341]. Корпус демонстрирует наличие в среднеобских говорах этого компаратива при обозначении человека, одетого в старую, рваную, грязную одежду (*В.П. Давно'шний халатик у тебя. А.П. Тamarin, аya. Наздева'юсь, как шулю'кан. В.П. Тепле'. А.П. Счас же Новый год. Ха-ха! Валя вот, у Коли там... grit: «Давай наряжаться, мы же в прошлом году-то наряжались!» Я грю: «Да мы и так наряжены, то'ко лицо вымазать сажей, да и всё»* (Вершинино, 1995); *Кото'ры в Святки наряжались. <...> Ты как шулюка'н грязный да махрявый.* (Каргала, 1958) и языковой метафоры с близким значением, используемой как бранное слово (*В святки-то наряжались, маскировались, наряженный. Шулю'кан было прозвище, когда одетый плохо* (Трубачёво, 1958); *Шулю'кан идеть плохо, всё отец говорил на ребятишек, на взро'слав так не говорили.* (там же)). В электронном ресурсе отмечен также цитируемый диалектоносителем текст, который, вероятно, является прецедентным: *Рождество' от четырнадцатого по-новому ворожили. В дом молодёжь наряжалась в шулюка'ны: кто махрявый, кто какой. «Эх, на хлеб на соль, на угольну лучину». Кто солому в рот наберёт, кто частокол наберёт.* (Баткат, 1983).

В составе прецедентных текстов диалектного корпуса наиболее частотны пословицы и поговорки. Возможность обращения лексикографа к тексту, в котором обнаружена паремия, позволяет выявить ее семантику, типичные ситуации употребления, речевые трансформации, которые обычно не комментируются в словарях.

В ТДК, например, встречается пословица *живёт кошка, живёт и собака...*: Н.Н. *Этих подсадных чучело'в-то [о чиновниках] там до фи́га' же сидит, в кабинетах. И каждому хоть по миллиону дай, и то – сколь кабинетов по миллиону опять.* Г.Д. *Ну чё сде'лашь? Ницё не сде'лашь.* В.П. *Живёт, гыт, кошка, живёт собака – и мы так живём* (Вершинино, 1995); *Вижу всё как в тумане <...>. Я различить никого не различу уж. Живу. Живёт кошка, живёт собака – и я живу. Вот так вот, всяки живут. Чё я сделаешь, жить надо* (Асино, 2017). Отраженные в корпусе фрагменты дискурса показывают, что народный афоризм вербализуется говорящим после констатации им или его собеседником какого-либо положения дел, которое является нарушением нормы, вызывает дискомфортное состояние. Паремия декларирует невозможность изменения этого положения, призывает к смириться с ним; ее смысл поддерживается репликами *Чё сделаешь? Ницё не сделаешь; Чё я сделаешь, жить надо*. В паремиологической единице наблюдается вариативная мена форм множественного и единственного числа, возможность эллипсиса наречия *так* (мы так живём / я живу).

Такого рода контексты могут быть востребованы при составлении словарей прецедентных текстов.

Корпус позволяет выявлять новые диалектные единицы, оставшиеся за пределами областных словарей.

Среди них есть новые слова, лексико-семантические варианты (в том числе образные), формальные варианты, однокорневые лексемы к уже зафиксированным, а также новые фразеологические единицы. Ресурс, предоставляющий возможность ознакомления с широким контекстом, помогает также наиболее точно определить их значение.

Одним из слов, ранее не представленных ни в одном из словарей среднеобского региона, стало *клёк*, встретившееся в рассказах диалектоносителей о детских играх: *Мы играли, в догоня'шки играли.* [Угу.] *В клёк. Ямку выкапывали, вот такая вот чурочка, и вот палками били, нету шевяка' этого, палочки, шевя'к, а-а-а, какие игрушки были у нас?* (Большая Саровка, 2016); А.И. *Ну игры у нас какая? Клёк. Клёк называлась.* А.В. *Клёк, ага. А.И. По ногам не раз получал. [Смеётся] А.В. Ставят такую чурочку, маленькую, вот, делают там значит кружок, очерчивают, ставят эту чурочку вот такую небольшую, а здесь эти, также как у городков эти вот были, ну и вот, по порядку встают, ну пацаны то в основном в клёк играли, и вот кто собьёт. Вот, вот такая игра. <...> Вот с этого клёка и пошли городки.* (Большая Саровка, 2016). У В.И. Даля это существительное дано с толкованием «игра городки или чурки» [Даль. Т. 2. С. 115]; в СРНГ это объединенное толкование разде-

лено на два самостоятельных значения [СРНГ. Вып. 13. С. 275]. Примеры ТДК указывают на то, что *клёк* является модификацией *городков*; в такой игре на селе могли использоваться различные подсобные средства – от *чурочек* до *шевяков* (засохшего помета коров или лошадей).

В корпусе возможно обнаружение новых значений у диалектных лексем, уже включенных в созданные словари.

Так, в ССГ слово *жарница* отмечено при обозначении домашней утвари и посуды:

ЖАРНИЦА, ы, ж. То же, что жарник [совок для выгребания углей]. – Жарницей у нас зовётся, на которую уголь подгребаем (Кож. Елг.). Том. (Кож.) [Д-1. Ч. 1. С. 135].

ЖАРНИЦА, ы, ж. (Уд.?). Посуда для жаренья. – Жарница – жаровня, шумовка (Кож. Елг.) [Д-2. Ч. 1. С. 101].

Контекст из ТДК отражает новый ЛСВ «количество продукта, изжаренного за один раз»: *Щас рыбаку помаленьку. Запрещают ведь ловить. Если быть членом Общества охотников и рыболовов, тогда одну сеть разрешается ставить, да и то место укажут, а там сетей полно, а рыбы-то и нет. Я вот чебачков только на жа'рницу одну ловлю.* (Зырянское, 1982).

В числе выявленных встречаются диалектные ЛСВ, базирующиеся на метафорическом переносе от общерусских единиц. ТДК фиксирует, например, у слова *горох* значение «множество маленьких детей» в высказывании *Ой-ой-ой, сколько. Десять нас, представляешь от. Горох. Ну и дисциплина была* (Шестаково, 2014). С этой же семантикой лексема отмечена в «Архангельском областном словаре» [АОС. Т. 9. С. 363].

Корпус позволяет выявлять также формальные варианты уже лексикографированных слов.

В ТДК обнаружены, к примеру, контексты со словами *частогово'р* / *частого'говор*, находящимися в отношениях формального варьирования с отмеченным в ССГ существительным *частоговорка*:

ЧАСТОГОВОРКА, и, ж. Человек, который быстро говорит. – Это затрешшала частоговорка (В.-Кет. М. Яр.). Том. (В.-Кет.). Ср. Даль: частоговорка, нвг., пен. Скороговорка. Опыт: частоговорка – скороговорка. Новгород. (Тихв.), Псков. (Опоч.). Доп.: частоговорка – красноречие. Псков., Твер. [Д-1. Ч. 2. С. 262].

ТДК: *Бра'жники нас звали частогово'рами. Быстро говорим.* (Корнилово, 1965); *Они нас звали частого'говоры. Говорили мы быстро* (Там же).

Как и в случае с лексико-семантическими вариантами, в корпусе встречаются также новые формальные варианты от общерусских единиц. Например, в недифференциальный словарь диалектоносителя из Среднего Приобья включено слово *купель* «сосуд для крещения ребенка» [ПСДЯЛ. Т. 2. С. 111]. ТДК отражает формы *купе'ля* и *купа'льня*, совпадающие с лексемой *купель* по семантике, но отличающиеся от нее составом морфем и грамматическими характеристиками: *Раньше это купеля такая была большая, как ванна большая.* (Цыганово, 1982); *Крестили в церкви, венчали как там – я это видел. Ну поп, он стоит на всю трибуну, он чита'т. Они, ну, те что же'няются, стоят. На их венки та-*

ки' красивые. Он берёт их и вокруг купальни обведёт. (Парабель, 1985); В церкви кум, кума, вот ребёночка вот так на простыню кладут, несут кругом этой купальни (Молчаново, 1978).

По мере выявления лакун в составе гнезд однокоренных слов рассматриваемый электронный ресурс позволяет лексикографу отразить в областном словаре словообразовательные связи лексем, репрезентирующие диалектную систему:

РАСПРЕТИТЬ, чу, тишь, что, сов. Разрешить, отменить запрет. – На их охоту запретили, нонче должны распретить их много стало (Пар. Вял.). Том. (Пар.). [СРСГ. Т. 3. С. 103]. ТДК: Гоняли, не давали бить. А сколько шишки было, ужас! [А почему не давали?] А вот не давали, чтоб до распре'та. А какой распре'т ждать, кода' есть охота (Парабель, 2012).

МЯКАТЬ, аю, аешь, несов. См. мявкать [мявкать]. – Кошка мякат (Колп. Чал.). А кот у нас не мякат (В.-Кет. Кет.). Том. (В.-Кет. Колп.). Кем. (Кем.) [СРСГ. Т. 2. С. 163]. ТДК: Кошка – мя'кат же, кошка, говорят, замя'кала, под ногами так въётся, ей исть надо, вот и мурлычет, мя'кат она. (Баранакново, 1979).

Кроме представленных в примерах новых отглагольных существительных (распре'т) и глагольных приставочных дериватов (замя'кать), в корпусе часто обнаруживаются диминутивы к лексикографированным ранее единицам (годови'к «годовалый ребёнок» [Д-2. Ч. 1. С. 69] – годовичо'к), отыменные прилагательные (горница «чистая половина крестьянского дома» [Д-1. Ч. 1. С. 100] – горничный «расположенный в горнице») и др.

Корпус также дает возможность расширения круга лексикографируемых устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, объединенных каким-либо опорным словом.

Наряду с представленным в ССГ фразеологизмом на голые зубы, ТДК выдал три словоупотребления выражения на голую кочку:

ГОЛЫЙ ♦ НА ГОЛЫЕ ЗУБЫ. Ничего не имея. – Приехавшие-то на голые зубы забрались и уехать нельзя. Много забрано; отработай и поезжай (Крив. Ник.) [Д-2. Ч. 1. С. 71].

ТДК: Спомню, как жили. Сестрёнка от голода замуирала. От голоду столь народу погибало. Отец хлебопашеством занимался. Выслали на голую кочку. (Тискино, 1971); В тридцать шестым году колхоз открывался, отец не пошёл в колхоз, раскулачили опять. Мы опять на голой кочке (Нарга, 1984); Родители на... с Курска. Мы курские. Вот. [А как они сюда переехали?] Они как переехали? Они переехали... кто-то, кто-то, кто-то переехал. Приехали на голую кочку. Вот. Потом они, эти деды', вызвали се'мью свою, родню. Потом... дядьку нашего с тёткой они вызвали суда'. Что ты! Тут лес, тут земля, тут всё, угодыя (Мельниково, 2018).

Это устойчивое словосочетание дано в «Словаре русских народных говоров» и «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» с дефинициями «приехать на пустое место» [СРНГ. Вып. 15. С. 133], «экспрессивн. На пустое место (переселиться)» [ФС. С. 97]. С учетом всех предложенных ранее толкова-

ний наиболее точным представляется определение «о переселении на новое место без всякого имущества».

Выборка не отраженных до настоящего времени в среднеобских диалектных словарях единиц с привлечением ТДК дала:

а) слова, совпадающие по форме и значению с представленными в некоторых русских областных словарях. К их числу относится, например, кувя'кушка: [А родители Ваши не были против?] Мама-то сильно не хотела, нет. Ну, говорит: «Вот я мучилась, вас ро'стила, об вас плакала, ты росла у меня, и вдруг, какой-то с Камы, с Волги приехал, приживёт тебе кувя'кушку, бросит тебя, и останешься ты, будешь мучиться» (Молчаново, 1978). Лексема есть в [СРНГ. Вып. 15. С. 393];

б) единицы, которые близки по форме и семантике отраженным в диалектных лексикографических трудах, но не тождественны им. Одна из них – тю'лька в контексте из корпуса Тюлька – бревно коротенько. Ну тюлька! – Бестолковое бревно! (Белый Яр, 1979). Здесь одновременно представлены и прямое значение «толстый обрубок бревна», отмеченное в [СРНГ. Вып. 46. С. 22], и переносное «о глупом, бестолковом человеке». Метафорический ЛСВ в сводном «Словаре русских народных говоров» несколько иной – «о малообразованном человеке» [Там же. С. 23], хотя довольно близок к выявленному в ТДК;

в) слова, которые не фиксируются ни в известных нам диалектных словарях, ни в словарях литературного языка. В качестве примера можно привести глагол скондаши'ть: В доме – ни окон, ни дверей, без потолка и без полу. Избёнку скондаши'ли и сбили (Нарга, 1984). Контекст позволяет сформулировать толкование «сделать быстро, наспех». Возможно, глагол родственен просторечному выражению с кондачка или диалектным лексемам сгоношить «сберечь, собрать» [СРСГ. Т. 3. С. 131], гоноши'ть «готовить наскоро» [Д-1. Ч. 1. С. 98]. В СРНГ есть вокабулы сканды'рить «завести, приобрести что-л.» [СРНГ. Вып. 37. С. 385] и скондыря'ть «быстро сделать, смастерить что-л.» [СРНГ. Вып. 38. С. 76], отчасти напоминающие интересующую нас единицу и по форме, и по значению.

Квалификация подобных употреблений в качестве узуальных диалектных либо окказиональных требует привлечения как можно более широкого круга словарных и корпусных источников в сочетании с экспериментальными исследованиями. Эти материалы могут быть полезны для дополнения как среднеобских диалектных словарей, так и сводных областных словарей.

Диалектный корпус может служить источником дополнения и уточнения уже изданных лексикографических трудов.

Корпусные данные в некоторых случаях помогают лексикографу более полно и точно сформулировать толкование значения диалектных единиц.

Так, толкование названия растения косарик дано в ССГ предположительно, со знаком вопроса:

КОСАРИК, а или у, м. Одуванчик? – Косарики – маленькие, жёлтые, они отцветут – пухнатынькие, листочки маленькие, дунешь – разлетятся (Кем. Мар.

М. Ант.). Кем. (Мар.). Ср. Даль: косарики... раст. ди-
кая герань [Д-1. Ч. 1. С. 213].

ТДК подтверждает это предположение: *Ало'й – до'хтур. Девичья краса – Ванька мокрый. Берёзка. Стекля'ночка. Одуванчик – коса'рик* (Колеул, 1960).

Автоматизированный поиск в корпусе по лемме в ряде случаев уточняет представление о заглавной форме слова и его грамматических характеристиках. Глагол *аннулировать*, в частности, был реконструирован составителями ССГ на основе двух примеров с причастиями. Остался открытым вопрос и о переходности лексемы:

АННУЛИРОВАТЬ, рую, руешь, кого? что? сов., прич. АННУЛИРОВАН. Уничтожить, убрать. – Избушки аннулированы (Том. Губ.). Номер, он не застроены, отведена земля, а хозяева аннулированы куда-то (Том. Губ.). Том. (Том.) [Д-1. Ч. 1. С. 16].

Корпус подтвердил достоверность этой реконструкции наличием контекста *Когда объединяли колхозы, их всех в одну согнали. Это тоже ни к чему, деревни аннулировали, каждая деревня по-своему жила* (Вершинино, 1991). Пример указывает и на правомерность постановки пометы *что* при характеристике переходности.

Широко распространенным в говорах явлением можно считать вариантность форм имени при словоизменении. ССГ использует в словарных статьях функционально-грамматическую помету «чаще...», но только при описании зоны заглавия (САБОГ, а или у, м. чаще мн. САБОГИ. Сапог [СРСГ. Т. 3. С. 118]; ОШУРОК, рка или рку, м., чаще мн. ОШУРКИ. Шкварки [Д-1. Ч. 2. С. 62] и др.). Корпус позволяет не только выявить варианты словоформ, но и установить наиболее частотные из них, отразив эту информацию в грамматической зоне словарной статьи.

Продемонстрируем это на примере лексикографического представления слова *боярин*, для которого типична множественная вариативность словоформ Им. падежа мн. числа:

БОЯРИН, а, м, мн. бояра, бояры, бояре, боярины. – Устар. То же, что бояр [участник свадебного обряда, гость на свадьбе]. – Бояры – мушшны, штук по пятнадцать, знакомы и родственники (Крив. Чаг.). Утром бояры садятся за стол, их в тот момент величают, бояров (В.-Кет. Мох.). Бояре кладут деньги (Том. Б.-Прот.). Боярин, тысяцкий – это хрёсный (Туг. Сем.). Дружка, тысячник и их товаришсы всем по цветочку втыкают. Это всё боярины (Кем. Мар. Тюм.). Бояра – все поезжане. Придут невесту брать – это всё бояра (Кем. Яшк. Кос.). Том. (повсеместно). Кем. (Кем. Мар. Юрг. Яшк.). Даль [СРСГ. Т. 1. С. 48].

Материалы ТДК указывают на преобладание в Им. мн. формы *бояры* (19 словоупотреблений); прочие низкочастотны. Данные такого рода важны не только для толковых дифференциальных словарей, но и для словарей полного типа.

Тексты корпуса в ряде случаев также помогают уточнить сведения о слове в зоне функциональных помет.

Для многих лексем, имеющих в ССГ помету «фольклорное», в ТДК обнаружены свидетельства их

употребления не только в малых жанрах устного народного творчества, но и в спонтанной бытовой речи. Ср.:

ДОЧЕРЬ, и, ж. Фолькл. Дочь. – Дочь моя родненькая, куда ты нас спокинула? (из песни) (Кож. Кож.) Она ходит, свою дочь Любушку побуживает... (из песни) (Кем. Мар. М. Ант.) [Д-1. Ч. 1. С. 124].

ТДК: *А дочерь счас за другим живёт <...> дочерь дом выкупила, зовёт к себе, сенки отдельно, коллдорчик, на Черемошниках дом-то купила, огородик есь, содит немного так и картошки, да там и колодец пробитый. Хороший домшка* (Баткат, 1983).

Аналогичные факты обнаружены в отношении слов *болю'чий, де'тушки, ра'денький* и др.

Паспортная разметка корпуса содержит также сведения об области, районе и населенном пункте, где записан тот или иной текст. Такая информация позволяет уточнить зону локальных характеристик слов с учетом новых экспедиционных материалов. Лексема *кошева* в значении «лёгкие глубокие сани с высоким задком, обшитые рогожей или кошмой», например, дана в СРСГ с локальными пометами семи районов Томской и Кемеровской области: Асиновского, Верхне-Кетского, Зырянского, Колпашевского, Кривошеинского, Парабельского и Юргинского [СРСГ. Т. 2. С. 101]. ТДК отразил также примеры употребления единицы в Кожевниковском, Молчановском, Томском, Крапивинском, Шегарском районах: *Кошевы – это у которых ездют, маленьки кошёвочки* (Кожевниково, 1963); *Потом запрягли лошадей, кошева' – такие же полозья, как у саней, только у'же, с сиденьями, с кучером* (Молчаново, 1975); *У меня тоже кошева была. Новый год справляли – Дед Мороз, Снегурка нарядаются, из деревни в деревню ездют* (Вершинино 1982); *Была кошёвка, сани, полусани, кошева, пролётки, простая телега, на железном ходу, брички* (Крапивино. 1968); *Потом повезут к венцу в кошеве', наря'дют* (Мельниково, 1984).

Итак, диалектный корпус, приходящий на смену рукописным архивам записей народной речи и традиционным картотекам, может быть взят на вооружение лексикографами в целях оптимизации словарной работы. Его материалы позволяют совершенствовать уже созданные областные словари, уточнять особенности семантики, грамматики, функционирования включенных в них лексико-фразеологических единиц. Корпус служит для составителей словаря источником выявления новых слов и выражений, которые обнаруживают многообразные виды связей с уже зафиксированными единицами, что дает возможность заполнения лакун в репрезентации диалектной лексической системы. Наконец, текстоориентированный электронный ресурс является бесценным кладом фрагментов диалектного дискурса, сохраненных для наших современников и потомков. Наличие текстов, зафиксированных на протяжении многих десятилетий, в том числе при помощи современных технических средств, будет способствовать составлению областных словарей нового поколения с более широким отражением спонтанной речи, сведений о составляю-

щих народной культуры, расширением круга помет и параметров описания диалектного слова, включением статических данных. К перспективам применения диалектного корпуса следует отнести создание лексикографических трудов новых типов: лингвокультурологических словарей, словарей диалектной концептосферы, словарей речевых жанров, прецедентных текстов и др. Развитие корпусной лексикографии, несомненно, послужит совершенствованию теории и практики словарного дела.

логических словарей, словарей диалектной концептосферы, словарей речевых жанров, прецедентных текстов и др. Развитие корпусной лексикографии, несомненно, послужит совершенствованию теории и практики словарного дела.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. М. : Изд-во МГУ ; Наука, 1980–2017. Т. 1–18; издание продолжается.
Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1989–1991. Т. I–IV.
Д-1 – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1, 2.
Д-2 – Среднеобский словарь: (Дополнение) / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. Ч. 1, 2.
ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л./СПб. : ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016. Вып. 1–26; издание продолжается.
ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
СОСВ – Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. М., Л., СПб. : Наука, 1965–2016. Вып. 1–49; издание продолжается.
СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
ССГ – толковый дифференциальный словарь среднеобских говоров (выпуски СРСГ, Д-1 и Д-2 в совокупности).
ТДК – Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 03.07.2019). Доступ для зарегистрированных пользователей.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1986. Т. I–IV. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmers> (дата обращения: 03.07.2019).
ФС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Локальные пометы в словарных статьях указывают на районы и населенные пункты Томской и Кемеровской области, входящие в Среднее Приобье.
- ² При контекстах из корпуса приводятся название населенного пункта среднеобского региона и год записи.
- ³ После отсылочных толкований в квадратных скобках указано значение диалектного слова в словарной статье, к которой дана отсылка.
- ⁴ В заключительной части словарных статей СРСГ приводились сведения из словарей и этнографических очерков о Сибири XIX – начала XX в., по которым составители проверяли лексикографируемые единицы; в дополнительных выпусках словаря (Д-1, Д-2) в связи с началом публикации СРНГ результаты проверки в издание уже не включались.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маник С.А. Современная корпусная лексикография: особенности и перспективы развития // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (9). С. 17–20.
2. Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru/> (дата обращения: 01.07.2019).
3. Академический толковый словарь русского языка / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. Т. 1, 2.
4. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. А–Б. 408 с.
5. Служебные слова в лексикографическом аспекте / Е.А. Стародумова [и др.]; отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Электрон. дан. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экрана.
6. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015–2017. Т. 1, 2.
7. Бубнова Н.В. Возможности использования материалов Национального корпуса русского языка при составлении региональных ономастических словарей // Современные проблемы лексикографии : материалы конф. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 26–27.
8. Потемкин С.Б. Авторский корпус и словарь языка Антона Чехова // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2015». СПб. : Изд-во СПбГУ, 2015. С. 382–389.
9. Качинская И.Б., Крылов С.А. Диалектная лексикография: электронная картотека «Архангельского областного словаря» // Диалог-2010. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 169–172.
10. Некрасова Г.А. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов // Финно-угорский мир. Саранск, 2010. № 1 (6). С. 13–16.
11. Томская диалектологическая школа: историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
12. Иванцова Е.В. Тенденции развития русской диалектной лексикографии в зеркале локальной системы словарей // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 2018. № 2. С. 5–14.
13. Земичева С.С., Иванцова Е.В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.
14. Томский диалектный корпус – демоверсия. URL: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (дата обращения: 20.06.2019).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2019 г.

A Dialect Corpus as a New Resource of Regional Lexicography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 15–22.

DOI: 10.17223/15617793/446/2

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: dialect corpus; dialect lexicography; Tomsk School of Dialectology; Middle Ob dialect dictionaries.

The article raises the problem of integrating the achievements of lexicography and corpus linguistics. The question of the possibilities of using a corpus as a source for compiling dictionaries is considered on the example of the works of the Tomsk School of Dialectology: a large series of dictionaries of dialects of the Middle Ob region and an electronic dialect corpus representing an archive of records made during dialectological expeditions in the same region (1946–2018; texts with 1,400,000 word usages have been entered and tagged in the corpus). It has been established that the corpus serves as a valuable source of new text materials for compilers of dialect dictionaries. The Central Ob dictionaries, created on the basis of hand-written field records of the 1940s–1970s, have a large proportion of concise examples and metatext illustrations. Fragments of dialect discourse fixed in the corpus (including using technical tools) give lexicographers the possibility of a wider reflection of the live spoken language of dialect speakers. The electronic resource provides illustrative material that reveals the originality of folk life, history, traditions and rites, world view and perception. The corpus data also make it possible to more fully reflect the figurativeness of folk speech, the dialect speakers' broad use of comparisons, metaphors, idioms, small genres of folklore in modern lexicographic works. The corpus is a source of identifying new units remaining outside the regional dictionaries. Among them, there are new words and idioms, as well as formal, lexical-semantic variants and single-root derivatives of the already described words. Their inclusion in the dictionary fills the gaps in the lexicographic representation of the dialect lexical system. In addition, the corpus data can be used as a source for supplementing and specifying the already published lexicographical works. The content of the text-oriented dialect corpus helps the lexicographer to more fully and accurately formulate the interpretation of the meaning of dialect units, specify their grammatical characteristics (including taking into account the frequency of variant word forms), functional features and local prevalence, which allows refining the corresponding areas of dictionary entries. Thus, the dialect corpus, which replaces the handwritten archives of folk speech recordings and traditional card indexes, can be adopted by lexicographers in order to optimize their work on dictionaries. Its materials will help to improve the already created regional explanatory dictionaries and will become a support in the compilation of new generation dictionaries with a broader reflection of spontaneous discourse, with more information about folk linguistic culture, with more labels and description parameters of the dialect word, and with the inclusion of static data. The prospects for the use of the dialect corpus include the creation of new types of lexicographic works: linguoculturological dictionaries, dictionaries of the dialect conceptosphere, dictionaries of speech genres, precedent texts, etc.

REFERENCES

1. Manik, S.A. (2016) Contemporary corpus lexicography: peculiarities and perspectives of development. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 3 (9). pp. 17–20. (In Russian).
2. Russian National Corpus. (2008) *Slovari, sozdannye na osnove Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Dictionaries Created on the Basis of the Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/>. (Accessed: 01.07.2019).
3. Krysin, L.P. (ed.) (2016) *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1, 2. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
4. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Starodumova, E.A. et al. (eds) (2017) *Sluzhebnnye slova v leksikograficheskoy aspekto* [Functional Words in the Aspect of Lexicography]. [CD-ROM]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
6. Yurina, E.A. (ed.) (2015–2017) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphor]. Vols 1, 2. Tomsk: Tomsk State University.
7. Bubnova, N.V. (2015) [Possibilities of Using Materials of the Russian National Corpus when Compiling Regional Onomastic Dictionaries]. *Sovremennyye problemy leksikografii* [Modern Issues of Lexicography]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 27–30 April 2015. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 26–27. (In Russian).
8. Potemkin, S.B. (2015) [The Author's Corpus and Dictionary of the Language of Anton Chekhov]. *Korpusnaya lingvistika – 2015* [Corpus Linguistics – 2015]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 22–26 June 2015. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 382–389. (In Russian).
9. Kachinskaya, I.B. & Krylov, S.A. (2010) Dialektnaya leksikografiya: elektronnyy kartoteka "Arkhangelskogo oblastnogo slovary" [Dialect Lexicography: Electronic File Cabinet of the "Arkhangelsk Regional Dictionary"]. In: *Dialog-2010. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Dialogue–2010. Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. 9 (16). Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 169–172.
10. Nekrasova, G.A. (2010) Elektronnyy dialektnyy korpus kak resurs sokhraneniya i izucheniya komi dialektov [Electronic Dialect Corpus as a Resource for the Preservation and Study of Komi Dialects]. *Finno-ugorskiy mir – Finno-Ugric World*. 1 (6). pp. 13–16.
11. Blinova, O.I. (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskii ocherk* [Tomsk School of Dialectology: a Historiographical Essay]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Ivantsova, E.V. (2018) Development Trends in the Russian Dialectal Lexicography in the Mirror of the Local System of Dictionaries. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2. pp. 5–14. (In Russian).
13. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2018) The Project of Tomsk Dialect Corpus in Keeping with Trends of Corpus Linguistics Development. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 192–205. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/64/18
14. *Tomskiy dialektnyy korpus – demoversiya* [Tomsk Dialect Corpus – Demo Version]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo> (Accessed: 20.06.2019).

Received: 15 May 2019

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Представлены результаты лингвокогнитивного анализа возможностей имен существительных разных лексико-грамматических разрядов и разных лексико-семантических и тематических групп в передаче пропозициональной семантики. Способность существительного отражать ситуацию, т.е. воплощать в речи пропозициональную семантику, объясняется фактом непосредственной связи языковых единиц с ментальными, в данном случае связи субстантивного слова с его лексической семантикой и концепта-пропозиции.

Ключевые слова: имя существительное; концепт; ситуация; пропозиция; сценарий (скрипт); когнитивная семантика; связь языковых и ментальных единиц.

Введение

В современной лингвистической ситуации лингвокогнитивная парадигма является одной из наиболее активно развивающихся и многообещающих. Вслед за Е.С. Кубряковой [1], Г.Н. Манаенко [2. С. 112] обосновывает этот подход к изучению языка следующим образом: «Сущность когнитивного подхода к языку <...> заключается в постоянном соотношении разных форматов знания с объективирующими их языковыми формами, а любое языковое явление должно рассматриваться и в плане когниции, и в плане коммуникации». В результате исследований открывается широкая картина взаимосвязи ментальной и речевой деятельности применительно к единицам разных уровней языка.

Объектом нашего исследования является связь ментальных и языковых единиц, репрезентирующих знания о действительности.

Как известно, одним из способов концептуальной организации знания в сознании человека является пропозиция, структурирующая знание о ситуации в целом и, следовательно, фиксирующая осмысление любой реалии с точки зрения ее роли в типовой ситуации. В рамках определения этого термина Ю.Г. Панкрац [3. С. 137] отмечает важную сторону пропозиции как ментального конструкта: «...широкое распространение получили и представления о том, что П. [пропозиция] формирует каркас будущего предложения и что все возможные его трансформации определяются меняющимися формами объективации и вербализации одного и того же неизменного и инвариантного содержания, отраженного в самой П. [пропозиции]».

По оценке Ю.Г. Панкраца [4. С. 133–134], наиболее популярными представлениями знаний являются в настоящее время сетевые пропозициональные модели, в которых каждый отдельный узел сети является собой пропозицию, отражающую в отдельном виде отношения, характеризующие объекты и события. По мнению Андерсона и Бауэра (Anderson, Bower 1973), слова могут взаимоассоциироваться лишь при условии, что соответствующие им понятия входят в закодированные в память пропозиции. С когнитивной точки зрения долговременная память человека представляет собой огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти с многочис-

ленными связями. Целый ряд экспериментальных исследований продемонстрировали ««психологическую реальность» П.М. [пропозициональных моделей] [Stevenson 1993: 106]».

В изложении Ю.Г. Панкраца вопрос о формах организации знания о мире и месте пропозиции среди других форм представлений о мире в памяти человека стал в последние годы основным вопросом, ответ на который разводит ученых по диаметрально разным позициям [4. С. 133–134]. В соответствии с одной точкой зрения, все хранимые в памяти типы знания репрезентируются пропозициональной формой. Другие ученые придерживаются мнения о существовании наряду с пропозициональной и других форм хранения информации, подчеркивая роль образной и гештальтной форм хранения знаний.

Не претендуя на убедительную аргументацию в пользу одной из названных точек зрения, все же выскажем уверенность в существовании множественной категоризации и организации знания. При этом значительная часть знаний организована на основе пропозициональной логики.

Постановка задач и методы

Предметом исследования в данной статье является связь семантики имени существительного с пропозициональной ментальной структурой.

Методология исследования строится на сочетании компонентного и контекстологического анализа семантики субстантивных и глагольных лексем в условиях дискурсивной реализации этой семантики; полученные результаты интерпретируются в категориях когнитивной семантики с опорой на типологию ментальных единиц, в данном случае – на пропозицию и отчасти сценарий как способы организации знания. С учетом аспекта анализа языковых фактов в данной статье конкретизируем определение этого многозначного термина: пропозиция организует знания о реалии (денотате) в аспекте ее типовых ситуативных связей с другими реалиями (денотатами), т.е. в категориях компонентов ситуации – актантов и сирконстантов: субъекта, объекта, адресата, орудия, места и т.д. [5].

Цель статьи заключается в том, чтобы на лексико-синтаксическом материале показать способность существительных разных лексико-грамматических и семантических разрядов обозначать ситуацию в це-

лом, т.е. реализовать в составе предложения пропозициональную семантику.

Следствием пропозициональной организации знания и регулярного воспроизведения его в речи в таком формате является то, что отдельно взятая реалия осмысливается как компонент типовой ситуации и потому обладает способностью в определенных коммуникативных (дискурсивных, речевых, контекстуальных) условиях нести информацию о ситуации в целом. Другими словами, в проекции на язык и, в частности, на высказывание отдельно взятое слово способно представлять в речи не только называемую этим словом реалию, но и концепт-пропозицию и стоящую за ней ситуацию реальной действительности.

Способностью отражать ситуацию по отдельному компоненту этой ситуации обладают, наряду с глаголами, имена существительные. Приведем фрагмент романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в котором цепочки существительных в разных падежных формах передают в свернутом виде сменяющие друг друга ситуации, типичные для жизни Онегина в деревне.

Прогулки, чтение, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой **белянки** черноокой
Младой и свежий **поцелуй,**
Узде послушный **конь** ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого **вина,**
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и **город, и друзей,**
И **скуку** праздничных **затей.**

Прокомментируем роль графически выделенных слов в приведенном тексте в отражении ситуации (пропозиции), элементы которой они называют. Прежде всего этой способностью обладают абстрактные существительные с полупредикативным значением (отглагольные или соотносительные с глаголом): *прогулки, чтение, сон, журчанье (струй), поцелуй (белянки черноокой), обед, уединенье*, особенно в сочетании с определениями, которые посессивной семантикой нередко дополнительно указывают на субъекта. Своим лексическим значением эти слова указывают на тип ситуации / пропозиции, предполагающей определенный состав компонентов (актантов, сирконстантов и т.п.): *прогулка* – лицо-субъект, перемещение в пространстве с определенной целью, локус; *чтение* – лицо-субъект, зрительное восприятие, сопряженное с интеллектуальной деятельностью, объект восприятия).

Однако в такой функции в приведенном отрывке выступают и другие лексические единицы: *конь (узде послушный), бутылка (вина)*. Очевидно, что эти номинативы называют компонент, маркирующий тип ситуации – езду Онегина на коне, употребление вина (в последнем случае характерна контекстуальная близость со словом *обед*). Ключевую роль в актуализации

предметной лексемой пропозициональной семантики играет более широкий контекст – включенность существительного или субстантивного словосочетания в однородный ряд слов, называющих времяпрепровождение лица. Такую роль выполняет контекст и для сочетания *лесная тень*: в составе однородного ряда *прогулки, чтение, сон, журчанье струй* оно выступает представителем всей ситуации – ситуации пребывания Онегина в лесу, созерцания им лесного пейзажа, переживания типичных впечатлений.

Во фрагменте *Забыв и город, и друзей, И скуку праздничных затей* пропозициональную семантику воплощают, в частности, существительные *город* и *друзья*. Они представляют в этом случае не только называемые ими реалии, но и связанные с ними ситуации-события: типичные события жизни Онегина *в городе* и типичные ситуации времяпрепровождения *с друзьями*.

В целом приведенный фрагмент, представляющий цепочку типовых ситуаций, передает информацию сценарного характера (*Вот жизнь Онегина святая*) – при отсутствии в тексте собственно предикатов, которые обычно называют событийные акты.

Анализ текстового фрагмента показывает, что существительные с разной лексико-грамматической и категориально-лексической семантикой: конкретно-предметные и абстрактные; одушевленные и неодушевленные; названия лиц и названия животных – способны в речи передавать пропозициональную семантику, будучи косвенным средством обозначения ситуации или многоактного события. Условием воплощения пропозициональной семантики любым существительным является его включенность в текст или в реальную коммуникативную ситуацию, которые дают ключ к пониманию дискурсивной семантики слова, алгоритм ее дешифровки.

Рассмотрим показательные варианты реализации пропозициональной семантики существительными разных лексико-грамматических разрядов. Наиболее информативно в этом случае противопоставление абстрактных и конкретных существительных, а среди конкретных – существительных разной лексической семантики. Эти типы существительных имеют различия в механизме воплощения пропозициональной семантики.

1. **Абстрактные существительные** (отглагольные и семантически соотносительные с глаголом), как известно, обозначают тип ситуации непосредственно, своим лексическим значением, хотя и «в свернутом виде»: *учение, продажа, экзамен, свадьба, путешествие* и т.п. К приведенным выше иллюстрациям добавим следующие: *Он недавно вернулся с учений – с экзамена – из путешествия* и др.; *Она вчера была на стрижке – на концерте – на регистрации*.

2. **Возможности существительных с конкретно-предметной семантикой** в обозначении ситуации менее очевидны и связаны с иной логикой. Эту способность они приобретают в соответствующих условиях – в контексте или в коммуникативной ситуации (см. выше о словах *город, друзья*).

Как и отглагольные существительные, имена с собственно предметным значением передают пропозициональную семантику неразвернуто, но в отличие

от первых при использовании конкретно-предметных существительных ситуация отражается на основе метонимической логики – через обозначение одного из типовых компонентов или аспектов данной ситуации: объекта, орудия конкретной деятельности, типичных участников, делающих ситуацию узнаваемой, характерного места действия-события и т.д. При этом через один из компонентов ситуации передается комплексная информация о ней: виде и способе деятельности, роли человека в ней и т.д.

Обратимся к нескольким семантическим группам конкретных существительных для иллюстрации вы сказанного положения: к названиям учреждений и помещений, названиям лиц, названиям артефактов. За исключением номинативных предложений, наиболее часто в данном случае эти лексемы используются в составе конструкции с глаголом, называющим изменение положения в пространстве (в том числе движение): *пойти, съездить, лечь* и др.: *сходить в магазин – съездить к массажисту*, либо в конструкции с бытийным глаголом: *была в магазине – у массажиста*.

А. Названия учреждений (*парикмахерская, баня, поликлиника, магазин, ателье, столовая, ресторан, суд*), **помещений** (*операционная, аудитория, касса, канцелярия, кухня, ванная, спальня, туалет*) способны опосредованно указывать на конкретную ситуацию – на характер действий / деятельности, типичные сценарии, роль лица в этой ситуации. Сравните: *Анна уже сходила в парикмахерскую – в поликлинику – в нотариат – в ателье – в магазин – в баню* и т.п.; а также *была в парикмахерской – в ателье* и т.д. Сочетания *сходила в парикмахерскую, сходила в баню* передают сведения о характере действий, в которые был вовлечен субъект, о его статусе в этом учреждении и т.п.

Показательно, что при толковании значений таких слов в словарях обычно отмечается именно эта – функциональная – сторона учреждений и помещений. Приведем примеры.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ. Предприятие по уходу за волосами (причесывание, стрижка, бритье и т.п.) [6. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=парикмахерская>].

ПОЛИКЛИНИКА. Лечебное учреждение, укомплектованное врачами разных специальностей для нестационарного лечения больных и профилактики заболевания здоровых [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=поликлиника>].

БАНЯ. 1. Специальная постройка или помещение, где моются и парятся [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=баня&all=x>].

МАГАЗИН. 1. Торговое предприятие, продающее товары в розницу; помещение, приспособленное для такой продажи [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=магазин>].

Не случайно при толковании слова *баня* в качестве разговорного его употребления отмечено пропозициональное (метонимически производное) значение «о

мытье в таком помещении»: *Выпить после бани чайку*, т.е. выпить чаю после **мытья** в бане.

Благодаря тому, что слово непосредственно связано со знанием о реалии в объеме концепта, в речи возникает возможность сокращенного обозначения вида деятельности и типичных ситуаций-пропозиций. С учетом семантики этих слов и возникающих на их базе возможностей в речи формируются устойчивые модели обозначения конкретных ситуаций, часто с использованием глагола движения, например: *отправился в баню, сходил в баню, пришел из бани* и т.п. В данном случае опускаются обозначения действий, их этапов, роли грамматического субъекта в этих действиях по той причине, что они однозначно подразумеваются как типичные для соответствующего учреждения, для лица в этом учреждении.

Б. Названия лиц по профессии или статусу: *врач, хирург, нотариус, учитель, экзаменатор, парикмахер, продавец, швея, инспектор* и мн. под., – способны маркировать тип ситуации и тем самым косвенно обозначать эту ситуацию. В толковых словарях при семантизации таких слов обычно содержится указание именно на род их деятельности, типичные действия, их роль в этих действиях. Приведем некоторые словарные определения.

ВРАЧ. Специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью [6. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=врач>].

НОТАРИУС. Должностное лицо, в обязанности которого входит совершение нотариальных актов [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=нотариус>].

ПАРИКМАХЕР. Мастер, занимающийся бритьем, стрижкой, окраской и причесыванием волос [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=парикмахер>].

ЭКЗАМЕНАТОР. Тот, кто проводит экзамен, дает оценку экзаменуемым [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=экзаменатор>].

ПОВАР. Специалист по приготовлению пищи / О человеке, готовящем пищу для кого-л. [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=повар>].

ПОРТНОЙ. Специалист по шитью платья [Там же. <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=портной>].

Обратим внимание на выражения с использованием наименований лиц, передающих представления о типовых ситуациях, ключевым лицом в которых они являются: *Вчера девушка была у врача – у парикмахера – у портного*, что означает обследовалась, получила медицинские назначения, лечилась, либо делала стрижку, прическу, красила волосы, либо заказывала, примеряла, получала одежду.

В. Конкретные существительные, называющие артефакты, также способны метонимически обозначать ситуацию, в которой называемая существитель-

ным реалия служит типичным объектом либо орудием действия (деятельности) и тем самым маркирует тип ситуации. Проиллюстрируем тот и другой случай.

Так, названия *фортепьяно, книга, шитье, чертеж, статья, торт* представляют типичные **объекты** соответствующих видов действия и маркируют конкретные ситуации. См. их использование в составе указанной конструкции: *Утром я сажусь за фортепьяно* (об игре на фортепьяно) – *за статью* – *за книгу* – *за тесты* – *за диссертацию* (о написании либо чтении, рецензировании) – *за юбку* (о шитье либо ремонте юбки) – *за торт* (о приготовлении либо приеме пищи) и т.п.

Аналогично маркируют ситуацию имена существительные, которые называют предметы, являющиеся типичным **орудием** определенного вида деятельности. Например: *Сергей собирается пойти на электрофон* – *на рентген* – *на лазер* – *на карусель* – *на качели* – *на канат* – *на гантели* – *на штангу* – *на велотренажер* – *на горячие ножницы* – *под скальпель* – *на поезд* – *на трамвай*; *Он встал за штурвал*; *Она вышла к микрофону*; *За свою жизнь знаменитая певица не раз ложилась под нож хирурга*.

Таким образом, через обозначение объекта либо орудия действия, типичных для определенной ситуации, говорящий может указывать на конкретный тип действия, на статус лица в этом действии, часто и на типичное место расположения этого объекта либо орудия, место события, т.е. на ситуацию в целом.

3. В ряду существительных разных лексико-грамматических и лексико-семантических разрядов, способных отражать в речи ситуацию, следует особо выделить **абстрактные существительные с темпоральным значением**: *год, месяц, май, ночь* и под. Они отражают ситуацию при использовании в составе разных конструкций: *Давайте вспомним май прошлого года* (о ситуации-событии этого периода); *Февраль и октябрь – это звенья одной цепи* (С. Кургинян) – о революционных событиях февраля и октября 1917 г.

Таким образом, абстрактные существительные способны маркировать ситуацию не только в качестве ее общей номинации (как слова *прогулка, состязание, шитье* и под.), но, также как конкретно-предметные существительные, – и через обозначение времени как одного из аспектов ситуации, через временную локализацию ситуации-события.

Сопоставим разные способы свернутого либо метонимически-косвенного обозначения одной и той же ситуации с использованием существительных разных типов. Использование существительных с разным пропозициональным значением (действия, орудия, места, лица-деятеля) позволяет при отражении одной и той же ситуации **сместить фокус внимания** (термин Л. Талми [7, 8], Е.В. Падучевой [9, 10]) на разные ее компоненты и аспекты, ср.: *пойду к парикмахерскую* – *пойду к парикмахеру* – *пойду на стрижку* (на мелирование – на укладку – на окрашивание), *сажусь за юбку* – *сажусь за шитье*.

Конкретно-предметные существительные со значением лица смещают фокус внимания на ключевое для данной ситуации лицо, например: *иду к парикма-*

херу – *к медсестре* – *к экзаменатору* – *к юристу* (с этим лицом как ключевым в типовой ситуации взаимодействует грамматический субъект), но одновременно косвенно – и на вид действий, на место действия и на статус грамматического субъекта.

Конкретно-предметные существительные со значением места (учреждения, помещения и т.д.) в соответствии со своей лексической семантикой смещают фокус внимания на другой компонент той же типовой ситуации – указывают прежде всего на место, например: *сходил вчера в парикмахерскую* – *в баню* – *в филармонию* – *в театр* – *в аптеку* – *на каток* – *на пляж*. При этом существительное с локальной семантикой одновременно косвенно указывает и на вид действий, и на ключевые лица в этих действиях (парикмахер, певец, актеры, аптекарь и др.), на статус грамматического субъекта в этом учреждении или помещении (клиент, пациент, зритель, студент и т.д.). Подчеркнем, что эта возможность существительных реализуется в условиях его разных синтаксических функций: *хожу на каток, в филармонию, в парикмахерскую* (локальная синтаксическая функция) – *мне нравится наш каток, филармония, парикмахерская* (субъектная синтаксическая функция) – *встретимся после катка, после филармонии, после парикмахерской* (временная синтаксическая функция).

В отношении абстрактных существительных еще раз подчеркнем, что они обращают внимание прежде всего на вид действий (которые являются целью посещения учреждения и соответственно выражаются в форме обстоятельства цели), но одновременно косвенно – и на место (где это действие производится), на статус грамматического субъекта в ситуации с этим действием, на типичное орудие и деятеля (если они предполагаются ситуацией). Сравните в этой связи предложения с отглагольными существительными, свидетельствующие о высокой степени информативности относительно конкретной ситуации: *Иду на операцию* – *на перевязку* – *на укол* – *на прогревание* – *на массаж* – *на анализ* – *на медосмотр* – *на стрижку* – *на завивку* – *на макияж* – *на суд* – *на лекцию* – *на консультацию* – *на экзамен* – *на собеседование* – *на кастинг* – *на прослушивание* – *на примерку* – *на дежурство* – *на спектакль* – *на концерт* – *на заседание* – *на презентацию* – *на прогулку*.

Фраза *Иду на стрижку*, акцентируя внимание на действии-цели, одновременно косвенно указывает на статус ключевого для ситуации лица – парикмахера, и с известной долей вероятности – на специализированное учреждение. Вместе с тем в такой фразе последние аспекты либо являются само собой разумеющимися, либо не являются коммуникативно важными.

Сравним выражения, которые являются дискурсивными синонимами и различаются лишь акцентированием наиболее коммуникативно важного аспекта при отражении одной и той же ситуации: *пойду в диагностический центр* – *на обследование*; *пойду к медсестре* – *в процедурную* – *на укол*; *пойду в суд* – *на суд*; *пойду в консультацию* – *на консультацию*.

В связи со способностью имени существительного передавать пропозициональную семантику – называть не только предмет, но и ситуацию, элементом которой

этот «предмет» в широком его понимании является, обратим внимание на вытекающий из этого факт *диффузной синтаксической семантики* таких существительных.

Часто существительное с локальным, или предметно-личным, или абстрактным значением способно в составе разных предложно-падежных форм передавать диффузную семантику. Так, существительные с локальным значением нередко указывают и на время: *Эти состязания впервые проходили в Древней Греции – в Киевской Руси – в Золотой Орде – в Чехословакии – в Югославии – в ГДР – в Австро-Венгрии; В Советском Союзе ветераны имели право на бесплатное лечение (где и когда)*. Такие случаи затрудняют квалификацию синтаксического статуса соответствующей предложно-падежной формы в процессе синтаксического анализа предложений в вузовском и школьном изучении синтаксиса: *Я иду на консультацию* (цель и место), *я иду к врачу* (объект, место и цель).

Заключение

Таким образом, следствием естественной связи языковой единицы (в данном случае существительного) и концепта как ментальной единицы (в данном случае пропозиции) является способность имени существительного указывать на ситуацию в целом, включая характер действий, статус лица в этом действии, место, иначе говоря, – возможность обозначить ситуацию через любой ее компонент, способный маркировать эту ситуацию в качестве типичного или уникального для нее объекта, орудия, места, времени и т.д.

Все пять рассмотренных лексических групп существительных (отглагольные имена и имена с темпоральным значением, названия учреждений, лиц, артефактов) обнаруживают, с одной стороны, общую способность обозначать ситуацию, с другой стороны, своеобразие в отражении этой ситуации, обусловленное разной пропозициональной функцией стоящих за ними реалий в структуре конкретных пропозиций.

При всем внимании, проявленном в статье к именам существительным, нельзя не отметить существенной роли глагола в составе приведенных выше конструкций.

Столь широкие семантические возможности имен существительных в отражении ситуации позволяют при необходимости свести роль глагола-сказуемого в предложении к минимуму. Как было показано выше, в таких случаях вместо глагола конкретного действия (*обследоваться, купить, постричься, пообедать* и мн. др.) обычно используются глаголы бытийности, положения в пространстве (*быть, лежать, стоять, сидеть, находиться*) и изменения положения в пространстве (*лечь, сходить*), выступающие при этом в метонимическом значении – в функции сценарной метонимии.

На этой почве у глаголов развиваются вторичные семантические функции, выполняемые в составе глагольно-именных сочетаний разной степени устойчивости. В составе этих сочетаний семантическая роль глаголов минимальна, но своеобразна – они развивают **сценарную метонимию**, т.е. метонимически обозначают не только перемещение, но и **некий комплекс актов**, связанных с определенным сценарием (о сценарной метонимии см. статьи [5, 11]¹. Сравните выражения: *ходил в парикмахерскую, ходил в баню, ходил в аптеку* и *ходил в филармонию*, которые в типичных случаях означают соответственно *стригся, мылся, покупал лекарства и слушал концерт*. При этом ключом к пониманию ситуации и типов действий, стоящих за глаголом *ходил* и под., служит семантика существительного (*парикмахерская, филармония; парикмахер, Хворостовский; стрижка, концерт* и др.). Таким образом, глагол и существительное функционируют в тесной связке – как функция и переменные: глагол указывает на начальный акт некоего сценария (цепочки частных актов в рамках одного события), а характер актов, образующих соответствующий типовой сценарий, маркируется концептуальной (пропозициональной, сценарной, фреймовой) семантикой существительного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Похожие факты отмечают Дж. Лакофф в английском языке, К. Родс в языке оджибва и др. В качестве ответов на вопрос «Как вы добрались на вечеринку» в английском возможны в устной речи варианты «Я приехал на машине», «У меня есть машина» [12. С. 113]. В похожей ситуации представители народности оджибва могут использовать ответы «Я шагнул в каное», «Я сел в автомобиль» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. 2009. № 4. С. 11–24.
2. Манаенко Г.Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2016. 207 с.
3. Панкрац Ю.Г. Пропозиция // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 137–140.
4. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные модели / структуры // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 134–137.
5. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. № 7. С. 36–48.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб. : Норинт, 1998. (Публ. в авт. ред. 2014 года. URL: <http://gramota.ru>)
7. Talmy L. How language structures space // H.L. Pick, Jr., Acredolo (eds.) Spatial Orientation: Theory, Research, and Application. New York : Plenum Press, 1983. P. 225–282.
8. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Concept Structuring Systems. Cambr. (Mass.); London : A Bradford Book ; The MIT Press, 2000.
9. Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии // Доклады международной конференции. Диалог. М., 2003. С. 12–18.

10. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
11. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2015. № 11 (133). С. 9–16.
12. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
13. Rhods R. Semantics in Relational Grammar. *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1977.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 мая 2019 г.

Noun as a Means of Propositional Semantics Representation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 23–28.

DOI: 10.17223/15617793/446/3

Nadezhda A. Ilyukhina, Samara University (Samara, Russian Federation). E-mail: ilnadezhda@rambler.ru

Keywords: noun; concept; situation; proposition; scenario (script); cognitive semantics; connection of linguistic and mental units.

In the article, the interrelation of linguistic and mental units on the basis of the connection of semantics of the noun with the propositional mental structure is considered. It is shown that this connection is clearly manifested in speech in the functioning of nouns as parts of different syntactic constructions. The methodology of the research is based on the combination of component and contextological analysis of semantics of substantive and verbal lexemes in the conditions of a discursive realization of this semantics. The obtained results are interpreted in the categories of cognitive semantics based on the typology of mental units, in this case on the proposition and partly the scenario as means of knowledge organization. Taking into consideration the aspect of analysis, the understanding of the polysemantic term ‘proposition’ is specified in this article. Proposition is understood as a means of organizing knowledge about realities (denotation) in the aspect of its typical situational connections with other realities (denotations), that is in the categories of components of a situation – actants and adjuncts: subject, object, addressee, instrument, place, etc. The problem under study is considered on the material of nouns of different lexical grammatical and lexical semantic categories, which, being parts of different constructions, can reflect not only things (person, artifact, action, time interval, etc.), but also the situation as a whole a typical or unique element of which is the thing (subject, object, instrument, place, time) nouns denote, and the thing is capable of marking the type of the situation. The essence of this idea can be illustrated on the example of the reflection of the situation of visiting a hospital (treatment) with the help of nouns of different semantic categories that denote the person, the institution, the action, or the instrument of the action: went to the *doctor* – went to *hospital* – went for a *surgery* – went under the *scalpel*; went to the *nurse* – went to the *treatment room* – went for an *injection*. The difference in the semantics of the above mentioned constructions which are discursive synonyms lies in the fact that different constructions focus attention on different components of the same situation. Notwithstanding the choice of the noun, all the mentioned constructions indicate the situation as a whole, including the nature of actions, the status of the person in this action, the instrument of the action, the typical place. On the basis of the research, the conclusion is made that the ability of the noun to reflect a situation, that is to reflect propositional semantics in speech, is explained by the fact that linguistic units are connected with mental ones. In this very case it is the connection of the substantive word with its lexical semantics and the proposition that organizes knowledge of the situation.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2009) V poiskakh sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya [Looking for the Essence of Language: instead of an Introduction]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 4 (4). pp. 11–24.
2. Manaenko, G.N. (2016) *Metodologicheskie i teoreticheskie aspekty kognitivno-diskursivnykh issledovaniy yazyka* [Methodological and Theoretical Aspects of Cognitive-Discursive Language Research]. Stavropol: North-Caucasus Federal University.
3. Pankrats, Yu.G. (1997) Propozitsiya [Proposition]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. pp. 137–140.
4. Pankrats, Yu.G. (1997) Propozitsional'nye modeli / struktury [Propositional Models / Structures]. In: Kubryakova, E.S. (ed.) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. pp. 134–137.
5. Ilyukhina, N.A. (2015) On the Typology of Lexical Metonymy in the Light of Cognitive Principle. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 7. pp. 36–48. (In Russian).
6. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1st ed. St. Petersburg: Norint. [Online] Available from: <http://gramota.ru>.
7. Talmy, L. (1983) How Language Structures Space. In: Pick, H.L. & Acredolo, Jr. (eds.) *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. New York: Plenum Press. pp. 225–282.
8. Talmy, L. (2000) *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 2. Cambr. (Mass.); London: A Bradford Book; The MIT Press.
9. Paducheva, E.V. (2003) [On the Cognitive Theory of Metonymy]. *Dialog* [Dialogue]. *Proceedings of the International Conference*. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 12–18. (In Russian).
10. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Lexics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Ilyukhina, N.A. (2015) Scenery Metonymy: Mechanism of Formation and Some Varieties. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 11 (133). pp. 9–16. (In Russian).
12. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things. What Language Categories Tell Us about Thinking]. Translated from English by I.B. Shatunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
13. Rhods, R. (1977) Semantics in Relational Grammar. *Proceedings of the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Chicago Linguistic Society.

Received: 15 May 2019

К.С. Кочергина

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ: КОНЦЕПЦИЯ, СТРУКТУРА, НАПОЛНЕНИЕ

Исследование проведено при поддержке Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере по программе «УМНИК» по теме «Разработка программного обеспечения для поддержки процедуры лингвистической экспертизы» в рамках договора № 8038ГУ/2015 от 23.11.2015 г.

Приводится обзор существующих на данный момент лингвистических баз данных и выявляются основания для их классификации. Предлагается концепция разрабатываемой лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики (имен существительных со значением номинации лица и группы лиц), описывается ее структура, демонстрируется ее наполнение на примере первого тома «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998). Рассматриваются возможности ее применения в лингвистических исследованиях и других видах деятельности.

Ключевые слова: лингвистическая база данных; имя существительное; отрицательно-оценочная лексика; стилистическая помета; словарь; юридическая лингвистика; лингвистическая экспертиза.

Постановка проблемы

При решении теоретических и прикладных задач в лингвистике может возникнуть необходимость обращения к нескольким лексикографическим источникам, например, при производстве лингвистической экспертизы, когда разнородность систем стилистических помет и расхождение в стилистической квалификации лексики в словарях современного русского языка приводят к снижению точности и объективности проводимых с опорой на них исследований [1]. Одним из решений указанной проблемы может стать применение технологии базы данных, позволяющей получать лексикографическую информацию из различных источников в сопоставлении.

Актуальность данного исследования также обусловлена потребностью юридической лингвистики в специализированном инструменте – лексикографическом издании, пригодном для целей лингвистической экспертизы [2], и необходимостью совершенствования информационных технологий в практике производства лингвистической экспертизы [3] в связи с возрастающей ролью информационных технологий в гуманитарных исследованиях и отсутствием опыта применения таковых в данной области. Представление такого лексикографического продукта в виде базы данных позволит реализовать новый подход к проведению лингвистических экспертиз – с использованием средств автоматизации [4].

База данных (БД) – это «упорядоченная совокупность данных, предназначенных для хранения, накопления и обработки с помощью ЭВМ» [5. С. 96]. Под лингвистической БД (ЛБД), соответственно, понимается совокупность систематизированных лингвистических данных.

Цель настоящей статьи заключается в описании концепции, структуры и наполнения ЛБД отрицательно-оценочной лексики, разрабатываемой для проведения лингвистических исследований, в частности, лингвистической экспертизы.

Источниками данной ЛБД являются словари современного русского языка (конца XX – начала XXI в.), при отборе которых учитываются методиче-

ские рекомендации по производству лингвистической экспертизы и практика применения словарей в качестве лексикографических источников для нее (по данным экспертных заключений). Наполнение разрабатываемой ЛБД представлено на примере первого тома «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой (1998) [6. Т. 1].

Материалом для исследования послужили имена существительные со значением номинации лица и группы лиц и отрицательно-оценочной семантикой, отобранные из указанного словаря методом сплошной выборки. Отбор материала проведен с опорой на идеографический, семантический, стилистический принципы. В исследовании также применен описательно-аналитический (общенаучный) метод с совокупностью его приемов. При разработке ЛБД использован метод концептуального проектирования, состоящий в определении параметров описания единиц информации и связей между ними в соответствии с задачами, для решения которых создается информационно-справочный ресурс.

История вопроса

Технология БД широко применяется в различных сферах, в том числе лингвистике, например, «в типологических и сравнительных, фонетических, лексических, грамматических исследованиях; лексикографии; семантических исследованиях, включая составление тезаурусов; в компьютерной лингвистике и для решения прикладных лингвистических задач (лингводидактических, автоматизированного перевода, автоматического распознавания и синтеза речи)» [7. С. 26]. В работах Н.А. Мишанкиной рассматриваются проблемы, связанные с обработкой информации и созданием информационных систем на основе технологии БД в гуманитарной сфере и, в частности, с применением данной технологии в области филологических (лингвистических) исследований [7, 8]. Исследователь дает историческую справку о существующих БД и предлагает выделять ЛБД в отдельную категорию, подразделяя ее на два типа: *полнотекстовые* (содержащие полные тексты) и *фактографи-*

ческие (содержащие лингвистические единицы различных языковых уровней).

В качестве примера полнотекстовой ЛБД назовем разработанную коллективом Томского государственного университета (Н.А. Мишанкиной, И.В. Тубаловой, Ю.А. Эмер) *БД «Среднеобский фольклор»* [8, 9]. Целью создания этой БД является объединение и представление ранее недоступного фольклорного материала народной культуры Сибири в доступном и удобном формате для различных исследований в области антропологии, этнографии, культурологии, лингвистики, истории сибирского региона. В эту БД входят фольклорные тексты на русском языке в различных жанрах, например частушки, загадки, пословицы, считалки, скороговорки.

К первому типу ЛБД также можно отнести *электронные библиотеки, текстовые коллекции и корпуса текстов*, например, «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru), «Томский диалектный корпус» (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus/demo>).

Среди ЛБД второго типа по уровню описания в них языка можно выделить *фонетические, морфологические, лексические и синтаксические* ЛБД соответственно.

ЛБД, в которых представлены лексические единицы, особенно активно применяются в лексикографической практике для составления как традиционных, так и электронных словарей. А.Н. Баранов сравнивает две технологии создания словаря (традиционную и компьютерную), отмечая явное преимущество последней: «Традиционная форма фиксации словарных данных – каталожная карточка, в которой указывается описываемое слово, пример употребления, источник примера, автор, а также различная дополнительная информация. Современные компьютерные технологии позволяют упростить процесс сбора и хранения лексикографической информации, используя вместо обычной картотеки базу данных, записи которой представляют собой аналог традиционной каталожной карточки» [10. С. 82]. Однако лексические ЛБД используются не только при создании новых словарей, но и применяются в различных лингвистических исследованиях, поскольку ЛБД как самостоятельный формат представления лексикографической информации обладает рядом преимуществ перед словарями: позволяет накапливать, хранить, систематизировать лингвистическую информацию и осуществлять быстрый поиск в ее пределах, а также имеет открытую структуру для внесения изменений, непрерывно происходящих в языковой системе [11].

Рассмотрим известные на данный момент проекты фактографических ЛБД, содержащих единицы лексического уровня и ориентированных на описание лексической семантики.

БД «Звучание» (Н.А. Мишанкина, Томский государственный университет) включает глаголы, содержащие в своей семантике компонент «звук», отражает лексико-семантическое поле «Звучание» и предусматривает возможность пополнения аудио- или видеоматериалами, демонстрирующими тип звучания, его субъект и связанное с ним действие [7].

БД метафорической терминологии ориентирована на выявление универсальных метафорических моделей, отражающих концептуальные метафоры, являющиеся ключевыми для русского научного дискурса. Авторы (Н.А. Мишанкина, Е.А. Панасенко, Томский политехнический университет) указывают, что разрабатываемая БД может применяться для решения ряда частных задач, например, для выявления наиболее востребованных в терминообразовании лексических единиц национального языка. Материалом для создания этой БД послужили терминологические словари различных научных областей: биологии, геологии, информатики, лингвистики, медицины, психологии, социологии, философии, экологии. Общее количество проанализированных источников составило 65, а количество выявленных метафорических терминологических единиц – около 2 000. Центральной таблицей этой БД является «Лексическая единица», вспомогательными – «Метафорическая модель» и таблицы предметных областей, отражающие метафорическую терминологию конкретной предметной области [12].

Психолингвистическая БД (проект Томского государственного университета: З.И. Резановой, А.А. Миклашевского) используется для описания образно-перцептивного компонента языковой семантики и позволяет применять статистические методы для анализа слабоструктурированной семантической информации. Эта БД содержит полученную в ходе проведения психолингвистического эксперимента информацию о 506 как конкретных, так и абстрактных существительных, а именно об их связи с модальностями восприятия (зрением, слухом, вкусовыми, обонятельными и осязательными ощущениями) и другую дополнительную информацию, например, о субъективном возрасте усвоения слова [13].

БД прагматически маркированной лексики разрабатывается коллективом Новосибирского государственного педагогического университета: Т.А. Трипольской, Е.Ю. Булыгиной, В.Д. Черняк (г. Санкт-Петербург), В.А. Ефремовым (г. Санкт-Петербург), М.А. Лаппо, Е.Г. Басалаевой, Л.Н. Храмцовой, И.И. Сажениным. Демонстрационная версия этой БД, включающая в себя около 400 единиц, доступна в интернете (spml.ipmip.nspu.ru). Согласно представленному в статьях [14, 15], описанию БД формально и содержательно делится на две части. В первой части представлены словарные статьи следующих классических и современных словарей русского языка: «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940), «Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. (1950–1965), «Словарь русского языка» в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984), «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1999), «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складневской (1998), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998). Вторая часть БД представляет собой словарные статьи «Словаря прагматически маркированной лексики», разработанного авторами-составителями проекта, и включает в себя толкование,

иллюстративный материал и подробное описание прагматической зоны значения слова (эмоциональная оценка, идеологический, гендерный, социально-статусный, возрастной, национально-культурный компоненты) с опорой на материалы «Национального корпуса русского языка». Более подробно структура *БД прагматически маркированной лексики* описывается в работе [16], где также представлены принципы, лежащие в основе создаваемой БД, критерии отбора языковых единиц, их лексикографическая интерпретация, разработанная система помет, типизация лексикографического комментария. Здесь описывается поисковая система данной БД, при этом техническая сторона ее создания характеризуется в работе [17], в которой дается описание двух таблиц БД: первой, хранящей заголовки словарных статей, и второй, содержащей собственно тексты словарного описания.

Словарная БД, фрагмент которой доступен в сети Интернет (ruslex-encode.ru), создается в Институте лингвистических исследований РАН (Е.В. Пурицкая, Д.И. Панков). В основе этой БД лежат данные из «Большого академического словаря русского языка» (2004–2014, издание продолжается), а также других академических словарей, из которых извлекаются функционально-стилистические, специальные, динамические пометы при словах с момента их первой фиксации. *Словарная БД* предназначена для предоставления справочной информации о стилистической характеристике лексики в ее историческом развитии [18].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что каждая из рассмотренных ЛБД создается для решения конкретной исследовательской задачи, и следовательно, они различаются по ряду критериев, на основании чего можно выделить следующие подтипы ЛБД:

– по типу лексических единиц, а именно по их *категорической принадлежности*: ЛБД, содержащие глаголы (*БД «Звучание»*), имена существительные (*психолингвистическая БД*, *БД прагматически маркированной лексики*), единицы нескольких частей речи (*словарная БД*); а также по их *сфере употребления*: ЛБД, содержащие специальную лексику (*БД метафорической терминологии*);

– по аспекту описания лексической семантики: ЛБД, в которых описывается семантический компонент «звук» (*БД «Звучание»*), метафорическая семантика (*БД метафорической терминологии*), образно-перцептивный компонент (*психолингвистическая БД*), прагматический макрокомпонент (*БД прагматически маркированной лексики*), нормативно-стилистический компонент в динамическом аспекте (*словарная БД*);

– по источнику данных: ЛБД, содержащие данные нескольких типов (*БД «Звучание»*), экспериментальные данные (*психолингвистическая БД*), словарные данные (*БД метафорической терминологии*, *БД прагматически маркированной лексики*, *словарная БД*);

– по области применения: ЛБД, предназначенные для различных исследовательских целей (*БД «Звучание»*, *БД прагматически маркированной лексики*), исследования терминологии (*БД метафорической*

терминологии), психолингвистических исследований (*психолингвистическая БД*), применения в лексикографической практике (*словарная БД*).

В рамках данного исследования также проведен поиск ЛБД, зарегистрированных в Федеральном институте промышленной собственности (new.fips.ru/iiss), результаты которого свидетельствуют об отсутствии не только ЛБД отрицательно-оценочной лексики, но и специализированных ЛБД, предназначенных для целей лингвистической экспертизы.

Таким образом, одним из продуктивных направлений на пересечении прикладной лингвистики и современной лексикографии является разработка ЛБД, применение которых позволяет как решать ряд новых, так и повышать эффективность решения традиционных для лингвистики задач. Использование технологии БД в лингвистических (и в целом – гуманитарных) исследованиях способствует не только удобному представлению материалов и их объединению в единую структуру, но и повышению эффективности работы с ними за счет возможности использования средств машинной обработки, а также открывает новые перспективы для дальнейших исследований на основе созданных БД или с их использованием.

1. Концепция лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики.

Представим разрабатываемую в рамках данного исследования фактографическую ЛБД, содержащую лексические единицы – «*Лингвистическую базу данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц)*» [19] (далее – ЛБД ООЛ), основные принципы проектирования которой описаны в [20].

ЛБД ООЛ представляет собой совокупность систематизированных лингвистических данных – лексико-семантических единиц (ЛСЕ) и их параметров. Под ЛСЕ понимается лексическая единица в конкретном значении, а под ее параметрами – значимые семантические, стилистические и другие характеристики.

ЛБД ООЛ разрабатывается для применения в практике лингвистической экспертизы, объектом которой являются конфликтные тексты трех видов: тексты-неудачи, тексты-манипуляторы, тексты-злоупотребления (в терминологии О.Н. Матвеевой [21]). Для текстов-злоупотреблений (собственно конфликтных текстов в узком смысле) характерно наличие оценочных лексических единиц, выражающих отрицательное отношение субъекта оценки к объекту оценки, которым, как правило, является лицо и группа лиц.

Исходя из этого, на данный момент в ЛБД ООЛ включены ЛСЕ с отрицательно-оценочной семантикой, представляющие собой имена существительные (в том числе эквивалентные им единицы) со значением номинации лица и группы лиц. В фокусе данного исследования находятся имена существительные, поскольку, несмотря на то, что семантика оценки может быть выражена любой частью речи, именно существительные «характеризуют объект, выявляя основание оценки и делая оценочное суждение более кате-

горичным: эмоциональные оценки непосредственно приписываются объекту, а не передаются через характеристику его действий или свойств. Глагол, например, относит оценочную характеристику к определенному временному промежутку, прилагательное переносит акцент с лица на его свойства» [22. С. 132]. В перспективе возможно ее пополнение ЛСЕ других частей речи (например, глаголами со значением действия и состояния лица, именами прилагательными со значением свойства и качества лица), а также ЛСЕ с другими семантическими компонентами, например, положительно-оценочным.

В ЛБД ООЛ содержится семантическая и стилистическая (отрицательно-оценочная) информация о ЛСЕ, зафиксированная в толковании и при помощи стилистических помет (СП), извлеченная из лексикографических источников. Помимо словарных данных в ЛБД ООЛ содержится определенная на их основе информация о принадлежности ЛСЕ к тематическим группам и о возможности охарактеризовать форму негативной оценки, выраженной при помощи ЛСЕ, как неприличную.

Одним из принципов составления ЛБД ООЛ является опора на авторитетные (в том числе отобранные с учетом методических рекомендаций и практики производства лингвистической экспертизы) лексикографические издания, поскольку именно этот вид источников признается наиболее надежным [23] и единственным легитимным [24] для применения в экспертной практике.

На данный момент ЛБД ООЛ включает одно наименование лексикографического источника – толково-идеографический словарь современного русского литературного языка – первый том «Русского семантического словаря» (РСС) под ред. Н.Ю. Шведовой (1998). При этом представляется необходимым добавление в ЛБД ООЛ данных из словарей разных типов (об этом см., например, в [25, 26]). Также предполагается, что при достаточном обосновании в ЛБД ООЛ могут быть включены данные из источников другого вида, например, результаты экспериментальных исследований обыденного понимания неприличной формы.

Отметим, что представление данных из нескольких источников в формате ЛБД позволяет при проведении лингвистических исследований (как теоретических, так и практических, в том числе при производстве лингвистической экспертизы) не только отображать информацию из каждого источника в более удобном (структурированном) для анализа виде, но и сопоставлять ее из нескольких, тем самым объективируя результаты исследований.

ЛБД ООЛ планируется разместить в открытом доступе в интернете, возможно использование ЛБД ООЛ в виде компьютерной программы (приложения), а также подключение ЛБД ООЛ в качестве модуля к программам автоматической обработки текстов. На сайте и в программе (приложении) будут доступны два варианта работы пользователя с ЛБД ООЛ через удобный, интуитивно понятный интерфейс: поиск ЛСЕ в ЛБД ООЛ по введенному пользователем в поисковую строку заголовочному слову и поиск (сорти-

ровка, фильтрация, группировка) по выбранным пользователем параметрам, например, по алфавиту (по аналогии со словарем), тематическим группам, стилистическим пометам. Так, выбрав в качестве поискового параметра СП *бран.*, пользователь получит список представленных в ЛБД ООЛ ЛСЕ, маркированных соответствующей СП. Особенность данной ЛБД заключается также в том, что она может быть применена для автоматизированного поиска отрицательно-оценочной лексики в конфликтных текстах [27], что особенно актуально для исследования текстов большого объема.

Содержащиеся в ЛБД ООЛ данные представляют практический интерес в первую очередь для лингвистов-исследователей, изучающих языковые явления на материале конфликтных текстов, и лингвистов-экспертов. Например, ЛБД ООЛ может применяться как инструмент исследования при решении вопросов о негативной оценке лица и группы лиц по делам об оскорблении, оскорблении представителя власти, неуважении к суду, оскорблении чувств верующих (поскольку содержит информацию о возможности охарактеризовать форму негативной оценки, выраженной при помощи ЛСЕ, как неприличную), а также по делам о клевете, по делам, связанным с экстремистской деятельностью (поскольку содержит информацию о принадлежности ЛСЕ к тематическим группам) и др. Кроме того, ЛБД ООЛ может быть востребована как информационно-справочный ресурс не только специалистами и экспертами, но и следователями, прокурорами, судьями, адвокатами и др.

Таким образом, в соответствии с подтипами ЛБД (выделенными выше при описании известных на данный момент проектов), ЛБД ООЛ можно охарактеризовать следующим образом: *по типу лексических единиц*, а именно по их *частеречной принадлежности* – ЛБД ООЛ содержит имена существительные; *по аспекту описания лексической семантики* – в ЛБД ООЛ описывается отрицательно-оценочный компонент; *по источнику данных* – ЛБД ООЛ содержит данные нескольких типов (словарные данные и определенную на их основе информацию: о тематических группах, к которым относятся ЛСЕ, и о возможности охарактеризовать форму выраженной при помощи ЛСЕ негативной оценки как неприличную); *по области применения* – ЛБД ООЛ предназначена для применения в лингвоэкспертной практике, а также может быть использована для различных исследовательских и практических целей.

2. Структура лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики.

«Для создания и ведения Б[аз] д[анных] (обновления, обеспечения доступа к ним по запросам и выдачи их пользователю)» [5. С. 96] используются специализированные программы – системы управления базами данных (СУБД). А.Н. Баранов отмечает, что в настоящее время нет СУБД, предназначенных для лингвистических целей, однако для них пригодны существующие, например, D-Base, ACCESS, FOX-

Base, PARADOX [10. С. 82]. Настоящая ЛБД выполнена в реляционной СУБД Microsoft Access 2016, входящей в состав пакета Microsoft Office. Выбор данной программы обусловлен ее удобным графическим интерфейсом и наличием широкого спектра возможностей.

БД состоят, как правило, из нескольких взаимосвязанных таблиц (например, БД *метафорической терминологии* включает в себя три таблицы: одну основную и две вспомогательные), в которых содержатся данные, распределенные по строкам (записям) и столбцам (полям). Каждая запись представляет собой совокупность значений нескольких полей, которые в зависимости от своей функции содержат данные разных типов, например, текстовые, числовые, гиперссылки, вложения.

ЛБД ООЛ состоит из 11 таблиц данных: основная таблица семантико-стилистической характеристики отрицательно-оценочных слов в словаре, например, *Semantic_Stylistic_RSS* для РСС, и 10 таблиц, относящихся к вспомогательным и обеспечивающих связность и целостность данных в основных таблицах: таблица лексикографических источников *Dictionaries_List*; таблица отрицательно-оценочных лексических единиц *All_Lexical_Units_List*; таблица типов лексических единиц *Lexical_Units_Types*; таблица отрицательно-оценочных СП *Stylistic_Labels_List*; таблица отрицательно-оценочных СП в словаре, например, *Stylistic_Labels_RSS* для РСС; таблица хронологических помет *Chrono_Labels_List*; таблица типов лексического значения *Mean_Types_List*; таблица лексических классов *Lexical_Classes_List*; таблица тематических групп *Thematic_Groups_List*; таблица характеристики формы негативной оценки как неприличной *Indecent_Form*.

При этом основные таблицы семантико-стилистической характеристики отрицательно-оценочных слов в словаре и вспомогательные таблицы отрицательно-оценочных СП в словаре создаются для каждого последующего лексикографического источника, данные из которого включаются в ЛБД ООЛ, а такие таблицы, как *Dictionaries_List*, *All_Lexical_Units_List*, *Lexical_Units_Types*, *Lexical_Classes_List*, *Thematic_Groups_List*, являются таблицами открытого типа, т.е. пополняются записями и полями при добавлении в ЛБД ООЛ новых данных, в том числе из других источников.

По аналогии со словарем в ЛБД можно выделить макроструктуру, которая представляется в виде схемы данных, отображающей связи между таблицами, и микроструктуру – структуру каждой таблицы данных. Отметим, что для ЛБД, содержащих лексические единицы и извлеченную из лексикографических источников информацию о них, а также предназначенных для применения в лексикографической практике, характерна такая структура таблиц, которая соотносима со структурой словарной статьи. Так, например, в ЛБД ООЛ поле, содержащее ЛСЕ, соотносится с так называемой «левой частью» словарной статьи (зоной заглавного слова), а ряд других полей формирует так называемую «правую часть» словарной статьи (зоны помет, толкования, комментариев).

На рис. 1 приведена схема данных (логическая модель), на которой представлены все таблицы ЛБД ООЛ и при помощи линий отображены связи между ними (связи идут от обозначенных как «1» полей к обозначенным как «∞» полям), а также знаком «+» отмечены те поля, которые могут содержать более одного значения.

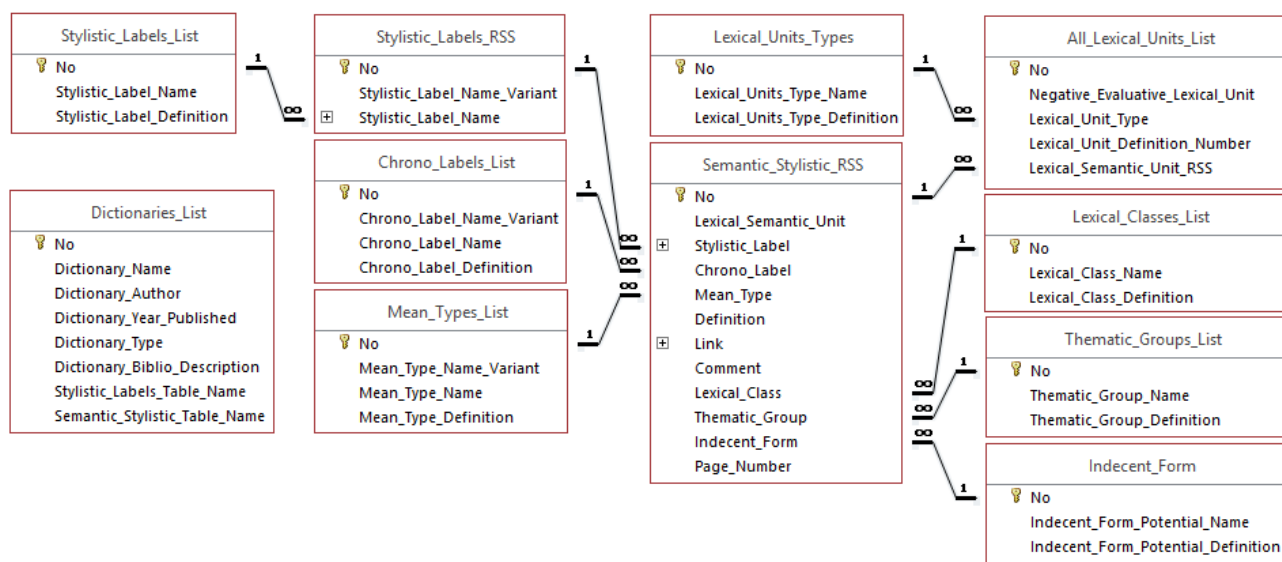


Рис. 1. Схема данных ЛБД ООЛ

В таблице *Dictionaries_List* зафиксирован список лексикографических источников, информация из которых включена в ЛБД ООЛ.

Таблица *All_Lexical_Units_List* представляет собой сводный перечень всех лексических единиц с отрицательно-оценочной семантикой (на данный момент – со значением номинации лица и группы лиц) и

их значений, зафиксированных во всех словарях-источниках и представленных отдельными записями в ЛБД ООЛ в качестве ЛСЕ.

В таблице *Lexical_Units_Types* перечислены типы лексических единиц, например, имя существительное, устойчивое сочетание (фразеологическое выражение, идиома), поговорка, пословица.

Таблица **Stylistic_Labels_List** создана в виде списка отрицательно-оценочных СП с приведением толкования их значения (подробнее об отборе СП, маркирующих отрицательно-оценочную семантику, см. в [1]). Кроме того в данную таблицу включены кванторы типа *также, иногда, часто, чаще, теперь*, сочетание СП с которыми уточняет стилистическую (в частности, отрицательно-оценочную) характеристику слов.

В таблицах отрицательно-оценочных СП, формируемых для каждого словаря-источника ЛБД ООЛ, (например, в таблице **Stylistic_Labels_RSS** для РСС) приводятся отрицательно-оценочные СП в том виде, в котором они представлены в словарях-источниках, поскольку в них отмечается наличие разных вариантов условных обозначений одной и той же отрицательно-оценочной СП, а также встречаются комбинированные СП (например, образованные при помощи дефиса), СП в скобках, СП в сочетании с кванторами (подробнее об особенностях стилистической квалификации слов в словарях см. в [1]).

Таблица **Chrono_Labels_List** содержит варианты хронологических помет, используемых для временной характеристики слов в словарях (подробнее об этом см., например, в [1]).

В таблице **Mean_Types_List** содержится информация о типах лексического значения: прямом и переносном.

Таблица **Lexical_Classes_List** отражает лексические классы, к которым относятся ЛСЕ, например, для ЛСЕ со значением номинации лица и группы лиц выделены следующие лексические классы: «Лицо», «Группа лиц», «Лицо и группа лиц».

Таблица **Thematic_Groups_List** содержит список тематических групп, по которым распределены ЛСЕ с отрицательно-оценочной семантикой (на данный момент – со значением номинации лица и группы лиц). Данный список сформирован с опорой на выделенные в РСС лексико-семантические множества, подмножества, группы, подгруппы и ряды.

Таблица **Indecent_Form** описывает возможность охарактеризовать форму негативной оценки (на данный момент – лица и группы лиц), выраженной при помощи ЛСЕ, как неприличную в трех вариантах: «можно», «вероятно», «нельзя», что определено на основании анализа зафиксированных в РСС СП при ЛСЕ.

Семантико-стилистическая характеристика отрицательно-оценочных слов в словарях дается в основных таблицах ЛБД ООЛ, формируемых отдельно для каждого словаря-источника, (например, в таблице **Semantic_Stylistic_RSS** для РСС). В основных таблицах ЛБД ООЛ каждая запись соответствует ЛСЕ с набором ее параметров, а каждое поле – единице информации об этой ЛСЕ, ее параметру (например, толкованию, типу значения, лексическому классу).

Каждая из таких таблиц имеет общую структуру и содержит следующие поля: *No* – порядковый номер записи в таблице; *Lexical_Semantic_Unit* – отрицательно-оценочная ЛСЕ; *Stylistic_Label* – отрицательно-оценочная СП при ЛСЕ (выбирается, например, из таблицы **Stylistic_Labels_RSS** для РСС); *Chrono_Label* – хронологическая помета при ЛСЕ (выбирается из таблицы **Chrono_Labels_List**); *Mean_Type* –

тип значения ЛСЕ (выбирается из таблицы **Mean_Types_List**); *Definition* – толкование ЛСЕ; *Link* – отсылка к семантически близкой, тождественной, равнозначной ЛСЕ (выбирается, например, из таблицы **Semantic_Stylistic_RSS** для РСС); *Comment* – комментарий к толкованию ЛСЕ; *Lexical_Class* – лексический класс, к которому отнесена ЛСЕ (выбирается из таблицы **Lexical_Classes_List**); *Thematic_Group* – тематическая группа, в которую включена ЛСЕ (выбирается из таблицы **Thematic_Groups_List**); *Indecent_Form* – информация о возможности или невозможности охарактеризовать форму негативной оценки, выраженной при помощи ЛСЕ, как неприличную (выбирается из таблицы **Indecent_Form**); *Page_Number* – номер страницы словаря-источника, на которой расположена ЛСЕ.

Отметим, что в поле *Stylistic_Label* может быть выбрано несколько условных обозначений СП (с учетом их возможных вариантов, комбинаций, сочетаний, представленных в словаре), что связано с особенностями стилистической характеристики слов в словарях, когда при одном слове может насчитываться до пяти отрицательно-оценочных СП (подробнее об этом см. в [1]); а также в поле *Link* может быть внесено более одной семантически близкой или тождественной ЛСЕ, что обусловлено перечислением нескольких синонимов при синонимическом толковании слов в словарях-источниках.

Таким образом, рассмотрена структура ЛБД ООЛ и описаны связи между формирующими ее таблицами, в частности, для **Semantic_Stylistic_RSS** как одной из основных таблиц семантико-стилистической характеристики слов в РСС и **Stylistic_Labels_RSS**, **Chrono_Labels_List**, **Mean_Types_List**, **Lexical_Classes_List**, **Thematic_Groups_List**, **Indecent_Form**, предназначенных для ее наполнения, а также ряда других вспомогательных таблиц.

3. Наполнение лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики.

При заполнении основных таблиц данных ЛБД ООЛ – таблиц семантико-стилистической характеристики отрицательно-оценочных слов в словарях – из словарных статей лексикографических источников извлекаются следующие данные: отрицательно-оценочная ЛСЕ (на данный момент – со значением номинации лица и группы лиц); отрицательно-оценочная СП к ней при наличии; хронологическая помета к ней при наличии; семантическая помета к ней в случае переносного значения ЛСЕ; толкование значения ЛСЕ; в случае отсылочного и синонимического толкования из него выделяется семантически близкая, тождественная, равнозначная ЛСЕ; комментарий к толкованию при наличии.

Помимо собственно словарных данных в ЛБД ООЛ вносится информация о лексическом классе, к которому относится ЛСЕ; тематической группе, в которую входит ЛСЕ; возможности охарактеризовать как неприличную форму негативной оценки, выраженной при помощи ЛСЕ; номере страницы лексико-

графического издания, на которой располагается словарная статья, посвященная ЛСЕ.

Опишем наполнение данными одной из основных таблиц ЛБД ООЛ на примере первого тома РСС.

Таблица *Semantic_Stylistic_RSS* содержит 1 737 записей, соответствующих 1 737 отобранным из РСС отрицательно-оценочным ЛСЕ со значением номинации лица и группы лиц и их параметрам, и имеет общую для всех основных таблиц ЛБД ООЛ структуру, которая представлена выше. Охарактеризуем наполнение каждого поля данной таблицы.

В поле **No** указаны уникальные коды, являющиеся порядковыми номерами записей, а следовательно, и ЛСЕ, под которыми они внесены в данную таблицу с соблюдением идеографического принципа РСС: ЛСЕ сгруппированы по семантике и даны в алфавитном порядке в пределах каждой лексико-семантической группы.

Код является идентификатором записи в пределах данной таблицы, следовательно, отдельные отрицательно-оценочные значения одного многозначного слова зафиксированы как самостоятельные ЛСЕ под разными кодами в следующих случаях:

- отрицательно-оценочные значения многозначного слова даны в разных словарных статьях и отнесены к разным тематическим группам в РСС, например, для многозначного слова *Быдло* создано две записи: 1 765 *Быдло* (презр.) ‘люди, бессловесно выполняющие для кого-н. тяжелую работу’ и 1 829 *Быдло* (бран.) ‘о людях из низших социальных слоев’²;

- отрицательно-оценочные значения многозначного слова приведены в одной словарной статье в пределах одной тематической группы в РСС, например, для многозначного слова *Сборище* создано две записи: 1 749 *Сборище* (неодобр.) ‘беспорядочное скопление людей’ и 1 750 *Сборище* ‘собрание людей (часто нелегальное)’;

- в отрицательно-оценочном значении можно выделить две части, на что указывает употребление в толковании сочетания союзов «а также», например, для слова *Кикимора* (также бран.) ‘человек, имеющий смешной и нелепый вид, а также некрасивая, непривлекательная женщина’ создано две записи: 1 545 *Кикимора* (также бран.) ‘человек, имеющий смешной и нелепый вид’ и 1 546 *Кикимора* (также бран.) ‘некрасивая, непривлекательная женщина’.

Кроме того, в ЛБД ООЛ как самостоятельные ЛСЕ зафиксированы:

- иллюстративные речения, которые получают стилистическую характеристику, отличную от характеристики заглавного слова, а также получают собственное толкование или развивают дополнительный (переносный) смысловой оттенок [6. С. XX], например, созданы такие записи: 1 812 *Беззащитное существо* (также ирон.) ‘живая особь, человек или животное’, 1 316 *Бог наказал* ‘о том, у кого случилась неприятность, кому не повезло, как будто бы в наказание за какую-то его вину, провинность’, 1 563 *Падший ангел* (также перен.) ‘о грешнике’;

- приведенные в так называемой заромбовой части словарной статьи устойчивые сочетания (фразеологические выражения и идиомы), «требующие собствен-

ного толкования и – в случае стилистического расхождения с заглавным словом – собственной стилистической характеристики» [6. С. XX], например, созданы такие записи: 7 *Человек в футляре* ‘человек, который замкнулся в кругу своих узких интересов, боится всего нового (по названию рассказа А. Чехова)’ и 483 *Лиса Патрикеевна* (пренебр.) ‘то же, что *Лиса*’ (см. 482 *Лиса* ‘хитрый и лстыивый человек’);

- «ближайшие производные слова, мотивированные данным словозначением» [6. С. XX], в случае их отличия от производящего слова в стилистической характеристике, например, для слова *Жучок*, производного от слова *Жук* (см. 467 *Жук* (неодобр.) ‘ловкий человек, плут’), создана запись 468 *Жучок* (уменьш.-унич.) ‘то же, что *Жук*’, при этом производное слово представлено как новая ЛСЕ, для которой в поле *Definition* приведена идентифицирующая дефиниция «то же, что», а в поле *Link* указано производящее слово.

Также в ЛБД ООЛ созданы отдельные записи в случае наличия в зоне заглавного слова двух вариантов одной ЛСЕ, когда:

- оба варианта связаны союзом «и», например, для *Неумеха* и *Неумѣха* создано две записи: 86 *Неумеха* (неодобр.) ‘человек, к-рый ничего не умеет делать или делает все плохо’ и 87 *Неумѣха* ‘то же, что *Неумеха*’ – при этом второй вариант (после союза «и») представлен как новая ЛСЕ, для которой в поле *Definition* приведена идентифицирующая дефиниция «то же, что», а в поле *Link* указан первый вариант (перед союзом «и»);

- второй вариант присоединен при помощи союза «или», например, для *Фома неверный* или *неверующий* создано две записи: 209 *Фома неверный* ‘человек, к-рый упорно стоит на своем, не верит очевидному (по евангельской притче об апостоле Фоме, к-рый не хотел верить в воскресение Иисуса Христа до тех пор, пока не прикоснется к его ранам)’ и 210 *Фома неверующий* ‘то же, что *Фома неверный*’ – при этом второй вариант (после союза «или») представлен как новая ЛСЕ, для которой в поле *Definition* приведена идентифицирующая дефиниция «то же, что», а в поле *Link* указан первый вариант (перед союзом «или»);

- второй вариант помещен в скобки, например, для *Красна* (красная) *девица* создано две записи: 128 *Красна девица* (ирон.) ‘о чересчур скромном, застенчивом мужчине’ и 129 *Красная девица* ‘то же, что *Красна девица*’ – при этом второй вариант (в скобках) так же представлен как новая ЛСЕ, для которой в поле *Definition* так же приведена идентифицирующая дефиниция «то же, что», а в поле *Link* так же указан первый вариант (без скобок).

Наполнение поля *Lexical_Semantic_Unit* составляет 1 737 ЛСЕ, отобранных из РСС. В выборку вошли имена существительные и эквивалентные им единицы со значением номинации лица и группы лиц с отрицательным компонентом в денотативном значении, например, 1 292 *Противник* (враг, недруг), 1 220 *Доносчик* ‘человек, к-рый доносит на кого-н., тайно обвиняет кого-н. перед властями, начальством’, – и с отрицательно-оценочным коннотативным компонентом значения, зафиксированным как в толковании, например, 1 307 *Бракодел* ‘недобросовестный работник, допускающий брак в своей работе’, 2 *Бумажная*

душа 'о бездушном чиновнике, бюрократе', – так и с помощью СП, например, 1354 *Аппаратчик* (часто не-одобр.) 'служащий какого-н. управления, руководящей организации, аппарата', 1301 *Подельник* (не-одобр.) 'человек, участвующий в одном, общем с кем-н. деле'.

В общей сложности из РСС в ЛБД ООЛ (а именно в таблицу *Semantic_Stylistic_RSS*) включено 1 676 имен существительных (что составляет 96,5% от общего числа включенных единиц), а также 61 устойчивое сочетание (фразеологические выражения и идиомы), 4 пословицы и 2 поговорки (всего 3,5%).

При наполнении поля ***Stylistic_Label*** используются условные обозначения, передающие названия отрицательно-оценочных СП из системы помет, принятой в РСС, список которых представлен во вспомогательной таблице *Stylistic_Labels_RSS*. Данное поле заполнено для ЛСЕ, обладающих стилистической характеристикой, зафиксированной в РСС при помощи отрицательно-оценочных СП, при этом учтено их количество при ЛСЕ, комбинации СП, сочетания СП с кванторами. Так, в РСС отмечается наличие двух отрицательно-оценочных СП при ЛСЕ, встречаются комбинации СП *груб. бран.* и *презр. бран.*, возможны сочетания СП с кванторами. Отметим, что если в РСС отрицательно-оценочные СП при ЛСЕ отсутствуют, то данное поле остается незаполненным (ему присваивается значение пустой строки).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* насчитывается 720 ЛСЕ (что составляет 41,5% от их общего числа), обладающих стилистической характеристикой, зафиксированной при помощи отрицательно-оценочных СП: из них с СП *ирон.* – 86, *неодобр.* – 142, *пренебр.* – 163, *уничи.* – 13, *презр.* – 160, *груб.* – 35, *бран.* – 197, а также с комбинациями СП *груб. бран.* – 18, *презр. бран.* – 2. Отметим, что из числа стилистически маркированных при 104 ЛСЕ (14,4%) имеется две отрицательно-оценочные СП, что свидетельствует об их полифункциональном употреблении.

Поле ***Chrono_Label*** данной таблицы заполняется информацией о выходящих (при помощи хронологической пометы *устар.*) и вышедших (при помощи хронологической пометы *стар.*) из употребления ЛСЕ, что дополняет их основную стилистическую (отрицательно-оценочную) характеристику. В данном поле для ЛСЕ указана их временная характеристика (при наличии таковой в РСС), для чего использованы условные обозначения хронологических помет из списка, представленного во вспомогательной таблице *Chrono_Labels_List*. Отметим, что если ЛСЕ входят в активный запас, то данное поле остается незаполненным (ему присваивается значение пустой строки).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* насчитывается 1 622 ЛСЕ (что составляет 93,4% от их общего числа), находящихся в активном запасе; 108 ЛСЕ (6,2%), выходящих из употребления, например, 340 *Мироед* (*презр.; устар.*) 'Человек, живущий чужим трудом, паразит'; 7 ЛСЕ (0,4%), вышедших из употребления, например, 682 *Лиходей* (также *бран.; стар.*) 'то же, что *Злодей*'.

В поле ***Mean_Type*** делается отметка в виде семантической пометы *перен.* (выбирается из списка типов

значения, представленного во вспомогательной таблице *Mean_Types_List*) в случае зафиксированного в РСС переносного значения ЛСЕ, что уточняет ее основную семантическую характеристику – значение номинации лица и группы лиц. Отметим, что если значение ЛСЕ прямое, то данное поле остается незаполненным (ему присваивается значение пустой строки).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* насчитывается 1 500 ЛСЕ (что составляет 86,4% от их общего числа) в прямом значении и 237 ЛСЕ (13,6%) в переносном значении, например, 40 *Бревно* (*пренебр.*, также *бран.; перен.*) 'Глупый и грубый человек', 52 *Колпак* (*пренебр.*, также *бран.; перен.*) 'Глупый, недалекий, простоватый человек', 103 *Щенок* (*пренебр.*, *бран.; перен.*) 'Мальчишка, молокосос'.

В поле ***Definition*** приводятся толкования ЛСЕ из РСС. Для многозначных слов, зафиксированных в РСС в одной или разных тематических группах, отбирается только то значение (реже – несколько значений), которое выражает семантику отрицательной оценки, и фиксируется в качестве толкования отрицательно-оценочной ЛСЕ. Так, содержащиеся в данной таблице 1 737 ЛСЕ представляют собой 1 612 многозначных слов в их конкретных значениях.

Помимо собственно семантического толкования в РСС используется два приема: синонимическое толкование и отсылочное (опосредованное). Опишем особенности заполнения поля *Definition* в данных случаях.

Приведенное в данном поле синонимическое толкование для ЛСЕ может быть как единственным для нее, например, 1 548 *Страхолюдина* 'урод, страшилище'; так и дополнением к семантическому толкованию, например, 352 *Сачок* 'человек, отлынивающий от работы, бездельник, лентяй'. Отметим, что наряду с заполнением данного поля перечисленные в толковании синонимичные ЛСЕ дублируются в поле *Link* (при условии их наличия в данной таблице).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* 439 ЛСЕ (что составляет 25,3% от их общего числа) толкуется через другие семантически близкие или тождественные им единицы.

Отсылочное (опосредованное) толкование в РСС семантически равнозначных ЛСЕ с помощью идентифицирующей дефиниции «то же, что» фиксируется аналогичным образом: в данном поле приводится указанная дефиниция с внесением в поле *Link* той ЛСЕ, отсылка к которой дана в толковании. В данной таблице при отсылочном (опосредованном) толковании встречаются отсылки также к тем ЛСЕ, которые в ней не представлены, например, *Бабка* (иногда *пренебр.*) 'то же, что Бабушка', *Студентик* (*пренебр.*) 'то же, что Студент'. В приведенных примерах определяемые ЛСЕ являются отрицательно-оценочными, а определяющие – нет (следовательно, не включены в ЛБД ООЛ), однако так как определяемые ЛСЕ в РСС не имеют собственного толкования кроме идентификации «то же, что», то толкования для таких отрицательно-оценочных ЛСЕ, как *Бабка*, *Студентик* приводятся от соответствующих нейтральных ЛСЕ *Бабушка*, *Студент*, а в поле *Link* факт отсылки к ним не

указывается, например, 1 248 *Бабка* (иногда пренебр.) ‘мать отца или матери’, 1 339 *Студентик* (пренебр.) ‘учащийся высшего учебного заведения’.

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* 211 ЛСЕ (что составляет 12,2% от их общего числа) не имеют самостоятельного значения, а толкуются через отсылку к другим ЛСЕ, представленным в ней.

В поле **Link** фиксируются семантические связи между семантически близкими, тождественными, равнозначными ЛСЕ, представленными в ЛБД ООЛ, в случаях их синонимического и отсылочного (опосредованного) толкования в РСС (как представлено выше при описании поля *Definition*), а также для ближайших производных от заглавного слова и двух вариантов одной ЛСЕ, приведенных в РСС в зоне заглавного слова (как представлено выше при описании поля *No*). При заполнении данного поля для определяемой ЛСЕ выбирается определяющая ЛСЕ из данной таблицы (или более одной определяющей ЛСЕ, когда в РСС встречается перечисление в толковании к ЛСЕ нескольких синонимов). Отметим, что если такие связи между ЛСЕ отсутствуют, то данное поле остается незаполненным (ему присваивается значение пустой строки).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* для 245 ЛСЕ (что составляет 14,1% от их общего числа) установлены семантические связи в виде отсылок к другим ЛСЕ.

Поле **Comment** содержит извлеченные из словарных статей РСС комментарии к толкованию ЛСЕ, представляющие собой дополнительную информацию, позволяющую уточнять отрицательно-оценочную семантику ЛСЕ. В данном поле представлено несколько типов комментариев, различающихся по своей функции: этимологический комментарий, например, 1 345 *Эскулап* (ирон.) ‘врач, лекарь (по имени бога врачевания в древнеримской мифологии)’; приведение первоначального значения, например, 700 *Бурбон* (презр.; устар.) ‘грубый, невоспитанный человек, солдафон (первоначально об офицере, выслужившемся из низов)’; указание на локально-временную характеристику, например, 996 *Вредитель* ‘человек, к-рому приписывается умышленное нанесение вреда производству (в годы советской власти)’; уточнение объекта отрицательной оценки (его пола, возраста, рода деятельности, других характеристик), например, 1087 *Марионетка* (перен.) ‘человек, покорно и слепо действующий по чужой воле (обычно о политическом деятеле)’; уточнение оттенка оценочного значения, например, 1 662 *Поросенок* (бран.) ‘употребляется как бранное слово (с оттенком насмешки)’; указание на сферу употребления, например, 1 721 *Чернь* (презр.; устар.) ‘низшие слои общества, трудовой народ (в речи аристократов, власть имущих)’; демонстрация лексической сочетаемости, например, 1 811 *Оборотень* (неодобр.) ‘о хитром и двуличном человеке (в сочетании: Не человек, а прямо какой-то оборотень)’; указание на особенности функционирования в речи, например, 4 *Tun* (ирон.) ‘человек, отличающийся какими-н. характерными свойствами, приметами (обычно с определением)’; определение лексического статуса единицы, например, 1 467 *Горбатого могила исправит* ‘о том, чьи недостатки неисправимы (пословица)’; уточнение морфологических

характеристик, например, 1 707 *Нуз* ‘непривилегированные слои общества (во мн. ч.)’. Отметим, что если комментарий к толкованию ЛСЕ в словарной статье РСС отсутствует, то данное поле остается незаполненным (ему присваивается значение пустой строки).

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* 173 ЛСЕ (что составляет 10% от их общего числа) снабжено комментариями.

В поле **Lexical_Class** указываются названия лексических классов (выбираются из списка, представленного во вспомогательной таблице *Lexical_Classes_List*). Основанием для отнесения ЛСЕ к одному из них является в первую очередь семантика ЛСЕ (ее включенность в РСС в соответствующее лексическое множество), а также наличие семантической пометы *собир.*, свидетельствующей о принадлежности ЛСЕ к разряду собирательных имен существительных, например, 1787 *Пьянь* (презр.) ‘Пьяные, пьющие люди’. Отметим, что к классу «Лицо и группа лиц» отнесены ЛСЕ с пометой *собир.* в сочетании с квантором *также*, поскольку такие ЛСЕ могут обозначать как отдельное лицо, так и совокупность лиц, например, 65 *Полудурье* ‘то же, что *Полудурок*’.

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* представлено 1 621 ЛСЕ (что составляет 93,3% от их общего числа), обозначающих лицо; 109 ЛСЕ (6,3%), обозначающих группу лиц; 7 ЛСЕ (0,4%), обозначающих лицо и группу лиц.

При заполнении поля **Thematic_Group** для каждой ЛСЕ выбирается название тематической группы (из списка, представленного во вспомогательной таблице *Thematic_Groups_List*), соответствующее тому лексическому множеству, к которому ЛСЕ отнесена в РСС.

В поле **Indecent_Form** фиксируется возможность охарактеризовать форму негативной оценки, выраженной при помощи ЛСЕ, как неприличную (с использованием условных обозначений из вспомогательной таблицы *Indecent_Form*), которая определяется на основании анализа СП при ЛСЕ, представленных в поле *Stylistic_Label* данной таблицы. Так, условное обозначение «можно» выбирается для ЛСЕ, снабженных СП *бран.*, *груб.*, а также комбинациями СП *груб. бран.*, *груб. презр.*; «вероятно» – для ЛСЕ с теми же СП в сочетании с кванторами; «нельзя» – для ЛСЕ с другими отрицательно-оценочными СП или при отсутствии таковых.

В таблице *Semantic_Stylistic_RSS* насчитывается 114 ЛСЕ (что составляет 6,6% от их общего числа), для которых, по данным РСС, форму выражаемой ими негативной оценки можно охарактеризовать как неприличную; 99 ЛСЕ (5,7%), для которых, по данным РСС, форму выражаемой ими негативной оценки, вероятно, можно охарактеризовать как неприличную; 1 524 ЛСЕ (87,7%), для которых, по данным РСС, форму выражаемой ими негативной оценки охарактеризовать как неприличную нельзя.

Поле **Page_Number** содержит информацию о страничном расположении в словнике РСС словарных статей, посвященных ЛСЕ. При этом если словарная статья начинается на одной странице, а заканчивается на другой, то в данном поле записываются оба номера страницы через дефис. Данная информация необхо-

дима как для навигации по словарю-источнику при работе с ЛБД ООЛ, так и для формирования ссылки на него с подстановкой номера страницы в библиографическое описание, хранящееся во вспомогательной таблице *Dictionaries_List*.

Таким образом, на примере одного из лексикографических источников рассмотрено строение и наполнение основной таблицы ЛБД ООЛ – таблицы семантико-стилистической характеристики отрицательно-оценочных слов в РСС, структуру которой формируют 12 полей, содержащих информацию как лингвистического, так и вспомогательного характера, что позволяет предоставлять релевантную информацию об отрицательно-оценочных ЛСЕ как из данного словаря, так и в сопоставлении с другими источниками.

Так, при использовании ЛБД ООЛ в качестве исследовательского инструмента: содержащиеся в поле *No* уникальные коды ЛСЕ позволяют различать значения многозначных слов; наполнение поля *Lexical_Semantic_Unit* дает представление о составе пласта отрицательно-оценочной лексики в современном русском языке по данным словаря; зафиксированные в поле *Stylistic_Label* отрицательно-оценочные СП отражают стилистическую маркированность ЛСЕ в словаре; содержащиеся в поле *Chrono_Label* хронологические пометы позволяют отбирать лексику, относящуюся к активному запасу; указание в поле *Mean_Type* на переносный тип значения позволяет определять в контексте слова, развивающие дополнительный смысловой оттенок; поле *Definition* предоставляет толкования ЛСЕ; реализованные при помощи поля *Link* связи между ЛСЕ позволяют проследить системные отношения между единицами лексического множества отрицательно-оценочных имен существительных со значением номинации лица и группы лиц; комментарии из поля *Comment* дополняют семантику ЛСЕ; поля *Lexical_Class* и *Thematic_Group* отражают распределение ЛСЕ по соответствующим лексическим классам и тематическим группам; поле *Indecent_Form* позволяет определять форму выраженной при помощи ЛСЕ отрицательной оценки как неприличную на основании словарных данных; зафиксированные в поле *Page_Number* номера страниц лексикографического издания выполняют функции навигации по нему и ссылки на полученную с помощью ЛБД ООЛ информацию.

Выводы

В результате проведенного исследования отобран, зафиксирован, систематизирован, семантически и стилистически описан пласт отрицательно-оценочных ЛСЕ и разработана концептуальная структура описания таких единиц, получившая отражение в формате ЛБД.

ЛБД ООЛ предоставляет информацию как лингвистического, так и вспомогательного характера об отрицательно-оценочных ЛСЕ, позволяет осуществлять их поиск, сортировку и отбор по выделенным критериям (параметрам), а также сопоставлять информацию из нескольких источников.

Основная область применения ЛБД ООЛ – лингвозадачная практика. Также данная ЛБД открывает новые перспективы для дальнейших разработок в области теоретической и практической лексикографии, выступая источником для составления словарей разных типов (например, словаря отрицательно-оценочной лексики, словаря наименований лиц, словаря инвективной лексики).

Формат представления лексикографических данных в виде ЛБД позволяет реализовать новый подход к проведению лингвистических исследований – с использованием средств автоматизации (например, для автоматического поиска оценочной лексики в конфликтных текстах), а также проводить экспериментальные исследования по определению семантики и стилистической характеристики слов (в том числе подбирать материал для проведения психолингвистического эксперимента, обрабатывать полученные данные), тем самым пополняя ЛБД ООЛ их результатами.

В качестве перспективы пополнения ЛБД ООЛ новыми данными отметим также возможность привлечения «Национального корпуса русского языка» в качестве источника материала для уточнения значений и стилистической квалификации слов, а также включение в ЛБД ООЛ единиц других частей речи и других семантических и стилистических групп лексики.

Подобная ЛБД может быть не только использована в качестве исследовательского инструмента, но и применена в образовательном процессе для ряда дисциплин (например, «Прикладная лингвистика», «Юридическая лингвистика», «Лексикография», «Лексикология»), а также в других видах деятельности (например, в изучении и преподавании русского языка как родного, неродного, иностранного и переводческой деятельности).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее в приведенных примерах подчеркиванием выделены те фрагменты записей ЛБД ООЛ, на которых акцентируется внимание при анализе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.
2. Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики : материалы Международной конференции / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, Ч. 1. С. 92–98.
3. Кусов Г.В. Выработка рекомендаций по совершенствованию информационных технологий в практике производства судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. С. 321–326.

4. Кочергина К.С. Система интеллектуальной поддержки процедуры лингвистической экспертизы // Перспективы развития фундаментальных наук : тр. XII Междунар. конф. студ. и молодых ученых (Томск, 21–24 апреля 2015 г.). Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2015. С. 1497–1499.
5. База данных // Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М. : Сов. энциклопедия, 1993. С. 96.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). 800 с.
7. Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 25–33.
8. Мишанкина Н.А. Базы данных в филологических исследованиях // Открытое и дистанционное образование. 2012. Т. 2. С. 35–40.
9. Мишанкина Н.А., Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Филология и информатика : специфика электронного представления региональных фольклорных текстов // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. I. С. 102–114.
10. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
11. Кочергина К.С. Применение технологии базы данных в лингвистических исследованиях // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 158–169.
12. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии : концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 86–99.
13. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92.
14. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 5–19.
15. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка : материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 70–85.
16. Басалаева Е.Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 112–125.
17. Саженин И.И. К вопросу о построении базы данных прагматически маркированной лексики // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 114–121.
18. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43.
19. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018620042. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц) / К.С. Кочергина. М. : Роспатент, 2018.
20. Кочергина К.С. Проектирование базы лингвистических данных (на материале оценочной лексики) // Материалы XIX Открытой конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2016 г.) / отв. ред. С.И. Монахов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2017. С. 170–174.
21. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 283 с.
22. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2 (121). С. 127–132.
23. Иваненко Г.С. Лексикография и лингвистическая экспертиза : перспективы взаимоотношений // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 98–118.
24. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза : на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 146–157.
25. Ефремов В.А. Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 41–49.
26. Стернин И.А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1 (69). С. 202–207.
27. Кочергина К.С. Автоматизация маркирования оценочной лексики в экспертных текстах // XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ (Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.) : тез. докл. / отв. ред. Д.Н. Чердаков. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 247–248.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 июля 2019 г.

Linguistic Database of Negative Evaluative Lexis: Concept, Structure, Content

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 29–40.

DOI: 10.17223/15617793/446/4

Kristina S. Kochergina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tinakochergina@gmail.com

Keywords: linguistic database; noun; negative evaluative lexis; stylistic label; dictionary; juridical linguistics; linguistic expert examination.

The article is devoted to the Linguistic Database of Negative Evaluative Lexis (Nouns Denoting Person and Group of Persons) (LDoNEL) which is being developed for linguistic research, in particular, for linguistic expert examination. The aim of this article is to describe LDoNEL's concept, structure and content. The sources for LDoNEL are the dictionaries of the modern Russian language (from late 20th to early 21st centuries). The material for the study were nouns with negative evaluative semantics denoting a person and a group of persons. The nouns were selected from the indicated sources by continuous sampling based on ideographic, semantic (including thematic one) and stylistic principles. A descriptive analytical (general scientific) method with a combination of its techniques was used in the study. The conceptual design method was used in developing LDoNEL. LDoNEL is characterized as follows: according to the type of lexical units, namely, by their part-of-speech affiliation, it contains nouns; according to the lexical semantic description it describes the negative-evaluative component; according to the data source it contains data from dictionaries and information based on them (about thematic groups and indecent forms); according to application it is intended for use in forensic linguistics practice and also can be used for various research and practical purposes. The article describes the structure of LDoNEL, which consist of 11 data tables: the main table of semantic and stylistic characteristics of negative evaluative lexis in the dictionary, and 10 supporting data tables ensuring the coherence and integrity of the data in the main tables: a dictionaries table; a negative evaluative lexical units table; a lexical units types table; a negative evaluative stylistic labels table; a dictionary stylistic labels table; a chronological labels table; a lexical meaning types table; a lexical classes table; a thematic groups table; a table of characteristics of the form of negative evaluation as indecent. Table fields that form the table's structure are listed for each of the tables. The content of LDo-

NEL is presented on the example of the first volume of the *Russian Semantic Dictionary* (1998) edited by N.Yu. Shvedova which is the basis for the main table of semantic and stylistic characteristics of negative evaluative lexis in the dictionary. The main table contains 1,737 entries relevant to 1,737 negative evaluative nouns denoting a person and a group of persons and their parameters. As a result of the study, a layer of negative evaluative lexis was selected, fixed, systematized, semantically and stylistically described, and a conceptual structure for describing such units was developed and reflected in the LDoNEL format.

REFERENCES

- Kochergina, K.S. (2017) Stylistic Labels in Dictionaries of the Modern Russian Language: a Comparative Analysis. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 20–38. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/2
- Golev, N.D. (2003) [Legal Linguistics Dictionary of the Injunctive Vocabulary of the Russian Language (towards the Problem)]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual Problems of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. 2 (1). Tomsk. 21–23 October 2003. Tomsk: Tomsk State University. pp. 92–98. (In Russian).
- Kusov, G.V. (2012) Development of Guidelines for the Improvement of Information Technologies Implementation in Forensic Linguistic Expertise. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 10. pp. 321–326. (In Russian).
- Kochergina, K.S. (2015) [The Intelligent Support System for a Linguistic Expertise]. *Perspektivy razvitiya fundamental'nykh nauk* [Prospects of Fundamental Sciences Development]. Proceedings of the 12th International Conference. Tomsk. 21–24 April 2015. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 1497–1499. (In Russian).
- Prohorov, A.M. (ed.) (1993) *Baza dannykh* [Database]. In: *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskiy slovar'*. *Tolkovyy slovar'*, *sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by the Classes of Words and Meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
- Mishankina, N.A. (2013) Databases in Linguistic Research. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 25–33. (In Russian).
- Mishankina, N.A. (2012) Database In Socio-Humanitarian Research. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie – Open and Distance Education*. 2 (46). pp. 35–40.
- Mishankina, N.A., Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2004) Filologiya i informatika: spetsifika elektronnoy predstavleniya regional'nykh fol'klornykh tekстов [Philology and Computer Science: the Specifics of the Electronic Representation of Regional Folklore Texts]. In: Mozhaeva, G.V. (ed.) *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian Computer Science]. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 102–114.
- Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
- Kochergina, K.S. (2018) [The Use of Database Technology in Linguistic Research]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: Current Status and Development Prospects]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 70th anniversary of the publication of the first volume of the academic "Dictionary of the Modern Russian Literary Language". St. Petersburg. 3–5 October 2018. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 158–169. (In Russian).
- Mishankina, N.A. & Panasenko, E.A. (2016) The Metaphorical Terminology Database: Conceptual Design. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (34). pp. 86–99. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.07
- Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016) Modeling of the Perceptual-Based Component of Language Semantics Using a Psycholinguistic Database. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (43). pp. 71–92. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2017) The National-Cultural Component in the Semantics of Words and Ways of Presenting It in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 5–19. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/1
- Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A Database of Pragmatically Marked Lexical Items of the Russian Language: The Content, Principles of Description, and Possibility of Using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (34). pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06
- Basalaeva, E.G. (2016) The Pragmatic Component and Ways of Its Semantization in the Electronic Database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (34). pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09
- Sazhenin, I.I. (2015) About Construction of a Database of Pragmatically Marked Vocabulary. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 5 (27). pp. 114–121. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1505.10
- Puritskaya, E.V. & Pankov, D.I. (2018) The Lexicon of the Modern Russian Language: Describing Normative and Stylistic Characteristics in the Dictionary Database. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 23–43. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/2
- Kochergina, K.S. (2018) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2018620042. Lingvisticheskaya baza dannykh otritsatel'no-otsenочноy leksiki (imena sushchestvitel'nye so znacheniem nominatsii litsa i gruppy lits)* [Certificate of State Registration of a Database No. 2018620042. Linguistic Database of Negative Evaluative Lexics (Nouns Naming a Person or a Group of People)]. Moscow: Rospatent.
- Kochergina, K.S. (2017) [Designing a Database of Linguistic Data (Based on Evaluative Vocabulary)]. *Proceedings of the 19th Open Conference for Philology Students*. St. Petersburg. 18–22 April 2016. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 170–174. (In Russian).
- Matveeva, O.N. (2004) *Funktsionirovaniye konfliktnykh tekстов v pravovoy sfere i osobennosti ego lingvisticheskogo izucheniya (na materiale tekстов, vovlechennykh v yuridicheskuyu praktiku)* [The Functioning of Conflicting Texts in the Legal Sphere and the Peculiarities of Its Linguistic Study (Based on the Texts of Texts Involved in Legal Practice)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
- Gibatova, G.F. (2011) Axiology at the Language. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 2 (121). pp. 127–132. (In Russian).
- Ivanenko, G.S. (2018) Lexicography and Linguistic Expertise: Prospects of Mutual Relations. *Yurislingvistika – Legal Linguistics*. 7 (8). pp. 98–118. (In Russian).
- Golev, N.D. & Matveeva, O.N. (2003) *Yurislingvisticheskaya ekspertiza: na styke yazyka i prava* [Legal Linguistic Examination: at the Intersection of Language and Law]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 146–157.
- Efremov, V.A. (2015) Dictionaries of Substandard Language in Lingvo Expert Practice. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (24). pp. 41–49. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1502.03
- Sternin, I.A. (2017) Main Principles of Semantic Analysis in Linguocriminalistic Text Examination. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1 (69). pp. 202–207. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-202-207
- Kochergina, K.S. (2015) [Automatisation of Marking of Evaluative Vocabulary in Expert Texts]. *Abstracts of the 18th Open Conference for Philology Students*. St. Petersburg. 6–11 April 2015. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 247–248. (In Russian).

Received: 30 July 2019

Г.Н. Ленько

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИРСТЕН БОЙЕ

Рассматриваются способы передачи эмоций и эмоциональных состояний в немецкой детской литературе на материале восьми произведений Кирстен Бойе. Лингвистический анализ выразительных средств проводится на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Количественный анализ помогает определить частотность употребления анализируемых способов на каждом из рассматриваемых уровней языка.

Ключевые слова: эмоции; эмотивность; детская литература; немецкий язык; Кирстен Бойе.

В настоящее время изучение выражения эмоций в языке, тексте и коммуникации является одной из важных задач в лингвистике. Это можно объяснить тем, что эмоции любого языкового сообщества социологизированы и психологизированы, т.е. они не только являются индивидуальной формой оценивания мира, но и влияют на особенности нормирования межличностных отношений в социуме [1. С. 5].

Сегодня в эмотиологии существует целый комплекс теоретических подходов, составляющих основу лингвистических исследований в России и за рубежом. Проблематика данной научной области активно рассматривается в трудах как российских лингвистов (В.И. Жельвис, С.В. Ионова, Н.А. Красавский, Я.А. Покровская, И.И. Скачкова, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский, А.А. Штеба и мн. др.), так и зарубежных исследователей (А. Вежбицкая, Б. Волек, Дж. Эйчисон и др.). Методологический аспект категории эмотивности состоит в том, что она может служить ключом к анализу всех коммуникативных процессов [1. С. 6].

Одним из важных коммуникативных процессов является художественная литература. По мнению Л.М. Кольцовой, художественный текст – это «материально-идеальная, высшая, относительно законченная единица творческой речемыслительной деятельности, воплощающая в единстве формы и содержания картину функционального мира, отражающая особенности эстетического восприятия действительности и средствами языка моделирующая авторское видение мира» [2. С. 3]. Следует также добавить, что в художественной литературе автор создает различные ситуации, в которых имитируются эмоции. По мнению В.И. Шаховского, «вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения Homo sentiens» [1. С. 22]. В свою очередь М. Николаева полагает, что эмоциональные состояния и чувства литературных персонажей интересны для анализа, потому что человеческий мозг может моделировать цели других людей, так же как он воспроизводит свои собственные устремления [3. С. 85].

Детская литература играет большую роль в формировании качеств и черт характера ребенка. Ее основной целью является созидание личности ребенка; она учит понимать чувства, эмоции, переживания людей. Как отмечает В.В. Бартель, «культурное наследие человечества находит свое отражение в тексте художественной литературы и через него сообщается ре-

бенку, оказывая влияние на становление его личности и формируя в его сознании образную модель мира» [4. С. 17].

В настоящее время все больше исследователей начинают обращать внимание на репрезентацию эмоциональных состояний в детской литературе. Рассматриваются языковые средства для передачи эмоций в детской сказке (С.Е. Токмакова, Т.В. Чумакова), сравниваются особенности вербализации различных эмоций в детской литературе и литературе для взрослых (А.В. Колмогорова, Г.Р. Николаева), исследуется эмотивность детской речи, отраженной в художественной литературе (Е.Б. Харисов), анализируются особенности употребления эмотивно окрашенных фразеологических оборотов в детской литературе (М.А. Новоселова), а также изучаются средства выражения юмора (Е.А. Мейлах). Исследования проводятся не только на материале русского языка (С.Е. Токмакова, Т.В. Чумакова, М.А. Новоселова), но и на материале французского языка (А.В. Колмогорова, Г.Р. Николаева), английского языка (Е.Б. Харисов), испанского языка (Г.Р. Николаева) и немецкого языка (Н.Н. Пелевина, А.А. Чеблукова). Однако следует заметить, что основным фокусом всех исследований являются лексические или / и синтаксические средства выражения эмоций.

Данная статья ставит перед собой цель рассмотреть способы выражения чувств и эмоциональных состояний в детской немецкой литературе на материале произведений Кирстен Бойе и выявить частотность употребления данных средств на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка, что позволит определить наиболее используемые средства выражения эмотивности на каждом из анализируемых уровней языка. Для анализа взяты восемь детских произведений современной немецкой писательницы Кирстен Бойе.

Кирстен Бойе является одной из выдающихся немецких авторов, создающих произведения для детей. Прежде чем начать литературную карьеру, К. Бойе долгое время работала педагогом. Доктор наук в области литературоведения, она ведет активную научную деятельность [5. С. 282]. Творчество этой немецкой писательницы отличается многогранностью и жанровым разнообразием. Она написала много интересных детских социально-критических, психологических, комических романов и романов-идиллий. В своих произведениях К. Бойе обращается к теме детства и рассматривает ее многосторонне

аспекты [6. С. 347]. Ее произведения о детях и семейной жизни показывают, насколько хорошо К. Бойе разбирается в проблемах, интересах и духовных потребностях современной молодежи. Обладая тонким чувством стиля, писательница смело экспериментирует с языком в своих произведениях [7. С. 292].

Материалом работы послужили следующие произведения писательницы: King-Kong, das Schulschwein; King-Kong, Allerhand und mehr; Verflixt – ein Nix!; Nix wie weg; Jenny ist meistens schön friedlich; Sophies schlimme Briefe; Paule ist ein Glücksgriff; Die liebe Familie. Общий текстовый объем составил 1 453 страницы. Эмпирическим материалом послужила 4 441 единица анализа (на фонетическом уровне – 2 342, морфологическом – 134, лексическом – 1 131, на синтаксическом уровне – 834).

Анализ категории эмотивности проводился на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка при использовании метода целостно-текстового анализа, контекстуального анализа и описательного метода. Для контрастирования нормальной речи и речи в состоянии эмоциональной напряженности был проведен анализ лексико-семантических и синтаксических сдвигов эмоциональной речи, а также комбинаторно-семантический анализ, вскрывающий «эмоционал» слова [8. С. 29]. При рассмотрении эмотивных языковых средств и их сочетаний в текстах использовался метод эмотивной валентности. Актуализация эмотивной валентности происходит через «неожиданные» (непривычные) для рамок стандартного кода сочетания, а также через сочетания, в которых один или более валентных «партнеров» являются эмотивными, – в таких случаях имеем дело с комбинаторным приращением смысла, которое развивается у слов в контексте целого высказывания [9. С. 30]. Для того чтобы определить наиболее часто употребляемые средства выражения эмотивности на каждом из исследуемых уровней языка, использовался метод количественного анализа.

Графическая реализация фонетических средств выражения эмотивности. Восприятие литературных произведений происходит преимущественно через чтение, а не со слуха, поэтому их графическое оформление является очень важным. К основным графическим способам передачи категории эмотивности относятся использование восклицательного знака; эмоциональные паузы, обозначенные в тексте с помощью тире или многоточия; функция точки; употребление курсива; дефис; звукоподражание; использование заглавных букв и увеличение количества букв.

Восклицательный знак употребляется в побудительных и эмфатических предложениях. Существуют также случаи, когда восклицательный знак используется в предложениях, которые не являются восклицательными. Восклицательный знак в таких случаях передает особое, чаще всего ироническое, отношение к содержанию высказывания, а иногда и возмущение по поводу рассказываемого:

«Mona, ist sie zurück? Ich hab' meine Schuhe vergessen!» В произведении «Die liebe Familie» отец семейства отправляется на поиски пропавшей тети. На улице, встречая неоднозначные взгляды прохожих, он

замечает, что вышел из дома в домашних тапочках. Дома он спрашивает у дочери про тетю и констатирует факт, что забыл свои туфли. В данном примере автор показывает нам рассеянность героя, его недовольство самим собой и осуждение себя за это. Графически это достигается использованием восклицательного знака на конце непобудительного предложения.

В рассматриваемых произведениях автор очень часто использует восклицательный знак – 1 628 раз, из них 314 – в побудительных предложениях и 1 314 – в эмфатических. В некоторых случаях восклицательный знак используется в вопросительных предложениях вместо вопросительного знака, что придает вопросу оттенок удивления или раздражения.

Важную роль играют эмоциональные паузы. Под эмоциональными паузами понимаются паузы, сопровождающие эмоциональную речь. Такие паузы передают чувства, охватившие говорящего: волнение, обиду, любовь, восторг, счастье и т.п. [10. С. 136]. На письме они обозначаются тире и многоточием:

«Jedenfalls hat sie sich schön gemacht», sagt Mona. «Naja, schön – also, angemalt hat sie sich.» В «Die liebe Familie» автор передает удивление и озадаченность девочки, которая рассказывает, что перед тем, как исчезнуть, пожилая тетя привела себя в порядок, даже нарисовалась. Автор усиливает столь эмоциональную речь, использованием тире, передающим интонационные модуляции и паузацию. Лексические единицы, называющие такую эмоцию, как удивление, наречия «jedenfalls» и «also», частица «naja» и повтор лексемы «schön» позволяют почувствовать эмоциональное состояние девочки: она путается в мыслях, пытается подобрать нужные слова.

Эмоциональные паузы часто передаются при помощи многоточия. Эмоциональные паузы помогают передать эмоциональные состояния нерешительности, неуверенности, смущения, нервозности персонажей:

Jonathan zuckt zusammen. «Ich dachte, ich sollte...», murmelt er. «Ich hab das vertübelt». В произведении «Verflixt – ein Nix!» во время урока плавания главный герой прячется за спину преподавательницы, чтобы ее столкнуть в бассейн и тем самым помочь своим друзьям и себе. Но преподаватель его замечает и спрашивает, что он делает. Это произошло очень неожиданно, мальчик не знает, что ответить, он нервничает, смущается. Графически это передается с помощью многоточия.

В анализируемых произведениях для передачи эмоциональных пауз чаще всего используется многоточие – 129 раз, что почти в 3 раза больше, чем тире (всего 38 раз).

Точка используется в конце законченного повествовательного предложения, как полного, так и неполного. Стилистически функция точки может различаться. При описании единой картины или быстрой смены событий точка разбивает текст на отдельные короткие предложения и одновременно создается впечатление единства и динамичности целого:

Natürlich sind alle mitgegangen zur Polizei. Bis auf Mona. Die wartet zu Hause auf Elvis. В «Die liebe Familie» точка передает сбивчивую речь героя, его волне-

ние. Одна мысль передается с помощью трех предложений.

При анализе было замечено, что в основном абзац состоит из двух-трех простых предложений, больше трех предложений, особенно распространенных, содержится в абзацах, посвященных какому-либо описанию.

Курсив используется для выделения эпиграфов, поэтических вставок, цитат, слов другого языка, названий упоминаемых произведений и все, что по отношению к данному тексту является чужим или «требуется необычного усиления (эмфатический курсив)» [11. С. 238].

Многие служебные слова, служебные глаголы, местоимения и т.п. при выделении курсивом приобретают в тексте особую важность: помимо реализации функций служебных слов, они приобретают дополнительную коннотацию:

«Sie ist *deine* Tante», sagt Mama und zieht sich ungerührt ihren Mantel an. В рассказе «Die liebe Familie», выделяя курсивом местоимение «твоя», автор указывает на сложные отношения в данной семье: безразличие и равнодушие. Пропала тетя главного героя, а его жена спокойно уходит на работу, подчеркивая, что это «не ее тетя».

Всего было выявлено 325 случаев употребления курсива, из них в 85 случаях курсив использовался для выделения слов песен, в 240 – для передачи какой-либо эмоции.

Интересным способом выражения категории эмоциональности является употребление дефиса:

Zum Glück darf Jenny nach dem Guten-Tag-Sagen zu Niko nach draußen. В рассказе «Jenny ist meistens schön friedlich» при помощи данного способа передается безразличие девочки по отношению к правилам этикета взрослых. Она знает, что ей надо поздороваться с друзьями мамы, а потом ее отпустят погулять.

Ономатопея – это звукоподражание, которое возникло на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам:

«Hund!», schreit Lisa. «Wauwau! Ja!» В «Jenny ist meistens schön friedlich» передается восторг девочки: она изображает лай собаки. Также это показывается с помощью употребления восклицательного знака.

«Psst, psst, psst, du», sagt Jan-Arne und hält das Schwein ganz dicht an sein Gesicht. «Ich bin doch nur Jan-Arne. Ich tu dir doch nichts.» В рассказе «King-Kong Allerhand und mehr» данным приемом передается забота мальчика, который успокаивает морскую свинку.

В анализируемых произведениях автор использует употребление дефиса и ономатопею в равной степени, по 78 и 79 раз соответственно.

Увеличение количества букв и употребление заглавных букв также являются важными графическими способами передачи эмоциональных состояний:

«Neeeeeein!», brüllt Jonathan. В рассказе «Nix wie weg!» автор увеличивает количество «е», тем самым подчеркивается нежелание мальчика оставаться в закрытой комнате. Также это передается с помощью восклицательного знака и лексической единицы «brüllen».

Liebe Omi, du musst keine Angst haben wegen dem laut Vorlesen. Ich schreib keine WÖRTER mehr (du weißt schon). Ich hab es Mama versprochen. Für ein Kind, das in die zweite Klasse geht, sind WÖRTER auch zu kindlich. В рассказе «Sophies schlimme Briefe» девочка обещает бабушке не употреблять больше плохих слов. В письме она пишет «WÖRTER» с заглавных букв, чтобы бабушка поняла, о каких словах идет речь.

В исследуемых произведениях автор использует увеличение букв / знаков препинания чаще, чем заглавные буквы. Было замечено 40 случаев увеличения букв и знаков и всего 25 случаев с использованием заглавных букв. Интересно отметить, что увеличение букв употребляется чаще всего при звукоподражании.

Можно сделать вывод, что в детской литературе на фонетическом уровне эмоции и чувства передаются с помощью использования восклицательного знака, точки, курсива, дефиса, эмоциональных пауз, показанных с помощью тире и многоточия, звукоподражания, а также с помощью увеличения количества букв и написания слов с заглавных букв. Однако в анализируемых немецких детских произведениях было выявлено, что чаще всего эмотивность передается с помощью восклицательного знака, точки и курсива. Ономатопея используется в основном для подражания звукам животных. Эмоциональные паузы используются редко и передаются с помощью многоточия. Увеличение количества букв наблюдается в прямой речи детей, когда они кричат или плачут. Дефис употребляется только для передачи слов, придуманных детьми (детский неологизм). Заглавные буквы используются крайне редко и в основном в прямой речи детей, а также в письменной речи детей (например, в письмах).

Морфологические средства выражения эмотивности. Эмотивность в тексте может создаваться с помощью использования морфологических и словообразовательных средств языка.

Использование выразительных возможностей суффиксов и приставок, в том числе суффиксов субъективной оценки (уменьшительно-ласкательных, увеличительных, пренебрежительных, уничижительных), является наиболее распространенным эмотивным средством на морфологическом уровне. Следует отметить, что в немецком языке лишь суффиксы -chen и -lein образуют от основ существительных диминутивы среднего рода не только с реальным значением уменьшительности, но также с субъективно-эмоциональными оттенками ласкательности. Суффиксы увеличительные отсутствуют полностью [12. С. 43]:

Das Meerschweinchen ist warm und weich und gerade richtig groß für seine Hände. В рассказе «King-Kong Allerhand und mehr» употребляется уменьшительно-ласкательный суффикс -chen, что помогает передать заботу, с которой мальчик относится к морской свинке.

К словообразовательным средствам эмотивности можно также отнести приём словосложения. Словоопределитель может выражаться основами, соотносящимися с различными частями речи: существительным, прилагательным, наречием, числительным, глаголом. При этом двустороннее взаимовлияние про-

стных слов сводит их эмотивный потенциал часто до нуля, который приходится компенсировать использованием дополнительных лексем [12. С. 44]. В данной работе рассматривались только те случаи словосложения, которые сами по себе передавали эмоциональные состояния и чувства:

Alle Kinder haben Geburtstag, aber Paule hat auch noch Ankunftstag. В произведении «Paul ist ein Glücksgriff» автор складывает два слова: Ankunft (прибытие) и Tag (день), называя таким образом день, когда мальчика усыновили новые родители. Таким образом передается любовь и забота приемных родителей по отношению к главному герою.

В проанализированных произведениях чаще всего эмотивность передается с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen* и *-lein* (98 случаев). Словосложение используется реже и передает в основном особые слова, придуманные детьми (36 случаев).

Лексические средства выражения эмотивности. На лексическом уровне категория эмотивности раскрывается, прежде всего, посредством употребления синонимов, фразеологизмов, стилистически окрашенной лексики, междометий.

Синонимы являются довольно распространенным средством передачи эмоциональных состояний. Под стилистическими синонимами мы понимаем слова, отличающиеся стилистической окраской, сферой применения и т.д. К стилистическим синонимам обычно относят также слова, в значениях которых содержатся оценочные элементы:

Bei Mühle hat er mich immer ganz wütig rausgepfiffert, das will ich jetzt nicht mehr. В произведении «Sophies schlimme Briefe» автор употребляет стилистически окрашенный синоним слову «победить», передавая разочарование и обиду девочки. Графически это также передается с помощью курсива.

В проанализированных произведениях всего было замечено 170 случаев употребления стилистических синонимов.

Использование различных устойчивых выражений позволяет усилить наглядность и образность текста, создать нужную стилистическую тональность (торжественности, возвышенности или сниженности), более ярко выразить отношение к сообщаемому, передать авторские чувства и оценки:

«Also gut, keine Antwort ist auch eine Antwort», sagt Frau Schöllner und geht wieder nach vorne. В «King-Kong, das Schulschwein» употребляется устойчивое выражение «keine Antwort ist auch eine Antwort» (молчание – тоже ответ), что передаёт чувство решительности и смирения.

В исследуемых произведениях устойчивые выражения употребляются в прямой речи, и преимущественно эти реплики произносятся взрослыми. Всего было использовано 54 устойчивых выражения.

Для выражения эмотивности в тексте могут использоваться все разряды стилистически окрашенной лексики: эмоционально-экспрессивная (оценочная) лексика, стилистически окрашенная лексика. Стилистически окрашенная лексика как средство эмотивности может придавать тексту возвышенное или, наобо-

рот, сниженное звучание, служить средством речевых характеристик героев, передачи авторских эмоций и оценок [13. С. 147]:

Wir haben schon den großen Kasten mit Familienspielen durchgespielt, da ist drin: Mensch-ärgere-dich-nicht! und Halma (das ist doof) und Mühle und Dame (das kann ich nicht, liebe Omi, es ist altmodisch) und Mikado und Memory. В «Sophies schlimme Briefe» главная героиня дает свои комментарии играм, в которые она играет со своим папой. При оценивании игры «Halma» она употребляет лексическую единицу «doof», которая относится к разговорной лексике и придает письму девочки непринужденный характер.

В анализируемых произведениях употребляются лексические единицы, относящиеся к разговорной лексике. В основном данные слова произносятся детьми. Всего было замечено 69 случаев использования стилистически окрашенной лексики. Наиболее употребляемой лексической единицей является «Mensch».

К эмотивной лексике также относятся междометия. По своим семантическим функциям междометия делятся на три группы; это междометия, обслуживающие сферу эмоций и эмоциональных оценок; волеизъявления; этикета (приветствия, пожелания, благодарности, извинения) [13. С. 148]. В данной работе рассматриваются междометия, служащие для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность:

Mama ist ziemlich erstaunt, als so früh am Morgen schon wieder Paule vor der Tür steht.

«Nanu?», fragt Mama. «Frau Rübsam krank?» В «Paule ist ein Glücksgriff» междометие «nanu» передает эмоциональное состояние удивления. Также это передается при помощи отсутствия глагола «sein» во втором вопросе.

Количественный анализ показал, что самыми употребляемыми междометиями являются «ja» и «mal». Всего было замечено 384 случая употребления междометий, передающих различные эмоциональные состояния и чувства.

Описания наблюдаемых состояний составляют особую систему со своими средствами выражения. Говорящий при этом является субъектом-наблюдателем, который судит об эмоциональных состояниях по их внешним признакам [14. С. 14].

Для описания эмоциональных состояний, наблюдаемых со стороны, в системе языка имеются глагольные предикаты и имена, которые обозначают внешние проявления эмоций. К ним относятся глаголы типа «смеяться» – «lachen»; «улыбаться» – «lächeln»; «плакать» – «weinen»; «дрожать» – «zittern»; «краснеть» – «rot werden»; «бледнеть» – «bleich werden» и имена, однокоренные с указанными глаголами:

«Können wir nicht noch ein klitzeklitze kleines bisschen bleiben, Papa?», fragt Jonathan. «Nur so sagen wir mal drei Stunden? Oder vier, fünf?»

Papa lacht.

В лексическом составе языка имеются предикатные имена-классификаторы, которые указывают на конкретные признаки эмоциональных состояний. Это слова, обозначающие «выражение лица» – «der Ausdruck»; «лицо» – «das Gesicht»; «глаза, взгляд» – «die Augen, der Blick»; «голос, тон» – «die Stimme, der Ton»; «миимику, жесты» – «die Geste, die Bewegung»:

Jonathan schlägt sich die Hand vor den Mund. «Wir müssen zurückfahren, Papa, schnell!», sagt er aufgeregt. «Der gehört dem Bikini-Mädchen! Ich hab nur *gedacht*, dass das meiner ist!» В «Verflixt – ein Nix!» с помощью жестов передаются удивление и разочарование мальчика, который случайно взял чужое ведро. Графически это передается при помощи курсива и восклицательных знаков. Также интересно использование дефиса при описании девочки.

Семантика глаголов со специфическими характеристиками говорения соотнесена с содержанием речи. Подобные глаголы сами по себе могут использоваться для описания эмоциональных состояний говорящего, так как их звуковой образ отражает состояние субъекта в момент говорения. Но для точного указания на эмоции эти глаголы сопровождаются наречиями со значением той или иной эмоции:

«Ich bin ja schon in der dritten Klasse», sagt Patrick beruhigend.

Можно сделать вывод, что в детских произведениях К. Бойе эмотивность на лексическом уровне чаще всего передается с помощью разговорной лексики, использования стилистически окрашенных синонимов и междометий. Устойчивые выражения употребляются в прямой речи взрослых. Описание наблюдаемых состояний передается при помощи глаголов говорения с наречиями, выражающими какие-либо эмоциональные состояния, а также при помощи глагольных предикатов, которые обозначают внешние проявления эмоций. Реже используются предикатные имена-классификаторы, которые указывают на конкретные признаки эмоциональных состояний.

Синтаксические средства выражения эмотивности. К синтаксическим средствам выражения эмотивности относятся: риторический вопрос, риторическое восклицание, повтор, синтаксический параллелизм, инверсия, парцелляция, антитеза, оксюморон.

Риторический вопрос используется для усиления эмоциональности, выразительности речи, для привлечения внимания читателя к тому или иному явлению:

Da hat Papa geseufzt und gesagt, ein ganz neuer Großer ist so teuer, da müssten sie in den nächsten hundert Jahren jeden Tag trocken Brot essen.

«Und das willst du doch nicht, was, Sohn?», hat Papa gesagt. В произведении «Verflixt – ein Nix!» папа не может купить новую машину. С помощью вопроса передается эмоциональное состояние разочарования и безысходности.

Риторические восклицания усиливают в сообщении выражение тех или иных чувств; они обычно отличаются не только особой эмоциональностью, но и торжественностью и приподнятостью. Риторические восклицания могут создавать торжественность и пате-

тичность речи, выражать радость, сожаление и другие оттенки настроения и эмоционального состояния:

Mama kann aber auch Fragen stellen! В «Jenny ist meistens schön friedlich» восклицание помогает передать чувство раздражения, которое испытывает женщина.

В анализируемых произведениях чаще употребляется риторическое восклицание – 149 раз, что почти в четыре раза больше, чем употребление риторического вопроса (всего 37 раз).

Повтор – это стилистическая фигура, состоящая из повторении какого-либо члена предложения (слова), части предложения или целого предложения, нескольких предложений, строфы с целью привлечь к ним особое внимание:

«Bitte, Mami», sagt Jenny dringlich. «Ach bitte, liebe, liebe Mami!» В «Jenny ist meistens schön friedlich» повторяется прилагательное «liebe», что помогает передать сильное желание девочки иметь рыбку.

Анафора или единоначатие, – это повторение слова или группы слов в начале строк, строф или предложений:

Bestimmt ruft sie Mama und Papa an. Und bestimmt sind die fürchterlich wütend. В «King-Kong, das Schulschwein» автор употребляет прием единоначатия для подчеркивания неизбежности происходящего, того, что непременно случится.

Эпифора – это повторение слов или группы слов в конце строк, строф или предложений:

«Ich werd' noch mal verrückt!» sagt er. «In diesem Haus werd' ich noch mal verrückt.» В «Die liebe Familie» автор употребляет эпифору для передачи смутения и отчаяния героя.

Подхват – это повтор какого-либо отрезка речи в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи:

Er schnurrt wie eine weiche, warme Nähmaschine und das bedeutet, das er Jan-Arnes Idee gut findet. King-Kong findet Jan-Arnes Idee immer gut. В «King-Kong, das Schulschwein», употребляя прием подхвата, автор показывает, что то, о чем говорилось в предыдущем предложении, является истиной. Он также употребляет наречие времени «immer».

Анализ всех видов повтора показал, что чаще всего используется повтор одной лексической единицы (всего 297), анафора и эпифора употребляются примерно в равной степени (43 и 45), реже всего используется подхват (всего 21).

Параллелизм (синтаксический параллелизм) – тождественное или сходное построение смежных частей текста: рядом стоящих предложений, стихотворных строк, строф, которые, соотносясь, создают единый образ:

«Und jetzt sitzt sie gemütlich auf einer Parkbank und sonnt sich! Oder sie hockt in einem Café und trinkt Kaffee! Oder sie...»

«Oder sie ist ganz blutig von einem Lastwagen totgefahren worden!» schreit Brüderchen begeistert. «Oder sie ist – plop! – tot umgefallen, weil sie hundert Jahre alt ist! Oder sie ist ertrunken mit allen Schuhen an den Füßen». В произведении «Die liebe Familie» автор употребляет

параллелизм для создания чувства беспокойства, тревоги, паники.

Инверсия придает фразе особую стилистическую окрашенность: торжественного, высокого звучания или, наоборот, разговорной, несколько сниженной характеристики:

Sogar netter als Papa war sie und hat ihm mit seinem Nix geholfen (aber wer der Nix ist, kommt in dieser Geschichte erst später), als Papa noch nicht mal glauben wollte, dass es Nixe gibt; und als Hilary dann bei Papa und Jonathan eingezogen ist, war das wirklich schön. В «Verflicht – ein Nix!» инверсия придает повествованию разговорный характер.

Парцелляция способна усиливать выразительность текста, выделяя какие-либо детали общей картины, подчеркивать значимость тех или иных частей высказывания, наиболее важных с точки зрения автора, передавать отношение автора к сообщаемому:

Aber Käfig putzen ist natürlich immer noch tausendmal besser als Diktat üben und das müsste er sonst jetzt wohl tun. Eigentlich. Wenn Mama Bescheid wüsste. В рассказе «King-Kong, das Schulschwein» мальчик обманул маму, сказав, что сделал все уроки. Рассуждая об этом, он опасается того, что могло бы произойти, если бы мама узнала правду. С помощью парцелляции передается смятение мальчика, также это показывается при помощи использования условного предложения.

Антитеза – это оборот, в котором резко противопоставляются противоположные понятия, положения, образы. Антитеза используется для усиления выразительности речи, подчеркивания контрастных образов, контрастных оценок:

«Aber bei Niko macht es ihm doch auch nichts aus!», sagt Jenny. «Niko darf den Baum schon den ganzen Tag sehen!»

«Niko ist Niko, und du bist du», sagt Papa. В произведении «Jenny ist meistens schön friedlich» чтобы не давать девочке то, что она хочет, папа противопоставляет ее и ее друга, что придает повествованию большей решительности и резкости.

Оксюморон – это стилистическая фигура, в которой соединяются обычно несовместимые понятия, как правило, противоречащие друг другу, при этом получается новый смысл, а речь приобретает особую выразительность:

«...Dann brauchst du dich nachmittags nur um die Wäsche zu kümmern», und sie drückt Papa einen eleganten Kuß aufs Ohr. В произведении «Die liebe Familie» оксюморон «ein eleganter Kuß» придает предложению комический характер.

Количественный анализ показал, что самыми употребляемыми средствами выразительности эмоциональных состояний были инверсия и парцелляция (79 и 83), менее используемыми средствами стали антитеза и оксюморон (17 и 12). Синтаксический параллелизм был использован 51 раз.

Можно сделать вывод, что в рассматриваемых произведениях эмотивность на синтаксическом уровне чаще всего передается с помощью риторического восклицания, повтора, а также инверсии, парцелляции и параллелизма. Риторический вопрос используется редко и в основном для передачи негатив-

ных эмоциональных состояний. Антитеза и оксюморон используются крайне редко.

В данной статье были рассмотрены способы выражения категории эмотивности в детской немецкой литературе на материале восьми произведений современной немецкой писательницы Кирстен Бойе. Количественный анализ способов выражения эмоциональных состояний и чувств на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях показал, что на фонетическом уровне эмоции прежде всего передаются графически при помощи восклицательного знака, точки и курсива. В основном используются простые предложения, распространенные предложения преобладают в описании. При передаче эмоциональных пауз многоточие используется чаще, чем тире. Увеличение количества букв / знаков, а также заглавные буквы употребляются преимущественно в прямой речи детей. Дефис используется в словах, придуманных детьми. Ономапоэя используется для подражания звукам животных.

На морфологическом уровне эмотивность передается чаще при помощи аффиксации (суффиксы -chen и -lein). Словосложение используется для передачи особых слов, придуманных детьми.

На лексическом уровне категория эмотивности раскрывается при помощи разговорной лексики, стилистически окрашенных синонимов и междометий. Устойчивые выражения используются редко и преобладают в речи взрослых. При описании наблюдаемых состояний преимущество отдается глаголам говорения с наречиями, выражающими какие-либо эмоциональные состояния. На втором месте по частотности использования находятся глагольные предикаты, которые обозначают внешние проявления эмоций. Реже используются предикатные имена-классификаторы, которые указывают на конкретные признаки эмоциональных состояний.

На синтаксическом уровне категория эмотивности выражается при помощи синтаксических фигур. Самыми употребляемыми являются риторическое восклицание и повтор. Инверсия и парцелляция также используются часто и придают фразе несколько разговорный характер. Синтаксический параллелизм используется реже и помогает в основном передать чувство беспокойства и тревоги. Риторический вопрос, антитеза и оксюморон используются крайне редко. Можно сделать вывод, что в детских произведениях Кирстен Бойе категория эмотивности, прежде всего, выражается при помощи фонетических (графических) средств таких, как восклицательный знак, курсив, точка. На лексическом уровне предпочтение отдается стилистически окрашенным синонимам, разговорной лексике и междометиям. На синтаксическом уровне эмоции чаще всего передаются при помощи риторического восклицания, повторов, парцелляции и инверсии. Реже всего эмоции передаются с помощью морфологических средств языка. Следует отметить, что одни и те же эмоции и чувства могут передаваться при помощи разных средств языка, и наоборот, одни и те же выразительные языковые средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состоя-

ния. Использование методов целостно-текстового анализа и контекстуального анализа позволило заметить, что чаще всего эмоциональные состояния и чувства передаются при помощи одновременно нескольких фонетических, морфологических, лексиче-

ских и синтаксических средств языка. Однако данные способы не всегда напрямую передают эмоциональное состояние героев, иногда они помогают реализовать эмотивный фон и тональность художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 144 с.
2. Кольцова Л.М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2007. 52 с.
3. Николаева М. Отображение эмоций через слово и картинку // Вестник детской литературы. СПб. : Изд-во писателей «Дума», 2014. Вып. 8. С. 81–104.
4. Бартель В.В. Текст детского художественного произведения как культурологический портрет эпохи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 19 с.
5. Richter K. Überlegungen beim Schreiben von Kinderbüchern. Zum Realismus in den Kinderbüchern Kirsten Boies // Deutschunterricht. Berlin : Westermann, 1998. Hf. 6. S. 282.
6. Боголюбова В.П. Творчество немецкой писательницы Кирстен Бойе : детские романы // Преподаватель XXI век. М. : МПГУ, 2010. Т. 2, № 4. С. 347–356.
7. Смирнов Е.А. Творчество К. Бойе на занятиях по немецкому языку // Лингвистика и методика в высшей школе. Гродно, 2014. Вып. 6. С. 292–295.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.
9. Колобаев В.К. Функциональный анализ слов широкой семантики в английской научной литературе // Вопросы анализа специального текста. Уфа : УГУ, 2003. 176 с.
10. Введенская Л.А. Культура речи. Сер. Учебники, учебные пособия. Ростов н/Д. : Феникс, 2001. 448 с.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М. : Просвещение, 1990. 300 с.
12. Волкова Р.А. Текстообразующие функции эмоционально-экспрессивных частиц в языке прозы Э.М. Ремарка: доминантность, когнитивность, прагматичность // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 2. С. 39–45.
13. Эбзеева Э.Н., Ленько Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 142–151.
14. Ленько Г.Н. Выражение категории эмотивности в художественных произведениях французских, английских и немецких авторов конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 17 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 октября 2017 г.

Means of Emotional Expression in Works of Kirsten Boie

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 41–48.

DOI: 10.17223/15617793/446/5

Galina N. Lenko, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: gallina-l@yandex.ru

Keywords: emotions; emotivity; children's literature; German; Kirsten Boie.

The article aims at analyzing the means of expression of feelings and emotional states in German children's literature in the works of Kirsten Boie and at identifying the frequency of use of these means at four levels of the language: phonetic, morphological, lexical and syntactic, which will help to determine the most used means of expressing emotiveness at each of the analyzed levels of the language. The research was carried out on the material of the following works of the German writer: *King-Kong, das Schulschwein* (1995); *King-Kong, Allerhand und mehr* (2004); *Verflix! – ein Nix!* (2003); *Nix wie weg* (2013); *Jenny ist meistens schön friedlich* (2012); *Sophies schlimme Briefe* (2011); *Paule ist ein Glücksgriff* (2010); *Die liebe Familie* (2004). The total text volume was 1,453 pages. 4,441 units of analysis served as the empirical material (2,342 at the phonetic level, 134 at the morphological level, 1,131 at the lexical level, 834 at the syntactic level). The analysis of the category of emotiveness was carried out at the phonetic, morphological, lexical and syntactic levels of the language using the methods of integral text analysis, contextual analysis and a descriptive method. To contrast normal speech and speech in a state of emotional tension, an analysis of the lexical-semantic and syntactic shifts of emotional speech was conducted, as well as a combinatorial semantic analysis. The method of emotive valence was used to study language tools and their combinations in the texts. The quantitative analysis method was used to determine the most frequently used means of expressing emotiveness at each of the studied levels of the language. The following results were obtained. First and foremost, emotions in the works of Kirsten Boie are expressed with the help of phonetic (graphical) means: exclamation mark, italics and full stop. At the lexical level, the priority is mostly given to stylistically colored synonyms, colloquial vocabulary and interjections. To describe the observed emotional states, the priority is given to verbs of speaking used with adverbs expressing some emotional states. At the syntactic level, emotions are usually expressed with the help of rhetorical exclamation, repetition, parceling and inversion. The morphological means are used very rarely. Interestingly, the same emotions and feelings can be expressed with the help of different means of the language and, vice versa, the same expressive language means can convey different, sometimes opposite, emotions and emotional states. It should also be noted that the analyzed methods do not always directly convey the emotional state of the characters, sometimes they help to express the emotional background and the tonality of fiction books.

REFERENCES

1. Shakhovskiy, V.I. (2015) *Golos emotsiy v yazykovom krughe homo sentiens* [The Voice of Emotions in the Language Circle of Homo Sentiens]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
2. Kol'tsova, L.M. (2007) *Punktuatsionnyy eksperiment v khudozhestvennom tekste* [Punctuation Experiment in a Literary Text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Voronezh.

3. Nikolaeva, M. (2014) Otobrazhenie emotsiy cherez slovo i kartinku [The depiction of emotions through the word and picture]. *Vestnik detskoy literatury*. 8. pp. 81–104.
4. Bartel', V.V. (2002) *Tekst detskogo khudozhestvennogo proizvedeniya kak kul'turologicheskiy portret epokhi* [The Text of the Children's Artwork as a Cultural Portrait of the Era]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
5. Richter, K. (1998) Überlegungen beim Schreiben von Kinderbüchern. Zum Realismus in den Kinderbüchern Kirsten Boies. *Deutschunterricht*. 51 (6). pp. 282–293
6. Bogolyubova, V.P. (2010) Tvorchestvo nemetskoy pisatel'nitsy Kirsten Boie: detskie romany [Works of the German Writer Kirsten Boie: Children's Novels]. *Prepodavatel XXI vek*. 4 (2). pp. 347–356.
7. Smimov, E.A. (2014) Tvorchestvo K. Boie na zanyatiyakh po nemetskomu yazyku [K. Boie's Works in the German Language Class]. *Lingvistika i metodika v vysshey shkole*. 6. pp. 292–295.
8. Shakhovskiy, V.I. (2009) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical-semantic System of Language]. 3rd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
9. Kolobaev, V.K. (2003) Funktsional'nyy analiz slov shirokoy semantiki v angliyskoy nauchnoy literature [Functional Analysis of Words of Broad Semantics in the English Scientific Literature]. In: *Voprosy analiza spetsial'nogo teksta* [Issues of Analysis of a Specific Text]. Ufa: Bashkir State University
10. Vvedenskaya, L.A. (2001) *Kul'tura rechi* [A Culture of Speech]. Rostov-on-Don: Feniks.
11. Arnol'd, I.V. (1990) *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of the Modern English Language (Decoding Stylistics)]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Volkova, R.A. (2013) Text-Forming Functions of Emotional Expressive Particles in the Language of E.M. Remarque's Prose: Dominance, Cognition and Pragmatism. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of Adyghe State University. Series 2. Philology and the Arts*. 2. pp. 39–45. (In Russian).
13. Ebzeeva, E.N. & Len'ko, G.N. (2016) Lexical Expressive Means of Emotivity (Based on Modern French, English and German Fiction). *Vestnik RUDN. Ser. Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 1. pp. 142–151. (In Russian).
14. Len'ko, G.N. (2011) *Vyrazhenie kategorii emotivnosti v khudozhestvennykh proizvedeniyakh frantsuzskikh, angliyskikh i nemetskikh avtorov kontsa XX – nachala XXI vekov* [Expression of the Category of Emotivity in Literary Works by French, English and German Authors of the Late 20th – Early 21st Centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Received: 26 October 2017

И.И. Назаренко

ДНЕВНИК В СЮЖЕТНОЙ И НАРРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА Б. ПОПЛАВСКОГО «ДОМОЙ С НЕБЕС»

Исследуется роль дневниковых текстов в сюжетной и нарративной организации романа Б. Поплавского «Домой с небес» (1935). Выделяются разные функции дневников персонажей второго ряда и центрального персонажа. Сюжетно дневниковые фрагменты в статье трактуются как знаки самоопределения центрального персонажа в земной и метафизической реальности, а также как знаки его писательского становления. Делается вывод, что весь текст романа принадлежит персонажу, который в финале принимает решение вернуться к писательству.

Ключевые слова: Б. Поплавский; «Домой с небес»; исповедальность; дневниковая форма.

Поэт Борис Поплавский (1903–1935), как и многие представители «младшего» поколения русской эмиграции первой волны, в своём творчестве обратился к проблеме личности, выброшенной из родной культуры, к вопросу, возможна ли её автономность в чуждом социокультурном пространстве. Одна из художественных стратегий писателей-младоземigrants – исповедальность: «...дискурс, который по определению не содержит лжи. <...> слово последней искренности и открытости» [1. С. 267]. Второй роман Б. Поплавского, «Домой с небес» (1935), почти не изучался в отрыве от «Аполлона Безобразова» (1932), первого романа поэта, однако как последнее законченное произведение автора представляет интерес в рамках проблемы исповедальности, несмотря на доминирование 3-личного повествования. Одно из средств выражения личностного и исповедального дискурса в романе – введение в текст дневниковых фрагментов.

Поплавский вёл дневники с 14 лет и до самой смерти в 1935 г.; впервые они были опубликованы в 1938 г. в Париже Н. Татищевым, его другом. Д. Токарев указал на парадокс художественного и дневникового письма у Поплавского: «Если Поплавский пишет роман, то этот роман получается почти как дневник, но именно почти, поскольку автобиографические элементы в тексте “компрометируются” общей модальностью вымысла. Если же он пишет дневник, то это почти роман, дневник утрированный, где искренность доведена до такого градуса, что читателю кажется лживой» [2. С. 111].

М. Михеев в книге «Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст», выделяя дневник во множестве форм эго-текстов, даёт главное определение дневника как текста «без расчета на аудиторию... но лишь для себя самого» [3. С. 4]. Признаки дневника: 1) неокончательно обработанный; 2) небольшое временное удаление; 3) человек пишет его сам; 4) обращаясь как бы к самому себе; 5) описываемые события соответствуют реальным фактам; 6) текст нарезан датированными отрывками. Михеев замечает, что дневник может обходиться без дат; переадресован читателю; автор может фантазировать. Но дневник выделяется из дневниковых (дневникоподобных) эго-текстов, где есть изображение личной жизни автора, интимность, доверительность. Говоря о функциях дневника, Михеев выделяет важную для толкования дневников в романе Поплавского функцию самоиден-

тификации пишущего. С.В. Савинков пишет о дневниковой форме внутри литературного произведения как имитации «внелитературного дневника» [4. С. 61], в которой важны «предельная субъективность пишущего» [Там же. С. 62], самоанализ, т.е. связь дневника с исповедью и, напротив, единоличный суд над окружающими.

В романе «Домой с небес» дневники ведут наделенный автобиографическими чертами Поплавского центральный персонаж – эмигрант, начинающий писатель Олег, а также важные для его самоопределения персонажи: приятель Аполлон и возлюбленная Таня. Хотя И. Каспэ называет дневники обязательным атрибутом персонажей романов Поплавского, «“второй кожей”, “подпольным я”» [5], стоит признать, что дневниковые тексты не доминируют в повествовании. Однако если дневники персонажей второго ряда включены лишь как цитаты и важны для толкования отдельных ситуаций в жизни центрального персонажа, то фрагменты дневников Олега важны не только сюжетно, но и как выражение скрытых и отличных от бытовой реальности его внутренних состояний, его бытийного самоопределения. Кроме того, ведение или отказ от ведения дневника являются важными сюжетными ситуациями романа, мотивируя не поведение героя в конкретных сценах, а его выход из эмпирической реальности в метафизическое пространство, выход, параллельный событиям реальности. Поэтому дневники героя составляют текст, параллельный повествованию объективного недиегетического нарратора (терминология В. Шмида [6. С. 79]), создавая не столько антитезу субъективного и объективного толкования событий, а антиномию эмпирического и метафизического сознания центрального персонажа – антиномию самоидентификации на «небе» и на «земле».

Фрагменты из дневников Олега вводятся в первой части романа (в 1–3-й и 5-й главах; всего глав в романе 10), когда он связан с «небом», путь к которому, как замечает И.Е. Разинькова, является «дорогой вглубь себя, высота соотносится с глубиной» [7. С. 17]. «Небо» – это мир подсознания Олега, в котором возможно общение с Богом как метафорой внутренних абсолютов; это нематериальная реальность духовной культуры – философии, литературы и собственного дневникового творчества, направленного на самопознание. «Земля» – это материальная, природная реальность, укоренение в которой происходит

прежде всего в отношениях с женщиной, воплощением земной материи и чувственного мира; это и реальность социальная – в ней укорениться позволяет работа, дающая социальный статус. Заглавие романа отражает основное сюжетное событие: переход Олега через семантический рубеж (терминология Ю.М. Лотмана [8. С. 228]) – с небес домой, на землю. Основная коллизия центрального персонажа связана с самоопределением в материальной и метафизической реальности, поиском своего места в бытии.

Дневники Олега можно воспринимать как редуцированные свидетельства его писательского становления, поскольку основная функция ведения дневника – литературно-творческая: не документализация своего пребывания в действительности, а бытийное самоопределение. Фабульно, в повествуемом времени, Олег почти не занимается литературной деятельностью. Эквивалентом писательской деятельности, сублимацией творческого воображения для персонажа являются дневники: *«Писатель?.. Да, в отхожем месте, пальцем на стене, в мечтах, в дневниках, в отрывках без головы и хвоста...»* [9. С. 399]. Эстетическая позиция Поплавского, опирающаяся на отказ от фикциональности и литературности, проявляется в его статье «По поводу Джойса» (1931): «С какою рожею можно соваться с выдумкой в искусство? Только документ. И разве святые и мистики выдумывали?» [10. С. 78]. Эстетическая позиция автора и его персонажа совпадают; хотя Олег не формулирует её прямо, это подтверждает то, что персонаж отказывается от вымысла, но для него в дневниках важна не документальность, а духовное самоотождествление, скрытое от окружающих. Покаяние или самоутверждение – и то и другое – только для себя и только для поиска смысла жизни в реальности и в искусстве.

Олег называет себя *«сортирным писателем»*, подобным пишущим на сортирной стене для читателей, поскольку один из локусов его творчества – отхожее место, сортир. С одной стороны, так снижается русский национальный миф о писателе как авторитете, носителе знания. С другой стороны, сортир – пространство интимности, необходимой для творчества, найти которое в современной цивилизации возможно только в уборной. Семантика сортира связана с телесным низом, с естественными физиологическими процессами, обнажением себя в творчестве, что тоже близко Поплавскому, писавшему в своём дневнике: «Не пиши систематически, пиши животной, салом, калом, спермой, самым мазаньем тела по жизни...» [11. С. 201]. Писательство в виде ведения дневников является для Олега исповедальным актом, самоочищением без самоидеализации. Другие локусы творчества Олега – *«на почте на телеграфном бланке и с невозмутимым видом на улице – на корешке газеты...»* [9. С. 334] – подчеркивают стихийность творческого процесса, внезапность вдохновения, духовного импульса, который необходимо выплеснуть, зафиксировав в тексте. Творения Олега – дневниковые записи и отрывки *«без головы и хвоста»*; он не стремится к завершенности, поскольку реальность и человеческая жизнь в ней текучи, фрагментарны и неза-

вершённые. Только во фрагментарных текстах можно выразить и хаос сознания, и стихийность жизни.

Дневник для Олега имеет способность выразить и диалогичность сознания, вступить в квазидialog с миром. В земной реальности, несмотря на нахождение физической близости (романы с Таней, Катей), Олег одинок. В своём сознании он стремится к «небу», к Богу, но ни небо, ни вопрошаемый Бог не отвечают ему. Нахождение на безответном «небе» тягостно: *«...белое небо, нестерпимое для взора, хоть и без солнца, белое до боли»* [9. С. 231]. Потребность в диалоге в дневнике разрешается диалогом с самим собой, благодаря чему реализуется и аутокогнитивная функция дневника – самопознание. Фиксация в тексте текучих чувств, состояний и мыслей помогает объективировать внутренний мир в слове, поскольку слова создают ассоциативные связи с разными проявлениями бытия, с разными текстами культуры, выводят за границы конкретности.

В роман включено пять фрагментов дневника Олега – два в 1-й главе и по одному во 2-, 3- и 5-й главах. Фрагменты из дневников отделяются от основного повествовательного текста кавычками. Идентифицировать дневниковый дискурс позволяют смена лица повествования с 3-го на 1-е и процесс письма, фиксируемый персонажем или нарратором в дневниковом тексте или перед ним: *«Пишу в поезде»* [Там же. С. 232]; *«страница, на которой я пишу»* [Там же. С. 260]; *«смеясь, писал поперек страниц»* [Там же. С. 328]. В дневниках Олега нарушается два признака, выделенных Михеевым. Во-первых, ни один из дневниковых фрагментов Олега не датирован. Даты излишни, потому что романский текст хроникален, и нарратор сам обозначает повествуемое время, часто с точностью до дня недели или числа в месяце. Во-вторых, нельзя говорить о стилистической необработанности дневников персонажа: они наполнены элементами художественной речи и приближены к литературному тексту, поскольку Олег – начинающий писатель.

Олег в дневниковых текстах берёт на себя функцию носителя повествования, становясь вторичным нарратором, нарратором-персонажем. Он не уходит в воспоминания о прошлом, в утраченное социокультурное пространство России – по причине ранней эмиграции оно навсегда потеряно; персонаж, описывая, что чувствует и что с ним происходит, пытается самоопределиться в настоящем. Хотя в центре внимания Олега собственная духовная жизнь, он повествует и о внешних событиях, описывает окружающую реальность. В первом фрагменте в центре повествования – отъезд из Парижа и попытка изменить образ жизни. В последующих фрагментах дан выход сознания персонажа в метафизическое измерение, акцент переносится на его отношения с Богом и отпадение от Бога.

Событие, по причине которого Олег обращается к дневникам в 1-й части романа, – поездка к морю (он упоминает, что не покидал Париж в течение 10 лет) – это перемена способа существования, разрыв духовной связи с «небом» и божеством, поиск своего места на «земле». Пространство творчества становится вре-

менной заменой «неба» на пути персонажа к укоренению в земной реальности. В дневнике персонаж открывает для себя внутреннюю коллизию – неприятие реальности и тягу к земному. Борьба с земным велась посредством аскезы и физической культуры, а власть земного вылилась в погружение в телесную страсть: «...я борюсь с тобою, о счастье мое, сон, любовь, жизнь; но как странно и сладко было бы сдаться, снова сделаться человеком, опять страдать...» [9. С. 235]. Олег обращается к записям, когда тяга к земному побеждает, и он вступает в конфликт с Богом. Это не начало неверия и богоотрицания, но разрыв с божеством, уход в земную реальность: «Да, я утратил друга, я утратил товарища, я утратил Бога. Как это... Я посмеялся над Ним... Я не отрицаю Его существования, Он слишком заметен, и я постоянно смотрю на Него, смотря на мир. Но никогда уже не говорю ему Ты, а только Он» [Там же. С. 243].

Дневник позволяет сохранить следы индивидуального существования на земле, не раствориться в эмпирическом потоке. Но дневник помогает и культурной идентификации: выброшенный из родной культуры, Олег чувствует, как иной социум не замечает его. Олег в дневнике описывает себя, окруженного социумом (1-я глава) и природным миром (2–3-я главы), которые, не понимая его, растворяют в себе. Способом духовного выделения из природы и социума становится дневниковое письмо. Оно позволяет занять созерцательную позицию по отношению к бытию: «...я посреди них, как мертвое среди живого чудовище подавленной сексуальности»; «я, как дьявол со скалы, огромными глазами изумленья наблюдаю первую человеческую пару в земном раю» [Там же. С. 233].

Исповедальный дискурс в дневниках Олега проявляется как словесная фиксация персонажем внутреннего состояния: «Сердце пусто, и до того неинтересно» [Там же. С. 232]; «наслаждаюсь и гибну от свободы, света и чистоты» [Там же. С. 233]; «Невольное радостное возбуждение, с которым бороться было невозможно» [Там же. С. 234]. Переживания Олега могут выражаться не прямо, а через изображение и восприятие окружающей реальности. Так, внутренняя коллизия персонажа – самоопределение на «земле» и «небе» – передаётся описанием его пограничного пространственного положения: «...между пестрыми зонтиками палаток, коричневые люди танцуют в воде вокруг перевернувшейся душегубки, <...> а вдали горизонт покрыт белыми облаками» [Там же. С. 235]. В изображении проезжающего поезда проявляется страх Олега перед гневом Бога за уход от него: «...кажется, он бежит от грозы. Сзади него уже половина неба потемнела до фиолетовой черноты, и уже видима была по временам маленькая молния, очень низко летящая...» [Там же. С. 243]. Ощущение уходящей молодости соотносится с состоянием природного мира: «август проходит; странный месяц — ни лето, ни осень, и лето, и осень, как мои тридцать лет» [Там же. С. 260].

Дневниковое письмо для Олега – это и форма интерпретации реальности. Во 2-й главе в его записях фиксируется мыслительный поток персонажа, пытающегося постичь Бога и его роль в мироздании. Олег

приходит к мысли, что бытие – это сон Бога, над которым он потерял власть, именно поэтому человек наделен свободой воли: «Мир не может быть только мыслям Богом, ибо мысль не имеет протяжения и вся в восхищении открытия, но мир не может быть только воображением Бога, ибо воображенное необходимо подчинено воображающему и в нем не могло бы быть ни греха, ни свободы, ни искупления... Нет, мир должен быть сном Бога, раскрывшимся, расцветшим именно в момент, когда воображение перестало Ему подчиняться и Он заснул сном мира, потеряв власть, отказавшись от власти...» [9. С. 235].

Записи Олега в 3-й главе – последний крупный и самый поэтический фрагмент дневника персонажа в романе. Персонаж обращается к морю, которое пребывает в вечном движении и изменении и, отражая небесный мир, соединяет земное и небесное: «О море, самое роскошное и самое скромное из всех божеств» [Там же. С. 260]. В этом фрагменте дан процесс создания персонажем стихотворного текста. Сначала фиксируется прозаическое описание реальности: «...страница, на которой я пишу, кажется голубой. Тончайший песок налетает на нее, и над ней наклоняется мята, что так же равнодушно к зрителю уже отцвела, потому что август проходит; странный месяц – ни лето, ни осень, и лето и осень, как мои тридцать лет» [Там же]. Первоначальные впечатления порождают ритмизованный рифмованный текст – черновик стихотворения: «Спеши, птица, спеши, улетая на зов в камыши, завтра сентябрь; в нем небо и кровь холоднее, над заброшенным пляжем не будет в песке ни души, тихо в уровень с книгой качается мята над нею» [Там же. С. 260–261].

Стихотворение выражает внутреннее состояние Олега, ощущающего окончание молодости и приближение зрелости. В образе птицы Олег призывает себя к утверждению нереализованной молодости в любовных отношениях с женщиной. Намечается выход персонажа из текстов: осознаётся большая ценность природного мира, а не культуры (мята выше книги). В финале дневникового фрагмента Олег фиксирует своё физическое и духовное погружение в земную реальность: «О море, как я люблю тебя, я сейчас брошусь к тебе, поцелую твои соленые губы» [Там же. С. 261].

Творческая драма Олега – отказ от слова, готовность отказаться даже от ведения дневника. «Домой с небес», рефрен романа, означает и выход из текстов, из культуры: «Домой из книг, из слов, из кабацкого испитого высокомерия» [Там же. С. 340]. Необходимость диалога в дневнике с фиктивным собеседником (самим собой) исчезает, когда возникает общение с Другими, с женщинами (сначала с Таней, потом с Катей). Олег начинает меньше писать после встречи с Таней на море; окончательно забрасывает ведение дневника он в 5-й главе, во время романа с Катей. В земной реальности жизнь Олега ускоряется и превращается в неконтролируемый поток, в котором не остаётся времени для творческой концентрации и самопознания, для анализа собственных поступков и решений: «Олег ничего не писал, даже к дневнику не прикасался...» [Там же. С. 328].

Последний в романе фрагмент дневника центрального персонажа представляет собой две короткие записи. Первая, старая запись (до встречи с женщинами) является рядом не связанных между собой образов, отражая погруженность Олега в подсознание: «белый жаркий день, как лошадь в гору, в поту печали» [9. С. 328]. Вторая, новая запись фиксирует погруженность Олега в хаос земной реальности, что подчеркивает направление его письма – поперек: «...писал поперек страниц: “Живу, живу, живу... Наконец живу...”» [Там же]. Повтор глагола «живу» означает подхваченность персонажа земным потоком, отказ от саморефлексии. Но это и попытка Олега убедить себя в разрыве связей с божеством и «небом», в возвращении на «землю» (в финале романа он сам себе признается, что только принимал навязанные социальные роли, внутренне оставаясь отчуждённым).

В земном потоке идентичность и непрерывность личности распадаются, «я» настоящее и «я» из прошлых периодов жизни исключают друг друга: «...если Катин Олег ненавидит Олега Таниного, если Терезин Олег еще совсем другой, и так, один за другим, они обрушиваются, тонут, растворяются в ничто» [Там же. С. 310]. Следствием выхода персонажа из текстов становится размывание границ личности и окружающей реальности, ощущение полного исчезновения «я»: Олег начинает называть себя «Господин Никто» [Там же. С. 363].

После того как фрагменты дневников Олега исчезают из повествования, их место занимают потоки сознания персонажа, неорганизованные письменным текстом и неотделенные кавычками, вплетающиеся в основное повествование. Исповедальный дискурс из дневников переносится в молитвы Олега Богу, во внутренние монологи и диалоги с женщинами. Так нарратор изображает изменение сознания Олега, вышедшего из текстов и погрузившегося в хаос земной реальности.

В финале романа Олег разрывает отношения с обеими женщинами, но осознаёт неизбежность жизни в земной реальности, принимая позицию междуумия. Последним этапом духовной инициации Олега становятся его символическая смерть и воскрешение – сон в течение двух дней и пробуждение на третий, в воскресенье. Приход к статусу неизвестного солдата означает преодоление внутренней неопределенности, принятие судьбы писателя как «неизвестного солдата русской мистики», т.е. соединение неба и земли в «доме» собственного творчества. Он возвращается к текстам дневников как способу жизнестроения, выражения «чернокнижных откровений»: «Ты, неизвестный солдат русской мистики, пиши свои чернокнижные откровения, переписывай их на машинке и, уравнивая аккуратной стопой, складывай перед дверью на платформе, и пусть весенний ветер их разнесет, унесет и, может быть, донесет несколько страниц до будущих душ и времен, но ты, атлетический автор непечатного апокалипсиса, радуйся своей судьбе» [Там же. С. 428].

Олег, мысленно выходя в пространство социальной истории, осознаёт миссию своего поколения: погибнуть в грядущей катастрофе, новой мировой войне

незамеченными, неопознанными, как неизвестный солдат, чтобы в пространство культуры, «ковчег нового мирового потопы» [9. С. 428], вошло их творчество. Однако Олег предчувствует, что его дневники, превращённые в роман-исповедь, будут уничтожены, но если сохранившиеся отрывки найдут адресата в грядущих поколениях, они могут помочь в строительстве нового «дома», опустошенного войнами.

Возвращение в «рай друзей» [9. С. 430], о чём говорит центральный персонаж Аполлону в финале, – это сарказм Олега, поскольку его друзья из 1-го романа утрачены, остался только Безобразов. «Друзья» – ещё не существующие адресаты творчества, не широкая читательская аудитория, на которую Олег не надеется, а немногие избранные, способные понять. Творческая позиция, обретенная Олегом, близка Поплавскому: «Не для себя и не для публики пишут. Пишут для друзей. Искусство есть частное письмо, посылаемое наудачу неведомым друзьям, и как бы протест против разлуки любящих в пространстве и во времени» [10. С. 112]. Автор и его персонаж предельно сближаются, но не уравниваются: Олег лишь прошёл духовный путь, пройденный автором. Таким образом, в творчестве письмо для себя (собственно дневник) становится письмом для другого (дневник как свидетельство).

Финал «Домой с небес» возвращает к 4-й главе, в которой нарратор выдаёт свою идентичность с персонажем и письменный дискурс повествования, напрямую обращаясь к будущему читателю: «Дорогой читатель! Между первым и вторым действием этого оккультно-макулатурного сочинения прошел целый год» [9. С. 291–292]. Центральный персонаж – это Олег 1932–1934 гг., а нарратор – это Олег недалёкого будущего, двойник автора. Персонаж в повествуемом времени бросает писать дневники, нарратор на основе воспоминаний и наиболее важных фрагментов дневников создаёт роман-исповедь, историю своей жизни, объективируя себя в персонаже, но иронически оценивая свой текст. Мистический опыт, облекаясь в словесную форму, профанируется, и «чернокнижные откровения» [Там же. С. 428] превращаются лишь в «оккультно-макулатурное сочинение», роман, который может быть не прочитан, затерян в потоке культуры.

Другой тип дневникового текста в романе принадлежит Аполлону Безобразову. Единственный фрагмент из его дневника вводится нарратором в начале 1-й главы. Аполлон Безобразов в «Домой с небес», в отличие от первого романа Поплавского, появляется лишь в нескольких сценах. Однако в этих сценах Безобразов близок к носителю авторской позиции, снижая претензии Олега на исключительность. Так, в дневнике Безобразов пишет, что отношения человека с Богом – это лишь миф человеческого сознания: «каждый человек абсолютно в плену у своего сна о Боге...» [Там же. С. 230]. По концепции Поплавского, Бог непознаваем и недостижим, и всё, что остаётся человеку, – это выстраивать культурные и индивидуальные мифы о нём. Дневник открывает доступ в сознание Безобразова, снимая с него мистический ореол, которым он был окружён в 1-м романе. Хотя Аполлон пытается выделиться из социу-

ма и занять созерцательную позицию по отношению к реальности, хотя он претендует на место Люфицера в художественной реальности романа, он, как и Олег, лишь земной человек, ищущий своё место в бытии, этапом чего становится поступление на богословский факультет, на что указывал А.С. Янушкевич [12. С. 121].

Текст Безобразова в большей степени приближен к дневнику, чем тексты Олега. Запись Аполлона датирована (май 1932 г.) и по стилистической обработанности далека от литературного текста, поскольку Безобразов, в отличие от Олега, не писатель. Безобразов фиксирует поток сознания в тексте с помощью многоточий и уточнений, взятых в скобки: *«Дни опять идут без истории (sans histoires), между общежитием (подло-грустные глаза, тайно выпьем за сатану, нестерпимое вразброд с обязательным передразниванием... Россия, Россия... мать ее в душу), лекциями (где я, конечно, первый ученик)...»* [9. С. 230].

В роман включены и короткие записи из дневников Тани. Ведение дневников характеризует Таню как человека, в отличие от Кати, способного к самопознанию, углублению в себя, т.е. духовно более близкого Олегу. Включение записей Тани в повествование возможно мотивировать тем, что Олег-нарратор когда-то прочитал дневники женщины. Её записи вводят элементы завершения образа Олега, элементы восприятия его сознанием Другого и фиксируют, как меняется отношение Тани к Олегу: 1) воодушевление и надежда на обретение духовной и физической связи с мужчиной: *«Он казался ей в эту минуту тем тяжелым горячим телом, которое физически не может плакать, но зато умеет делать больно, сладко до боли делать больно, о котором она, еще не встретив его никогда, писала в своем дневнике: "Как дивно это устроено Богом, что женщина совсем не страдает от тяжести мужского тела на себе"»* [Там же. С. 259]; 2) разочарование в Олеге: *«"Как мне физически, кожно омерзительны плачущие мужчины"»* [Там же. С. 282]; *«"Нет, это не мой герой, свирепый и твердый в любви. Это женщина с бородой"»* [Там же. С. 383]; 3) непонимание личности Олега: *«"Станный человек, – когда-то писала Таня в своем дневнике, – возбуждается от смеха, от счастья, от разговоров и даже от собственных слез"»* [Там же. С. 402].

Последняя запись Тани связана с концепцией человека и человеческих отношений в художественном мире Поплавского. Сознание, по Поплавскому, делает человека существом ментальным, способным к постижению Бога, но и является для человека *«одиошной камерой на плечах»* [9. С. 322], делает невозможным понимание между людьми, поскольку «я» не может окончательно постичь даже само себя. Попытаться достичь понимания возможно исповедальным актом – раскрытием внутреннего мира Другому, что и делает Таня, показывая Олегу свои дневники и письма в 8-й главе.

Итак, в наррации романа соединяются, во-первых, формы внутренней речи (внутренний монолог, поток сознания, воспоминания и рефлексия), выражающие самосознание и автоисповедь, во-вторых, формы письменной речи в её диалогических возможностях, присущие даже дневниковому письму. Письменная фиксация сознания позволяет выходить как к потенциальному адресату (Богу, представителям культуры), чьи смыслы выводят эгоцентризм сознания нарратора за пределы «дома», «тут-бытия», так и к возможному реальному адресату в будущем поколении (подобно тому, как чтение Олегом дневников любимой женщины, Тани, выводит к новому пониманию и себя самого, и той, связь с которой исчезла). Представляется, что элементы реального дневника Олега в романе свидетельствуют о подготовке пишущего дневник к писательству как способу овладения реальностью («домом»). Более того, мы приходим к выводу, что весь текст романа принадлежит персонажу, становящемуся писателем и в писательстве нашедшему духовную реализацию. Такая трактовка поддерживается судьбой реального автора романа (как и всего поколения молодых эмигрантов), оказавшегося в чужом социуме и вынужденного встраиваться в действительность, принимать её «домом», освоенным пространством существования. Писательство стало не только запечатлением инонационального опыта, но и формой самоопределения в исконном ценностном измерении русского языка. От письма о себе и для себя (дневник) герой романа Поплавского приходит к письму о реальности в контексте бытия (Бог и культурный опыт человечества).

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
2. Токарев Д.В. «Между Индией и Гегелем»: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 347 с.
3. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст или пред-текст. М., 2006. 217 с.
4. Савинков С.В. Дневниковая форма // Тамарченко Н.Д. Поэтика : слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагинной; Intrada, 2008. С. 61–62.
5. Каспэ И. Ориентация на пересеченной местности: Странная проза Бориса Поплавского // НЛЮ. 2001. № 47. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2001/47/kaspe.html> (дата обращения: 25.12.2018).
6. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
7. Разинькова И.Е. Поэтика романа Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» в контексте прозы русской эмиграции рубежа 1920-х – 1930-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
8. Лотман Ю.М. Об искусстве. Структура художественного текста. СПб. : «Искусство – СПб», 1998. С. 285.
9. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес. Романы / сост., коммент., подгот. текста А.Н. Богословского, Е. Менегальдо. М. : Согласие, 2000. 466 с.
10. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма / сост., коммент., подгот. текста А.Н. Богословского, Е. Менегальдо. М. : Книжница; Русский путь; Согласие, 2009. С. 624 с.
11. Поплавский Б.Ю. Неизданное : Дневники, статьи, стихи, письма. М., 1996. 512 с.

12. Янушкевич А.С. «Козлиная песнь» К. Вагинова и «Аполлон Безобразов» Б. Поплавского: судьба русского гедонизма // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 5: Гедонистическое мироощущение и гедонистическая этика в интерпретации русской литературы XX века / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 94–123.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 мая 2019 г.

Diary in the Plot and Narrative Organization of Boris Poplavsky's Novel *Home from Heaven*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 49–54.

DOI: 10.17223/15617793/446/6

Ivan I. Nazarenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Keywords: Boris Poplavsky; *Home from Heaven*; confession; diary form.

The study aims to identify the semantics and the role of diary fragments in the narrative and plot organization of Boris Poplavsky's novel *Home from Heaven* (1935). The novel is considered as an ego-text, as the main character's narration. Features of the diary form allow posing the problem of the causes and functions of using the diary discourse by the author of the novel. Based on the theoretical positions in the works by M.Yu. Mikheev and S.V. Savinkov, the diary features are determined. The fragments of diary texts that are included in the text of the novel as quotations ("texts in the text") in the main character's narration are revealed. The diaries of the minor characters (of one of the character's women and of the character's friend) are included only as quotations and are important for the interpretation of some situations in the main character's life. Fragments of the narrating character's diaries do not dominate in the novel's narrative, but the article shows that they are a means of expressing the confessional discourse within the subjective narration of the events of the character's own life, as well as a means of self-determination in the earthly reality (at "home") when appealing to the metaphysical reality in the diary. The collision of the plot is the search for one's place in the being: the departure from metaphysics (the Divine) into sensory existence (relationships with women of two types: immersion in passion and acceptance of ordinary sensuality). The main function of the diary fragments is to designate the strengthening of the goal of becoming a writer, an interpreter of the being and the character's own existence. For Oleg, his writing the diary also performs a literary and creative function, the function of auto-dialogue, self-knowledge and self-identification. The article traces parallels between the aesthetic position of the author (Poplavsky), expressed in his critical articles and diaries, and the position of his character. The diary fragments fix the plot of the coming to creativity as a temporary replacement for the metaphysical reality on the way to the earthly reality. In the events of the novel, there are three plot situations, three positions of the character in reality. The event, due to which Oleg addresses the diaries in the first part of the novel, a trip to the sea, is a change in lifestyle. Plunging into relationships with women, Oleg emerges from texts and culture and even quits writing his diaries. The confessional discourse is transferred to the main character's stream of consciousness, to internal monologues, to Oleg's prayers to God and dialogues with women. In the final part, Oleg accepts the fate of the writer and the position of the interworld (existence in the earthly and metaphysical realities) that merge in his works. It is concluded that the entire text of the novel belongs to the character, who in the end decides to return to writing. The return of the main character to the "heaven of friends" is the entering into the space of culture and social history; "friends" are unknown recipients of his works, representatives of future generations. This expresses the belief of Poplavsky, a "young emigrant" writer, in literature as a way to build a new "home" after the destruction of culture by wars and revolutions (and which will be devastated by the coming world war).

REFERENCES

1. Stepanov, A.D. (2005) *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Communication Issues in Chechov's Works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Tokarev, D.V. (2011) "Mezhdue Indii i Gegelem": tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoy perspective ["Between India and Hegel": Boris Poplavsky's Oeuvre in a Comparative Perspective]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Mikheev, M.Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst ili pred-tekst* [Diary in Russia of the 19th – 20th Centuries: Ego-text or Pre-text]. Moscow: Vodolei Publishers.
4. Savinkov, S.V. (2008) Dnevnikovaya forma [Diary Form]. In: Tamarchenko, N.D. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: the Dictionary of Relevant Terms and Notions]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. pp. 61–62.
5. Kaspe, I. (2001) Orientatsiya na peresechennoy mestnosti: Strannaya proza Borisa Poplavskogo [Orientation on Rough Terrain: Strange Prose of Boris Poplavsky]. *NLO*. 47. [Online] Available from: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2001/47/kaspe.html>. (Accessed: 25.12.2018). (In Russian).
6. Shmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. Razin'kova, I.E. (2009) *Poetika romana B.Yu. Poplavskogo "Apollon Bezobrazov" v kontekste prozy russkoy emigratsii rubezha 1920-kh – 1930-kh godov* [Poetics of the B.Yu. Poplavsky's Novel "Apollon Bezobrazov" in the Context of Prose of Russian Emigration at the Turn of the 1920s – 1930s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
8. Lotman, Yu.M. (1998) *Ob iskusstve. Struktura khudozhestvennogo teksta* [On Art. The Structure of the Literary Text]. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPB".
9. Poplavskiy, B.Yu. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Soglasie.
10. Poplavskiy, B.Yu. (2009) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Knizhnitsa; Russkiy put'; Soglasie.
11. Poplavskiy, B.Yu. (1996) *Neizdannoe: Dnevnik, stat'i, stikhi, pis'ma* [Unpublished: Diaries, Articles, Poems, Letters]. Moscow: Khristianskoe izdatel'stvo.
12. Yanushkevich, A.S. (2003) "Kozlinaya pesn'" K. Vaginova i "Apollon Bezobrazov" B. Poplavskogo: sud'ba russkogo gedonizma ["The Goat Song" by K. Vaginov and "Apollon Bezobrazov" by B. Poplavsky: The Fate of Russian Hedonism]. In: Rybal'chenko, T.L. (ed.) *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turny dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 94–123.

Received: 14 May 2019

О.А. Толстоноженко

КОНСТРУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ПИСАТЕЛЯ ИЗ НАРОДА В ЭСТЕТИКЕ ПОЗДНЕГО Л.Н. ТОЛСТОГО

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-312-00115.

Рассматривается реакция Л.Н. Толстого на системные трансформации поля словесности – вхождение в литературу всё возрастающего количества писателей «из народа». Для романиста этот тип авторской субъектности был в значительной степени предметом реконструкции и проецирования на него параметров собственно толстовской эстетики – прежде всего оценки искусства как средства объединения людей. Исследуется двойственное отношение Толстого к писательскому труду крестьян, обусловленное тем, что в ценностной системе великого художника они занимали положение между Природой и Цивилизацией.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Ф.М. Достоевский; писатели-автодидакты; искусство; субъект; рефлексия; писательство; графомания.

В современном литературоведении субъект – это тот, кто познает, кто действует и говорит от первого лица (с точки зрения теории перформативности речевого акта, говорение тоже является действием) [1]. В становлении субъекта большую роль играет практика письма, в процессе которого человек утверждает себя как отдельную личность и индивидуализирует свой опыт¹. В исследованиях высказывается мысль о том, что в речевом акте не просто констатируются факты и не только выражается сущность субъекта, но и происходит формирование самого этого субъекта, поскольку он никогда не задан в окончательном виде до начала говорения [3. С. 69]. Осознание субъектом самого себя происходит через столкновение с Другим².

Рассмотренное с точки зрения исторической поэтики, искусство, как подчеркнул С.Н. Бройтман, способно сместить границу между субъектами и преодолеть тем самым ограниченность эмпирического сознания [4. С. 234–235]. В рамках неклассической поэтики, когда роль «авторитетного готового слова» ослаблена, «суверенное авторское сознание становится саморазумеющим центром смыслопорождения, обретая власть и над его средствами» [5. С. 34], что открывает широкие возможности для выражения личностных смыслов, которые создаются человеком и «не существу[ю]т в готовом и отвлечённом от него виде» [4. С. 223].

Вопрос о саморефлексии художественной словесности был поднят учеными-структуралистами и семиотиками во второй половине XX в.³ Ю.М. Лотман отметил, что литература, обладая характеристиками динамического процесса и являясь внутренне достаточно разнообразной, «могла себя осознавать в формах постоянного перевода то на одну, то на другую знаковую систему» [11. С. 599] и «собственным сознанием вторгаться в собственное развитие» [Там же. С. 594]. Это обстоятельство представляется принципиально важным для историко-литературной ситуации второй половины XIX в., когда в результате отмены крепостного права и последовавших за ней реформ, направленных на культурную и экономическую интеграцию населения империи, в поле письменной культуры начали вовлекаться широкие массы крестьян и городских низовых рабочих.

С одной стороны, это привело к резкому росту читательской аудитории и ее более детальному ранжированию, а также к увеличению количества разнообразной печатной продукции, отвечающей новым запросам. Эта ситуация основательно рассмотрена в работе американского слависта Дж. Брукса, который исследовал распространение грамотности, массового чтения, функционирования популярных литературных сюжетов в связи с проблемой национальной идентичности в России второй половины XIX в. [12]. Российским социологом А.И. Рейтблатом рассмотрено изменение отношения к чтению и книге в деревенской и рабочей городской среде, а также трансформации в иерархии литературной периодики [13].

С другой стороны, доступность навыков чтения и письма обусловила появление сотен писателей «из народа», которые получили возможность распространять свои произведения в периодике и сборниках. Несмотря на свою массовость, они долгое время оставались в «слепой зоне» не только современников-писателей, но и исследователей. Разговор о крестьянине и литературе часто принимал разворот «крестьянин в литературе», но не «крестьянин-автор». Так, например, П.Н. Ткачев в статье с характерным заглавием «Мужик в салонах современной беллетристики» (1879) рассуждал о том, как в русской литературе 40–70-х гг. XIX в. эволюционировало изображение крестьянина: это был путь от «сентиментально-опозитизированного мужика» к образу «мужика-скомороха» и, наконец, к мужику реальному [14. С. 182]⁴. В конце XIX в. Л.Н. Толстой ретроспективно воспроизвёл типичный для элитарной среды того времени настрой в отношении крестьянской темы: «Помню, как писатель Гончаров, умный, образованный, но совершенно городской человек, эстетик, говорил мне, что из народной жизни после “Записок охотника” Тургенева писать уже нечего. Всё исчерпано. Жизнь рабочего народа казалась ему так проста <...>» [16. Т. 30. С. 86]. Писатель «из народа» еще не был признан как самостоятельный творческий субъект и продолжал мыслиться в качестве объекта культурного воздействия, воспитания, просвещения⁵.

Тем не менее растущая популярность словесного творчества привлекала к себе внимание писателей, сама становилась «литературным фактом», что нашло отражение в произведениях Ф.М. Достоевского, акцентировавшего эту тенденцию как аномалию. На широко населивших его романы и повести героев-графоманов исследователи не раз обращали внимание [21–24]. В соответствии с концепцией М.М. Бахтина, полифонический принцип организации текста делал возможным звучание отдельных, независимых голосов, а поэтому появление в произведениях того или иного автора пишущих персонажей означало наделение их субъектностью, правом на собственное слово, а иногда и деспотической властью, производной от психологической развилки, в которой оказывался графоман, человек творческий, амбициозный, но при этом бездарный.

В галерею таковых у Достоевского попадают Ратзаев, Игнат Лебядкин, Михаил Ракитин, Фома Фомич Опискин, Семён Кармазинов (список может быть продолжен). Эта череда образов служит театрализации акта письма, десакрализации литературного творчества: «Когда графоман перестаёт быть творцом литературы и становится её предметом, графоманское письмо оказывается остранным, выявляя то, что, по мнению писателя, является нарушением литературного поведения» [23. С. 223]. Качество нового субъекта раскрывалось создателем образа Фомы Опискина в психологической и тематической перспективах⁶: герой проявлял свое *внутреннее Я*, изъязвленное тяжким ресентиментом, а также идентифицировал *предмет* своих беллетристических усилий – тех, кому, с его точки зрения, не хватило литературного внимания: представителей «простого народа». В то время как эти последние должны были выступить податливым материалом, реконструировав который графоман смог бы найти себе оправдание как художнику, вторым «зеркалом» для него оказывалось окружающее его общество – ему была адресована не столько творческая, сколько социальная амбиция псевдописателя, жаждавшего повышения своего статуса в чужих глазах.

Несмотря на очевидное (возможно, отчасти интуитивное) понимание возникшей историко-литературной ситуации, Достоевский среди своих пишущих героев не поместил ни одного человека, чье происхождение было бы связано с крестьянской средой. Все его графоманы – наследники дворянства, мещанства или духовенства. В 1876 г. он так выразил свое отношение к народу: «Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты» [28. С. 48]. Писатель, тем не менее, утверждает, что всё лучшее, что есть в русской словесности, взято из народной среды, и указывает на основополагающую роль Пушкина в том, что русская интеллигенция, благодаря литературе, преклонила перед народной правдой, а также упоминает о созданных в последние годы в литературе и высоко ценимых им «чисто народных типах». Однако в завершение очерка Достоевский гово-

рит о недопустимости полного следования за народом: «Преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой» [28. С. 51].

Так, писатель все-таки не отдал автору из крестьянской или низовой городской среды право на собственный голос, доверив художественную репрезентацию народной жизни признанным мастерам (например, Пушкину), способным выбрать достойный для изображения материал. Писатели-самоучки оказались вне зоны видимости романиста, чей «городской» культурный бэкграунд повлиял на ракурс, с которого Достоевский обозревал современную ему литературную ситуацию.

Принципиально иначе обстояло дело с Толстым, который не просто наблюдал со стороны за перестраиванием поля словесности, но сам активно участвовал в этом процессе. В письме своему корреспонденту, автору-самоучке, он замечал: «Писательство в наше время сделалось какой-то эпидемией» [16. Т. 82. С. 45]. Конструирование нового взгляда на человека «из народа», вступление с ним в творческий диалог стало одной из важнейших задач в процессе нравственного перерождения и эстетике позднего Толстого.

5 октября 1893 г. он записал в своем дневнике: «Есть два способа познания внешнего мира: один самый грубый и неизбежный способ познания пятью чувствами. <...> Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление разрушенного как будто единства между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. И можешь войти во всё. *Всё* – слиться с Богом, со *Всем*» [Там же. Т. 52. С. 101]. В этой поздней мысли – в масштабе всего художественного и философского пути писателя – «поэтический дар» предстал как универсальный инструмент разнонаправленных поисков: с его помощью должна разрешиться и социальная проблема расслоения общества, и личностная проблема познания себя, и философский вопрос творческого субъекта, и задача единения с Богом. При этом «поэтическим даром» в его мировоззрении наделены не культурные деятели (тем более – не «профессионалы»), а все люди. Именно искусство, по убеждению Толстого, должно служить самым верным способом истинного, духовного общения, и литература, как искусство словесное, обрела статус важного канала передачи мысли.

Однако утверждение столь всеобъемлющей роли творческого акта размывало его эстетическую природу, ставило на грань не-искусства и потому могло вызвать недоверие со стороны критически настроенного интеллектуала. Так, А.Н. Веселовский, размышляя об отличиях поэтического языка от прозаическо-

го, обратился к трактату Толстого «Что такое искусство?» и отметил, что его автор главным свойством искусства называл «заражение» читателя, зрителя или слушателя тем чувством, которое испытывает художник. Исследователь решительно не согласился с такой позицией: «При чём тут искусство? Искренность и сила аффекта заразительны и вне художественного их выражения» [29. С. 355]. Несмотря на правомерность подобного замечания, обращенного к реальной жизни, в контексте русского литературоцентричного дискурса у Толстого действительно были основания отдавать искусству и, в частности, литературе, роль основного средства коммуникации. Более того, он предлагал «рассматривать искусство, как одно из условий человеческой жизни» [16. Т. 30. С. 63], т.е. придавал ему основополагающее значение.

Сфера словесности стала пространством нравственных и религиозных поисков для Л.Н. Толстого в различных ее областях: от художественных произведений и философских трактатов до писем и дневников⁷. Тема самоопределения, поиска истинного «я» в разнообразном творчестве романиста монографически разработана в исследовании И.А. Паперно [31]. Вслед за определением «я» поднималась проблема «я и другой», предполагавшая, в частности, что «другой» – это не просто любой другой человек, но тот, кто обладает своим представлением об истине, о добре и зле, о Боге, отличающимся от «моего». Для Толстого этим «другим» оказался народ, увиденный как крестьянское население и городская беднота⁸. Стимулом к обнаружению альтернативного субъекта послужил переезд в Москву в 1881 г., когда писатель оказался лицом к лицу с «другим», столкнувшись с городской беднотой и затем занявшись работой на переписи населения, предполагавшей посещение людских жилищ: «Как ни разделила нас жизнь, после двух, трёх встреч взглядов мы почувствовали, что *мы оба люди* (курсив наш. – О.Т.), и перестали бояться друг друга» [16. Т. 25. С. 188].

Будучи последователем Ж.-Ж. Руссо, Толстой верил, что человек появляется на свет чистым, не неся на себе вины за первородный грех, и за счет близости к природе он способен видеть ничем не замутненную истину. Но в процессе приобщения к цивилизации, принятия социальных условностей, получения образования он становится порочным и утрачивает главный дар «естественного» человека – жить в гармонии с миром [37. С. 272]. Вслед за французским философом вину за распространение ложных ценностей Толстой возлагал на общественную элиту, не снимая, впрочем, вины и с себя: «Я – художник, поэт – писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо» [16. Т. 23. С. 5]. Обоснованность такого положения проистекала из обличаемой в дальнейшем Толстым позиции, предполагавшей, что художник учит бессознательно, следовательно, ему самому не обязательно задаваться вопросом, знает ли он что-то. Теперь, после столкновения с «другим», он понял, что его прежние убеждения были ложными. Как отмечено И. Паперно, на данном

этапе «диалектика “я и другой” принимает новый оборот: заглянув в жизнь “другого”, “я” обращается к самому себе» [31. С. 149]. Признание истины в «другом», крестьянине или бедняке, ведет к смене позиций: «образованный» человек должен стать слушателем, читателем, учеником.

Сделать это, однако, очень сложно, потому что иерархически противопоставленные сословия не находят возможности для равноправного общения: «Мы даже не знаем, что нужно рабочему народу, мы даже забыли его образ жизни, его взгляд на вещи, язык, даже самый народ рабочий забыли и изучаем его как какую-то этнографическую редкость или новооткрытую Америку» [16. Т. 25. С. 351]. Опираясь на гегелевскими терминами, И. Паперно так истолковывает решение, к которому пришел граф: «Толстой предлагает снять противоречие между Господином и Рабом не за счёт взаимного признания, а за счёт отрицания другого. Не пользуясь трудами других и беря на себя самого труд Раба, Господин становится завершённым человеком, который не зависит от Раба, но при этом он исключает себя из сферы отношений с Рабом: “я” оказывается отрезанным от “другого”» [31. С. 155]. В этом отношении он, возможно, следовал за Руссо, идеалом которого был Робинзон Крузо, человек на необитаемом острове, который без помощи других добывал себе всё необходимое для жизни⁹.

В трактате «Так что же нам делать?» Толстой задался вопросом о том, чем удовлетворить духовные и художественные запросы человека из народа: «Пушкиным, Достоевским, Тургеневым, Л. Толстым, картинами французского салона и наших художников, изображающих голых баб, атлас, бархат, пейзажи и жанры, музыкой Вагнера или новейших музыкантов? Ничто это не годится и не может годиться <...>» [16. Т. 25. С. 350]. Называя себя в третьем лице в ряду признанных литераторов, он как бы отрекается от своей прежней писательской идентичности.

Для преодоления интеллектуальной границы между сословиями Толстой в 1884 г. инициировал создание издательства «Посредник», несмотря на то, что такое предприятие предполагало конкуренцию на рынке печатной продукции, т.е. должно было включиться в осуждаемую Толстым игру профессиональных литераторов и издателей. Он обозначил свою позицию относительно содержания выпускаемых брошюр в письме В.Г. Черткову в феврале того же года: «Я увлекаюсь всё больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей. Я избегаю слова “для народа”, потому что смущаюсь мысли о том, чтобы не было деления народа и не народа» [Там же. Т. 85. С. 27].

Посредничество, на которое прямо указывает название издательства, должно не просто сблизить разделенные сословия, но слить их в одно, и ведущую роль в этом процессе играет литература, через которую осуществляется образование. В «Исповеди» Толстой уже употребил это слово в следующем контексте: «[Я] в год освобождения крестьян вернулся в Россию и, заняв место *посредника* (курсив наш. – О.Т.), стал учить и необразованный народ в школах, и образованных людей в журнале, который я начал из-

давать» [16. Т. 23. С. 9]. Теперь, в более зрелом возрасте, он иначе подходит и к идее обучения, и к выбору достойных произведений для широких масс читателей, в частности, поручает сотрудникам издательства составить доступный пересказ предложенных им произведений мировой литературы. Для себя же он определяет образ виртуального «собеседника» следующим образом: «50-летний хорошо грамотный крестьянин. Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой» [Там же. Т. 64. С. 40].

В одном из поздних дневников Толстой записал фразу, фиксирующую знаковый культурный перелом: «Литература была белый лист, а теперь он весь исписан. Надо перевернуть или достать другой» [Там же. Т. 53. С. 307]. По свидетельству современника, Толстой непрестанно заботился о молодом поколении писателей, особенно о выходцах из народа: «Много времени уходило у него и на возню с самоучками, нахлынувшими к нему во множестве, иногда очень издалека. Он именно “возился” с ними: читал и перечитывал по несколько раз их рукописи, пристраивал, учил авторов, как надо писать, заботился об их образовании» [38. Т. 1. С. 431–432]. Новая литература, в которой нуждается общество, должна отвечать требованиям истинного искусства. В 1894 г. в «Предисловии к “Крестьянским рассказам” С.Т. Семенова» Толстой писал: «Я давно уже составил себе правило судить о всяком художественном произведении с трёх сторон: 1) со стороны содержания – насколько важно и нужно для людей то что с новой стороны открывается художником, потому что всякое произведение тогда только произведение искусства, когда оно открывает новую сторону жизни; 2) насколько хороша, красива, соответственна содержанию форма произведения и 3) насколько искренно отношение художника к своему предмету, т.е. насколько он верит в то, что изображает. Это последнее достоинство мне кажется всегда самым важным в художественном произведении. Оно даёт художественному произведению его силу, делает художественное произведение заразительным, т.е. вызывает в зрителе, слушателе и читателе те чувства, которые испытывает художник» [16. Т. 29. С. 213].

Эти же три важнейших критерия ранее были подробно разобраны Толстым в трактате «Что такое искусство?», где он более чётко прочертил их иерархию: на первом месте стоит уже обозначенная вера художника в изображаемое, далее следует содержание и на последнее место помещается форма, красота и удачность которой далеко не являются обязательными. Кроме того, форма у Толстого неразрывно связывается с талантом, и зачастую эти два понятия заменяют друг друга. В 1890 г. в разговоре с военным юристом, беллетристом и поэтом А.В. Жиркевичем он высказался по поводу тех же трёх критериев искусства, сделав акцент на потенциальной доступности истинного творчества для всех людей: «Я не признаю таланта, а нахожу, что всякий человек, если он грамотен, при соблюдении двух других указанных мною условий может написать хорошую вещь» [38. Т. 2. С. 7]. Тем самым, единственное требование к пишущему литературное произведение человеку – владе-

ние элементарной грамотностью, а это значит, что писательство доступно и тем, кто не имеет систематического образования.

В то время, когда Толстой занимался педагогическими экспериментами в Ясной Поляне, названные критерии ещё не были им артикулированы, но уже интуитивно намечались во время занятий с крестьянскими детьми. Позднее, как известно, опыт создания школы был оценён графом негативно, поскольку, по его выражению, он «учил, не зная чему» [16. Т. 23. С. 9], но он был важным этапом в формировании его позднейших эстетических воззрений. В статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят», опубликованной в яснополянском журнале в 1863 г., Толстой разработал технику обучения не просто письму, но литературному творчеству (от стадии, когда он не способен «сочинять» без посторонней помощи, когда ему требуется посредник – учитель, – к моменту обретения самостоятельности в построении и фиксировании собственного текста), что, по сути, представляло собой передачу слова Другому, наделение крестьянского ребёнка, а позднее и взрослого, писательской субъектностью.

Казалось бы, теперь в толстовской эстетике окончательно оформилось место для автора из народа как пишущего субъекта, и именно перед ним стоит задача открыть новую страницу русской литературы. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: писатель из крестьянской среды, пришедший к Толстому за благословением на творчество, далеко не всегда получает одобрение (даже если начинающий автор весьма даровит), а фиксируемые посетителями высказывания о литературе часто оказываются противоречивыми.

Чтобы прояснить ситуацию, вновь обратимся к дихотомии Господина и Раба в ее более детализированном варианте. По Гегелю, Господин обращается к миру вещей через посредство Раба и тем самым оказывается зависимым от него. Цепочка «Господин – Раб – мир вещей» в эстетике Толстого, как убедительно показывает О. Ханзен-Лёве в ходе анализа рассказа-притчи «Хозяин и работник», имеет иной вид: «Господин – Раб – Природа» [39. С. 216]. Крестьянин хоть и представлен в художественном и философском мирах писателя «естественным» человеком, близким к природе, все-таки полностью с ней не сливается. Он оказывается промежуточным звеном между образованными сословиями и недоступной им истиной. Его срединное положение порождает двойственность: с одной стороны, он, обретая субъектность, может транслировать свой опыт, с другой стороны, за счет приближенности к природе он перенимает ее свойства: пассивность, безмолвность.

Следовательно, наряду с социальным стремлением наделить мужика субъектностью при помощи отточенного яснополянской школой письменного навыка, в эстетическом мире Толстого давала о себе знать давняя, коренящаяся в наследии того же Руссо, тенденция порицать любые формы знаковости, и прежде всего, как ни парадоксально, – письмо. «Недоверие» писателя к словесному творчеству вызывалось неизбежно конвенциональным характером человеческого

языка. «Мы облачаем наши мысли и чувства в знаки, мы выражаем их с помощью навязанных нам условных средств выражения, и в результате форма неизбежно оказывается неадекватной содержанию» [40. С. 36], – отмечал в своей статье о Толстом Б.А. Успенский. По мысли исследователя, именно эта особенность языка в конечном итоге заставила Толстого отказаться от литературной деятельности, поскольку творческий процесс вступил в конфликт с идеологией писателя. Поэтому же его отношение к языку как средству социального общения становится если не прямо отрицательным, то по крайней мере неоднозначным. В свете вышесказанного неудивительно, что любимым стихотворением графа было «Silentium» Ф.И. Тютчева, о чем свидетельствовала, в частности, А.К. Черткова [38. Т. 1. С. 417].

Скептически относясь к формальной правде, Толстой отвергает и логику в качестве обязательного свойства художественного произведения. А. Жолковский и Ю. Щеглов, рассматривая творчество романиста со структуралистских позиций, пришли к выводу, что одной из центральных тем поэтического мира Толстого является «приятие жизни, ощущение мощи природы, иррационализм, ориентация на глубинное и основное», и, напротив, «всё рассудочное, ненатуральное, поверхностное, формально-условное, игрушечное, лишённое природной силы, придуманное человеком, а не данное Богом, – неистинно и вредно» [41. С. 15]. Таким образом, отрицание внешней логики является не только требованием в рамках эстетики Толстого, но и одним из принципов его собственного художественного творчества.

Поэтому получение «благословения» именитого графа весьма способствовало проникновению начинающего автора в большую литературу, однако даже крестьянское происхождение посетителя или эпистолярного собеседника не гарантировало одобрения.

Интересен несколько нетипичный случай С.П. Подъячева, который, в отличие от других посетителей графа, не искал встречи с известным на всю страну писателем. По сюжету очерка «Мои записки», в 1880-х гг. его работодатель, владелец-графоман терпевшего убытки московского журнала «Россия», отправил Подъячева к Толстому с письмом, чтобы испросить у знаменитого литератора ответ, напечатать его и тем самым привлечь подписчиков. В ходе встречи Подъячева с графом состоялся примечательный диалог:

« – А вы тоже пишете? Сочиняете?

– Нет, нет! – поспешно ответил я, – нет!

– Отлично делаете, – сказал он <...>» [42. С. 132].

Вопрос Толстого: «Сочиняете?» – можно было бы рассмотреть как подразумевающий «искусственность» словесного творчества собеседника в противовес проявлению истинного поэтического дара, и на основании этого предположения сделать вывод об абсолютной закономерности одобрения нетворчества, каковое сам Толстой в позднейших дневниках порицал, обыгрывая, в частности, заголовок своей знаменитой статьи: «Если не было противоречием бы написать о необходимости молчания, то написать бы

теперь: *Могу молчать. Не могу не молчать*» [16. Т. 57. С.6].

Например, Н.И. Тимковский вспоминал: «Он высоко ценил в самоучках (преимущественно из крестьян) то, что они “не сочиняют”, а дают настоящую жизненную правду» [38. Т. 1. С. 432]. Однако такое заключение было бы поспешным: Толстой активно использовал слово «сочинять», рассуждая и о настоящем, с его точки зрения, искусстве (ср.: «Давать читать детям детские сочинения и только детские сочинения предлагать за образцы, ибо детские сочинения всегда справедливее, изящнее и нравственнее сочинений взрослых» [16. Т. 8. С. 323]), а кроме того, Подъячев воспроизвел разговор по памяти уже через много лет после встречи с писателем (очерк был опубликован в 1929 г.), поэтому говорить о дословной передаче диалога не приходится.

Тем не менее реакция Толстого в данной ситуации объяснима: его, знаменитого писателя (вне зависимости от того, считает он сам себя писателем или нет), точнее, обширный багаж символического капитала, надежно закрепившийся за его именем, пытаются использовать для получения материальной выгоды и продвижения развлекательного издания, служащего лишь тщеславию его владельца, но не добру и людям – словом, для того, что сам Толстой в качестве первоочередной цели обличал в своих трактатах как главные грехи профессионального литературного мира. Поэтому он одобряет не-писательство пришедшего к нему работника журнала как своеобразное «неучастие во зле». Схожее предостережение он адресовал начинающему писателю Ф.Ф. Тищенко: «Избави вас Бог от того, чтобы сделать своё писание средством приобретения денег» [Там же. Т. 63. С. 325].

Стремление Толстого оградить начинающих литераторов от опасностей, грозящих их нравственности, в своей крайней форме превращалось в призыв публиковать сочинения только после смерти писателя. Такое мнение, в частности, он высказал в разговоре с беллетристом А.Н. Молчановым: «Когда произведения публикуются ещё при жизни автора, он, когда пишет, несвободен, он непременно будет думать, что скажут о его труде, как его встретят и пр. и пр. <...> Начинается баловство, хочется опять выходить на сцену, пишут просто для того, чтобы снова слышать рукоплескания...» [38. Т. 1. С. 472]. Кроме того, ориентация на потенциального читателя (известного или незнакомого) способна исказить произведение в процессе его создания. С такой трудностью сам граф впервые столкнулся вскоре после женитьбы, когда писал свой дневник, зная, что его будет читать Софья Андреевна: «Должен приписать, для неё – она будет читать – для неё я пишу не то, что не правда, но выбирая из многого то, что для себя одного я не стал бы писать» [16. Т. 48. С. 54]. Следовательно, уверенность в том, что современники не увидят сочинений при жизни их автора, освобождает его от стремления угодить публике и заработать на этом деньги. Одновременно, если продолжить рассуждать в духе Б.А. Успенского, акцентированное нами требование уводило текст куда-то за сферу его социально-коммуникативного функционирования, превращало

его в аналог присущего толстовскому художественному стилю внутреннего диалога и потока сознания. Иначе говоря, субъектность конструировалась и почти сразу же ставилась под вопрос.

Иначе сложилась эпистолярная беседа с крестьянином из Саратовской губернии Иваном Чепуриным, который обратился к Толстому за советом в 1910 г. Он описал свои скитания по фабрикам и заводам, годы бродяжничества по Германии, Англии, Америке, Канаде, Китаю, Японии и Сибири в поисках ответа на вопрос о смысле жизни. У него возникла потребность доверить свой опыт бумаге, но правилами художественного изложения он не владел. В этом случае Толстой не только одобрил намерение своего корреспондента, но и сам завел речь о публикации его произведения: «Вы хотите описать свою жизнь – и внутренние душевные перевороты, и внешние события – и затрудняетесь своим незнанием грамматики и нелитературностью языка. Не советую вам стесняться этим. Пишите как можно проще, и, судя по вашему письму, вы прекрасно можете изложить пережитое вами, и это пережитое вами должно быть не только интересно, но и поучительно. И, вероятно, охотно будет принято в печать» [16. Т. 82. С. 35]. В конце своего послания граф выразил почти интимную сопричастность крестьянину, подписавшись «Брат ваш Лев Толстой». Нарочито ожидаемая «нелитературность» выступала санкцией творчества: субъект, по мысли писателя-моралиста, мог заявить о себе на литературном поле, но воплотить свое желание он обязан был подчеркнуть «не-поэтически».

В другом же случае, буквально через десять дней после письма к предыдущему корреспонденту, в ответе на послание кузнеца из Самарской губернии Николая Степановича Чернова мыслитель даже не дал своему адресату надежды на благосклонность: «Быть

кузнецом, работая даже 17 часов в день, всё-таки без всякого сравнения не только почтеннее, но и нужнее, чем писать сочинения никому не нужные, каковые выходят ежедневно тысячами и к каковым я причисляю и свои <...> Советую вам не заниматься писательством» [16. Т. 82. С. 45].

Таким образом, напряжённое балансирование Толстого между одобрением и неодобрением творческих интенций писателей из народа связано с их промежуточным положением в идейно-философском плане между безмолвным миром Природы и говорящим (пишущим) миром Цивилизации.

В историко-культурной ситуации, сложившейся в России во второй половине XIX в. на фоне социальных перемен и возникновения значимой прослойки писателей из народа, когда остро вставал вопрос о легитимации нового поколения литераторов в профессиональных кругах, конструирование субъектности автора-самоучки в эстетике Толстого явилось закономерным этапом формирования его собственных философских взглядов. Литература должна была служить, по мнению мыслителя, не развлечению людей, а разрушению границ между ними: «Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства» [Там же. Т. 30. С. 149]. Так художественная словесность, по мысли Толстого, должна была способствовать преодолению духовного и интеллектуального разрыва между сословиями и в результате оказать благотворное воздействие на саму жизнь, для чего в литературную работу ради других должны были включиться «природные» люди, приближенные к истине – выходцы «из народа».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Фуко в курсе лекций о герменевтике субъекта бегло обратился к размышлениям о типологической близости античных практик письма и автобиографии Нового времени, отметив при этом, что если в классический период отношение субъекта к истине было задано вопросом «как стать субъектом истинного говорения», то начиная с XVI в. вставал вопрос «как смочь сказать истину о себе самом» [2. С. 390–391].

² В Античности роль Другого принимал на себя учитель (философ), опосредуя становление индивида в качестве субъекта [2. С. 150].

³ Рефлексивность художественной литературы в различных аспектах рассмотрена, например, в работах Д.М. Сегала [6], В.И. Тюпы и Д.П. Бака [7, 8], М.А. Хатямовой [9], О.Н. Турышевой [10].

⁴ А. Вдовин [15], основываясь на наблюдениях П.В. Анненкова, выделил четыре причины невозможности адекватного изображения простонародного быта в литературе. Во-первых, формально-эстетический принцип требовал, чтобы все случайные элементы и все крайности в произведении были отфильтрованы. Во-вторых, шаблоны, навязанные писателю предшествующей литературой – по преимуществу светской, заставляли его видеть героев сквозь призму литературных условностей, что приводило к искажённому изображению крестьян: они описывались такими, каким должны были быть с точки зрения литературы (ср.: тургеневские Хорь и Калиныч сравниваются с Гёте и Шиллером), а не какими являлись на самом деле. В-третьих, потенциальный читатель из народа не был в состоянии понять и оценить произведения о нём самом. И, наконец, в-четвёртых, народный быт сам по себе не был изучен достаточно для того, чтобы можно было с уверенностью сказать, насколько верно он передаётся в литературе.

⁵ Типологически сходные явления «неканонической», формирующейся литературной традиции были рассмотрены в работах Т.И. Печерской – о словесности разночинцев [17], И. Калинина – о риторике 1920–1930 гг. [18], А.Е. Козлова – о феномене литературного эпигонства [19] и т.д. Кроме того, Ю.М. Лотман подчеркнул теоретическую значимость проблемы массового писательства как социального феномена (творчество авторов-самоучек частично лежит в поле массовой словесности) [20].

⁶ Изображая дилетантов от литературы, романист всегда акцентировал внимание на функции словесности как социального лифта: «При отсутствии социальной мобильности писательство виделось “маленьким людям” как один из немногих доступных путей индивидуальной и социальной эмансипации, путь к славе, а значит и к власти» [23. С. 221–222]. Достоевский, будучи в подлинном смысле слова профессиональным литератором, это отчётливо понимал [25]. И, тем не менее, несмотря на то, что его герои-писатели наделены правом на художественное творчество, они оказывались носителями «мёртвого» слова: не обладая литературным талантом, они «цитируют, имитируют, перевирают, пародируют Шиллера, Пушкина, Фета, Огарёва, Некрасова, народный и городской фольклор и даже откровенно слабую, а то и шуточно-пародийную поэзию (Печерина, Мятлева)» [21. С. 58]. Также Достоевский фиксировал патологическую ситуацию, ведь графомана определяет не столько логорей, безудержное производство текстов, сколько мания навязывания себя другим [24. С. 356], своеобразное проявление воли к власти. Расхождение между отсутствием таланта и непомерными социальными притязаниями заставляло этих тоже по-своему «новых людей» пускаться в ход манипулятивные техники, целью которых была не просто слава в «узком кругу», но рабское обожание, подчинение душ и умов, что ярче всего видно на примере Лебядкина, Опискина, Раскольников и Ивана Карамазова.

Так «мёртвое» слово подражателя трансформировалось в «деспотическое» слово тирана. Особенно характерен в этой связи, конечно, Фома Фомич Опискин, в котором сказалось неприятие Достоевским дидактико-нравоучительного пафоса позднего гоголевского творчества [26]. Кроме того, объектами насмешки в образе этого героя с разной степенью выраженности стали Н.В. Кукольник (печатался под псевдонимом Переписчик, о нём Опискин высказывается благосклонно) и А.В. Дружинин (также носил созвучный псевдоним – Подписчик) [27. С. 36–37], что делает данного персонажа ярко металитературным. При этом отмечается, что его имя – Фома – традиционно воспринималось как шутовское и, удвоившись (Фома Фомич), стало шутовским в высшей степени [27. С. 37]. Опискину присуще маниакальное стремление управлять и перedelывать. Он пытается не только преобразовать по собственной прихоти окружающую его реальность, общество (заставляет крестьян учить французский язык, ставливает домочадцев и манипулирует ими), но и посягает на художественное творчество, задаёт свои правила: «Что ж делают после этого все эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Как не обратят они внимания на то, какие песни поет русский народ и под какие песни пляшет русский народ? Что ж делали до сих пор все эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздины? Удивляюсь! <...> Пусть изобразят они мне мужика, но мужика обогороженного, так сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразят этого сельского мудреца в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях – я и на это согласен, – но преисполненного добродетелями, которым – я это смело говорю – может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский» [28. Т. 3. С. 82]. В этой речи Фомы Опискина очевидна язвительная реакция на современный Достоевскому литературный процесс и дискуссии о «народном» (см. примеч.: [28. Т. 3. С. 524–525]). Суждения героя позволяют охарактеризовать его как «человека ничтожного и глуповатого», ужаленного «змеёй литературного самолюбия» [28. Т. 3. С. 14].

⁷ Как хорошо известно, Б.М. Эйхенбаум, один из первых исследователей эго-документов Толстого, предостерегал исследователей от восприятия его дневников как достоверного документа, фиксирующего чувства самого писателя. С его точки зрения, дневники служили инструментом для «тренировки» художественного метода и содержали «зародыши всего его будущего творчества» [30. С. 56].

⁸ Ранее тема взаимоотношений Толстого с народом рассматривалась в работах В.А. Вейкшана «Л.Н. Толстой – народный учитель» [32], А.А. Донскова, Г.Я. Галаган, Л.Д. Громовой «Единение людей в творчестве Л.Н. Толстого» [33]; рефлексия народного субъекта в произведениях Толстого анализируется О. Сливичкой [34], Д. Орвин [35], И. Бендерским [36] и т.д.

⁹ Обозначенный принцип был осуществлён Толстым на практике, о чём оставлено немало свидетельств. Так, американский журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший Толстого в 1886 г., убедился, что опрощение воплощалось не только писателем, но и членами его семьи. Во время прогулки он увидел Татьяну Львовну, «одетую по-крестьянски, которая шла домой с полей, где она стрегала сено с деревенскими девушками из Ясной Поляны. <...> Сам граф Толстой всё утро разбрасывал навоз по земле бедной вдовы, жившей по соседству с его имением, и занимался бы этим до конца дня, если бы не мой приезд» [38. Т. 1. С. 373]. В беседе со своим гостем Толстой пояснил, что считает необходимым физически трудиться бок о бок с крестьянами, поскольку так «вы не только оказываете помощь нуждающимся, но подаёте бедному и праздному пример. Этим вы показываете, что не считаете ниже своего достоинства их будничные труд, и таким образом внушаете уважение к себе, учите трудолюбию и умению быть довольным своей судьбой. Если же вы работаете только в своей, более высокой интеллектуальной области и таким способом отдаёте бедняку плоды своего труда, как милостыню нищему, вы поощряете праздность и зависимость» [38. Т. 1. С. 373–374].

ЛИТЕРАТУРА

1. Декомб В. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / пер. с фр. М. Головановской. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
3. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
4. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М. : Издат. центр «Академия», 2004. 368 с.
5. Бальбуров Э.А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм // Сюжет, мотив, история : сб. науч. ст. Новосибирск : Наука, 2009. С. 32–42.
6. Сегал Д.М. Литература как вторичная моделирующая система // Сегал Д.С. Литература как охранная грамота. М. : Водолей Publishers, 2006. С. 11–49.
7. Тюпа В.И., Бак Д.П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово : КемГУ, 1988. С. 4–15.
8. Бак Д.П. История и теория литературного самосознания: Творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово : КемГУ, 1992. 82 с.
9. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М. : Языки славянской культуры, 2008. 328 с.
10. Турышева О.Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 286 с.
11. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода (Вводные замечания) // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : Искусство – СПб, 2012. С. 594–604.
12. Brooks J. When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature 1861–1917. Evanston : Northwestern University Press, 2003. 450 p.
13. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
14. Ткачёв П.Н. Мужик в салонах современной беллетристики // Ткачёв П.Н. Избранные литературно-критические статьи. М., Л. : Зиф, 1928. С. 180–204.
15. Вдовин А. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // Журнальный зал. 2016. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/nevedomyj-mir-russkaya-i-evropejskaya-estetika-i-problema-repre.html> (дата обращения: 10.04.2017).
16. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М. : Худ. лит., 1928–1958.
17. Печерская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск, 1999. 300 с.
18. Калинин И. Угнетённые должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 587–663.
19. Козлов А.Е. Рефлексия эпигонов в русской прозе первой половины XIX века // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 169–179.
20. Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб. : «Искусство – СПб», 2012. С. 817–826.
21. Жолковский А.К. Графоманство как приём (Лебядкин, Хлебников, Лимонов и другие) // Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 54–68.
22. Эпштейн М.Н. К образу переписчика: Акакий Башмачкин и князь Мышкин // Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М. : Высш. шк., 2006. С. 27–40.
23. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
24. Щербинина Ю. Бес писательства. Об эволюции графомании // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 355–375.

25. Тодд III У.М. Достоевский как профессиональный писатель : профессия, занятие, этика // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/uil.html> (дата обращения: 01.10.2018).
26. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 198–226.
27. Альтман М.О. Достоевский. По вехам имён. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 280 с.
28. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996. Т. 13.
29. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л. : Худож. лит., 1940. 648 с.
30. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Петербург, Берлин : Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 156 с.
31. Паперно И.А. «Кто, что я?» : Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 232 с.
32. Вейкшан В.А. Л.Н. Толстой – народный учитель. М., 1959. 103 с.
33. Донсков А.А., Галаган Г.Я., Громова Л.Д. Единение людей в творчестве Л.Н. Толстого: Фрагменты рукописей. М. ; СПб. ; Оттава, 2002. 300 с.
34. Сливницкая О.С. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2009. 443 с.
35. Орвин Д. Искусство и мысль Толстого: 1847–1880 / пер. с англ. и науч. ред. А.Г. Гродешкой. СПб., 2006. 304 с.
36. Бендерский И. Дорога через метель: «путешествие-открытие» и поиск социальности в прозе Льва Толстого // Новое литературное обозрение. 2019. URL: <https://goo.gl/eM86Gt> (дата обращения: 20.02.2019).
37. Берлин И. Толстой и Просвещение // Берлин И. История свободы. Россия. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 269–299.
38. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. СПб. : ООО «Издательство «Пальмира»; М. : ООО «Книга по требованию», 2017.
39. Ханзен-Лёве О. От хозяина и работника до работника без хозяина // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 212–227.
40. Успенский Б.А. Пушкин и Толстой: тема Кавказа // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 27–48.
41. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 288 с.
42. Подъячев С.П. Мои записки // Красная новь. 1929. № 1. С. 116–143.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 июня 2019 г.

Creation of the Writer-of-the-People's Subjectivity in Leo Tolstoy's Late Aesthetics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 55–63.

DOI: 10.17223/15617793/446/7

Oxana A. Tolstonozhenko, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: t_oxsa@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; Fyodor Dostoevsky; autodidactic writers; art; subjectivity; reflexivity; writing; graphomania.

The article analyses Leo Tolstoy's respond to the system transformations in the literary field and his invention of subjectivity of a writer "of the people". The integrative processes of the second half of the 19th century resulted in increasing literacy among the peasants comprising the greatest majority of the country's population. This yielded the emergence of a number of self-taught writers; some of them successively incorporated into professional literature mostly due to the development of periodicals and their readers who requested more intelligible texts. Nonetheless, a writer "of the people" was not yet acclaimed as an independent creative subject, but was thought as an object of a cultural impact, education and training. Thus, some renown writers still refused autodidactic writers to be members of the literary field, but not Leo Tolstoy. Perceiving the peasant as the Other, Tolstoy revised the border between subjects and the ways to eliminate it. Due to his knowledge of Hegel's master-slave dialectic, Tolstoy enforced the resolution of the conflict of the two oppositions not through the "cultivation" of the slave to the master level, but through a merge of the master and the slave. Literature played the key role there as a space of subjects' communication. The early steps in the invention of the self-taught writer's subjectivity were some pedagogical experiments at Yasnaya Polyana, where Tolstoy tried to create stories together with peasant children, and articulated the rules of how to teach a pupil his/her own creative speech. As a Rousseauist, Tolstoy believed in the peasants' closeness to a natural state, in their intactness by civilization. During his spiritual metamorphosis, he discovered that ordinary people endured daily calamities much easier and more submissively than noblemen, since they possessed the true sense of life. The moral and philosophical quests led the novelist to a comprehension of art as a tool to unite people by infecting them with the same feeling that an artist has when creating a composition. Since the 1880s, Tolstoy directly stated that he was then writing for the peasant reader. Simultaneously, he denied the opposition of folk and non-folk people, since he ranged people according to their closeness to nature, but not to their social class affiliation. He paid special attention to autodidactic writers, taught them, advised some books for reading and proofread their manuscripts. He anchored his hopes on them considering them as creative subjects able to preach natural verity. Nonetheless, Tolstoy could praise and also criticize self-taught writers. This discrepancy may be explained by Tolstoy's idea to place people in between nature and civilization; this idea explained his basic duality in the perception of peasants: on the one hand, peasants had to incorporate themselves into the culture process, thus getting their own voices to translate their experience; on the other hand, peasants kept silent being a part of nature.

REFERENCES

1. Descombes, V. (2011) *Dopolnenie k sub"ektu: Issledovanie fenomena deystviya ot sobstvennogo litsa* [Addition to the Subject: Study of the Phenomenon of Action in First Person]. Translated from French by M. Golovanivskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [Hermeneutics of the Subject: a Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1981–1982 Academic Year]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. St. Petersburg.
3. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was Forever Until it Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 2. Moscow: Izdatelsiy tsentr "Akademiya".
5. Bal'burov, E.A. (2009) Syuzhet i istoriya: k probleme evolyutsii povestvovatel'nykh form [Plot and History: on the Problem of the Evolution of Narrative Forms]. In: Kapinos, E.V. (ed.) *Syuzhet, motiv, istoriya* [Plot, Motif, History]. Novosibirsk: Nauka. pp. 32–42.
6. Segal, D.M. (2006) *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a Letter of Protection]. Moscow: Vodoley Publishers. pp. 11–49.

7. Tyupa, V.I. & Bak, D.P. (1988) Evolyutsiya khudozhestvennoy refleksii kak problema istoricheskoy poetiki [The evolution of artistic reflection as a problem of historical poetics]. Tyupa, V.I. et al. (eds) *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki* [Literary Work and the Literary Process in the Aspect of Historical Poetics]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 4–15.
8. Bak, D.P. (1992) *Istoriya i teoriya literaturnogo samosoznaniya: Tvorcheskaya refleksiya v literaturnom proizvedenii* [History and Theory of Literary Consciousness: Creative Reflection in a Literary Work]. Kemerovo: Kemerovo State University.
9. Khatyamova, M.A. (2008) *Formy literaturnoy samorefleksii v russkoy proze pervoy treti XX veka* [Forms of Literary Self-Reflection in Russian Prose of the First Third of the 20th Century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Turyshcheva, O.N. (2011) *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury* [Book – Reading – Reader as a Subject of Literature]. Yekaterinburg: Ural State University.
11. Lotman, Yu.M. (2012) *O russkoy literature*. [On Russian Literature]. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPB". pp. 594–604.
12. Brooks, J. (2003) *When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press.
13. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and Other Works on the Historical Sociology of Russian Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Tkachev, P.N. (1928) *Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i* [Selected Literary Critical Articles]. Moscow; Leningrad: ZiF. pp. 180–204.
15. Vdovin, A. (2016) "Nevedomyy mir": russkaya i evropeyskaya estetika i problema reprezentatsii krest'yan v literature serediny XIX veka ["The Unknown World": Russian and European Aesthetics and the Problem of the Representation of Peasants in Literature of the Mid-19th Century]. *Zhurnal'nyy zal*. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/nevedomyj-mir-russkaya-i-evropejskaya-estetika-i-problema-repre.html>. (Accessed: 10.04.2017).
16. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Khud. lit.
17. Pecherskaya, T.I. (1999) *Raznochintsy shestidesyatykh godov XIX veka: fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germeneyvtiki (memuary, dnevniki, pis'ma, belletristika)* [Raznochintsy of the 1860s: the Phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics (Memoirs, Diaries, Letters, Fiction)]. Novosibirsk: IPhl SB RAS.
18. Kalinin, I. (2012) Ugnetyennyye dolzhny govorit': massovyy prizyv v literaturu i formirovaniye sovet'skogo sub'ekta, 1920-e – nachalo 1930-kh godov [The Oppressed Ones Must Speak: Mass Call to Literature and the Formation of the Soviet Subject, 1920s – early 1930s]. In: Etkind, A. et al. (eds) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside. The Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 587–663.
19. Kozlov, A.E. (2014) Refleksiya epigonov v russkoy proze pervoy poloviny XIX veka [Reflection of Epigones in Russian Prose of the First Half of the 19th Century]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 1. pp. 169–179.
20. Lotman, Yu.M. (2012) *O russkoy literature* [On Russian Literature]. St. Petersburg: "Iskusstvo – SPB". pp. 817–826.
21. Zholkovskiy, A.K. (1994) *Bluzhdayushchie sny i drugie raboty* [Wandering Dreams and Other Works]. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura". pp. 54–68.
22. Epshteyn, M.N. (2006) *Slovo i molchanie: Metafizika russkoy literatury* [Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 27–40.
23. Boym, S. (2002) *Obshchie mesta. Mifologiya povsednevnoy zhizni* [Commonplaces. The Everyday Life Mythology]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Shcherbinina, Yu. (2013) Bes pisatel'stva. Ob evolyutsii grafomanii [Demon of Writing. On the Evolution of Graphomania]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 355–375.
25. Todd, W.M. III. (2002) Dostoevskiy kak professional'nyy pisatel': professiya, zanyatie, etika [Dostoevsky as a Professional Writer: Profession, Occupation, Ethics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 58. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/uil.html>. (data obrashcheniya: 01.10.2018).
26. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema.]. Moscow: Nauka. pp. 198–226.
27. Al'tman, M.O. (1975) *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov: Saratov State University.
28. Dostoevskiy, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 13. Leningrad: Nauka.
29. Veselovskiy, A.N. (1940) *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad: Khudozh. lit.
30. Eykhenbaum, B.M. (1922) *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Peterburg, Berlin: Izd-vo Z. I. Grzhebnina.
31. Paperno, I.A. (2018) "Kto, chto ya?": Tolstoy v svoikh dnevnikakh, pis'makh, vospominaniyakh, traktatakh ["Who, what am I?": Tolstoy in His Diaries, Letters, Memoirs, Treatises]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
32. Veykshan, V.A. (1959) *L.N. Tolstoy – narodnyy uchitel'* [L.N. Tolstoy as a Popular teacher]. Moscow: Uchpedgiz.
33. Donskov, A.A., Galagan, G.Ya. & Gromova, L.D. (2002) *Edinenie lyudey v tvorchestve L.N. Tolstogo: Fragmenty rukopisey* [The Unity of People in the Oeuvre of L.N. Tolstoy: Fragments of Manuscripts]. Moscow; St. Petersburg; Ottava.
34. Slivitskaya, O.S. (2009) "Istina v dvizhen'i": O cheloveke v mire L. Tolstogo ["Truth is Moving": About a Man in the World of L. Tolstoy]. St. Petersburg: Amfora. TID Amfora.
35. Orvin, D. (2006) *Iskusstvo i mysl' Tolstogo: 1847–1880* [Tolstoy's Art and Thought: 1847–1880]. Translated from English by A.G. Grodet'skaya. St. Petersburg: Akademicheskyy proekt.
36. Benderskiy, I. (2019) Doroga cherez metel': "puteshestvie-otkrytie" i poisk sotsial'nosti v proze L'va Tolstogo [Road through a Snowstorm: "Journey-discovery" and the Search for Sociality in Leo Tolstoy's Prose]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Online] Available from: <https://goo.gl/eM86Gt>. (Accessed: 20.02.2019).
37. Berlin, I. (2001) *Istoriya svobody. Rossiya* [History of Freedom. Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 269–299.
38. Kazakevich, A. & Zuyeva, E. (eds) (2017) *L.N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov* [L.N. Tolstoy in the Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg: OOO "Izdatel'stvo "Pal'mira"; Moscow: OOO "Kniga po trebovaniyu".
39. Hansen-Löve, A. (2016) From Master and Man to Man without a Master. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 212–227. (In Russian).
40. Uspenskiy, B.A. (2004) *Istoriko-filologicheskie ocherki* [Historical and Philological Essays]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 27–48.
41. Zholkovskiy, A.K. & Shcheglov, Yu.K. (2016) *Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrizitel'nosti* [Ex Ungue Leonem. Children's Stories of L. Tolstoy and the Poetics of Expressiveness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
42. Pod'yachev, S.P. (1929) *Moi zapiski* [My Notes]. *Krasnaya nov'*. 1. pp. 116–143.

Received: 26 June 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.1

В.С. Бабинович

ИДЕНТИЧНОСТЬ ГЕЙМЕРА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВИДЕОИГР

Статья посвящена проблеме формирования идентичности геймера в виртуальном пространстве многопользовательских и однопользовательских видеоигр, рассматриваемой в рамках феноменолого-герменевтической методологии. По мнению автора, раскрытие специфик погружения в виртуальное пространство технически созданного мира игры и описание игрового опыта как особого переживания и соучастного внимания являются одной из интереснейших и актуальных задач современной философии видеоигр. Рассмотреть специфику опыта возможно через анализ функций кастомизации и создания персонажей в видеоиграх разного типа.

Ключевые слова: видеоигры; виртуальный мир; идентичность; опыт сознания; соучастное внимание; миф; гик-культура.

Видеоигры, впервые появившиеся в середине XX в. как новая ветвь развития цифровых технологий, к концу 80-х превратились в популярный феномен массовой культуры. За короткий период существования видеоигр отношение массового сознания к данному феномену меняется от положительного к отрицательному и наоборот. В течении последних десяти лет взгляд на видеоигры переосмысливается – от ассоциации с психическим заболеванием к новой тематизации. Видеоигры становятся полем для исследовательской деятельности и начинают пониматься как новая форма искусства. Экономисты, историки, философы и даже биологи теперь рассматривают видеоигры как феномен, являющийся полем междисциплинарного исследования и эксперимента. [1–4] Проблемой данной статьи является идентификация геймера внутри технически созданного (или видеоигрового) пространства. Геймер будет пониматься как субъект, полностью погруженный в виртуальное пространство видеоигр и анализирующий, понимающий, познающий, проживающий, принимающий на себя условности и правила виртуального мира, а также выступающий в роли активного деятеля. Определяющим является применение методологии феноменолого-герменевтического, как рассмотрения опыта переживания и проживания, и семиотического анализа видеоигр в связи с философией мифа и визуальной семиотикой.

Актуальность данной статьи заключается в прояснении проблемы формирования идентичности геймера через описание его игрового опыта. Идентичность в данном случае понимается в феноменолого-экзистенциальном и герменевтическом смысле, как опыт понимания и «пропускания» через себя аудиовизуальной и нарративной составляющих видеоигровой реальности. Это особенно значимо в контексте критически малого количества трудов, содержащих анализ видеоигрового пространства в подобном контексте. Систематизация и тематизация мифа как особого опыта переживания. Анализ опыта сознания как соучастного внимания, переживаемого в различных режимах вовлеченности в технически созданном виртуальном пространстве необходимо для понимания сущности видеоигр и значения «вымышленных миров», а также для реконфигурации жизненного мира

игрока не только в виртуальном пространстве, но и в повседневности [5. С. 24–40.]. В данном случае миф будет пониматься как особая форма переживания и опыт сознания (синкретизм, нарративная организация, социальное воображаемое).

С середины XX в. видеоигры начали постепенно входить в массовую культуру и приобрели огромную популярность. От классических платформеров на первых консолях и игровых автоматов до кинематографической графики, системы захвата движения и технологии *lean motion*. За небольшой промежуток времени в видеоиграх произошел огромный эволюционный скачок. Современные возможности графических процессоров и высокий уровень программистов, а также новые способы создания содержания видеоигрового мира привели к тому, что видеоигры начали признавать новой формой искусства. Французские исследователи философии и истории видеоигр Николя Курсье и Мейди эль Канафи утверждают, что видеоигры представляют собой смежный жанр между кино и литературой. Находясь между кино и литературой, видеоигры – простой, состоящий из цвета и движения, визуальный мир, который оставляет много места для воображения и личной интерпретации [6. С. 22–23]

Значимыми (но не главными) элементами является аудиовизуальное сопровождение. Звук и «картинка» частично формируют атмосферу технически созданного виртуального мира, что позволяет сформировать первичное погружение в искусственный мир. Обратимся к недавнему Game Awards 2018 г. для рассмотрения других сопутствующих частей, необходимых для проживания видеоигрового мира и формирования в нем своего «Я». В номинациях, помимо отмеченного выше аудиодизайна, мы можем наблюдать такие категории, как «режиссура» (*God of War*) и «повествование» (*Red Dead Redemption 2*). Нарративное содержание и режиссура визуального образа также являются значимыми элементами формирования полноценного виртуального мира.

Среди теоретиков сложилось разное восприятие видеоигр и игры в целом, что позволяет проследить некоторую историко-философскую традицию. Исследования видеоигр, оказавшие влияние на их философскую тематизацию, – это прежде всего работы Д. Шеффа (по

истории и влиянию Nintendo на мировую массовую культуру), Т. Донована (общая история видеоигр), французских философов видеоигр Н. Курсе и М. эль Канафи, а также отечественных исследователей А. Ветушинского, А. Липкова и сотрудников ЛИКИ «Центра исследований медиафилософии» СПбГУ.

Вопросы о сущности игры волновали философов начиная с Античности. От Платона до Канта, Шиллера, Хёйзинги и Бахтина игра являлась важнейшей онтологической, антропологической и культурно-философской темой. Каждый из философов пытался дать ответ на вопрос относительно роли игры и у каждого из них сложились свое понимание и отношение к данному феномену. Все они подчеркивают универсальные возможности игры в эстетическом и нравственном воспитании, формировании коллективистских черт личности, познавательных интересов, выработке характера, в интеллектуальном, эмоциональном и физическом развитии, развитии творческого мышления и воображения.

В коллективной монографии ЛИКИ СПбГУ «Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр» мы находим следующее определение: игра – воплощенный парадокс для философа, поскольку свободна в отношении практических целей, но охотно подчиняется своим собственным, вполне произвольным правилам, принимает их искусственность почти как закон природы, требует от игроков почти невероятной технической искусственности и при этом почти совершенно безразлична к познанию мира вне себя, как, впрочем, и к какому-либо основательному знанию себя самой [7. С. 22]. Видеоигра – особо организованная среда со своими правилами, законами, условиями и возможностями, структурирующая опыт переживания в технически созданном виртуальном пространстве, вызывающая особые переживания и активно вовлекающая сознание геймера в соучастие (соучастное внимание), сопереживание и взаимодействие. Под процессом формирования идентичности мы будем понимать частичное (временное) отождествление себя (своего «Я») с образом (аватаром) в видеоигровом виртуальном пространстве. Принятие, восприятие и понимание персонажа на экране как себя самого.

Каким образом происходит погружение и проживание виртуального мира? В своем труде «Время и Рассказ» Поль Рикёр утверждает, что сознание человека попадает в виртуальное пространство вымышленных рассказов через измерение читателя (в данном случае – измерение пользователя) [8. С. 85]. Человек принимает для себя правила, законы, нормы и условности мира. Начинает существовать в нем, соучаствовать, активно взаимодействовать и эмоционально-аффективно откликаться на происходящие виртуальные события, тем самым проживая его. При этом виртуальная реальность (в момент включения) принимается как истинная реальность и проживается как настоящая. Интерактивность усиливает эффект присутствия и актуализирует мифологическое измерение видеоигры. Режимы проживания в видеоигре являются самыми мощными по сравнению с литературой и даже кинематографом, поскольку присутствует момент интеракции.

Что происходит в видеоигровом пространстве после перехода в измерение пользователя? Рассмотрим данный вопрос на примере серии видеоигр *Demon Souls*, *Dark Souls* (1–3) и *Bloodborne*. Попадая в данные миры, геймер сталкивается с абсолютным незнанием окружающей действительности. Звуковое сопровождение, визуальный образ и суровость мира позволяют перейти ему первую «черту погружения в виртуальное пространство». Далее следует вопрос «Что это за мир?» и попытка выяснить это, что дает возможность сопоставления с первобытным человеком и формирования мифологического сознания.

Особенностью данных видеоигр является отсутствие карты и маркеров направления движения к конкретной цели. Перед геймером стоит проблема познания неизвестного, сбор по крупицам информации (из описания предметов, врагов, рассказов союзников и собственного воображения). Каждый камень, мост или здание могут поведать целую историю. Одним из основополагающих моментов формирования образа этого мира является создание напряжения и гнетущей атмосферы, а также постоянное ощущение опасности и агрессивности окружающей среды. Через атмосферу формируется наглядная чувственная образность аудиовизуальной составляющей, что позволяет на чувственном уровне погрузиться, прожить и получить новый опыт в видеоигровом измерении. Говоря о нарративе, стоит отметить две формы, присутствующие в данных видеоиграх: скрытый и открытый нарратив. Открытые нарративы указывают на основную цель персонажа, а скрытые демонстрируют, что в указанной цели можно усомниться и действовать на свое усмотрение. Различные скрытые линии сюжета и развития событий влияют непосредственно на самого играющего.

Как формируется идентичность геймера в подобном видеоигровом мире? Непрерывные переживания за своего персонажа приводят к восприятию персонажа как себя. Создание собственного облика и «родословной» способствует более глубокому погружению в виртуальное пространство. Визуальное сопровождение, внимание к деталям, интерактивность и разрушаемость (если говорить о жанре shooter) объектов, а также динамический 3D-звук позволяют «перенестись» в виртуальный мир. Так, например, в недавней *Battlefield V*, посвященной периоду Второй мировой войны, реализация аудиовизуального сопровождения актуализирует экзистенциальные переживания и позволяет ощутить «ужасы войны». Тотальная разрушаемость всех окружающих объектов, переформирование ландшафта от взрывов и снарядов, полноразмерный 3D-звук специально созданный для выстрелов, техники и авиации «открывают» для геймера портал, говоря словами Рикёра, в вымышленное измерение. В данном случае вживание в роль аватара, принятие его как своего «Я» и переживание виртуального пространства происходят не через сюжет и текстовый нарратив, а через нарратив визуальный. Попытки познания, понимания или принятия мира видеоигры (это зависит от жанра и цели самой игры) открывают огромные возможности для работы воображения, логики и рационального анализа. Технически созданный

виртуальный мир становится «собственным» миром, миром личного бытия и начинает проживаться как истинная реальность для воспринимающего сознания.

Выше шла речь о включении и проживании технически созданного виртуального мира через нарративную и атмосферную составляющие. Теперь же обратимся к другому способу включения и формирования идентичности геймера – визуальному образу.

Возможность формирования собственного аватара, создание подходящего для себя облика, стала неотъемлемой частью практически каждой современной видеоигры. Гибкая настройка облика персонажа, выбор пола, внешности, длины и цвета волос, строения тела позволяют проводить геймерам многие десятки часов в редакторах персонажей для большего вживания в виртуальный мир и принятия персонажа на экране как своего «Я». Но стоит отметить, что полная настройка облика виртуального аватара полностью не решала проблему самоидентификации и формирования идентичности в технически созданном виртуальном пространстве. Оставалась актуальной проблема внешнего облика доспехов и оружия. Перед множеством геймеров вставал вполне логичный вопрос выбора: внешний вид или характеристики. Частично затрагивая экономическую составляющую игры и суть условно-бесплатных видеоигр, необходимо обратить внимание на «косметические предметы» (скины) и реализацию функции трансмогрификации в творениях студии Blizzard Entertainment.

Возможность изменения визуального облика своего персонажа и использование косметических предметов стала широко популярным явлением в гик-культуре за последние несколько лет. Геймеры тратят огромные суммы и силы на получение тех или иных обликов для доспехов или оружия. Это является важным элементом для более глубокого погружения в виртуальный мир, вхождения в его ролевую составляющую. Не просто вхождение в это виртуальное измерение, а вхождение своим «Я», своим образом, своими взглядами и внешностью. Кастомизация персонажа позволяет геймеру ощущать персонажа как себя самого. Класс, роль, отношение и характер геймера можно «прочитать» по внешнему виду персонажа. Внешний вид оставляет визуально-семиотические знаки, позволяющие как идентифицировать специализацию персонажа стороннему наблюдателю, так и сформировать идентичность геймера для собственного восприятия и понимания в контексте видеоигрового пространства. Например, в популярной MMO-RPG World of Warcraft мы можем встретить Паладина, или Рыцаря Смерти, и понять по его внешнему виду роль, специализацию или характер геймера. Особенности класса и специализации, формирующиеся в сознании геймера и принимающие мифологическое содержание, позволяют играющему сформировать собственную идентичность в видеоигровом пространстве и создать собственный уникальный облик, удовлетворяющий его видение и восприятие. Отдельно стоит отметить, что внешний вид персонажа позволяет не только «прочитать» характер геймера и его роль, но также понять его принадлежность к определенному стилю игры – PvE или PvP.

Каким образом достигается подобный результат и формирование идентичности геймера? В World of Warcraft создали услугу по изменению доспехов и оружия (трансмогрификация). Появилась возможность создать персонажа, полностью соответствующего своему стилю, образу и видению. Это позволяет подобрать визуальный облик персонажа таким образом, чтобы он удовлетворял не только эстетическому вкусу геймера, но и экзистенциальному. Созданный визуальный образ демонстрирует настроение игрока, его стиль игры, особенности класса и специализации, имеющиеся профессии и род занятий (PvP или PvE). Данная функция способствует не только самовыражению пользователя и созданию виртуального «Я», но и дает возможность стороннему наблюдателю «прочитать» характер играющего и оценить степень представляемой опасности.

Важным моментом является то, что данная функция полностью вписывается в историю и мифологию мира игры. Геймеры начали тратить многие сотни часов на подбор экипировки, которая подходила бы непосредственно их личному настроению и стилю игры. Возросла актуальность старых рейдовых подземелий, что позволяет глубже проникнуть в содержание видеоигрового мира и приобщиться к его мифологической составляющей.

В других видеоиграх использовали иные подходы, которые также способствуют формированию мифологии виртуального мира и идентичности геймера в видеоигре. Например, в Fortnite и DotA 2 и других появились платные косметические предметы, которые изменяют визуальный образ героя по вкусу игрока, никак не влияя на геймплей и баланс игры. В Grand Theft Auto V, Super Mario Odyssey и многих других появились функции приобретения вещей за внутриигровую валюту. Это также позволяет формировать свой собственный образ и не нарушает целостной картины мира и его мифологического содержания. Хотя в Super Mario Odyssey главным игровым персонажем так и остается веселый Марио, возможность изменить его стиль в соответствии со своим видением и предпочтениями – очень важный момент.

В заключение необходимо отметить основные моменты:

1. Видеоигры прошли долгий период становления, развития и принятия в обществе. Негативные мнения и классификация «заболевания» трансформировались в исследовательский и творческий интерес.
2. Видеоигры можно принимать как новую форму искусства и проявления творчества.
3. Технически созданный виртуальный мир имеет собственное наполнение, мифологию и содержание, а также существует независимо от наличия в нем играющего.
4. Включение и проживание геймером виртуального мира создается самим виртуальным миром и его содержанием.
5. Возможность создать и изобразить внешний облик своего персонажа способствует формированию геймером его идентичности и демонстрации своего «Я» внутри видеоигрового пространства.

Изменения, произошедшие с видеоиграми, позволяют взглянуть на данный феномен массовой культуры с другой стороны. Видеоигры только начинают входить в исследовательское поле зрения историков,

философов, социологов и других представителей научного сообщества. Это значимый этап для становления самих видеоигр как формы культуры и расширения тех или иных сфер деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веснин Д. Как видеоигры становятся площадкой для экспериментов. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/197827-videogames-research>
2. Шефф Д. Game Over. Как Nintendo завоевала мир / пер. И. Воронина. М. : Белое Яблоко, 2017. 384 с.
3. Липков А.И. Ящик Пандоры: Феномен компьютерных игр в мире и в России. М. : ЛКИ, 2008 192 с.
4. Донован Т. Играй! История видеоигр / пер. И. Воронина. М. : Белое Яблоко, 2014. 648с.
5. Осаченко Ю.С. Онтология мифа: различие тождества. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 248 с.
6. Курсье Н., Канафи М. Zelda. Хроника легендарной саги / пер. А. Василевского. М. : Белое Яблоко, 2016. 240 с.
7. Сборник Медиафилософия XII. Игра или Реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под ред. В.В. Савчука. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2016. 498 с.
8. Рикёр П. Время и Рассказ. Т. 2: Конфигурации в вымышленном рассказе. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 224 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 8 июля 2019 г.

The Identity of a Gamer in the Virtual Space of Video Games

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 64–67.

DOI: 10.17223/15617793/446/8

Vasily S. Babinovich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: winterik1@mail.ru

Keywords: video games; virtual space; identity; experience of consciousness; cooperative attention; myth; geek-culture.

In this article, the author is trying to solve the problem of user identity in the space of video games. The variety of opportunities is open through the modern technology providing a wide field for discoveries. How does an inclusion, immersion and living in a virtual reality made with tools of technology occur? The modern video game industry raises pressing social, ethical and existential problems. The user is transferred into the virtual space of a video game through a special technological and informative content, living in the image of the character and avatar on the screen. The subject identifies the character as him-/herself and “lives” a different life in the virtual world. The research made in the article is based on modern video games (World of WarCraft, Dark Souls, Bloodborne, God of War, etc.), which are very popular in modern game culture. In these games, we can find a specific atmosphere, mythological content and social connections between players. In case of personal experience of living and observing the virtual game world, the phenomenological hermeneutic analysis was chosen as the main research method. The study examined the videogame identity forming process in different ways. Single and MMO role-playing games (RPG) were chosen for analysis as a more visual opportunity to reflect inclusiveness due to the features of the genre (the ability to create the character’s appearance, choose armor and directly influence the plot through the choice of active actions). In conclusion, the author came to the following. (1) Video games passed through a long period of formation, development and acceptance in society. The perception of this phenomenon was transformed from an association with mental illness to research and creative interest. (2) It is possible to take video games as a new form of art and creativity. (3) The virtual space created by tools of technology has its own content and mythology and exists regardless of the presence of the player. (4) The gamer’s inclusion and living in the virtual world is created by the virtual world itself and by its content. (5) The ability to create the appearance of the character contributes to the gamer’s formation of his/her identity and the demonstration of self-image within the video game space. The changes occurred in video games allow looking at this phenomenon of popular culture from a different perspective. Video games are only beginning to enter the research field of historians, philosophers, sociologists and other researchers. This is a significant stage for the development of video games both in the form of culture and in the extension of various spheres of activity.

REFERENCES

1. Vesnin, D. (2013) Kak videoigry stanoviyatsya ploshchadkoy dlya eksperimentov [How Video Games Become a Platform for Experiments]. *Look at Me*. [Online] Available from: <http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/197827-videogames-research>.
2. Sheff, D. (2017) *Game Over. Kak Nintendo zavoevala mir* [Game Over. How Nintendo Conquered the World]. Translated from English by I. Voronin. Moscow: Beloe Yabloko.
3. Lipkov, A.I. (2008) *Yashchik Pandory: Fenomen komp'yuternykh igr v mire i v Rossii* [Pandora’s Box: The Phenomenon of Computer Games in the World and in Russia]. Moscow: LKI.
4. Donovan, T. (2014) *Igray! Istoriya videoigr* [Replay. The History of Video Games]. Translated from English by I. Voronin. Moscow: Beloe Yabloko.
5. Osachenko, Yu.S. (2010) *Ontologiya mifa: razlichie tozhdestva* [Ontology of Myth: the Difference of Identity]. Tomsk: TML-Press.
6. Courcier, N. & Kanafi, M. (2016) *Zelda. Khronika legendarnoy sagi* [Zelda. The Chronicle of a Legendary Saga]. Translated from English by A. Vasilevskiy. Moscow: Beloe Yabloko.
7. Savchuk, V.V. (ed.) (2016) *Mediafilosofiya XII. Igra ili Real'nost'? Opyt issledovaniya komp'yuternykh igr* [Media Philosophy XII. Game or Reality? Experience in the Study of Computer Games]. St. Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii.
8. Ricœur, P. (2000) *Vremya i Rasskaz* [Time and Narrative]. Translated from French. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Received: 08 July 2019

Н.Н. Ростова

ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИЦЕ ЖИВОТНОГО МИРА

Исследуется современная интерпретация оппозиции человек–животное. Автор выделяет три стратегии, которые объединяет антиантропоцентристский пафос: анимализация человека, антропоморфизация животных, концептуализация границы между человеком и животным. В связи с первой стратегией автор рассматривает интерес современной философии к Аристотелю и Симондону, в связи со второй анализирует понятие «человеческий зоопарк», обращаясь к третьей, указывает на то, что понятие «антропологической машины» позволяет философии объявить о смерти человека.

Ключевые слова: человек; животное; антропологическая машина; человеческий зоопарк; смерть человека; идея конца человеческой исключительности; нечеловеческий другой.

Современная западная философия выработала несколько стратегий работы по проблеме человека. Первая стратегия заключается в том, чтобы преодолеть оппозицию природа–культура, вторая – в том, чтобы стереть границу между человеком и техникой, третья – в том, чтобы включить человека в сферу объектов. В рамках четвертой стратегии упраздняются отличия между человеком и животным. Все эти подходы объединяет антиантропоцентризм. Число сочувствующих идее человеческой исключительности невелико. Среди них можно назвать Фукуяму, Хабермаса и Бодрийяра. Подавляющее же большинство современных мыслителей компрометирует идею человека. Человек в таком случае лишается онтологических привилегий и мыслится как часть в составе целого (= природы, Вселенной, совокупности объектов и т.п.). Как феномен он исчезает, т.е. в философском смысле умирает.

В данной статье исследуется одна из названных стратегий, а именно современная трактовка оппозиции человек–животное; рассматриваются три вариации данной стратегии: антропоморфизация животного, в связи с чем исследуются перспективы философии Ж. Симондона в современной мысли; анимализация человека, в связи с чем разбираются интеллектуальные уловки, допущенные Слотердайком в докладе о человеческом зоопарке, и, наконец, концептуализация границы между человеком и животным, обращение к которой предполагает анализ понятия антропологической машины у Дж. Агамбена.

Антропоморфизация животных. Современная философия совершает поворот к Аристотелю. Почему? Потому что в своих трактатах «История животных» и «О частях животных», представляющих скрупулезное физиолого-анатомическое исследование, Аристотель вписывает человека в мир зверей. Человек предстает в них как тело среди прочих тел – печень, желчь, зрение, зубы, половая система, кожный покров, мочевой пузырь и почки. В современной культуре происходят два взаимосвязанных процесса – анимализация человека и гуманизация животных, а потому частые ссылки на Аристотеля неудивительны, равно как и оставление без внимания того, что Аристотель наделял человека привилегией разума.

Ряд философов сегодня выступают за права животных. Среди них известен Том Риган, написавший книгу «В защиту прав животных» [1]. Питер Сингер

и Паола Кавальери создали организацию, отстаивающую права человекоподобных обезьян, которых они называют ближайшими родственниками человека на эволюционном древе. В «Миссии» организации говорится: «С биологической точки зрения между двумя людьми может быть различие в ДНК 0,5%. Между человеком и шимпанзе это различие составляет только 1,23%» [2]. Учредители организации объединяют под общим названием «great primates» людей, шимпанзе, бонобо, горилл и орангутанов и предлагают подписать декларацию в защиту их жизни и свободы. П. Сингер в своей программной работе «Освобождение животных» квалифицирует антропоцентризм как тиранию над животными и одновременно невежество, ибо любой имеющий элементарные знания по биологии, говорит он, понимает, что отделение людей от животных ошибочно. Если животные не умеют говорить, это не значит, что они не могут страдать и переживать. Помимо языка есть «основные сигналы», которыми животные и люди пользуются для передачи своих эмоциональных состояний [3]. Логика гуманизации животных может иллюстрироваться изображениями, перетолковываемыми известным сюжет фрески Микеланджело «Сотворение Адама»: не касание рук Бога и Адама, но касание руки человека и лапы обезьяны теперь предстает перед нами. Среди активных сторонников «освобождения» обезьян от дискриминации находится Р. Докинз.

Однако речь идет не только об обезьянах, но также и о других животных, птицах и рыбах. Лесникий Питер Воллебен, привлекая научные данные и собственные наблюдения, пишет книгу «Духовный мир животных». В ней он, например, пытается доказать, что мыши сочувствуют, лошади стыдятся, а рыбы испытывают страх [4]. Питер Годфри Смит ищет у осьминогов сознание [5]. Глен Мазис преодолевает границы между человеком и животным, полагая, что у животных есть разум, чувства, мораль и способность к взаимоотношениям [6]. Тобиас Минели рассуждает о коммуникативных возможностях животных и их правах [7]. Против идеи человеческой исключительности и оппозиции человек–животное выступают Донна Харауэй [8] и Дерек Райан [9]. Майкл Мардер предлагает не останавливаться на животных и исследовать мышление растений [10].

Объединение идей этологии и объектно-ориентированной онтологии позволяет родиться на свет таким феноменам, как книга бельгийского философа В. Дебре под названием «Что расскажут животные, если мы зададим правильные вопросы». «Когда вы начинаете понимать животное, – говорит Дебре, – то, что оно делает, думает, почему или как это происходит, перед вами раскрывается целый мир, отличный от нашего: мы начинаем жить в других мирах – пусть на время и весьма приблизительным и умозрительным образом, но этот опыт показывает, что наш мир мог бы быть другим» [11]. Кредо Дебре состоит в том, что существует множество способов существования и следует признать право за каждым из них. Ссылаясь на Латура, Дебре предупреждает: «нельзя определить каждого согласно одному и тому же “способу существования”», но нужно «разрешить всем выносить решение о своем собственном способе существования» [Там же]. Необходимо реабилитировать других в их собственной истине. При этом Дебре не ограничивается животными. Ее интерес распространяется и на мертвецов, следы которых мы находим в нашей жизни. Какие же вопросы животным будут правильными? «Нет простого ответа на этот вопрос, – говорит Дебре, – все зависит от животного. Можно найти хороший вопрос, когда исследователь сам себя серьезно спрашивает: «Чем интересуется мое животное?», «Какие вопросы оно само себе задает?» [Там же].

Неслучаен в такой логике интерес к Ж. Симондону.

Интерес к Симондону. Героем современной философии становится малоизвестный до последнего времени французский философ Жильбер Симондон, работавший в середине XX в. (1924–1989). В 1990-х гг. во Франции была организована конференция «Вокруг Жильбера Симондона», с начала 2000-х стали активно публиковаться его произведения, в 2016 г. на русском языке вышла его книга «Два урока о животном и человеке». Сегодня вспоминают о том, что он был учеником Мерло-Понти, и на него несколько раз сослались Делез и даже Бодрийяр. С чем связан интерес к Симондону? Очевидно с тем, что его философия может быть использована как дополнительный аргумент для упразднения границ между человеком и животным, а также между человеком и техникой.

Симондон выделяет две линии интерпретаций отношений между человеком и животным. Одна идет от Сократа, вторая – от Аристотеля. Сократ, пишет он, «ответственный» за дуализм, ибо он противопоставил инстинкт интеллекту, растительное и животное начала человеку [12. С. 63]. Сократ «закладывает основы гуманизма, то есть учения, согласно которому человек – это реальность, не сравнимая ни с чем другим в природе» [Там же]. Сократ сожалеет, что в молодости изучал природные явления, как физиологи и Анаксагор, вместо того чтобы следовать надписи на храме Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя».

Если Сократ родоначальник антропологии, то Аристотель – «отец биологии». Биология Аристотеля включает психологию таким образом, что характерные человеческие способности к рассуждению, размышлению, свободному выбору оказываются сопоставимыми с процессами, в которые вовлечены жи-

вотные и растения, ибо и те и другие служат жизни. Психические функции, как и прочие, трактуются как жизненные функции. «Иными словами, – пишет Симондон, – человек размышляет, и, размышляя, прибегая к разуму, к *logistikon*, к *bouleutikon* и к *proaireris*, он делает то же, что и растение, у которого определенным образом распускаются листья и созревают семена. Стало быть, существует непрерывность, неизменность жизни, связывающая один вид с другим» [12. С. 81]. Признаки, характерные для различных видов, уникальны, но функции, которым они служат, тождественны (например, рост и размножение). Другими словами, на функциональном уровне способности видов оказываются эквивалентными.

К линии Сократа примыкают Платон, софисты, стоики, христиане, Декарт. К линии Аристотеля – досократики, философы эпохи Возрождения, Франциск Ассизский, Джордано Бруно. Но Декарт в своем списке выделяется особым образом, ибо он был первым, кто объявил, что животное не связано с инстинктом. Животное – это автомат, и его поведение не инстинктивное, а механическое. Дилемма человек–животное сменяется у него на дилемму человек–машина.

Симондон предлагает диалектическую схему понимания отношений человек–животное в истории. Тезисом выступают система Аристотеля и «древние мыслители», не противопоставлявшие человека и животное. Антитезисом – дуализм и его апофеоз у Декарта, когда животное оказалось «контрастным фоном человека», «не-человеком», «контратипом идеального человека». Синтезом – научные достижения, распространившие представления о животном на человека. Симондон пишет: «В результате коренного поворота, который произошел при испытании теории практикой, сформировавшееся представление о животном оказывается настолько обобщенным и универсальным, что распространяется даже на оценку человеческого поведения... все, что справедливо для животного, справедливо и в отношении человека» [12. С. 93–94]. Биология стала судить о человеке не божественной мерой, а животной.

Симпатизируя науке, поверившей теории практикой, Симондон завершает свои «уроки» баснями Лафонтена, которые называет «отправной точкой этологии» [Там же. С. 116]. В баснях звери искусно воют, притворяются мертвыми перед охотниками, строят плотины и сравниваются с менее умными дикарями. Читая басни, Симондон уверяется в том, что у животных есть способности к рассуждениям, есть сознание и даже культура. Например, в басне «Две крысы, яйцо и лиса», – пишет он, – «говорится о способности животных прогнозировать и в какой-то мере рассуждать логически» [Там же. С. 122]. Стоит прочесть эту басню, текст которой Симондон не приводит. Две крысы нашли яйцо, но как его дотащить до норы и от лисы еще спастись? Они придумывают план. Одна крыса ложится навзничь и обхватывает яйцо лапами, а вторая тащит ее за хвост к норе. Вряд ли крысы на самом деле так поступают, но Симондон здесь увидел предвосхищение этологической мысли. Животные могут поступать иначе, используя то, что Шелер называет практическим интеллектом. Но практический интел-

лект не то же, что разум человека. Сознанием Симондон наделяет сову, которая в другой басне «Мыши сова» придумала отловить мышей, оторвать им лапы, чтобы не убежали, запастись кормом, чтобы они становились упитанными, и тем самым подготовить себе сытую зиму. А культурой Симондон уже без ссылок на Лафонтена называет различные привычки охотиться у львов, обитающих в разных местах. Литература, надо думать, имеет столь же далекое отношение к этологии, как строительство бобрами плотин, – к сознанию. Второе противопоставление здесь наиболее важно, ибо инстинкт не то же, что сознание, вычисление не то же, что мышление. В основе инстинкта лежит природный порядок, в основе сознания – хаос субъективности.

Наряду с гуманизацией животного философия идет по пути анимализации человека, редукции его к животному, чем отличается новый натурализм и так называемая темная онтология. Как говорится в манифесте последней, люди – особый тип животных среди других животных, и не являются кульминацией Бытия или «существования». Когнитивные способности людей имеют биологические корни [13]. Логика анимализации человека позволяет философии рассуждать о человеческих зоопарках.

Человеческий зоопарк. Формула «человеческий зоопарк» звучит как оксюморон, провокация. Но только лишь для тех, кто находится в плену оппозиции человека и животного. Слотердаик не относится к ним. Человека он квалифицирует как животное, которое прибегает к «культивированию» с целью очеловечивания. Человек – это не то, что есть, но результат производства. Этот результат поддерживается правилами, а потому человеческое общество есть не что иное, как человеческие зоопарки.

Человек, по словам Слотерайка, «биологически открыт» [14], а потому о нем становится позволительно писать в терминах селекции, культивирования, производства, антроподицеи (определения человека), антропотехник, антропогенетической революции и гоминизации. «Что такое гуманизм?» – задается вопросом Слотердаик, отвечая на «Письмо о гуманизме» Хайдеггера. «Кредо гуманизма, – отвечает он, – составляет убеждение, что люди – это «животные под влиянием» и что вследствие этого необходимо найти для них правильный способ влияния» [Там же]. Какой способ правильный? Текст. Гуманизм – это способ очеловечивания животного через текст. Что значит очеловечивание, гуманизация негуманизированного? Слотердаик сочетает в идее человека два процесса – обуздание бестиального и установление «телекоммуникационной» связи.

Что значит обуздание бестиального? «Античный гуманизм, – пишет Слотердаик, – можно понять, только если рассмотреть его как солидарность в медиаконфликте – то есть как противодействие со стороны книг амфитеатрам и как оппозицию между очеловечивающей, делающей терпимым и более сознательным философской литературой и расчеловечивающим, в нетерпении вспыхивающим сенсационным и опьяняющим всасыванием в стадионы. То, что образованные римляне называли *humanitas*, было бы

немыслимо без требования воздержания от массовой культуры в театрах жестокости. Если и следовало гуманисту однажды самому оказаться в ревущей толпе, то лишь затем, чтобы установить, что и он тоже человек и может поэтому быть инфицирован бестиализацией. Он возвращается из театра домой, стыдится своего невольного участия в инфицирующих сенсациях и согласен признать, что ничто человеческое ему не чуждо. Но тем самым утверждается, что человечность состоит в том, чтобы для развития собственной природы выбрать обуздывающие средства и отказаться от раскрепощающих. Смысл этого выбора средств заключается в том, чтобы вытеснить из себя собственную потенциальную животную натуру (*Bestialitat*) и установить дистанцию между собой и лишаящими человеческого образа эскалациями ревущей в театрах своры» [14].

Человек носит в себе «дикость», жажду крови и зрелищ. Это его «животная натура», то, соприкосновением с чем подтверждает в нем принадлежность человечеству. Животность указывает на человека. Гуманизм противопоставляет раскрепощающим силам сдерживающие силы классической литературы, которые создают союз кротких. Но озверение – не то же, что животность. Усмирение – не то же, что гоминизация. В понятия бестиализации и озверения Слотердаик изначально заложил антибиологический, собственно антропологический смысл. Человек в отличие от животного – зверь, ибо его агрессия сопряжена не с утверждением конечных границ собственной территории обитания, а с утверждением бесконечных желаний своего безграничного «я». Амфитеатры – это не дикий лес. Здесь реализуется не инстинкт, но энергии хаоса субъективности, не связанные целями. Человек жаждет зрелищ, потому что в своей свободе он не знает, к чему себя приурочить. Животное не может быть «более сознательным» и «менее сознательным», «опьяненным» и «терпимым». Бывают дрессированные животные. Но никогда – экзотические. И именно такая «звериность» указывает на человека. Напрасно Слотердаик решает вслед за рефлексией над античным гуманизмом написать историю просвета у Хайдеггера. Хайдеггер противопоставил человека и животного, сделав их онтологически не сопоставимыми. А Слотердайку это не нравится, и ему ничего иного не остается, как заявить о том, что Хайдеггер «написал далеко недостаточно» [14] про историю появления просвета, ибо, по словам Слотердайка, онтологически этот просвет не первичен. Дело не в том, что вслед за этим заявлением Слотердаик будет утверждать «родовые исторические корни» у человека, фантазировать об «авантюре гоминизации», когда человек вследствие своей «животной незрелости» выпал из окружающей среды и попал в «мир» грезить о «подъеме биологического происхождения до акта вхождения-в-мир», о том, как «в долгом периоде до-человеческо-человеческой истории из живородящего млекопитающего человек стал видом преждевременнорожденных существ», называть просвет «событием на границе естественной и культурной истории» и пр. Дело не в том, что это не имеет никакого отношения к Хайдеггеру, которого Слотердаик обвиняет в «анти-

виталистском и анти-биологическом аффекте», а в том, что Слотердайк подменил антропологическое биологическим, «бестиальное», «дикое» и «звериное» – животным. А потому у него не остается оснований называть культуру зоопарком.

Слотердайк пишет о воздействии литературы, о «битве за человека, которая осуществляется как борьба между бестиализирующими и обуздывающими тенденциями», но вместе с тем называет их «двумя формирующими силами» и указывает на милитаризм и кровавые игры как на «европоформирующие модели», доставшиеся Европе от римлян. Если это две силы, значит, литература не то, что создает «зоопарк», но то, что с необходимостью должно быть уравновешено своей противоположностью. С другой стороны, стадионы и милитаризм – это не проявления «дикости», но форма по отношению к ним, если угодно, обуздание, овладение ими. Тогда следует признать, что самодостаточность формы не нуждается в иных формах, например в литературе.

Гуманизм Слотердайка – эдакий розовый гуманизм. Союз кротких, не знающих друг о друге друзей, любящих одни и те же письма. Не тот гуманизм, приводящий к катастрофам, который обличает, например, Хайдеггер, не та звериность, которая, вопреки Слотердайку, не обуздана, но узаконена. Как говорит Лосев, у титанизма есть оборотная сторона. И эту оборотную сторону Слотердайк вывел за пределы гуманизма.

Что же подразумевается под телекоммуникационной связью в процессе очеловечивания? Можно, говорит Слотердайк, «свести лежащий в основе всех видов гуманизма общий фантазм к модели литературного общества, причастные к которому посредством канонического чтения обнаруживают свою общую любовь к вдохновляющим отправителям. В сердцевине понимаемого таким образом гуманизма мы обнаруживаем фантазию секты или клуба – мечту о судьбоносной солидарности тех, кто избран для чтения» [14]. Гуманизм – это связь посредством литературы, телекоммуникация посредством письма. Каноны для чтения делают читателей сообщниками, союзниками. Через канон передается не информация, а человечность. И в той мере, в какой люди участвуют в принятии и передаче канона, они являются людьми. Слотердайк – не морализатор, он не говорит о содержании канона. Важно не содержание, но сам факт сообщения из рук в руки. Слотердайк мог бы быть антропологом, указав на то, что удерживание канона – это удерживание человеком себя при одном и том же, непрестанное ограничение себя в своем хаосе. Но Слотердайк – социолог, ибо ему важен факт солидарности, «социальный синтез», удерживание «политических и экономических макроструктур» [Там же]. Каноны чтения для него делают людей друзьями, приобретающими небιологическую связь. Посредством все тех же сочинений, как пишет Слотердайк, люди становятся единомышленным союзом друзей. Гуманисты – это те, кто любят читать и имеют привилегию устанавливать авторов, «которые воспринимались как отправители общественно-учреждающих сочинений» [Там же]. Так образуются целые нации. «По своей

сущности гражданский гуманизм был не чем иным, как полномочием навязать молодежи классиков и утвердить универсальное значение национальной литературы. Тем самым гражданские нации сами были до определенной степени литературными и почтовыми продуктами» [14]. Канон учреждает общество, а не человека. Телекоммуникация длит человечность как социальность.

Для Слотердайка община существует только как социальная община, а социальная община – только как логоцентричная община. Канон он не может помыслить никак иначе, кроме как свод философско-литературных текстов. Но смыслом всегда можно противопоставить обеспеченные смыслы, слову – символ, обществу – мистерию, литературному канону – канон священных текстов, канону как таковому – ритуал. И во втором случае солидарность имеет более прочные основания, чем в первом. В этом смысл деградации культа к культуре, в которой, как выражается Флоренский, все становится призрачным и неочевидным. Стадионы куда ближе идее солидарности, нежели литература, которая приглашает нас в камерное пространство нашей субъективности, оставляя наедине с собой. Слотердайк прав: бытие Хайдеггера – не основа для общественного канона. По выражению Слотердайка, если наделить не классиков, а бытие статусом автора, то после этого можно будет только записывать бормотание и молчать, и единственное, что может тогда спасти единство, так это объявление самого Хайдеггера сверхавтором. Можно было бы это выразить иначе. Бытие – не Бог, данный в культе, но частное предощущение человеком чего-то большего, чем он сам. Вот эти приватность и умозрительность не позволяют говорить о «мы». Но философия Хайдеггера – это лишь обнаружение пределов западной литературы и философии, т.е. явление того же рода. Локальная субъективность и абстракция столь же характерны для философии и литературы, сколь и для опытов Хайдеггера. И им можно противопоставить только культ, обеспечивающий тотальный, конкретно данный смысл один на всех.

Слотердайк указывает на недостаточность языка для гуманизма, но в ином смысле. Не только, говорит он, язык, но дом, одомашнивание послужили становлению человека. Человек – это «животное, формирующее себя в свое собственное домашнее животное», результат бессознательной автодоместикации [15]. Именно в этом стыке, на этих границах нужно искать исток человека. Слотердайк пишет: «Человек и домашние животные – история этого чудовищного совокупления еще не представлена соответствующим образом, а философы и подавно не желают признать по сегодняшний день, что в центре этой истории они должны искать себя. Лишь в немногих местах сорван покров философского молчания о доме, человеке и животном как биополитическом комплексе». Дом рождает досуг, а досуг – философию. Прогулки философов – «производные домашнего быта» [14]. Что такое философия? Это дискурс о заботе и культивировании человека. «Политик» Платона – это рабочий разговор селекционеров, разговор о содержании зоопарка. «Начиная с

Politikos и Politeia, – пишет Слотердайк, – в мире ведутся разговоры о человеческом сообществе как о зоологическом парке, который является в то же время и тематическим парком; содержание людей в парках или городах предстает с этих пор как зоополитическая задача. То, что презентуется как размышления о политике, является в действительности фундаментальной рефлексией над правилами функционирования человеческих зоопарков. Если и имеется заслуживающее того, чтобы быть выраженным в философских размышлениях, достоинство человека, то, прежде всего вследствие того, что человек в политических тематических парках не только содержится, но и сам себя в них содержит» [14]. Но если люди – это те, кто сами себя содержат и обуздывают, слово «зоопарк» может здесь возникнуть лишь как провокация. В политике Слотердайк жаждет увидеть больше, чем политику. Но в ней нет больше того, что она есть. Он пропускает самую главную тайну: как то, что есть, начинает вдруг желать того, чтобы не быть тем, что оно есть. Как становится возможно то, что человек начинает сам себя обуздывать. Как бессознательная, на его взгляд, культивация приводит к появлению сознания. Слотердайк ограничивается банальным пересказом идеи Ницше о человеке как несовершенном животном.

Антропотехники могут быть разными. Гуманисты исходили из одной модели, Ницше открыл возможность выбора и конкуренции способов «культивирования». Слотердайк вслед за Ницше объявляет о требовании новых времен избирать современные способы «селекции». Языка в эпоху масс-медиа недостаточно для установления «телекоммуникационной связи между жителями современного массового общества» [14]. Слотердайк не диктатор и не догматик. Он не дает рецептов, но лишь открывает возможность их принципиальной множественности: «Достаточно отдать себе отчет в том, – говорит он, – что ближайшие долгие временные отрезки будут для человечества периодами родово-политического решения. Они покажут, удалось ли человечеству или его основным культурным фракциям снова найти по меньшей мере эффективные способы самообуздания... Приведет ли долгосрочное развитие и к генетической реформе родовых признаков – продвинется ли будущая антропотехнология до эксплицитного планирования признаков; сможет ли человечество в своем родовом развитии осуществить переход от фатализма рождения к рождению на основе выбора и к пренатальной селекции – это вопросы, в которых перед нами, как всегда туманно и расплывчато, начинает проявляться эволюционный горизонт» [Там же]. Позже, комментируя перспективы геномной инженерии в книге «Солнце и смерть», Слотердайк откроет дорогу «гомеотехнике». Отношение к технике, говорит он, зависит от отношения к Творцу. Если Творец полагается как благой создатель, желания и возможности которого совпадают, техника должна быть отвергнута. Если же, напротив, мы исходим из идеи несовершенного Творца, тогда мы открываем дорогу законным преобразованиям. Сегодня разыгрывается сюжет из поздней Античности, когда человечество начинает испытывать недове-

рие к Творцу. Но техника, основанная на принципах механики, соответствует геометрии и противостоит природе. Сейчас, верит Слотердайк, настало время иной техники, не противоестественной и господствующей, но подражающей природе – время гомеотехники. Гомеотехника кооперируется с природой, а не отрицает ее. «Быть может, то, что я называю здесь гомеотехникой, – говорит Слотердайк, – есть не что иное, что предвещала каббала, выдвигая свои фантазии. Как известно, она представляла собой попытку прояснить скриптуальные процедуры бога и подражать им. Каббалисты были первыми, кто уяснил для себя, что бог – отнюдь не гуманист, а информатик. Он пишет не тексты, а коды. Таким образом, если бы кто-то мог писать так, как бог, он придал бы концепту письма такое значение, какое не умел придавать ему ни один пишущий из людей. Генетики и информатики по-другому пишут. И в этом смысле тоже началась постгуманистическая эра» [16. С. 200].

В этой же работе Слотердайк четко дистанцируется от биологизма в рассуждениях о человеке, назвав его сутью чрезмерность. Человек чрезмерен, и биологически эту чрезмерность объяснить и описать нельзя. «Жизнь в основе своей есть избыточная реакция, экспедиция в нечто, не соразмерное обстоятельствам, оргия своеволия. Человек – это раг excellence существо, склонное к избыточной реакции, к сверхреакции. Искусство, мысль, женитьба и даже прямохождение – все это сверхреакции [Там же. С. 43]. Отсюда возникает проповедь сдержанности. Слотердайку нравится говорить в математических терминах гипербол и преувеличения, ибо, как он замечает, это позволяет редуцировать трансценденцию.

Слотердайк от гуманизма прилагает в постгуманистическую эру. На место господина-человека он ставит скриптора, переписывающего коды бога. Но коды бога невозможно переписывать, если бога нет. Бога нет, но есть природа, и переписывать – не то же, что творить вслед за творцом, который признан несовершенным. Открытым горизонтом гуманизма оказывается постгуманизм.

Антропологическая машина. Человек как зияние. Современные биотехнологии, проекты по выращиванию органов, репродуктивные эксперименты с генетическим материалом человека, когда, например, эмбрион оказывается производным от трех родителей, ставят под вопрос идентичность человека и вместе с тем межвидовые границы. Использование генетического материала животных совместно с генетическим материалом человека – не биоэтическая проблема, но прежде всего антропологическая. Чтобы определить дозволенное и недозволенное, сначала необходимо ответить на фундаментальный вопрос: что такое человек? Если, например, в дореволюционной России этот вопрос имел незыблемый ответ: человек есть Образ и Подобие Божие, а потому никакое вмешательство в дело Творца невозможно, то в 20-е гг. в Советском Союзе отказ от этого ответа позволил проводить эксперименты по скрещиванию человека и обезьяны. «Собачье сердце» Булгакова – это не фантазмагория, но художественное документирование духа времени [17]. Сегодня отсутствует удовлетвори-

тельный ответ на вопрос: что есть человек? Этим спешат воспользоваться современные художники. Опыты биоарта заканчиваются созданием гибридов. В 2003 г. Э. Кац представил публике «человекорастение» под названием «Эдуния». С помощью биотехнологов он вживил в петунию собственную ДНК и получил новый цветок с характерными красными жилками, напоминающими кровеносные сосуды. Этот и подобные эксперименты, по мнению художника, демонстрируют относительность границ между видами, которые являются всего лишь культурными конструктами. Биоарт работает в парадигме постантропоцентризма. Комментарии в отношении биоарта предсказуемы, как говорит, например, исследовательница М. Бакке: «Антропоцентризм во многих кругах уже считается не просто неоправданным, но даже высокомерным и анахроничным. Тем не менее мы находимся только в самом начале пути, ведущего нас в мир неизвестного, не-человеческого другого» [18. С. 232]. Опыты гибридизации вдохновляют и русскоязычных авторов. Например, одна из книг 2017 г. о гибридах и химерах в современном мире начинается так: «Я не верю, что человек создан по образу и подобию божьему, что он – вершина развития или обладает каким-то прирожденным достоинством только по факту принадлежности к виду *Homo sapiens*. Человек – это животное, которое, по сравнению с остальным животным миром, обладает высшими интеллектуальными способностями, являющимися продуктом эволюции» [19. С. 8].

В антропологии формулируется идея о самопознании человека через обозначение собственных границ. Как, например, полагает антрополог М. Радковская-Волькович, мы можем понять себя в отношении к роботам и киборгам, установить идентичность в сопоставлении с искусственным другим. Однако философия идет дальше. Идея заключается не в том, чтобы наделить животное человеческими качествами или, наоборот, редуцировать человека к животному, равно как и не в том, чтобы устанавливать соотношения человека и не-человека, человека и животного, а в том, чтобы в этой процедуре сопоставления распознать акт учреждения человека, вне которого его нет. Философию интересует не человек, а граница между человеком и животным, которая его создает. Как выражается Деррида, на которого ссылаются данные авторы, загадка зеркала, вопреки Лакану, – это не загадка человека, а загадка животного, которое глядит на человека из отражения [20]. Помыслить границу между человеком и животным решился Дж. Агамбен.

Только отношения между человеком и животным, по его мысли, позволяют ответить на вопрос «Что есть человек?». «Определение границы между человеком и животным, – пишет Агамбен, – является не одним среди многих вопросов, о которых спорят философы и теологи, ученые и политики, но, скорее, основополагающей метафизико-политической операцией, посредством коей только и возможно определить то, что называется “человеком”» [21. С. 31]. Агамбен не ставит вопрос о человеке самом по себе, этот кантовский подход для него немислим, ибо человека, по его мнению, нет, он эфемерен. Человек есть временный эффект, производимый

антропологической машиной, устанавливающей различия между человеком и животным. «Что такое человек, – пишет Агамбен, – если он всегда является местом – и в то же время результатом – непрерывных разделений и цезур?» [21. С. 26]. Агамбена волнует не то, что человек делает из себя сам, но то, что он есть в составе целого, системы (биологии, метафизики, бытия и т.п.), задаваемой антропологической машиной. Поскольку человека самого по себе нет, постольку нужно исследовать процедуры разделения, описывать то, как работает машина. Вот, например, метафизика. Это не безобидная академическая дисциплина, но фундаментальная операция, которая делит мир на «мета» и «физику». Агамбен наблюдает действие антропологической машины в философии, науке, теологии, политике и объявляет о том, что настало время ее остановить, так как она работает вхолостую, прикрывая пустоту.

Поскольку Агамбен мыслит человека через антропогенез, становление человеческого из животного, постольку он обвиняет антропологические машины в том, что они не могут справиться с вопросом о «переходнике» между человеком и животным. Аномалии в таксономии Линнея тому пример. Линней определил место человека в своей системе, не выделив у него специфический признак, а присвоив ему императив «познай самого себя», который в последующих изданиях трансформировался в определение человека как *homo sapiens*. Или же, например, язык у биологов, который служит мостом между человеком и животным. Отличительным признаком человека он оказывается только тогда, когда мы уже заранее положили человека и отличили его на доязыковой стадии. Но проблема заключается не в том, что подобная нечистая концептуализация в очередной раз подтверждает эфемерность человека, невозможность зафиксировать его как феномен, а в том, что Агамбен заранее поместил человека в систему классификаций, в которых изначально содержится ответ на вопрос о человеке. Внутри целого он неминуемо будет существом производным, не отличимым от породившей его системы.

Раз машины работают вхолостую, грязно и необучительно, к тому же всякое различие эксплуатирует политика, концлагеря – это тоже пример установления различий человеческого и нечеловеческого, нужно прекратить их производство. Остановить работу антропологической машины – значит избавиться от взаимозависимых категорий человека и животного, заглянуть «по ту сторону бытия», в блаженную зону неведения неких существ относительно их собственной природы. Отключение господствующей антропологической машины, по словам Агамбена, означает не создание новой более совершенной машины, но «выставление напоказ центральной пустоты, зияния, которое – в человеке – отделяет человека от животного, т.е. означает: поставить себя под угрозу в этой пустоте; означает “приостановку приостановки”, шаббат как животного, так и человека» [21. С. 108–109]. В этом третьем состоянии не будет ни людей, определяемых рациональностью и замыслами преодолеть свою животность, ни животных, определяемых через нехватку и обделенность миром. Новая жизнь – это безмятежная «зона не-познания», за пределами познания и не-познания.

Агамбена интересуют феномены зверчеловека в культуре и философии, которые предвещают этот блаженный конец истории. Примеры он находит не только в религии и искусстве, но также у Батая и Кожева. Оставляя для особого рассмотрения избирательные и поверхностные интерпретации Агамбеном философии Батая и Кожева, отметим лишь то, что феномены «человекоживотных» в культуре вовсе не означают родство и взаимозависимость человека и животного. Напротив, в этих парадоксальных феноменах проступает уникальность человека, его способность к превращениям. Как говорит Канетти, описывающий мистериальные сообщества, «дар превращения, которым обладает человек, возрастающая текучесть его природы и были тем, что его беспокоило и заставляло стремиться к твердым и неизменным границам... В этой связи уместно вспомнить каменные хозяйства австралийцев. Все деяния и переживания, все блуждания и судьбы предков включены у них в ландшафт и обрели черты неизменности и законченности... Эта сосредоточенность на постоянстве камня – нечто такое, что отнюдь не чуждо и нам, – выражает, как мне кажется, то же самое глубокое желание, ту же самую необходимость, которая породила все формы запрета превращения» [22. С. 501]. «Человекоживотные», например египетские боги, – это не знаки преодоления различий между человеком и животным, но, напротив, это объективированная способность человека к превращениям, следы попыток себя зафиксировать, самообуздать собственную хаотическую природу.

Нечеловеческий другой. Современная философия устремилась к идее нечеловеческого другого. Нечеловеческим другим может выступать кто угодно и

что угодно, за исключением человека. Новое понятие друговости освободилось от корреляции с человеком, внутренне опустошившись. Философия зовет за собой культуру, манифестируя о наступлении новой постантропоцентрической эры. Мы живем в революционное время, но что кроется в основании этой революции? Любовь к животным порождает лишь любовь к животным, а не ненависть к человеку. Бережное отношение к природе утверждает экологическое сознание, а не отказ от сознания вовсе. Внимания к так называемым первобытным народам, для которых не чуждо одушевление мира, составляет доискиваться до оснований собственной культуры, а не разрушать ее. Утверждение важной роли другого приводит к идее его приятия, а не дискредитации. Нечеловеческий другой – это анти-теза другого. Нечеловеческий другой освобождает от проблемы другого, служит его незатратной заменой. Логика этого освобождения представлена в произведении Андрея Платонова 20-х гг. «Антисексус». Антисексус – это машина для полового удовлетворения, вариация нечеловеческого другого, которая, по словам автора, освобождает человека от зависимостей пола. Антисексус – это антидругой. Душевная и физиологическая судьба человека, по словам автора, отныне находится в руках самого человека. Но проблема заключается не просто в том, что современная философия избавляется от темы другого, а в том, что она исключает из своего рассмотрения феномен человека. Человек устал быть человеком. Быть человеком после смерти Бога оказалось трудно. Не осилив мысль о самом себе, человек решил делегировать способность мышления миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риган Т. В защиту прав животных. Киев : Киевский эколого-культурный центр, 2004. 104 с.
2. GAP Project. URL: <http://www.projetogap.org.br/en/mission-and-vision/>
3. Сингер П. Освобождение животных. Киев : Киевский эколого-культурный центр, 2002. 136 с.
4. Воллебен П. Духовный мир животных. Минск : Попурри, 2018. 240 с.
5. Godfrey-Smith P. Other minds: The octopus, the sea, and the deep origins of consciousness. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2016. 255 p.
6. Mazis G. Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries. Albany; N.Y : SUNY Press, 2008. 274 p.
7. Menely T. The Animal Claim: Sensibility and the Creaturely Voice. Chicago : University of Chicago Press, 2015. 267 p.
8. Haraway D.J. When species meet. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2008. 421 p.
9. Ryan D. Animal Theory. Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2015. 168 p.
10. Marder M. Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life. New York : Columbia University Press, 2013, 248 p.
11. «Людам удобно считать, что животные существуют в жесткой иерархии» : интервью с философом Венсиан Депре. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/16078-lyudyam-udobno-schitat-cto-zhivotnye-sushchestvuyut-v-zhestkoy-ierarkhii-intervyu-s-filosofom-vensian-depre>
12. Симондон Ж. Два урока о животном и человеке. М. : Грюндриссе, 2016. 140 с.
13. Брайнт Л. Аксиомы темной онтологии. URL: <https://evolkov.net/ontobook/axioms/dark.ontology.axioms.Bryant.L.html>
14. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>
15. Философ – возмутитель умов утверждает, что человек и машина станут единым целым. Интервью с Петером Слотердайком. Беседовал Натан Гарделс 20.11.2015. URL: <http://gefter.ru/archive/16682>
16. Слотердайк П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть. Диалогические исследования. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 608 с.
17. Шишкин О. Красный Франкенштейн: Секретные эксперименты Кремля. М. : Альпина нон-фикшн, 2012. 320 с.
18. Bakke M. Między nami zwierzętami. O emocjonalnych związkach między ludźmi i innymi zwierzętami // Teksty Drugie. 2007. Nr 1–2 (103–104). S. 222–234.
19. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М. : ИФРАН, 2017. 151 с.
20. Derrida J. «And Say the Animal Responded?» / Trans. Daniel W. Smith and Michael A. Greco, Zoontologies: The Question of the Animal. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2003.
21. Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М. : РГГУ, 2012. 112 с.
22. Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 483–503.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 июля 2019 г.

The Human at the Border of the Animal World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 68–75.

DOI: 10.17223/15617793/446/9

Natalya N. Rostova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nnrostova@yandex.ru

Keywords: human; animal; anthropological machine; human zoo; death of person; idea of end of human exclusiveness; inhuman another.

In the article, the interpretation of the modern philosophy of the opposition “human–animal” is investigated. The author allocates three strategies: animalization of the human, anthropomorphization of animals, conceptualization of the border between the human and the animal. In connection with the first strategy, the author considers the modern philosophy’s interest in Aristotle and in Simondon. In connection with the second strategy, the author analyzes Sloterdijk’s concept of the “human zoo”. In connection with the third strategy, the author investigates Agamben’s concept of the “anthropological machine”. The author draws conclusions that the attention of modern thinkers to Aristotle is connected with the fact that he equaled the human and the animal at the functional level in his treatises *History of Animals* and *Parts of Animal*. The interest in Simondon, a philosopher of the middle of the 20th century, is connected with the fact that his philosophy can be used as an additional argument for the abolition of borders between the human and the animal, and also between the human and the machine. The author of the article shows that Sloterdijk’s concept of the “human zoo” contains some intellectual tricks. Firstly, Sloterdijk uses the concepts “animal” and “bestial” as synonyms and thus gives the concept “bestial” anthropological, but not zoological sense. Therefore, the phrase “human zoo” can be justified only as a provocation. Secondly, Sloterdijk interprets humanity in social but not in anthropological terms. The author of the article shows that Agamben’s concept of the “anthropological machine” allows philosophy to declare the death of the human. The human is an ephemeral being. There is no human as a phenomenon. The human is a temporary effect by the anthropological machine that establishes distinctions between the human and the animal. However, this conclusion is superfluous because Agamben initially does not raise the question of the human as such and thinks of the human as of a derivative of a certain whole. All the studied strategies have a common anti-anthropocentric pathos, which is generally characteristic for modern philosophy. Modern philosophy sympathizes with the idea of the end of human exclusiveness. According to this idea, the human is deprived of ontological privileges. Removal of borders between the human and the animal is among similar processes in modern intellectual culture – abolition of borders between the human and the nature, the human and the technology, the human and the set of objects. It is natural that new concepts of the inhuman other and anthropology without the human emerge in modern philosophy and anthropology.

REFERENCES

1. Regan, T. (2004) *V zashchitu prav zhivotnykh* [In Defense of Animal Rights]. Kiev: Kievskiy ekologo-kul'turnyy tsentr.
2. GAP Project. [Online] Available from: <http://www.projeto-gap.org.br/en/mission-and-vision/>.
3. Singer, P. (2002) *Osvobozhdenie zhivotnykh* [Release of Animals]. Kiev: Kievskiy ekologo-kul'turnyy tsentr.
4. Wohlleben, P. (2018) *Dukhovnyy mir zhivotnykh* [The Spiritual World of Animals]. Minsk: Popurri.
5. Godfrey-Smith, P. (2016) *Other Minds: The Octopus, the Sea, and the Deep Origins of Consciousness*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
6. Mazis, G. (2008) *Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries*. Albany: New York: SUNY Press.
7. Menely, T. (2015) *The Animal Claim: Sensibility and the Creaturely Voice*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Haraway, D.J. (2008) *When Species Meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
9. Ryan, D. (2015) *Animal Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd.
10. Marder, M. (2013) *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. New York: Columbia University Press.
11. Despret, V. (2017) “Lyudyam udobno schitat’, chto zhivotnye sushchestvuyut v zhestkoy ierarkhii”: interv’y u s filosofom Vensian Depre [“It Is Convenient for People to Believe That Animals Exist in a Rigid Hierarchy”: an Interview with the Philosopher Vinciane Despret]. *Theory&Practice*. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/16078-lyudyam-udobno-schitat-chto-zhivotnye-sushchestvuyut-v-zhestkoy-ierarkhii-intervyu-s-filosofom-vensian-depre>.
12. Simondon, G. (2016) *Dva uroka o zhivotnom i cheloveke* [Two Lessons about the Animal and Human]. Moscow: Gryundrisse.
13. Bryant, L. (2013) *Aksiomy temnoy ontologii* [Axioms of Dark Ontology]. [Online] Available from: <https://evolkov.net/ontobook/axioms/dark.ontology.axioms.Bryant.L.html>.
14. Sloterdijk, P. (2002) *Pravila dlya chelovecheskogo zooparka* [Rules for the Human Zoo]. Translated from German by T. Tyagunova. [Online] Available from: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>.
15. Sloterdijk, P. (2015) *Filosof – vozmutil’ umov utverzhdayet, chto chelovek i mashina stanut edinyim tselyim*. Interv’y u s Peterom Sloterdijkom [Philosopher, the Disturber of Minds, Claims That Man and Machine Will Become One. Interview with Peter Sloterdijk]. Translated from German. *Gefter*. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/16682>.
16. Sloterdijk, P. & Heinrichs, H.-J. (2015) *Solntse i smert’. Dialogicheskie issledovaniya* [The Sun and Death. A Dialogue Research]. Translated from German. St. Petersburg: Izdatel’svo Ivana Limbakha.
17. Shishkin, O. (2012) *Krasnyy Frankenshteyn: Sekretnye eksperimenty Kremlya* [Red Frankenstein: Secret Experiments of the Kremlin]. Moscow: Al’pina non-fikshn.
18. Bakke, M. (2007) *Miedzy nami zwierzetami. O emocjonalnych zwiqzkach miedzy ludzmi i innymi zwierzetami. Teksty Drugie*. 1–2 (103–104). pp. 222–234.
19. Kozhevnikova, M. (2017) *Gibridy i khimery cheloveka i zhivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii* [Hybrids and Chimeras of Humans and Animals: from Mythology to Biotechnology]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
20. Derrida, J. (2003) “And Say the Animal Responded?” Translated from French by D. W. Smith and M. A. Greco. In: Wolfe, C. (ed.) *Zoontologies: The Question of the Animal*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
21. Agamben, G. (2012) *Otkrytoe: Chelovek i zhivotnoe* [The Open: Man and Animal]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
22. Kanetti, E. (1988) *Prevrashchenie* [Transformation]. In: Popov, Yu.N. & Gurevich, P.S. (eds) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Human in Western Philosophy]. Moscow: Progress. pp. 483–503.

Received: 03 July 2019

В.Н. Сыров

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

Обсуждаются возможности использования концепта «культурная травма» и его связи с идеей сетевого общества. Анализируется противоречие между травмой и медиатизацией травматических объектов. Утверждается, что медиатизация может являться составной частью травматизации, а грань между травматизацией и проработкой травмы посредством медиа трудноразличима. Обосновывается эвристичность использования акторно-сетевой теории, так как она позволяет учитывать присущие травматическим объектам аспекты гетерогенности, событийности и динамичности.

Ключевые слова: культурная травма; проработка травмы; сетевое общество; акторно-сетевая теория.

Как отмечают британские авторы Майкл Пикеринг и Эмили Кейтли, использование термина «травма» для характеристики событий и процессов, затрагивающих не отдельных индивидов, а сообщества, по сути, является метафорой [1. Р. 239]. Само по себе такое расширение сферы применения – отнюдь не препятствие. Ведь назначение метафоры в том и заключается, чтобы указать путь продуктивного анализа той или иной темы. Но авторы указывают на подводные камни, которые могут возникать при таком переносе. Они ставят правомерный вопрос о возможных потерях при переходе от «индивидуальной психологии к коллективному опыту». Этот аспект отмечают и отечественные исследователи, когда указывают, что «в процессе работы на стыке дисциплин понятие травмы нередко становится расплывчатым, употребляется как удобное, обтекаемое и пластичное, вмещающее все возможные смыслы, связанные с болью, аффектом или иррациональным поведением» [2. С. 20].

Во-вторых, Пикеринг и Кейтли указывают на противоречие, которое возникает в ходе переноса индивидуального в сферу коллективного. Если травма – это обозначение событий или переживаний, которые ретроспективно неконтролируемы и поэтому не поддаются фиксации в памяти или не артикулируются задним числом в нарративе, то понятие травматической памяти вступает в противоречие с идеей травмы. Ведь травматическая память предполагает возможность ее фиксации, артикуляции и контроля, в то время как травма есть обозначение невозможности или отсутствия такого контроля. Елена Рождественская также отмечает, что в отличие от психологической травмы, которая предполагает разрыв в воспоминаниях, или их замещение или саму невозможность использовать термин «травма» для обозначения воспоминаний, то «культурная травма сегодня – в фокусе переоткрытия, рассказывания и визуализации всеми возможными способами» [3. С. 89].

Ну и, наконец, в качестве вывода Пикеринг и Кейтли утверждают, что только там, где прошлое не поддается усвоению, концепция травмы является важным аналитическим инструментом. «Неуместно говорить об эффективных репрезентациях или харак-

теристиках прошлого как травмы, когда они успешно функционируют, чтобы сделать прошлое познаваемым и пригодным для использования. Однако совершенно уместно использовать критический формат травмы для характеристики молчания, потерь и неудач при представлении или изложении прошлого» [1. Р. 241].

Оценка значимости этих возражений и вытекающее отсюда определение эвристического потенциала концепции «культурной травмы» предполагают, прежде всего, прояснение смысла самой идеи культурной травмы. Как правило, здесь принято ссылаться на работы Джеффри Александера, Рона Аермана и Петера Штомпки. Александер связывает культурную травму с ситуацией, «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4. С. 6]. Тем самым «статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной резкости, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [Там же. С. 17]. Аерман также отмечает, что в отличие от физической или психологической травмы, которая составляет сильные эмоциональные мучения индивиду, культурная травма относится к потере идентичности или смысла. При этом не обязательно, чтобы она ощущалась всеми членами сообщества или испытывалась кем-либо непосредственно [5. Р. 2]. Такая травма «должна быть понята, объяснена и превращена в коллективную посредством публичной рефлексии и дискурса. Здесь масс-медийные репрезентации играют решающую роль» [Ibid]. Штомпка также полагает, что «имеет смысл отнести термин и к социальной сфере с деструктивным воздействием на социальное тело» [6. С. 7].

Итак, если суммировать характеристики культурной травмы, то они, видимо, сводятся к следующим положениям: предполагают воздействие на группу, а не на индивида; наносят удар по культурным ценно-

стям, разделяемым группой; не предполагают непосредственное воздействие (речь идет об источнике травмы) на кого-либо. Хотя в принципе можно говорить о культурной травме и по отношению к индивиду, если нанесен удар по исповедуемым им культурным ценностям. Если речь идет о культурных ценностях, то травматический эффект может быть связан либо с повреждением тех или иных ценностей, либо с приданием культурной значимости какому-либо природному или социальному явлению (например, пожар в Соборе Парижской Богоматери травмирует, поскольку наносит удар по символическому значению данного объекта). В обоих случаях речь идет, конечно, о символических объектах или символическом значении какого-либо объекта. Ну и понятно, что специфика культурной травмы либо исключает возможность использования языка непосредственного воздействия на кого-либо (так, уничтожение церковью само по себе еще не приводит к кризису веры и, наоборот, их наличие не избавляет от кризиса) либо, как отмечает Аерман, подразумевает работу масс-медиа (хотя бы в смысле простого распространения информации о событии).

Вышеописанное распространение метафоры травмы порождает ряд вопросов. Среди них хотелось бы выделить два взаимосвязанных аспекта. Это вопрос о симптомах коллективной травмы и вопрос о степени ее конструируемости или о преодолении натуралистической иллюзии. Александер проясняет эту мысль: «Прежде всего, я утверждаю, что события, взятые отдельно и как таковые, не создают коллективную травму. События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества. Это свойство может приписываться событию в режиме реального времени, по ходу его осуществления; оно может приписываться событию до того, как оно произошло, в качестве его предзнаменования, или после того, как событие завершилось, в качестве реконструкции *post hoc*... Травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности; тем не менее, такие воображаемые события могут быть столь же травмирующими, сколь и те, что на самом деле имели место» [4. С. 16].

Вопрос о симптомах, как представляется, обретает значение в свете проблематизации правомерности переноса теории травмы на интерпретацию состояний социального тела, если использовать слова Штомпки. Как известно, классической моделью симптомов, свидетельствующих о травматическом состоянии, является концепция посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), введенная в 1980 г. С этого времени она стала широко применяться в клинической практике и научных исследованиях [7. Р. 24]. Принято считать, что состояние пациента идентифицируется как ПТСР в случае следующей комбинации симптомов: симптомы повторного переживания травмы через навязчивые тревожные воспоминания, такие как повторяющиеся мысли о травме, кошмарах, воспоминаниях и гипертрофированные реакции при воздействии напominаний о травме, известные также как «повторные симптомы»; симптомы избегания, такие

как попытки вытеснить воспоминания о травме; другие симптомы, такие как раздражительность, бессонница, плохая концентрация и гиперчувствительность, которые иногда описываются как «симптомы повышенного возбуждения». Отмечается, что травматическое состояние и явление, его вызвавшее, воспринимаются как настоящее, а не как прошлое, что и предполагается симптомом вторжения. Как травматический симптом вторжения предполагает смещение в том смысле, что не является воспоминанием в обычном смысле слова. Поэтому «понятие травмы не используется как троп воспоминания, забывания и признания, но выступает в качестве режима повторения и пересмотра» [2. С. 89]. Соответственно, встает вопрос, насколько можно говорить о симптомах травмы применительно к культурному опыту, особенно если дело касается симптомов повышенного возбуждения.

Понятно, конечно, что речь не может идти о механическом перенесении списка симптомов с индивидуального уровня на коллективный. Но, с другой стороны, следует отметить весьма распространенную критику вышеописанной симптоматики среди самих психологов. В наиболее радикальной форме критический подход был выражен Аланом Янгом, утверждавшим, что ПТСР является чисто западным продуктом, созданным в конце XIX в., благодаря соответствующим медицинским и психологическим дискурсам и отразившим специфический европейский и американский опыт индустриализации, гендерных отношений и мировых войн [8]. Если этот тезис рассматривать как диагноз самой концепции ПСРТ, то можно утверждать, во-первых, что правомерность как использования, так и расширения применения идеи травмы будет определяться прагматикой или эффективностью применения, а во-вторых, что применительно к идее культурной травмы утверждение о конструируемости травмы (в свете преодоления натуралистической иллюзии) в любом его аспекте будет выглядеть более чем правомерным.

Если это так, то создание травмы как в эпистемологическом смысле, так и в плане социальной практики будет начинаться, конечно, не с травматического события или инцидента, а с идентификации симптомов, а точнее, с маркировки тех или иных состояний индивида, группы или сообщества как посттравматических симптомов. Правомерно, хотя несколько парадоксально, высказался по этому поводу Славой Жижек: «Симптом как “возвращение вытесненного” и есть следствие, предшествующее своей причине (своей скрытой сущности, своему смыслу), а мы в процессе проработки симптома именно и “вызываем прошлое” — мы создаем символическую действительность прошлого, прочно забытых травматических событий» [9. С. 62]. В том что касается коллективного опыта, резонно предположить, что в качестве таких симптомов могут выступить явные или неявные страхи, общая нервозность, раздражительность или повышенная возбудимость, усиливающаяся при приближении к определенным темам, замещенные воспоминания или разрывы в воспоминаниях (нежелание помнить даже недавние события), навязчивые повторяющиеся действия (типа регулярных картофельных посадок горожанами).

Проблема в том, что, во-первых, причины их появления у различных групп могут весьма различаться, если не противоположными, хотя темпорально совпавшими. Так, одних в перестроечных процессах может потрясать их идеологическое значение, других – их разрушительное воздействие на привычный жизненный уклад, третьих – несбывшиеся ожидания от перестройки. Во-вторых, резонно полагать, что для характеристики культурной травмы утверждения по поводу ее процессуальности можно считать наиболее уместными. Здесь, как правило, проблематично, хотя и может иметь место, наличие или определение травматического события, локализованного в пространстве и времени.

Далее. Травматическое состояние может накапливаться и усиливаться от этапа к этапу того или иного процесса. Как отмечал исследователь Дэвид Беккер, работавший в Латиноамериканском институте психического здоровья и прав человека (Чили), «...пациенты (речь шла о семьях, ставших жертвами политических репрессий в Чили в 1977 г. – *Прим. авт.*) испытывают непрерывную и все накапливающуюся травму» [10. Р. 101]. Потому он полагал, что правомернее говорить о травме как процессе [Idid. Р. 106]. В-третьих, исследователи указывают, что ощущение тревожности и уязвимости, в частности, может являться не столько следствием травмы, сколько, наоборот, благоприятным условием для травматизации и развития соответствующих симптомов после травматического события, что, конечно, переворачивает традиционную схему временных и каузальных связей между событием и симптомами [11. Р. 81].

Аерман отмечает, что «культурные травмы – это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее» [5. Р. 125]. Он указывает здесь еще на одну сторону правомерности применения идеи процесса для определения травмы. Это вопросы об опознании источника травматичности, о том, будет ли травма опознана или приписана, ну и, соответственно, кто займет лидирующую позицию в этой борьбе за определение источника. Тем самым это вопрос, который имеет или приобретает одновременно как эпистемологическое, так и идеологическое звучание и где различить тяготение в ту или иную сторону возможно зачастую только задним числом. Резонно, что травма может быть сконструирована в буквальном смысле слова, но в дальнейшем индивиды вполне могут поверить в подлинность определения их состояния как травматического. Например, они могут искренне верить, что то или иное событие или процесс разрушает их идентичность.

Эта специфика культурной травмы (а вернее, черты, которые наиболее проявляются в такой травме) позволяет очертить еще некоторые следствия. Во-первых, видимо, по отношению именно к культурной травме можно говорить еще об одном аспекте ее процессуальности. Речь идет о процессуальности в идентификации объекта. Если использование термина «травма» приобрело столь широкий контекст употребления, характеризующий столь же широкий

спектр явлений, причиняющих боль и страдание, то оправданием сложившегося положения дел и методологическим указанием может стать идея степени травматизации. Здесь уместна аналогия с соотношением понятий «литература» и «литературность», «нарратив» и «нарративность» и т.п. Второй член в этой паре говорит о присутствии в тех или иных объектах элементов литературы или нарратива и степени насыщенности ими изучаемого объекта. Тем самым тезис о степени перерастания состояния, причиняющего боль и страдание, в состояние травмы позволяет, как представляется, избежать категоричности в суждениях и оценках (считать нечто травмой или нет) и в то же время повысить чувствительность к поиску и определению тех черт, что могут быть идентифицированы как посттравматические симптомы.

Второй аспект связан с часто встречающимся возмущением по поводу переноса идеи травмы с индивидуальных состояний на коллективные. Возражение сводится к фиксации противоречия между невыразимостью травматического состояния и глобализацией и медиатизацией травмы. Представляется, что данное возражение не учитывает один важный аспект, наиболее проявляющийся в культурной травме и вытекающий из предшествующих рассуждений. Речь идет о «проработке травмы» или способах ее преодоления. Исследовательское сообщество справедливо пишет о многообразии отношений к травматическому прошлому. Так, Алейда Ассман выделяет четыре модели обращения с травматическим прошлым [12. С. 193–216]. Эрик Сантнер фиксирует два полюса отношения к травме. Один вслед за Фрейдом он характеризует как работу скорби или как «процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах...» [13. С. 392]. Второй полюс он обозначает как «нарративный фетишизм» или «конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная роль которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу» [13. С. 392]. Метафора протеза становится вполне правомерной для характеристики подобного положения дел. Предполагается, что шаблоны, стереотипы, клише становятся не столько выражением скорби и траура, сколько некоторым их замещением, лишенным глубоко эмоциональной подпитки [14. С. 17]. Одной из функций такого нарративного фетишизма является задача «сформировать то самое “ощущение опасности”, которое даст возможность приблизиться к травме, не переживая ее» [Там же. С. 18].

В свете данных положений рискнем высказать следующие соображения. Во-первых, любой из путей проработки травмы будет предполагать в той или иной степени идентификацию (экспликацию) ее источника. Но если это так, то резонно полагать, что грань между симптомами проявления травмы и символическими способами ее проработки становится трудноразличимой. Во-вторых, в том, что касается травмы культурной, эта грань еще более трудноуловима, поскольку резонно полагать, что в силу значи-

мости данного типа травм временную грань между появлением симптомов и поиском способов проработки зачастую трудно отчетливо провести. Иначе говоря, определение источника можно считать составной частью способа проработки. В-третьих, в том, что касается травм сконструированных, сама процедура их конструирования будет предполагать намеренное внедрение симптомов в общественное сознание, что возможно только посредством масс-медиа и соответствующей нарративизации всего, что связано с травмой. В-четвертых, резонно предположить, что сконструированная травма может выступать заместителем травмы, так сказать, реальной, что превращает и позволяет интерпретировать всю совокупность процедур фиксации травмы и ее проработки (в том числе медиатизацию) как комплекс симптомов и примирить тем самым тезис о ее невыразимости с медиатизацией. Ну и, наконец, культурная травма носит дискурсивный характер и по способу осуществления (как идентичность может быть выражена только символически, так и удар по идентичности предполагает разрушение именно символической структуры), и по способу выражения и проявления (медийный дискурс). В итоге можно сделать и более радикальный вывод: культурная травма возможна не иначе как посредством медиатизации.

Этот тезис подталкивает к следующему комплексу взаимосвязанных аспектов. Если травма конструируется (в смысле определения ее источника, наполнения его степенью травматичности, придания ему статуса культурной травмы, последующего создания травмированного сообщества), то резонно поставить вопрос о механизмах создания. Правда, использование термина «механизм» не совсем адекватно выражает суть идеи конструирования. Для прояснения стоит опереться на тезисы Бруно Латура о том, что «нет действия – нет группы» [15. С. 52], и о вытекающем из него различии между посредниками и проводниками [Там же. С. 55–58]. «В моей терминологии “проводник” (intermediary) – это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их...» [Там же. С. 58]. «Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы» [Там же. С. 58]. Иначе говоря, если несколько условно взять за единицу отсчета некоторое действие (например, идентификацию симптомов), а этот шаг вытекает из тезиса о конструируемости, то каждый следующий шаг в направлении конструирования будет не простым переносом уже сложившегося значения или силы травмы, а способом их создания, а возможно, и преобразования. Ведь нет ничего самоочевидного в маркировке того или иного положения дел как травматического, в определении ее источника, в убеждении того или иного количества индивидов (в данном случае за актора можно принять не индивида, а совокупность индивидов) в том, что данное состояние является травматическим, да еще и следствием именно культурной травмы.

Если это так, то речь неизбежно пойдет о том вкладе, который вносят в создание культурной травмы медиа и сети. В свете вышесказанного резонно утверждать, что слово «создание» несет здесь весьма

определенную смысловую нагрузку: вне действия медиа и сетей травма не состоится. А поскольку в терминах того же Латура акторами могут быть как human, так и nonhuman, то роль медиа можно вписать в рамки более общей идеи сети.

Термин «сеть», как и термин «травма», стал весьма популярным, что не всегда идет на пользу первоначальным идеям по их поводу. Но если говорить о более-менее устойчивых сложившихся направлениях исследования, то можно выделить следующие. В работе Раисы Заякиной с опорой на кандидатскую диссертацию Д.В. Мальцевой «сетевой подход аналитически дифференцируется на: 1) анализ социальных сетей (к представителям SNA относятся С. Берковитц, С. Вассерман, М. Грановеттер, Ч. Кадушин, Дж. Куллински, М. Мизраши, Д. Ноук, М. Ньюман, Д. Уотс, Б. Уэллман, К. Фауст и др.), 2) реляционную социологию (яркие представители: М. Арчер, П. Донати, Н. Кросли, Й. Рааб, Х. Уайт, Я. Фузе, М. Эмирбайер и др.) и, наконец, 3) акторно-сетевую теорию (в ее русле работают М. Каллон, Б. Латур, Дж. Ло, Э. Мол, В. Синглтон и др.)» [16. С. 30]. «Представители SNA фиксируют сеть как соединение акторов (т.е. в самом примитивном виде – совокупность точек, соединенных линиями, и видят свою задачу в построении модели таких соединений для дальнейшего изучения ее структуры [16. С. 34–35]. «...Исследователей этого направления интересуют структурные свойства сетей, положения акторов, и, в конечном счете, сами потоки фиксируют только конкретное сетевое состояние «здесь и сейчас»» [16. С. 42].

Что касается сторонников реляционного подхода, то, как утверждает американский социолог Мустафа Эмирбайер в своем «Манифесте для реляционной социологии», «реляционистски настроенные теоретики отрицают представление о том, что возможно априорно полагать отдельные единицы, такие как индивид или общество как отправную точку социологического анализа» [17. Р. 287]. В более ранней статье он назвал такой подход реализацией антикатегориального императива, который отвергает все попытки объяснять поведение или социальные процессы посредством категоризаций типа индивидов или групп [18. Р. 1414]. Он продолжает, что с этой точки зрения сами понятия единиц анализа типа индивидов или групп извлекают свой смысл, значение, идентичность из тех меняющихся функциональных ролей, которые они исполняют в процессе взаимодействия [17. Р. 287]. Иначе говоря, отношение создает актора или агента. Ну и, наконец, наш автор подчеркивает, что реляционисты рассматривают отношения не как совокупность статичных связей между инертными субстанциями, а как разворачивающийся и динамичный по своей природе процесс [Ibid]. В данном контексте динамичность связывается с изменчивостью и даже ситуативностью складывающихся отношений.

Что касается акторно-сетевой теории, то ее основополагающую идею Бруно Латур сформулировал в следующем тезисе: «Эта теория не добавляет социальные сети к социальной теории, а стремится перестроить социальную теорию на основе сетей [19. С. 175]. Иначе говоря, эта теория претендует на объ-

яснение тех вещей, которые в иных теориях сами выполняют (зачастую априорно) функцию объяснения. Используя высказывание самого Латура, можно сказать, что это теория, которая занимается прослеживанием связей и поиском их создания. Говоря по-другому, она занимается выяснением того, как рождается социальное. С этой точки зрения акторно-сетевая теория направлена не на выявление уже сложившихся связей и отношений, а на поиск путей их создания. Поэтому Латур и подчеркивает: «...вообще говоря, нам следовало бы говорить о “сети действий” (worknet) вместо “действующей сети” (network). Это и работа, и движение, и поток, и изменения, – вот что необходимо подчеркнуть» [15. С. 199–200].

Отсюда смысл введения и специфика идеи актора. Как оговаривает Латур, сеть – это не всемирная паутина – интернет, потому что сеть – не просто инструмент передачи, «потому что инструменты никогда не бывают “просто” инструментами, готовыми к применению: они всегда изменяют те цели, которые вы мысленно ставите. Вот что такое “актор”» [15. С. 200]. Актор, который не вносит никакого различия, – вообще не актор. Актор, если слова имеют смысл, это как раз то, что незамещаемо [Там же]. В той степени, в какой некто, на кого направлено действие, производит какие-либо его трансформации (занимается переводом), он получает статус автора. И наоборот, актором может быть любое образование (индивид, группа, институт), ну и, соответственно, нечеловеческие сущности или объекты.

Таким образом, термин «сеть» правомерно употреблять по отношению к характеристике процесса создания какого-либо объекта. Далее. Сеть гетерогенна, поскольку может создаваться из разных компонентов; ситуативна или событийна, поскольку каждый раз может формироваться иначе в зависимости от поставленных задач; динамична, поскольку может трансформироваться в процессе самого создания. По сути, это даже не столько теория с набором некоторых содержательно наполненных устойчивых положений. Это скорее метод анализа (ну и метод создания для деятеля) того, как появляются и существуют те или иные вещи, причем с отсутствием некоторого алгоритма такого анализа, поскольку для каждого объекта могут быть значимы своя совокупность акторов и свои способы действий или завязывания отношений. Если это так, то традиционно используемые метафоры типа дальше / ближе, выше / ниже, внутри / снаружи, микро / макро утрачивают свой смысл [19. С. 175]. Как отмечает по этому поводу Латур, «...каждая сеть по мере своего роста захватывает объяснительные ресурсы вокруг себя, и нет способа отделить их от ее роста. Не нужно выпрыгивать из сети наружу, чтобы создать объяснение (причину, фактор, множество факторов, серии совместных появлений), нужно просто расширить сеть дальше» [Там же. С. 188].

Виктор Вахштайн подчеркивает еще один аспект в определении специфичности акторно-сетевой теории, который также можно использовать для классификации сетевых подходов. Он отмечает, что «пафос акторно- сетевого подхода заключен в переходе от “ло-

гики сети” к “логике потока”, от неизменности к изменчивости. Значение материальных вещей именно в том, что, активно участвуя в человеческом взаимодействии, они способны изменять свои функции, преобразовываться во что-то другое, превращая пространственную мобильность... в поток событий» [20. С. 113]. Различие он проводит путем сопоставления с идеей (или метафорой) сети, которую использовали Мануэль Кастельс и Джон Урри. Разница в актуализации аспекта изменчивости и ситуативности. По словам Вахштайна, «...им (сторонникам акторно-сетевой теории. – Прим. авт.) мало заявить о “сетевой природе” современных коммуникаций (М. Кастельс). Они противопоставляют тотальному и комплексному “социальному” подвижную находящуюся в процессе постоянных изменений и состоящую из дискретных элементов “ассоциацию”» [Там же]. Иначе говоря, одно дело трактовать сеть как совокупность относительно стабильных потоков, перемещающих относительно стабильные объекты, другое – рассматривать сеть как обозначение процесса сборки объекта, каждый раз иного, да еще и меняющегося в процессе самой сборки.

Если встает вопрос о выборе теоретико-методологической позиции, предпочтительной для решения наших задач, то акторно-сетевая теория представляется более перспективной. В качестве обоснования можем опереться на тезис Эмирбаера о преимуществе применения сетевого подхода. По его словам, он является одновременно более общим и более конкретным. Что касается первого аспекта, то общность заключается в возможности безболезненного перевода других подходов на язык акторно-сетевой теории, если, конечно, речь не идет о принципиальной позиции сторонников альтернативных подходов по тому или иному вопросу. Что касается второго аспекта, то, по словам Эмирбаера, он заключается в интерпретации социальных объектов, в частности социальной структуры, не как “черных ящиков”, а как комплекса акторов и их отношений [18. Р. 1418].

Если опрокинуть этот тезис на различные версии самого сетевого подхода, то версия Латура представляется более продуктивной в том, что она позволяет охватить большее количество многообразных аспектов бытия современного социального мира. Здесь стоит сослаться на размышления уже цитируемого выше Эмирбаера, что «реляционная социология испытывает наибольшую трудность при анализе не структурных особенностей статических сетей, будь то сети культурные, социальные структурные или социально-психологические, а скорее динамических процессов, которые преобразуют эти матрицы транзакций некоторым способом» [17. Р. 305]. Как отмечалось выше, подход Латура и был призван преодолеть эти трудности.

Можно подойти к вопросу и с другой стороны, а именно со стороны темы культурной травмы. Из вышесказанного понятно, что ее специфика заключается не просто в одновременном затрагивании большого количества людей, а в воздействии на культурные ценности или символы, их выражающие. По этому поводу можно отметить, что, во-первых, травма все-таки тяготеет к событийности (со всеми оговорками о

процессуальности травмы и постмодернистском тезисе о травме как условии конституирования человеческой экзистенции). Поэтому латурианский подход видится здесь более эвристичным. Во-вторых, если масс-медиа рассматривать как важный компонент формирования и проработки именно культурной травмы, то опять-таки включение в сети не только human, но и nonhuman делает версию Латура более привлекательной. Ну и, наконец, если масс-медиа становятся не просто транслятором, а одним из творцов травмы, то начинают играть роль актора. Эта мысль была отмечена исследователем из Новой Зеландии Алленом Миком в определении статуса СМИ: «В своем стремлении маркировать, определять, интерпретировать для придания смысла и коммемора-

ции медиа отказались от непосредственной травматической встречи с событием. Они замещают ее своими травматическими структурами репрезентации и повторения» [21. Р. 188]. Он правомерно замечает, что изображение какого-либо объекта в медиа уже является частью самого (травмирующего) события [Ibid]. Парадокс в том, что даже буквальная (насколько это вообще возможно) его передача (без комментариев) уже становится способом его трансформации, поскольку выполняет функцию символического объекта посредством контекста, наполняемого разными смыслами. Если это так, то продуктивнее обращаться именно к латурианскому подходу, поскольку именно он выполняет методологическую задачу, указывая, как можно интерпретировать роль медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pickering M., Keightley E. Trauma, discourse and communicative limits // *Critical Discourse Studies*. 2009. Vol. 6, № 4. P. 237–249.
2. От редакции. Наука травмы / травма науки // *Логос*. 2017. Т. 27, № 5. С. 19–24.
3. Рожественская Е.Ю. Репрезентация культурной травмы: музефикация холокоста // *Логос*. 2017. Т. 27, № 5. С. 87–114.
4. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 6–40.
5. Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge University Press, 2001. 299 p.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.
7. Summerfield D. Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models // *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics* / ed. by Rolf J. Kieber. Springer Science+Business Media New York, 1995. P. 17–29.
8. Young A. *The harmony of illusions: inventing post-traumatic stress disorder*. Princeton University Press, 1995. 327 p.
9. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал, 1999. 236 с.
10. Becker D. The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations // *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics* / ed. by Rolf J. Kieber. Springer Science+Business Media New York, 1995. P. 99–110.
11. Bracken P.J. *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. Whurr Publishers Ltd, 2002. 258 p.
12. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
13. Сантнер Э. По ту сторону принципа наслаждения: размышления о репрезентации травмы // *Травма: пункты : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение*, 2009. С. 209–246.
14. Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать». О травме, памяти и сообществах // *Травма: пункты : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение*, 2009. С. 5–41.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
16. Заякина Р.А. Синтетическая топология социальных сетей. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 251 с.
17. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, № 2. P. 281–317.
18. Emirbayer M. Network analysis, culture, and the problem of agency // *The American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99, № 6. P. 1414–1454.
19. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // *Логос*. 2017. Vol. 27, № 1. С. 173–201.
20. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115.
21. Meek A. *Trauma and media: theories, histories, and images*. Routledge. 2010. 224 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 июля 2019 г.

Cultural Trauma and a Network Society: Methodological Considerations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 76–82.

DOI: 10.17223/15617793/446/10

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Keywords: trauma study; working through; cultural trauma; network society; actor-network theory.

The article aims to discuss the possibility of using the concept of cultural trauma and its connection with the idea of a network society. To achieve this aim, it is necessary to consider critical objections to the use of the idea of cultural trauma. First, there is the question of possible losses in the transition from individual psychology to collective experience. Second, if trauma is the name for events or experiences which are retrospectively uncontrollable, there is a contradiction between the gap in memory resulting from trauma and the globalization and mediatization of objects with a traumatic status. The solution of this list of problems requires analyzing the specific features of cultural trauma. Such features can be summarized as follows: a threat to group, not to individual existence; destruction of cultural values or symbols shared by the group; indirect effects of traumatic objects. It is noted that the statement about the contradiction between the uncontrollability and inexpressibility of traumatic experience and the mediatization of cultural trauma should, first of all, take into account the degree to which cultural trauma is constructed. Creation of trauma always involves selective construction and public representation, which is possible only through the mass media. It is also reasonable to assume that the constructed trauma can act as a substitute for a real trauma. Such an approach allows interpreting all forms of fixation of trauma and its study (including mediatization) as a set of symptoms and thereby reconcile the thesis of inexpressibility with mediatization. Finally, the discursive character of cultural trauma implies its media existence. Moreover, then it can be argued that cultural trauma is only possible through mediatization. It is stated that the media character of cultural trauma allows using the idea of a network to study the sources of trauma, its specificity and ways of working with it. The efficiency of using the actor-network theory for the

study of trauma is substantiated. The advantages of the actor-network theory are associated, firstly, with the possibility of a painless translation of other approaches into the language of the theory. Secondly, this theory allows taking into account the aspects of heterogeneity, eventfulness and dynamism inherent in traumatic objects. Thus, it allows exploring more diverse aspects of the existence of the modern social world than other theories do. Thirdly, this theory allows treating the media as one of the actors, i.e., as one of the participants in the creation of trauma, and not just as a translator of traumatic experience.

REFERENCES

1. Pickering, M. & Keightley, E. (2009) Trauma, Discourse and Communicative Limits. *Critical Discourse Studies*. 4 (6). pp. 237–249.
2. Levina, T. Musvik, V. (2017) Nauka travmy / travma nauki [The Science of Trauma / The Trauma of Science]. *Logos*. 5 (27). pp. 19–24.
3. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2017) Representation of Cultural Trauma: the Museification of the Holocaust. *Logos*. 5 (27). pp. 87–114. (In Russian).
4. Alexander, J. (2012) Cultural Trauma and Collective Identity. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 6–40. (In Russian).
5. Eyerman, R. (2001) *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16.
7. Summerfield, D. (1995) Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models. In: Kleber, R.J. (ed.) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. New York: Springer Science+Business Media. pp. 17–29.
8. Young, A. (1995) *The Harmony of Illusions: Inventing Post-traumatic Stress Disorder*. Princeton: Princeton University Press.
9. Žižek, S. (1999) Vozvyshennyi ob'ekt ideologii [The Sublime Object of Ideology]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal.
10. Becker, D. (1995) The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations. In: Kleber, R.J. (ed.) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. New York: Springer Science+Business Media. pp. 99–110.
11. Bracken, P.J. (2002) *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. London: Whurr Publishers Ltd.
12. Assmann, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Santner, E. (2009) Istoriya po tu storonu printsipa naslazhdeniya: razmyshleniya o reprezentatsii travmy [History beyond the Pleasure Principle: Thoughts on the Representation of Trauma]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 209–246.
14. Ushakin, S.A. (2009) “Nam etoy bol'yu dyshat'”. O travme, pamyati i soobshchestvakh [“We Are to Breathe This Pain.” On Trauma, Memory and Communities]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 5–41.
15. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Higher School of Economics.
16. Zayakina, R.A. (2018) *Sinteticheskaya topologiya sotsial'nykh setey* [The Synthetic Topology of Social Networks]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
17. Emirbayer, M. (1997) Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*. 2 (103). pp. 281–317.
18. Emirbayer, M. (1994) Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. *The American Journal of Sociology*. 6 (99). pp. 1414–1454.
19. Latour, B. (2017) On Actor-Network Theory. A Few Clarifications, Plus More than a Few Complications. *Logos*. 1 (27). pp. 173–201. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197
20. Vakhshstein, V.S. (2005) The Return of Material: “Spaces”, “Networks”, “Flows” in Actor-Network Theory. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 1 (4) pp. 94–115. (In Russian).
21. Meek, A. (2010) *Trauma and Media: Theories, Histories, and Images*. Abingdon: Routledge.

Received: 22 July 2019

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 304.2+316.77

М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, Г.С. Гончарова

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ СРЕДЫ НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ, ИНДИКАТОРЫ, ПОКАЗАТЕЛИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).

Определены методологические и методические основы исследования влияния лингвокультурной специфики среды на межэтнические установки молодежи. Выполнен анализ содержания концептов «социальная среда», «культурная среда», «языковая среда» в различных теоретических подходах, уточнено содержание концепта «лингвокультурная среда». Показаны специфика и механизм влияния лингвокультурной среды на формирование установок личности в межэтнических отношениях. Выделены и обоснованы факторы, индикаторы и показатели, используемые авторами в реализуемой программе теоретико-эмпирического исследования влияния специфики лингвокультурной среды на межэтническое взаимодействие молодежи в регионах Сибири.

Ключевые слова: лингвокультурная среда; специфика среды; межэтнические установки молодежи; факторы; влияние среды на установки; индикаторы и показатели влияния.

Введение

Развитие полиэтничного российского общества в условиях глобализации, интенсификации международных связей в экономике, культуре, образовании актуализирует проведение междисциплинарных (этносоциологических, лингвокультурологических, этнопсихологических) исследований взаимовлияния социальной среды жизни индивидов и групп на формирование их интересов, ценностных ориентаций, установок в межкультурной коммуникации, в том числе установок в межэтнических отношениях. Фактором снижения межэтнической напряженности является гармонизация межэтнических отношений, в том числе и посредством акцентирования внимания на когнитивной составляющей данных процессов. В проведенных исследованиях по изучению межэтнической напряженности в регионах России (Л.М. Дробичева, Г.У. Солдатов, Т.Г. Стефаненко, М.Ф. Черныш и др.) представлен анализ этнической картины и выявлены установки людей в отношении к межнациональному согласию в целом и к конкретным этническим группам в частности. Данные материалы позволяют сделать исследователям вывод о существовании межэтнической напряженности либо ее отсутствии. Но причины формирования межэтнической напряженности, установки в межэтническом взаимодействии, особенности влияния лингвокультурной среды на процесс гармонизации межэтнического взаимодействия исследованы недостаточно.

Постановка проблемы

Одними из первых задач междисциплинарного изучения влияния лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях являются обоснование теоретико-методологических и методических основ ис-

следования на базе сравнительного анализа подходов различных наук к предмету исследования, разработка критериев, показателей и индикаторов изучения данного влияния. Их применение позволяет провести теоретическую и эмпирическую верификацию гипотезы о существовании взаимовлияния специфики лингвокультурной среды и формирования аккультурационных стратегий, идентификации, ценностей и установок к межэтническому взаимодействию молодежи.

Методология исследования

Теоретико-методологические и методические основы исследования определены путем системного анализ содержания основных концептов в теоретических подходах разных наук к культуре, языку, межкультурному взаимодействию, социуму, личности. В рамках структурно-морфологического подхода культура как производная социальной реальности (К. Гирц) закодирована в коллективных, а не индивидуальных знаках. В результате субъект становится одним из составляющих предмета исследования. Таким образом, личностный комплекс переживаний индивида рассматривается одновременно как часть и личности, и культуры в ее индивидуальной интерпретации, являясь «идиоверсией» (Т. Шварц). Это конечный пункт распределения культуры, ее социальная единица. Она состоит из конструктов, порожденных опытом, событиями, историей жизни индивидов, а также продуктов их комбинирования и трансформации, формируя тем самым «картину мира» индивида.

В рамках этой интерпретации актуальность при рассмотрении «картины мира» приобретают такие понятия, как мировоззрение, мироощущение, мировосприятие, этническое самосознание, этническая идентификация, «Концепция – Я», социокультурные

установки, модели поведения, аккультурационные стратегии.

Структурно-морфологический подход восходит своими корнями к структуралистской трактовке происхождения культурных феноменов К. Леви-Стросса, рассматривающего культуру как ансамбль символических систем, к которым прежде всего относятся язык, брачные правила, искусство, наука и религия. Язык исследователь рассматривал и как продукт культуры, и как часть культуры, представляющий собой один из ее элементов, и как условие культуры, позволяющее индивиду осуществить инкультурацию и стать частью своей группы.

Идея взаимосвязанности языка и культуры отражена также в работах В. фон Гумбольдта, представляющего язык как динамическую, развивающуюся систему, выражающую духовную силу и интеллектуальную жизнь народа. Его идеи нашли свое развитие в трудах А.А. Потебни, раскрывающего значение экстралингвистических данных и коммуникативную функцию языка. Развитие лингвистического направления представлено структурной лингвистикой, в том числе семиотической школой (Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др.), исследующей языковые детерминанты мировоззрения и картины мира.

Идея взаимосвязи языка и культуры была представлена также в работах И.А. Бодуэна де Куртене, Ш. Балли, Л. Вейсгербера, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арutyоновой, Е.М. Верещагина, В.В. Виноградова, В.Г. Костомарова, Ю.С. Степанова и др.

Традиции исследований языковой специфики формирования картины мира российскими авторами складывались в большей степени в области психосемантики и психолингвистики (теория речевой деятельности А.Н. Леонтьева), что представлено двумя подходами: лингвокультурологическим, рассматривающим лингвокультурную специфику как значимое для определенной культуры, конкретной этносоциокультурной общности и отдельной личности (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др.), и лингвокогнитивным – акцентирующем внимание на выявлении архетипического, пронизывающего всю культуру и представляющего коллективное, национальное (Ю.С. Степанов).

Несмотря на существование явных различий в подходах, идейно они восходят к работам евразийцев, пытавшихся обосновать уникальность феномена российской культуры, в том числе через язык, критикуя европоцентризм (Н.С. Трубецкой). В рамках данной статьи для нас представляет несомненный интерес метод сравнительно-исторического языкознания (лингвистический формализм), который был создан Н.С. Трубецким для попытки выявления того, каким образом язык влияет на мировоззрение людей, создавая «ракурс» понимания мира, как он меняется под влиянием миграционных процессов, изменения образа жизни людей, что в конце XIX–XX вв. фактически создало условия для «методологического переворота» в гуманитарных науках.

Особое значение Н.С. Трубецкой уделял значению языка в определении внутриэтнического взаимодействия, как одному из культуросозидающих факторов, возвращаясь к работам В. фон Гумбольдта,

В. Раска, И. Гердера, Ф. Шлегеля, А. Афанасьева, А. Потебни и др.

Аналогичное разветвление направлений в исследовании взаимосвязи языка и культуры на лингвокультурологические и лингвокогнитивные мы встречаем и на примере работ западных исследователей: Н.Н. Clark, E.V. Clark [1], S.M. Ervin-Tripp, D.I. Slobin [2], Дж. Миллер [3], Ch.E. Osgood [4], S. Saporta [5]. Западная лингвокультурология, опираясь на системный подход и теорию деятельности [6. С. 25], делает акцент на анализе роли культурных познавательных схем (когниций) в адаптации членов языкового сообщества, выстраивая триаду: культурная когниция – культурные концептуализации – язык [7. С. 2]. Детерминантой формирования картины мира индивида являются культурные концептуализации, отражающие языковые особенности, напрямую связанные с верованиями, общественными правилами, традициями и моделями поведения, принятыми в отдельно взятом социуме.

Результаты и обсуждение

В исследовании проблем социокультурной адаптации молодежи Республики Саха (Якутия) к условиям современных российских трансформаций [8] мы опирались на разработанную Л.В. Корель классификацию типов, видов, моделей адаптаций на основе оппозиций «субъект – объект» и «система – среда». Исходным в теоретическом анализе феномена адаптации является рассмотрение характеристик внешней среды (объекта адаптации) – совокупности условий (природных, социальных, экономических, культурных, политических и иных), в которых протекает жизнедеятельность субъекта (личностей, групп, общностей и т.д.) и с которыми он вынужден считаться, приспосабливаться к их изменениям, изменять их в соответствии со своими ресурсами, пополнять наличные ресурсы из среды, взаимодействовать с другими субъектами в данной среде.

Исследование стратегий адаптации в рамках изучения специфик межэтнического взаимодействия акцентировало наше внимание на аккультурационных стратегиях, и в частности на концепте «мультикультурализм» как стратегии аккультурации социальной группы и политики, осуществляемой государством в отношении регулирования межэтнического взаимодействия [9], что позволило перейти к исследованию специфики формирования картины мира как индивидуальной, так и коллективной, а также культурных концептуализаций.

Развивая тему взаимообусловленности формирования «картины мира», «образа мира» (Л. Витгенштейн) и социокультурной специфики среды, мы под социокультурной средой в самом общем виде понимаем объективные условия существования человека в обществе, являющиеся фактором и основанием его социализации, инкультурации и аккультурации. Коллективная картина мира формируемая индивидами благодаря совместной жизнедеятельности, закодирована в материальных и идеальных элементах культуры. В рамках семиотического направления знаковые

системы, позволяющие объективировать, фиксировать, хранить и передавать смыслы и значения различных процессов и явлений действительности обуславливают формирование индивидуального опыта освоения культуры. Субъективность восприятия и интерпретации событий, фактов предопределяет уникальность формируемой индивидом собственной картины мира, ограничение которой определяется культурой – ее нормами, традициями, ценностями, правилами, материальными культурными предметами и объектами.

Попытки дифференцировать «среду» по специфике комплексов ее влияния на индивида традиционно дает нам следующие основания: сферы жизни (экономическая, социальная, культурная), уровни (макро- и микросреда), типы поселений (город, село) и т.п., а также подоснования и комплексные основания (например, городская культура, лингвообразовательная среда и др.). К числу таких комплексных по своему характеру относится и малоисследованная пока лингвокультурная среда как одно из центральных понятий лингвокультурологии, рассматривающей человека как языковую личность, «носителя определенной национальной ментальности и языка, участвующего в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности» [10. С. 113].

Более четкое определение понятия «лингвокультурная среда» сделано Е. Стояновой в монографии «Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации». «С развитием лингвокультурологии, – пишет Е. Стоянова, – среда получает лингвокультурное освещение и воспринимается в качестве активного лингвокультурного инструмента в процессе формирования языковой личности... Язык и культура утверждаются как взаимосвязанные и взаимобусловленные понятия, поскольку язык не существует вне культуры и культура не может существовать вне языка... На этом основании необходимо говорить не просто о культурной среде, а именно о лингвокультурной среде... Можно утверждать, что лингвокультурная среда выступает в качестве детерминирующего фактора в жизни человека» [11. С. 23–25]. Е. Стоянова выделяет два основных типа лингвокультурной среды – исторический и социальный, рассматривая их одновременно как пространственно-временные факторы формирования человека. Исторический тип развития среды происходит на основе сохранения и обогащения национально-культурных традиций, динамики новаций и традиций. Каждая историческая эпоха отличается особым мировоззренческим компонентом – системой ценностей, ментальностью, специфическим образом мышления и духовности людей.

Социальный тип лингвокультурной среды базируется на представлении о личности как члене социума, той или иной социальной среды с ее системой установок, ценностей, верований, чувств. Механизмом вхождения личности в лингвокультурную среду этого типа является социализация: первичная – в сфере межличностных отношений (семья, родственники и др.) и вторичная – в сфере социальных институтов – учреждений (система образования, культуры и др.). В

процессе социализации человек осваивает нормы и законы социокультурной (в том числе лингвокультурной) среды, и они становятся частью его внутреннего мира.

Лингвокультурная среда социального типа регулируется социальной принадлежностью человека. Исследователи выделяют такие социальные типы лингвокультурной среды, как субкультуры, социальные слои, социальные группы и подгруппы, различающиеся по социокультурным ценностям, моделям поведения и речевым практикам.

Вопросы лингвокультурной среды и ее влияния на различные социальные процессы чаще всего исследуются в психологии, этнографии и педагогике. Так, Ю.В. Бромлей, выявляя факторы формирования этнического самосознания индивида, выделял язык: «Этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании» [12. С. 14]. Особую роль в формировании билингвальной, или как сейчас принято определять мультилингвальной, среды в СССР, по мнению исследователя, играл русский язык, выступавший в качестве языка межнационального общения [13]. Мы могли бы добавить, что по результатам наших исследований, он не только способствовал формированию мультилингвальной среды, но и являлся детерминирующим фактором интернационального воспитания и формирования мультикультурного сообщества в СССР [9].

В.Б. Куриленко с коллегами рассматривают лингвокультурную среду как средство коммуникативного развития студентов-билингвов [14]. В диссертации И.В. Цветковой «Лингвокультурная образовательная среда как фактор динамичного развития образования в Республике Казахстан» проанализировано взаимодействие лингвистической и культурной сред в социальном контексте. Сделан вывод, что в результате целенаправленных воспитательных действий семьи, учреждений образования, культуры, искусства, так и взаимодействия индивида со своим социальным окружением формируется лингвокультурная образовательная среда [15. С. 71].

Конкретизацией понятия «лингвокультурная среда», важной для целей данной работы, является понятие «лингвокультурная ситуация», общие принципы исследования которой представлены в публикациях В.М. Шаклеина. Под лингвокультурной ситуацией понимается совокупность языка и культуры в их территориально-социальной организации – их динамическое равновесие в границах определенного региона или административно-политического образования определенного временного среза [16. С. 19].

Лингвокультурная ситуация, как и лингвокультурная среда, имеет специфику в каждом регионе и находится под влиянием социально-экономических, национально-исторических, политических и культурологических факторов и внутриязыковых процессов. Эта

специфика пока слабо изучена как в теоретическом, так и в прикладном (образовательном, культурном, политико-регулятивном) отношении, что вызывает коллизии в межэтнических отношениях. Отметим для примера хотя бы языковую политику российской власти, а также политику региональных властей в сфере обучения русскому и родным (не русским) языкам в системе образования, когда значимость того или иного языка или преувеличивается, или преуменьшается без изучения специфики межкультурной коммуникации конкретного региона. Особую остроту проблема двойных стандартов в языковой политике обрела в эпоху парада суверенитетов, когда не всегда доминирующий по численности титульный этнос реформировал конституцию республики, в том числе и в отношении языка межличностного взаимодействия и образования [17].

Влияние степени владения языком(ми) на адаптированность молодежи изучалась нами на примере республик Саха (Якутия) и Хакасия с 2006 по 2011 г. [8] на основе применения социокультурного подхода в интерпретации представленной П. Сорокиным триады «личность, общество, культура». Результаты исследования актуализировали проведение самостоятельного теоретико-эмпирического исследования, посвященного важному сегменту проблемы гармонизации межэтнических отношений – изучению роли специфики лингвокультурной среды региона в формировании у молодежи установок в отношении межкультурной (межэтнической) коммуникации. Конкретно-социологическое исследование потребовало расширения базы исследования, поскольку мы полагаем, что фактор территориально-административного деления (республика или область) играет определенную роль в этнокультурной политике и лингвокультурной ситуации в целом, влияя тем самым на установки молодежи. Базой исследования выступили республики Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия и Новосибирская область.

Среди важных объективных факторов формирования межэтнических установок молодежи нами выделены:

- социально-экономическая, культурная и этнодемографическая макроструктура региона, поселений;
- история и динамика межэтнических отношений на разных уровнях формирования лингвокультурной среды (регионы, поселение, коллектив);
- динамика и современное состояние культурной политики в регионе;
- характер деятельности средств массовой информации в межкультурной коммуникации этнических групп;
- лингвоэтнокультурная специфика систем образования;
- этноконфессиональная ситуация в регионе и ее динамика;
- лингвокультурная ситуация в семье, коллективе.

К важнейшим субъективным факторам формирования межэтнических установок под воздействием лингвокультурной среды отнесены:

- типы этнической идентичности личности («нормальная», когда гармонично соотносятся и этническая

и гражданская идентичности, этноцентричная, этническая индифферентность и др.);

- тип языковой личности (владение родным и иными языками);
- отношение к этническим традициям (традиционализм – инновационность);
- ценностные ориентации;
- религиозность;
- предпочтения в выборе каналов этнокультурной информации;
- индивидуально-типологические особенности личности (специфика восприятия (ригидность – гибкость), эмпатия, агрессия и др.).

Отметим, что под межэтническими установками (этническими установками в межэтнических отношениях) мы понимаем наиболее распространенную в этносоциологии и этнопсихологии их трактовку как готовность (предрасположенность) личности к восприятию тех или иных событий в жизни этнической группы и межэтнических отношений и в соответствии с этим восприятием готовность (предрасположенность) действовать определенным образом в конкретной ситуации. Осознавая различия между терминами «готовность» и «предрасположенность», мы оставляем за собой право учитывать смысловые нюансы при интерпретации результатов исследования.

Важной методической составляющей реализуемого нами проекта исследования влияния специфики лингвокультурной среды на установки личности и групп в межэтнических отношениях является выбор индикаторов и показателей оценки данного влияния. Следует отметить, что строгого различия индикаторов и показателей в социологии нет. Так, даже в «Социологической энциклопедии» они определяются как синонимы. В статье «индикаторы» отмечается: «индикаторы – 1) показатели; 2) доступные наблюдения к измерению характеристики (признаки) изучаемого или управляемого социального объекта... Индикатором может быть либо сама характеристика, либо некоторые ее значения» [18. С. 365–366]. В статье «Индикаторы бедности» указано, что это – «специальные показатели и коэффициенты, характеризующие уровень и динамику бедности» [Там же. С. 366]. В эмпирических исследованиях некоторые авторы с целью более логичного подхода к измерению качественных и количественных характеристик социального процесса под индикаторами понимают его качественные, а под показателями – количественные характеристики.

Так, Н.Р. Маликова в докладе «Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений» на VI Международной социологической конференции «Продолжая Грушина» (Москва, 2016 г.), указывая на необходимость методологического различения социальных показателей и индикаторов, отмечает: «Показатели фиксируют все возможные социальные явления и факты, в то время как индикаторы – это концептуальные эквиваленты (заменители) исследуемых явлений... Поэтому данные любых этносоциологических исследований – само собой, и мониторинговых, соотносят с определенными индикаторами, в единстве с *качественной опреде-*

ленностью состояния этносоциальных групп, содержательной характеристикой межэтнических отношений в различных социально-этнических средах» [19. С. 489]. Она также обращает внимание на необходимость учета в мониторинге этнопсихологических индикаторов: устойчивости этничности, этнических стереотипов, ориентаций на приоритет традиций или инноваций и других индикаторов [19. С. 491].

На основе изложенного выше понимания лингвокультурной среды, межэтнических установок, факторов взаимодействия среды и установок, индикаторов и показателей, определяющих это влияние, в программе проводимого нами исследования выделены следующие основные *индикаторы*:

- 1) этническая идентичность в системе идентичностей личности;
- 2) этническое самосознание (его содержание, полнота, степень стереотипности);
- 3) лингвокультурологический тип личности (родной язык, владение другими, роль языков в межкультурной коммуникации, психологические характеристики);
- 4) социальные институты: семьи, образования, культуры, религии и их роль в формировании ценностных ориентаций личности в специфичной лингвокультурной среде и ее межэтнических установок;
- 5) основные каналы информации, влияющие на среду и установки личности и групп (литература, ТВ, интернет, печать и др.);
- 6) пространственная специфика лингвокультурной среды (город – село; моно- и полиэтничность поселения, учебного или трудового коллектива, семьи);
- 7) отношение личности к традициям и инновациям;
- 8) аккультурационные стратегии личности и ее типов;
- 9) психологические особенности личности.

Соответственно, количественная сторона индикаторов проявляется в *показателях*:

- 1) соотношение различных идентичностей в самосознании личности (этнической, общероссийской, региональной и др.);
- 2) полнота этнического самосознания (гипернигилизм);
- 3) степень владения человеком родным (не русским), русским, другими языками;
- 4) лингвокультурные особенности личности;
- 5) этническая структура лингвокультурной среды на макро-, мезо- и микроуровнях (регион, поселение, коллектив, семья);
- 6) региональная специфика формирования и действия социальных институтов, средств массовой информации;
- 7) степень владения этническими традициями (быт, труд, культура и др.);
- 8) ориентация на моно-, полиэтничную среду проживания, общения;
- 9) социальные дистанции в межэтнических отношениях;
- 10) ориентация на моно-, полилингвистическую среду общения;

11) типы личности и соотношение стратегий инкультурации (интеграции, ассимиляции, сепарации, маргинализации) в самосознании личностей определенных типов.

В качестве примера использования некоторых из вышеуказанных индикаторов можно привести результаты изучения уровня адаптированности городской и сельской молодежи (саха, русских и представителей коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)), обладающих разным уровнем владения якутским языком, где он имеет статус первого государственного [20]. Результаты пилотного исследования позволили сделать вывод об изменении этнической картины села и города в Якутии под влиянием активных миграционных процессов как внутри республики (тенденция к переезду из сел в города титульного этноса), так и внешних (приток мигрантов из Таджикистана, Кыргызстана, Азербайджана и пр.), что в значительной степени повлияло на лингвокультурную среду. В результате данных изменений среди молодежи саха, владеющей своим родным якутским языком, но дома общающихся на русском в городе хорошо адаптированных оказалось 35%, в отличие от села, где доля хорошо адаптированных в данной группе оказалась выше – 56%. Минимальная доля хорошо адаптированных (25%) – среди сельских саха, владеющих якутским, считающих родными два языка (русский и якутский), но дома общающихся на якутском языке. Для сравнения в аналогичной группе в городе хорошо адаптированных оказалось 42%. Разницу в степени адаптированности у этих двух групп можно объяснить тем, что выбор в качестве родных языков двух предопределяет отношение и к среде общения, монолингвистический характер которой не является комфортным. И если в городе данный характер поддерживается лингвокультурной средой взаимодействия за пределами дома, то на селе, по всей вероятности, он вызывает некоторый дискомфорт.

Таким образом, можно заключить, что изменения в этнической картине городов Якутии, где доминирующей этнической группой стала группа саха, в значительной мере повлияли и на лингвокультурную ситуацию, актуализировав использование якутского языка взаимодействия. В отличие от села, где русский (несмотря на предысторию когда доминирующим большинством на селе было население саха), стал таким же равноправным языком взаимодействия, как и якутский. Аналогичные сопоставления без учета типа поселения для групп выбирающих монолингвистическую среду, моноэтническую среду, этнически индифферентных и этноцентристов были сделаны нами ранее в статье «Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье» [21].

В социально-регулятивном аспекте исследование дает новую информацию о том, как языковые и культурные процессы в социуме, отражаясь в сознании различных лингвокультурных типов, в первую очередь молодежи, влияют на формирование этнической и гражданской самоидентификаций, аккультурационных стратегий – интеграции, ассимиляции, сепарации или маргинализации, других установок в межэтнической коммуникации, что позволит теоре-

тически и методологически обосновать лингвокультурный аспект политики регулирования и гармонизации межэтнических отношений. О необходимости такой политики свидетельствует как зарубежный (сохранение культуры русской диаспоры в Прибалтике, Украине, Франции), так и современный российский опыт.

Теоретическая и эмпирическая верификация гипотезы будет выполнена на материалах массовых и экспертных социологических опросов и психологического тестирования в регионах Сибири (Республики Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия). Результаты исследования позволят разработать конкретные рекомендации органам управления в регионах для подготовки стратегий по гармонизации межэтнических отношений и корректировки образовательных программ в этом аспекте.

Заключение

Представленный обзор и теоретико-методологическое обоснование показателей, индикаторов и критериев оценки влияния лингвокультурной специ-

фики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях позволят в дальнейшем представить теоретическую и эмпирическую верификацию поставленной гипотезы и проанализировать взаимосвязь между спецификой лингвокультурной среды и формированием аккультурационных стратегий, идентификации, ценностей и установок к межэтническому взаимодействию молодежи. Каждый из отмеченных показателей может быть при анализе конкретных индикаторов дополнен другими на макро-микроуровне лингвокультурной среды, при проведении эмпирических конкретно-социологических и этнопсихологических исследований (опросов, тестирования).

Данное исследование, имеющее междисциплинарный и комплексный характер, расширяя предметное поле этносоциологии и лингвокультурологии, содействует их интеграции и направлено на решение фундаментальной научной и социальной задачи – выявление условий и факторов гармонизации межгрупповых и межличностных отношений в полиэтнических и многоязычных сообществах, к числу которых принадлежит Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clark H.H., Clark E.V. Psychology and Language. An Introduction to Psycholinguistics. New York, 1977.
2. Ervin-Tripp S.M., Slobin D.I. Psycholinguistics // Annual Review of Psychology, 1966.
3. Miller G. Psycholinguistics // Theory of speech activity (problems of psycholinguistics). М., 1968.
4. Osgood Ch.E. Psycholinguistics // Psychology: a Study of Science. New York, 1963. Vol. 6.
5. Saporta S. Relations between Psychological and Linguistic Units // Psycholinguistics. Baltimore, 1954. Vol. 17.
6. Розин В.М. Комплексные науки и междисциплинарные исследования // Идеи и Идеалы. 2015. Т. 1, № 4. С. 18–39.
7. Sharifian Farzad Cultural Linguistics: The State of the Art // Advances in Cultural Linguistics. Singapore, 2017. P. 1–28.
8. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск : Нонпарель, 2011.
9. Абрамова М.А. Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтническими и межэтническими семьями. Новосибирск, 2016.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Изд. центр. «Академия», 2001.
11. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен : Университетское изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013.
12. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
13. Бромлей Ю.В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 16–28.
14. Куриленко В.Б., Макарова М.А., Щербакова О.М., Куликова Е.Ю. Лингвокультурная среда международно-ориентированного вуза как средство коммуникативного развития студентов-билингвов // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 5. С. 33–42.
15. Цветкова И.В. Лингвокультурная образовательная среда как фактор динамичного развития образования в Республике Казахстан : дис. ... канд. пед. наук. Чимкент, 2006.
16. Шаглеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование контекста. М. : ОРЛС, 1997.
17. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Язык как социокультурный феномен // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 64–72.
18. Социологическая энциклопедия : в 2 т. М. : Мысль, 2003. Т. 1.
19. Маликова Н.Р. Социологические индикаторы мониторинга межэтнических отношений // Материалы VI Международной социологической Гуршинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16–17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2016.
20. Конституция (основной закон) Республики Саха (Якутия). Ст. 46. URL: <https://www.sakha.gov.ru/konstitutsiya> (дата обращения: 09.11.2018).
21. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье // Русин. 2018. № 1 (51). С. 282–299. DOI: 10.17223/18572685/51/18.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 февраля 2019 г.

A Study of the Influence of the Linguistic and Cultural Specificity of the Environment on Inter-Ethnic Attitudes of Young People: Factors, Indicators, Indices

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 83–89.

DOI: 10.17223/15617793/446/11

Mariya A. Abramova, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: marika24@yandex.ru

Vsevolod G. Kostyuk, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kostyuk.vsevolod@yandex.ru

Galina S. Goncharova, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alek-mari@yandex.ru

Keywords: linguistic and cultural environment; specific environment; inter-ethnic attitudes of young people; factors; environment's influence on attitude; indicators; indices.

The authors focus on the problem of theoretical and methodological approaches to the essence and content of the concept "linguistic and cultural environment" and on the identification of the mechanisms of its influence on the inter-ethnic interaction of individuals and groups and, in particular, on the formation of young people's attitudes in inter-ethnic relations. The theoretical and methodological foundations of the study are determined by a systemic analysis of the content of the basic concepts in the theoretical approaches of ethnosociology, ethnolinguistics and ethnoculturology to culture, language, intercultural interaction, society and personality. The solution of the stated problem demanded a critical analysis of the structural features of the structural-morphological, linguistic and cultural, cognitive and sociocultural approaches to culture and the linguistic and cultural environment in the aspect of identifying people's inter-ethnic attitudes. The content of the concepts "social environment", "cultural environment", "language environment", "linguocultural environment" and its types has been analyzed. The integration of linguistic, cultural, cognitive and sociocultural approaches has helped to theoretically substantiate the selection of objective and subjective factors and indicators of impact of the specificity of the linguistic and cultural environment on inter-ethnic attitudes. The authors believe that the analysis of the theoretical and methodological approaches, the selected factors and indicators of the impact of the specificity of the linguistic and cultural environment on young people's inter-ethnic attitudes allow expanding and deepening the understanding of this important social and scientific little-studied problem on the basis of the available and newly collected empirical sociological information from the regions of Siberia (Republics of Altai, Tyva, Novosibirsk Oblast). An example of the empirical verification of the findings is the authors' sociological study of sociocultural adaptation of the youth of the Republics of Sakha (Yakutia) and Khakassia. On the example of the changes in the ethnic pictures of cities and villages of Yakutia, the factors actualizing the use of the Yakut language in the city and, vice versa, Russian in the villages are shown. In general, this study, which has an interdisciplinary and complex character, expands the subject field of ethnosociology and linguoculturology, promotes their integration and is aimed at solving the fundamental scientific and social problems – the identification of conditions and factors of harmonization of inter-group and interpersonal relations in multinational and multilingual communities.

REFERENCES

1. Clark, H.H. & Clark, E.V. (1977) *Psychology and Language. An Introduction to Psycholinguistics*. New York: Harcourt College Publishers.
2. Ervin-Tripp, S.M. & Slobin, D.I. (1966) Psycholinguistics. *Annual Review of Psychology*. 17. pp. 435-474. DOI: 10.1146/annurev.ps.17.020166.002251
3. Miller, G. (1968) Psycholinguistics. In: *Teoriya rechevoy deyatel'nosti (problemy psikholingvistiki)* [Theory of Speech Activity (Problems of Psycholinguistics)]. Moscow: Nauka.
4. Osgood, Ch.E. (1963) Psycholinguistics. In: Koch, S. (Ed.). *Psychology: a Study of Science*. Vol. 6. New York: McGraw-Hill.
5. Saporta, S. (1954) Relations between Psychological and Linguistic Units. *Psycholinguistics*. 17.
6. Rozin, V.M. (2015) Complex Sciences and Interdisciplinary Studies. *Idei i Idealy – Ideas and Ideals*. 4 (1). pp. 18–39. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-18-39
7. Sharifian, F. (2017) Cultural Linguistics: The State of the Art. In: Sharifian, F. (ed.) *Advances in Cultural Linguistics*. Singapore: Springer. pp. 1–28. DOI: 10.1007/978-981-10-4056-6_1
8. Abramova, M.A., Goncharova, G.S. & Kostyuk, V.G. (2011) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya molodezhi Severa k usloviyam sovremennykh transformatsiy* [Sociocultural Adaptation of the Youth of the North to the Conditions of Modern Transformations]. Novosibirsk: Nonparel'.
9. Abramova, M.A. (2016) *Mul'tikul'turalizm kak sotsiokul'turnyy fenomen: istoricheskaya dinamika, translyatsiya monoetnichnyimi i mezhetnicheskimi sem'yami* [Multiculturalism as a Sociocultural Phenomenon: Historical Dynamics, Broadcast by Mono-ethnic and Interethnic Families]. Novosibirsk: Institute of Philosophy and Law SB RAS.
10. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
11. Stoyanova, E. (2013) *Metafora skvoz' prizmu lingvokul'turnoy situatsii* [Metaphor through the Prism of the Linguocultural Situation]. Shumen: Universitetskoe izdatel'stvo "Episkop Konstantin Preslavski".
12. Bromley, Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka.
13. Bromley, Yu.V. (1988) Chelovek v etnicheskoy (natsional'noy) sisteme [Man in the Ethnic (National) System]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 16–28.
14. Kurilenko, V.B. et al. (2015) Linguistic and Cultural Surrounding of International University as Means of Bilingual Students Communicative Development. *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 5. pp. 33–42. (In Russian).
15. Tsvetkova, I.V. (2006) *Lingvokul'turnaya obrazovatel'naya sreda kak faktor dinamichnogo razvitiya obrazovaniya v Respublike Kazakhstan* [Linguocultural Educational Environment as a Factor in the Dynamic Development of Education in the Republic of Kazakhstan]. Pedagogy Cand. Diss. Chimgent.
16. Shaklein, V.M. (1997) *Lingvokul'turnaya situatsiya i issledovanie konteksta* [Linguocultural Situation and Context Research]. Moscow: ORLS.
17. Abramova, M.A., Goncharova, G.S. & Kostyuk, V.G. (2012) Language As a Socio-Cultural Phenomenon. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy*. 4 (10). pp. 64–72. (In Russian).
18. Ivanov, V.N. (ed.) (2003) *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
19. Malikova, N.R. (2016) [Sociological Indicators for Monitoring Interethnic Relations]. *Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi* [Life of a Research after a Research: How to Make the Results Understandable and Useful]. Proceedings of the 6th International Grushin Sociological Conference. Moscow. 16–17 March 2016. Moscow: Russian Public Opinion Research Center. (In Russian).
20. Official Information Portal of Sakha Republic (Yakutia). (2015) *Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Constitution (The Main Law) of Sakha Republic (Yakutia)]. Article 46. [Online] Available from: <https://www.sakha.gov.ru/konstitutsiya>. (Accessed: 09.11.2018).
21. Abramova, M.A., Goncharova, G.S. & Kostyuk, V.G. (2018) Types of youth identity and interaction in the ethnic borderlands. *Rusin*. 1 (51). pp. 282–299. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/18

Received: 18 February 2019

М. Дебрени, А.М. Погорельская, И.В. Поморина, И.А. Скалабан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВЫБОР УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ БРИТАНСКИМИ, РОССИЙСКИМИ И ФРАНЦУЗСКИМИ АБИТУРИЕНТАМИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-22001.

Рассматриваются британская, российская и французская модели зачисления в университеты и факторы, влияющие на выбор вуза абитуриентами с целью выделения универсальных и уникальных индикаторов. Компаративный анализ показывает, что при сохранении определенной национальной уникальности образовательных систем наблюдается тенденция к унификации не только механизмов отбора, но и мотивации абитуриентов к выбору вуза, что может быть связано с условиями обучения и качеством городской среды.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование; абитуриент; выбор университета; университетские города.

Сложность и противоречивость современных процессов социально-экономического развития превращают сферу образования в пространство, где активно проявляют себя как тренды глобализации, так и локализации, появляется все больше универсального, при сохранении культурного плюрализма. В значительной степени этому способствует активное формирование международного рынка образовательных услуг. В 2017 г. его объем достиг 1,950 трлн долл. [1], превратив образование в крупнейший рынок социальных услуг в мире (половина приходится на высшее образование).

Предоставление образовательных услуг, в том числе иностранным студентам, стало важным драйвером экономического развития целого ряда стран и провоцирует рост глобальной конкуренции, где активными игроками становятся не только отдельные университеты, но и их региональные консорциумы, университетские города, а также правительства стран, продвигающие новые стратегии экспорта образовательных услуг.

В этих условиях компаративный анализ факторов, определяющих выбор абитуриентами университетов в различных странах с исторически отличными образовательными системами, превращается из исследовательской задачи в задачу маркетинговую и социально-политическую. Последнее особенно важно, поскольку в условиях нарастающей конкуренции сложившимся национальным образовательным системам не избежать болезненных институциональных изменений. Важный фактор, этому способствующий, – актуализация в публичной сфере в ходе реформирования национальных образовательных моделей обсуждения социальной справедливости.

Наглядно это показали события во Франции, где начало 2018 г. ознаменовалось для традиционно неспокойного французского студенческого мира новой волной протестов. Их главной причиной стал ввод в действие новых правил и платформы зачисления абитуриентов в университеты, которые поставили французское высшее образование перед неразрешимой дилеммой: не конституционность всякого отбора при зачислении в университеты как дискриминационного vs необходимости отбора для доступа вчерашних школьников на те специаль-

сти, которые им лучше всего подходят, чтобы скорректировать катастрофические цифры успеваемости на первых курсах.

Цель данной статьи – сравнить британскую, французскую и российскую модели зачисления в университеты и факторы, влияющие на выбор абитуриентами университета в этих странах, выделить универсальные и уникальные индикаторы, обуславливающие такой выбор.

Великобритания, Франция и Россия с полным основанием могут быть отнесены к категории стран, где исторически сформировались уникальные образовательные модели, оказавшие влияние на современную мировую образовательную систему.

Для достижения поставленной цели их анализ целесообразно проводить по следующим основаниям:

- нормативные и структурные особенности систем;
- механизмы отбора и зачисления абитуриентов;
- сроки, критерии и процедура отбора;
- мотивация абитуриентов при выборе специальности и вуза.

Любая современная национальная образовательная система является сложно дифференцированной и иерархизированной. Важным маркером последнего становится меж- и внутрисистемная конкуренция за престижность университетов, формальным выражением которой в последние десятилетия стали рейтинги вузов. Однако если в российских университетах иерархическая система организаций высшего образования и система отбора в них абитуриентов формализованы и закреплены законодательно в законе «Об образовании в Российской Федерации» [2], то в Великобритании престижность университетов определяется не только международными, но и британскими негосударственными структурами (The Complete University Guide; «The Guardian»; TEF – Teaching excellence framework и др.) и является важным фактором выбора абитуриентами вуза. В свою очередь, фактор престижности вуза для французских абитуриентов хотя и значим, но несколько ослаблен в силу двух обстоятельств. Первое: конституционно закрепленное право человека, получившего диплом об окончании школы (БАК), учиться на первой ступени университета [3]. Второе: существование до 2017 г. си-

стемы распределения абитуриентов по университетам (Платформа «Admission Post Vac», 2009–2017 гг.), которая хотя и стремилась учесть пожелания абитуриентов, но в случае дефицита мест распределяла их по вузам случайным образом. Фактор престижности более значим для 10% выпускников, поступающих во вторую категорию учреждений высшего профессионального образования – Высшие школы (Grandes Ecoles). Ограничения выбора во Франции носят и «горизонтальный» характер, обусловленный наличием траекторий и специализаций в старшей школе. Все эти нормативно-структурные особенности не только ослабляют конкурентность среди абитуриентов, но и выводят на первый план иные группы мотиваторов выбора вуза, чем те, которые актуальны для британских или российских студентов.

Несмотря на разную структуру образовательных учреждений и их статус в странах, ставших объектом анализа, условия поступления абитуриентов в вузы имеют и общие характеристики. Так, абитуриенты обладают правом на многовариантность в выборе университетов и специальностей. В России и Великобритании абитуриент может подать заявление в пять университетов. Во Франции выпускник до 2017 г. мог высказать 24 проранжированных пожелания в отношении выбора университета, сегодня он вправе обозначить только 10, причем ранжирование не допускается.

Во всех рассматриваемых странах присутствует ответственность университета за качество набора. Но если британские и французские вузы имеют централизованные системы подачи документов UCAS и Parcoursup plus, то российские вузы взаимодействуют с абитуриентами напрямую.

Наконец, во всех трех странах набор в вузы осуществляется в условиях относительного понижения финансирования государством системы высшего профессионального образования. В России и Франции, где существует система бюджетных мест, это выразилось в их сокращении. Например, в России в 2000 г. за счет федерального бюджета было принято в вузы 572,2 тыс. человек, а в 2016 г. – 499,9 [4. С. 198]. В 2019 г. число бюджетных мест на уровне бакалавриата сократится на 76 тыс. (в 2018 – 315 тыс.), число бюджетных мест в магистратуре уменьшится почти в 1,5 раза, достигнув 129 тыс. (в 2018 – 208 тыс.) [5]. Во Франции процент бюджетных средств, выделяемых на одного студента, сократился с 2008 г. (100%) до 91% в 2017 г. и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению в связи с выделением университетам дополнительно 130 тыс. мест для тех специальностей, где наблюдался их дефицит. В свою очередь государственные вузы Великобритании в 1960-х гг. финансировались правительством в полном объеме (400 тыс. студентов), а в настоящее время государственная субсидия удовлетворяет потребности вузов лишь на треть, остальная сумма вносится студентами и родителями в качестве платы за обучение [6]. Число студентов в Великобритании растет крайне незначительно: 2 317 880 студентов в 2016/17 учебном году, что на 2% больше, чем в 2015/16 гг. [7]. Даже принимая во внимание демографические прогнозы, следует ожидать снижения доступности бесплатного высшего образования.

Отличия в системе отбора абитуриентов можно выделить по следующим основаниям:

1. Сроки, критерии и процедура отбора.

Работа с абитуриентами университетов Великобритании и Франции начинается еще до окончания школы.

В Великобритании она носит более индивидуализированный характер. Важную роль в ней играют не только прогноз выпускных оценок и результаты экзаменов, но и мотивационные письма, рекомендации учителей. Университеты заранее сообщают, какое количество баллов должны получить студенты, чтобы гарантировать себе место. Как и в российской практике (пример МГУ), престижные британские университеты (Оксфорд, Кембридж) предусматривают обязательные интервью с абитуриентами. Менее «известные» университеты могут выслать предложения на основе поданных документов. Если же оценки абитуриента сильно ниже прогноза, у него есть возможность поступить через системы Клиаринга (или «подчистки»), решив все вопросы с университетом по телефону.

Во Франции большую роль при конкурсном отборе в Высшие школы играет качество обучения на подготовительном цикле – в лицеях при высших школах или в подготовительных классах школ. Что касается университетов, то программа, осуществляющая набор, учитывает семейное положение абитуриента, место проживания, его пожелания, но, если нет другого выбора – алгоритм работает «наугад» или предлагает свободные места на специализациях, не пользующихся спросом. Реформирование системы набора в 2017 г. было вызвано целым рядом проблем: ежегодным увеличением абитуриентов на 40–50 тыс. человек при практически не увеличивающемся бюджете высшего образования; плохой профориентацией, низким уровнем успеваемости первокурсников. Треть студентов французских университетов бросает учебу в ходе или после первого курса [8]. Не случайно с 2017 г. во Франции внедряется новая программа, допускающая конкурс и учет оценок, полученных в двух последних классах школы по профилирующим предметам, а также мотивационных писем. Однако беспокойство общественности вызывает не только ограничение на доступ к высшему образованию, но и отсутствие единой политики в отборе абитуриентов. Одни университеты «вручную» рассматривают документы всех кандидатов (10 тыс. электронных досье для юридического факультета университета Париж-V), другие – только документы тех, кто оказывается в равной ситуации, в-третьих университетах автоматическая обработка оценок учитывает рейтинг школы и квотирует иногородних студентов [9].

В России, помимо участия вузов в профессиональной ориентации школьников, проведении олимпиад и сотрудничества с отдельными школами, непосредственное взаимодействие с абитуриентами начинается после окончания школы и занимает в общей сложности 1,5–2 месяца. Сжатые сроки сокращают возможность индивидуального подхода. Условия приема на обучение по программам бакалавриата включают в себя наличие аттестата о среднем общем образовании

и результаты единого государственного экзамена (ЕГЭ) по установленным для данной специальности предметам. ЕГЭ как форма унификации аттестации выпускников школ стал внедряться в российских школах с 2001 г. с целью упорядочения требований к поступлению в вузы и противодействия коррупции в ходе приемной кампании.

Согласно законодательству, университеты сами определяют минимальные пороги по всем предметам для приема в вуз [2]. Однако соответствующие пороги не могут быть ниже количества баллов ЕГЭ, установленного Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки. Министерством образования и науки (с 2018 г. – министерство науки и высшего образования) устанавливается также перечень исключений для внеконкурсного набора. Такое право дается, к примеру, победителям и призерам всероссийских и международных олимпиад. Только на уровне магистратуры и аспирантуры вузы могут осуществлять более индивидуализированный отбор, предусматривая такие требования, как экзамен, собеседование или мотивационное письмо.

II. Мотивация абитуриентов при выборе вуза.

Чем же руководствуются студенты разных стран при выборе специальности и университета?

Великобритания. Опираясь на результаты национальных опросов и масштабного исследования UCAS 2016 г. (16 600 молодых людей, поступавших в университеты в 2015 г.) [10]; опроса Экономической ассоциации по «Изменению взглядов, отношений к учебе и поведения студентов при изменении платы за обучение» (2013–2015) [11], целесообразно выделить следующие группы значимых для абитуриентов мотиваторов:

1. Перспективы трудоустройства по окончании университета. Так, 6 из 10 абитуриентов указывают на определенную карьеру по специальности главным фактором выбора [12]. Абитуриентам важно знать, какой процент выпускников получает работу по специальности (56%), а для 30% важен и первоначальный уровень зарплаты. Исследования 2017 г. показали, что в Великобритании престиж университета начинает терять свое значение, вперед выходят условия и качество обучения – они важны для 61% абитуриентов [13]. Заметную роль при выборе начинает играть и город, в котором расположен университет.

2. Академическая составляющая курса имеет значение для 75%, типы заданий и экзаменов – для 37%, общая академическая репутация университета – для 60% опрошенных. Существенное внимание абитуриентами уделяется позиции университета в рейтингах и качеству преподавания. Не случайно рейтинг «Совершенствование системы преподавания TEF», впервые проведенный в 2017 г., включает в себя следующие показатели: качество разработки и оценки курсов; количество контактного времени, которое студенты проводят с преподавателем; академические нагрузки студентов; уровень развития студентами своих знаний на протяжении всех курсов [14].

3. Условия обучения. Качество общежитий представляет важность для 50% опрошенных, месторасположение университета – для 42%, стоимость жизни в городе – для 33%. При этом 4 из 10 абитуриентов хотели быть ближе к дому, а 14% – уехать как можно дальше.

Важно отметить, что мотивация британских студентов, как, впрочем, и студентов других стран, зависит от социального статуса абитуриента. Для абитуриентов из обеспеченных семей значимо «ощущение себя своим», создания нового круга друзей, которые помогут не только в вузе, но и по окончании. Для абитуриентов из менее обеспеченных семей на первый план выходят практические вопросы, связанные с транспортом и общежитием. Так, качество общежитий важно для 64% опрошенных в среднем, но для 70% абитуриентов из необеспеченных семей. Абитуриенты из привилегированных семей на 48% больше уверены в том, что работодателю важнее престижность университета, чем конкретная специальность выпускника. Тогда как абитуриенты из необеспеченных семей на 30% больше убеждены в приоритете специальности.

Франция. Безусловно, часть мотиваторов французских абитуриентов совпадает с британскими. Но мотивация французских старшеклассников формируется в условиях общественного отторжения любого отбора, рейтингов школ и лицеев при наличии элитарности системы высших школ. Французские абитуриенты ориентируются на престижность университетов, семейные традиции, финансовые возможности и соображения безопасности и комфорта. Но в силу специфики механизма отбора и исторически сложившейся университетской инфраструктуры для французских студентов актуальна группа показателей, связанная с условиями обучения, особенно – проживания. Дополнительным критерием выбора места учебы во Франции является возможность учиться недалеко от дома, поскольку в большинстве городов Франции отсутствуют общежития: только 9% студентов ими обеспечены, в Париже – 5% [15].

Россия. В России отсутствуют масштабные национальные мониторинги выбора абитуриентами университетов, поэтому в анализе будем преимущественно опираться на результаты региональных или университетских исследований. Полученные данные позволяют сделать вывод, что общая структура мотиваторов российских студентов совпадает с британской. Но отсутствие индивидуализированного подхода к выбору вуза, краткие сроки подачи заявлений приводят к тому, что существенная часть российских абитуриентов принимает решение о выборе ситуативно, за компанию с друзьями или по настоянию родителей. Процент таких абитуриентов по оценкам различных источников колеблется от 23,7% [16. С. 178] до 75% [17].

Тем не менее решающим фактором, определяющим выбор университета абитуриентом, служит перспектива трудоустройства по окончании вуза (опрос интернет-лицей Томского государственного университета среди старшеклассников из 30 регионов России и из Беларуси, 2015 г.). На втором месте оказалась образовательная и академическая репутация университета. При этом менее трети опрошенных старшеклассников руководствовались рейтингами университетов [18]. Исследования Высшей школы экономики в 2013 г. показали, что студенты в большей мере выбирают вуз, а не специальность [19]. Даже необходимость платить за обучение не отпугивает абитуриентов. Ведущие вузы страны набирают сильнейших абитуриентов на плат-

ной основе. Отчасти это явление объясняет и тот факт, что вузы-лидеры по качеству приема в 2017 г. были сосредоточены в Москве, Санкт-Петербурге и Томске [20]. Вместе с тем наличие бюджетных мест остается важным фактором выбора вуза и направления для большинства абитуриентов [16. С. 179].

Достаточно значимыми мотиваторами для российских абитуриентов являются условия обучения: возможность участия в насыщенной студенческой жизни; географическая близость университета. Критериями оценки профессорско-преподавательского состава стали наличие индивидуального подхода к студенту и стаж работы. Критерии оценки инфраструктуры – наличие мест в общежитиях (в 2013 г. 35% российских вузов не имели студенческих общежитий [21]), а также возможностей для ведения здорового образа жизни.

Таким образом, компаративный анализ показывает, что сегодня при сохранении определенной национальной уникальности образовательных систем мы наблюдаем тенденцию к унификации не только механизмов отбора, но и мотивации абитуриентов к выбору вуза. Последнее определяется целой группой факторов, которые можно условно разделить на качество обучения и качество жизни.

Первая группа факторов активно присутствует в исследованиях и позволяет увидеть очевидный рост запроса во всех странах не столько на престиж университета, сколько на качество и условия образования. Требуется более глубокая проработка таких факторов с выделением показателей, которые могли бы обеспечить всестороннее понимание содержания запроса, и, одновременно, возможность влиять на него через формирование потребительской культуры в области

высшего образования. В частности, важно понимать, о чем необходимо информировать старшеклассников и их родителей, чтобы решение о выборе специальности и университета принималось осознанно.

Что касается второй группы факторов – качества жизни, можно констатировать, что ему уделяется неслаженно мало внимания. Круг исследуемых показателей часто ограничивается условиями кампусов. Актуальность более развернутого анализа подтверждают исследования британских социологов по проекту Экономической ассоциации «Изменение взглядов, отношения к учебе и поведения студентов при изменении платы за обучение» (3 500 студентов экономики и бизнеса из 18 университетов, 2014/15 гг.), которые выявили, что на втором месте, после возможности получения работы по специальности, студенты указывают качество жизни в университетском городе [22].

Необходимо учитывать связь выбора университетов с такими показателями, как уровень жизни населения, определяющий его платежеспособность для получения образовательных услуг. Одновременно исследователь должен отслеживать многофакторность оснований выбора университета и отношение населения к изменениям, происходящим в системе высшего образования. Особую важность такой подход приобретает в условиях достижения главной задачи современного образования – формирования у молодежи «грамотности в отношении будущего», озвученной в 2018 г. экспертами Римского клуба [23], что невозможно без изменений институциональных условий, достижения баланса между интернационализацией высшего образования и поддержанием уникальности национальных, региональных образовательных центров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Education Services Market Global Briefing 2018. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20180131006092/en/Global-Education-Services-Market-Briefing-2018-Elementary> (дата обращения: 25.07.2018).
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Гарант: информ.-правовое обеспечение. М., 2018. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/854:0> (дата обращения: 24.07.2018).
3. Code de l'éducation. ст. L612-3. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT 000006071191> (дата обращения: 08.06.2018).
4. Российский статистический ежегодник. 2017 : стат. сб. / Росстат. 2017. 686 с.
5. Минобрнауки уменьшит число бюджетных мест в магистратуре почти в 1,5 раза в 2019 году // TACC. 09.02.2018. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4945681> (дата обращения: 24.07.2018).
6. Еремина Д. Почему фунт знаний. Как английские вузы стали самыми дорогими в Европе. 06.02.2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/02/06/britain/> (дата обращения: 26.07.2018).
7. Сайт Статистического агентства высшего образования в Великобритании HESA. URL: <https://www.hesa.ac.uk/news/11-01-2018/sfr247-higher-education-student-statistics/numbers> (дата обращения: 20.07.2018).
8. Lefauconnier N., Legout B. Réussite en licence: un étudiant sur trois abandonne dès la première année 21.11.2017. URL: <https://www.letudiant.fr/educpros/actualite/reussite-en-licence-un-etudiant-sur-trois-abandonne-des-la-premiere-annee.html> (дата обращения: 08.06.2018).
9. Stromboni C. Parcoursup: un vrai casse-tête pour les facs de droit // Le Monde. 2018. Mardi, 8 mai. P. 9.
10. Through the lens of students: how perceptions of higher education influence applicants' choices. 2016. July. URL: <https://www.ucas.com/sites/default/files/through-the-lens-of-students.pdf> (дата обращения: 15.07.2018).
11. Economics students' changing expectations. URL: <http://economicsnetwork.ac.uk/projects/research2013> (дата обращения: 10.07.2018).
12. Student Academic Experience Survey. 2017. URL: <http://www.hepi.ac.uk/2017/06/07/2017-student-academic-experience-survey/> (дата обращения: 20.07.2018).
13. University applicants: facilities 'more important' than reputation. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/university-applicants-facilities-more-important-reputation> (дата обращения: 10.07.2018).
14. The TEF. URL: <http://www.hefce.ac.uk/lt/tef/> (дата обращения: 12.07.2018).
15. Jaoul-Grammare M., Magdalou B. Opportunities in Higher Education: An Application to France // *Annals of Economics and Statistics / ANNALES D'ÉCONOMIE ET DE STATISTIQUE*. 2013.
16. Рябоконь М.В. Модели поведения абитуриентов при выборе вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 4 (44).
17. Только четверть абитуриентов выбирают специальность и вуз заранее // Москва 24. 08.08.2017. URL: <https://www.m24.ru/articles/образование/08082017/148565> (дата обращения: 24.07.2018).
18. Опрос ТГУ: 30% абитуриентов выбирают вуз по его рейтингу // Национальный исследовательский Томский государственный университет, 20.01.2016. URL: <http://abiturient.tsu.ru/news/11666/> (дата обращения: 24.07.2018).

19. Старцев Б. Лучшие абитуриенты продолжают выбирать сильные вузы // Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики. 05.09.2013. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/93046995.html> (дата обращения: 24.07.2018).
20. Мониторинг качества приема в вузы. Основные итоги – 2017 // Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики. URL: https://ege.hse.ru/stata_2017 (дата обращения: 24.07.2018).
21. 35% российских вузов не имеют студенческих общежитий // Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики. 03.10.2014. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/134422488.html> (дата обращения: 24.07.2018).
22. Pomorina I. Different, different but the same: economics and business students survey results. 2015. URL: <http://researchspace.bathspa.ac.uk/6218/> (дата обращения: 15.07.2018).
23. von Weizsäcker E., Wijkman A. Come on!: capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. New York : Springer, 2018.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 апреля 2019 г.

A Comparative Analysis of the Factors Determining the Way British, Russian and French University Entrants Choose the University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 90–95.

DOI: 10.17223/15617793/446/12

Michele Debrenne, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: micheledebrenne@gmail.com

Anastasia M. Pogorelskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lisbonne@rambler.ru

Inna V. Pomorina, Bath Spa University (Bath, the UK); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i.pomorina@bathspa.ac.uk

Irina A. Skalaban, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

Keywords: higher education; university entrants; university choice; university city.

The article covers British, French and Russian systems of university enrollment. Comparative analysis shows that despite some peculiarities, there is also some unification of selection procedures as well as people's motivation in selecting the university. The research into people's motivation in selecting the university in different countries is useful for helping universities elaborate the right marketing strategy. The authors of the article aim to discover the factors influencing the way entrants choose the university in the UK, France and the Russian Federation. Therefore, the comparative analysis of university enrollment in three countries includes the review of (1) their legislative and structural characteristics; (2) enrollment procedures; (3) selection deadlines, criteria and procedures; and (4) people's motivation in selecting the university. According to national surveys and UCAS research, students' motivation in the UK depends on the following factors: (1) the expected employment opportunities the student will get after the graduation; (2) curriculum, exam types and university reputation and ranking; (3) living conditions during the period of study (the dormitory available, university location and the living wage in the city of study). However, the importance of these factors corresponds to the social status of the university entrants. French university entrants choose the university according to their prestige, family traditions, the opportunity to pay for higher education, security and convenience of the university campus and city. One of the most important factors is the opportunity to live in the dormitory and not far from the home town. The Russian case is less explored at the national level; however, according to some regional and university research, Russian university entrants choose the university according to expected employment opportunities after the graduation; university reputation but not university ranking; opportunities to participate in student life; faculty and campus infrastructure. The analysis shows that the prestige and the position of the university in the hierarchy of institutions in the country is important for Russian and British university entrants; however, it is not decisive for the French ones. As a result, there may be determined several universal factors that influence the way entrants choose the university. These factors are connected with the quality of education and the quality of life. The first group of factors is very well researched, the second needs to be explored.

REFERENCES

1. Business Wire. (2018) *Global Education Services Market Briefing 2018: Elementary and Secondary Schools, Colleges, Universities, and Professional Schools, Other Education Services*. [Online] Available from: <https://www.businesswire.com/news/home/20180131006092/en/Global-Education-Services-Market-Briefing-2018-Elementary>. (Accessed: 25.07.2018).
2. Garant.ru. (2012) *Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 273-FZ of 29 December 2012 "On Education in the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/854:0>. (Accessed: 24.07.2018).
3. France. (2019) *Code de l'éducation. st. L612-3*. [Online] Available from: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071191>. (Accessed: 08.06.2018).
4. Surinov, A.E. (2017) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Rosstat.
5. TASS. (2018) *Minobrnauki umen'shit chislo byudzhetykh mest v magistrature pochni v 1,5 raza v 2019 godu* [The Ministry of Education and Science will Reduce the Number of Budget Places in the Master's Programmes by Almost 1.5 Times in 2019]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/4945681>. (Accessed: 24.07.2018).
6. Eremina, D. (2014) *Pochem funt znaniy. Kak angliyskie vuzy stali samymi dorygimi v Evrope* [How Much for a Pound of Knowledge? How English Universities Have Become the Most Expensive in Europe]. *Lenta*. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2014/02/06/britain/>. (Accessed: 26.07.2018).
7. Higher Education Statistics Agency. (2018) *Higher Education Student Statistics: UK, 2016/17 – Student numbers and characteristics*. [Online] Available from: <https://www.hesa.ac.uk/news/11-01-2018/sfr247-higher-education-student-statistics/numbers>. (Accessed: 20.07.2018).
8. Lefauconnier, N. & Legout, B. (2017) Réussite en licence: un étudiant sur trois abandonne dès la première année. *L'Etudiant*. [Online] Available from: <https://www.letudiant.fr/educpros/actualite/reussite-en-licence-un-etudiant-sur-trois-abandonne-des-la-premiere-annee.html>. (Accessed: 08.06.2018).
9. Stromboni, C. (2018) *Parcoursup: un vrai casse-tête pour les facs de droit. Le Monde*. 8 mai. p. 9.
10. UCAS. (2016) *Through the Lens of Students: How Perceptions of Higher Education Influence Applicants' Choices*. [Online] Available from: <https://www.ucas.com/sites/default/files/through-the-lens-of-students.pdf>. (Accessed: 15.07.2018).
11. The Economics Network. (2014) *Economics students' changing expectations*. [Online] Available from: <http://economicsnetwork.ac.uk/projects/research2013>. (Accessed: 10.07.2018).

12. Neves, J. & Hillman, N. (2017) *Student Academic Experience Survey*. [Online] Available from: <http://www.hepi.ac.uk/2017/06/07/2017-student-academic-experience-survey/>. (Accessed: 20.07.2018).
13. Elmes, J. (2016) University Applicants: Facilities 'More Important' than Reputation. *Times Higher Education*. [Online] Available from: <https://www.timeshighereducation.com/news/university-applicants-facilities-more-important-reputation>. (Accessed: 10.07.2018).
14. Higher Education Statistics Agency. (n.d.) *The TEF*. [Online] Available from: <http://www.hefce.ac.uk/lt/tef/>. (Accessed: 12.07.2018).
15. Jaoul-Grammare, M. & Magdalou, B. (2013) Opportunities in Higher Education: An Application to France. *Annals of Economics and Statistics*. 111–112. DOI: 10.2307/23646335
16. Ryabokon', M.V. (2016) Behavior Models of Entrants When Choosing the University. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 4 (44). pp. 177–185. (In Russian).
17. Moskva 24. (2017) *Tol'ko chetvert' abiturientov vybirayut spetsial'nost' i vuz zaranee* [Only a Quarter of Applicants Choose a Specialty and University in Advance]. [Online] Available from: <https://www.m24.ru/articles/obrazovanie/08082017/148565> (Accessed: 24.07.2018).
18. Tomsk State University. (2016) *Opros TGU: 30% abiturientov vybirayut vuz po ego reytingu* [TSU Poll: 30% of Applicants Choose a University by Its Rating]. [Online] Available from: <http://abiturient.tsu.ru/news/11666/>. (Accessed: 24.07.2018).
19. Startsev, B. (2013) Luchshie abiturienty prodolzhayut vybirat' sil'nye vuzy [The Best Applicants Continue to Choose Strong Universities]. *Higher School of Economics*. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/edu/93046995.html>. (Accessed: 24.07.2018).
20. Higher School of Economics. (2017) *Monitoring kachestva priema v vuzy. Osnovnye itogi – 2017* [Monitoring of the Quality of Admission to Universities. The Main Results of 2017]. [Online] Available from: https://ege.hse.ru/stata_2017. (Accessed: 24.07.2018).
21. Higher School of Economics. (2014) *35% rossiyskikh vuzov ne imeyut studencheskikh obshchezhitii* [35% of Russian Universities do not Have Residence Halls]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/edu/134422488.html>. (Accessed: 24.07.2018).
22. Pomorina, I. (2015) Different, Different but the Same: Economics and Business Students Survey Results. 2015. *Proceedings of Conference on Teaching and Research in Economic Education (CTREE)*. Radisson Blu, Minneapolis, USA. 27– 29 May 2015. [Online] Available from: <http://researchspace.bath-spa.ac.uk/6218/>. (Accessed: 15.07.2018).
23. von Weizsäcker, E. & Wijkman, A. (2018) *Come on!: Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York: Springer.

Received: 04 April 2019

ИСТОРИЯ

УДК: 314.74

К.П. Андреев

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АВСТРИИ: ОТ РЕГУЛЯЦИОННЫХ МЕР К ИНТЕГРАЦИИ

Рассматривается переход миграционной политики Австрии от регулирования иммиграционных потоков к интеграции в период после окончания Второй мировой войны до 2016 г. Особенностью роли Австрии в системе европейских миграций называется ее центральное положение. Показаны развитие миграционной политики Австрии в ретроспективе в период холодной войны, нынешнее состояние и перспективы развития. Ситуация оценивается как чрезвычайно сложная.

Ключевые слова: миграция в Австрии; Европейский Союз; миграционная политика; интеграция.

После окончания Второй мировой войны Австрия вернулась к своим довоенным границам, в которых пребывала до 1938 г., когда нацистская Германия насильственным образом включила австрийскую территорию в свой состав. В 1945 г. союзные войска восстановили независимость страны, поделив ее на четыре оккупационные зоны по примеру соседней Германии – британскую, американскую, французскую и советскую, установив также особый оккупационный статус для столицы страны – Вены. Таким образом, Австрия стала непосредственным участником зарождавшегося в Европе блокового противостояния.

К окончанию боевых действий на территории Австрии проживали, по разным данным, от 1,5 до 3 млн иностранцев, что составляло примерно 20% от всего населения страны [1]. Большая часть иммигрантов являлась вынужденными переселенцами, к которым относились насильственно перемещенные лица, военные беженцы, бывшие узники концентрационных лагерей, подневольные работники из Восточной Европы, бывшие военнопленные, плененные солдаты немецкой армии и их союзники, большая часть которых к началу 1950-х гг. покинула территорию страны или была репатриирована союзниками. Кроме того, по разным причинам в Австрии оказались более 200 тыс. этнических немцев, преимущественно выходцев из Центральной и Восточной Европы. Их число после установления «железного занавеса» неуклонно продолжало расти, достигнув к 1950 г. отметки в более чем 500 тыс. человек [2].

Австрия находилась в бедственном положении – привезенное немцами в годы войны промышленное оборудование демонтировалось и направлялось в качестве репараций союзникам (62% от общего числа), сельское хозяйство находилось в упадке, часть заводов была либо разрушена, либо простаивала без оборудования и профессионального обслуживания. Экономика страны находилась на грани краха из-за галопировавшей инфляции, процветал черный рынок [3]. Спасение пришло с Запада – Австрия попала в программу восстановления Европы, известную как «план Маршалла».

Финансовая помощь из-за рубежа серьезно стимулировала экономику страны – в кратчайшие сроки выровнялась ситуация на рынках сбыта, были восстановлены инфраструктура и важные транспортные

коммуникации, установлен контроль над тарифами и ценами, сбалансирован бюджет. Таким образом, буквально в течение 10 лет Австрия не только смогла преодолеть глубочайший экономический и социальный кризис, но и быстро преодолела период оккупации. В 1955 г. был подписан государственный договор, восстановивший независимость Австрии.

Несмотря на серьезный экономический рост, в стране обнажилась проблема нехватки рабочих рук. До начала 1960-х гг. правительству страны удавалось сдерживать ее за счет внутренней миграции и принятия австрийского гражданства большим количеством этнических немцев [1], однако к началу второго послевоенного десятилетия справляться своими силами уже не удавалось – число эмигрантов значительно превышало число иммигрантов. Ежегодно на территорию страны въезжало большое количество иностранных граждан, однако эти миграции носили транзитивный характер – большая часть приезжих использовала Австрию как перевалочный пункт на пути на север Европы. Например, после подавления венгерского восстания в 1956 г. в Австрию переправились порядка 180 тыс. человек, но лишь 20 тыс. венгров остались в стране больше чем на год-два [2].

Это подтолкнуло правительство Австрии к принятию мер, направленных на привлечение иностранной рабочей силы. В 1961 г. был заключен «Договор Рааба–Ола», названный в честь его инициаторов и составителей – федерального канцлера Юлиуса Рааба и председателя промышленных профсоюзов Франца Ола. Этот документ положил начало эпохи «гастарбайтеров» – сезонных работников из других стран. Несмотря на неудачные попытки установить обмен рабочей силой с Испанией и Италией в 1962 г., правительство Австрии заключило соглашения с Турцией (1964 г.) и Югославией (1966 г.), которые впоследствии стали важными инструментами миграционной политики и регулирования рынка рабочей силы Австрии. К концу 60-х гг. миграционный фон страны существенно изменился, а приток мигрантов вырос в 5 раз, достигнув своего пика в 1973 г. (порядка 400 тыс. человек) [4]. И если ранее доля мигрантов из этих стран вместе не превышала 7%, то после заключения договоров поток рабочей силы из Турции и Югославии составил 11,8 и 78,5% соответственно [5].

Нефтяной кризис 1973 г. в совокупности с наступившим в Австрии ростом рождаемости и тем фактом, что большинство сезонных работников не только сами оставались в стране на постоянной основе, но и перевозили туда свои семьи, поставил перед правительством вопрос о необходимости регулирования миграционных потоков. В итоге оно пошло на серьезные меры по сокращению притока трудовых мигрантов за счет принятия в 1975 г. Закона о предоставлении работы иностранным гражданам (*Ausländerbeschäftigungsgesetz*) [6]. Этот закон ужесточил контроль над деятельностью сезонных работников в различных сферах деятельности, однако большая часть гастарбайтеров предпочла остаться в Австрии, подключившись к программе строительства австрийского общества, создавая семьи и включаясь в экономическую жизнь страны. В итоге в период с 1973 по 1987 г. миграционные показатели вернулись к отсчетной точке и снизились до показателей начала 60-х гг., а где-то даже и до показателей 40-х гг.

Настоящий расцвет притока мигрантов начался в 1987 г., а к началу 1990-х гг. вышел на свой пик после государственного переворота 1989 г. в Румынии, падения железного занавеса в 1991 г. и начала серии военных конфликтов в распадавшейся Югославии. Еще одним важным фактором роста миграционного сальдо стало вступление Австрии в Европейский Союз в 1995 г.

Именно в связи с вышеперечисленными событиями в Австрии произошел резкий рост миграционных показателей. Люди бежали от войны, просили убежища и искали работу после того, как потеряли все на родине. Иммиграционный прирост совпал со временем ускоренных темпов развития экономики Австрии. Ежегодный приток составлял порядка 80 тыс человек, что уже в скором времени осложнило ситуацию на рынке труда. Множество иммигрантов из бывших коммунистических республик увеличили общее число безработных в стране практически вдвое: с 5,9 до 9,1% [7].

Правительству пришлось в одно и то же время трансформировать миграционное законодательство для его соответствия нормам права ЕС («Закон о предоставлении убежища», «Закон об иммигрантах» и «Закон о пребывании», принятые в 1992–1993 гг.), а также вводить квоты и ограничения для въезда в страну, чтобы стабилизировать ситуацию на рынке труда. Остановить поток в полной мере не удалось, так как вступление страны в Сообщество спровоцировало большой приток иммигрантов в основном из соседних с Австрией стран, таких как Венгрия, Словакия, Польша, Румыния, Болгария и Хорватия. В итоге приток граждан из стран – членов ЕС к 2002 г. увеличился вдвое [4]. Тем не менее предпринятые меры смогли несколько стабилизировать число въезжающих в страну иностранцев за счет ужесточения приграничного контроля, однако число иммигрантов продолжало неуклонно расти.

Эта ситуация подтолкнула Австрию к перемене взглядов в отношении миграционной политики. Опыт первых лет последнего десятилетия наглядно продемонстрировал, что страна не в состоянии ограничи-

вать иностранным гражданам доступ на австрийский рынок труда, а вступление в ЕС *de facto* сделало это стремление попросту невыполнимым – в 1995 г. страна стала частью механизма, в котором одной из ключевых ценностей была свобода перемещения. Именно поэтому на смену регуляции пришел новый принцип – интеграция. После своего вступления в ЕС Австрия стала единственной страной, которая охотно приняла участие во всех интеграционных проектах Сообщества, тогда как другие государства-члены вступали в эти проекты чаще под нажимом, чем по собственной воле. Именно факт своего рода раздвоенности позиций в вопросах миграционной и интеграционной политики между странами – членами ЕС породил термин «гибкая интеграция», суть которой заключалась в том, что далеко не все страны были готовы следовать общей стратегии [8]. Следовательно, Австрия также не могла в полной мере извлечь выгоды от нового курса.

Тем не менее смена курса была логичным и необходимым шагом. К началу 2000-х гг. число иммигрантов продолжило расти: в период с 1997 по 1999 г. их насчитывалось порядка 298 тыс., а в 2004 г. – 379 тыс. человек. Кроме того, официальная перепись населения установила (по состоянию на 2004 г.), что 12,5% населения родилось за границей, причем эта цифра не включала в себя граждан с «иммигрантским прошлым», т.е. людей, чьи родители являются выходцами из других стран, в то время как сами они родились или выросли в Австрии [9].

В начале первого десятилетия нового тысячелетия в стране наметились серьезные перемены. Вступление и удачная ассимиляция в ЕС, а также географическое положение (Австрию фактически пересекало множество миграционных маршрутов) способствовали тому, что в стране наметился новый всплеск роста миграционного сальдо. Так, в значительной степени вырос приток граждан из Афганистана, Ирака, Нигерии и выходцев из Чеченской республики.

В начале 2000-х гг. миграционное сальдо держалось на отметке в 17 тыс. человек в год, однако уже в 2005 г. эта цифра выросла более чем в 2 раза (36 тыс. человек). Столь резкий прирост иностранного населения во многом обуславливался, как уже упоминалось ранее, вступлением Австрии в Европейский Союз (1995 г.) и его последующими расширениями (2004, 2007, 2013 г.), которые неизменно сказывались на миграционном балансе страны. Именно с расширением 2004 г., когда в состав ЕС вошли сразу 10 членов, связан столь мощный прирост мигрантов из стран Центральной и Восточной Европы. Соседние с Австрией и стабильно «снабжавшие» страну мигрантами Венгрия, Словения, Чехия, Словакия, а затем Румыния (2007 г.) и Хорватия (2013 г.) в значительной степени способствовали увеличению миграционного сальдо. Граждане этих государств в полной мере воспользовались возможностью свободного передвижения по территории Союза. Примечательно, что большинство мигрантов не задерживались на территории страны более 5 лет. Значительная часть иммигрантов отправлялась в Австрию на кратковременные заработки, о чем наглядно свидетельствуют данные об

эмиграциях, число которых приблизительно равно числу иммиграций.

В период с 2006 по 2010 г. число иммиграций сократилось вдвое, опустившись до средней отметки 22 тыс. человек в год. Так в 2006 г. миграционное сальдо достигло отметки в 24 тыс. человек, в 2007 г. эта цифра была приблизительно равна 25 тыс., в 2008 г. – 24 тыс., в 2009 г. по причине финансового кризиса приток иммигрантов в значительной степени сократился (до 17 тыс. человек), достигнув пикового минимума первого десятилетия 2000-х гг. [9].

Такому снижению миграционного сальдо способствовал ряд факторов, первым из которых стало начало регуляции иммиграции силами австрийского правительства. Это было связано с желанием привлечь на работу в Австрии как можно больше квалифицированной рабочей силы, сделать страну привлекательной с точки зрения образования для иностранных граждан и т.д. Для регуляции потока мигрантов, который плохо поддавался контролю со стороны государства, ввели ряд временных постановлений, направленных на ограничение доступа на территорию Австрии лицам из стран «новой волны ЕС». Введение этих мер было в первую очередь вызвано так называемым миграционным цунами (Flutwelle), суть которого заключалась в том, что в Австрию попадало большое количество низкоквалифицированной рабочей силы. Это вело к увеличению безработицы среди высококвалифицированных граждан страны, которые зачастую вынуждены были эмигрировать.

Для регуляции и фильтрации потока мигрантов были введены Общие временные стандарты и меры (Übergangsregelungen), которые реализовывались в период с мая 2004 по апрель 2011 г. Эти меры включали в себя три фазы: «2+3+2» по количеству лет их претворения в жизнь [10]. Эта программа в существенной степени позволила сократить приток мигрантов, не удовлетворявших ее требованиям.

Ее суть заключалась в предоставлении права доступа *не гражданам* Австрии из числа стран ЕС на австрийский рынок труда с рядом ограничений, необходимых для защиты прав *граждан* Австрийской республики. На ее реализацию отводились семь лет. Это время было разделено на три периода, в течение которых предпринимались следующие шаги:

1. В первые два года после въезда в страну для иностранных работников действовали общие правила доступа на рынок труда, установленные в Европейском Союзе.

2. Затем в действие вступала вторая фаза, в рамках которой страна должна была на законодательном уровне ограничить доступ на рынок труда гражданам стран-членов после предварительного согласования этих ограничений с Комиссией ЕС (если ограничения не согласовывались, то иностранные работники продолжали работать в соответствии с пунктом № 1).

3. В рамках третьей и заключительной фазы Австрия могла продлить действие ограничений в случае, если на рынке труда сохранялось или возникало кризисное положение, а также если в обозримом будущем рынку угрожало возникновение новых кризисных явлений [11]. Еще одним важным фактором сокращения

притока мигрантов стал мировой финансовый кризис, который привел к сокращению числа рабочих мест в стране, а, следовательно, и оттоку рабочей силы.

Так, например, темпы роста ВВП Австрии упали с +4% (2007 г.) до +2,3% (2008 г.), а в 2009 г. достигли рекордного минимума в – 4%. В последующие два года ситуация несколько выровнялась, но после начала миграционного цунами (Flutwelle) рост ВВП снова в значительной степени замедлился. В 2012 г. составил +1%, в 2013 г. – +0,6% и +0,7% – в 2014 г. [12].

Отток иностранных граждан также привел к значительному сокращению темпов промышленного производства, которые в 2009 г. достигли рекордного минимума первых десяти лет XXI в. – «минус» 11,6%, однако затем стремительно выросли до 7,0 и 7,5% за два последующих года соответственно, тем не менее, это был лишь временный всплеск, который вновь сменился серьезным падением. В 2012 г. темпы промышленного производства находились на отметке в 0,0%, в 2013 г. ситуация мало изменилась (+0,5%), а в 2014–2015 гг. произошел небольшой подъем – 1,8 и 1,1% соответственно [Там же].

Уровень безработицы на протяжении первых восьми лет нового тысячелетия стабильно находился на отметке в 4–5% в год, однако в 2010 г. вырос сразу на 2%: с 4,8 до 6,9% соответственно. В последующие годы уровень безработицы находился уже на отметке в среднем 5% в год, а в 2014–2015 гг. показатели несколько увеличились – 5,6 и 5,8% [Там же]. Причем пострадали преимущественно работники низкого уровня квалификации, т.е. иммигранты. Это также провоцировало их на поиски новых способов заработка в том числе и за пределами Австрии.

Следующий период наплыва мигрантов в Австрию принято считать настоящим вызовом. С 2011 г. в стране наблюдается резкий рост притока мигрантов – 31 тыс. против 21 тыс. в 2010 г. В 2012 г. это число составило уже 44 тыс., а в 2013 г. достигло отметки в 55 тыс. человек. В 2014 г. официально зарегистрированных мигрантов в Австрии было уже 72 тыс. человек, а в 2015 г. это число стало и вовсе беспрецедентным за все время ведения официальных статистических данных – 113 тыс. [4]. Нетрудно заметить, что в стране произошел настоящий миграционный бум.

Если на протяжении первого десятилетия 2000-х гг. миграция была в большей степени обусловлена рамками Европейского Союза и возможностью свободного передвижения по странам, входящим в его состав, то 2010 г. стал точкой отсчета второй волны миграции, связанной с событиями на Ближнем Востоке и Восточной Европе. Прирост военных беженцев в период с 2010 по 2015 г. из Сирии, Афганистана, Ирака и Украины, подавших заявления на предоставление убежища, вызывает серьезные опасения у правительства и граждан Австрии. Например, из Афганистана в период с 2000 по 2010 г. в Австрию под предлогом поиска убежища из-за войны в стране пребывания иммигрировали 32 тыс. человек, а за рассматриваемый нами период уже 178 тыс., т.е. в 5,5 раз больше [4]. Для сравнения: если из Сирии за первое десятилетие нового тысячелетия в Австрию иммигрировали около 1 500 человек, то с 2010 г. заявки подали уже 36 тыс. беженцев [4].

Впервые за многие годы в Австрии наблюдалось резко негативное отношение к мигрантам, вызванное рядом причин. Такой наплыв человеческой массы создал дефицит жилья, который государство должно было покрыть в максимально короткие сроки. Еще больше проблем возникло с детскими садами и рынком труда Австрии, в который в максимально короткие сроки было необходимо интегрировать большое количество человек с разной квалификацией, знаниями, происхождением и т.д. Все эти меры потребовали большего увеличения числа социальных выплат и государственных расходов, что в австрийском обществе воспринималось и воспринимается с большим негативом и настраивает его против новой миграционной волны.

В 2011 г. австрийское правительство предприняло попытку реформирования системы управления миграционными потоками для привлечения высококвалифицированной рабочей силы по схеме «Красно-Бело-Красная Карта» (Rot-Weiß-Rot Karte), согласно которой большими привилегиями при въезде в страну пользовались высококвалифицированные специалисты, специалисты в дефицитных профессиях, ценные рабочие кадры, выпускники австрийских вузов [13].

Однако эта программа, хоть и имела определенный успех, не способствовала значительному снижению числа иммигрантов, среди которых и правительство, и гражданское общество особенно беспокоили выходцы из мусульманских стран и ассоциируемая с ними террористическая угроза.

Итогом такого наплыва иностранных граждан стали рост недоверия к ним и желание правительства страны обеспечить усиленный контроль над границами. Это было вызвано не только количеством иммигрантов, осевших в стране, но и потоками так называемых маятниковых мигрантов или транзитных мигрантов (Pendelmigranten), т.е. людей, которые используют Австрию и соседние с ней государства в качестве территорий, через которые пролегают их миграционные маршруты на север Европы, например в Германию, Швецию или Норвегию.

Так, в начале 2016 г. канцлер Австрии Вернер Файманн заявил о приостановлении действия Шенгенских соглашений, заявив о неспособности ЕС контролировать свои внешние границы. Австрийские силы безопасности объявили о введении тщательного мониторинга прибывающих в страну лиц и готовности выдворять мигрантов, не получивших статус «беженец» [14]. Кроме того, Австрия стала одной из первых стран, установивших пограничный контроль своей территории. Австрийский министр внутренних дел Йоханна Микль-Ляйтнер заявила о необходимости принятия этого шага, так как в 2015 г. число прибывших в страну мигрантов достигло 1% от общей численности населения.

Реакцией австрийского правительства на события начала второго десятилетия XXI в. стал перезапуск доказавшей свою эффективность системы Временных постановлений (Übergangsregelungen), которая уже претворялась в жизнь в 2004 г.

Новые стандарты доступа к рынку труда в Австрии также были разделены на три фазы («2+3+2») и регулировались такими же нормами, что и аналогичная программа 2004 г., однако круг ограничений был значительно расширен. Кроме Австрии, меры похожего характера приняли еще 13 стран ЕС, например Бельгия, Кипр, Франция, Германия, Греция, Италия и т.д. [11]. Эта инициатива коснулась в большей степени граждан Хорватии, а также Румынии и Болгарии, которые являются «донорами» рабочей силы для Австрийской республики [15].

Согласно официальным данным, к 2020 г. население страны должно вырасти с 8,4 до 8,8 млн человек, а к 2025 г. это цифра изменится уже до 9,0 млн. Если проблема мигрантов так и останется нерешенной, то прирост населения будет стабильно расти. К 2030 г. эта цифра будет находиться в районе 9,2 млн человек со средним ежегодным приростом порядка 200 тыс. человек [4]. Однако как это будет выглядеть в реальности, не ясно. Это наглядно демонстрируют данные последних лет, когда поток мигрантов разошелся с планом службы статистики на 300 тыс. человек.

Миграция в Австрии со времен окончания Второй мировой войны была важным двигателем экономики страны и занимала важное место в ее политической деятельности. Рабочая сила из стран ближнего зарубежья всегда пользовалась повышенным спросом на протяжении всего XX в., а Австрия страна во многом была не только работодателем, но и центром «схода» людей со всех концов Европы.

Новое тысячелетие стало новым этапом в отношениях между мигрантами и Австрией. Вступление в Европейский Союз, попытки модернизации миграционного законодательства позволили правительству с переменным успехом справляться с потоком мигрантов, которые не только интегрировались и интегрируются в общество, но были и остаются двигателем австрийской экономики. Последние пять лет серьезно изменили отношение к мигрантам в стране из-за мирового финансового кризиса, войн в Восточной Европе и на Ближнем Востоке, которые спровоцировали настоящее миграционное нашествие, вносящее дисбаланс в австрийское общество, и породили множество проблем в стране (в первую очередь экономического и социального характера). Жесткие меры по снижению притока иммигрантов все еще не принесли видимого результата, однако уже сейчас можно с уверенностью заключить, что Австрия стоит перед самым большим миграционным вызовом за всю свою современную историю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dr. Bernhard Perchinig. Migration und Integration in Österreich – Herausforderung und Chance, 2013. FH Kärnten, Feldkirchen. S. 4. URL: <http://www.plattform-migration.at/index.php?id=346> (дата обращения: 14.07.2016).
2. Bauer W.T. Zuwanderung nach Österreich, 2008. S. 22. URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/zuwanderung_nach_oesterreich_studie2008_oegpp.pdf (дата обращения: 14.02.2017).

3. Parlament Republik Österreich – Parlament erklärt: Wirtschaftlicher Wiederaufbau. URL: <https://www.parlament.gv.at/PERK/HIS/REP2/1947-1970/index.shtml> (дата обращения: 14.02.2017).
4. Австрийский центр информации и статистики. URL: http://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/wanderungen/index.html (дата обращения: 13.07.2016).
5. Münz R., Zuser P., Kytir J. Grenzüberschreitende Wanderungen und ausländische Wohnbevölkerung: Struktur und Entwicklung // Heinz Faßmann und Irene Stacher (Hrsg.), Österreichischer Migrationsund Integrationsbericht. Demographische Entwicklungen – sozio-ökonomische Strukturen – rechtliche Rahmenbedingungen, Wien, 2003.
6. Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. Nr. 218/1975 – RIS, 14 Seiten. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1975_218_0/1975_218_0.pdf (дата обращения: 14.07.2016).
7. Сайт по вопросам миграции в Австрии – Statistische Übersichten 2004. URL: <http://www.migration.gv.at/> (дата обращения: 12.07.2017).
8. Fritz Breuss. Meilensteine in der wirtschaftlichen Entwicklung der Integration. Verlag Österreich, Wien, 2015. S. 8. URL: http://fritz.breuss.wifo.ac.at/Breuss_Meilensteine_Oesterreich-EU-Integration.pdf (дата обращения: 16.07.2016).
9. Harald Waldrach, Dilek Cinar. Staatsbürgerschaftspolitik und Einbürgerungspraxis in Österreich // Heinz Faßmann und Irene Stacher (Hrsg.), Österreichischer Migrations- und Integrationsbericht. Demographische Entwicklungen – sozioökonomische Strukturen – rechtliche Rahmenbedingungen, Wien, 2003. 282 s.
10. Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdossiers/57427/uebergangsregelungen> (дата обращения: 13.07.2016).
11. Bericht der Kommission an den Rat über die Anwendung der Übergangsregelungen für die Freizügigkeit von Arbeitnehmern. URL: http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Pressemitteilungen/2015/freizuegigkeit-kroatien.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 10.02.2017).
12. Макроэкономические показатели Австрийской экономики. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?count=austria&razdel=country> (дата обращения: 13.07.2016).
13. Leben und Arbeit in Österreich. URL: <http://www.migration.gv.at/de/formen-der-zuwanderung/dauerhafte-zuwanderung-rot-weiss-rot-karte.html> (дата обращения: 22.04.2017).
14. Австрия приостановила Шенген. URL: <http://expert.ru/2016/01/17/avstriya-priostanovila-shengen/> (дата обращения: 23.02.2017).
15. Übergangsregelungen für Arbeitskräfte aus Bulgarien, Rumänien und Kroatien. URL: http://www.migration.gv.at/fileadmin/downloads/infoblaetter/uebergangsregelungen_fuer_Bulgarien_Rumaenien_Kroatien.pdf (дата обращения: 18.07.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июля 2019 г.

The Migration Policy of Austria: From Regulative Measures to Integration

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 96–101.

DOI: 10.17223/15617793/446/13

Konstantin P. Andreev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreev92@mail.ru

Keywords: migration in Austria; migration policy; European Union; integration.

The article is devoted to the problems and history of the Austrian migration policy and its evolution in the period from 1945 to 2015. In the article, the author is concerned with the migration projects of the Austrian government throughout different periods in the country's history. The author emphasizes two key directions of migration policy – regulative measures between 1945 and 1995, which were directed to the regulated decrease of the country's migration levels, and the period of intensive integration from 1995 until 2015. During the first period, the Austrian government was in need of cheap labor force from abroad. The need was determined by the lack of local labor force of different qualification levels and the fast economic growth of the country after the Second World War. At the beginning of the 1960s, the treaties with Spain, Italy, Turkey and Yugoslavia were signed, which helped Austria fill its labor market with cheap and accessible workers despite the fact that the first agreements with Spain and Italy did not succeed. Although the labor force agreements had brought remarkable benefits to the economy, in the 1970s the Gastarbeiter-policy began to change the situation in the labor market in a negative way. The number of migrants grew too fast and this number was bigger than initially expected in the early 1960s. The 1973 oil crisis and high unemployment rates of migrants forced the Austrian government to introduce new regulative measures and laws, which aimed to reduce the number of migrants in the country and attract more people with high education and qualification levels into the country. The author of the article emphasizes that by the end of the 1980s the number of migrants was partly reduced, but at the beginning of the 1990s Austria faced three very important challenges. After the end of the Cold War, a lot of people from Central and Eastern Europe flew into Austria to find a new home and work places. Moreover, the war in Yugoslavia also started massive migration processes in Europe, which were nearly connected with the Austrian territory because of the fact that Austria is crossed by many migration routes. In this period, Austria also prepared to enter the European Union. It was the time of total change in Austrian migration policy. Today Austria faces one of its biggest migration challenges in the history of this country which emerged after the migration crisis in Europe had started. The author describes the measures taken to prevent and to cope with the migrant flows and researches the perspectives and plans of the migration policy of Austria related to the further decades. The author concludes that although the crisis was a huge challenge for the migrant policy institutions of Austria, the reaction of the Austrian government was an adequate establishment of new forms of migration regulations which led to the reduction of immigrant flows but did not bring the expected result.

REFERENCES

1. Perchinig, B. (2013) *Migration und Integration in Österreich – Herausforderung und Chance*. FH Kärnten, Feldkirchen. [Online] Available from: <http://www.plattform-migration.at/index.php?id=346>. (Accessed: 14.07.2016).
2. Bauer, W.T. (2008) *Zuwanderung nach Österreich*. [Online] Available from: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/zuwanderung_nach_oesterreich_studie2008_oegpp.pdf. (Accessed: 14.02.2017).
3. Parlament Republik Österreich. (n.d.) *Parlament erklärt: Wirtschaftlicher Wiederaufbau*. [Online] Available from: <https://www.parlament.gv.at/PERK/HIS/REP2/1947-1970/index.shtml>. (Accessed: 14.02.2017).
4. Statistics Austria. (2002) *Wanderungen*. [Online] Available from: http://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/wanderungen/index.html. (Accessed: 13.07.2016).
5. Münz, R., Zuser, P. & Kytir, J. (2003) Grenzüberschreitende Wanderungen und ausländische Wohnbevölkerung: Struktur und Entwicklung. In: Faßmann, H. & Stacher, I. (Hrsg.) *Österreichischer Migrationsund Integrationsbericht. Demographische Entwicklungen – sozio-ökonomische Strukturen – rechtliche Rahmenbedingungen*. Klagenfurt: Drava.

6. Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. Nr. 218/1975 – RIS, 14 Seiten. [Online] Available from: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1975_218_0/1975_218_0.pdf. (Accessed: 14.07.2016).
7. MIGRATION.GV.AT. (2004) *Statistische Übersichten 2004*. [Online] Available from: <http://www.migration.gv.at/>. (Accessed: 12.07.2017).
8. Fritz, B. (2015) *Meilensteine in der wirtschaftlichen Entwicklung der Integration*. Wien: Verlag Österreich. [Online] Available from: http://fritz.breuss.wifo.ac.at/Breuss_Meilensteine_Oesterreich-EU-Integration.pdf. (Accessed: 16.07.2016).
9. Waldrauch, H. & Cinar, D. (2003) Staatsbürgerschaftspolitik und Einbürgerungspraxis in Österreich. In: Faßmann, H. & Stacher, I. (Hrsg.) *Österreichischer Migrations- und Integrationsbericht. Demographische Entwicklungen – sozio-ökonomische Strukturen – rechtliche Rahmenbedingungen*. Klagenfurt: Drava.
10. Heinen, M. & Pegels, A. (2006) *Die Übergangsregelungen*. [Online] Available from: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdossiers/57427/uebergangsregelungen>. (Accessed: 13.07.2016).
11. EC. (2015) *Bericht der Kommission an den Rat über die Anwendung der Übergangsregelungen für die Freizügigkeit von Arbeitnehmern*. [Online] Available from: http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Pressemitteilungen/2015/freizuegigkeit-kroatien.pdf?__blob=publicationFile. (Accessed: 10.02.2017).
12. Ereport.ru. (2016) *Makroekonomicheskie pokazateli Avstriyskoy ekonomiki* [Macroeconomic indicators of the Austrian economy]. [Online] Available from: <http://www.ereport.ru/stat.php?count=austria&razdel=country>. (Accessed: 13.07.2016).
13. MIGRATION.GV.AT. (n.d.) *Dauerhafte Zuwanderung*. [Online] Available from: <http://www.migration.gv.at/de/formen-der-zuwanderung/dauerhafte-zuwanderung-rot-weiss-rot-karte.html>. (Accessed: 22.04.2017).
14. Expert.ru. (2016) *Avstriya priostanovila Shengen* [Austria suspended the Schengen]. [Online] Available from: <http://expert.ru/2016/01/17/avstriya-priostanovila-shengen/>. (Accessed: 23.02.2017).
15. MIGRATION.GV.AT. (2013) *Übergangsregelungen für Arbeitskräfte aus Bulgarien, Rumänien und Kroatien*. [Online] Available from: http://www.migration.gv.at/fileadmin/downloads/infoblaetter/Uebergangsregelungen_fuer_Bulgarien_Rumaenien_Kroatien.pdf. (Accessed: 18.07.2016).

Received: 22 July 2019

А.В. Антошин, Ю.В. Запарий

ООН КАК ИНСТИТУТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

Анализируются оценки роли ООН как института глобального управления в российском эмигрантском дискурсе середины 1940-х – начала 1950-х гг. Доказано, что деятели российской антикоммунистической эмиграции заняли даже более непримиримую линию, чем политическая элита стран Запада. Они выступали против любых соглашений с Советским Союзом, полагая, что действия советской дипломатии заслуживают жесткой реакции со стороны ООН и мирового сообщества в целом. Фактически многие из них подталкивали Запад к эскалации напряженности, не останавливаясь перед возможностью глобального военного противостояния в условиях наличия оружия массового уничтожения.

Ключевые слова: русская эмиграция; Организация Объединенных Наций; холодная война; право вето; война в Корее.

Введение

Становление Организации Объединенных Наций (ООН) как важнейшего элемента послевоенного мироустройства проходило в условиях оформления bipolarного противостояния. Вопреки ожиданиям многих экспертов и общественных деятелей организация очень быстро стала одним из «фронтов холодной войны». Традиционно исследовательский интерес фокусируется на политике ведущих стран в ООН или же на конкретных конфликтах и кризисах, в урегулировании которых участвовала всемирная организация. Среди базовых работ можно отметить труды Э. Луарда, А. Даллина, Р. Хильдебранда, П. Кеннеди, И.В. Гайдук [1–5]. Однако само появление ООН на международной арене неразрывно связано с возрастающим влиянием общественного мнения, а также интересом общества в целом к вопросу поддержания справедливого миропорядка и регулирования международных отношений. Именно поэтому представляется актуальной проблема восприятия ООН общественными организациями и движениями, отелльными социальными группами. Обращение к этой тематике позволяет увидеть, что для каждого поколения характерен свой «набор» ожиданий, вопросов и критических замечаний по отношению к организации. Некоторые из этих элементов определяют и современный имидж Организации.

Русская диаспора второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. являлась значимой, но сильно фрагментированной общественной группой в ряде стран Запада. Представители разных поколений и «волн» эмиграции из Российской империи – Советской России – СССР, входили в группы экспертного сообщества эпохи холодной войны, рассеянные по разным континентам. После Второй мировой войны основные политические центры русского зарубежья переместились из Европы за океан (прежде всего в США), где к этому времени проживали до 70% русских эмигрантов. Численность «неассимилированной» части диаспоры, на которую мог рассчитывать Запад в условиях холодной войны, аналитиками-антикоммунистами оценивалась примерно в 260 тыс. человек [6. С. 175]. Вместе с тем политическая палитра русского зарубежья этого периода отнюдь не исчерпывалась антикоммунистами. Вторая мировая война вызвала симпа-

тии к Советскому Союзу в разных странах, произошел всплеск патриотизма и среди части русских эмигрантов. Во Франции, Югославии и ряде других стран стали возникать эмигрантские союзы советских патриотов, началось массовое принятие их членами советского гражданства. Только в 1945 г. во Франции 11 тыс. эмигрантов пожелали вернуться в Советский Союз [7. С. 175].

В условиях блокового противоборства русским эмигрантам их деятельности и заявлениям уделялось особое внимание. И СССР, и США стремились использовать деятелей Русского зарубежья в информационной войне. Представители русской эмиграции стремились выступать субъектами, а не объектами глобального конфликта, играть самостоятельную роль в холодной войне. Они внимательно следили за развитием международных процессов, понимая, что от этого может зависеть их дальнейшая судьба. Неслучайно среди них были исследователи (например, проживавшие в США социал-демократы Борис Николаевский и Давид Далин), которые заложили основы американской советологии [8. С. 93]. Обращение к позиции представителей экспертного сообщества русской эмиграции позволяет выявить спектр мнений и оценок деятельности ООН на начальном этапе ее существования.

Исследования и источники

Данная тема относится к числу практически неизученных сюжетов в истории холодной войны. Проблема восприятия ООН общественным мнением исследована в основном на материалах американской печати [9–11], обобщение позиции экспертного сообщества и позиций отдельных групп и сообществ не проводилось. Тема восприятия российскими эмигрантами, в том числе проживающими в США, международных процессов начального периода bipolarного противостояния затрагивается фрагментарно [12–14]; можно выделить, пожалуй, только статью известного историка меньшевизма Андре Либиха [15]. Однако в ней анализируются лишь воззрения социал-демократической части эмигрантских политиков, к тому же вопрос о восприятии ими роли ООН в послевоенном миропорядке практически не затрагивается.

Источниковой базой исследования послужили документы, характеризующие базовые принципы поли-

тики ведущих государств – членов ООН, прежде всего США и СССР, в отношении Организации, а также материалы самой Организации: резолюции Совета Безопасности и Секретариата. Данный комплекс документов позволяет проследить динамику взаимоотношений сверхдержав в ООН и восстановить контекст общественной дискуссии о путях развития организации, ее роли в международных процессах. Авторами также привлекались публикации ведущих периодических изданий Русского зарубежья, где наиболее обстоятельно освещались проблемы мировой политики. Осуществлен анализ материалов как изданий просоветской направленности (парижские «Русские новости» и «Советский патриот»), так и антикоммунистической прессы (нью-йоркские «Новый журнал», «Новое русское слово», «Социалистический вестник»). Именно с этими изданиями сотрудничали ведущие эмигрантские эксперты-международники, именно в этих источниках наиболее обстоятельно рассматривались проблемы становления послевоенного миропорядка в условиях холодной войны. Кроме того, в настоящем исследовании использованы некоторые материалы личных архивов русских эмигрантов, хранящиеся в Гуверовском институте войны, революции и мира (Стэнфорд, США) и Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), а также фонды Архива внешней политики РФ.

Реалии послевоенного мироустройства и проекты «организации международной безопасности»: позиции русских эмигрантов

На заключительном этапе Второй мировой войны вопрос о послевоенном устройстве мира становился одним из центральных. Неудача проекта Лиги Наций заставляла искать новые варианты обеспечения глобальной и региональной безопасности. Однако вопрос о том, какой путь необходимо избрать мировому сообществу для достижения этой цели, был весьма дискуссионным. В этой атмосфере и появился проект создания ООН. Как его восприняли русские эмигранты?

Большинство политически активных представителей русской диаспоры находились на антикоммунистических позициях. Именно ими издавались и наиболее заметные в эпоху холодной войны русскоязычные периодические издания в США, где находился основной политический центр русского зарубежья. Эмигрантские аналитики сразу же обратили внимание на одно из положений Устава ООН, в котором подчеркивалось, что ООН должна противодействовать германской и японской агрессии. Лидер базировавшейся в США группы российских социал-демократов Р. Абрамович указывал, что угроза возрождения германского милитаризма устранялась с помощью других мер, которые были запланированы на Ялтинской конференции лидерами антигитлеровской коалиции. Он делал вывод о том, что Устав ООН нацелен на борьбу с «ветряными мельницами» и создавал бессмысленную международную структуру, «висевшую в воздухе» [16. С. 29]. Еще в феврале 1945 г., до начала работы ООН, антикоммунистиче-

ская часть экспертов весьма скептически оценивала потенциал Организации как института глобального управления. Эмигрантскому публицисту Ю. Денике, например, было очевидно, что еще создаваемая структура не станет «фактором самостоятельного значения», а будет лишь «ареной проявления отдельных сил» [17. С. 29].

Симпатизировавшая Советскому Союзу часть диаспоры была неоднородна. Некоторые печатные издания повторяли стереотипные тезисы советских средств массовой информации.

Советская оценка ООН на начальном этапе (1945–1946 гг.) определялась рядом факторов. С одной стороны, участие СССР в ООН свидетельствовало о высоком статусе страны в мире, подчеркивалась ее роль в создании организации: «Новая международная организация строится при активном участии Советского государства на основе тех принципов коллективной безопасности, которые в течение многих лет являлись краеугольным камнем внешней политики СССР» [18. С. 22]. С другой стороны, даже обладая правом «вето», Советский Союз оставался в меньшинстве и не чувствовал себя уверенно в Организации. В целом солидаризировались с советской позицией нью-йоркский «Русский голос», а также издававшийся в канадском Торонто «Вестник» – печатный орган Федерации русских канадцев.

Самостоятельный анализ международных проблем можно найти на страницах парижской газеты «Русские новости». Ее издавали старые русские либералы, которые также склонялись после Второй мировой войны к поддержке политики Советского Союза. Многие из них (например, А.Ф. Ступницкий, А.М. Михельсон, Б.Э. Нольде и др.) в 1920–1930-е гг. являлись ближайшими соратниками и последователями известного русского политика и историка П.Н. Милокова [19]. Продолжая линию покойного лидера, они стремились обосновать право Советского Союза на расширение своего влияния в мире. По мнению данной части эмигрантских аналитиков, обеспечение прочного мира невозможно без сохранения антигитлеровской коалиции после окончания Второй мировой войны. Самое важное – сохранить ту атмосферу сотрудничества, которая существовала в годы Второй мировой войны в отношениях СССР, США и Великобритании, а не создавать разнообразные международные организации. «Никакой наисовершенный статут (ООН. – *Прим. авт.*) не спасет мир, если это согласие будет нарушено» [20], – указывал публицист «Русских новостей» Л.М. Неманов.

Образовавшийся во Франции после войны Союз советских патриотов (ССП) объединил часть эмиграции, заявившую о полном принятии советской идеологии. Ее печатным органом стала газета «Советский патриот». Уже в первые месяцы после окончания Второй мировой войны публицисты органа ССП прямо подвергали сомнению тезис о том, что возможно построить мировой порядок на основе универсальных общечеловеческих ценностей. В целом большинство из них продолжали мыслить категориями политического реализма и атрибутивного подхода к роли силового фактора в международных отношениях. Эта си-

туация во многом формировала и концептуальные подходы большинства эмигрантских аналитиков к проблемам анализа международных процессов и к ООН в частности.

Впрочем, существовала и группа сторонников либеральных принципов организации нового миропорядка. Такие авторы, как О.В. Анисимов, полагали, что реализация проекта «Соединенные штаты земного шара» являлась единственной возможностью для демократического лагеря одержать победу в противостоянии с СССР. Они указывали, что если Запад будет вести войну за старые лозунги национального самоопределения, то Советский Союз обязательно выиграет, поскольку грядущая Третья мировая война будет тем конфликтом, где победу обеспечат социальные реформы, сокращение вооружений и «сверхнациональное единение» [21. С. 26].

Любопытно, что и на страницах просоветской прессы можно было встретить новые концептуальные подходы к обеспечению глобальной и региональной безопасности. Некоторые публицисты «Советского патриота» выходили за рамки классических концепций политического реализма, связанных с идеей баланса сил как наиболее прочной основы для установления мира. Они прямо утверждали: «На старых формулах и на обветшавших дипломатических привычках построить “мир всего мира” нельзя. Все крупнейшие конгрессы XIX и XX вв. ничего, кроме пресловутой идеи “политического равновесия”, приводящей к созданию вечно настороженных по отношению друг к другу государственных блоков, придумать не сумели» [22].

Какую же альтернативу традиционным концептуальным подходам предлагали «советские патриоты»? Речь шла о необходимости создания некоего единого блока «всех культурных государств». При всей привлекательности этого тезиса следует, как нам представляется, обратить внимание на два момента. Во-первых, конечно, остается не вполне ясным конкретный механизм реализации этого глобального проекта. Во-вторых, дискуссионным представляется и заявление его авторов о том, что подобная идея может быть «внушена отдельным вершителям современных международных отношений только представителем СССР» [Там же]. Именно в это время американские внешнеполитические эксперты выдвигали в чем-то схожие неклассические подходы к трактовке нового миропорядка.

Оценка российских эмигрантов потенциала и политической эффективности ООН в целом отражала основные точки зрения, которые высказывались в широком экспертном сообществе. Создание новой международной организации широко освещалось в прессе, начало работы ООН стало важным событием, которое обсуждали по обе стороны Атлантики. Сомнения в эффективности организации и большие ожидания в купе с первыми кризисами “холодной войны” породили дискуссию о реформе ООН, которую охотно поддерживали и многие политики.

Причины первых неудач ООН в урегулировании конфликтов часто связывались с политикой США. Антиамериканские установки играли существенную роль и при оценке просоветски настроенными эми-

грантами различных проектов реформирования ООН, которые начали появляться уже в первые послевоенные годы. По мнению публицистов «Русских новостей», именно стремление американцев и их союзников к политической и экономической гегемонии в мире стояло за нередко звучавшим в средствах массовой информации проектом «мирового правительства» [23]. Как уже отмечалось, группа «Русских новостей» продолжала воспринимать международные отношения с позиций классической геополитики начала XX в. Для этой части эмиграции концепция мирового правительства была неприемлема, поскольку в случае ее реализации резко снижалось значение отдельных национальных государств (прежде всего великих держав). Выступая против кардинального реформирования ООН, просоветски настроенные эмигрантские публицисты призывали опираться на ее уже существующие институты [24].

Дискуссия о реформе ООН отчетливо отражала настроения в обществе. В конце 1940-х гг. в средствах массовой информации все чаще стали говорить о неэффективности ООН и возможности новой мировой войны. Большинство русских эмигрантов-антикоммунистов были настроены оптимистично, разделяя убеждение о неизбежности победы США и их союзников в этом конфликте [25]. При этом, однако, вставал вопрос о том, что принесет эта победа мировому сообществу, за какие ценности будет бороться Запад в грядущем глобальном конфликте? По мнению видного деятеля русской диаспоры в США писателя Марка Алданова, политика Америки не основана на альтруистических соображениях. ООН, по его мнению, продолжает оставаться ареной отстаивания великими державами своих национальных интересов [26]. В случае начала нового глобального конфликта в США распространятся антирусские настроения, поэтому проживавшим в стране эмигрантам оставалось в этом случае занять только позицию молчания [27]. При этом заметим: письма Марка Алданова не оставляют сомнений в том, что он не возлагал серьезных надежд на миротворческий потенциал ООН. Пытаясь спрогнозировать развитие событий в мире в случае начала нового глобального конфликта, ни он, ни его корреспонденты – видные эмигрантские политики, даже не вспоминали о том, что именно в рамках ООН должны решаться споры между различными государствами. Это весьма симптоматично: уже во второй половине 1940-х гг. большинство современников понимали, что ООН не сможет предотвратить новый глобальный конфликт.

Право «вето»: сторонники и противники в русской диаспоре эпохи холодной войны

Совет Безопасности ООН по мере усиления противоречий между СССР и США стал местом ожесточенных дискуссий и трибуной для взаимных обвинений. Советский Союз, находясь в меньшинстве в ООН, уже в первые же месяцы работы организации стал применять право вето. С февраля 1946 г. по октябрь 1948 г. СССР в Совете Безопасности применил вето 30 раз, в то время как США ни разу не прибегли к этому праву. Активное применение вето Советским Союзом поро-

дило дискуссию среди экспертов по поводу возможного противодействия «злоупотреблению правом». Озабоченность проявили и государства – члены ООН. В ноябре 1946 г. Э. Бевин направил письмо В. Молотову, в котором отмечалось, что «применение права вето за последние месяцы... не учитывало необходимость единства... и вызвало почти всеобщую критику» [28. Л. 4]. Администрация Г. Трумэна не стремилась к отмене права вето, но искала пути разрешения ситуации блокирования Совета Безопасности. Осенью 1947 г. США предложили создать «межсессионный комитет» Генеральной Ассамблеи для рассмотрения вопросов, который Совет Безопасности был неспособен рассмотреть. Данное предложение прежде всего было направлено на ограничение советской политики в ООН.

Вопрос о праве вето активно обсуждался в эмигрантской прессе. Антикоммунистическая часть эмиграции считала его фактором, который снижал эффективность работы ООН. Как только конференция в Думбартон-Окс выработала проект Устава ООН, антикоммунистическая часть аналитиков сразу же обратила внимание на пункт о праве вето. По мнению Р. Абрамовича, именно Советский Союз закладывал эту «мину» под фундамент новой международной структуры. СССР, по его словам, срывал возможность построения «действительно властной и дееспособной международной организации для охранения мира» своим «ультимативным требованием», чтобы постоянные члены Совета Безопасности «имели право голосовать даже в тех случаях, когда они сами являются объектами жалоб со стороны обиженных ими стран». За ними же закреплялось и право «накладывать вето на все практические решения, которые могут быть приняты в Совете Безопасности против них как агрессоров и обидчиков» [16. С. 28]. Как свидетельствовала просочившаяся в прессу информация, Советский Союз был согласен только на то, чтобы Совет Безопасности мог вынести простым большинством «моральное осуждение» агрессору. Но, как справедливо заметил Р. Абрамович, этого «и в покойной Лиге Наций было сколько угодно», однако исторический опыт межвоенного периода показывал всю недостаточность и иллюзорность данного метода борьбы против агрессоров.

Эмигрантские аналитики признавали, что в рамках ООН существуют структуры и механизмы (Экономический и социальный совет, Международный трибунал, система контроля над управлением зависимыми территориями), которые могли принести немало пользы мировому сообществу. Однако право вето не позволяло создать эффективной системы коллективной безопасности. А это означало, подчеркивали эксперты-антикоммунисты, что мир снова начинал движение к новой глобальной войне: «Каждая страна по-прежнему будет сама заботиться о своей безопасности, и вместо ограничения вооружений мы будем наблюдать их рост до небывалых размеров, вместо системы коллективной безопасности образуются явных или тайных военных союзов, и послевоенная атмосфера будет ужасающе походить на новую предвоенную, что чувствуется уже и теперь» [29. С. 118]. А виной всему, полагали они, была позиция СССР, который настаивал на праве вето.

Наделение постоянных членов Совета Безопасности правом вето весьма критически было воспринято и частью просоветски настроенных эмигрантских экспертов. Так, барон Б.Э. Нольде уже в июле 1945 г. оценил результаты конференции в Сан-Франциско лишь как создание нескольких «говорилень», которые практически не имели перспектив выполнить возложенные на них функции» [30]. Со временем на страницах просоветски настроенной прессы начинал доминировать более позитивный взгляд на механизм права вето. Прежде всего, подчеркивалось, что ООН создавалась под влиянием печального опыта Лиги Наций. В ряде случаев идеальные принципы были принесены в жертву практической целесообразности, что делало ООН более устойчивой структурой. Именно данной цели и служило право вето. Публицисты «Русских новостей» указывали, что этот часто критикуемый механизм на самом деле отражал реальную ситуацию: «Великие державы по сути дела несут больше ответственности за поддержание мира и международного правопорядка, чем малые страны» [31]. Б. Лепковский на страницах «Советского патриота» высказывался еще более определенно: проблема состояла в том, что «далеко не все страны полностью обладают политической и, в особенности, экономической независимостью» [32]. В данном случае симпатизировавшая Советскому Союзу пресса намекала на то мощное экономическое влияние, которым обладали США в послевоенном мире. Поэтому в реальности идея отмены права «вето» была нацелена, доказывал Б. Лепковский, на мировое господство «англосаксонских империалистов» [Там же].

Первые кризисы холодной войны и сложности ООН в деле их урегулирования привели к росту критических публикаций, постепенно вопросы о международной организации уходят на второй план. Уже в 1946 г. упомянутый выше Ю.П. Денике довольно резко заметил, что ООН «почти все просто перестали интересоваться» [33. С. 147]. Публицисты из русских эмигрантских кругов считали, что главная причина неудач ООН заключается в следовании «принципу единогласия великих держав», который препятствовал принятию решения в конфликтной ситуации. Именно это привело к неработоспособности структуры ООН, поскольку любое мероприятие, направленное против великой державы, могло быть заблокировано ею с помощью механизма вето. В результате принудительные меры ООН могла применять лишь против малых и средних государств – «в той мере, в какой последние не сумели заручиться поддержкой великой державы» [34. С. 4]. Очевидно разочарование эмигрантских аналитиков в ООН как инструмента многосторонней дипломатии, способного гармонизировать отношения между сверхдержавами.

ООН в условиях Корейской войны: взгляд русских эмигрантов

Противоречия СССР и США обострились в связи с ситуацией на Корейском полуострове и грозили перерасти в военное столкновение. Для урегулирования конфликта между Северной и Южной Кореей применялись механизмы ООН. В отсутствие постоянного

представителя СССР при ООН, который бойкотировал заседания Совета Безопасности, впервые в истории Организации принимается резолюция, которая уполномочила страны-члены предпринять меры против Северной Кореи в рамках системы коллективной безопасности, предусмотренной VII главой Устава ООН. Под эгидой Организации создаются «войска ООН» и проводится военная операция для восстановления территориальной целостности Южной Кореи.

В условиях Корейской войны дискуссии о роли ООН в поддержании международного мира приобрели особую актуальность. Просоветски настроенные эмигрантские аналитики считали, что США лишь воспользовались ситуацией в Корее, чтобы усилить свои позиции в одном из важных регионов мира, и именно право вето являлось наиболее эффективным инструментом для противодействия такой политике. С точки зрения этой части русских эмигрантов, необходимо было укрепление Совета Безопасности ООН путем включения в число его постоянных членов Китайской народной республики (КНР). Усилия США, препятствовавших этому, как представлялось просоветской прессе, вели к дестабилизации ситуации в различных регионах мира.

Эмигрантские аналитики, стоявшие на антикоммунистических позициях, приветствовали создание войск ООН в Корее и призывали не идти на уступки Советскому Союзу по вопросу о допуске КНР в Совет Безопасности. Признание за КНР статуса постоянного члена совета, по их мнению, равносильно «ликвидации всякого сопротивления коммунизму» [35. С. 74]. Более того, как свидетельствуют исторические источники, некоторые бывшие представители высшего офицерского состава русской императорской армии (например, живший в 1950-е гг. в Парагвае генерал Н.Ф. Эрн) пытались организовать вербовку добровольцев для участия в Корейской войне в составе частей Д. Макартура. А проживавший в США бывший генерал-майор Генштаба Г. Ивицкий в сентябре 1950 г. направил меморандум Г. Трумэну с призывом формирования «русских воинских контингентов» в составе армии США (см. подробнее: [36. С. 129–130]).

Публицисты нью-йоркского «Нового русского слова» критиковали СССР за неконструктивную позицию в ООН. Постоянный представитель СССР при ООН Я. Малик «произносил бесконечные речи, не позволял принимать никаких решений и фактически совершенно саботировал сессию Совета Безопасности» [37]. Антикоммунистическая эмиграция подвергла критике попытки Советского Союза бойкотировать ООН и передать ряд важных вопросов на рассмотрение Совета министров иностранных дел стран – участниц антигитлеровской коалиции.

Как известно, такая политика бойкота и игнорирования ООН со стороны Советского Союза была связана с предпринятой по решению Совета Безопасности военной операцией в Корее. Эмигрантские аналитики отмечали, что эта операция была начата в расчете на то, что КНР не вмешается в события на полуострове. Однако обстановка стала развиваться совершенно иначе, в результате уже к началу 1951 г. войска ООН оказались в «безнадежной» ситуации. Фактически,

полагал Р. Абрамович, дело шло к «политической капитуляции» ООН перед китайской агрессией. Повторялась ситуация, которую мир наблюдал в дни бессилия Лиги Наций перед лицом итальянской экспансии в Эфиопии: «Малого агрессора наказать должно, большого же хищника трогать нельзя» [38. С. 2]. Все предложения, которые делали советские представители (например, высказанный в июне 1951 г. Я. Маликом план об отводе войск ООН за 38-ю параллель), рассматривались антикоммунистами как уловки, на которые попадались «наивные умиротворители» [39].

Анализируя советские инициативы в ООН об изъятии переговорного процесса из ведения командования вооруженных сил в Корее и о передаче вопроса на рассмотрение Совета Безопасности, в колонке «Нового русского слова» отмечалось, что эти предложения связаны со стремлением СССР сохранить свои позиции в регионе [40]. Признавалось, что советская позиция была юридически почти неуязвимой: СССР отстаивал необходимость решения ключевых проблем глобальной и региональной безопасности через орган, который и создавался для этой цели, – Совет Безопасности ООН. При этом, естественно, подразумевалось, что право «вето» позволит СССР эффективно отстаивать свои национальные интересы.

По мнению эмигрантских аналитиков, фактор права «вето» играл важную роль в расчетах советской дипломатии и при выдвижении еще одной инициативы – о созыве (согласно параграфу 28 Устава ООН) «периодического собрания» Совета Безопасности по Корее. Сделанное А.Я. Вышинским в самом начале 1952 г. предложение фактически повторяло идею Генерального секретаря ООН Трюгве Ли. Речь шла о возможности созыва чрезвычайных сессий Совета Безопасности с желательным участием в них министров иностранных дел пяти ведущих держав. При этом подразумевалось, что в работе такого собрания будет участвовать представитель КНР, и в этом вопросе СССР надеялся на поддержку азиатских стран – членов Генеральной Ассамблеи ООН [41].

Антикоммунистическая эмигрантская пресса негативно оценивала деятельность Советского Союза в ООН, который, как утверждалось, «расшатывает» международную организацию применением «вето». Характеризуя советских дипломатов, оппоненты большевизма стремились подчеркнуть нелегитимность представителей коммунистической России. Такие оценки, как «банда советских гангстеров», «стая советских воронов» и другие, должны были не только подчеркнуть экспансионистский характер внешней политики СССР, но и продемонстрировать мировой общественности, что эти дипломаты не имели право говорить от имени народов России.

Обострение отношений между сверхдержавами по корейскому вопросу провоцировало обсуждение проблемы Третьей мировой войны и судьбы ООН в случае начала нового глобального конфликта. Р. Абрамович, например, полагал, что в случае победы демократических стран ООН будет «на вершине могущества». Однако многолетний редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум не соглашался с такой

точкой зрения. Он подчеркивал, что фактически участниками войны на стороне Запада станут не Объединенные нации, а страны – члены НАТО, и «очень даже возможно, что Объединенные нации погибнут при первом же выстреле Третьей мировой войны, как погибла Лига Наций, когда грянула мнущая война» [42].

Эмигрантская антикоммунистическая пресса увязывала престиж ООН с активной антикоммунистической политикой США. Весьма показательна в этом плане реакция «Нового русского слова» на отказ политической комиссии Генеральной Ассамблеи ООН одобрить проект резолюции США с осуждением против нарушения Советским Союзом советско-китайского договора. При голосовании воздержались 11 стран – членов НАТО, отсюда делался вывод, что престиж США упал даже у тех, кто «без американской помощи не способны ни на какое сопротивление». С другой стороны, данные результаты символизировали и «разложение» ООН, вина за которое возлагалась на политическую элиту США, проявлявшую излишнюю готовность к компромиссам в ходе Корейской войны. «Когда войска Объединенных наций были в действии и били начавших агрессию коммунистов, – заявляло “Новое русское слово”, – авторитет США стоял очень высоко, и за ним шло большинство в Объединенных нациях. Когда же Вашингтон начал переговоры о “почетном”, а на самом деле недостойном, перемирии как преддверии к такому же миру, его авторитет стремительно пошел вниз, и Объединенные нации начали превращаться во второе издание покойной, бессильной и трусливой Лиги Наций» [43]. Иными словами, антикоммунистическая часть русской диаспоры была убеждена: только непримиримость по отношению к СССР и его союзникам может позволить сохранить как престиж США на мировой арене, так и роль ООН как ключевого института глобального управления.

Такая непримиримость, полагали они, была необходима, в частности, в вопросе о КНДР. Публицисты «Нового русского слова» подчеркивали, что до начала войны на полуострове ни США, ни ООН не признавали Северную Корею как субъект международного права. Однако уже к весне 1952 г. в ООН стали говорить о возможности разграничения по 38-й параллели, что фактически передавало север под власть коммунистов. Такая политика оценивалась этой частью русских эмигрантов как «Мюнхенский подход» [44], который уже погубил предшественницу ООН – Лигу Наций.

При этом антикоммунистическая часть диаспоры полагала, что необходимо продолжить давление в ООН на Советский Союз, представители которого иногда сами давали своим оппонентам материал для новых обвинений. Так, незадолго до смерти И.В. Сталина, отвечая в ООН представителю США, А.Я. Вышинский признал, что СССР продавал и будет продавать оружие КНР, т.е. армии, «воюющей против Объединенных наций». По мнению русских эмигрантов-антикоммунистов, вставал вопрос о том, что ООН должна принять меры против «враждебных действий» советского правительства [45].

По мнению антикоммунистической эмигрантской прессы, особым периодом в истории деятельности советской дипломатии в ООН стало весна–лето 1953 г. Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. поставила вопрос о том, какой будет новая внешняя политика СССР, отразятся ли на советской позиции в ООН «мирные намеки Маленкова, содержащиеся в речи над гробом Сталина и наделавшие столько шума на Западе» [46]?

Весной–летом 1953 г. тон А.Я. Вышинского в ООН действительно стал, по оценкам антикоммунистически настроенных аналитиков, «слаще меда». Однако это было временное явление. Уже осенью, по мнению «Нового русского слова», представитель СССР вернулся к прежней политической линии. На заседании комиссии ООН по разоружению А.Я. Вышинский раскритиковал проект постепенного разоружения, предложенный странами Запада, при этом США и их союзники вновь обвинялись в подготовке нападения на Советский Союз [47].

Таким образом, ситуация начала 1950-х гг. вновь ставила перед антикоммунистической частью русской эмиграции вопрос: каковы были перспективы ООН как института глобального управления? Конечно, признавал видный публицист Марк Вишняк, в структуре ООН есть организации (например, ЮНЕСКО), чья деятельность могла и дальше приносить пользу. Некоторые результаты деятельности ООН (в частности урегулирование конфликта между Нидерландами и Индонезией или создание государства Израиль) также оценивались Вишняком позитивно. Однако главная задача ООН – создать систему коллективной безопасности, эффективную в условиях «атомной эпохи» – не достигнута. И вина за это, по мнению антикоммунистического публициста, лежит на Советском Союзе, который во всех международных конфликтах проявлял «перманентную и абсолютную неподатливость». СССР отказывался от разрешения спорных ситуаций третьей стороной, поскольку, как заметил Вишняк, «третьей стороны для СССР не существует: кто не с нами, тот против нас» [48. С. 186]. Из этой ситуации, по замечанию эмигрантского аналитика, ООН долгое время выходила путем отступлений от своего Устава. В качестве примеров он приводил создание так называемой Малой Ассамблеи, а также принятие резолюции «Единство в пользу мира», позволявший передавать вопросы на рассмотрение Генассамблеи ООН в случае блокирования Совета Безопасности.

Однако в целом сложившаяся ситуация, по мнению М.В. Вишняка, обрекала ООН на «бездействие и конечный провал». Признаки этого были заметны уже в начале 1950-х гг. «Даже Южная Африка отказывается считаться с решениями Объединенных наций. И Индия с Пакистаном не внемлют предложениям Объединенных наций об организации плебисцита относительно Кашмира... Совет Безопасности в полном параличе» [Там же].

Какой же выход из данной ситуации виделся Марку Вишняку? Только один: исключение Советского Союза из ООН по статье 6 Устава за «систематическое нарушение» принципов деятельности этой орга-

низации. Только это могло позволить повысить эффективность деятельности ООН.

Однако в антикоммунистической публицистике начала 1950-х гг. можно было найти и более оптимистичные и одновременно реалистичные оценки ООН. Их авторы закономерно задавали вопрос: а существует ли реальная альтернатива той международной структуре, которая была создана в результате Второй мировой войны? В условиях наличия оружия массового уничтожения, усиления взаимозависимости между различными странами и регионами мира вставал вопрос о существовании, как выразился Н.С. Тимашев, некой «сцены», на которой по определенным правилам формировалась «равнодействующая сил, представленных государствами» [49]. До тех пор, пока в данной «сцене» были заинтересованы крупнейшие мировые державы, она имела условия для своего существования. В данном контексте можно было уже ставить вопрос о самих правилах «игры», на основе которых функционировала ООН, о тех рычагах воздействия, которыми она обладала. Иными словами, вставала проблема реформы ООН, о необходимости чего активно говорилось уже в начальный период существования этой организации.

Появление ООН в послевоенной международной системе породило активную общественную дискуссию. Представления русской диаспоры об ООН как институте глобального управления характеризуют отношение группы людей, которая априори в значительной степени сфокусирована на международной политике, так или иначе связывая с текущей полити-

кой свое будущее. При всей неоднородности оценок и суждений о настоящем и будущем ООН, присущей прессе российских эмигрантских кругов, очевидно, что организация воспринималась ими через призму биполярного противостояния. В значительной степени эмигрантские круги осознавали ограниченность политического влияния Организации. Но большинство подчеркивало идеологическую значимость ООН.

Для эмигрантской прессы характерно чрезмерное фиксирование на вопросах войны и мира, международно-правовых аспектах поддержания мира. Деятельность ООН в социальной и экономической сфере оставалась в тени и не вызывала интереса общественности.

Оценка эффективности деятельности ООН на начальном этапе холодной войны во многом зависела от идейно-политических установок эмигрантских аналитиков. Симпатизировавшие Советскому Союзу эксперты в целом выступали против реформирования базовых механизмов функционирования ООН. Но настроения в среде русской эмиграции, особенно в США, были созвучны антикоммунистической волне, накрывшей западное общество и прессу. Эмигрантская антикоммунистическая пресса уже на начальном этапе истории ООН не считала ее эффективным институтом глобального управления, видя ключевую проблему в наличии у постоянных членов Совета Безопасности права вето. Наиболее ярко различие этих подходов проявилось в годы Корейской войны, когда к ООН было приковано внимание многих эмигрантских средств массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luard E. A History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945–1955. London, 1982. 404 p.
2. Гайдук И.В. В лабиринтах холодной войны: СССР и США в ООН, 1945–1965. М. : ИВИ-ПАН, 2012. 304 с.
3. Dallin A. The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives. New York, 1962. 244 p.
4. Hilderbrand R. Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill ; London, 1990. 320 p.
5. Kennedy P. The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations. New York : Random House, 2006. 361 p.
6. Поремский В.Д. Стратегия антибольшевизской эмиграции. М., 1998. 286 с.
7. Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. М., 1987. 398 с.
8. Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. М., 1997. № 5. С. 93–112.
9. Scott W., Withey S. The United States and the United Nations: The Public View, 1945–1955. Greenwood Press, 1974. 314 p.
10. Petersen K. U.S. black newspaper coverage of the UN and U.S. white coverage, 1948–1975 // International Organization. 1979. Vol. 33 (4). P. 525–539.
11. Шарова А.Я. США и ООН: концепции и реальности (40–80-е годы). М., 1991. 126 с.
12. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. 414 с.
13. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических изданий русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2004. 413 с.
14. Рябова Л.К. «Новый журнал»: публицистика послевоенного периода (1945–1952) // Эмигрантика. Периодические издания Русского зарубежья. Вопросы источниковедческой критики. СПб., 2012. С. 439–458.
15. Liebach A. Mensheviks Wage the Cold War // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. P. 247–264.
16. Абрамович Р. Ялта и грядущий мир // Социалистический вестник. 1945. № 3–4. С. 26–30.
17. Денике Ю. Очертания нового миропорядка // Социалистический вестник. 1945. № 3–4. С. 21–30.
18. Коровин Е.А. О международных организациях мира и безопасности. М., 1945. 41 с.
19. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Cornell University Press, 1996. 379 p.
20. Русские новости. 1945. 1 июня.
21. Анисимов О.В. Советское поколение // Новый журнал. 1949. № 22. С. 122–129.
22. Советский патриот. 1946. 26 апреля.
23. Русские новости. 1947. 9 мая.
24. Советский патриот. 1947. 27 июня.
25. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder «M. Aldanov. 1948». Mark Aldanov to Vasily Maklakov. 29.12.1948.
26. Bakhmeteff Archive Research at Columbia University (BAR). Aleksandr A. Titov collection. Box 1. Folder «Aldanov M. A. 1948–1949». М.А. Алданов – А.А. Титову. 03.11.1948.
27. HIA. Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder «M. Aldanov. 1949». Mark Aldanov to Vasily Maklakov. 21.11.1949.
28. Архив внешней политики РФ. Ф. 047. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 4.
29. Социалистический вестник. 1945. № 11–12. С. 112–119.
30. Русские новости. 1945. 13 июля.
31. Русские новости. 1946. 5 апреля.

32. Советский патриот. 1946. 22 ноября.
33. Денике Ю. Защита цивилизации // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № 12. С. 141–148.
34. За свободу. Нью-Йорк, 1947. № 18. С. 3–4.
35. Социалистический вестник. 1951. № 4. С. 74–79.
36. Антошин А.В. Русская консервативная эмиграция в США в условиях Корейской войны // Новый исторический вестник. 2017. № 52. С. 121–140.
37. Новое русское слово. 1951. 25 июня.
38. Абрамович Р. Соотношение сил – мнимое и реальное // Социалистический вестник. 1951. № 1. С. 2–8.
39. Новое русское слово. 1951. 12 ноября.
40. Новое русское слово. 1952. 5 января.
41. Новое русское слово. 1952. 7 января.
42. Новое русское слово. 1952. 2 февраля.
43. Новое русское слово. 1952. 4 февраля.
44. Новое русское слово. 1952. 7 апреля.
45. Новое русское слово. 1953. 4 марта.
46. Новое русское слово. 1953. 30 марта.
47. Новое русское слово. 1953. 16 ноября.
48. Вишняк М.В. Почему не удастся перемирие в Корее? // Социалистический вестник. 1952. № 11–12. С. 183–186.
49. Новое русское слово. 1951. 28 января.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 августа 2019 г.

The United Nations as an Institute of Global Governance: A View of Russian Emigrants (Mid-1940s – Early 1950s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 102–110.

DOI: 10.17223/15617793/446/14

Alexey V. Antoshin, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Yulia V. Zapariy, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: julia.zapariy@mail.ru

Keywords: United Nations; veto power; Cold War; Russian emigration; Korean War.

The authors analyze approaches to the United Nations Organization as the global governance institute in the writings of Russian émigré circles. The analysis of the approaches of Russian emigration groups to the international organization of peace and security allows identifying the range of views on the UN and the rate of its public support in the early years of the UN existence. Research is based on the study of the leading periodicals of the Russian diaspora, documents from the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace (Stanford, USA), the Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (New York, USA) and the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (Moscow, Russia). The article focuses on the analysis of Russian political emigration's approaches to the key issues of the world politics at the early stage of the Cold War. Russian emigration experts attentively observed the developments in relations between the former Allies, some had great expectations about the United Nations, others criticized its structure and functions. After the Second World War, Russian emigration became more disintegrated. Anticommunist emigrants centered in the United States and usually followed a very conservative and critical approach, expecting nothing from international institutions and the United Nations Organization. Some emigrant factions that held the “patriotic line” quite often repeated the official Soviet position on the United Nations activities and criticized the United States for its policy. But the majority of Russian emigrant experts were very skeptical about the UN potential in the maintenance of international peace and security. The weakness of the organization was predetermined by its inability to compel to make peace and prevent conflicts between the superpowers. The article particularly covers the Russian emigrants' controversial attitude to the issue of veto power as the core mechanism of the UN Security Council. Russian emigrants criticized the Soviet Union's “abuse of veto power”, blaming the USSR for the United Nations' inefficiency to react to global problems. The authors also trace the evolution of different emigrant groups' approaches to the Korean war, 1950–53. They show that the anticommunist groups of Russian emigrants followed a much more irreconcilable line than the political elites of the Western countries. Such groups opposed any agreements with the Soviet Union, believing that the actions of Soviet diplomacy deserved a tough reaction from the UN and the world community. In fact, many of them pushed the West to the escalation of hostilities, despite the risk of a global military confrontation and the use of weapons of mass destruction. Russian emigration groups perceived the United Nations through the prism of a bipolar confrontation. They believed that the UN had a limited political influence but emphasized its ideological significance.

REFERENCES

1. Luard, E. (1982) *A History of the United Nations*. Vol. 1. London: Macmillan.
2. Gayduk, I.V. (2012) *V labirintakh kholodnoy voyny: SSSR i SShA v OON, 1945–1965* [In the labyrinths of the Cold War: USSR and USA in the UN, 1945–65]. Moscow: IWH RAS.
3. Dallin, A. (1962) *The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives*. New York: Praeger.
4. Hilderbrand, R. (1990) *Dumbarton Oaks. The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
5. Kennedy, P. (2006) *The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations*. New York: Random House.
6. Poremskiy, V.D. (1998) *Strategiya antibol'shevitskoy emigratsii* [Strategy of anti-Bolshevik emigration]. Moscow: Posev.
7. Osadchaya, A.P. et al. (1987) *Pochemu my vernulis' na Rodinu. Svidetel'stva reemigrantov* [Why we returned to our homeland. Evidence of remigrants]. Moscow: Progress.
8. Malia, M. (1997) *Iz-pod glyb, no chto? Ocherk istorii zapadnoy sovetologii* [From under the rubble, what? An Essay on the History of Western Sovietology]. (In Russian). *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 93–112.
9. Scott, W. & Withey, S. (1974) *The United States and the United Nations: The Public View, 1945–1955*. Greenwood Press.
10. Petersen, K. (1979) U.S. black newspaper coverage of the UN and U.S. white coverage, 1948–1975. *International Organization*. 33 (4). pp. 525–539.
11. Sharova, A.Ya. (1991) *SShA i OON: kontseptsii i real'nosti (40–80-e gody)* [USA and UN: concepts and realities ('40–'80s)]. Moscow: Nauka.
12. Nazarov, M.V. (1992) *Missiya russkoy emigratsii* [Mission of Russian emigration]. Stavropol: Kavkazskiy kraj.

13. Bazanov, P.N. (2004) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh izdaniy russkoy emigratsii (1917–1988)* [Publishing activities of political publications of the Russian emigration (1917–88)]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts.
14. Ryabova, L.K. (2012) ["Novyy Zhurnal": journalism of the post-war period (1945–52)]. *Emigrantika. Periodicheskie izdaniya Russkogo zarubezh'ya. Voprosy istochnikovedcheskoy kritiki* [Emigrantica. Periodicals of the Russian abroad. Questions of source criticism]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 439–458. (In Russian).
15. Liebich, A. (1995) Mensheviks Wage the Cold War. *Journal of Contemporary History*. 30. pp. 247–264.
16. Abramovich, R. (1945) Yalta i gryadushchiy mir [Yalta and the world to come]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 3–4. pp. 26–30.
17. Denike, Yu. (1945) Ochertaniya novogo miroponyadka [Outlines of the new world order]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 3–4. pp. 21–30.
18. Korovin, E.A. (1945) *O mezhdunarodnykh organizatsiyakh mira i bezopasnosti* [About international organizations of peace and security]. Moscow: tip. im. Stalina.
19. Stockdale, M.K. (1996) *Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*. Cornell University Press.
20. *Russkie novosti*. (1945) 1 June.
21. Anisimov, O.V. (1949) Sovetskoe pokolenie [Soviet generation]. *Novyy zhurnal*. 22. pp. 122–129.
22. *Sovetskiy patriot*. (1946) 26 April.
23. *Russkie novosti*. (1947) 9 May.
24. *Sovetskiy patriot*. (1947) 27 June.
25. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder "M. Aldanov. 1948". *Mark Aldanov to Vasily Maklakov*. 29.12.1948.
26. Bakhtmeteff Archive Research at Columbia University (BAR). Aleksandr A. Titov collection. Box 1. Folder "Aldanov M. A. 1948–1949". *M.A. Aldanov to A.A. Titov*. 03.11.1948. (In Russian).
27. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Folder "M. Aldanov. 1949". *Mark Aldanov to Vasily Maklakov*. 21.11.1949.
28. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation. Fund 047. List 1. Folder 1. File 3. Page 4. (In Russian).
29. *Sotsialisticheskiy vestnik*. (1945) 11–12. pp. 112–119.
30. *Russkie novosti*. (1945) 13 July.
31. *Russkie novosti*. (1946) 5 April.
32. *Sovetskiy patriot*. (1946) 22 November.
33. Denike, Yu. (1946) Zashchita tsivilizatsii [Defense of civilization]. *Novyy zhurnal*. (New York). 12. pp. 141–148.
34. *Za svobodu*. (New York). (1947) 18. pp. 3–4.
35. *Sotsialisticheskiy vestnik*. (1951) 4. pp. 74–79.
36. Antoshin, A.V. (2017) Russkaya konservativnaya emigratsiya v SShA v usloviyakh Koreyskoy voyny [Russian conservative emigration to the USA during the Korean War]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 52. pp. 121–140.
37. *Novoe russkoe slovo*. (1951) 25 June.
38. Abramovich, R. (1951) Sootnoshenie sil – mnimoe i real'noe [The balance of powers: imaginary and real]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 1. pp. 2–8.
39. *Novoe russkoe slovo*. (1951) 12 November.
40. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 5 January.
41. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 7 January.
42. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 2 February.
43. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 4 February.
44. *Novoe russkoe slovo*. (1952) 7 April.
45. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 4 March.
46. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 30 March.
47. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 16 November.
48. Vishnyak, M.V. (1952) Pochemu ne udaetsya peremirye v Koree? [Why is the truce in Korea failing?]. *Sotsialisticheskiy vestnik*. 11–12. pp. 183–186.
49. *Novoe russkoe slovo*. (1953) 28 January.

Received: 01 August 2019

С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

ГЛОБАЛЬНАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ¹

Статья подготовлена по материалам исследований по темам Государственного задания Института географии РАН (№ 0148-2019-0008) и Института Африки РАН (№ 0192-2019-0021).

Анализируется миссионерская деятельность христианских церквей в последнее столетие. Авторы считают, что в течение XX в. произошла существенная трансформация структуры миссионерских потоков христианских, особенно протестантских, церквей. Ими выявлено существование трех основных центров, направляющих протестантских миссионеров в другие страны мира: Североамериканского – ориентированного на страны Азиатско-Тихоокеанского региона; Европейского – связанного с Южной Азией и Африкой; Западно-Тихоокеанского, вектор действия которого имеет европейское и восточно-азиатское направления.

Ключевые слова: христианство; миссионерская деятельность; трансформация; вторичная евангелизация; мир; регионы; страны.

Активное миссионерство – это важнейшая отличительная черта всех мировых религий – христианства, ислама и буддизма. Мировые религии, которые по сути всегда были глобальны уже в силу своего вероучения, отрицающего значимость культурных и этнических границ, используют современную эпоху глобализации в своих интересах, повсюду приобретая новых адептов. Наиболее активно в этом отношении христианство: ныне около 26% роста числа его адептов обеспечивает переход в христианство из других религий (религиозная конверсия), что является показателем высокой эффективности миссионерской деятельности христианских церквей мира [1].

Миссионерство в христианстве имеет большую историческую традицию, ибо она опирается на прямое указание Иисуса Христа, данное своим последователям и содержащееся в Евангелии: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам...» (Мф. 28:19–20). Поэтому в христианстве «миссионерство» и «евангелизация» понимаются как синонимы.

Активизация миссионерской деятельности христианских церквей исторически соответствует эпохе колониализма. Католические миссионеры начали свою деятельность за пределами Европы в XV–XVI вв. в испанских и португальских колониях в Латинской Америке; несколькими столетиями позже к ним присоединились их протестантские «коллеги», начавшие свою проповедь в Северной Америке, а затем, совместно с католиками, и в других регионах мира, где создавались европейские колонии. Первоначально европейские миссионеры действовали заодно с колониальными властями, помогая колонизаторам укреплять свою власть над местным населением. В среде миссионеров господствовало убеждение в необходимости искоренения «пережитков язычества» в колониях, под которым часто понималась вся самобытная культура автохтонного населения: в конечном счете, миссионерская деятельность принимала агрессивные, иногда даже расистские черты.

Однако достаточно скромные результаты подобного миссионерства, наталкивавшегося на ожесточенное сопротивление местного населения, побудили христианские церкви к пересмотру принципов своей

деятельности в Азии и Африке. Такие миссионеры, как протестанты Г. Венн, Р. Андерсон и Р. Аллен, католик Ш. Лавижери настаивали на необходимости адаптации христианского вероучения к местным традициям. Согласно стратегии Венна–Андерсона–Аллена важнейшая цель, определяющая деятельность протестантских миссионеров фактически до настоящего времени, – создание жизнеспособной церкви, состоящей из местного населения, которая может поддерживать свою деятельность, опираясь на собственные ресурсы. Так, в своем меморандуме от 1851 г. Г. Венн писал о необходимости формирования «поместной церкви под руководством местных пасторов на основе экономической самостоятельности, самоуправления и саморазвития» [2. Р. 28].

Кардинал Ш. Лавижери – первый архиепископ Алжира (с 1867 по 1892 г.) и основатель Конгрегации белых отцов – настаивал на «африканизации» католической церкви путем приобщения миссионеров к местным обычаям и языку, а также привлечения к миссии местного населения. Обращаясь к католическим миссионерам, Ш. Лавижери писал: «Любите народы, к которым вы посланы. Любите их тем больше, чем более они слабы и убоги. Любите Африку, такую далекую от нас, за кровавые раны ее рабства, за вопли страдания, столько веков доносящиеся из ее глубин, любите Африку...» (цит. по: [3. С. 1463]). Идеи Ш. Лавижери определили парадигму миссионерской деятельности католической церкви после Второго Ватиканского собора (1965 г.) и были закреплены в его декрете о миссионерской деятельности, названном *Ad Gentes* (лат. – к народам). Декрет обязывает католических миссионеров к единству с народами, среди которых они ведут свою деятельность, «в уважении и любви, признавать себя членами человеческого сообщества, в котором они живут, и участвовать в культурной и общественной жизни посредством различных связей и занятий, свойственных жизни человека. Им следует близко познакомиться с их национальными и религиозными традициями, с радостью и уважением вскрывая заложенные в них семена Слова» [4. С. 366].

Глобальный масштаб миссионерской деятельности требовал от многочисленных протестантских церквей,

которые, в отличие от католиков, не имели единого духовно-административного центра, объединения своих ресурсов, а также выработки новых методов миссионерства. В результате миссионерская стратегия Венна–Андерсона–Аллена как наиболее эффективная получила признание большинства протестантских деноминаций и миссионерских обществ Европы и Северной Америки, которые собрались в 1910 г. на Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге (Шотландия). Дальнейшее развитие методы миссионерской работы в протестантизме получили на Лозаннском конгрессе (Швейцария) в 1974 г., положившем начало так называемому Лозаннскому движению, объединившему большинство протестантов в деле евангелизации всего мира.

На второй конференции Лозаннского движения (Лозанна II), состоявшейся в 1989 г. в Маниле (Филиппины), протестантским проповедником Л. Бушем было введено понятие «окно 10–40» (или «пояс сопротивления»), обозначающее страны, расположенные между 10 и 40 градусами северной широты, т.е. большинство государств Северной и Западной Африки, а также почти всю Азию (в том числе, Китай и Индию) [5]. В этих регионах мира христианским миссионерам труднее всего вести свою деятельность, что объясняется тем, что большинство их населения исповедует ислам, индуизм и буддизм, а правительства стран, в них входящих, всячески затрудняют функционирование христианских церквей. Несмотря на культурные, религиозные, языковые и политические препятствия, с которыми сталкиваются миссионеры в странах «окна 10–40», их деятельность здесь востребована, ведь в этих странах проживает более 80% самых бедных людей в мире и 62% людей, не имеющих доступ к христианским ресурсам (христианские центры, литература, носители христианства) [6]. Таким образом, определяющей формой миссионерства в странах «окна 10–40» становится социальная деятельность (организация больниц, школ, небольших предприятий, строительство дорог и т.п.) – «ключ» к христианизации местного населения. О том, сколь успешна деятельность христианских миссионеров в странах «окна 10–40», можно судить по тому, что все 20 стран мира, в которых в XXI в. численность христианского населения растет самыми высокими темпами, находятся в «поясе сопротивления» (в том числе Китай, Саудовская Аравия, Мали, Камбоджа, Непал, Йемен, Сингапур и др.) [7].

Таким образом, к числу важнейших особенностей современного миссионерства, позволивших ему охватить фактически все страны мира независимо от их культурных или социально-экономических особенностей, по нашему мнению, следует отнести:

1) установку на формирование экономически независимой христианской общины, функционирующей без поддержки материнской церкви;

2) особое внимание к подготовке собственных кадров, которые проходят обучение на месте;

3) конверсия больше не воспринимается как единственная цель миссионера; значительное внимание уделяется улучшению социально-экономического положения местного населения – таким образом, мис-

сионерская деятельность должна сочетаться с социальной активностью (обучение, образование, оказание медицинских услуг);

4) миссионерская деятельность в большей степени обращена к конкретной личности, а не нацелена на работу исключительно с «верхами» социума, т.е. миссионеры борются прежде всего именно за личностный выбор, осуществляемый человеком в рамках акта конверсии;

5) создание и развитие местных христианских СМИ, использование новейших достижений техники – прежде всего средств коммуникации и связи, в том числе интернета. В XXI в. именно в интернет постепенно переносится миссионерская активность, через него происходит не только проповедь религии, но и сама конверсия;

6) максимальный учет культурных традиций населения региона, в котором действует миссия, адаптация христианства к его культурному контексту. Особое внимание уделяется знанию языка местного населения, прежде всего, переводу на него Библии.

То есть в христианстве миссионерская деятельность больше не понимается как односторонний процесс получения откровения о Христе нехристианскими народами, но как взаимное духовное обогащение миссионеров и евангелизируемого ими населения [8].

Таким образом, за последнее столетие христианское миссионерство трансформировалось, приобретая поистине глобальный характер, в связи с чем, на наш взгляд, анализ географии миссионерской деятельности христианских церквей в XX – начале XXI в. представляется исключительно важным.

В начале XX в. христианские миссии охватывали уже около 11% нехристианского населения [9], в мире действовало 62 тыс. иностранных миссионеров [10], т.е. один христианский миссионер приходился на чуть более чем 28 тыс. жителей Земли, включая христиан. Основными направлениями миссионерской деятельности были Азия (26,9 тыс. миссионеров), Латинская Америка (22 тыс.) и значительно им уступавшая Африка (8,5 тыс.), т.е. три этих региона Глобального Юга концентрировали более 92% христианских миссионеров [Ibid.]. Наибольшей интенсивностью миссионерская деятельность характеризовалась повсеместно в Латинской Америке, а также в некоторых субрегионах Океании и Африки. Так, своеобразный рекорд поставили Полинезия и Микронезия, где в расчете на 1 млн жителей приходилось 1,5 и 1,1 тыс. миссионеров соответственно; более 500 человек – в Южной Африке, более 400 – в Центральной Америке (табл. 1). Страны происхождения направленных в 1910 г. миссионеров располагались в основном в пределах регионов Глобального Севера, т.е. в экономически развитых Европе (около 40 тыс.) и Северной Америке (20,4 тыс.), на которые пришлось более 97% от их общего числа. Самый мощный поток – более 21 тыс. миссионеров – связывал в 1910 г. Европу и Азию, ему существенно уступали потоки из Северной в Латинскую Америку (около 12 тыс. миссионеров), из Европы в Латинскую Америку (10 тыс.) и из Европы в Африку (6,2 тыс.).

Основные потоки и регионы деятельности христианских миссионеров в 1910 г., чел. [10]

Регионы мира, посылающие миссионеров	Регионы мира, принимающие миссионеров						
	Африка	Азия	Европа	Латинская Америка	Северная Америка	Австралия и Океания	Мир
Африка	300	0	25	0	25	0	350
Азия	0	250	20	0	30	0	300
Европа	6 200	21 750	1 000	10 000	700	300	39 950
Латинская Америка	0	0	25	300	75	0	400
Северная Америка	2 000	4 850	1 000	11 700	500	350	20 400
Австралия и Океания	0	50	50	0	100	400	600
Мир	8 500	26 900	2 120	22 000	1 430	1 050	62 000

Источник: [10].

Таким образом, важнейшей особенностью миссионерской деятельности христианских церквей в начале XX в. был ее фактически однонаправленный характер: страны Глобального Севера посылали миссионеров на Глобальный Юг. То есть можно сказать, что христианство, постепенно затрагиваемое процессами секуляризации в ядре своего геопространства – Европе, где к началу XX в. было сконцентрировано 66% его адептов, делало все, чтобы обрести новых последователей на мировой периферии – в развивающихся странах – и тем самым обеспечить себе будущее [11].

Вторая особенность деятельности христианских миссионеров заключалась в том, что во всех регионах мира большинство работающих там миссионеров составляли родившиеся в странах других регионов. Так, в Азии, Африке и Латинской Америке доля миссионеров, происходивших из стран других регионов, составляла более 95%, в Северной Америке и Океании – более 60% и лишь в Европе приближалась к половине (53%).

Спустя столетие, в начале XXI в. миссионерская деятельность христиан претерпела существенную трансформацию – прежде всего, значительно выросли ее масштабы. В 2010 г. в мире насчитывалось 400 тыс. иностранных миссионеров, т.е. за столетие их численность выросла почти в 6,5 раза. В 2010 г. один иностранный христианский миссионер приходился на более 17 тыс. жителей Земли – рост почти на 2/3 по сравнению с 1910 г. Важнейшими «площадками» для деятельности иностранных миссионеров служили Латинская Америка (102 тыс. миссионеров), Африка (93,7 тыс.) и Европа (90 тыс.), им существенно уступали Азия (59,2 тыс.), Северная Америка (40,2 тыс.) и Океания (14,9 тыс.). То есть на развивающиеся страны мира (Глобальный Юг) в начале XXI в. приходилось около 64% от общего числа иностранных миссионеров.

Наибольшей интенсивностью миссионерская деятельность характеризовалась по-прежнему в Океании, некоторых субрегионах Африки (Южная и Центральная Африка) и Латинской Америки (Карибский бассейн и Южная Америка). Однако интенсивность миссионерства в Европе также значительно опережала среднемировой уровень и составляла 123 миссионера на 1 млн жителей, что даже выше общего показателя по Африке (91 миссионер). Самой низкой интенсивностью миссионерская деятельность характеризовалась в Азии и некоторых субрегионах Африки. Регионами происхождения миссионеров были, прежде все-

го, Северная Америка (135 тыс. миссионеров) и Европа (132,8 тыс.), т.е. Глобальный Север «производил» 2/3 миссионеров, отправлявшихся в другие страны проповедовать христианство.

Таким образом, на протяжении XX в. происходила конвергенция показателей миссионерской деятельности стран и регионов Глобального Севера и Глобального Юга: если с Севера на Юг в начале XX в. отправлялись 93% всех «северных» миссионеров (соответствующий показатель для Юга – 19%), то столетие спустя – уже только 62% (с Юга – 33,4%). Более того, происходит постепенное перераспределение внешних и внутренних по отношению к регионам происхождения миссионеров направлений: если в 1910 г. лишь 4,5% всех миссионеров в мире оставались проповедовать в «своем» регионе, то в 2010 г. этот показатель вырос до 36,6% (табл. 2). Особенно выделяются в этой связи Европа и Азия, где сейчас уже более 60% всех миссионеров – граждане, направленные между странами «своего» региона [10]. Лидерами в 2010 г. в мире по численности посылаемых за границу миссионеров среди стран были США (127 тыс.), Бразилия (34 тыс.), Франция (21 тыс.), Испания, Италия, Республика Корея, Великобритания, Германия, Индия и Канада.

В начале нашего века в мире существовало лишь 26 государств – нетто-«экспортеров» миссионеров: прежде всего, это страны Северной Америки и Европы [9]. По общему нетто-«экспорту» миссионеров лидируют государства мира с большой численностью христианского населения, такие как США, Италия, Франция, Республика Корея и др. Всего из 26 государств – «нетто»-экспортеров миссионеров 19 – это страны Европы, 4 – Азии, 2 – Северной Америки, а также Австралия. В основном это развитые страны мира, за исключением Мьянмы и Сирии (скорее всего, миссионеры из этих стран – это эмигранты по политическим мотивам). Однако если нивелировать численность населения страны, взяв для этого показатель нетто-«экспорта» миссионеров на 1 млн жителей направляющей страны, то картина окажется несколько иной и лидерами станут малые (иногда «карликовые») государства Европы. Лидируют по показателю нетто-«экспорта» миссионеров на 1 млн жителей направляющей страны Мальта (3,2 тыс.), Ирландия (около 3 тыс.), Андорра (1,6 тыс.), Испания (0,8 тыс.), Бельгия, Нидерланды (0,7–0,8 тыс.), Португалия (0,5 тыс.) и лишь на 8-м месте – США (0,4 тыс.).

Основные потоки и регионы деятельности христианских миссионеров в 2010 г., чел. [10]

Регионы мира, посылающие миссионеров	Регионы мира, принимающие миссионеров						
	Африка	Азия	Европа	Латинская Америка	Северная Америка	Австралия и Океания	Мир
Африка	17 000	400	2 000	200	1 000	100	20 700
Азия	700	38 400	3 600	1 300	2 300	800	47 100
Европа	21 600	13 000	54 700	36 000	4 000	3 500	132 800
Латинская Америка	1 000	1000	5 000	24 000	27 100	300	58 400
Северная Америка	53 100	5 700	24 000	40 200	5 100	6 900	135 000
Австралия и Океания	300	700	700	300	700	3 300	6 000
Мир	93 700	59 200	90 000	102 000	40 200	14 900	400 000

Кроме иностранных миссионеров фактически во всех странах мира с населением работают еще и местные христианские миссионеры (англ. – national workers) – граждане стран, в которых работают иностранные миссионеры (возможно, непосредственно ими конвертированные в христианство), чья деятельность направлена на поддержание местных христианских общин.

В мире в 2000 г. насчитывалось более 5 млн местных миссионеров, т.е. их численность примерно в 13 раз превышала численность иностранных миссионеров; именно на них ложится основная работа по конвертации населения в христианство и поддержанию общины. Высокая доля в стране миссионеров – своих граждан среди всех христианских миссионеров – важный признак «укоренения» в ней христианства в стране, а также жизнеспособности местных общин, их общей активности.

В большинстве стран мира доля миссионеров – своих граждан в общей численности христианских миссионеров превышает 50%, что свидетельствует об успешной для христианства религиозной конверсии. Более 80% от всех миссионеров местные граждане составляют в большинстве стран Европы и Северной Америки, а также в развивающихся странах с крупнейшими по численности христианскими общинами (Индия, Китай, Эфиопия, Индонезия, Нигерия, ЮАР и др.). Несколько ниже доля местных миссионеров (более 60%) во многих странах Латинской Америки, в некоторых странах Европы (Украина, Латвия, Венгрия, Албания и др.), в которых особенно активно действуют иностранные миссионеры. В отдельных латиноамериканских странах доля местных миссионеров менее 25% из-за большой численности миссионеров – граждан США: например, в Доминиканской Республике, Панаме, Белизе и др. Наконец, самая низкая доля (0–25%) миссионеров – своих граждан наблюдается в странах, в которых есть запреты или существенные ограничения на миссионерскую деятельность иностранных миссионеров: большинство стран Северной Африки и Ближнего Востока (кроме тех, где имеют место исторические общины христиан), Центральной Азии, Монголия, Таиланд, Камбоджа, Бутан, а также Венесуэла, Боливия и др. В последней группе стран наблюдается самая низкая численность миссионеров – собственных граждан, что дает нам основание сделать вывод о решающем вкладе иностранных миссионеров в рост численности адептов христианства в результате конверсии.

В начале XXI в. на долю США приходится около 30% отправленных иностранных миссионеров. При этом именно в США работают около 30% всех внутренних миссионеров в странах мира (на долю занимающей по этому показателю второе место Индии приходится лишь около 6%). Таким образом, именно США в настоящее время являются главным центром миссионерской деятельности в мире. Преимущественно очаговый характер последней определяется серьезной трансформацией структуры миссионерских потоков по направлениям христианства в течение XX в.: лидировавших в начале столетия католиков ныне все сильнее теснят протестанты, причем не только «традиционно» американских, но и европейских направлений.

При этом в настоящее время существует 534 единицы двунаправленных взаимодействий между странами мира, соответствующих потокам протестантских миссионеров². Из этой совокупности для дальнейшего анализа нами были выделены 119 однонаправленных или встречных³ миссионерских потоков, каждый из которых насчитывает более 100 миссионеров. Суммарно на это подмножество приходится 75% всего объема посылаемых протестантских (протестанты, англикане, независимые церкви) миссионеров [12]. Из 119 основных потоков 74 «завязаны» на США, при этом во всех случаях количество направляемых из США миссионеров существенно превышает таковое в обратном направлении. Наиболее интенсивных потоков (от 300 человек и выше), на которые в сумме приходится 50% всего объема общего потока протестантских миссионеров в мире, насчитывается всего 38, из которых 33 также связаны с США.

К числу стран, принимающих наибольшее количество миссионеров из США, относятся Бразилия (2 060 чел.), Мексика (1 790 чел.), Филиппины (1 574 чел.), Япония (1 477 чел.), Кения (1 332 чел.), Папуа-Новая Гвинея (1 228 чел.), Китай, Великобритания, Россия, Германия, Франция, Венесуэла и др.

В определенном смысле миссионерство христианских церквей США – одна из форм установления геополитического влияния этой страны, оно поддерживается, а иногда и спонсируется американскими властями; по направлениям миссионерских потоков можно оценить внешнеполитические приоритеты страны. К центрам христианского миссионерства второго порядка, генерирующим значительные потоки миссионеров за границу, в конце XX в. можно отнести Великобри-

танию (16 «завязанных» потоков), в отличие от США, «специализирующихся» в миссионерском отношении в основном на странах Азиатско-Тихоокеанского региона, Великобритания, несмотря на то, что лидером по приему из нее миссионеров является Бразилия, в большей степени ориентированная на Африку и Южную Азию⁴. В некоторой степени универсальным «донором» является Республика Корея (10 потоков с учетом общего потока с Великобританией), связанная миссионерскими «мостами» и со странами АТР, и с Европой, и с Африкой – с преобладанием европейского и восточноазиатского векторов. Вполне ожидаемо, что рисунок миссионерских потоков, завязанных на Канаде, в значительной степени (с меньшей, однако, интенсивностью) повторяет таковой для США. В случае Германии наблюдается схожая с Великобританией ситуацией с преобладанием, однако, африканского направления. Австралия ориентирована, в первую очередь, на азиатские страны бассейнов Тихого и Индийского океанов. Россия служит, в первую очередь, реципиентом миссионерских потоков. Основными отправителями по отношению к нашей стране служат США, Украина и Республика Корея.

В начале XX в. развитые страны фактически навязывали зависимым от них странам и колониям конкуренцию в религиозной сфере, ломая господствовавшую на Глобальном Юге религиозную монополию традиционных религий при помощи христианских миссионеров. Таким образом, иностранные миссионеры фактически были «колонизальным товаром», противиться которому развивающиеся страны не имели возможности вследствие своего зависимого положения на мировой арене. Глобальный Север в структуре геопространства христианства довлел над Югом еще и потому, что у молодых христианских центров в Азии, Африке и даже в Латинской Америке не было материальных ресурсов для подготовки конкурентоспособных миссионерских кадров. К тому же общественное мнение в развитых странах делало невозможной, неприемлемой и ненужной (ввиду полной христианизации населения) деятельность миссионеров из регионов Глобального Юга. В начале нашего века страны Глобального Севера продолжают доминировать в миссионерской активности адептов христианства, обладая большими материальными ресурсами, правда теперь по числу посылаемых миссионеров лидером уже стала Северная Америка (прежде всего США), а не страны Европы, что вполне закономерно, исходя из той роли, которую США играют в экономике, политике и культуре современного мира.

Возрастная структура и различия в уровне рождаемости предопределяют тот факт, что развитые страны будут посылать миссионеров в страны развивающиеся, так как в последних рождается большинство христиан мира, которых необходимо обучить религии. Тем не менее значение развивающихся стран,

прежде всего Латинской Америки и Азии, в миссионерском движении серьезно выросло. Эти страны обладают большими демографическими ресурсами для миссионерской деятельности ввиду большой численности христианского населения [13], а также желанием, характерным для неопита, который жаждет познакомиться со своей верой население в значительной степени секуляризованного Глобального Севера. Либеральное законодательство в области религиозной деятельности в странах Европы и Северной Америки сделало их открытыми по отношению к миссионерам из развивающихся стран, а развитие процессов десекуляризации породило спрос на миссионеров.

К этому стоит добавить, что плюрализация самого общества в развитых странах привела к активизации *вторичной евангелизации* – распространению одного направления христианства в традиционном геопространстве другого. Например, увеличилась доля адептов протестантизма, прежде всего пятидесятничества, в традиционной католической Латинской Америке. В то же время многие страны Азии и Африке оказались фактически закрытыми для миссионеров (в особенности для направляющихся из Северной Америки и Европы) ввиду распространения в странах этих макрорегионов религиозной монополии.

Поэтому в настоящее время мы можем наблюдать довольно парадоксальную ситуацию: в регионах мира, где доминирует христианство (Океания, Европа, Латинская Америка) насчитывается больше всего иностранных миссионеров, а в регионах, где христиане составляют незначительное меньшинство, миссионеров относительно мало. В результате лидерами по численности посылаемых за границу миссионеров и принимаемых у себя иностранных миссионеров выступают одни и те же страны (США, Бразилия, Франция), а наибольшую миссионерскую активность проявляет христианское население малых европейских государств. Открытость общества способствует успешной деятельности иностранных миссионеров, в результате которой появляются местные миссионеры и происходит рост численности адептов христианства через конверсию.

За последнее столетие именно миссионеры изменили конфессиональное пространство мира, сделав его более сложным и мозаичным; результатом их активности в XX – начале XXI в. стала глобальная евангелизация – распространение христианства в странах Азии и Африки. Приобретя себе здесь паству, христианство фактически обеспечило свое будущее, ведь ныне более 80% прироста населения мира происходит именно за счет жителей развивающихся стран [14]. Современное христианство в полной мере «встроено» в глобальную современность, активно использует ее в своих миссионерских целях, и, вне всякого сомнения, его можно назвать подлинно глобальной религией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историческая часть исследования выполнена в рамках темы ГЗ Института Африки РАН, расчеты и выводы по текущей ситуации проведены и получены в рамках темы ГЗ Института географии РАН.

² Или однонаправленных в случае, если лишь из одной страны каждой пары в другую отправляются миссионеры.

³ В этом случае «размеры» потоков складывались и рассматривались в качестве единой линии взаимодействия между двумя странами.

⁴ И США, и Великобритания отправляют значительное количество миссионеров в страны Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Компоненты динамики численности христианского населения в начале XXI в.: мир, регион, страна // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 85–90. DOI: 10.17223/15617793/418/11
2. Venn H. *To Apply the Gospel: Selections from the Writings of Henry Venn*. Grand Rapids : Eerdmans Publishing Company, 1971. 244 p.
3. Лавижеи // Католическая энциклопедия: в 5 т. Т. 2. М. : Изд-во Францисканцев, 2005. 910 с.
4. Декрет о миссионерской деятельности Церкви (Ad Gentes) // Документы II Ватиканского Собора. 3-е изд. М. : Паoline, 2004. 710 с.
5. Bush L. Reaching the Core of the Core // *Renewal Journal*. 1997. Vol. 2. № 10. URL: <https://renewaljournal.wordpress.com/2011/07/22/reaching-the-core-of-the-core-by-louis-bush/> (дата обращения: 10.04.2018).
6. What is the 10/40 Window? // Joshua Project. URL: https://joshuaproject.net/resources/articles/10_40_window (дата обращения: 08.04.2018).
7. The Top 20 Countries Where Christianity is Growing the Fastest // Disciple All Nations. URL: <https://disciple.allnations.wordpress.com/2013/08/25/the-top-20-countries-where-christianity-is-growing-the-fastest/> (дата обращения: 09.04.2018).
8. Пеннер П. Христианская миссия: история и современность. СПб. : СПбГУ, 1998. 52 p.
9. Barrett D.B., Kurian T.K., Johnson T.M. *World Christian Encyclopedia: a Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World*. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2001. Vol. 1. 888 p.
10. Atlas of Global Christianity. 1910–2010 / eds. T.M. Johnson, K.R. Ross. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 382 p.
11. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World // *Geography and Natural Resources*. 2016. Vol. 37, № 2. P. 93–99. DOI: 10.1134/S1875372816020013
12. Johnstone P., Johnstone R., Mandryk J. *Operation World*. Carlisle : Paternoster Lifestyle, 2001. 822 p.
13. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 56–63. DOI: 10.17223/15617793/406/9
14. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries // *Geography and Natural Resources*. 2018. Vol. 39, № 1. P. 88–94. DOI: 10.1134/S1875372818010122

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

Global Missionary Activities of Christian Churches in the 20th and 21st Centuries: The Spatial Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 111–117.

DOI: 10.17223/15617793/446/15

Stanislav A. Gorokhov, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru

Ruslan V. Dmitriev, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Keywords: Christianity; missionary activity; transformation; secondary evangelization; world; regions; countries.

The article identifies the peculiarities of Christian churches' missionary activities in the 20th – early 21st centuries at different territorial levels – the world as a whole, its regions and countries. The activation of the Christian churches' missionary activity historically corresponds to the era of colonialism. Thus, Protestant movements are characterized with the catching-up development in comparison with Catholicism. The global scale of missionary activities required from Protestant churches pooling their resources, and developing new methods of missionary work due to the absence of a single spiritual and administrative centre like in Catholic church. It is determined that the most important features of modern missionary work, which enabled it to cover virtually the whole world regardless of the cultural or socioeconomic background, include: (1) an economically independent Christian community functioning without the support from the maternal church is established; (2) special attention is paid to training teams in the field; (3) conversion is no longer perceived as the sole purpose of the missionary; great attention is paid to the improving of the socioeconomic situation of the local population; thus, missionary activity must be combined with social activity (education, medical services); (4) missionary activity has become more focused on regular persons rather than on the elite; (5) local Christian media are created and developed in accordance with the latest technologies, including the Internet; (6) attention is increasingly focused on the culture and traditions of the population that is going to be reached. Special emphasis is put on learning the local language and the translation of the Bible. The authors came to the conclusion that during the past century the structure of the Christian missionary streams changed dramatically, especially that of Protestants. At the beginning of the 21st century missionary activities are multidirectional, there are mutually directed flows between the Global North (Europe, North America, Australia, New Zealand and Japan) and the Global South (Asia, Africa, Latin America, Melanesia, Micronesia and Polynesia, except the above-mentioned countries). The authors revealed three main centers that send Protestant missionaries to other countries: North American, oriented primarily to the countries of the Asia-Pacific region; European more connected with South Asia and Africa; West-Pacific predominantly oriented on Europe and East Asia.

REFERENCES

1. Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2017) The components of the Christian population dynamics at the beginning of the 21st century: world, region, country. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 85–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/11
2. Venn, H. (1971) *To Apply the Gospel: Selections from the Writings of Henry Venn*. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company.
3. Zadornyy, V.L. (ed.) (2005) Lavizheri [Lavigerie]. In: *Katolicheskaya entsiklopediya*. v 5 t. [Catholic Encyclopedia. In 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Frantsiskantsev.
4. Shaykevich, V. (ed.) (2004) Dekret o missiionerskoy deyatel'nosti Tserkvi (Ad Gentes) [Decree on missionary activity (Ad Gentes)]. In: *Dokumenty II Vatikanskogo Sobora* [Documents of the Second Vatican Council]. 3rd ed. Translated from Latin by Andrey Koval. Moscow: Paoline.
5. Bush, L. (1997) Reaching the Core of the Core. *Renewal Journal*. 2 (10). [Online] Available from: <https://renewaljournal.wordpress.com/2011/07/22/reaching-the-core-of-the-core-by-louis-bush/>. (Accessed: 10.04.2018).
6. Joshua Project. (n.d.) *What is the 10/40 Window?* [Online] Available from: https://joshuaproject.net/resources/articles/10_40_window. (Accessed: 08.04.2018).
7. Disciple All Nations. (2013) *The Top 20 Countries Where Christianity is Growing the Fastest*. [Online] Available from: <https://disciple.allnations.wordpress.com/2013/08/25/the-top-20-countries-where-christianity-is-growing-the-fastest/>. (Accessed: 09.04.2018).

8. Penner, P. (1998) *Khristianskaya missiya: istoriya i sovremennost'* [Christian mission: history and modernity]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Barrett, D.B., Kurian, T.K. & Johnson, T.M. (2001) *World Christian Encyclopedia: a Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World*. 2nd ed. Vol. 1. New York: Oxford University Press.
10. Johnson, T.M. & Ross, K.R. (eds) (2009) *Atlas of Global Christianity. 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
11. Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2016) Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World. *Geography and Natural Resources*. 37 (2). pp. 93–99. DOI: 10.1134/S1875372816020013
12. Johnstone, P., Johnstone, R. & Mandryk, J. (2001) *Operation World*. Carlisle: Paternoster Lifestyle.
13. Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2016) Demographic features of Indian religious communities at the beginning of the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 56–63. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/9
14. Gorokhov, S.A., Dmitriev, R.V. & Zakharov, I.A. (2018) Territorial Development of Christianity in Africa in the 20th – Early 21st Centuries. *Geography and Natural Resources*. 39 (1). pp. 88–94. DOI: 10.1134/S1875372818010122

Received: 26 March 2019

Т.И. Коломиец, Т.И. Артибякина

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1898–2018 гг.)

Статья посвящена анализу базовых факторов формирования уникальной научно-образовательной среды Томского университета в контексте экономического образовательного пространства. Конкретизируются этапы накопления образовательного и научно-исследовательского потенциала поколениями преподавателей вуза и его реализации для нужд многоотраслевой экономики Сибирского края. Подтверждается гипотеза об институциональной устойчивости феномена базовой теоретико-экономической подготовки для успешной адаптации специалистов в различных областях производственно-экономической деятельности, формирования модели наукоемкого, креативного практикоориентированного обучения.

Ключевые слова: высшее экономическое образование; образование в Сибири; развитие человеческого потенциала; наукоемкая экономическая проблематика; интеграция науки и образования; опережающая модель развития образования.

Предыстория события. Первый этап

Исследование становления и развития экономического образования в первом за Уралом Императорском Томском университете актуализирует задачу выявления предпосылок зарождения культурно-исторической и образовательной среды на обширном пространстве Сибирского региона. Наличие к 1888 г. значительных накопленных капиталов, присутствие мигрировавшей интеллектуальной прослойки и образованных переселенцев обеспечили прочную основу для научного поиска возможностей развития богатой территории, наращивания образовательного и ресурсного потенциалов.

Период от зарождения идеи возведения до подготовки, строительства, открытия и дальнейшей судьбы университета широко освещен в многочисленных трудах самых разных авторов, среди которых писатели, ученые, журналисты, предприниматели, представители органов власти. Весомый вклад внесли и современные ученые – историки, работающие в ТГУ [1–5].

Обращение к событиям более чем вековой истории необходимо сегодня, прежде всего, с позиций осмысления традиций и усвоения накопленного опыта предшественников. Важно понять, чем руководствовались в подвижнических действиях многочисленные студенты, педагоги, попечители первого в Сибири университета, а также что дал процесс его развития обширной территории страны за продолжительный период существования вуза. Какой стимул и ресурсы получили предприятия и отрасли Сибири в дальнейшем? Наконец, чем обусловлены и каковы современные потребности в специалистах экономического профиля, дефицит каких именно выпускников испытывает наше общество сегодня?

Не претендуя на роль новаторов и полноту в освещении исторических событий, позволим напомнить, что мысль об открытии Сибирского университета впервые прозвучала еще в 1803 г., когда формировались штаты и основные направления деятельности Министерства народного просвещения в правительстве Александра Первого [6. С. 12]. Тогда же богатейший российский заводчик и внук уральского промышленника П.Г. Демидов, чьи экономические интересы касались и промыслов Сибири, внес пожертвования на создание университетов в Киеве и за Уралом

размере 100 тыс. рублей. О строительстве высшего учебного заведения в Сибири хлопотали министр народного просвещения А.С. Норов, генерал-губернаторы Западной Сибири П.М. Капцевич, а затем Н.Г. Казнаков.

В 1878 г. по представлению генерал-губернатора Н.Г. Казнакова Министерство народного просвещения приняло решение строить университет в Томске [7. С. 40]. Воодушевленный этим решением богатейший томский купец, коммерции советник Захарий Михайлович Цибульский пожертвовал будущему университету громадную по тем временам сумму – 100 тысяч рублей. Позднее он внес еще 40 тысяч рублей на строительство и 25 тысяч рублей на стипендии для студентов [8]. На основании решения городской Думы был безвозмездно отведен обширнейший участок земли. Его расположение в березовой роще, на южной окраине Томска, называемой Верхней Еланью, примерно соответствовало пересечению улиц Садовой (ныне пр. Ленина) и Бульварной (современный пр. Кирова).

Первое в Томске частное издание «Сибирская газета» служило одним из главных «пропагаторов», как тогда говорили, высшего образования и Томского университета. На университетские торжества получили приглашение представители практически всех местных учреждений. Однако круг лиц был ограничен, поскольку не желавший «критики существующих порядков» попечитель учебного округа В. Флоринский постарался предотвратить появление на празднике людей, известных своими оппозиционными взглядами и связями с политическими. Открытие Томского императорского университета состоялось 22 июля 1888 г. в университетской церкви, где епископ Томский Преосвященный Исаакий отслужил торжественный молебен, а по его окончании передал в дар университету от всего томского духовенства Казанскую икону Божией Матери.

Вплоть до начала XX в. Томский университет был единственным институтом высшего образования и науки на огромной территории Азиатской России. Именно ему выпала почетная миссия подготовки врачей, юристов и экономистов, необходимых для развития хозяйства и социальных объектов Сибири. Томский университет сыграл основополагающую роль в исследовании природы Сибири и ее богатств, в изу-

чении истории края. Такой вывод делает, среди прочих, известный томский и сибирский ученый, специалист по отечественной истории Сергей Некрылов [5].

В Томске как университетском городе сформировалась тогда уникальная культурная среда, которая сохранилась и доныне. Выступая перед студентами и преподавателями Томского университета в марте 1999 г., писатель В.П. Астафьев выразил свою мысль так: «Университет для меня – явление непостижимое, и я всегда завидовал тем, кто чему-то учится. Помоему, в Сибири есть два настоящих университета – в Томске и Иркутске. Но там (в Иркутске) культура, как папиросный дым, вьется над городом, но на землю не ложится. А у вас, в Томске, она проникла вглубь земли на три метра, и сколько “экскаваторы” не выкапывали – не смогли выкопать и уничтожить вашу культуру» [9].

Культурные традиции самых широких слоев населения зарождались на земле сибирской с момента ее освоения и переселения сюда заводских крестьян, мещанского и отдельные представители дворянского [10] сословий центра и юга России. Передовые представители купечества, накопив капиталы, не мыслили жизни своих детей и внучатых потомков без просвещения и науки. Помимо уральского промышленника П.Г. Демидова, томского купца З.М. Цибульского, ставшего впоследствии почетным гражданином города, к ним относим иркутского купца А.М. Сибирякова, красноярского купца М.К. Сидорова и др. Жертвователи передавали для библиотеки Томского университета собрания книжных коллекций. Среди первых – коллекция Строганова (сыновья графа передали в фонд Томского университета библиотеку их отца), князя С.М. Голицына (из публичной библиотеки Санкт-Петербурга), коллекция цензора и критика академика А.В. Никитенко [11. С. 15].

В 1898 г. в составе университета был открыт юридический факультет (в течение первых 10 лет Томский университет функционировал в составе единственного факультета – медицинского). Одной из кафедр нового юридического факультета была кафедра политической экономии (с 22 октября 1898 г.). С нее и начинается экономическое образование в Томском университете и Сибири [12].

Исследования экономического положения Томской губернии

Технико-экономическое и социальное развитие экономики в России конца XIX – начала XX в. демонстрировало ее приближение к траектории эволюции ведущих держав мира. Господствующим сословием продолжало оставаться дворянство, однако оно постепенно теряло свои позиции, пополняя ряды представителей творческих профессий, преподавателей, юристов. Большую часть населения пока составляло крестьянство (около 80%). Вместе с тем уже наметился переход от традиционного к индустриальному обществу, образовывались мощные производственные и финансовые объединения, увеличивалось применение наемной рабочей силы во всех сферах экономики, постепенно утрачивался патриархальный облик горо-

дов и деревень. Транссибирская магистраль соединила Сибирь с европейской частью страны, создав важную основу для развития российской торговли и обмена, послужила толчком к развитию научных и культурных обменов.

После открытия Томского университета, о котором отзывались как об одном из источников развития российского общества, на него стали возлагаться надежды на оказание «огромных услуг отечественной науке» [13]. Сегодня уже очевидно, что преподаватели ТГУ оправдали надежды общественных кругов. В развитии экономического образования и деятельности профессорско-преподавательского состава, как и во всем Томском государственном университете, прослеживается три слагаемых: научная и педагогическая деятельность, совместная со студентами образовательно-исследовательская деятельность по изучению экономики Сибири и ее населения; просветительская деятельность профессоров по распространению экономических знаний как в Томске, так и за его пределами.

Уже в первые годы существования юридического факультета овладение экономическими знаниями сопровождалось исследованиями реального положения дел в сибирских губерниях, волостях и сельских населенных пунктах. Студенты-правоведы проявляли активный интерес к изучению экономической жизни в Сибири, обследованию положения отдельных социальных групп населения Томска и в частности студенчества.

Первое исследование качества жизни студенчества в России было произведено в 1872 г. в Киеве профессором Н.Х. Бунге (ставшим впоследствии министром финансов России). В основу исследования был положен рассчитанный Бунге минимальный бюджет студента. Анализ выборочного анкетирования киевских студентов продемонстрировал крайне низкий уровень жизни студенчества в последней трети XIX в. 70% студентов расходовали меньше установленного минимума. При этом треть из них (144 чел. из 355 студентов, принявших участие в анкетировании) существовали исключительно на личные заработки [14].

Студенты юридического факультета Томского университета подхватили эстафету исследования качества жизни отдельных социальных групп населения, в первую очередь студенчества. Разработанная ими под руководством профессора М.Н. Соболева анкета легла в основу обследования экономического положения томских студентов. Широкая общественность высоко оценила качество томской анкеты, которая была признана «одной из самых полных и интересных».

В томском обследовании приняли участие 608 человек, в том числе 73,2% всех студентов университета, а также 74,4% студентов технологического института. По результатам проведенного исследования в 1902 г. была опубликована брошюра экономико-статистического отделения юридического кабинета под названием «Экономическое положение томских студентов». Данные анкетного обследования хорошо обрисовывали картину жизни студенческой молодежи Томска: 53% студентов университета и 43% студентов

технологического института были вынуждены зарабатывать средства для существования. В среднем на каждого студента университета приходилось 18,7 рабочих часа в неделю или примерно 3 часа в день.

Спустя 12 лет, когда кафедрой политэкономии и статистики заведовал проф. П.И. Лященко, появилась идея повторить обследование. Под руководством Лященко было проведено второе исследование качества жизни томских студентов на базе университета, технологического института и Высших женских курсов. Обследование охватило около трети томского студенчества.

Сравнительный анализ качества и стоимости питания томских студентов и студентов Петербурга (1906, 1909 гг.) был опубликован в статье «Студенческий бюджет» (Сибирская жизнь. 1914 г. № 72). Подводя итоги детального анализа студенческого питания, авторы статьи делают вывод, что за 12 лет (1901–1913 гг.) средняя цена студенческого обеда в Томске выросла на 20%, однако томские студенты тратят на стол меньше, чем петербургские. Также было отмечено, что лишь 55% томских студентов и курсисток питаются удовлетворительно. Остальную часть этой молодежи следует признать «недоедающей, недополучающей в широком смысле слова» [15].

Силами студентов юридического факультета было произведено и первое обследование кустарной промышленности Томской губернии. По предложению профессора М.Н. Соболева губернский статистический комитет разослал волостным и сельским писарям, священникам, учителям и другим лицам вопросный бланк. Полученные к середине 1905 г. ответы дали материал, характеризующий томскую кустарную промышленность. В 1908/09 учебном году студентам юридического факультета Н. Добронравову и Я. Лесковскому предложили описать кустарные промыслы по плану, составленному для Тобольской губернии. Работа «Кустарные промыслы Томской губернии», опубликованная в 1907 г. в Санкт-Петербурге, в которой впервые были предоставлены необходимые сведения [16].

В своих «Очерках становления высшего образования в Сибири» профессор кафедры политической экономии К.И. Могильницкая на основе данных предшественников отмечала, что созданный в ноябре 1910 г. студенческий экономический кружок, помимо изучения теории политической экономии в исторической перспективе, с опорой на учения А. Смита, физиократов, тенденции развития экономики капиталистического общества участвовал в статистических обследованиях. Под руководством Н.Н. Боголепова и М.Н. Соболева были обработаны данные о торговле с Монголией [17], повышении земельной ренты в Томской губернии, материальном положении промышленных рабочих [18].

Внимание кружковцев привлекали и вопросы экономики всей Сибири. Тематику их исследований стали «Значение иностранного капитала для Сибири», «Виннокурная промышленность Сибири» и др.

После трехлетнего перерыва, в 1914–1915 гг., работой экономического кружка стал руководить П.И. Лященко, что изменило тематику исследований.

Более 40 студентов участвовали в обсуждении вопросов, связанных главным образом с развитием аграрных отношений в России.

Об интересе студентов юридического факультета к экономическим наукам также свидетельствуют и результаты конкурсов студенческих работ на соискание золотой медали. На юридическом факультете за период 1898–1916 гг. были удостоены золотой медали всего 13 человек. Среди них четверо – за работы по политической экономии: студенты М. Красноложский, получивший такую награду за работу «Формы крестьянского землевладения в Сибири» (1900 г.), Е. Галка – за работу «О земельной ренте» (1910 г.), И. Трахтенберг – за работу «Коллективный договор» (1912 г.)¹ и М. Альтшуллер, который получил золотую медаль в 1915 г. за сочинение на тему «Экономические условия введения земства в Сибири» [19. С. 48–49].

Наконец, одним из слагаемых экономического образования в Сибири, как уже упоминалось, следует считать просветительскую деятельность томских профессоров-экономистов. Профессор М.Н. Соболев читал публичные лекции в Томске, Омске, Бийске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске; был приглашен обществом «Просвещение» для чтения публичных лекций в Иркутске. Одну из них по теме «Протекционизм в России и интересы населения» тамошний генерал-губернатор не разрешил «ввиду особой важности и значения затрагиваемых вопросов». Лекции Соболева отличались глубиной мысли, прекрасным изложением и обширностью сообщаемых фактов. С публичными лекциями в Омске и Новониколаевске выступал также и профессор М.И. Боголепов [20].

Принимая участие в деятельности «Общества изучения Сибири», Юридического общества и других, профессора-экономисты Томского университета заявляли о нуждах Сибири в центральной печати, активно использовали местную прессу для популяризации проблем текущей экономической жизни. Благодаря их трудам уже в первые два десятилетия существования юридического факультета происходит становление экономического образования, складываются основные направления научных исследований Сибири и России в целом. Томск превращается в центр экономических исследований от Урала до Дальнего Востока.

Период активного роста. Формирование самостоятельного факультета

При большом разнообразии событий, наличии множества свидетельств историков и очевидцев происходивших во второй половине XX в. перемен в научно-образовательной сфере Томского государственного университета, следует отметить заметный дефицит информации о развитии экономического образования. Во всяком случае, наиболее полные свидетельства относятся ко времени до середины XX в., еще больше информации касается периода до начала столетия. Но и в иных, более полных источниках сталкиваемся с предельно лаконичным обзором деятельности работавших в Томске М.И. Боголепова, П.И. Лященко и С.И. Солнцева [18]. Авторы как сви-

детели и участники конкретных этапов в развитии первого в Томске и ТГУ экономического факультета вынуждены признать наиболее приемлемыми для систематизации и анализа факты, нашедшие отражение в монографии авторитетной группы профессоров и преподавателей факультета, среди которых по меньшей мере трое имели базовое историческое образование². Речь идет о материалах, собранных в монографии «Сто лет экономическому образованию и науки в Сибири», вышедшей под редакцией К.И. Могильницкой в 1998 г. [21]. Тем более, что на указанные в ней факты ссылались и авторы некоторых регулярных изданий университета («Томский государственный университет: Ежегодник» за 1997–2013).

Стоит особо подчеркнуть, что до середины XX в. целенаправленной профессиональной подготовки специалистов в области экономики в регионе фактически не велось. По существу, экономическое образование развивалось в форме общего экономического обучения в рамках курса политической экономии, в форме написания учебных пособий по природным ресурсам, геологии и географии края, по развитию крестьянских и заводских промыслов. Считаем правомерным в качестве второго этапа в развитии экономического образования и науки в ТГУ считать отрезок 1960–1990-х гг.

В 1950–1960-х гг. хозяйство Западной и Восточной Сибири получило мощное развитие в связи с освоением богатейших природных ресурсов нефти, газа, леса. Серьезные изменения претерпела и экономика образованной в 1944 г. Томской области. Как писал М.П. Евсеев, вследствие эвакуации сюда в годы войны из западных районов десятков промышленных предприятий Томск превратился в крупный индустриальный центр. Рядом строился закрытый город с атомными реакторами (Северск). Множились и укрупнялись смежные производства. Это определило острую потребность в инженерах, экономистах, проектировщиках. Понадобились специалисты высшей квалификации, способные серьезно помочь в улучшении социально-экономического состояния региона. По примерным оценкам, после войны в экономических службах (промышленность и строительство) доля работников с высшим образованием не превышала 3–4%, а в бухгалтериях – 1%.

Частично спрос на экономистов удовлетворялся за счет прибывших выпускников центральных вузов, но по разным причинам (суровый климат, неустроенность быта) они, отработав положенный 3-летний срок, нередко уезжали обратно. Подготовка кадров на местах стала наиболее эффективной формой обеспечения потребностей развития Сибири [21. С. 127].

В Томске продолжали работать шесть крупных вузов, но ни один не имел экономического факультета. Существовавшие в городе учетно-кредитный техникум, счетно-бухгалтерская школа едва справлялись с заказами своих ведомств на специалистов средней квалификации. Руководство Томского университета, признанного к тому времени кузницей кадров с устоявшимися традициями, живо откликнулось на предложение Минвуза организовать подготовку экономистов с высшим образованием на базе ТГУ.

С первым выпуском экономистов в 1960 г. в истории экономического образования и науки Томского университета, по информации М.П. Евсеева, начался новый этап. Речь теперь шла не об общем экономическом образовании физиков, химиков, биологов и прочих специалистов (для них оно продолжалось в форме изучения курса политической экономии на всех факультетах), а о профессионально подготовленных кадрах, в деталях знающих специфику экономической деятельности и готовых подтвердить вариант выбора хозяйственного решения выверенными точными расчетами. За период 1960–1975 гг. факультет насчитывал 16 выпусков, дав стране более 1 700 молодых специалистов. Важно, что подавляющее большинство из них удовлетворяли растущие потребности регионов Сибири и Дальнего Востока. В 1976–1990 гг. диплом специалиста с высшим образованием получили еще свыше двух тысяч выпускников, так что всего за 1960–1990 гг. в Томском государственном университете учились около четырех тысяч специалистов экономического профиля. «Качество» их подготовки оказалось достаточно высоким. Питомцы экономического факультета получили путевку в жизнь и успешно трудились на различных экономических должностях в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, в органах планирования, статистики, финансов, в НИИ и конструкторских бюро, преподавателями вузов и техникумов. Часть выпускников со временем заняла должности руководителей экономических служб, многие возглавили кафедры. Особенно «урожайными», по выражению Михаила Павловича Евсеева, были выпуски 1960, 1970 и 1972 гг., из которых впоследствии сформировались кадры руководителей планово-экономических служб и известных ученых [21. С. 128–129].

По свидетельствам очевидцев и непосредственных участников процесса [22], создание нового факультета происходило в несколько этапов. Сначала, с 15 июня 1955 г. на основании распоряжения Минвуза на базе экономико-юридического факультета (ЭЮФ) было открыто экономическое отделение [23].

На этом этапе Андрей Иванович Ким, первый декан экономико-юридического факультета, Паулина Ивановна Скороспелова, заведующая кафедрой политической экономии, совместно с выпускницей отделения правоведения и будущим преподавателем кафедры политэкономии Смирновой Раисой Алексеевной приложили серьезные усилия по поиску преподавателей экономических дисциплин в вузах Томска и за его пределами. Из-за отсутствия штатных преподавателей к учебной работе привлекались экономисты-производственники и управленцы из различных отраслей народного хозяйства. Они не только руководили производственной практикой студентов, рецензировали их курсовые и дипломные работы, но и читали лекции по отдельным предметам (основы энергетики, машиностроения, химических производств, экономики и планирования промышленности и сельского хозяйства и др.). Часть производственников и практических специалистов впоследствии образовали штатный состав кафедр.

Организация учебного процесса на экономическом отделении усложнялась также отсутствием должного количества и качества учебников и учебно-методической литературы. На повестке стоял вопрос о материально-техническом обеспечении экономического отделения, в том числе вопрос размещения будущих преподавателей и студентов в подведомственных общежитиях. Отдельной проблемой являлось налаживание связей с кафедрами экономических факультетов Московского и Ленинградского университетов.

Серьезная помощь в процессе создания экономического отделения была оказана ректоратом, который возглавляли тогда профессор А.П. Бунтин, а затем профессор А.И. Данилов. Им удалось получить поддержку в Минвузе и отстоять решение наиболее сложных вопросов.

Знаковым событием в истории становления и развития экономического отделения ЭЮФ был приезд в 1957 г. в университет талантливого учителя-экономиста и не менее талантливого организатора Александра Петровича Бычкова (с 23.02.1967 г. по 10.08.1983 г. – ректора Томского университета). С приездом А.П. Бычкова острота тех проблем в организации жизни экономического отделения, о которых было сказано выше, была значительно смягчена. Ускорился процесс решения финансовых проблем экономического отделения, активнее стал формироваться преподавательский коллектив, научная связь с экономистами Москвы и Ленинграда и вовсе перестала быть проблемой.

Наконец, в 1963 г. происходит размежевание двух отделений ЭЮФ. Отделение правоведения возвращается к своему исходному статусу факультета, а экономическое отделение обретает качество нового самостоятельного факультета ТГУ.

Приоритет – подготовке экономистов широкого профиля

В качестве базовой концепции подготовки экономистов на факультете была выбрана концепция «специалиста широкого профиля», на которой настаивал, в частности, будущий декан ЭФ, профессор Михаил Павлович Евсеев. Жизнь показала важнейшее достоинство таких специалистов, которые, на основе приобретенных базовых знаний, навыков и умений и при непродолжительной адаптации на рабочих местах, оказались способны трудиться почти в любой отрасли и сфере экономики. Для Сибирского региона такой профиль подготовки оказался тем более приемлем, что здесь присутствовало значительно меньше специализированных производств, чем в европейской части страны. Соответственно, подготовленные учебные планы специальностей 1 701 (планирование народного хозяйства) и 1 702 (планирование промышленности, перепрофилированной в 1980-е гг. в 0603 – экономическое и социальное планирование) вполне отвечали требованиям региона.

Если первоначально экономическое отделение располагало одной кафедрой – отраслевых экономик, то в 1960 г. она разделилась на две: кафедру экономи-

ки промышленности и кафедру экономики сельского хозяйства. В июне 1967 г. в связи с изменением профиля подготовки экономистов кафедра экономики сельского хозяйства была упразднена и организованы две новых: кафедра учета и статистики и кафедра организации и планирования промышленных предприятий (ОиППП).

Кафедра политэкономии, которая первоначально относилась к экономическому отделению (предыдущее название – кафедра политической экономики и статистики), превратилась в общеуниверситетскую. Однако она непосредственно участвовала в учебно-воспитательном процессе на ЭФ, тем более что в 1971 г. открылось отделение для подготовки преподавателей политической экономики (специальность 20.10).

Следует отметить, что экономическое образование в Томском университете с открытием специальности 20.10 (политическая экономия) по форме и содержанию стало типичным для классических университетов. На университет была возложена задача обеспечения вузов и техникумов экономического профиля специалистами-политэкономистами как на территории Сибири и Дальнего Востока, так и в значительной мере на территории республик Средней Азии.

Выпускники отделения политической экономики охотно принимались на обучение в аспирантуре в вузы Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда) и завершали обучение в срок. Интерес студентов экономического отделения к политэкономии привел к тому, что многие (в частности В.П. Слепцова, Е.Д. Сысолятин и др.), стали впоследствии докторами экономических наук, профессорами, заведующими кафедр политэкономии. Рост квалификации преподавателей облегчалось наличие аспирантуры при кафедрах и вовлечение преподавателей в активную научную работу.

Почти все выпускники первого, 1976 г. выпуска специалистов-политэкономов были направлены на работу на предприятия, в вузы и учреждения Томска, Кемерово, Барнаула и других городов Сибири и Дальнего Востока.

По данным наблюдений и отчетов, имевшихся в распоряжении декана, численность преподавателей самого ЭФ за период 1960–1990 гг. менялась неоднократно, составляя от 10–12 до 37–40 человек, что вызывалось отчасти изменением объема учебных поручений, отчасти – текучестью кадров. Обе эти причины сдерживали рост научной квалификации сотрудников: в 1970 г. на факультете (без кафедры политэкономии) было лишь два кандидата экономических наук. Это означало, что ЭФ как научно-педагогический коллектив «задержался на старте». Часть сотрудников полагали, что важно хорошо преподавать свою дисциплину, не занимаясь научными изысканиями. Основной же причиной «задержки», при незрелости суждений о приоритетах преподавательского труда, стало отсутствие неформального научного лидерства. На кафедрах долго не было ученого, который смог бы отбросить рутину, сформировать крупную научную тему и повести за собой других. Такую роль в коллективе политэкономов сыграл профессор А.П. Бычков, а на кафедре кон-

кретной экономики – профессор В.А. Гага. И это не замедлило сказаться на результативности научной и преподавательской деятельности [21. С. 135].

Бычков возглавил межкафедральный научно-теоретический семинар преподавателей и аспирантов ЭФ. На основе серьезной и планомерной методической работы преподаватели ЭФ опубликовали ряд ценных пособий, методических разработок для студентов и преподавателей и подготовили десятки спецкурсов по отдельным проблемам. Кроме того, ежегодно по одному-двум выпускам стал издаваться сборник «Вопросы экономики и организации социалистического производства». В результате на кафедре сложилась научная школа «Проблемы развития производственных отношений в современном обществе».

Другой лидер обозначился позднее. В 1973 г. кафедре организации и планирования промышленных предприятий (ОиППП) возглавил выпускник ЭФ, доцент, а потом профессор В.А. Гага, предложивший к исследованию актуальную комплексную тему. Благодаря его деятельности был сформирован крепкий преподавательский и научный коллектив экономистов-прикладников, вошли в постоянную практику научные публикации, стали выпускаться монографии и сборники научных трудов. В 1979–1991 гг. было опубликовано 10 выпусков межвузовского сборника «Социально-экономический механизм стимулирования труда», материалы которого использовались в учебно-методической работе преподавателей Сибири и Дальнего Востока.

Связь науки и практики. Координация исследований для хозяйственного комплекса региона

Дополнительный импульс к интенсификации научных исследований был дан экономической реформой 1965 г. Расширение самостоятельности в деятельности предприятий привело к возникновению управленческих и организационных проблем, к решению которых практики были не готовы. Коллективы предприятий стали заказывать экономические исследования в вузах страны. Таким образом, преподаватели экономического факультета ТГУ столкнулись со значительным количеством хозяйственных исследовательских работ. Тематика работ определялась прежде всего нуждами развития Томской области и Сибири.

А.Л. Шушарин в монографии «Сто лет экономическому образованию и науки в Сибири» очень подробно осветил научно-исследовательскую деятельность сотрудников и преподавателей ЭФ. Обобщая и систематизируя данную информацию, можно выделить следующие главные моменты.

В 1966 г. на факультете была организована Лаборатория экономических исследований (ЛЭИ) для разработки проблем экономического планирования Томской области, которую в 1967 г. возглавил В.С. Цитленок³.

Под его непосредственным руководством было осуществлено девять хозяйственных работ. Усилия коллектива лаборатории сосредоточились на изуче-

нии темпов роста производительности труда и средней заработной платы в промышленности Томской области; на анализе производительности труда и движения рабочей силы на предприятиях Томска (завод «Сибэлектромотор» и объединение «Сибкабель»); на исследовании эффективности различных форм подготовки кадров в промышленности Томской области и др. [21. С. 153].

К выполнению хозяйственных работ и к разработке проектов хозяйственного развития Томской области привлекались и студенты ЭФ. Хотя хозяйственная тематика занимала небольшой удельный вес в студенческих работах (5–6%), по мнению М.П. Евсеева, «она приучала авторов к ответственности перед заказчиком» и в целом, приобщала студентов еще в период обучения к решению реальных экономических задач.

Постепенно ЭФ ТГУ превращался в солидный учебный и исследовательский центр. Ширились спектр и уровень решаемых проблем. В частности, в 1968 г. была завершена работа по теме «Экономические проблемы организации добычи, транспортировки и переработки нефти и газа в Томской области на 1971–1980 гг.» (К.Н. Вьюков), которая получила диплом первой степени на областном межвузовском конкурсе.

Под научным руководством выпускника аспирантуры новосибирского ИЭ и ОПП В.И. Арзамаскина осуществлялось изучение проблем качества продукции. В 1968 г. он возглавил кафедру экономики промышленности, на которой:

- было проведено исследование экономической эффективности применения некоторых специальных статей (по хозяйственным с СФТИ и Алтайским тракторным заводом);

- в 1972 г. по заданию ИЭ и ОПП СО АН СССР составлен отчетный межотраслевой баланс производства и распределения продукции в Томской области за 1966 г.

Позже были составлены аналогичные МОБ для Алтайского края (за 1966 г.) и Томской области (за 1972 г.). Тем самым кафедра перешла к новому направлению научных исследований – совершенствованию территориального планирования. Этой тематикой кафедра занималась 20 лет в тесном контакте с лабораториями экономических исследований.

В 1973 г. было принято решение Государственного комитета по науке и технике СССР о проведении в Томске работ по созданию и внедрению Автоматизированной системы управления Томской области (АСУ ТО), которая должна была в дальнейшем стать типовой [Там же. С. 154–155].

Координатором этих исследований на факультете стал доцент И.К. Борщев, заведующий кафедрой учета и статистики. В 1973 г. началась разработка подсистемы контроля за выполнением плана промышленными предприятиями. Отдельные блоки данной подсистемы, завершенные и внедренные в 1975–1976 гг., получили высокую оценку руководства. Это способствовало тому, что кафедра получила заказ на разработку аналогичных подсистем для строительства и сельского хозяйства.

Одновременно в 1973 г. с НИИ автоматики и электромеханики (АЭМ) заключается хоздоговор на тему «Экономические проблемы АСУ Томской области», в результате которого в 1974 г. была разработана концепция автоматизации территориального управления.

Активное участие в разработке отдельных подсистем АСУ приняли проф. С.М. Каз (АСУ-сельхоз), доценты Г.А. Иващенко, В.Г. Гришина, З.Е. Сахарова (АСУ ТО «Трудовые ресурсы»), А.И. Горюнова (АСУ ТО «Облплан»). Необходимо отметить, что подобные разработки не имели аналогов ни в СССР, ни за рубежом.

Среди других достижений коллектива факультета можно выделить: разработку плана социального развития г. Стрежевого (научный руководитель работ – проф. А.П. Бычков, отв. исполнитель – В.П. Шухтин); совместно с Облстатуправлением – разработку автоматизированной системы государственной статистики (АСГС; координатор и соисполнитель Г.А. Иващенко); создание типовой методики составления на ЭВМ отчетного и планового межотраслевых балансов области (В.И. Арзамаскин); исследование вопросов формирования и функционирования внутриобластных (малых) территориально-производственных комплексов ТПК (К.Н. Вьюков [21. С. 156–157]).

Одной из самых сложных работ в 80-е гг. была разработка логистической модели – промышленно-транспортного комплекса (ПТК) Томской области. Высокое качество проделанной работы характеризует тот факт, что ее результаты были использованы АН СССР при формировании комплексной программы НТП СССР.

Во второй половине 80-х гг., в эпоху перестройки и ускорения, коллектив факультета (В.Г. Садков, С.М. Каз, Г.А. Иващенко, В.М. Чернявская, В.А. Гага, М.Е. Добрусина, Б.С. Бурыхин, А.А. Земцов, Н.А. Телегина и др.) включился в выполнение республиканской программы «Социальный прогресс Сибири» (1986–1990 гг.). Важно отметить, что работа над программой стала логическим продолжением начатых в 70-е гг. исследований по двум крупным направлениям: совершенствование программно-целевого планирования регионального хозяйства и организация соцсоревнования и стимулирования труда [21. С. 141–145].

Конечно, это далеко не полный перечень вклада коллектива экономического факультета Томского государственного университета в экономику региона. Состав преподавателей, ученых и исследователей, занимавшихся исследованиями и многие годы с полной отдачей работавших на экономическом факультете, значительно шире.

Нельзя не упомянуть в связи с этим еще одного талантливого ученого и организатора в сфере экономического образования, профессора Михаила Павловича Евсеева. При его непосредственном участии были разработаны и реализованы многие из перечисленных научных и прикладных проектов. Кроме того, в качестве декана за почти 20-летний период работы Михаил Павлович добился заметного улучшения подготовки экономических кадров для народного хозяйства, организации учебно-воспитательного процесса и

методической работы. Факультет перешел на самостоятельный учебный план, заметно расширилась тематика научных исследований, выросла научно-педагогическая квалификация сотрудников [24].

Подводя итоги научным исследованиям факультета в 80-е гг., проф. А.Л. Шушарин отмечает, что это было время наибольшего их размаха и результативности. С зарождением в 70-е гг., научные исследования на факультете бурно развивались, и уже в 80-е гг. четко определились два научных направления, по каждому из которых сформировалась представительная научная школа, участники которой заняли лидирующее положение в Сибири [21. С. 172]. Одной из принципиальных отличительных особенностей научных школ, сложившихся к началу 1970-х гг., было стремление ученых рассматривать проблемы как следствие развития общих экономических процессов. Приоритетными направлениями во второй половине 70-х гг. и в 80-е гг. XX в. становятся научная организация труда ИТР и служащих, отраслевое планирование и управление народным хозяйством, финансы предприятий и объединений.

Предпосылки непрерывного научно-исследовательского поиска

«Важным звеном в этой системе было наличие в Томском университете совета по защите диссертаций. Такой совет был утвержден Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Минвуза СССР в 1969 г. с правом защиты докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней по экономическим, философским и юридическим наукам (председатель совета – проф. А.П. Бычков, ученый секретарь – доц. Н.Р. Сапунов)... В системе вузов Сибири и Дальнего Востока совет с такими полномочиями в те годы был единственным и работал достаточно эффективно. За 70-е гг. только по специальности “Политическая экономия” на совете было защищено 17 диссертаций... Многие из подтвердивших высокую степень соискателей стали впоследствии известными учеными и возглавили кафедры политической экономии в вузах страны (проф. Ю.С. Нехорошев – в Томском политехническом институте, проф. В.А. Медведев – в Красноярском университете, проф. И.Е. Томский – в Якутском университете, проф. В.И. Канов, с 1992 г. – в Томском университете, проф. Е.Д. Сысолятин длительное время – в Новосибирском филиале юридического факультета Томского университета», – писал А.П. Бычков [Там же. С. 95–96].

Накопленный к концу 70-х гг. научный потенциал способствовал включению экономистов ТГУ в головные советы многих престижных общесоюзных научных программ, привлечению к решению важнейших проблем Томской области и страны в целом. На 80-е гг. приходится пик издательской деятельности факультета, становление аспирантуры и открытие Совета по специальностям 08.00.01 – Политическая экономия и 08.00.07 – Экономика труда. В это же время на факультете появились первые доктора наук по конкретной экономике: В.А. Гага (1981 г.), С.М. Каз (1985 г.), В.Г. Садков (1989 г.) и А.Л. Шу-

шарин (1990 г.); были в основном завершены докторские исследования А.А. Горельского, Б.С. Бурыхина, защитившихся немного позднее [21. С. 172].

Так что за неполные 20 лет (1970–1980-е гг.) научная квалификация сотрудников факультета достигла высокого университетского уровня. На кафедрах экономического факультета к началу 1990-х гг. работали уже шесть докторов экономических наук (вместе с научными сотрудниками). Если прибавить к ним сотрудников кафедры политэкономии, вошедшей в состав ЭФ в 1991 г., то общая численность специалистов с учеными степенями и званиями превысила 40 человек (12 докторов, 30 – кандидатов экономических наук).

Так постепенно сложился научно-педагогический коллектив, способный решать серьезные академические и научные задачи. По мере роста факультета штаты кафедр все чаще комплектовались за счет своих лучших выпускников. Эпизодически этот источник использовался и в 1960-х гг., а в 1970–1980-х гг. он стал основным.

Все эти годы на базе лаборатории экономических исследований и кафедры экономики промышленности активно работали студенческие кружки, члены которых становились лауреатами всесоюзных конкурсов и дипломантами Минвуза СССР.

Студенты-экономисты с увлечением принимали участие в летнем «трудовом семестре». Студенческий отряд пропагандистов-лекторов ежегодно проводил в городе и области порядка 400 лекций и консультаций на экономические темы.

Учебно-воспитательная работа не ограничивалась профессиональной деятельностью. Большое внимание уделялось также и организации свободного времени студентов. Ожились факультетская самостоятельность (одним из наставников в 1970-е гг. была М.Е. Добрусина), а затем и совместный, силами преподавателей и студентов, КВН. Вышла в «тираж» и стала популярной факультетская стенная газета «Оптимум» (руководитель проекта В.С. Цитленок).

Напрашивается однозначный вывод, что появление и функционирование экономического факультета в составе ТГУ отвечало назревшим потребностям развития Томской области и Сибири в целом. Как в сфере подготовки кадров, так и в сфере научных исследований экономический факультет выполнил в основном возложенные на него задачи. Его деятельность вплела яркую ветвь в венок славы Томского университета. Выпускники факультета не затерялись на огромных просторах страны. Они возглавили крупные предприятия и учреждения, руководят научными коллективами, направляют работу экономических служб огромного числа организаций [21. С. 172].

Расширение задач (функций) университетского образования

Развитие экономического образования и науки во многом определяется характером социально-экономических процессов, происходящих в стране. Исключением не является и новый 3-й этап (1991–2016 гг.) его развития в ТГУ, изменивший про-

блематику и концепции научных исследований на факультете, формы и методы обучения студентов и аспирантов.

Изменения форм собственности и характера всего механизма хозяйственной деятельности сформировали спрос на подготовку и переподготовку значительного корпуса управленцев среднего и высшего звена, испытывавших потребность в новых экономических знаниях и компетенциях. Кроме того, остро встал вопрос о подготовке новых специалистов в областях банковского дела, налогов и налогообложения, бухгалтерского учета и аудита, международного маркетинга, коммерции и др.

Как известно, спрос рождает предложение. Поэтому в условиях дефицитности бюджетного финансирования в 90-е гг. и ограниченности бюджетных мест, декан факультета З.Е. Сахарова была вынуждена прибегнуть к организации набора студентов на платной основе. Для факультета обучение студентов на контрактной основе стало необходимым звеном в общей цепочке мер по повышению бюджетной составляющей зарплатной и материально-технической базы.

Принимая во внимание материально-технические трудности увеличения количества обучаемых студентов в рамках факультета классического университета, а также тот факт, что миссией экономического факультета является предоставление возможности получения первого высшего образования, 26 июня 1991 г. ректором ТГУ было принято решение об открытии самостоятельного подразделения – Высшей школы бизнеса (ВШБ) ТГУ [25]. Начальной целью ВШБ было «дать выпускникам технических вузов второе, уже гуманитарное, образование, необходимое им в предпринимательской деятельности» [Там же. С. 62]. Первым директором ВШБ стал инициатор проекта, заведующий кафедрой системного менеджмента и предпринимательства В.А. Гага. Стоит подчеркнуть, что руководство ВШБ, осознавая высокий профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава ЭФ, приняло тогда решение при реализации своих образовательных программ использовать, прежде всего, человеческий потенциал экономического факультета ТГУ.

ВШБ ТГУ была первым учреждением формата «бизнес-образование» за Уралом. Если в 1991 г. набор студентов ВШБ был 25 чел., то в 1996 г. он уже составлял примерно 160 чел., а в 1997 г. – 200 чел. В 1999 г. в подразделении обучалось уже около 3 000 студентов и слушателей [26]. Данная динамика в наборе наглядно демонстрирует имевшийся дефицит в профессионалах с новыми компетенциями в области экономики.

В конце XX в. существенно изменилась и российская система повышения квалификации руководителей. В 1997 г. Высшая школа бизнеса ТГУ получила статус одного из базовых учреждений высшего профессионального образования, реализующих Президентскую программу по подготовке управленческих кадров для Российской Федерации. Основной ресурсной базой Президентской программы снова становится профессорско-преподавательский состав экономического факультета.

Следует заметить, что к аутсорсингу кадров экономического факультета активно прибегал и другой факультет Томского университета – международный факультет управления, открывшийся в 1998 г. [27, 28].

Таким образом, организационно-структурная модель экономического образования и науки в ТГУ стала выходить за рамки экономического факультета. По сути, данная модель была ответом на запрос рынка, поэтому она сохранялась до 2016 г.

Новая экономика, новые регламенты организации учебного процесса (переход на практикоориентированное обучение) потребовали от преподавателей экономического факультета значительного обновления предметного содержания учебных дисциплин и своего багажа научных знаний. Многие из них стали совмещать образовательную деятельность с работой в организациях, компаниях и т.п. Очевидно, что именно быстрое познание содержания, проблем и механизмов рыночной экономики через «on the job learning» и позволило блоку факультетов экономико-управленческого профиля оперативно и качественно перестроить учебный процесс для подготовки специалистов с новыми компетенциями.

Существенным направлением деятельности экономического факультета продолжала оставаться научная работа. Несмотря на то, что государственное финансирование вузовской науки с 1991 г. постоянно сокращалось, на факультете продолжали свою работу четыре исследовательских лаборатории⁴, которые участвовали в республиканских комплексных научно-технических программах «Университеты России», «Народы России: возрождение и развитие», возглавляемых Госкомвузом РФ, «Строительство», «Исследования в области фундаментальных проблем охраны окружающей среды и экологии человека» [29].

В эти годы сотрудниками факультета была проделана огромная научная работа, в результате которой были разработаны рекомендации для предприятий и организаций г. Томска. Были сформирована методика определения оптимального инвестиционного портфеля банка для АО «Газпромбанк», разработана методика организации страховой медицины для АО «Согаз», аудиторских служб, даны рекомендации по расширению спектра услуг АО «Газпромбанк» [30], АО «Сбербанк» и т.п. Многие из теоретических и прикладных разработок в дальнейшем использовались в организациях и компаниях других субъектов Российской Федерации.

Научно-практические разработки факультета оказали существенное влияние и на развитие экономики Томской области, а также Сибирского региона, которые столкнулись с необходимостью изменения форм и методов территориального управления. Так, например, по результатам исследования Н.К. Сагайдачной была подготовлена аналитическая записка «О состоянии экономики Томской области», которая в рамках материала ассоциации «Сибирское соглашение» была представлена в Правительство России. Часть «Программы развития малого бизнеса в Томской области», разработанной И.П. Каргиным совместно с Н.К. Сагайдачной, вошла в обоснование структуры Сибир-

ского регионального фонда развития предпринимательства (Томск) [31].

Особого внимания заслуживает тот факт, что преподаватели факультета как настоящие ученые, стремились к широкомасштабным комплексным исследованиям не только регионального, но и общероссийского уровня. В рамках разработанной лабораторией программно-целевого планирования (научный руководитель В.Г. Садков) «Концепции единой межотраслевой системы оплаты и перспективной мотивации труда» были подготовлены рекомендации по разработке и расчетам минимальных потребительских рациональных бюджетов населения России. Именно они послужили основой, принятой в последующем, общероссийской методики.

Кроме того, сотрудниками кафедры финансов и учета совместно с лабораторией программно-целевого планирования была предложена единая межотраслевая квалификационно-тарифная система (руководителями проекта выступали В.А. Гага и В.Г. Садков), согласно которой произошло изменение системы оплаты труда всех работников бюджетной сферы в РФ.

Много научно-исследовательских работ выполнялось и по хозяйственным вопросам. В 1992–1994 гг. были выполнены исследования по заказам горисполкома Томска, городского отдела здравоохранения, управления образования, федеральной почтовой связи и т.п.

Одним из основных показателей научной значимости исследований в этот период становится система грантов различных уровней, обеспечивающих целевое финансирование наиболее важных работ. За эти годы коллектив факультета добился получения десятков грантов, предоставляемых Российским гуманитарным научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований, ИОО (Фонд Сороса, Россия), Национальным фондом подготовки кадров (НФПК), фондом И.И. Ползунова и т.п. Дополнительным бонусом от наиболее значимых исследований стали защиты кандидатских и докторских диссертаций, что, несомненно, повышало уровень квалификации как самих исследователей, так и уровень подготовки студентов экономического факультета.

Как следствие роста авторитета и научно-исследовательского потенциала экономического факультета в 2007 г. произошло выделение в журнале «Вестник Томского государственного университета» самостоятельной серии «Экономика», где стали публиковаться результаты оригинальных исследований в области экономики, финансов, менеджмента и образования [32].

Постепенно расширялись и международные связи факультета, что позволило его сотрудникам пройти учебные и научные стажировки в университетах Швейцарии, Германии, Голландии, США и Великобритании. По программам академических обменов десятки студентов и аспирантов прошли обучение в университетах Дортмунда, Берлина, Марбурга, Тюбингена (Германия), Фукуи (Япония), штат Огайо, штат Флорида, штат Юта (США) и др. [33, 34]. В 2002 г., благодаря устойчивым научным связям Д.М. Хлопцова с университетами Германии, на базе экономического факультета была создана региональ-

ная группа Ассоциации экономистов Германии и России «DialogE.V.». «Диалог+Томск» объединил студентов, молодых специалистов и экспертов России и Германии для разработки вопросов экономического развития и сотрудничества двух стран [35]. Ежегодно студенты и молодые специалисты обменивались инициативами в формате научных симпозиумов, которые проходили в Томске, Москве, Берлине, Тюбингене и в других городах России и Германии [36].

В 2015 г. на экономическом факультете открывается магистерская программа «Финансы и учет в организациях», имеющая международную аккредитацию ACCA (The Association of Chartered Certified Accountants – глобальная профессиональная ассоциация, объединяющая специалистов в области финансов и учета). Одновременно ВШБ запускает совместно с университетом Коимбры (Португалия) магистерскую программу двойного диплома в области финансов, которая реализуется в рамках проекта Tempus IV «Strengthening higher education in the sphere of finance in Siberia and far east of Russia». Образовательные программы двойного диплома совместно с европейскими университетами-партнерами в Швейцарии, Англии и Литвы запускает и МФУ ТГУ. Обширное международное сотрудничество наглядно демонстрирует высокое качество экономического образования в ТГУ в этот период.

Подтверждением значимости и высокого уровня томской экономической школы для научных исследований, экономики и образования Сибири явилось открытие на базе университетской кафедры политэкономии Новосибирского филиала ИППК (рук. проф. Т.И. Коломиец) [37]. Благодаря ИППК и сложившемуся высокому рейтингу диссертационного совета по экономическим специальностям в Томском государственном университете⁵ на кафедрах ЭФ получили возможность стажироваться, проходить обучение в аспирантуре и докторантуре молодые и уже опытные специалисты и преподаватели – экономисты из Томска, городов Сибири и Дальнего Востока. Логическим продолжением межвузовского сотрудничества явилось проведение на постоянной основе с 1995 г. региональной научной конференции «Экономические чтения» [38].

Стали формироваться площадки для обмена опытом в подготовке кадров, написании учебников, учебных и учебно-методических пособий, координации научной деятельности. Поиску новых исследовательских парадигм в немалой степени способствовали и различные тематические международные симпозиумы, семинары, проводимые преподавателями и сотрудниками факультета. Пришло понимание того, что профессионал высокого университетского уровня – это специалист с хорошо развитой интуицией, потребностью генерировать новые знания, имеющий склонность и навыки к исследовательскому труду. С этим было связано постоянно возрастающее вовлечение аспирантов и студентов в научно-исследовательскую работу факультета. Что касается студентов, то исследовательская деятельность позволяла им не только вести научный поиск, но и конкретизировать проблематику курсовых и дипломных работ,

все более приобретающую теоретико-практическую направленность. По отношению к ним работодатели, бизнес-сообщества и управленческие структуры давали неизменно положительные отзывы.

После небольшого перерыва в 2000-е гг. возобновили свою деятельность научные студенческие кружки. Это был уже другой, обновленный формат: помимо продолжающейся под руководством Д.М. Хлопцова работы региональной группы «Диалог+Томск» [39] развернул свою деятельность экономический дискуссионный клуб (рук. С.В. Кривяков). В совокупности они сумели привлечь не только экономистов, но и студентов неэкономических факультетов ТГУ. Дискуссионные площадки предоставили возможность неформально обсуждать круг исследовательских и прикладных проблем глобального и российского экономического пространства, обеспечить развитие предпринимательских и исследовательских компетенций студентов различных профилей обучения. Подкреплением традиций совместной научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов явилось и открытие в 2011 г. под руководством проф. Н.А. Скрыльниковой учебно-научной лаборатории социально-экономических исследований (УНЛСЭИ). Коллаборация студентов и профессоров ЭФ позволила реализовать ряд инновационных проектов для Томской области, среди которых «Разработка концепции и методологии автоматизированной информационной системы мониторинга и прогнозирования потребности отраслей экономики Томской области в кадрах», «Разработка научно обоснованных предложений по корректировке образовательной политики университетов Сибири на основе прогнозирования изменений региональной экономики, изучения потребностей рынка труда, требований работодателей и лучших образовательных практик» и др.

Обобщая проведенное исследование становления и развития в Сибири и Томском университете экономического образования, авторы приходят к выводу, что характеризуемая в публикации картина демонстрирует достаточно типичную для вузов страны ситуацию с развитием образования и науки.

Во-первых, именно развитие экономики страны привело к повышенному спросу на подготовку специалистов различного профиля в сфере высшего экономического и инженерно-экономического образования. Спрос начал рождать предложение, со временем аккумулировав научно-исследовательский и образовательный потенциал страны в государственных и региональных центрах компетенций. Одними из них являются НИ ТГУ, его факультеты, институты и лаборатории.

Во-вторых, рост требуемого набора необходимых для отраслевых и региональных хозяйственных комплексов квалифицированных специалистов объективно стал приводить к усилению отраслевого принципа в преподавании экономических дисциплин. В результате количество так называемых узких экономических специальностей, как и прикладных навыков их носителей, стало только возрастать. Однако вопреки мнению части руководителей от образования и, нередко, самих преподавателей отраслевой подход вовсе не

снял, а, напротив, усилил значимость фундаментальных исследований в области теории эффективного хозяйствования.

Потребность в экономистах в различных направлениях и формах их подготовки по-прежнему велика. Правда, помимо обновляющихся знаний о новых тенденциях в развивающейся национальной и глобальной экономике, а также социальной сфере им следует иметь компетенции в сфере цифровизации, компьютеризации, маркетинга. Для укрепления возможностей и потенциала эффективного хозяйствования, обеспечения конкурентных позиций стран и территорий, понимания закономерностей повышения качества жизни он должен, как в медицине врач общей практики, быть всесторонне, а не узко подготовленным. Авторы убеждены, что акцент не на текущих, а перспективных потребностях экономики, ее отраслей и регионов, учет требований глобальных рынков актуализируют поиск новой модели специалиста экономического профиля, сохраняющую значимость базовой теоретико-экономической подготовки.

В-третьих, жизнь подтверждает, что в самой специфике научной и учебной дисциплины «экономическая теория» заложено условие ее саморазвития, обеспечиваемое в том числе за счет преодоления кризиса в своей предметной области [40]. Равно как за попытками отображать глобальные и национальные тенденции социально-экономических трансформаций скрывается отнюдь не апологетика проводимой на государственном уровне научной политики. Это, прежде всего, попытка найти новые исследовательские направления и объекты, а также применить к исследованию уже известных и ранее изученных фактов вновь разрабатываемые научные парадигмы. То есть, представить изучаемые объекты с новых, нетрадиционных точек зрения. Именно это, как часто говорят современные исследователи, дает возможность «по-новому структурировать дисциплинарную матрицу» [41].

Оценивая реально сложившуюся в последние десятилетия в России и Томском государственном университете модель подготовки специалиста, нетрудно заметить наличие в ней как сильных, так и слабых сторон. Неоспорим тот факт, что именно благодаря разнообразным платным формам подготовки студентов на экономическом факультете повысилось качество учебно-методической и материально-технической базы (были оборудованы компьютерные классы, обновлены некоторые технические средства обучения), появились возможности публикации научных работ, научных командировок и т.д.

Кроме того, эффект синергии, возникший благодаря сотрудничеству и конкуренции трех факультетов, обеспечил возможность инновационного разви-

тия экономического образования и формирования на базе ТГУ международного образовательного экономического пространства [42, 43]. Все это позволяло студентам получать фундаментальное образование классического университета наряду с практикоориентированным подходом к изучению дисциплин, что особенно ценится работодателями

Однако – и это не оспаривается сегодня основной частью научно-образовательного сообщества – именно большой перевес учебной (аудиторной) работы стал естественным образом сдерживать научно-исследовательскую деятельность. Повысилась наполняемость аудиторий, возник эффект преобладания знаниеемых технологий обучения над групповыми формами работы, опирающимися на обсуждение и опыт обучаемых. С течением времени эффективность научно-исследовательской и образовательной деятельности коллектива экономического факультета (как факультета теперь уже Национально-исследовательского Томского университета) стала падать.

Тенденция снижения конкурентоспособности выпускников, характерная для образовательного пространства РФ в целом, очевидна. Важно чтобы сегодня, когда совокупность названных выше проблем не просто осознана, но и получила новые импульсы для своего разрешения, происходили выявление и поддержка, а впоследствии и закрепление молодых талантливых выпускников, ученых, преподавателей в развивающихся перспективных отраслях экономики страны. Малые предприятия в стране нуждаются в реальных, а не виртуальных возможностях для цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, ускорения коммерциализации новых идей. Для выхода в мировое рыночное пространство малому бизнесу могли бы подставить плечо крупные компании, которые зачастую сейчас сами находятся в узком инновационном коридоре.

Помимо реализации образовательной и исследовательской функции экономический факультет «должен стать мощным двигателем трансформации всего университета» [42], инфраструктурным модулем, обеспечивающим коммерциализацию новых идей, генерируемых студенческим и научным сообществом ТГУ. На сформированный в сентябре 2016 г. в ТГУ Институт экономики и менеджмента, который объединил в себе три факультета, возлагаются серьезные надежды в этом направлении. Постепенно во имя реализации важнейшей научно-образовательной миссии меняются структура, содержательное наполнение учебных программ. Преподавательские коллективы кафедр ЭФ, ИЭМ и НИ ТГУ в целом продолжают вести поиск новых форм обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹И.А. Трахтенберг стал крупнейшим советским экономистом в области денежного обращения и кредита, теории кредита и истории экономических кризисов. С 1939 г. он – академик АН СССР, работал в Госплане СССР.

²В ее написании, сопровождавшемся подбором и ссылками на архивы ТГУ, детальным анализом и выводами, приняли участие доктора экономических наук, профессора А.П. Бычков, М.П. Евсеев, К.И. Могильницкая, А.Л. Шушарин, В.И. Канов, В.А Гага, заслуженный декан ТГУ З.Е. Сахарова и др.

³Первым руководителем ЛЭИ стал заведующий кафедрой экономика промышленности В.Ф. Васютин.

⁴Лаборатория программно-целевого планирования (науч. рук. В.Г. Садков); Экономическая лаборатория исследования трудовой активности (рук. проф. В.А. Гага; Лаборатория экономического механизма (рук. А.Л. Шушарин); Лаборатория методологии социально-экономического развития (рук. Т.И. Коломиец).

⁵С 1995 г. широко развернувшего свою деятельность по трем специальностям: 08.00.01 (экономическая теория), 08.00.05 (экономика и управление народным хозяйством (экономика труда), 08.00.10 (финансы, денежное обращение и кредит).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриенко Н.М. Императорский Томский университет и сибирское купечество: опыт взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 94–102.
2. Дмитриенко Н.М. Об открытии университета в Томске // Сибирская старина. 1998. № 15 (20). С. 3–5. URL: <http://museum.tsu.ru/stud/4> (дата обращения: 22.12.2018).
3. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России // Актуальные проблемы картофелеводства: фундаментальные и прикладные аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (10–13 апреля 2018 г.). Томск, 2018. С. 25–28.
4. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / [сост.: С. Ф. Фоминых (отв. ред.) и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 506 с.
5. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета: 1888 – февраль 1917 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999. 300 с.
6. Галажинский Э.В., Майер Г.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Д.И. Менделеев и В.М. Флоринский в истории Томска. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. 92 с.
7. Дунбинский И.А., Некрылов С.А. Василий Маркович Флоринский и первый Сибирский университет в городе Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 38–44.
8. Ищенко О.В. Томский университет в городском пространстве Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 18–22.
9. Блинова О. Виктор Астафьев. Объяснение в любви // Alma Mater. Газета Томского государственного университета. 30.04.2014. № 2560. URL: http://almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2560&s=6461 (дата обращения: 21.12.2018).
10. Государственный архив Томской области. Ф. 433. Оп. 1. Д. 57 от 9 сентября 1897 г. // Материалы делопроизводства Барнаульского горного правления.
11. Томский университет: 135 лет в истории России, 1878–2013 / [сост.: С.Ф. Фоминых и др.; под ред. С.Ф. Фоминых, Е.М. Игнатенко]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 282 с.
12. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1 / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
13. Фоминых С.Ф. Роль Императорского Томского университета в развитии образования и науки в Сибири (1888–1917 гг.) // Вестник ТГПУ. 2000. Вып. 4 (20). Сер. Гуманитарные науки (спецвыпуск). С. 61–66.
14. Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России в 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. к 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 656–669.
15. Студенческий бюджет // Сибирская жизнь. 04.04.1914. № 72. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/> (дата обращения: 20.12.2018).
16. Кустарные промыслы Томской губернии / сост. членами стат. семинария под ред. М.Н. Соболева. СПб. : Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1909. 50 с. URL: <http://elbib.tomsk.ru/purl/1-11711/> (дата обращения: 20.12.2018).
17. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли: Экспедиция в Монголию 1910 года. Томск : Типолитограф. Сибир. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
18. Могильницкая К.И. Очерки становления высшего образования в Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 1997. 52 с.
19. Юридическое образование в Томском государственном университете // Очерк истории (1898–1998 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 246 с.
20. Могильницкая К.И. У истоков высшего экономического образования в Сибири: проф. М.Н. Соболев. Томск : Изд. НТЛ, 1991. 68 с.
21. Сто лет экономическому образованию и науке в Сибири / под ред. К.И. Могильницкой. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 127–150.
22. Смирнова Р.А. Становление экономического факультета в моей памяти. Томск : Позитив, 2012. С. 3–27.
23. Архив Томского университета. Приказы ректора за 1995 г.
24. Профессора Томского университета: биографический словарь. Т. 4, ч. 3. / [С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, К.В. Петров, Л.Л. Берцун и др.; гл. ред. С.Ф. Фоминых]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000174614> (дата обращения: 21.12.2018).
25. Высшая школа бизнеса // Томский университет. Ежегодник-98 / под ред. Г.В. Майера. Факультеты и подразделения в 1998 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 62–63.
26. История ВШБ: официальный сайт. URL: <http://hsb.tsu.ru/hsb/history> (дата обращения: 21.12.2018).
27. История факультета: официальный сайт / ТГУ. URL: <http://mfu.tsu.ru/about/history> (дата обращения: 21.12.2018).
28. Международный факультет управления // Томский университет. Ежегодник-98 / под ред. Г.В. Майера. Факультеты и подразделения в 1998 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 89–91.
29. Экономический факультет // Томский университет. Ежегодник-98 / под ред. Г.В. Майера. Факультеты и подразделения в 1998 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 61.
30. Каз М.С. Каналы масс-медиа и мотивационные предпочтения получателей банковских услуг в сети Интернет // Организационно-экономические основы банковского менеджмента 0 64 : сб. ст. / отв. ред. В.А. Гага. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 100–111.
31. Каргин И.П., Озеров Я.М., Сагайдачная Н.К. Как стать предпринимателем (или все о малом предприятии). Томск, 1991. 156 с.
32. Вестник Томского государственного университета. Экономика: официальный сайт / ТГУ. URL: <http://journals.tsu.ru/economy/> (дата обращения: 21.12.2018).
33. Экономический факультет // Томский университет. Ежегодник-2002 / под ред. Г.В. Майера. Факультеты и подразделения в 2002 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 94.
34. Экономический факультет // Томский университет. Ежегодник-2005 / под ред. Г.В. Майера. Факультеты и подразделения в 2005 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 85.
35. Ковынев Д. «ДИАЛОГ» между Германией и Россией // Alma Mater. Газета Томского государственного университета. 25.10.2002. № 2333.
36. Симпозиум в Тюбингене // Alma Mater. Газета Томского государственного университета. 11.06.2004. № 2367. URL: http://www.almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2367&s=1417 (дата обращения: 22.12.2018).
37. Тарунина Г.А. Участие кафедры политической экономики ТГУ в повышении квалификации преподавателей экономики // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. 2010. № 2. С. 95–98.
38. Шарапова Н. Об инновациях и финансовом кризисе – на чтениях экономистов // Alma Mater: газета Томского государственного университета. 25.11.2008. № 2452. URL: http://www.almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2452&s=3488 (дата обращения: 24.12.2018).

39. Профессиональный выбор // Alma Mater. Газета Томского государственного университета. 21.05.2013. № 2542. URL: http://www.alma-mater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2542&s=5953 (дата обращения: 24.12.2018).
40. Тамбовцев В.Л. О научной обоснованности научной политики в РФ // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 5–32.
41. Волкова О.Н. Демаркация границ экономической дисциплины: содержательный подход (случай бухгалтерского учета) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 95–121.
42. Генераторы новых идей и бизнесов. В ТГУ открылся Институт экономики и менеджмента // Томский обзор (obzor.westsib.ru). 12.09.2016. URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/generatory-novykh-idey-12092016> (дата обращения: 22.01.2019).
43. Добрушина М.Е. Труды и годы кафедры системного менеджмента и предпринимательства. Стратегия развития // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 126–129.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2019 г.

Formation and Development of Economic Education in Tomsk State University (1888–2018)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 118–131.

DOI: 10.17223/15617793/446/16

Tatiana I. Kolomiets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tkolom@yandex.ru

Tatiana Yu. Artibyakina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Artibyakina_TU@mail.ru

Keywords: higher economic education; education in Siberia; human development; high-tech economic issues; advanced model of education development.

The study of the formation and development of economic education in the Imperial Tomsk State University (TSU), first beyond the Urals, actualizes the task of identifying the prerequisites for the emergence of the cultural, historical and educational environment in the vast expanse of the Siberian region. By 1803–88, the region had a significant accumulated capital, an intellectual layer and educated migrants, which ensured the common interests of the residents of the city and created a powerful incentive for the scientific search for educational and resource potentials and for opportunities for the development of the rich territory. The aim of this article is to search for general and specific bases for the formation of human resources, adequate to the requirements of the time of the scientific and educational environment and developed with the participation of the staff of economic departments. Based on the study and evaluation of the experience of predecessors, generalization of accumulated historical and analytical data, direct involvement of the authors of the article in the process of accumulation and transfer of educational skills and competencies, it was possible to make a periodization of the formation and active development of economic education in TSU and Siberia. The authors identify several stages of accumulating the educational and research potential of generations of students and university professors and their implementation for the needs of the diversified economy of the Siberian region. The article substantiates that the development of economic education in the 19th – early 20th centuries had three components: pedagogical activities of TSU professors of economics; joint research with students on the economy of Siberia and elaboration of projects for its development; educational activities of professors in the dissemination of economic knowledge both in Tomsk and beyond. The hypothesis is confirmed that the relationship of science and practice in educational activities, as well as coordination of research for the needs of the economic complex of the region, ensured the institutional stability of the phenomenon of universal theoretical and economic education at TSU. Successful adaptation of specialists in various areas of production and economic activities confirmed that graduates of the Faculty of Economics had basic skills in research and creative economic thinking. Thanks to the cooperation and competition of the Faculties of Economics and Management, a synergy effect arose that created the possibility of innovative development and the formation of a TSU-based international educational economic space. The article concludes that, in the current trend of reducing the competitiveness of graduates characteristic of the educational space of the Russian Federation as a whole, economic education at TSU should take on new challenges. Gradually, in order to realize the most important scientific and educational mission, it is necessary to transform the structure, content and quality of the curricula. In addition to the implementation of the educational and research functions, the TSU Institute of Economics and Management should become a powerful engine for the transformation of the entire university, an infrastructure module that ensures the commercialization of new ideas generated by the TSU student and academic community.

REFERENCES

1. Dmitrienko, N.M. (2016) Imperial Tomsk University and Siberian merchants: the experience of co-operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 94–102. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/15
2. Dmitrienko, N.M. (1998) Ob otkrytii universiteta v Tomske [On the opening of a university in Tomsk]. *Sibirskaya starina*. 15 (20). pp. 3–5. [Online] Available from: <http://museum.tsu.ru/stud/4>. (Accessed: 22.12.2018).
3. Nekrylov, S.A. & Fominykh, S.F. (2018) [Tomsk University: the first scientific center in Asian Russia]. *Aktual'nye problemy kartofelevodstva: fundamental'nye i prikladnye aspekty* [Topical issues of potato growing: fundamental and applied aspects]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 10–13 April 2018. Tomsk: Tomsk State University. pp. 25–28. (In Russian).
4. Fominykh, S.F. et al. (2014) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Nekrylov, S.A. (1999) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta: 1888 – fevral' 1917 gg.* [Faculty of the Imperial University of Tomsk: 1888 – February 1917]. History Dr. Diss. Tomsk.
6. Galazhinskiy, E.V. et al. (2016) *D.I. Mendeleev i V.M. Florinskiy v istorii Tomska* [D.I. Mendeleev and V.M. Florinsky in the history of Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Dunbinskiy, I.A. & Nekrylov, S.A. (2018) Vasily Markovich Florinsky and the first Siberian university in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 54. pp. 38–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/54/6
8. Ishchenko, O.V. (2012) Tomskiy universitet v gorodskom prostranstve Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Tomsk University in the urban space of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta – Yugra State University Bulletin*. Vyp. 1 (24). pp. 18–22.
9. Blinova, O. (2014) Viktor Astaf'ev. Ob"yasnenie v lyubvi [Victor Astafiev. Declaration of love]. *Alma Mater*. 30 April. 2560. [Online] Available from: http://almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2560&s=6461. (Accessed: 21.12.2018).
10. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 433. List 1. File 57: *Materialy deloproizvodstva Barnaul'skogo gornogo pravleniya* [Office work materials of the Barnaul mountain administration]. September 9, 1897.

11. Fominykh, S.F. et al. (2013) *Tomskiy universitet: 135 let v istorii Rossii, 1878–2013* [Tomsk University: 135 years in the history of Russia, 1878–2013]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)*. [Tomsk University: the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University
13. Fominykh, S.F. & Shirokova, M. (2000) Problems of Science, education and culture on the boundary of millenniums. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (20). pp. 61–66. (In Russian).
14. Margolis, Yu.D. (1996) *Studencheskie perepisi v Rossii v 1872–1912 gg.* [Student censuses in Russia in 1872–1912]. In: Vorob'ev, V.V. (ed.) *Srednevekovaya i novaya Rossiya: sb. nauch. st. k 60-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova* [Medieval and new Russia: A collection of articles to the 60th anniversary of Professor Igor Froyanov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1914) *Studencheskiy byudzhel* [Student budget]. *Sibirskaya zhizn'*. 04 April. 72. [Online] Available from: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000349025/>. (Accessed: 20.12.2018).
16. Sobolev, M.N. (ed.) (1909) *Kustarnye promysly Tomskoy gubernii* [Handicrafts of Tomsk Province]. St. Petersburg: Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov. [Online] Available from: <http://elibrary.tomsk.ru/purl/1-11711/>. (Accessed: 20.12.2018).
17. Bogolepov, M.I. & Sobolev, M.N. (1911) *Ocherki russko-mongol'skoy torgovli: Ekspeditsiya v Mongoliyu 1910 goda* [Essays on Russian-Mongolian Trade: An Expedition to Mongolia in 1910]. Tomsk: Tipolitogr. Sibir. t-va pech. dela.
18. Mogil'nitskaya, K.I. (1997) *Ocherki stanovleniya vysshego obrazovaniya v Sibiri* [Essays on the formation of higher education in Siberia]. Tomsk: Izd-vo NTL.
19. Volovich, V.F. (ed.) (1998) *Yuridicheskoe obrazovanie v Tomskom gosudarstvennom universitete* [Legal education at Tomsk State University]. In: *Ocherk istorii (1898–1998 gg.)* [Essay on History (1898–1998)]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Mogil'nitskaya, K.I. (1991) *U istokov vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya v Sibiri: prof. M.N. Sobolev* [At the origins of higher economic education in Siberia: Professor M.N. Sobolev]. Tomsk: Izd. NTL.
21. Mogil'nitskaya, K.I. (ed.) (1998) *Sto let ekonomicheskomu obrazovaniyu i nauke v Sibiri* [One hundred years of economic education and science in Siberia]. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 127–150.
22. Smimova, R.A. (2012) *Stanovlenie ekonomicheskogo fakul'teta v moyey pamyati* [The formation of the Faculty of Economics in my memory]. Tomsk: Pozitiv. pp. 3–27.
23. Archive of Tomsk University. *Priказы ректора за 1995 г.* [Rector's orders for 1995].
24. Fominykh, S.F. (ed.) (2003) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: a biographical dictionary]. Vol. 4. Pt. 3. Tomsk: Tomsk State University, [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000174614>. (Accessed: 21.12.2018).
25. Mayer, G.V. (ed.) (1999) *Vyshshaya shkola biznesa* [Higher School of Business]. In: *Tomskiy universitet. Ezhegodnik-98: Fakul'tety i podrazdeleniya v 1998 godu (istoriya, khronika, kommentarii, statistika)* [Tomsk University. Yearbook 98: Faculties and departments in 1998 (history, chronicle, commentaries, statistics)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 62–63.
26. Higher School of Business. (n.d.) *Istoriya VshB* [History of HSB]. [Online] Available from: <http://hsb.tsu.ru/hsb/history>. (Accessed: 21.12.2018).
27. International Management Faculty. (n.d.) *Istoriya fakul'teta* [History of the faculty]. [Online] Available from: <http://mfu.tsu.ru/about/history>. (Accessed: 21.12.2018).
28. Mayer, G.V. (ed.) (1999) *Mezhdunarodnyy fakul'tet upravleniya* [International Management Faculty]. In: *Tomskiy universitet. Ezhegodnik-98: Fakul'tety i podrazdeleniya v 1998 godu (istoriya, khronika, kommentarii, statistika)* [Tomsk University. Yearbook 98: Faculties and departments in 1998 (history, chronicle, commentaries, statistics)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 89–91.
29. Mayer, G.V. (ed.) (1999) *Ekonomicheskii fakul'tet* [Faculty of Economics]. In: *Tomskiy universitet. Ezhegodnik-98: Fakul'tety i podrazdeleniya v 1998 godu (istoriya, khronika, kommentarii, statistika)* [Tomsk University. Yearbook 98: Faculties and departments in 1998 (history, chronicle, commentaries, statistics)]. Tomsk: Tomsk State University. p. 61.
30. Kaz, M.S. (2002) *Kanally mass-media i motivatsionnye predpochteniya poluchateley bankovskikh uslug v seti Internet* [Media channels and motivational preferences of Internet banking recipients]. In: Gaga, V.A. (ed.) *Organizatsionno-ekonomicheskie osnovy bankovskogo menedzhmenta 0 64* [Organizational and economic fundamentals of banking management 0 64]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 100–111.
31. Kargin, I.P., Ozerov, Ya.M. & Sagaydachnaya, N.K. (1991) *Kak stat' predprinimatelem (ili vse o malom predpriyatii)* [How to become an entrepreneur (or all about a small business)]. Tomsk: Politizdat.
32. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. [Online] Available from: <http://journals.tsu.ru/economy/>. (Accessed: 21.12.2018).
33. Mayer, G.V. (ed.) (2003) *Ekonomicheskii fakul'tet* [Faculty of Economics]. In: *Tomskiy universitet. Ezhegodnik-2002: Fakul'tety i podrazdeleniya v 2002 godu (istoriya, khronika, kommentarii, statistika)* [Tomsk University. Yearbook 2002: Faculties and departments in 2002 (history, chronicle, commentaries, statistics)]. Tomsk: Tomsk State University. p. 94.
34. Mayer, G.V. (ed.) (2006) *Ekonomicheskii fakul'tet* [Faculty of Economics]. In: *Tomskiy universitet. Ezhegodnik-2005: Fakul'tety i podrazdeleniya v 2005 godu (istoriya, khronika, kommentarii, statistika)* [Tomsk University. Yearbook 2005: Faculties and departments in 2005 (history, chronicle, commentaries, statistics)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 85.
35. Kovynev, D. (2002) "DIALOG" mezhdru Germaniyei i Rossiei ["DIALOGUE" between Germany and Russia]. *Alma Mater*. Newspaper of Tomsk State University. 25 October. 2333.
36. *Alma Mater*. (2004) *Simpozium v Tyubingene* [Symposium in Tübingen]. 11 June. 2367. [Online] Available from: http://www.alma-mater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2367&s=1417. (Accessed: 22.12.2018).
37. Tarunina, G.A. (2010) The role of the Chair of Political Economy at TSU in the professional development of economics teaching staff. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 2. pp. 95–98. (In Russian).
38. Sharapova, N. (2008) *Ob innovatsiyakh i finansovom krizise – na chteniyakh ekonomistov* [On innovation and the financial crisis at the Readings of economists]. *Alma Mater*. 25 November. 2452. [Online] Available from: http://www.almamater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2452&s=3488. (Accessed: 24.12.2018).
39. *Alma Mater*. (2013) *Professional'nyy vybor* [Professional choice]. 21 May. 2542. [Online] Available from: http://www.alma-mater.tsu.ru/show_story.phtml?nom=2542&s=5953. (Accessed: 24.12.2018).
40. Tambovtsev, V.L. (2018) On scientific validity of Russian science policy. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 5–32. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-5-32
41. Volkova, O.N. (2018) Defining the boundaries of an economic discipline: A content-related approach (The case of accounting). *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 95–121. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-2-95-121
42. *Tomskiy Obzor*. (2016) *Generatory novykh idey i biznesov. V TGU otkrylsya Institut ekonomiki i menedzhmenta* [Generators of new ideas and businesses. The Institute of Economics and Management was opened at TSU]. [Online] Available from: <http://www.sib-science.info/ru/heis/generatory-novykh-idey-12092016>. (Accessed: 22.01.2019).
43. Dobrusina, M.E. (2013) *Toils and years of System Management and Business Economics Department. Strategy of development*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 126–129. (In Russian).

Received: 14 April 2019

П.П. Румянцев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ЖАНДАРМСКОГО НАДЗОРА ЗА ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Исследуются обстоятельства учреждения жандармского надзора за золотопромышленной отраслью в Сибири, который первоначально распространялся на западную часть региона. Выявляются инициаторы учреждения надзора, устанавливаются задачи, которые должен был решать данный надзор посредством деятельности штаб-офицеров Корпуса жандармов на золотых промыслах. Уделяется внимание вопросам, связанным с составлением должностной инструкции для этих чинов и выбору кандидата на новую должность. Делается вывод, что жандармский надзор являлся важным инструментом правительственной политики в промышленной сфере, на который возлагались большие надежды.

Ключевые слова: Сибирь; XIX в.; жандармерия; штаб-офицер; генерал-губернатор; А.Х. Бенкендорф; П.Д. Горчаков; Я.Д. Казимирский; И.М. Огарев.

Вопрос об учреждении должности жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в правительственных кругах был поднят на рубеже 30–40-х гг. XIX в. по ряду причин. Во-первых, именно в это время на частных золотых промыслах, как в Западной, так и Восточной Сибири, прокатилась волна массовых волнений рабочих, вызванных несоблюдением условий контрактов со стороны владельцев промыслов и их доверенных лиц, плохими материальными условиями жизни на приисках, а также насилием со стороны администраций золотопромышленных предприятий. Если в первой половине 30-х гг. XIX в. на золотых промыслах Западной Сибири произошло 9 выступлений приисковых рабочих, в основном связанных с самовольным уходом последних в связи с нарушениями рабочих контрактов со стороны золотопромышленников и их доверенных лиц, то в последующие годы количество волнений рабочих неуклонно росло вверх. Пик волнений пришелся на 1837 г., когда в Томской губернии было зафиксировано не менее 10 волнений приисковых рабочих, в которых приняло участие несколько тысяч человек и большинство из этих волнений справедливо относятся к разряду стачек [1]. Рабочее движение на приисках приобретало масштаб и организованный характер и это не могло не обеспокоить правящие круги. Следовательно, необходимо было принять правительственные меры для пресечения впредь подобных волнений. Во-вторых, за такой важной отраслью, способствующей финансовому благополучию страны, как золотодобыча, необходим был надзор со стороны лиц, которые бы не зависели от местных властей и самих золотопромышленников и могли максимально эффективно действовать в интересах казны и правительства.

История учреждения и дальнейшего функционирования надзора со стороны жандармского ведомства за частной золотопромышленностью в Сибири с недавнего времени стала попадать в сферу внимания отечественных исследователей [2–4]. Автор представленных статьи попытается проанализировать обстоятельства становления этого надзора, позволяющие увидеть механизм взаимодействия между различными органами власти и должностными лицами и теми ин-

тересами, которые они преследовали, организовывая данный надзор в Сибири.

Инициатором учреждения жандармского надзора за золотопромышленностью выступил генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков. В своем отношении № 292 от 8 марта 1841 г. на имя шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа он указывал, что комиссия, учрежденная «для обревизования государственных имуществ в Западной Сибири», представила ему ряд замечаний относительно нарушений со стороны как золотопромышленников, так и местных властей. Положения о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири (изд. 30 апреля 1838 г.). Горчаков заканчивал свое отношение следующей просьбой: «...почему и обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой – исходатайствовать Высочайшее соизволение на определение для наблюдения собственно за порядком на частных золотых приисках особого благонадежного офицера от Корпуса Жандармов, который находился бы там постоянно во время производства работ и об оказываемом доносил непосредственно мне и Начальнику 8-го округа Корпуса Жандармов» [5. Л. 1–1 об.].

Просьба западносибирского генерал-губернатора нашла отклик со стороны казавшегося в то время всемогущим шефа жандармов, чему можно привести следующее объяснение. Во-первых, как глава жандармского ведомства, Бенкендорф стремился поддерживать тишину и спокойствие везде, где только можно и золотые промыслы в Сибири, на которых то и дело вспыхивали волнения рабочих, являлись именно тем местом, где как раз и необходимо было восстановить законный порядок. Во-вторых, шеф жандармов осознавал, какую пользу приносит золотодобыча в Сибири для государственной казны. И, наконец, в-третьих, у Бенкендорфа имелся собственный интерес к развитию сибирской золотопромышленности. Известно, что он имел пай в золотопромышленной компании, учрежденной в 1835 г., в числе прочих пайщиков которой числились такие крупные сановники, как военный министр граф А.И. Чернышев и генерал-адъютант В.А. Адлерберг, а также один из самых известных и вместе с тем успешных сибирских золото-

промышленников того времени И.Д. Асташев [6. С. 33]. Используя, как сейчас говорят, административный ресурс, шеф жандармов старался способствовать развитию этой компании, а также пристально следил за положением дел в золотопромышленной отрасли в Сибири.

Бенкендорф 5 апреля 1841 г. своим отношением «О золотых приисках» напрямую обратился к царю, где привел просьбу и доводы Горчакова насчет учреждения надзора со стороны жандармского ведомства за золотыми промыслами в Сибири. В заключении шеф жандармов позволил себе высказать свое мнение по этому вопросу: «Всепоподданнейше докладывая о сем Вашему Величеству, имею счастье присовокупить, что, хотя не могу дать решительного мнения моего на счет необходимости испрашиваемого Горчаковым назначения, но я нахожу оное полезным в том уже отношении, что чрез сие усилится наблюдение за золотопромышленниками <...>, а между тем золотопромышленность год от года распространяется» [5. Л. 4–4 об.]. Николай I внял доводам Бенкендорфа и наложил свою резолюцию «Назначить совершенно надежного штаб-офицера», а уже 9 мая 1841 г. посредством выхода именного царского указа учреждался жандармский надзор за частной золотопромышленностью в Сибири [7. С. 381]. При этом стоит отметить, что инициаторы учреждения этого надзора подразумевали ограничить его действие территорией Западной Сибири, а конкретнее золотыми промыслами, расположенными в Томской губернии, где собственно и зародилась сибирская частная золотопромышленность.

Далее предстояло решить несколько задач: отобрать кандидата на новую должность, определить его материальное положение и составить инструкцию его должностным обязанностям. По замыслу Бенкендорфа, важным представлялось не перекладывать обязанности надзора за частными золотыми промыслами на уже числившихся в штате 8-го (Сибирского) жандармского округа офицеров, а учредить новую штатную единицу, приравнивая ее по правам и положению к губернским штаб-офицерам Корпуса жандармов. Тем самым усиливалось бы жандармское присутствие и возрастало влияние жандармского ведомства в Сибири. Шеф жандармов обратился к военному министру А.И. Чернышову (Корпус жандармов по хозяйственной и строевой частям находился в ведении военного министерства), который поддержал инициативу Бенкендорфа. 16 мая 1841 г. вышел приказ по Корпусу жандармов № 32, где говорилось следующее: «...2) В отношении жалованья, столовых денег, квартиры, суммы на канцелярские расходы, выдачи при определении к месту, годового не в счет жалованья и двойных прогонов и по прочим преимуществам сравнить этого штаб-офицера со штаб-офицерами 8-го округа Корпуса Жандармов. 3) Штаб-офицеру сему состоять в ведении Начальника 8-го округа Корпуса Жандармов и считаться в числе штаб-офицеров упомянутого Округа, и 4) В линию производства штаб-офицеров по Корпусу Жандармов прибавить к 9-ти полковникам еще одного полковника так, чтобы их полагалось 10» [5. Л. 15–15 об.].

Параллельно с решением предыдущего вопроса в один день – 10 апреля 1841 г. – Бенкендорф обратился с отношениями к следующим должностным лицам насчет их мнения об определении служебных обязанностей для новой жандармской должности: министру финансов Е.Ф. Канкрину, Главному начальнику горных заводов Уральского хребта В.А. Глинка, начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа Н.Я. Фалькенбергу и генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову. При этом интересно отметить, что в этот же день Бенкендорф также обращался к генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту, запрашивая мнение последнего о необходимости распространения жандармского надзора за частными приисками в Восточной Сибири [5. Л. 5–8; 8. Л. 9–9 об.]. Такое рвение в вопросе учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири демонстрирует прямую заинтересованность Бенкендорфа в развитии этой отрасли производства.

В.А. Глинка попросил освободить его от высказывания мнения по означенному вопросу по той причине, что ему «совершенно неизвестны местные обстоятельства золотых сибирских промыслов, о которых я знаю только по слуху...». Министр финансов Е.Ф. Канкрин в своем отношении № 10 от 28 апреля 1841 г. дал уклончивый ответ. С одной стороны, он выразил мнение, что обязанности жандармского штаб-офицера должны касаться только полицейской части и не затрагивать техническую сторону процесса золотодобычи. С другой стороны, министр финансов посоветовал по этому вопросу запросить мнение генерал-губернатора Восточной Сибири и Главного начальника Алтайских заводов, также заинтересованных в этом вопросе. В дополнении к сказанному Канкрин высказался, что его мнение будет более уместным, когда появятся проекты служебной инструкции от других должностных лиц [9. Л. 3–4].

Как и следовало ожидать, самый обстоятельный ответ дал начальник 8-го (Сибирского) округа Корпуса жандармов Н.Я. Фалькенберг. В своем рапорте № 56 от 26 мая 1841 г. на имя шефа жандармов он предложил распространить жандармский надзор и на прииски, находящиеся в Енисейской губернии, а также предложил свой проект должностной инструкции, состоящей из 13 пунктов. В своем проекте он наделял жандармского штаб-офицера большими полномочиями, а также пытался обособить его по отношению к высшей исполнительной власти в регионе, т.е. от генерал-губернатора. Так, Фалькенберг согласился, что жандармский штаб-офицер ежегодный отчет о своих действиях и положения золотодобычи в целом должен представлять как начальнику жандармского округа, так и генерал-губернатору Западной Сибири. Однако текущие замечания в процессе своей работы, по мнению Фалькенберга, жандармский чин должен был доносить только одному начальнику округа [5. Л. 20–23].

За несколько дней до этого рапорта, 20 мая, Фалькенберг обращался к генерал-губернатору П.Д. Горчакову, где сообщил последнему, что шеф жандармов поручил ему, Фалькенбергу, составить проект, подробно в нем определив круг обязанностей новой

должности и отношения с теми лицами, с кем он будет иметь дело (видно, что Фалькенберг был не в курсе, что Бенкендорф обратился с аналогичной просьбой и к самому Горчакову). Далее жандармский окружной начальник просил генерал-губернатора сообщить ему какие особые обязанности, на его взгляд, следует возложить на жандармского штаб-офицера по наблюдению на золотых промыслах в Томской губернии и степень его подчиненности по отношению к местному полицейскому начальству [10. Л. 479–479 об.]. Однако от Горчакова не последовало никакой реакции, и Фалькенберг обратился к своему непосредственному начальнику Бенкендорфу с рапортом, содержание которого приведено выше.

Реакция западносибирского генерал-губернатора П.Д. Горчакова на отношение Бенкендорфа оказалась предсказуемой. В своем ответе от 19 мая 1841 г. (№ 562) он напомнил, что первоначально запрашивал жандармского офицера, чтобы сохранять порядок среди рабочих на золотых промыслах, а также сообщать о нарушениях законодательства, относящиеся до золотопромышленности. Далее он высказывал мнение, чтобы жандармский чин не принимал ни где прямого участия, а его обязанность «ограничивалась исключительно одним наблюдением в черте приисков, на точном основании общей инструкции, составленной для губернского [жандармского] штаб-офицера», которую он, Горчаков, признает вполне удовлетворительной с существенной поправкой: «...чтобы о примеченном им для выигрывания времени доносил вместе окружному своему начальнику и мне» [Там же. Л. 417]. Тем самым можно увидеть, что высшая исполнительная власть в регионе, представляемая Горчаковым, попыталась установить рамки полномочий новой жандармской должности и попытаться заставить ее обо всех своих действиях отчитываться перед главной региональной властью.

При выработке окончательного варианта должностной инструкции Бенкендорф пошел на встречу Горчакову, с кем у него к тому времени были итак непростые отношения, которые в дальнейшем он не желал обострять. В итоге текст инструкции получил утверждение 16 мая 1842 г. Согласно этому документу, роль жандармского чина сводилась к наблюдательной деятельности за процессом золотодобычи и необходимости информировать как свое окружное начальство, так и генерал-губернатора Сибири о важнейших злоупотреблениях приисковых администраций и волнениях рабочих – чего собственно и добивался Горчаков (подробнее см.: [11]).

Обратимся к вопросу о выборе кандидата на должность штаб-офицера Корпуса жандармов на частных золотых промыслах в Западной Сибири. Первоначально выбор кандидатуры был сделан в пользу капитана Герсевича, адъютанта при жандармском штаб-офицере в Екатеринбургской губернии, которого специально для новой должности произвели в чин майора с одновременным назначением жандармским штаб-офицером к золотым приискам в Западной Сибири. Однако 16 сентября 1841 г. Бенкендорф сообщал генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову, что майор Герсевич оставлен им в

Санкт-Петербурге при Штабе Корпуса жандармов по делам службы до будущей весны, так как нет особых причин отправлять его сейчас на прииски по причине отсутствия на них работ в зимнее время [10. Л. 486, 606 об.]. Вскоре выяснилось, что у майора Герсевича ухудшилось здоровье, поэтому было принято решение о его увольнении из Корпуса жандармов с отпуском на лечение к искусственным минеральным водам. В своем отношении от 5 марта 1842 г. Бенкендорф сообщал Горчакову, что Герсевич будет заменен подполковником Я.Д. Казимирским, числившимся в штате 8-го (Сибирского) жандармского округа [12. Л. 137].

Выбор кандидатуры Казимирского, на первый взгляд, казался более чем обоснованным. Яков Дмитриевич Казимирский состоял в Корпусе жандармов с 1834 г., занимая первоначально должность жандармского штаб-офицера в Тобольской и Томской губерниях, затем служил плац-майором Петровского завода, где отбывали срок наказания многие декабристы, с которыми у Казимирского установились доверительные отношения, в дальнейшем последовал его перевод в Енисейскую губернию. К моменту учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью Казимирский состоял в качестве офицера по особым поручениям при начальнике 8-го (Сибирского) жандармского округа (на тот момент начальником округа являлся упоминаемый нами генерал-майор Фалькенберг).

Однако генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков не поддержал выбор Бенкендорфа, указав, что в свое время Казимирский занимался интригами против него, а также он припомнил, что Казимирский по роду своей службы оказался не в состоянии предотвратить массовые выступления рабочих в Томской губернии, прокатившиеся по местным золотым промыслам летом 1837 г. Исходя из этого, Горчаков делал вывод, что «назначение его вновь во вверенный мне край принесет не пользу, а существенный вред», поэтому он просил назначить на золотые промысла другого жандармского офицера [Там же. Л. 139–140].

С жандармским ведомством у Горчакова были непростые отношения практически с самого начала его работы на посту генерал-губернатора Западной Сибири. Служащие в Сибири жандармские чины пристально следили как за его деятельностью, так и за личной жизнью, о чем самому Горчакову было известно и, естественно, не могло его устраивать, что нашло отражение в многочисленной переписке генерал-губернатора с шефом жандармов Бенкендорфом, в которой он постоянно делал акцент на своих верно-подданных чувствах, искреннем желании служить царю, отечеству и своему делу [13. Л. 4–8]. Однако антагонистический характер отношений между ним и жандармским ведомством продолжал сохраняться и впредь, особенно после смерти Бенкендорфа, в итоге жандармы сыграют не последнюю роль в будущей отставке Горчакова с генерал-губернаторского поста (подробнее см.: [14]).

Бенкендорф и в этот раз не стал обострять отношения, поэтому снова пошел навстречу Горчакову и в своем отношении к последнему от 12 марта 1842 г. за

№ 1007 сообщил о решении командировать на частные золотые прииски в Западную Сибирь находящегося на жандармской службе в Тобольской губернии майора И.М. Огарева. Распоряжение о командировании Огарева Бенкендорф отдал начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа Н.Я. Фалькенбергу, в то время как Казимирский получил новое для себя назначение – штаб-офицер в Енисейскую губернию [12. Л. 140, 174].

Иван Михайлович Огарев, боевой офицер, с опытом работы на различных полицейских должностях, в возрасте 39 лет в 1837 г. поступил на службу в Корпус жандармов, получив звание майора. Первоначально он исполнял обязанность жандармского штаб-офицера в Иркутской губернии, в 1840 г. последовал его перевод к начальнику 8-го (Сибирского) жандармского округа офицером по особым поручениям. С 1841 г. Огарев стал исполнять обязанности жандармского штаб-офицера в Тобольской губернии [4. С. 6].

Кандидатура Огарева не встретила нареканий со стороны Горчакова. Видимо, устраивал его еще и тот факт, что Огарев должен был совмещать две должности – жандармского штаб-офицера в Тобольской губернии и жандармского штаб-офицера на приисках в Западной Сибири. Горчаков мог надеяться, что, выполняя большой объем работы, этот жандармский чин не будет заниматься интригами против него самого. В этом назначении можно увидеть еще одну уступку со стороны Бенкендорфа, ведь тому, как говорилось выше, важно было создать новую жандармскую ставку в Сибири, а не перекладывать новую работу на уже служащих в крае жандармов. Так что шеф жандармов в этом вопросе пока что отступил, но только на время.

И.М. Огарев, уже в звании подполковника, прибыл в Томск 25 мая 1842 г., о чем он незамедлительно сообщил рапортом генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, заверив, что как только получит от губернского начальства сведения по золотопромышленности, тут же отправится на золотые промыслы «для должного наблюдения» [12. Л. 181]. Уже через месяц после прибытия в Томск он оказался на золотых промыслах и 26 июня 1842 г. доносил генерал-губернатору Западной Сибири о нарушениях некоторых статей Положения о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири 1838 г., выявленных им на Спасском и Преображенском золотых промыслах Абалацкой компании 2-й гильдии купца Тита Зотова с компанией [15. Л. 2–3].

Подобные оперативные доклады жандармского чина не могли не удовлетворять самолюбия начальника края, генерал-губернатора П.Д. Горчакова. Поэтому не удивительно, что Горчаков тут же отреагировал на

донесение Огарева и 11 июля 1842 г. отношением № 939 обратился к Главному начальнику Алтайских горных заводов с просьбой принять меры, чтобы разобратся в выявленных Огаревым нарушениях, после чего последовала должностная переписка по этому вопросу [15. Л. 4–12].

И.М. Огарев два года прослужил в должности жандармского штаб-офицера на золотых промыслах в Западной Сибири. Им были составлены первые жандармские отчеты о состоянии частной золотопромышленности в Западной Сибири за 1842 и 1843 гг. соответственно, адресованные как своему непосредственному жандармскому окружному начальству, так и генерал-губернатору. Однако Бенкендорф смог до конца довести свою линию в деле утверждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири. В 1844 г., как только была найдена подходящая кандидатура – в лице поступившего недавно на службу в Корпус жандармов подполковника Дмитрия Гавриловича Пономарева – Огарева отозвали на прежнее место службы, в Тобольскую губернию, а Пономарев в течение 14 лет исполнял обязанности жандармского офицера на частных золотых промыслах в Западной Сибири. К тому же к этому времени уже действовал жандармский надзор за золотопромышленностью в Восточной Сибири, куда переместился центр добычи золота во всей империи.

Резюмируя все сказанное, можно сделать следующие выводы. Учреждение жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Западной Сибири вызвало дискуссию в правящих кругах. Все участники этой дискуссии возлагали большие надежды на надзор, рассматривая его в качестве инструмента правительственной политики о положении дел в сибирской золотопромышленности. Вместе с тем у каждого ведомства или должностного лица, участвовавших в обсуждении, было собственное видение сути этого надзора. В правительственных кругах все-таки удалось найти компромисс, что отразилось в выработке должностной инструкции жандармскому штаб-офицеру на золотых приисках в Западной Сибири с определением его обязанностей. Также непростым вопросом оказался выбор кандидатуры на новую жандармскую должность, что тоже вызвало споры, но и здесь удалось найти устраивающего все стороны кандидата. Все сказанное демонстрирует, какую важность для центральной и региональной власти имел жандармский надзор за функционированием сибирской золотопромышленности и большие от него ожидания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: в 3 т. Т. 1. XVII в. – 1904 г. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 344 с.
2. Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24. DOI: 10.17223/19988613/41/3.
3. Бакшт Д.А., Румянцев П.П. «Жандармский надзор» за частной золотопромышленностью в Сибири (1870–1880-е гг.): его сущность, формы и проблемы реализации // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 5–10. DOI: 10.17223/19988613/44/1.

4. Бакшт Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 5–11. DOI: 10.17223/19988613/50/1.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 541.
6. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: в 2 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. Т. 1. LXXXIV, 577 с.
7. Именной указ, объявленный шефу жандармов Военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири» (9 мая 1841 г.) [№ 14537] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1. С. 381.
8. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 16. Д. 149.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 39. Д. 314.
10. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1927.
11. Бибииков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 166–171.
12. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071 (Т. 3).
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 285.
14. Ремнев А.В. «Тигр, заколотый гусиным пером». Казус западносибирского генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова // Acta Slavica Iaponica. 2009. Т. 27. Р. 55–75.
15. Государственный архив Алтайского края. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6849.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2019 г.

Some Aspects of the Establishment of Gendarme Supervision over the Private Gold Mining Industry in Western Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 132–137.

DOI: 10.17223/15617793/446/17

Pyotr P. Rumyantsev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

Keywords: Siberia; 19th century; gendarmerie; staff officer; governor-general; A.Kh. Benkendorf; P.D. Gorchakov; Ya.D. Kazimirsky; I.M. Ogarev.

The circumstances of the establishment of the gendarme supervision over the gold mining industry in Siberia, which originally extended to the western part of the region, are being studied. The aim is to reveal the circumstances of the establishment of the gendarme supervision over the private gold mining industry in Western Siberia. To achieve this aim, the following objectives must be solved: (1) to determine the reasons of the emergence of gendarme supervision; (2) to identify the initiators of the supervisory institution; (3) to determine the tasks that this supervision was supposed to accomplish through the activities of the staff officers of the gendarme corps at the gold mines; (4) to analyze the process of drawing up the job instructions for gendarme officers at the gold mines in Siberia; (5) to trace the selection of candidates for the new gendarme post. The main sources for the article were the documents from the central and regional archives of the Russian Federation. The author came to the following conclusions. The main reasons for the emergence of gendarme supervision over the private gold mining industry were: an increase of workers' riots at the gold mines in Siberia and, as a consequence, the need to combat this phenomenon; the need to have reliable information about the state of the gold mining industry; the importance of gold mining for the state treasury. The establishment of gendarme supervision over the private gold mining industry in Western Siberia gave rise to a discussion in the ruling circles. All participants in this discussion had high hopes for the supervision, regarding it as an important tool of the government policy in the gold mining industry. At the same time, each department or official had their own vision of the essence of this supervision: the regional Siberian authorities wanted to limit the gendarmes' activity at the mines exclusively to supervising functions with subordination to themselves, but the gendarme department sought to put gendarme officers in a more independent position, endowing them with executive functions and offering to equate their posts to the governor's one. In the course of the discussion a compromise was found. Job instructions for the gendarme officer at the gold mines in Western Siberia were developed; they listed the gendarme officer's duties. The choice of the candidate for the new gendarme post, which also caused controversy, turned out to be a difficult question, but even there a candidate who suited all sides was found. All this demonstrates how important the gendarme supervision over the Siberian gold mining industry and the great expectations from it were for the authorities.

REFERENCES

1. Blinov, N.V. & Zinov'ev, V.P. (eds) (1988) *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika: v 3 t.* [The labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (41). pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/3
3. Baksht, D.A. & Rumyantsev, P.P. (2016) The Gendarme supervision of private gold mining in Siberia (1870–1880s): its essence, forms and problems of realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (44). pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/1
4. Baksht, D.A. (2017) About the appointment of gendarmerie officers, authorized in supervision of the private Siberian gold mining in the first half of the XIX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/1
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 541. (In Russian).
6. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: v 2 t.* [Workers in Siberian gold mining: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
7. Russian Empire. (1842) Imennoy ukaz, ob'yavlennoy shefu zhandarmov Voennym ministrom "O naznachenii zhandarmskogo shtab-ofitsera dlya nablyudeniya za poryadkom na chastnykh zolotykh priiskakh v Sibiri" (9 maya 1841 g.) [№ 14537] [Czar's Edict announced to the gendarme chief by the Minister of War "On the appointment of a gendarme officer to monitor order in private gold mines in Siberia" (May 9, 1841) [No. 14537]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 16 (1). St. Petersburg: 2 Otd. Tip. E.I.V. p. 381.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 16. File 149. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 39. File 314. (In Russian).
10. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 1927. (In Russian).

11. Bibikov, G.N. (2017) "Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlastyam". Instruksii zhandarmskim shtab-ofitseram na zolotых promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. ["The working people who are in the mines should be properly obedient to the local authorities." Instructions to the gendarme headquarters officers in the gold mines of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv*. 2. pp. 166–171.
12. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 2071 (Vol. 3). (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 11. File 285. (In Russian).
14. Remnev, A.V. (2009) "Tigr, zakolotyy gusinyim perom". Kazus zapadnosibirskogo general-gubernatora knyazya P.D. Gorchakova ["A tiger stabbed with a goose feather." The Case of the West Siberian Governor-General Prince P.D. Gorchakov]. *Acta Slavica Iaponica*. 27. pp. 55–75.
15. State Archive of Altai Krai. Fund 2. List 2. File 6849. (In Russian).

Received: 13 June 2019

Л.Б. Салихова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Показана деятельность исполнительных комитетов и комиссаров Дагестанской области в период их существования. Анализируется работа, проводимая местными органами власти по стабилизации положения в области в различных направлениях. Отмечено ухудшение положения в Дагестане после Октябрьской революции, еще более обострившегося с процессом эвакуации воинских частей, находившихся в крепостях. Это потребовало принятия дополнительных мер от Дагестанского областного исполнительного комитета для сохранения порядка и спокойствия среди населения области.

Ключевые слова: Дагестанская область; органы Временного правительства; областной исполнительный комитет; комиссар; городские, окружные, сельские комитеты.

После Февральской революции в Дагестане, как и в целом по России сформировались органы Временного правительства. 9 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск), столице Дагестанской области, взамен старой власти в лице военного губернатора было решено организовать Временный областной исполнительный комитет (Дагестанский гражданский исполнительный комитет) в составе 30 человек, хотя органы царской власти просуществовали в Дагестане до апреля 1917 г.

Дагестанская область была образована в 1860 г., здесь было введено военно-народное управление, во главе области был поставлен начальник, который подчинялся Кавказскому наместнику. С 1883 г. должность начальника области была переименована в должность военного губернатора (в связи с преобразованием в системе военно-народного управления), он являлся высшим правительственным и военным чиновником, и командующим войсками в области. Дагестанская область была поделена на девять округов, во главе которых были поставлены начальники, они и подчинялись военному губернатору. В связи с упразднением Наместничества в 1882 г. была образована Кавказская администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе с полномочиями, более ограниченными, чем у наместника Кавказа, ему подчинялся военный губернатор области. В феврале 1905 г. Кавказское наместничество было восстановлено и просуществовало до 1917 г. [1. С. 172]. Отметим, что после Февральской революции в городах Дагестана также создавались временные гражданские исполнительные комитеты, в селах вместе с комитетом были выбраны комиссары в каждом участке, в округах – окружные исполнительные комитеты и комиссары, все они являлись местными органами Временного правительства и находились под контролем и руководством Дагестанского областного исполкома. Помимо последнего в Дагестане вели свою деятельность и комиссары Дагестанской области, назначенные по постановлению Особого Закавказского комитета (6 апреля 1917 г.) для управления Дагестанской областью, т.е. был образован Особый комиссариат в составе М. Далгата, И. Гайдарова и представителя облисполкома. Таким образом, областной исполком и комиссариат являлись представителями органов Временного правительства и проводили его политику.

В работе над статьей нами были привлечены труды отечественных исследователей, в которых большое внимание уделялось истории революции, гражданской войны в Дагестане, однако деятельность органов Временного правительства в Дагестане в этих работах не стала предметом специального изучения не получила соответствующего освещения в исторической литературе. Тем не менее некоторые аспекты данного исследования нашли отражение в работах исследователей советского и постсоветского периодов. Среди них книга А. Тахо-Годи [2], изданная в 1927 г.; в ней представлено описание позиции и реакции населения области на события, последовавшие за Февральской и Октябрьской революциями в России, отмечено влияние на население Дагестана мусульманского духовенства, имеются ценные сведения о деятельности органов Временного правительства. Несмотря на субъективную точку зрения автора по отношению к описываемым событиям, непосредственным участником которых он являлся, все же стоит отметить более реалистичный подход А. Тахо-Годи к событиям 1917 г. и Гражданской войны. Данная книга основана на личных воспоминаниях и представляет одну из первых попыток системного изучения революционных событий в Дагестане.

Изучаемой проблемы касались и другие авторы, в 50–60-е гг. XX в. вышли в свет работы К.Р. Караева [3, 4], А. Далгата [5], «Очерки истории Дагестана» [6] (раздел «Воспоминания») где представлены воспоминания авторов. В них в непринужденной и своеобразной манере рассказчики повествуют о событиях 1917–1920 гг., участниками которых они являлись.

Хроника важнейших событий с 1917 по 1921 г. нашла отражение в книге советского исследователя Г.А. Аликберова [7]. К работам, содержащим богатейший архивный материал по исследуемой теме, можно отнести труды А.-Г. Гаджиева [8], Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова [9]. В монографии А.-Г. Гаджиева, опубликованной в 1963 г., содержатся ценные сведения о внутриполитической ситуации в Дагестанской области в 1905–1917 гг., дается подробная характеристика идейно-политических установок противоборствующих политических течений. Заслуживают внимания и монографии Б.О. Кашкаева [10, 11]. В его работе «От Февраля к Октябрю» освещаются события с марта 1917 г. по май 1918 г. Хотя данная моногра-

фия в основном раскрывает проблемы своеобразия борьбы народов Дагестана за свое национальное и социальное освобождение, тем не менее в ней имеется и интересующий нас материал.

К источникам, в которых затронуты отдельные аспекты рассматриваемой темы, можно отнести работу М.-К. Дибирова «История Дагестана в годы революции и гражданской войны» [12], здесь представлена ценная информация, основанная на личных наблюдениях и впечатлениях автора, являвшегося активным участником событий начала XX в. К другой работе, вышедшей в постсоветский период, относятся мемуары полковника Магомеда Джафарова под редакцией Арслан-Герее Гаджиева, опубликованные в 2002 г. Они представляют для нас особый интерес и стали «ценным источником для изучения истории революции и гражданской войны в Дагестане» [13. С. 19], поскольку М. Джафаров сам являлся участником событий 1917 г. и был непосредственно знаком с представителями органов Временного правительства Дагестанской области.

К трудам, соприкасающимся с темой изучаемой проблемы, можно отнести исследование М.А. Абдуллаева [14], монографию Э.М. Далгат и С.А. Магомедовой [15]. Работа М.А. Абдуллаева «Ибрагим-Бек Гайдаров» посвящена видному общественному и государственному деятелю, ученому-обществовед и публицисту; в ней среди прочего имеются некоторые сведения о его деятельности в должности комиссара Дагестанской области. Монография Э.М. Далгат и С.А. Магомедовой посвящена другой выдающейся личности, общественно-политическому деятелю Северного Кавказа XIX – начала XX в., депутату IV Государственной думы, известному врачу, издателю, просветителю, который также в 1917 г. был комиссаром по управлению Дагестанской области. Обращение к этим материалам предоставляет возможность проследить деятельность этих личностей в период их работы в Дагестанской области.

Источниковой базой для исследования послужили документы и материалы, выявленные автором в фондах Центрального государственного архива РД (ЦГАРД). При написании статьи нами были привлечены следующие фонды: р-609 (Комиссар буржуазного (Временного) правительства по управлению Дагестанской областью, гор. Темир-Хан-Шура), фонд р-610 (Временный областной исполнительный комитет Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура), фонд р-611 (Временный (гражданский) Исполнительный комитет гор. Дербента Дагестанской области), фонд р-612 (Временный Исполнительный комитет Кази-Кумухского округа Дагестанской области, сел. Кумух), фонд р-702 (Дербентская городская дума, гор. Дербент Дагестанской области), фонд р-705 (Временный (гражданский) исполнительный комитет Порт-Петровска Дагестанской области), фонд р-785 (Темир-Хан-Шуринский городской исполком Совета военных депутатов (меньшевистский) Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура), фонд п-8 (Комиссия по истории гражданской войны в Дагестане при Дагобкоме ВКП(б), г. Махачкала).

В документах этих фондов отражена информация о деятельности органов Временного правительства,

здесь представлены: циркуляры, отношения, телеграммы Министерства юстиции, Военного министерства, Особого Закавказского комиссариата о размещении воинских частей и пополнении милиции по тюремному ведомству; постановления, распоряжения, отношения, протоколы заседаний комиссара Временного правительства о выработке мер по борьбе с революционным движением в Дагестане, о порядке выборов окружных комиссаров и судов, учредительного собрания и т.д.; переписка комиссара Временного правительства по управлению Дагестанской областью с комиссарами округов и начальниками тюрем; сведения, ведомости, рапорты окружных комиссаров Временного правительства в Дагестанской области об образовании окружных и участковых исполнительных комитетов и т.д. Таким образом, среди представленной обширной информации нами был выявлен и проанализирован материал о деятельности органов Временного правительства Дагестанской области.

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что описание начала деятельности областного исполкома, органа власти Временного правительства, мы находим у А. Тахо-Годи свидетеля тех событий. Он отмечал, что исполком начал свою деятельность с отправки телеграммы в Петроград Временному правительству с заверением исполнения своего гражданского долга и сохранением порядка, установленного Временным правительством до окончания войны и победы над врагом [2. С. 2; 16. Л. 12].

Характеризуя дальнейшую деятельность Временного областного исполнительного комитета, А. Тахо-Годи писал: «Вслед за тем жизнь пошла своим обычным порядком, т.е. до того обычного, что все постановления Исполнительного Комитета посылались на подпись военному губернатору Дагестанской области генералу Ермолову, за чьей подписью все и приводилось в исполнение. Единомыслие у новой правящей группы со старым губернатором было настолько дружное, что не было ни одного конфликта на этой почве» [2. С. 2].

О настроении комитета можно судить по отрывку из воззвания к дагестанскому народу, явившегося первым обращением к нему о том, что они (представители комитета) просили население области подчиниться Временному правительству, сохранять порядок и благоустройство и не нарушать спокойствия [Там же. С. 3].

Временный областной исполнительный комитет не торопился с принятием революционных преобразований, он старался сохранить старые порядки управления областью [1. С. 335]. «И старый порядок при новом строе, и старый губернатор при Исполкоме... Меняй хоть пословицу на новый лад: “И богу свеча и черту кочерга”, а не трубный зов революции» [2. С. 3], – писал А. Тахо-Годи. Согласно свидетельству современника тех событий мы видим, что отношение населения области к местным органам Временного правительства изначально носило пессимистичный характер, так как оно не особо надеялось на работу новых органов власти, не видело преобразований в их деятельности.

Обращаясь к работе исполнительных комитетов, стоит отметить, что областному комитету подчиня-

лись окружные комитеты, последним – участковые, а тем – сельские. При комитетах существовали комиссии: продовольственная, квартирная, финансовая, юридическая, санитарная, просветительная, земельно-водная [17. Л. 883–884], которые занимались рассмотрением дел, входящих в круг их обязанностей.

Деятельность областного исполнительного комитета можно проследить по заседаниям и принимаемым на них решениям. 26 марта 1917 г. прошло 6-е заседание Дагестанского областного временного исполнительного комитета, на котором были заслушаны заявления от жителей разных мест области об устранении начальников округов, их помощников начальников участков и старшин. В итоге было решено устранить всех начальников округов и начальников участков, для управления округами и организациями комитетов – образовать в каждом округе комиссариат из двух лиц: представителя областного исполнительного комитета и представителя местной военной организации.

Был заслушан приказ выехавшего из области временного комиссара Гайдарова от 26 марта 1917 г., согласно которому комиссаром в Даргинский округ назначался полковник Магометов. Однако областной комитет не признал данный приказ, ввиду того что ранее комитет назначил комиссаром Даргинского округа Тахо-Годи, а Магометов приехал в месячный отпуск из действующей армии и Гайдаров не имел права без согласия областного исполнительного комитета назначать комиссара. Помимо этого, было решено уполномочить председателя комитета послать телеграмму о произошедшем члену Государственной думы Харламову.

На заседании было решено образовать комиссариат из трех человек для управления областью из председателя областного исполнительного комитета, представителя от военной организации и представителя от совета рабочих депутатов [18. Л. 6–6 об.].

Местными органами власти Временного правительства проводилась определенная работа по стабилизации положения в области, контролю над выполнением обязательных постановлений Временного правительства и т.д.

После Февральской революции обстановка с обеспечением области продовольствием постепенно ухудшалась, с целью обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в области был образован Дагестанский областной продовольственный комитет и определен его состав, об этом 29 марта 1917 г. сообщал уполномоченный председателя особого совещания Дербентскому городскому старосте с просьбой распространить данную информацию среди населения города [17. Л. 178].

18 мая 1917 г. на заседании Казикумухского окружного комитета в вопросе о продовольственном обеспечении округа было вынесено пожелание об образовании окружного продовольственного фонда, в котором должны были принять участие все сельские общества, также было постановлено открыть окружную продовольственную лавку для предметов первой необходимости: мыла, спичек, чая и т.п. [19. Л. 19 об.].

В дальнейшем на заседании Казикумухского окружного исполнительного комитета от 10 июня

1917 г. в ряду других вопросов было оглашено постановление об объявлении отмены выдачи свидетельств на покупку сахара по округу; предполагалось, что весь сахар будет выдаваться через окружной продовольственный комитет. Помимо этого, было решено конфисковать весь сахар, который будет провозиться частными лицами через территорию округа, а также комитет постановил вновь отправить телеграмму на имя областного продовольственного комитета с протестом против выдачи сахара консервоарам [19. Л. 29–29 об.].

Согласно журнальному постановлению общего собрания Дербентского исполнительного комитета от 10 июня 1917 г. об утверждении постановления продовольственной комиссии, было решено следующее:

а) связаться с областным продовольственным комитетом и издать постановление о запрете на вывоз, покупку и продажу хлеба и фуража из Дагестанской области кому-либо за исключением продовольственных комитетов; опубликовать информацию об этом в Дербенте и в трех округах; послать на места летучий отряд для выяснения урожая и количества хлеба, которое можно будет приобрести в округах. Всякие сделки на покупку и продажу зерна и фуража, совершенные в то время и ранее, помимо продовольственных комитетов признавались недействительными.

б) отпустить на июнь месяц по четыре фунта сахара на душу из запасов города [20. Л. 3].

В городах Дагестанской области, продолжали существовать органы местного управления, которые вели определенную работу с исполнительными комитетами. Петровское упрощенное городское общественное управление 16 июня 1917 г. обращалось с предупреждением к пекарю Ибрагиму Махмудову о передаче его хлебопекарни кооперативу в случае повторного обнаружения злоупотребления в пользовании мукой. «Городскому Управлению стало известно, что из... хлебопекарни отпускается мука населению, из запасов выдаваемых на хлебопечение» [21. Л. 12].

27 июня 1917 г. Петровское упрощенное городское общественное управление сообщало Петровскому гражданскому исполнительному комитету, о том, что мука, которая выдавалась городским управлением для предоставления хлеба исключительно для нужд населения города, использовалась не по назначению. «Хлебопек Ибрагим Махмудов (по Нагорной улице)... получает муку от города и, выпекая хлеб, – пудами продает его на станцию железной дороги, откуда хлеб скупщиками направляется во все места населения» [Там же. Л. 1]. Городское управление просило оштрафовать Махмудова на 100 рублей, так как полагало, что он нарушил постановление Городского управления и исполнительного комитета, воспрепятствовавших продаже муки и хлеба на вывоз [Там же. Л. 1–1 об.].

Обстановка в отношении снабжения продовольствием ухудшалась и в столице Дагестанской области. Согласно Протоколу № 7 «голодного заседания Совета рабочих и военных депутатов г. Т. Х. Шуры. 4-го сентября 1917 г., при участии городского и областного продовольственных комитетов и заведывающего хозяйственной частью войск, расположенных

в Темир-Хан-Шуринском гарнизоне, под председательством штабс-капитана Баторского, при секретаре Обухове» [22. Л. 12] было заслушано несколько докладов, среди них доклад представителя городского продовольственного комитета Аникиева о положении продовольственного вопроса в городе, о мерах, принятых комитетом к устранению голодного бунта, который мог возникнуть среди населения города Темир-Хан-Шуры; доклад комиссара Дагестанской области о положении продовольственного вопроса в области, о мерах, которые были приняты или предполагалось принять для улучшения продовольственного положения в области. Доклады были приняты к сведению, в то же время было принято и предложение полковника Федорова «о введении безотлучного контроля за выпечкой и продажей хлеба, по сахарным карточкам, из выданных городу 280 пудов муки Т.Х. Шуринским продовольственным магазином...» [22. Л. 12–13]. Таким образом, одним из вопросов, с которым столкнулись органы Временного правительства на протяжении своей деятельности, стал вопрос об обеспечении населения продовольствием, который все острее проявлялся изо дня в день и требовал к себе пристального внимания. Введение и контроль обязательных постановлений не всегда способствовали искоренению продажи скупщиками предметов первой необходимости посторонним лицам, что также способствовало ухудшению обеспечения области продовольствием.

Деятельность органов Временного правительства можно проследить и по работе городских, окружных, сельских комитетов. На заседаниях исполнительных комитетов рассматривались разные вопросы. 20 марта 1917 г. на заседании Президиума Дербентского исполнительного комитета были заслушаны доклад комиссара об организации комиссариата, заявление представителей девяти селений Улусского магала о включении их в сферу деятельности Дербентского исполнительного комитета, заявление отдельных лиц о выдаче разрешений на вывоз вина и др. [23. Л. 4]. 28 марта 1917 г. был поднят вопрос о разглашении телеграфных тайн дербентским телеграфом, в итоге было решено «предложить Исполнительному Комитету служащих при Дербентском телеграфе принять строгие меры к прекращению подобного рода явлений, в противном случае поставить своего контролера» [Там же. Л. 7 об.].

На примере Дербентского временного исполнительного комитета мы видим, что в круг его интересов входили и вопросы по улучшению санитарного состояния города. 19 апреля 1917 г. состоялось заседание Дербентской санитарной комиссии исполнительного комитета под председательством доктора Оленева, на котором присутствовали: врачи Аствацатуров, Котлер, Полетика, Маилов, помощник городского старосты Кочергин и комиссар I участка Исагулянц.

Доктором Оленевым была предложена схема санитарного устава, одобренная собранием врачей. Она была передана на рассмотрение Дербентского временного исполнительного комитета. Согласно данной схеме санитарная исполнительная комиссия должна была состоять из: 1) трех членов исполнительного

комитета, 2) городского комиссара, 3) врача делегата от Общества врачей, 4) врача делегата медицинского союза, 5) санитарного врача, 6) двух членов городского общественного самоуправления и 7) всех остальных врачей г. Дербент как совещательного органа.

В санитарном отношении город предполагалось разделить на три участка, каждым участком должен был заведовать член исполнительного комитета, а не врач. Заведующий каждым участком мог обратиться к населению своего участка с предложением организовать санитарное попечительство из граждан. Все это представляло собой основной орган санитарной комиссии г. Дербента.

В помощь заведующему участком и участковым попечительством приглашался один санитарный врач, два санитарных фельдшера, три санитарных надзирателя и два торгово-санитарных базарных смотрителя. Эти лица представляли собой исполнительный орган санитарной комиссии и были платными.

На заседании было предложено организовать торгово-санитарную лабораторию с платным химиком и одним служителем, организовать мусоросжигательные печи, так как, по заявлению санитарного врача, свалочные места были расположены кольцом вокруг города. Помимо этого, у города имелись санитарные организации: бойня и дезинфекционная камера [17. Л. 350–350 об.].

Таким образом, Дербентский временный исполнительный комитет занимался вопросами санитарного состояния города. 25 мая 1917 г. он обратился к городскому управлению с просьбой сообщить о том, какими средствами и санитарным инвентарем располагал город для проведения в жизнь мероприятий по улучшению санитарного состояния города [Там же. Л. 349].

Один из окружных комитетов – Казикумухский – начал свою деятельность непосредственно после своего формирования. 18 мая 1917 г. прошло одно из первых заседаний, на котором были рассмотрены следующие вопросы: о правильности избрания членов самого комитета, об окружном суде, о заседаниях окружного комитета, об обязанностях сельских комитетов и т.д. В отношении окружного суда было решено открыть немедленно окружной суд, так как его закрытие вызвало недовольство в народе, которое могло вылиться в эксцессы. Масса поступавших дел требовала неотложных решений, иначе все это могло закончиться самосудом. Заседания окружного комитета было решено проводить регулярно, раз в неделю, не считая экстренных. Заседания предполагалось делать открытыми, за исключением особых, заседания и постановления считались законными при пяти собравшихся членах. Так как обязанности сельских комитетов не были определены, решено все оставить по-прежнему до нового подробного обсуждения вопроса и применения новых правил новой инструкции. Помимо этого, было решено разослать по округу приказ о правах сельских, участковых и окружных комитетов и комиссаров [19. Л. 19–19 об.].

Так, на заседаниях Казикумухского окружного комитета рассматривались дела разного содержания: жалобы, прошения жителей, постановления самого комитета и т.д. Согласно протоколу от 6 июня 1917 г.

были рассмотрены следующие вопросы: посылка телеграммы по указанному адресу с просьбой не закрывать Кумухскую почтово-телеграфную контору до 12 часов ночи, а также учреждение там бюро справок и отказ от денежных выплат за хранение посылок; в связи с наступающим постом было решено запретить всякого рода увеселения и свадьбы, за несоблюдение правил поста предполагался штраф в 25 руб. Замеченные в продаже вина в первый раз могли быть подвергнуты аресту на 15 суток, а во второй раз – на месяц; за внесение смуты среди населения и действия провокационного характера полагался в первый раз арест на 15 суток, а во второй – на месяц.

На данном заседании было решено обязать все сельские общества предоставлять лошадей или «прогонов» должностным лицам, едущим по делам общества; признать в сельских обществах судебную власть за лицами избранными самими обществами, сельскими комитетами, сельским комиссаром запрещалось участвовать в судебных заседаниях; запрещалась продажа овцеводами кому-либо овец для бойни [19. Л. 27–28]. Таким образом, местные органы Временного правительства решали вопросы, с которыми им приходилось сталкиваться ежедневно.

Что касается постановлений Временного правительства, отметим, что 7 марта 1917 г. (по некоторым архивным данным – 17 марта) вышел Указ Временного Правительства об амнистии, об отмене всех мер взысканий, наложенных во внесудебном порядке по распоряжению гражданских и военных властей за нарушение обязательных постановлений. Ввиду этого начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы предлагал другим начальникам тюрем освободить всех арестованных за нарушение обязательных постановлений по распоряжениям Временного генерал-губернатора, а также освободить арестованных местными властями в порядке Положения управления Дагестанской областью, кроме числящихся за народными и окружными словесными судами [24. Л. 11].

В последующем комиссаром Дагестанской области Гайдаровым 4 мая 1917 г. был направлен циркуляр окружным комиссарам Дагестанской области о сокращении срока изгнания всем канляям (канлый – кровник; убийца, подвергавшийся кровной мести), поселенным на жительство во вверенный им округ на сроки более трех лет, – до трех лет, а на меньший срок – на половину срока в соответствии с амнистией, объявленной Временным правительством 17 марта 1917 г. Тем же лицам, у которых закончился срок изгнания по данной амнистии, разрешалось вернуться на родину, чтобы до адатного примирения с кровниками они были поселены в другом селении [25. Л. 11].

В этом контексте стоит отметить и те беспокойства, которые периодически вызывали арестанты. Начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы Петрякин 15 июня 1917 г. обращался к комиссару по управлению Дагестанской областью с просьбой увеличить кормовую табель для арестантов с 35 до 60 коп. в день на человека из-за подорожания всех предметов потребления [26. Л. 42–42 об.].

3 августа 1917 г. начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы Петрякин сообщал комиссару по управ-

лению Дагестанской областью, что арестанты на этот раз требовали выдачи им кормовых денег на руки. Он отмечал, что со дня объявления свободы арестанты вели себя крайне вызывающе и дерзко, ежедневно предъявляли разные требования. Они заявляли о желании покупать вместо мяса сало, потом отказались от этого, требуя выдачи денег на руки. Помимо этого, более двух месяцев назад арестанты не разрешали запирали их камеры на ночь, оставались всю ночь на свободе, чем ставили дежурных надзирателей в тяжелое положение, о чем было сообщено и комиссару и исполнительному комитету. Ожидая распоряжения со стороны высших властей области, начальник тюрьмы не принимал никаких репрессивных мер в отношении арестантов, а действовал на них убеждением. Это привело лишь к тому, что последние полагали, что им разрешается все. Петрякин просил разрешения для принятия более строгих мер в отношении арестантов, не желавших подчиняться тюремным порядкам. 14 августа 1917 г. ввиду малочисленности арестантов (17 человек) было разрешено выдавать кормовые деньги на руки до увеличения числа арестантов хотя бы до 50 чел. [26. Л. 54–55 об.].

Кроме того, от Бакинской казенной палаты 19 августа 1917 г. поступило разрешение на имя комиссара по управлению Дагестанской областью об увеличении кормовой табели в Дербентской, Петровской и Темир-Хан-Шуринской тюрьмах до 50 коп. в день на одного человека [Там же. Л. 62].

Увеличение цен на продовольствие приводило в дальнейшем к возмущению со стороны арестантов, которое выражалось в определенной форме. В ноябре 1917 г. начальник пересыльной тюрьмы доносил, что арестантами была объявлена забастовка ввиду назначения продовольственным комитетом отпуска хлеба по фунту на арестантов. Областной комиссар Б. Шаханов, 3 ноября 1917 г. обращаясь к Совету солдатских и рабочих депутатов, Мусульманскому национальному комитету, городскому продкомитету (копия была направлена и начальнику пересыльной тюрьмы) просил послать делегатов в тюрьму для выяснения условий содержания арестантов и воздействия на них с целью прекращения забастовки, а также сообщить ему о результатах. Кроме того, ввиду ограниченности арестантского рациона Б. Шаханов считал необходимым отпускать им хлеб наравне с рабочими, т.е. полтора фунта [27. Л. 3; 28. Л. 14; 29. Л. 15]. Регулирование ситуации по сохранению порядка среди арестантов в сложившейся обстановке вело к решению вопроса лишь с соблюдением компромисса со стороны местных властей, опасавшихся возникновения новых беспорядков и ухудшения положения в области.

К постановлениям Временного правительства относился и вопрос о замене полиции на милицию. 20 апреля 1917 г. комиссару Дагестанской области была направлена телеграмма из Петрограда с Постановлением Временного правительства об учреждении милиции. Согласно Постановлению взамен «наружной полиции» учреждалась милиция, содержание милиции передавалось уездным земским и городским общественным управлениям и т.д. Данное Постановление было перенаправлено комиссаром Дагестан-

ской области М. Далгатом в распоряжение городских общественных управлений. Одно из таких постановлений Дербентским городским старостой было перенаправлено в Дербентский городской исполнительный комитет (13 мая 1917 г.) [30. Л. 1–1 об.].

Однако вопрос о замене полиции милицией мог повлечь за собой разные проблемы, среди них – предоставление оружия вновь учрежденным органам. Комиссар Даргинского округа 8 мая 1917 г. обращался к Временному правительству, а именно к Дагестанскому областному комитету с рапортом, в котором просил предоставить оружие для народной милиции с целью охраны спокойствия и мирного труда 100 тыс. граждан вверенного ему округа. Для этого он просил ходатайствовать перед Закавказским комиссариатом об отпуске из артиллерийского склада оружия, необходимого для вооружения народной милиции Даргинского округа более совершенного образца, чем то, которое обычно носило население (кинжал, револьвер) [26. Л. 17–18].

19 мая 1917 г. комиссар Даргинского округа вновь обратился с просьбой об отпуске оружия на нужды милиции. Он отмечал, что во вверенном ему округе случаи угона скота, появление преступного элемента с каждым днем становились все более заметными. Для пресечения анархии в самом начале ее появления он считал необходимым незамедлительно вооружить народную милицию и просил ускорить ходатайство, о котором он упоминал ранее [Там же. Л. 31 об.].

23 июня 1917 г. временный комиссар Даргинского округа капитан Таймазов обращался к комиссару по управлению Дагестанской областью о необходимости организации в округе народной милиции и вооружения ее огнестрельным и холодным оружием, 500 револьверами системы «Смитта и Вессона» казенного образца и 13 тыс. штук патронов к ним и 300 шашек [Там же. Л. 37].

С упразднением полиции областным исполнительным комитетом Дагестанской области от 25 августа 1917 г. была направлена гражданским общественным управлениям и городским исполнительным комитетам Дагестанской области копия циркуляра Особого Закавказского комитета за № 13239 об использовании имущества, принадлежавшего упраздненным полицейским учреждениям, и передаче их управлениям милиции. Сведения, затребованные в данном циркуляре, одновременно были потребованы и от начальников милиции [17. Л. 544].

Согласно циркуляру Временного правительства Особого Закавказского комитета от 3 июля 1917 г. за № 13239 губернским, областным и окружным исполнительным комитетам и комиссару Бакинского градоначальства в соответствии с изданными Временным правительством 24 мая 1917 г. «Правилами употребления имущества, принадлежащего упраздненным полицейским учреждениям» Особый Закавказский комитет постановил:

– возложить на местные исполнительные комитеты уездные и городские в пределах Закавказья обязанность определить все недвижимое и движимое имущество, принадлежавшее казне и находившееся в распоряжении или пользовании упраздненных полицейских учреждений и принять их в свое временное

заведывание и на хранение. При приеме имущества необходимо было составить акты и направить их в Особый Закавказский комитет;

– передавать по усмотрению Особого Закавказского комитета движимое имущество упраздненных полицейских учреждений при необходимости органам земского и городского самоуправления для нужд милиции и т.д. [17. Л. 595–595 об.].

Архивы, дела и переписки упраздненных полицейских учреждений, а также вещественные доказательства, хранившиеся в данных учреждениях, передавались в ведение соответствующих органов уездной и городской милиции. Вся работа в этом отношении по каждой губернии, области, городу должна была проходить под руководством губернских (областных, окружных) исполнительных комитетов [Там же. Л. 595 об.].

О положении с обеспечением милиции оружием говорят следующие факты. 28 декабря 1917 г. начальник милиции докладывал дербентскому городскому голове, о том, что в его распоряжении находились 66 милиционеров и 2 конных милиционера, из которых винтовками были вооружены всего лишь 13 человек. В связи с отсутствием вооружения милиционеры отказывались становиться на ночные посты и увольнялись, таким образом, город мог остаться без охраны. Начальник милиции просил принять экстренные меры, вооружить милиционеров, а иначе он отказывался нести всякую ответственность за нарушение спокойствия в городе [Там же. Л. 869–869 об.]. Таким образом, органы Временного правительства занимались вопросами сохранения спокойствия в области и предпринимали все необходимые меры в соответствии со своими возможностями.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде произошло вооруженное восстание (Октябрьская социалистическая революция), в результате которого было свергнуто Временное правительство, а государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона» [31. Л. 919–920].

Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде была воспринята в Дагестане неоднозначно. 27 октября на общем совещании областного исполкома, милликомитета, деятелей Союза горцев Северного Кавказа, Темир-Хан-Шуринской городской думы, Совета военных депутатов и штаба Темирханшуринского гарнизона было принято решение об отказе признания власти Совета народных комиссаров. Через два дня состоялось второе совещание представителей тех же организаций, на котором было решено создать в Темир-Хан-Шуре «Особый комитет спокойствия» в целях охраны «порядка» [32. Л. 3; 33. Л. 1 об.; 34. С. 35].

«В случае возникновения в городе беспорядков, – говорилось в нем, – Комиссар Области передает власть над городом Комитету спокойствия, о чем объявляет населению города» [32. Л. 3–3 об.]. Назначались ежедневные дежурства воинских частей, мобилизовались силы на защиту Дагестана.

О напряженной обстановке говорят следующие документы. Комиссар Б. Шаханов 12 ноября 1917 г. направил циркуляр за № 15832 окружным комиссарам,

начальникам милиций городов Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента и комиссару Петровской железнодорожной милиции с предложением о немедленном сообщении ему обо всех происшествиях, сопровождавшихся поранениями, убийствами, поджогами, разгромом и захватом имущества [25. Л. 64].

Согласно выписке из протокола заседания Дагестанского областного совета от 14 и 15 ноября 1917 г. были выработаны правила для комиссаров Дагестанской области. Комиссарам совместно с исполнительным комитетом предоставлялось право внесудебного ареста: областному комиссару до трех месяцев, окружному – до двух, участковому – до одного, сельскому комиссару – до трех дней. В экстренных случаях комиссарам предоставлялось право проводить аресты единолично, при этом он обязан был немедленно созвать соответствующий комитет и доложить о произведенном аресте. Арестованные комиссаром на период ареста направлялись на выполнение общественных работ. Комиссары избирались на год, в случае неисполнения своих обязанностей их могли отстранить от должности [35. Л. 5].

Следует отметить, что в Дагестане Октябрьскую революцию признал Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов, на заседании от 7 ноября 1917 г. он принял решение о признании новой власти [7. С. 36–37]. В дальнейшем «процесс большевизации Советов охватил также Дербент, Кизляр, Хасавюрт и др. населенные пункты. Помощь местным Советам оказывали Бакинский Совет и Закавказский комитет РКП(б)» [1. С. 343]. Власть к Советам переходила относительно мирным путем. В основном борьба осуществлялась вокруг оружия, находившегося в крепостях, воинские части которых эвакуировались. В конце ноября 1917 г. начался этот процесс. Гарнизоны, расположенные в Дешлагаре и в Ахтах, первыми покинули Дагестан, забрав с собой почти все оружие. «Кумухский гарнизон слился с Гунибским, а Ботлихский – с Хунзахским. В Гунибской и Хунзахской крепостях, таким образом, скопилось огромное количество оружия и боеприпасов» [34. С. 39].

В данной обстановке разоружение русских гарнизонов стало не только возможным, но и неизбежным, как полагал полковник М. Джафаров. «Исполком принял постановление о разоружении в первую очередь Шуринаского гарнизона» [13. С. 52], – писал он. Между Советом солдатских депутатов в Шуре и исполнительным комитетом было заключено соглашение о разоружении русских гарнизонов, которое было передано в Гуниб, Хунзах и Ботлих. Все сданное оружие поступило в распоряжение исполнительного комитета.

В начале января 1918 г. в Северном Дагестане уже не было русских гарнизонов. Однако они оставались в Петровске, Дербенте и Хасавюрте. «Исполнительный Комитет боялся трогать Петровский гарнизон. По линии железной дороги все еще продолжались движения воинских частей с турецкого фронта. Существовала опасность, что Петровский гарнизон приведет на помощь эти части и с ними пойдет на Шуру и разгромит исполком» [13. С. 54].

Когда в марте 1918 г. прекратилось движение частей с турецкого фронта, исполнительный комитет решил разоружить Петровский гарнизон. Это дело было поручено командиру второго полка Гольдгаргу. Солдаты, не оказав никакого сопротивления, уехали морем на Астрахань, а с ними и Петровский совет [13. С. 60].

Разоружение воинских частей, а также их уход из Дагестана данных частей, с одной стороны, вызывали тревогу у населения области. Начальник почтовой телеграфной отделения Осканов сообщал телеграммой областному комиссару в Темир-Хан-Шуру 3 декабря 1917 г. о том, что Гунибский гарнизон на днях собирался полностью уйти. Это вызывало страх, так как поступали слухи о будущем разгоне и убийстве служащих контрреволюционерами, которые могли последовать после ухода гарнизона. Осканов просил принять соответствующие меры по охране вверенного ему отделения служащих [26. Л. 87].

4 декабря 1917 г. поступил ответ от областного комиссара (за него отвечал Темирханов) на имя начальника гарнизона, окружного комиссара и начальника почты, который заверял, что взамен собирающегося покинуть Гуниб гарнизона будут прислана другая воинская часть, создана комиссия для приема от гарнизона всего казенного имущества укрепления и для передачи этого имущества новому гарнизону, а до этих пор он просил гарнизон не покидать Гуниб, оставшееся местное гражданское население испытывало страх в связи со складывавшейся ситуацией [Там же. Л. 88].

Положение в области ухудшалось с каждым днем, учащались случаи грабежей и убийств. 8 декабря 1917 г. комиссар Андийского округа сообщал в Дагестанский областной исполнительный комитет об обстановке, сложившейся по всей дороге от сел. Шали до границы Андийского округа. Он отмечал, что торговцы, прохожие из отлучки на заработки и возвращавшиеся с хлебом подвергались нападению чеченцев. У торговцев отбирали деньги, оружие и одежду, у других – лошадей, ишаков и хлеб. Были неоднократные случаи убийства, поранения за сопротивление грабителям. Делегация, отправленная в Чечню для переговоров, не принесла никаких результатов, она не получила никаких гарантий.

Комиссар Андийского округа отмечал, что населению округа угрожал голод, никто из жителей не мог отправиться в Чечню за хлебом, а на базаре цены на хлеб поднялись. Он просил принять экстренные меры, поставить охрану на пути от селения Шали до Андийской границы, хотя бы Андийскую сотню 2-го Дагестанского конного полка, для охраны жителей Дагестанской области от грабителей. Данный вопрос был внесен на обсуждении областного комитета [36. Л. 46].

В области продолжались беспорядки, что видно из следующих сообщений областного комиссара. 18 декабря 1917 г. за областного комиссара Б. Шаханова Гасанов сообщал окружному комиссару в Маджалис о том, что Дешлагарский комиссар телеграфом обратился к начальнику Дербентского гарнизона с просьбой прислать солдат в Дешлагар ввиду опасности, угрожающей со стороны жителей, которые угнали

общественный скот. Областной комиссар предлагал принять меры к розыску угнанного скота и восстановлению порядка [37. Л. 156].

23 декабря 1917 г. областной комиссар Б. Шаханов писал окружному комиссару в Маджалис об ограблении Валхарского хутора, о том, что мурагинцы Даргинского округа угнали лошадей, рогатый скот, был убит один абрек. Прибыла охрана из национальной милиции, но ее было недостаточно, в связи с этим он просил выслать подкрепление на разъезд Инчхе, провести расследование для преследования виновных [Там же. Л. 158].

23 декабря 1917 г. областной комиссар Б. Шаханов писал участковому комиссару в Чир-Юрт о том, что общество Сулак телеграфировало об ограблении по дороге двух лошадей и брички с упряжью около Султан и Янгиюрта с оружием милиции. Он предлагал принять меры к задержанию виновных и розыску ограбленного имущества [Там же. Л. 161].

23 декабря 1917 г. управление Владикавказской железной дороги, а именно начальник Петровского отделения обращался с просьбой к областному комиссару Дагестанской области о постановке на станциях, разъездах и будках в пределах Дагестанской области туземной охраны для предотвращения увольнения служащих. Из-за случаев ограбления служащих дороги на участке Петровск-Чир-Юрт они отказывались нести службу и в массовом порядке увольнялись [38. Л. 122].

Дагестанский областной исполнительный комитет 21 декабря 1917 г. направил документ окружным комиссарам Дагестанской области о том, что согласно докладу областного врача некоторые служащие в округах, фельдшера русского происхождения, просили о прикомандировании их к темир-хан-шуринской сельской больнице из опасения, что с уходом гарнизона из гор возможны нападения туземцев на них.

Куваршалов, обсудив с областным врачом просьбу фельдшеров, пришел к выводу, что нежелательно скопление врачей в одной городской больнице и вместе с тем нежелательно оставлять население без медицинской помощи. Но в то же время, понимая настроение фельдшеров русского происхождения, он считал необходимым оградить их жизнь от всякой опасности и дать возможность нести спокойно свою службу.

Куваршалов призывал окружных комиссаров принять меры к ограждению фельдшеров от возможной опасности путем чтения воззваний к народу в джумачетях с просьбой избегать всяких эксцессов и враждебности к медицинским чинам и стараться всякими зависящими от народа мерами удерживать их у себя [26. Л. 97–97 об.].

29 марта 1918 г. дагестанский областной врач обращался к дагестанскому областному комиссару с просьбой обеспечить во время выездов медицинского персонала по противозидемическим мероприятиям охраной в лице окружного комиссара Темир-Хан-Шурина округа или участковых комиссаров. Так, сельский врач Темир-Хан-Шурина округа Агриколянский, который должен был выехать вместе с фельдшером в Чир-Юртовский участок для принятия мер против сыпного тифа, отказывался при существовавших условиях совершать разъезды по округу до

установления их личной безопасности [39. Л. 5–5 об.].

Помимо вопросов охраны мирного населения от участвовавших случаев убийств, грабежей, разгромов, поджогов и т.д. в период после Октябрьской революции органам власти приходилось сталкиваться и с другими вопросами, связанными с обеспечением порядка в области. 7 декабря 1917 г. лесничий Темир-Хан-Шурина лесничества докладывал председателю Дагестанского областного исполнительного комитета о том, что объездчик Ишкартинской казенной лесной дачи Мирзоев сообщал об обществе селения Ишкарты, которое после некоторого перерыва вновь возобновило самовольную вырубку казенного леса, а материал вывезло на продажу в Темир-Хан-Шуру. Лесная стража не в силах была остановить истребление казенных лесов, поэтому лесничий и обращался с просьбой принять экстренные меры, приостановить дальнейшую вырубку, задержать вырубленный лес который должен был поступить на базар в Темир-Хан-Шуру. Он отмечал, что «без секвестрации вырубленного леса сельское население, пользуясь безнадежностью, будет продолжать истреблять» лес [18. Л. 20–20 об.].

На заседании областной земельной управы рассматривался вопрос о выработке мероприятий по прекращению массовой вырубки леса в Темир-Хан-Шурина участке 20 декабря 1917 г. В указанном участке наблюдалось непрерывное истребление лесов как казенных, так и сельско-общественных; об этом доложил председатель Дагестанского областного комитета Д.-Э. Коркмасов, который предложил высказаться по этому вопросу и принять соответствующие меры.

После обсуждения вопроса совещание выработало следующие меры, среди них: выдача окружным земельным комитетом особых удостоверений на всякую вырубку и заготовку леса как в сельско-общественных, так и частновладельческих лесах. Разрешение выдавалось на заготовку лесных материалов, которое не вело к истощению запаса лесонасаждений данного лесного участка.

При вывозе леса в город, из селения в селение и на хутор каждый извозчик должен был иметь при себе документ от владельца леса (от сельского общества и др.). За правильностью и законностью заготовки лесных материалов на всех лесовозных дорогах в черте сельских обществ устанавливался контроль как со стороны сельской администрации, так и со стороны лесной стражи. Заготовленный лес без надлежащего разрешения секвестрировался и сдавался на хранение сельскому комиссару ближайшего селения. Лесной материал, доставляемый в Темир-Хан-Шуру, проверялся при въезде в город особой милицией. Выработку технической и финансовой стороны дела должна была принять на себя областная земельная управа.

Виновные в самовольной вырубке леса или в вывозе его без соответствующего разрешения подвергались ответственности по закону и в административном порядке.

На заседании было решено обратиться за содействием к областному комиссару и просить его сделать подтверждение окружному и участковым комиссарам

о немедленном взыскании штрафов за самовольную вырубку леса. Было принято решение ознакомить лесную стражу как казенных, так и сельскохозяйственных лесов с намеченными мерами борьбы самовольной вырубки леса, предупредить об увольнении лесной стражи и предании ее суду в случае малейшего упущения или злоупотребления по службе с ее стороны [40. Л. 3–3 об.].

В то время как Временное правительство просуществовало в Центральной России лишь до Октябрьской революции, – органы Временного правительства были ликвидированы в Дагестане только в апреле–мае 1918 г., что было связано со слабым социально-экономическим и политическим развитием области, отставанием от центральных регионов страны, слабостью революционных сил, а также влиянием духовенства на народные массы. В итоге процесс смены органов Временного правительства в Дагестанской области затянулся на несколько месяцев. Хотя, говоря об ис-

полнительном комитете, М. Джафаров отмечал, что в марте 1918 г. исполком был уже фиктивной организацией власти, которая не имела никакой опоры в массе. «Никто его не трогал ибо он никому не был нужен, но и никому не мешал. В Дагестане в это время существовали две общественные силы, две политические партии: Социалистическая и имамская» [13. С. 116]. А с занятием Петровска большевиками он и вовсе перестал существовать, хотя снова стал собираться в горах, но его уже никто не признавал за власть [Там же. С. 126].

За период существования органов Временного правительства Дагестана ими проводилась работа по стабилизации положения в области, как в отношении охраны спокойствия, так и обеспечения продовольствием, санитарного состояния, контроля над выполнением обязательных постановлений Временного правительства и т.д., хотя не всегда работа местных органов Временного правительств в Дагестане оценивалась современниками тех событий положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала : Типография ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
2. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала : Дагестан. гос. изд-во, 1927. 243 с.
3. Караев К.Р. В горах Дагестана. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1957. 48 с.
4. Караев К.Р. Воспоминания. Махачкала : Типография Дагфилиала АН СССР, 1968. 88 с.
5. Далгат А. В огне революции. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.
6. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1950. Ч. I. 432 с.
7. Аликберов Г.А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921 гг.). Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1962. 216 с.
8. Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 354 с.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. 278 с.
10. Кашкаев Б.О. Борьба за Советы в Дагестане. 1917–1920 годы. М. : Соцэкгиз, 1963. 288 с.
11. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. М. : Наука, 1972. 366 с.
12. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. 200 с.
13. Мемуары полковника Джафарова Магомеда из сел. Кудали. «Революция и гражданская война в Дагестане 1917–1921 гг.». Махачкала, 2002. 193 с.
14. Абдуллаев М.А. Ибрагим-Бек Гайдаров. Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1999. 440 с.
15. Далгат Э.М., Магомедова С.А. Магомед Далгат: Эпоха, жизнь, деятельность. Сер. Жизнь замечательных дагестанцев. Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 2015. 144 с., ил.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД). Ф. п-8. Оп. 3. Д. 59.
17. ЦГАРД. Ф. п-702. Оп. 1. Д. 14.
18. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 13.
19. ЦГАРД. Ф. п-612. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 11.
21. ЦГАРД. Ф. п-705. Оп. 1. Д. 1.
22. ЦГАРД. Ф. п-785. Оп. 1. Д. 1.
23. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 9.
24. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 4.
25. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 9.
26. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 3.
27. ЦГАРД. Ф. п-785. Оп. 1. Д. 3.
28. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 15.
29. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 3.
30. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 3.
31. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М. : Полит. энцикл., 2014. 982 с.: ил.
32. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 27.
33. ЦГАРД. Ф. п-8. Оп. 3. Д. 21.
34. История Дагестана: в 4 т. М. : Наука, 1968. Т. III. 426 с.
35. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 2.
36. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 12.
37. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 21.
38. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 23.
39. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 22.
40. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 34.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июля 2019 г.

Activities of the Provisional Government Bodies of the Dagestan Oblast

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 138–148.

DOI: 10.17223/15617793/446/18

Leila B. Salikhova, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: leila.salihova@yandex.ru

Keywords: Dagestan Oblast; Provisional Government bodies; Regional Executive Committee; commissars; town, district, village committees.

The aim of the study is to show the work of the executive committees and commissars of the Dagestan Oblast, who were the local authorities of the Provisional Government. This topic has not become the subject of a special study and has not received an adequate coverage in the historical literature. Archival documents and materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan became the sources for the research. The author also used the memoirs of the participants of those events, the works of Russian researchers on the history of the revolutions and the civil war in Dagestan. The methodology of the research included methods of modern historical science: the principle of historicism, which allowed to consider the analyzed events and phenomena from a historical point of view, the principle of objectivity, and general scientific methods of analysis, synthesis and description. The activity of local bodies that replaced the Tsarist power was reviewed in the study. The author comes to the conclusion that while the Provisional Government bodies were functioning in Dagestan, their main activity was to stabilize the situation in the region in various directions, but it was not always successful. The population of the region did not initially trust the new authorities. The new local bodies monitored the implementation of mandatory orders of the Provisional Government, the violation of which entailed a penalty of fines; controlled the food supply of the region, which deteriorated every day, etc. Town, district and village executive committees also dealt with issues of maintaining order in their area, providing the population with food (necessities), etc.; they were subordinate to the Dagestan Regional Executive Committee. The news of the October Revolution and the overthrow of the Provisional Government did not lead to the same result in the Dagestan Oblast. Archival data show that the situation in the region was tense during this period. The Dagestan Regional Executive Committee faced an urgent problem of maintaining order in the region in connection with the frequent cases of robberies, murders, raids, arson, etc. The disarmament and the evacuation of the military units at the end of 1917 caused concern among the region's population, which required the local authorities to take additional measures to maintain calm among the population. Established in March–April 1917, the bodies of the Provisional Government of the Dagestan Oblast existed until April–May 1918, although in fact in March 1918 they were already a fictitious organization, which had no support among the people.

REFERENCES

1. Osmanov, A.I. et al. (eds) (2009) *Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii* [The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the 150th anniversary of the final incorporation of Dagestan into Russia]. Makhachkala: DSC RAS.
2. Takho-Godi, A. (1927) *Revolutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane* [Revolution and counter-revolution in Dagestan]. Makhachkala: Dagestan. gos. izd-vo.
3. Karaev, K.R. (1957) *V gorakh Dagestana* [In the mountains of Dagestan]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
4. Karaev, K.R. (1968) *Vospominaniya* [Memories]. Makhachkala: Tipografiya Dagfiliala AN SSSR.
5. Dalgat, A. (1960) *V ognе revolyutsii* [In the fire of the revolution]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
6. Alikberov, G.A. (ed.) (1950) *Ocherki istorii Dagestana* [Essays on the history of Dagestan]. Pt. I. Makhachkala: Daggosizdat.
7. Alikberov, G.A. (1962) *Revolutsiya i grazhdanskaya vojna v Dagestane. Khronika vzhneyshikh sobytii (1917–1921 gg.)* [The revolution and civil war in Dagestan. Chronicle of the most important events (1917–21)]. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo.
8. Gadzhiev, A.G. (1963) *Pomoshch' russkogo naroda v ustanovlenii Sovetskoy vlasti v Dagestane* [Help of the Russian people in the establishment of Soviet power in Dagestan]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
9. Ramazanov, Kh.Kh. & Shikhsaidov, A.R. (1964) *Ocherki istorii Yuzhnogo Dagestana. Materialy k istorii narodov Dagestana s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [Essays on the history of South Dagestan. Materials on the history of the peoples of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century]. Makhachkala: Tip. Dag. FAN SSSR.
10. Kashkaev, B.O. (1963) *Bor'ba za Sovety v Dagestane. 1917–1920 gody* [The fight for the Soviets in Dagestan. 1917–20]. Moscow: Sotsekgiz.
11. Kashkaev, B.O. (1972) *Ot Fevralya k Oktyabryu* [From February to October]. Moscow: Nauka.
12. Dibiroy, M.-K. (1997) *Istoriya Dagestana v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [The history of Dagestan during the years of revolution and civil war]. Makhachkala.
13. Gadzhiev, A.-G. (ed.) (2002) *Memuary polkovnika Dzhafarova Magomeda iz sel. Kudali. "Revolutsiya i grazhdanskaya vojna v Dagestane 1917–1921 gg."* [Memoirs of Colonel Magomed Jafarov from village Kudali: "The revolution and civil war in Dagestan in 1917–21]. Makhachkala: [s.n.].
14. Abdullaev, M.A. (1999) *Ibragim-Bek Gaydarov*. Makhachkala: Dagestan. kn. Izd-vo. (In Russian).
15. Dalgat, E.M. & Magomedova, S.A. (2015) *Magomed Dalgat: Epokha, zhizn', deyatel'nost'* [Magomed Dalgat: Age, life, activities]. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo.
16. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund p-8. List 3. File 59. (In Russian).
17. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-702. List 1. File 14. (In Russian).
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 13. (In Russian).
19. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-612. List 1. File 1. (In Russian).
20. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 11. (In Russian).
21. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-705. List 1. File 1. (In Russian).
22. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-785. List 1. File 1. (In Russian).
23. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 9. (In Russian).
24. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 4. (In Russian).
25. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 9. (In Russian).
26. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 3. (In Russian).
27. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-785. List 1. File 3. (In Russian).
28. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 15. (In Russian).
29. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 3. (In Russian).
30. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 3. (In Russian).

31. Petrov, Yu.A. (ed.) (2014) *Rossiia v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. Moscow: Polit. entsikl.
32. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 27. (In Russian).
33. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund p-8. List 3. File 21. (In Russian).
34. Daniyalov, G.D. (ed.) (1968) *Istoriya Dagestana: v 4 t.* [The history of Dagestan: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
35. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 2. (In Russian).
36. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 12. (In Russian).
37. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 21. (In Russian).
38. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 23. (In Russian).
39. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 22. (In Russian).
40. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 34. (In Russian).

Received: 22 July 2019

П.В. Ульянов

ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА» В БРИТАНСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается эволюция содержания образа Германии как «врага» в британской пропаганде в период Первой мировой войны на данных из агитационных материалов (плакатов, карикатур, рисунков, стихов солдат-поэтов, произведений кинематографа, речей политических деятелей) и периодической печати (газет и журналов). Цель статьи – выделение внутренних и внешних факторов, повлиявших на изменение представлений о «враге». Автор приходит к выводу, что эволюция образа врага заключалась в снижении степени его дегуманизации для успокоения населения в условиях войны.

Ключевые слова: образ врага; пропаганда; пропаганда в Великобритании; образ Германии в Великобритании; Первая мировая война.

Настоящая статья обращена к изучению проблемы пропаганды образа врага, в ходе которого изменяется представление о враге за счет снижения степени дегуманизации его образа. В качестве примера взят британский опыт антигерманской пропаганды периода Первой мировой войны. Данный исторический период выбран нами как пример проведения централизованной и широкомасштабной пропаганды, в ходе которой применялись различные методы и технологии для манипулирования массовым сознанием и управления общественным мнением. Во время военного конфликта распространение материалов агитационной направленности с целью воздействия на людей и формирования в человеческом сознании образа врага приобрело всеобщий характер. Через содержание средств массовых коммуникаций аудитория формировала свое представление о враге в виде сложной и целостной системы, свойством которой являлась ее изменчивость под влиянием внешних и внутренних факторов. В связи с этим цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть эволюцию образа врага в британской пропаганде по отношению к Германии, выделив факторы, повлиявшие на изменение представлений о ней.

Британское общество на рубеже XIX–XX вв. отличалось высоким ростом уровня грамотности и политической активности средних и низших слоев общества [1. С. 53]. Поэтому с появлением в начале XX в. средств массовой информации, ориентированных на грамотные слои населения, наблюдался спрос британского общества на периодические издания, выполнявшие пропагандистские функции. Посредством этих источников пропагандисты проводили кампании с целью сформировать в сознании жителей Великобритании образ врага по отношению к Германии. Так, антигерманская пропаганда приобрела целенаправленный характер и проводилась с целью поддержания боевого духа людей и укрепления их «оборонного сознания». Кроме этого британское правительство использовало массовую пропаганду для сплочения всего население Соединенного Королевства в единую силу для противостояния внешней угрозе. В процессе воздействия на аудиторию содержание антигерманской пропаганды преподносилось в разных тонах и изменялось под влиянием внешних и внутренних факторов. Поэтому степень дегуманизации образа

врага варьировалась от сочетания в содержании материалов отрицательных и положительных характеристик объекта восприятия.

Проблема эволюции образа врага в пропаганде Великобритании периода Первой мировой войны в исторической науке имеет низкую степень изученности. В современной британской историографии эволюция представлений о враге лишь обозначается историками И. Бэкетом [2], А. Грегори [3] Дж. Киганом [4], Дж. Маккензи [5], М. Сандерсом, П. Тэйлором [6] и Дж. Уотсоном [7]. В своих работах они обращают внимание только на внутреннюю обстановку в Великобритании, складывавшуюся под влиянием военного времени, и подчеркивают, что изменения представлений британцев о враге возникали из-за упадка боевого духа населения и материального истощения страны. Аналогичным образом этот вопрос рассматривают немецкие историки К. Флаш [8], П. Херес [9], С. Мюллер [10]. При изучении национально-культурного компонента пропаганды они прослеживают эволюцию представлений о «враге» в контексте развития межнационального противостояния. Эта же проблематика, изучаемая через призму психологического состояния человека и масс, имеет место в работах французских историков Ж.-Ж. Беккера [11], Ж.-С. Монтана [12] и А. Проста [13]. В российской историографии проблема эволюции «образа врага» в британской пропаганде изучается Н.Ю. Забелиной [14], М.С. Мельниковым [15], Д.М. Селиверстовым [16] и Н.В. Юдиным [17]. Эти исследователи выделяют два периода в истории британской пропаганды Первой мировой войны. Первый период с августа 1914 г. по июль 1916 г. ими отмечен наличием высокого уровня патриотической активности населения. Во второй период, с августа 1916 г. по ноябрь 1918 г. замечен его спад в связи с огромными людскими потерями на фронтах и материальным истощением страны. Помимо снижения уровня патриотизма изменилась и тактика пропагандистских кампаний, в процессе проведения которых британские агитаторы образ «врага-германца» навязывали аудитории за счет психологического давления и принудительной мобилизации в армию. Они считали, что усталость населения от войны приводила к распространению антивоенных настроений, в результате чего уровень патриотической активности населения снижился. Таким об-

разом, в процессе анализа историографии нами не выявлены работы комплексного изучения поставленной проблемы. Поэтому, опираясь на выводы и наработки исследователей, попытаемся подробно рассмотреть эволюцию образа врага в британской пропаганде.

Сначала обратимся к историческому прошлому Англии, так как многие представления о враге имели место в истории этой страны и ее народа и проявились спустя огромный промежуток времени. Первые признаки враждебного отношения к немцам возникли еще в V–VI вв. во время вторжения на Британские острова германских племен англосаксов и ютов. О том, что бритты воспринимали германские племена как чужаков и захватчиков писал бриттский историк Галфрид Монмутский [18. С. 66, 68–69]. Под влиянием борьбы между бриттами и германцами и римской традиции воспринимать мир в виде дихотомии цивилизация – варвары сформировался стереотип германца как воинствующего варвара. В дальнейшем этот стереотип трансформировался в образ воинственного рыцаря, ассоциируемого с германскими землями. В конце XIX в. образ Германии как милитаризованного государства целенаправленно распространялся в средствах массовых коммуникаций. Причиной создания таких представлений о Германской империи послужила реализация программы адмирала А. фон Тирпица по строительству военно-морского флота. Под влиянием возникшего англо-германского антагонизма в британском обществе Германия воспринималась в образе тевтонской силы и играла роль потенциального, военно-морского и геополитического противника на мировой арене [19. Р. 88]. С другой стороны, она преподносилась в прессе как реальная угроза из-за политики прусского милитаризма, проводимой кайзером Вильгельмом II [20. С. 183]. Строительство в Германии ВМФ британское правительство расценило как угрозу потери собственных морских коммуникаций, служивших связью между Великобританией и ее морскими владениями. Поэтому оно приступило к модернизации своего ВМФ и распространению в обществе антигерманских настроений. Таким образом, пропаганда образа врага в Великобритании в довоенный период подготовила почву для дальнейших агитационных действий с целью привлечения широких масс к борьбе с внешним врагом.

Как уже было отмечено, историю британской пропаганды Первой мировой войны можно разделить на два периода. Первый, проходивший с августа 1914 г. по июль 1916 г., отмечен активизацией ура-патриотических настроений в британском обществе. Еще в начале войны Правительство Великобритании во главе с премьер-министром Г. Асквитом сформировало при Министерстве иностранных дел Бюро военной пропаганды под руководством журналиста Ч. Мастермана [21. Р. 119]. Оно занималось поднятием в массовом сознании имперского духа и укреплением оборонного сознания всего населения. Осуществляемая им пропаганда проводилась посредством агитационных материалов, в процессе чего образ врага формировался в сознании людей по отношению к правительству Германии, к германскому государству и к немецкому народу (в основном к солдатам). В Вели-

кобритании и ее владениях мобилизация солдат в армию приняла широкий размах в результате увеличения числа добровольцев, что свидетельствовало о высоком уровне воздействия имперских и ура-патриотических настроений на сознание людей [22. Р. 22]. Своеобразная «патриотическая лихорадка» носила массовый характер и охватила все слои населения.

Важную роль в поднятии боевого духа и укреплении оборонного сознания британцев играла пропаганда образа врага. Эта деятельность проводилась в масштабах всей страны и даже за ее пределами. Информация, передаваемая через средства пропаганды, была простой, понятной и доступной для восприятия ее политически активной целевой аудиторией. С целью распространить агитационные средства, чтобы донести информацию до жителей страны, проводились военные марши, митинги, особенно в промышленных районах среди рабочего класса, акции по сбору средств на войну. Даже театры и галереи стали местом для произнесения военизированных речей [2. Р. 348, 351–352]. В условиях роста военной и ура-патриотической активности населения Великобритании пропагандисты продвигали образ врага с целью воздействия на человеческое сознание. Их задача состояла в том, чтобы целенаправленно сконструированный образ Германской империи позволял британцам формировать целостные представления о кайзере, Германии и немцах. В результате систематической агитации в Великобритании и ее владениях проявлялись анти-немецкие настроения и признаки германофобии, что приводило к погромам, проявлению по отношению к британским немцам насилия со стороны подданных Соединенного Королевства. Последних даже переселяли на особую территорию для содержания под строгим присмотром [23. Р. 115–129].

Какие же образы правителя, государства и народа присутствовали в содержании пропаганды в первый военный период? На этом этапе в британской пропаганде распространялись образы агрессивного и воинственного кайзера Вильгельма II. Так, например, в речах политического деятеля Д. Ллойд Джорджа кайзер приобрел образ нового Вильгельма Завоевателя, осуществлявшего вторжение в Великобританию со своими «немцами-варварами» со стороны моря [24. С. 61; 25. С. 97]. В юмористическом журнале «Punch» его изображали в образах мясника [26. Р. 213] и агрессора [27. Р. 2], отмечая в нем черты воинственности, жестокости и безжалостности. Германский кайзер был главным героем британских карикатур, на которых правитель изображался художниками в разных образах. Так, на одной из карикатур журнала «Punch» он нарисован в образе завоевателя. Автор карикатуры изобразил Вильгельма II с саблей, угрожающего расправой женщине и двум ее детям. Сюжет карикатуры отражает в главном действующем лице стремление к захвату и подчинению слабых [28. Р. 223] (рис. 1). Но поскольку карикатура – это сложный исторический источник из-за содержания множества смыслов, то в ней наравне с английским юмором есть и отражение реальных событий. Основной сюжет пропагандистского материала отражает поведение германских солдат на оккупированной ими территории Бельгии, а через поведение правителя Германии демонстрируется отношение немецких войск

к местному населению. Следовательно, германский кайзер имел образ нового завоевателя, который ассоциировался у агитаторов с историческим событием завоевания Англии нормандским герцогом Вильгельмом в 1066 г.



Рис. 1. Германский кайзер Вильгельм II на британской карикатуре сатирического журнала «Punch»

Пропагандисты целенаправленно создавали образ Германии как инициатора мировой бойни. Так, политический деятель У. Черчилль в своих речах подчеркивал, что агрессивные намерения Германской империи стали причиной начала военного конфликта [29. С. 100–101]. Поэтому он призывал британцев на борьбу с немецким ВМФ с целью противодействия вражеской агрессии на море и защиты собственных морских коммуникаций [30. С. 103–104]. Кроме того, британские политики в своих речах неоднократно проводили сравнение политических режимов либеральной Великобритании и авторитарной Германии. По их мнению, в политике германского императора, проводимой по отношению к простым немцам, проявлялись признаки жестокого военного деспотизма [31. С. 109]. По этому поводу английский писатель Г. Уэллс в своих памфлетах отмечал, что Великобритания борется с доктриной и идеологией «прусского милитаризма» [32. Р. 9, 15, 90–91]. Наглядным примером сочетания агрессии и военного деспотизма является изображение на одном из британских плакатов генерала-фельдмаршала П. фон Гинденбурга и германского кайзера. Британские художники отразили в военном сюжете типичную германскую методику проведения внешней политики. При этом фраза на плакате «My German Heroes!» (Мои немецкие герои!) только подчеркивает агрессивное ведение германскими войсками боевых действий на территории Бельгии и Франции [33] (рис. 2). Данный сюжет наглядно отражает агрессию со стороны Германии, которую проявляют немецкие авиационные войска во время военного конфликта по отношению к армиям стран-противников и к мирному населению.



Рис. 2. Британский агитационный плакат периода Первой мировой войны

Пропагандировался образ врага и по отношению к немцам, но основной акцент делался на немецких солдатах. Наиболее ярким образом немца-солдата был образ воинствующего варвара. Данный стереотип, который сформировался еще во времена англо-саксонского завоевания Британии, был приписан немцу под влиянием пропагандистского сюжета об «Изнасиловании Бельгии» [3. Р. 91]. На одном из британских рисунков представлены германские солдаты, проявляющие жестокость по отношению к женщинам и детям. При этом изображение в центре композиции девушки, просящей помощи и защиты от воинствующих варваров, наглядно призывает к проявлению ответной агрессии по отношению к немецкому солдату [34] (рис. 3). В это же время британское общество всколыхнуло убийство сестры милосердия Эдит Кэвэлл, как и сведения о массовых изнасилованиях женщин и издевательствах над детьми и стариками на территории Бельгии [35. Р. 27]. Агрессивные акты были восприняты как проявление настоящего зверства со стороны военных Германии, что являлось нарушением правил ведения войны и сменой благородного отношения к врагу варварским поведением. Поэтому в периодической печати авторы статей обрисовывали немца зверем. Образ немца-зверя в своих статьях продвигал английский писатель А. Конан Дойл. Он подчеркивал в немецких солдатах культуру, схожую по типу с поведением животного [36. С. 320] и обвинял воинственную Германию и ее «воинствующих варваров» в преступлениях против человечности [37. С. 317–319]. В то же время были популярны стихи британских солдат. Среди них поэт-фронтовик И. Розенберг выдвигал идею об отсутствии исторической связи между британцами (потомками бриттов) и немцами (потомками германцев) [38. Р. 48]. Отсюда можно сделать вывод, что пропагандисты стерли границы между образами немецкого солдата и обмануто-

го пропагандой жителя Германии, отчего образ «немца-варвара» был широко распространен.



Рис. 3. Британский рисунок периода Первой мировой войны

Таким образом, на протяжении первого периода британской пропаганды Первой мировой войны распространялся образ Германии как врага среди гражданского населения и солдатских масс. Он носил комбинированный характер, так как в сознании британцев формировалось четкое представление о том, что Германская империя начала войну из-за устремлений Вильгельма II к завоеваниям, а осуществлялась внешняя политика императора германскими солдатами. Поэтому целостное представление о ней как об агрессивном враге сознательно распространялось в британском обществе, что привело к достижению успеха в привлечении внимания широкой аудитории и осуществлении мобилизации большого числа мужчин в армию.

Однако в период с июля по ноябрь 1916 г., когда шла битва на реке Сомма между франко-британскими и германскими силами, в британском общественном сознании произошло изменение. Несмотря на то, что армия Великобритании была хорошо подготовлена в пропагандистском и техническом плане, в самом обществе появились признаки снижения патриотической активности населения и разочарования в скорейшем окончании войны. В этот период война против Германии и ее союзников уже не вызывала энтузиазма у жителей Соединенного Королевства. Особенно сильно это проявилось после просмотра фильма «Битва на Сомме» 1916 г. выпуска [39. Р. 3]. В нем были наглядно показаны сцены фронтовой жизни британских солдат и радостные лица военнопленных немцев, сдавшихся победителям. Но просмотр киноленты не вызвал бурной реакции со стороны аудитории. И тем не менее британскому правительству необходимо было довести войну до конца, невзирая на настроения широких масс. Поэтому деятельность Бюро военной пропаганды, преобразованного в министерство информации, и британских агитаторов продолжалась.

На втором этапе, с августа 1916 г. по ноябрь 1918 г. изменилась тактика проведения пропагандист-

ских кампаний. Связано это было со снижением военно-патриотической активности населения Великобритании и разочарованием его в скорейшем окончании войны. В это же время распространялись антивоенные и пацифистские настроения. На данном этапе перво-степенной задачей пропагандистов оставалось распространение агитационных материалов для привлечения внимания со стороны британского общества, особенно молодежи, от которой ждали проявления военных настроений. Поэтому из-за роста числа пацифистов и отказников пропагандистские кампании «Белых перьев» приобрели массовый характер и широко проводились в молодежной среде [2. Р. 291–295, 455–460].

Для воздействия на сознание населения проводились митинги, на которых агитаторы принуждали лиц призывного возраста идти на войну с Германией. Подобная методика привлечения в британскую армию с целью мобилизации на фронт применялась и в британских доминионах (Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия и др.). Вдобавок британское правительство, которое с декабря 1916 г. возглавил премьер-министр Д. Ллойд Джордж, и Министерство информации предпринимали меры по предотвращению морального разложения в обществе. Для этого британские журналисты распространяли образ врага британской нации. В результате пьяницы и девушки легкого поведения воспринимались как немецкие шпионы и диверсанты [40. С. 353]. Вдобавок в газете «The Times» была популярна идея свободного развода в семьях, где один из супругов был немцем по национальности [41. С. 353]. В процессе проведения профилактических мероприятий Правительство Великобритании продолжало поддерживать единство в британском обществе в борьбе с общим врагом, которым по-прежнему была Германия.

В связи с тем, что парламентом разрабатывались законы, ужесточавшие проведение мобилизации населения в вооруженные силы страны, пропаганда образа врага зависела от активности проявления людьми интереса к ее содержанию. Несмотря на осуществляемую милитаризацию сознания людей, целенаправленно создаваемый и продвигаемый через средства коммуникации образ врага по отношению к Германии изменился. С одной стороны, новый подход к распространению образа должен был подавить антивоенные настроения, успокоить население и настроить его на доведение войны до победного конца. С другой стороны, с помощью него агитаторы стремились призвать британцев к исполнению долга перед империей и мотивировать их на борьбу с врагом. Цель агитаторов заключалась в сохранении в сознании населения боевого духа и укреплении «оборонного сознания». Порядок ими обеспечивался за счет конкретных действий. Они хотели подавить антивоенные и пацифистские настроения, бороться с отказниками, предотвратить моральное разложение в обществе и продолжать проводить массовую агитацию, чтобы не допустить проявления признаков социальной депривации в условиях военного времени.

Итак, как изменилось содержание британской пропаганды и можно ли это изменение назвать эво-

люцией образа врага? Во втором периоде пропагандисты распространяли образ кайзера как уставшего от войны и готового капитулировать «врага» [42. Р. 226]. На одной из карикатур журнала «Punch» художник изобразил правителя Германии и наследного крон-принца, спрятавшихся от немецкого народа [43. Р. 83] (рис. 4). Сюжет этой карикатуры фактически предсказал события Ноябрьской революции. Если сравнить ее с ранее указанной карикатурой «кайзера-завоевателя» (см. рис. 1), то видно изменение образа правителя Германского государства. На первом рисунке Вильгельм II показан сильным и волевым, а на втором он нарисован сварливым и недовольным тем, что его подданные требуют немедленного заключения мира и прекращения войны. Подобные сюжеты можно увидеть и в других средствах пропаганды. Так, например, английский писатель Р. Киплинг Кайзера рисовал в образе уставшего вояки, все еще управлявшего своими солдатами-марионетками [44. С. 334]. По этому же поводу британский офицер А. Нокс характеризовал Вильгельма II сдавшимся и отошедшим от войны правителем страны [45. С. 26, 34]. Следовательно, изменение образа правителя Германской империи заключалось в смене его образа с завоевателя на неспособного воевать слабого врага.



Рис. 4. Германский кайзер Вильгельм II на британской карикатуре сатирического журнала «Punch»

Германия как государство имперского типа преподносилась пропагандистами в агитационных материалах истощенной и неспособной вести войну [46. Р. 2]. В связи с этим авторы статей патриотического журнала «The War Illustrated News» предрекали поражение Германии в военном конфликте [47. Р. 2]. Используя предсказание о скором уничтожении врага, агитаторы продолжали привлекать британцев к борьбе с Германией, отмечая нежелание немецкого авторитарного правительства признавать ответственность за развязывание войны и за преступления против человечества [48. С. 374]. С другой стороны, авторы статей провоцировали подданных Великобритании на

«отмщение фрицу» за совершенные им зверства на территории Бельгии и Франции [49. С. 373–374]. В последний военный год, когда германское правительство заявило о вынужденном желании заключить мир, агитаторы стали продвигать лозунги о скорейшем окончании войны среди населения, особенно молодежи [50. С. 223]. Вдобавок идея о слабости «германского орла» как символа Второго рейха широко продвигалась в журнале «The War Illustrated News» и подчеркивала скорое поражение противника в войне [51. Р. 5]. К тому же образ Германии как опасного врага, отраженный на плакате «Рыцари неба» (см. рис. 2), на данном этапе исчез. Теперь Германская империя воспринималась абстрактной угрозой, что отражено на одном из агитационных плакатов, распространенных на территории Ирландии. На нем изображена женщина с винтовкой, которая, указывая на горящие вдалеке дома, призывает мужчину-пацифиста идти на войну [52] (рис. 5). Агитаторы при помощи такого сюжета воздействовали на мужское сознание, подталкивая миролюбивых, инфантильных и безответственных мужчин идти на фронт. Следовательно, на изменение образа Германии с инициатора мировой бойни на абстрактную угрозу повлияли перемены в тактике проведения агитации. Первостепенной задачей британских пропагандистов было теперь привлечение в армию мужского населения с целью довести войну до конца.



Рис. 5. Британский агитационный плакат периода Первой мировой войны

В продвигаемом образе немецкого войска также произошли изменения. Конечно же, образ немца-солдата как воинственного варвара сохранялся до конца войны. Немецкий солдат продолжал ассоциироваться с «могучими немецкими запястьями» [38. Р. 48], мощным оружием [53. Р. 58], частыми газовыми атаками [54. С. 105], но реального удара нанести германец уже не мог из-за истощения и деморализации [55. Р. 130]. К тому же писатель Г. Уэллс приписал немцам способность одержать верх только над рос-

сийскими войсками, подчеркивая еще сохранившуюся мощь британских вооруженных сил [56. Р. 37]. Вместо образа варвара появился образ нелепого вояки, воюющего без каски [57. С. 349]. Последняя тенденция показала, что степень влияния образа немца как воинственного варвара снизилась. Наравне со стереотипом нелепого вояки на фронте среди британских солдат распространялись различные прозвища. Нередко британцы называли немцев «гунны» («Hun») и «фрицы» («Fritz»), а в последний год войны среди англо-французских войск стало популярным французское наименование немцев «боши» («Boche») [50. С. 333]. Теперь немец в большей степени воспринимался истощенным, измотанным и уставшим от войны воякой, готовым сдаться.

Таким образом, изменение содержания британской пропаганды можно охарактеризовать как эволюцию образа врага. При этом эволюция заключалась в снижении степени дегуманизации представлений о враге. Если в первый период пропаганды враг фигурировал в образе агрессивного чудовища, то во второй – предстал в образе военного противника. Последний образ содержал в себе не только отрицательные черты, но и положительные, описывающие врага как смешного и нелепого.

Почему же произошла эволюция образа врага? Для ответа на поставленный вопрос выделим внешние и внутренние факторы, повлиявшие на изменение образа Германии. Самым важным внешним фактором являлась большая продолжительность военного времени, повлиявшая на моральное состояние солдатских масс. Оказываясь после демобилизации вдали от ужаса, увиденного на поле боя, британские солдаты и офицеры с трудом могли адаптироваться в мирной жизни. Другим внешним фактором можно назвать развитие ситуации без перемен на Западном фронте, когда в условиях окопной войны стороны в период с декабря 1914 г. по апрель 1917 г. не могли добиться успешных результатов и несли огромные людские потери. Еще одним внешним фактором следует указать морскую блокаду Британских островов и ведение неограниченной подводной войны германским ВМФ, что привело к изоляции Великобритании от континента и нарушению связи между метрополией и ее владениями. Изложенное выше повлияло на развитие в британском обществе признаков социальной депривации, в условиях которой человек не может удовлетворять первичные потребности в экстремальных условиях военного времени.

Среди внутренних факторов можно выделить деморализацию и разложение британского общества в результате морального и материального истощения страны. В качестве примера можно указать рост проституции, с которой правительство и полиция боролись радикальными методами, принудительно отправляя проституток в женские трудовые армии [4. Р. 314, 317, 321]. С другой стороны, внутренним фактором можно назвать повышение роли пацифистских и антивоенных настроений в британском обществе из-за разочарования людей в скорейшем окончании войны. Далее можно выделить снижение заинтересованности молодежи вступать в британскую армию, при-

менение психологического давления и прессинга по отношению к ним за счет продвижения образа врага местными агитаторами.

В русле применения методики принуждения действовал британский парламент, который разрабатывал и принимал законы о мобилизации и борьбе с отказниками [58]. Основной причиной введения крайних мер послужило сокращение офицерского и солдатского состава в первые годы войны. Для пополнения армейских рядов требовались новые рекруты. В результате такой политики в 1918 г. возник мобилизационно-призывной кризис, который привел к сложностям в процессе мобилизации.

С другой стороны, в период морской блокады британские агитаторы призывали население к экономии продуктов, так как большая их часть уходила на фронт. Возникавшие признаки голода в связи с нехваткой хлеба влияли на развитие в людях признаков социальной депривации, что можно выделить в качестве внутреннего фактора. Такое состояние усилилось в связи с угрозой возникновения голода в 1917–1918 гг. и введением системы нормирования хлебных запасов [59. Р. 18]. Поэтому агитаторам приходилось менять приемы воздействия на население с принуждения на подбадривание.

Еще одним фактором стало вооруженное восстание в Ирландии в апреле 1916 г. Оно оказало сильное влияние только на территорию Ирландии, где в конце войны в связи с изданием нового акта о мобилизации и затягиванием разработки гомруля возникла революционная ситуация. Она же и привела к обретению Ирландией независимости 6 декабря 1922 г. [1. Р. 291–295].

Следовательно, выделенные нами внешние и внутренние факторы, повлиявшие на изменение содержания британской пропаганды, подтверждают, что эволюция образа врага была своеобразным тактическим ходом в проведении целенаправленной массовой пропаганды с целью поддержания в населении боевого духа и укрепления его «оборонного сознания». За счет распространения образа Германии как врага пропагандисты призывали население страны к моральной стойкости в борьбе с внешним врагом, продвигая в обществе идею о скорейшем завершении войны и окончательном разгроме Германской империи.

Таким образом, еще раз заострим внимание на том, что проблема эволюции образа врага в британской пропаганде имеет высокую актуальность в исторической науке и требует комплексного подхода к изучению. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что эволюция образа Германии как врага заключалась в снижении степени его дегуманизации для успокоения населения и мотивации его на доведение войны до победного конца. При этом процесс эволюции образа врага в военных условиях способствовал сохранению в сознании британцев представлений о Германии как об основном враге. Эволюция образа сыграла свою роль в том, что население страны было сконцентрировано на борьбе с внешним врагом и не отвлекалось на проблемы внутри страны.

После окончания Первой мировой войны в британском обществе сохранилось представление о Германии, как об инициаторе мировой бойни. На Вильгельма II и Германскую империю была возложена ответственность за преступления немецких солдат и офицеров, совершенные на оккупированных территориях. Образ Второго рейха как военизированного врага сохранился в сознании британцев и в некоторой степени был воспроизведен уже во время событий Второй мировой войны. На одном из плакатов изображались фашистский солдат и тень германского солдата времен Первой мировой войны, а в качестве постулата использовалась фраза «Победили раньше и теперь победим!» [60] (рис. 6).



Рис. 6. Британский агитационный плакат периода Второй мировой войны

Таким образом, британская антигерманская пропаганда периода Первой мировой войны имела важную особенность в том, что она носила централизованный, массовый и систематический характер и проводилась, чтобы сплотить всех британцев для противостояния Германии как внешней угрозе. Ее историю можно разделить на два основных периода, которые включают развитие пропагандистской кампании от подъема ура-патриотических настроений до увеличения роли антивоенных взглядов. К тому же британская антигерманская пропаганда началась еще до начала военного конфликта, в связи с чем агитационное влияние на сознание населения имело огромный успех. Некоторые стереотипы врага, такие как «Вильгельм Завоеватель», «варвар-германец», имели место в период Раннего средневековья, а в период Первой мировой войны они отразились в содержании пропагандистской информации.

Во второй период антигерманской пропаганды в Великобритании произошли изменения как в содержании агитационной информации, так и в методах воздействия на массовое сознание. Изменились образы кайзера, Германии и немцев, которые приобрели черты менее дегуманизированного характера. В этом случае можно говорить об эволюции образа врага. Так, на содержание пропаганды и на методы воздействия повлияли внешние и внутренние факторы. К первым нами были отнесены «ситуация без перемен» на Западном фронте, морская блокада Британских островов и, как следствие, неограниченная подводная война германского ВМФ и огромные людские потери на фронтах. Во вторую группу факторов были включены деморализация британского общества, повышение роли пацифистских и антивоенных настроений, изменения в проведении пропагандистской тактики воздействия на людей и осуществление принудительной мобилизации мужского населения в британскую армию. Многие методы и приемы воздействия на сознание людей сохранили свою значимость и использовались в последующих событиях после Первой мировой войны с привлечением новых методов и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 53–57.
2. Beckett I. The Great War. London : Pearson Education, 2007.
3. Gregory A. The Last Great War: British Society and the First World War. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
4. Keegan J. The First World War. London : Bodley Head, 2014.
5. MacKenzie J.M. Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester : Manchester University Press, 1985.
6. Sanders M.L., Taylor P.M. British Propaganda during the First World War, 1914–1918. London : Macmillan, 1982.
7. Watson J. Fighting Different Wars. Experience, Memory, and the First World War in Britain. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
8. Flasch K. Die geistige Mobilung: Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg: Ein Versuch. Berlin : Alexander Fest Verlag, 2000.
9. Hoerers P. Krieg der Philosophen: Die deutsche und die britische Philosophie im Ersten Weltkrieg. Paderborn u.a. : Ferdinand Schöningh, 2004.
10. Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2002.
11. Becker J.-J. The Great War and the French People. Oxford : Berg Publishers, 1986.
12. Montant J.-C. L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris : Hachette Littératures, 1990. P. 135–143.
13. Prost A. Commemorer sans trahir: La guerre de 1914–1918 comme grand événement // Debates. Paris : Éditions France Loisirs, 2013. P. 137–144.
14. Забелина Н.Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011.
15. Мельников М.С. Германофобия в английском обществе в 10-х гг. XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 75, № 11. С. 156–159.
16. Селиверстов Д.М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск : БГУ им. И.Г. Петровского, 2016.

17. Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
18. Галфрид Монмутский. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М. : Наука, 1984.
19. Mahan A. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London : Sampson Low ; Marston & Company, 1900.
20. Романова Е.В. Проблема будущего переустройства Австро-Венгрии: британский взгляд в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2012. С. 182–190.
21. Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda during the First World War // The Historical Journal. 1975. Vol. 18, № 1. P. 119–146.
22. Haste C. Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War. London : Lane, 1977.
23. Panayi P. Germans in Britain. London : Continuum International Publishing Group, 1996.
24. Ллойд Джордж Д. Правота нашего дела (Речь, произнесенная 10 ноября 1914 г.) // Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2003. С. 57–72.
25. Ллойд Джордж Д. Священная война (Речь, произнесенная 28 февраля 1915 года в Бангоре) // Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2003. С. 84–99.
26. The Late “Kaiser Wilhelm der Grosse” // Punch. 1914. Vol. 147. P. 213.
27. The Kaiser’s Lost Chance // Punch. 1915. Vol. 148. P. 2.
28. God (and the Women) our Shield! Study of a German Gentleman Going into Action // Punch. 1914. Vol. 147. P. 223.
29. Черчилль У. Эта война будет затяжной и изматывающей. 11 сентября 1914 год // Никогда не сдаваться. Лучшие речи Черчилля. 2-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. С. 99–106.
30. Черчилль У. Дарданеллы // Никогда не сдаваться. Лучшие речи Черчилля. 2-е изд. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. С. 102–105.
31. Ллойд Джордж Д. Обращение к общественности Ланкашира (Речь, произнесенная в Манчестере 3 июня 1915 года) // Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2003. С. 107–122.
32. Wells H. The War That Will End War. London : Palmer, 1914.
33. Плакаты Первой мировой. Великобритания // Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar.info/posters/britan/view.shtml?21> (дата обращения: 23.01.2018).
34. Британская антигерманская пропаганда в Первой мировой войне. URL: <http://maxpark.com/community/5325/content/2328575> (дата обращения: 23.01.2018).
35. Buitenhuis P. The Great War of Words. Literature as Propaganda 1914–1918 and After. London, Batsford, 1989.
36. Конан Дойл А. Об отношении к военнопленным // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 320–321.
37. Конан Дойл А. Германская политика: ставка на убийство // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 316–319.
38. Rosenberg I. Break of the Day in the Trenches // The Penguin Book of First World War Poetry / ed. by G. Walter. London : Clays Ltd, 2006. P. 48.
39. War’s Realities on the Cinema // The Times. 1916. P. 3.
40. Конан Дойл А. Солдаты в Лондоне (2) // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 353.
41. Конан Дойл А. Британские жены немцев (1) // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 353.
42. The Kaiser Given away // Punch. 1918. Vol. 154. P. 226.
43. Weary William // Punch. 1918. Vol. 154. P. 83.
44. Kipling R. The Irish Guards in the Great War. Vol. 2: The 2nd Battalion. London : Leonaur Ltd., 2007. 285 p.
45. Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М. : ЗАО Центрполиграф, 2014.
46. The Great War // The Illustrated War News. 1916. P. 14. Pt. 2.
47. The Great War // The Illustrated War News. 1916. P. 13. Pt. 2.
48. Конан Дойл А. О судьбе наших военнопленных // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 374.
49. Конан Дойл А. Преступные налеты на госпитали // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 373–374.
50. Берти Ф. За кулисами Антанты: дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М. : Гос. публ. библ. России, 2014.
51. Patience! We Shall Pluck You! The Fate of the German Eagle Shown at Salonika // The Illustrated War News. 1916. P. 14. P. 5.
52. Плакаты Первой мировой. Великобритания // Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar.info/posters/britan/view.shtml?13> (дата обращения: 23.01.2018).
53. Pound E. Poem. Abbreviated from the Conversation of Mr. T.E.H. // The Penguin Book of First World War Poetry / ed. by G. Walter. London : Clays Ltd, 2006. P. 58.
54. Оуэн У. Твердокожесть // Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии. СПб. : Фонд «Спас», 2014. С. 73–133.
55. Howe Ph. The Trenchers We Had to Get out of Were Deep... // Forgotten Voices of the Somme / J. Levine. London : Ebury Press, 2009. P. 130.
56. The Great War // The Illustrated War News. 1917. Pt. 73. P. 37.
57. Конан Дойл А. Сообщение генерала фон Арнима // Уроки жизни. М. : Аграф, 2003. С. 349.
58. U.K. Military Service Act. URL: <http://www.firstworldwar.com/atoz/ukconscription.html> (дата обращения: 23.01.2018).
59. Condell D., Liddiard J. Working for Victory? London : Batsford, 1987.
60. Плакаты Второй мировой. Британия // История пропаганды. Ч. I. URL: <http://propagandahistory.ru/208/Plakaty-Vtoroy-mirovoy--Britaniya--CHast-I/> (дата обращения: 23.01.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2019 г.

The Evolution of the “Enemy Image” in the British Propaganda During the First World War

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 149–158.

DOI: 10.17223/15617793/446/19

Pavel V. Ulyanov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: imperialnext@mail.ru

Keywords: “enemy image”; propaganda; propaganda in Great Britain; image of Germany in Great Britain; First World War.

The article deals with the problem of the evolution of the content of the “enemy image” in British propaganda during the First World War. The author’s aim is to study the problem of the evolution of the “enemy image”, highlighting the internal and external factors that influenced the change in ideas about the “enemy” due to a decrease in the degree of dehumanization of the object of perception. As an example, the propaganda experience of Great Britain in promoting the image of Germany as an “enemy” to the masses during the First World War was taken. The author, adhering to the point of view of modern historians about the division of the history of British propaganda of this historical period into two main stages (August 1914 – July 1916 and August 1916 – November 1918), focuses on changes in the content of propaganda materials. This study is based on campaign materials. Among them are graphic sources (posters, caricatures and drawings), printed materials (poems of British soldiers and speeches by political figures), works of cinema and periodicals (newspapers and magazines). The study used general logical, special historical and interdisciplinary methods. The general logical methods used were analysis and synthesis, induction and deduction. Special historical methods were comparative historical, historical genetic and the periodization method. The interdisciplinary methods were inventory analysis and

the hypothetical-deductive method. The course of the study, reflected in the content of the article, was built by the author in the following logical sequence. First, the problem of the evolution of the content of the “enemy image” and its disclosure was posed, and the substantive theses of anti-German propaganda on the first and second stages of its implementation were selected on the basis of data from historical sources. As a result of their comparison, the author turned to the identification of internal and external factors that influenced the change in the content of the “enemy image” in British propaganda during the war. As a result of the study, it can be concluded that the evolution of Germany’s image as an “enemy” consisted in changing the mechanisms of influence on mass consciousness in order to maintain the “fighting spirit” and “defense consciousness” of people in a militarized society and to suppress pacifist and anti-war sentiments. Thanks to a change in the content of propaganda information, the British propaganda of the First World War period achieved successful results for it was set to reassure the people and suppress signs of social deprivation in them, which influenced the psychological state of the British during wartime. The author comes to the conclusion that the signs of a change in the content of the image of Germany as an “enemy” can be viewed as its evolution during the military conflict.

REFERENCES

- Adamov, D.P. (2014) The image of the ally: Russia through the eyes of the British public during World War I. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(42). pp. 53–57. (In Russian).
- Beckett, I. (2007) *The Great War*. London: Pearson Education.
- Gregory, A. (2014) *The Last Great War: British Society and the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Keegan, J. (2014) *The First World War*. London: Bodley Head.
- MacKenzie, J.M. (1985) *Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960*. Manchester: Manchester University Press.
- Sanders, M.L. & Taylor, P.M. (1982) *British Propaganda during the First World War, 1914–1918*. London: Macmillan.
- Watson, J. (2004) *Fighting Different Wars. Experience, Memory, and the First World War in Britain*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Flasch, K. (2000) *Die geistige Mobilchung: Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg: Ein Versuch*. Berlin: Alexander Fest Verlag.
- Hoerers, P. (2004) *Krieg der Philosophen: Die deutsche und die britische Philosophie im Ersten Weltkrieg*. Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh.
- Müller, S.O. (2002) *Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Becker, J.-J. (1986) *The Great War and the French People*. Oxford: Berg Publishers.
- Montant, J.-C. (1990) L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre. In: Becker, J.-J. & Audoin-Rouzeau, S. *Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918*. Paris: Hachette Littératures.
- Prost, A. (2013) Commemorer sans travestir: La guerre de 1914–1918 comme grand événement. *Le Debat*. 4 (176). pp. 137–144.
- Zabelina, N.Yu. (2011) *Vragi i soyuzniki v vospriyatii britantsev v gody Pervoy mirovoy voyny* [Enemies and allies in the perception of the British during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Mel'nikov, M.S. (2012) German phobia in the English society in the 1910s. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 75 (11). pp. 156–159. (In Russian).
- Seliverstov, D.M. (2016) *Antigermanskaya propaganda v Velikobritanii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Anti-German propaganda in Great Britain on the eve of and during the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Bryansk.
- Yudin, N.V. (2017) *Patrioticheskiy pod'em v stranakh Antanty v nachale Pervoy mirovoy voyny* [A patriotic wave in the Entente at the beginning of the First World War]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Geoffrey of Monmouth. (1984) *Istoriya Britov. Zhizn' Merlina* [History of the Kings of Britain. Life of Merlin]. Translated from Latin by A.S. Bobovich and S.A. Osherov. Moscow: Nauka.
- Mahan, A. (1900) *The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies*. London: Sampson Low; Marston & Company.
- Romanova, E.V. (2012) Problema budushchego pereustroystva Avstro-Vengrii: britanskiy vzglyad v gody Pervoy mirovoy voyny [The problem of the future reconstruction of Austria-Hungary: The British view during the First World War]. In: Novikova, I.N. & Pavlov, A.yu. (eds) *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [World War I, the Versailles system and modernity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Sanders, M.L. (1975) Wellington House and British Propaganda during the First World War. *The Historical Journal*. 18 (1). pp. 119–146.
- Haste, C. (1977) *Keep the Home Fires Burning. Propaganda in the First World War*. London: Lane.
- Panayi, P. (1996) *Germans in Britain*. London: Continuum International Publishing Group.
- Lloyd George, D. (2003a) *Rechi, proiznesennye vo vremya voyny: Vospominaniya. Memuary* [My war memories]. Translated from English. Minsk: Kharvest. pp. 57–72.
- Lloyd George, D. (2003b) *Rechi, proiznesennye vo vremya voyny: Vospominaniya. Memuary* [My war memories]. Translated from English. Minsk: Kharvest. pp. 84–99.
- Punch*. (1914) The Late “Kaiser Wilhelm der Grosse”. 147. p. 213.
- Punch*. (1915) The Kaiser's Lost Chance. 148. p. 2.
- Punch*. (1914) God (and the Women) our Shield! Study of a German Gentleman Going into Action. 147. p. 223.
- Churchill, W. (2016) Eta voyna budet zatyazhnoy i izmatyvayushchey. 11 sentyabrya 1914 god [The war will be long and sombre. September 11, 1914]. In: Tret'yakova, E. & Nartsissova, N. (eds) *Nikogda ne sdavat'sya. Luchshie rechi Cherkillya* [Never Give In! The Best of Winston Churchill's Speeches]. 2nd ed. Translated from English by Sergey Chernin. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Churchill, W. (2016) Dardanelly [The Dardanelles]. In: Tret'yakova, E. & Nartsissova, N. (eds) *Nikogda ne sdavat'sya. Luchshie rechi Cherkillya* [Never Give In! The Best of Winston Churchill's Speeches]. 2nd ed. Translated from English by Sergey Chernin. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Lloyd George, D. (2003b) *Rechi, proiznesennye vo vremya voyny: Vospominaniya. Memuary* [My war memories]. Translated from English. Minsk: Kharvest. pp. 107–122.
- Wells, H. (1914) *The War That Will End War*. London: Palmer.
- Firstwar.info. (c. 1914) *Plakaty Pervoy mirovoy. Velikobritaniya* [Posters of the First World War. Great Britain]. [Online] Available from: <http://www.firstwar.info/posters/britan/view.shtml?21>. (Accessed: 23.01.2018).
- MAXPARK. (2013) *Britanskaya antigermanskaya propaganda v Pervoy mirovoy voynye* [British anti-German propaganda in the First World War]. [Online] Available from: <http://maxpark.com/community/5325/content/2328575>. (Accessed: 23.01.2018).
- Buitenhuis, P. (1989) *The Great War of Words. Literature as Propaganda 1914–1918 and After*. London, Batsford.
- Conan Doyle, A. (2003a) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Geleva, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. pp. 320–321.
- Conan Doyle, A. (2003b) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Geleva, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. pp. 316–319.
- Rosenberg, I. (2006) Break of the Day in the Trenches. In: Walter, G. (ed.) *The Penguin Book of First World War Poetry*. London: Clays Ltd.
- The Times*. (1916) War's Realities on the Cinema. 22 August.
- Conan Doyle, A. (2003c) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Geleva, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. p. 353.
- Conan Doyle, A. (2003d) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Geleva, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. p. 353.

42. Punch. (1918) *The Kaiser Given away*. 154. p. 226.
43. Punch. (1918) *Weary William*. 154. p. 83.
44. Kipling, R. (2007) *The Irish Guards in the Great War*. Vol. 2: The 2nd Battalion. London: Leonaur Ltd.
45. Knox, A. (2014) *Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe. 1914–1917* [Together with the Russian army. Diary of a military attache. 1914–17]. Translated from English by A.L. Andreev. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
46. *The Illustrated War News*. (1916a) *The Great War*. 14. p. 2.
47. *The Illustrated War News*. (1916b) *The Great War*. 13. p. 2.
48. Conan Doyle, A. (2003e) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Gelev, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. p. 374.
49. Conan Doyle, A. (2003f) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Gelev, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. pp. 373–374.
50. Bertie, F. (2014) *Za kulisami Antanty: dnevnik britanskogo posla v Parizhe. 1914–1919* [The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914–1918]. Moscow: Gos. publ. bibl. Rossii.
51. *The Illustrated War News*. (1916) *Patience! We Shall Pluck You! The Fate of the German Eagle Shown at Salonika*. 14. pp. 5.
52. Firstwar.info. (c. 1914) *Plakaty Pervoy mirovoy. Velikobritaniya* [Posters of the First World War. Great Britain]. [Online] Available from: <http://www.firstwar.info/posters/britan/view.shtml?13>. (Accessed: 23.01.2018).
53. Pound, E. (2006) Poem. Abbreviated from the Conversation of Mr. T.E.H. In: Walter, G. (ed.) *The Penguin Book of First World War Poetry*. London: Clays Ltd.
54. Owen, W. (2014) *Tverdokozhest' [Insensibility]*. In: Lukin, E. *Kniga pavshikh. Poety Pervoy mirovoy voyny. Antologiya mirovoy poezii* [Book of the Deceased. Poets of the First World War. An anthology of world poetry]. St. Petersburg: Fond "Spas".
55. Howe, Ph. (2009) *The Trenchers We Had to Get out of Were Deep . . .* In: Levine, J. *Forgotten Voices of the Somme*. London: Ebury Press.
56. *The Illustrated War News*. (1917) *The Great War*. 73. p. 37.
57. Conan Doyle, A. (2003g) *Uroki zhizni* [Lessons of Life]. Translated from English by Pavel Gelev, Vladimir Polyakov. Moscow: Agraf. p. 349.
58. Firstworldwar.com. (2014) *U.K. Military Service Act*. [Online] Available from: <http://www.firstworldwar.com/atoz/ukconscriptio.htm>. (Accessed: 23.01.2018).
59. Condell, D. & Liddiard, J. (1987) *Working for Victory?* London: Batsford.
60. Propagandahistory.ru. (2011) *Plakaty Vtoroy mirovoy. Britaniya* [Posters of the Second World War. Great Britain]. Pt. 1. [Online] Available from: <http://propagandahistory.ru/208/Plakaty-Vtoroy-mirovoy--Britaniya--CHast-I/>. (Accessed: 23.01.2018).

Received: 14 April 2019

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОФЕССОРОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЗЕРКАЛЕ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СО СТУДЕНЧЕСТВОМ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

На материалах архивной документации, периодической печати и источников личного происхождения рассматривается корреляция между коллективными установками в корпорации дореволюционной русской профессуры и модулем взаимоотношений со студентами на примере истории Императорского Томского университета. Анализируются благотворительная деятельность томских профессоров в пользу студентов, прежде всего через Общество вспомоществования учащимся; внеуниверситетские контакты с учащимися; их поведенческие стили в конфликтных ситуациях. Делается вывод, что в рассматриваемый период существовала неформальная этика взаимоотношений ментора и ученика в пространстве университета, противопоставленная системному кодексу и во многом определявшая коллективную психологию профессуры.

Ключевые слова: профессора; студенты; коллективный портрет; история повседневности; Императорский Томский университет; этика взаимоотношений.

История дореволюционных российских корпораций профессуры и студенчества занимает заметное место в современной историографии. Именно в ней мы нередко обнаруживаем концентрированные болевые точки общества того периода. Не случайно то, что внимание на себя обращают комбинированные аспекты взаимоотношений учащихся и учащихся, ведь изолированное рассмотрение двух этих социальных категорий затеняет отдельные стороны их корпоративного развития и создает риск больше потерять, чем приобрести.

История российского студенчества в преломлении отношений с профессорами и преподавателями, прежде всего на материале двух столиц Российской империи, рассмотрена в работах А.Е. Иванова, в первую очередь – книге «Мир российского студенчества» [1], а также Е.А. Ростовцева [2]. В контексте общественного движения и культурной жизни Сибири эта тема была затронута в работах О.В. Ищенко [3, 4]. Заслуживает интереса и проблемное препарирование взаимоотношений профессуры и студенчества сквозь призму профессорского гонора и конфликтного напряжения. Подобный подход представлен в статьях М.В. Грибовского [5, 6] и т.д.

Придерживаясь последней исследовательской стратегии, обратимся к социальному портретированию корпорации дореволюционной русской профессуры. С нашей точки зрения, подобный портрет невозможен без специального изучения ее взаимодействия со студенчеством. Это позволит актуализировать проблему неформального базиса в академическом сообществе, избрав в качестве цели реконструкцию механизмов, в соответствии с которыми выстраивались коллективные отношения ментора и ученика в пространстве университета. Мы предлагаем рассмотреть данную проблему на примере Императорского Томского университета (ИТУ), учреждение которого в 1878 г. положило начало первому научно-образовательному центру в азиатской части России.

Открытый в 1888 г. в составе одного медицинского факультета ИТУ начал свою учебно-научную деятельность, руководствуясь Университетским уставом

1884 г. (для ИТУ был утвержден собственный устав, составленный в соответствии с положениями общеимперского устава). Напомним, что его положения создали для академических кругов незнакомую до того практику выплаты студентами за слушание лекций гонораров профессорам и преподавателям сверх штатного, казенного жалования. Еще современники неоднозначно оценивали подобную меру: представители русской профессуры разделились по отношению к ней, и нельзя сказать, что большинство из них были склонны ее поддерживать. Совокупность данных факторов, а также сопровождающий контекст, в том числе профессорско-студенческих взаимоотношений, дают нам право смотреть на гонорар как на «зеркало», в котором «отображались многие аспекты “университетского вопроса”» [6. С. 144].

В Национальном музее Республики Татарстан сохранился черновик записей обсуждения гонора еще как возможного дополнения к Уставу 1863 г. Они написаны рукой будущего устройства Томского университета и первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа, а тогда члена ученого комитета Министерства народного просвещения В.М. Флоринского. Состоялось это обсуждение в 1875 г. Мы видим, что ученые со всей России, среди которых были М.Н. Богданов, А.М. Зайцев, Ф.А. Бунге и др., единодушно скептически смотрели на перспективы реализации гонорарной системы в отечественных университетах. Причины тому виделись как универсальные, так и ситуативные, связанные со спецификой российской высшей школы. Среди первых опасения вызывали возможные раздоры, которые неравномерное распределение гонораров не могло не внести в профессорскую среду; в числе последних прежде всего то, что, как выразился профессор Харьковского университета А.С. Питра, «между студентами бедность поразительная, да и само наше общество очень бедно» [7. Л. 1].

В 1896 г. на страницах газеты «Томский листок» (в дальнейшем – «Сибирская жизнь») была опубликована заметка о решении рейхстага Австро-Венгрии об отмене профессорского гонора в университетах

империи. Указывалось, что целью отмены было «уравнение содержания профессоров в различных университетах». Со ссылкой на «Русские ведомости» подчеркивалась необходимость этого и для русских вузов, которые «имеют много общего с университетами Австрии и которые, по отношению к вознаграждению профессоров, страдают такою же “жестокою несправедливостью”». «Нынешняя австрийская система, — отмечалось в заметке, — заимствована из Германии, но там отрицательная ее сторона умеряется своеобразными местными условиями университетского преподавания, свободой перехода профессоров из одного университета в другой, а также свободным для учащихся выбором преподавателей» [8. 1896. 2 нояб.].

Едва ли, впрочем, слова об уместности гонорарной системы в Германской империи заслуживают доверия. Возвращаясь к вышеозначенному обсуждению, заметим, что многие его участники поставили под сомнение подобный взгляд. Так, профессор Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетов сказал: «И в Германии ныне многие профессора не одобряют гонорарной системы». Солидарен с ним был профессор Харьковского университета В.Ф. Грубе, особо подчеркнув, что гонорар сеет раздоры между профессорами и студентами и что введение его обернется «пустой, если не сказать безнравственной, комедией».

Тем не менее «безнравственная комедия» была принята к постановке, и действиям ее предстояло разворачиваться на фоне своеобразных декораций заката великой империи. Противоречия академической сферы рекурсивно отражали проблемы страны и общества в целом, а запоздавшая отмена гонорарной системы в 1916 г., по иронии истории, предшествовала Февральской революции. Студенты и профессора стали участниками этого представления, которое, конечно, не могло не наложить отпечаток на моральный контекст их взаимоотношений. В записях В.М. Флоринского зафиксированы воспоминания того же Грубе, который, по собственным словам, во время обучения в Дерптском университете, стесненный в средствах, порой обращался к профессорам, «чтобы они дали ему 5 рублей для внесения в правление как плату за лекции». Пророческими оказались слова В.Ф. Грубе о том, что «большинство профессоров одной рукой будут давать студентам свои деньги, чтобы эти же деньги получать обратно через правление» [7. Л. 1].

В воспоминаниях прошлого и предчувствиях будущего Грубе мы встречаем ссылку на неформальный аспект взаимоотношений профессоров со студентами. Неартикулированная, но ощущаемая вина перед учениками создала поле для инвестиций в репутационное строительство дореволюционного русского профессора и, отказывая себе подчас в дополнительных доходах, позволила им через благотворительность опереться прежде всего на нравственный базис. Полагая, что в этом пространстве академическое сообщество де-факто и априори являлось автономным, а потому недосягаемым для государственной машины всеобщей подконтрольности.

Знаковой в данном контексте являлась инициатива В.М. Флоринского в первый год функционирования ИТУ — о пожертвовании всего фонда профессорских

гонораров, внесенных за первое полугодие, в пользу студентов. Сумма в 1 215 руб. от гонораров профессоров Н.А. Гезехуса, С.И. Залесского, А.С. Догеля, Н.М. Малиева, А.М. Зайцева, Э.А. Лемана и С.И. Коржинского была направлена под проценты капитала Дома общежития университета [9. С. 66]. Однако, как известно, подобный жест так и остался уникальным в истории [6. С. 153].

Все же профессорский благотворительный поток тем не исчерпался. В 1890 г. в фонде ИТУ общий капитал частных пожертвований университетских профессоров составлял 2 400 руб. [10. С. 59]. Организационным центром благотворительности в пользу нуждающегося студенчества стало Общество вспомоществования учащимся. Оно было создано в Томске в октябре 1873 г. по инициативе учителей томских гимназий и изначально предназначалось в основном для сбора средств воспитанникам сибирских гимназий и духовных семинарий с целью получения высшего образования в вузах Европейской России. В 1890 г. устав Общества был изменен, определив в качестве главной миссии оказание пособий учащимся Томского университета. Впрочем, и забота о гимназистах и семинаристах продолжала занимать членов Общества [8. 1894. 16 сент.]. Однако уже к концу века его направленность выяснилась более определенно. В 1899 г., в год празднования 25-летия, деятельность Общества концентрировалась «главным образом около студентов-томичей, а на долю студентов других университетов и воспитанников средних заведений» приходились «уже гораздо меньшие суммы». Особое внимание вызывали выпускники семинарий, который, как отмечалось в томской газете «Сибирский вестник», «в большинстве» располагали «самыми скудными средствами» [11. 1899. 22 сент.].

В 1907 г. неперемный член и секретарь Общества, экстраординарный профессор по кафедре офтальмологии ИТУ С.В. Лобанов заметил, что функция вспомоществования учащимся по факту заменена помощью исключительно недостаточным студентам [8. 1907. 21 сент.]. В 1912 г. среди членов общества начались обсуждения о необходимости изменить его название, «которое бы ясно указывало на характер деятельности общества, исключительной целью которого должна служить материальная помощь учащимся только в высших учебных заведениях». Дело в том, что к тому периоду общества, аккумулировавшие средства для помощи ученикам низших и средних учебных заведений, существовали во многих городах Сибири. Представители же томского Общества подчеркивали общесибирский характер своей деятельности, ведь студенты, в том числе недостаточные, съезжались для поступления в Томский университет, а с 1900 г. — в Томский технологический институт (ТТИ), со всего обширного региона [12. 1912. 3 апр.]. Подобное переименование, по замыслу авторов, должно было увеличить приток пожертвований, острый дефицит которых ощущался на всем протяжении существования Общества.

Денежный фонд Общества пополнялся членскими взносами (5 руб. в год), частными пожертвованиями, доходами от сборов с публичных лекций томских

профессоров, товарищеских ужинов, концертов, спектаклей, лотерей. Отмечалось, что основную прибыль составляли сборы от студенческих вечеров, особенно от организовывавшегося почти ежегодно 22 октября, в день традиционного актового праздника ИТУ, в здании общественного собрания [8. 1903. 28 авг.]. Следует заметить, что Общество выдавало нуждающимся студентам не безвозвратные пособия и ссуды. Все средства следовало возмещать по окончании обучения и, соответственно, направлять в пользу будущих студентов. Реальность все-таки подчас оказывалась иной. С.В. Лобанов писал: «К сожалению, должники Общества далеко не все (ох, как далеко!) помнят свои обязательства по отношению к Обществу даже после многократных напоминаний: многие или упорно не отвечают, или просят отсрочки... Если бы должники более аккуратно возвращали свои ссуды, Общество свободно могло бы удовлетворять почти всех, обращающихся к нему; ведь в долгу у Общества сотни лиц...» [Там же. 1907. 21 сент.]. Одно время при Обществе даже действовала долговая комиссия. Список должников вывешивался в университете, по городам страны рассылались запросы для определения их места жительства. В 1907 г. собрание Общества постановило предъявлять к «упорствующим должникам» судебные иски с «пропечатанием их фамилий в газетах по месту жительства» [13. С. 10]. С 1910 г. деятельность по возврату долгов усилилась. Несмотря на это, сумма поступлений от должников в 1911 г. уменьшилась почти на 1 000 руб. [12. 1912. 3 апр.].

Между тем ситуация повседневности томского студенчества нередко требовала постороннего участия. С одной стороны, Общество вспомоществования учащимся собирало значительные средства. За период с 1894 по 1903 г., когда его председателем был профессор ИТУ Е.С. Образцов, в кассу поступило более 70 тыс. руб. Свою лепту в это дело внесла и жена профессора Надежда Ивановна, которой за счет организации лотереи-аллегри удалось пополнить фонд на 16 351 руб. [8. 1903. 14 окт.]. Многие профессора не ограничивались формальным участием в обществе и базовой уплатой взносов. Для поощрения этой практики в 1899 г. было предложено присваивать звание почетных членов тем из них, кто вносил более крупные суммы или же своим именем привлекал средства со стороны. Одним из последних был профессор П.В. Буржинский: на его имя в 1897 г. через Я. Кокоулина с приисков было даровано 750 руб. [11. 1897. 31 янв.]. Внесшим по 100 руб. присваивалось звание пожизненного члена, как, например, профессору М.Г. Курлову в 1898 г. [Там же. 1898. 23 сент.]. Всего в 1898 г. в Обществе состояло 26 почетных членов и 134 действительных [Там же. 1899. 22 сент.], в 1904, соответственно, 24 и 31, в 1905 – 24 и 10 (в том числе 4 пожизненных) [13. С. 1, 5].

В 1902 г. Курлов и Буржинский, наряду с целым рядом профессоров университета (И.Н. Грамматикати, А.И. Судаков, С.М. Тимашев и др.), выступили жертвователями в пользу капитала им. профессора В.А. Манассеина для студенческих стипендий при ИТУ [8. 1902. 15 янв.]. Еще в 1891 г. профессора ИТУ

сделали вклады в пользу строительства здания для дешевой столовой (ул. Черепичная, 5) [11. 1891. 31 марта]. В дальнейшем пожертвования направлялись уже непосредственно на бесплатные (для самых бедных студентов) или недорогие обеды в ней. Характерно, что в феврале 1917 г. был поставлен вопрос о передаче столовой в управление студентов [8. 1917. 26 февр.].

В 1897 г. по инициативе того же Е.С. Образцова начался сбор средств на строительство второго Дома общежития для недостаточных студентов [11. 1899. 22 сент.]. Оно было открыто в 1903 г. В газете «Сибирская жизнь» отмечалось, что желающих поступить на полный пансион (т.е. со столом) оказалось мало. Комната без стола обходилась студентам в 9 руб. в месяц [8. 1903. 26 сент.].

По сообщению ректора ИТУ профессора А.И. Судакова, в 1901 г. обучающимся в университете было выдано стипендий на общую сумму более чем 25 тыс. руб., освобожден от уплаты в оба полугодия 171 человек. Дополнительно за этот год студенты получили ряд пособий, всего на 7 762 руб., в том числе от Общества вспомоществования учащимся (5 757 руб.) [Там же. 1902. 25 окт.]. Кроме того, своеобразной льготой было само предоставляемое право жить в Доме общежития ИТУ, условия которого заметно отличались от частных квартир города. Е.С. Образцов принимал студентов-просителей, в том числе у себя на дому [Там же. 1903. 27 авг.]. Там же он собирал и пожертвования от «общества города Томска». Предметом гордости председателя было то, что за 9 лет его работы в этом качестве «не было ни одного случая исключения студентов за невзнос платы» [Там же. 1907. 19 дек.].

Вместе с тем была и обратная сторона благотворительного процесса. Число нуждающихся студентов ИТУ в рассматриваемый период было довольно большим. Если в 1889/90 учебном году необеспеченных учащихся университета насчитывалось 68, 43% от общего количества, то уже в 1890/91 – 75,19%, в 1891/92 – 77,27%, в 1892/93 – 81,02% [8. 1903. 16 сент.]. К 1898 г. соотношение изменилось: 68,25% состоятельных против 31,75% несостоятельных [11. 1898. 23 сент.]. Положительный баланс грозило нарушить скорое открытие Томского технологического института. Позднее, однако, студенческая половая перепись выявила, что в 1907/08 учебном году в целом по Томску наблюдалось более 30% необеспеченных студентов, что, впрочем, не снимало с повестки острой проблемы необходимости участия в их жизни [14].

Стипендий и пособий, выдаваемых недостаточным студентам, нередко не хватало. Это вынуждало прибегать к дополнительным заработкам, прежде всего частным урокам. Но и здесь нуждающихся ждала ловушка. В «Томском справочном листке» за 1894 г. мы читаем: «Результатом большой конкуренции бедствующих студентов является крайнее понижение заработной платы. Урок с 15-рублевым ежемесячным вознаграждением представляет в Томске редкое исключение, удел весьма немногих. Обыкновенная же, чаще всего встречающаяся, плата 8–10 руб-

лей в месяц за ежедневные занятия не менее двух часов». В 1898 г. встал вопрос об организации при Обществе вспомоществования учащимся бюро труда для смягчения условий работы обучающихся. Совмещая заработки с занятиями, многие студенты, таким образом, почти лишались свободного времени, к тому же обрекая себя на различные бытовые неудобства и жизнь впроголодь. К этому необходимо добавить, что над многими из них продолжал висеть дамоклов меч исключения из вуза. Безусловно, Правление иногда шло на уступки, продлевая сроки вноса платы за слушание лекций (пресловутых гонораров). Обществу вспомоществования же в таких случаях приходилось работать в экстремальном режиме, делая ставку, к примеру, на ту же лотерею-аллегри. В «Сибирском вестнике» от 8 ноября 1898 г. мы читаем: «...20 числа кончается срок для вноса платы студентов-юристов, бедняков, из числа которых, в случае не вноса платы, постигнет та же участь. Поэтому, ввиду отсутствия средств у Общества вспомоществования учащимся и массы ищущих помощи от него, от души желаем полнейшего успеха сегодняшней лотереи названного общества». Билеты в тот месяц раскупались плохо. Газеты неустанно продолжали рекламировать лотерею. Для привлечения участников ее посетил губернатор. К 13 ноября 1 200 билетов все еще оставались непроданными. Осенью того года казначеем Общества вспомоществования из 2 341 руб. почти все деньги были внесены в правление «за право слушания лекций». Только 152 руб. были выданы студентам на личные нужды [11. 1898. 7 дек.]. Подобное повторялось и впредь. В ноябре 1902 г. Общество не смогло удовлетворить просителей полностью: многим из них приходилось изыскивать собственные средства для оплаты гонорара. «Вся надежда на томское общество и частных лиц», — отмечалось в газете [8. 1902. 9 нояб.].

Усилились позднее и внутренние проблемы Общества вспомоществования. Так, в 1907 г. из 200 членов на годовичное собрание явилось лишь 28 человек, а общий сбор от членских взносов ограничился 162 руб. [Там же. 1907. 17 апр.]. В сентябре того же года было сообщено, что Общество будет выдавать средства для платы за слушание лекций «лишь в ограниченных размерах и небольшому числу лиц» [Там же. 21 сент.]. В столовой общества было лимитировано число дешевых обедов, объявлен сбор пожертвований продуктами. Профессор С.В. Лобанов вызвал со страниц газеты: «Надеемся, что люди, чуткие к чужой нужде вообще и студенческой в частности, люди, имеющие каждый день свой сытый и вкусный обед, отзовутся на наше предложение и тем дадут возможность беднейшим студентам пользоваться хоть временно бесплатным обедом, не обрекая их на полуголодное существование! “Хлеб наш насущный даждь нам днесь!”». Нужда студентов в бесплатных обедах в этом году будет, по-видимому, велика, судя по тем заявлениям, которые уже начали поступать» [Там же].

Механизмы вины в коллективном сознании профессоров Императорского Томского университета, таким образом, затрагивают поляризованную повседневность дореволюционного российского общества.

Полагаем, что столкновение с крайней нуждой студентов со стороны профессуры, представители которой, бесспорно, были элитарной частью общества, ложилось бременем на психологию ментора, который, как мы ранее убедились, нередко и сам, по воспоминаниям своей молодости, знал «цену» материальной нужды. Неудивительно, что не всякий принимал это бремя. Так, в 1904 г. профессор ИТУ И.Н. Грамматикати отказался от предложенной ему должности председателя Общества вспомоществования учащимся г. Томска [8. 1904. 23 нояб.]. В 1907 г. после избрания 14 октября «председательницей совета» последовал отказ Е.И. Обручевой (жена В.А. Обручева) [13. С. 8]. Погружение в бездну, уклониться от которого было трудно в этой роли, так или иначе, задавало особый тон взаимоотношений между профессорами и студентами, накладывая на них отпечаток невыраженного долга и невысказанного взывания.

21 марта 1910 г. в переполненном зале Томского общественного собрания праздновался 25-летний юбилей деятельности профессора ИТУ В.В. Сапожников, также не забывавшего про свой «долг» (одно время состоял помощником председателя Общества вспомоществования). С.В. Лобанов тогда пожелал юбиляру: «Чтобы Вы, поднимающийся на горы и выси ледников, не забывали спускаться и туда — в глубокие низины студенческой нужды, не отказывались заглядывать в темные уголки царящей там беспросветной нужды, чтобы вы по-прежнему не отказывались культивировать тот способ помощи студентам, который Вы первый начали культивировать». Студенты ИТУ, ТТИ и вольнослушательницы Сибирских высших женских курсов, в открытии которых Сапожников принял участие, в тот день выражали свою благодарность перед не только талантливым ученым и учителем, но и человеком, на чью «помощь и содействие» всегда можно было рассчитывать. Председатель томского отделения Общества распространения просвещения среди евреев Бейлин сказал о «правом деле ученого, который вносит созидание не только в науку, но и в человеческое благо среди народов» [8. 1910. 24 марта].

Разумеется, благотворительность в пользу студенчества на протяжении всего рассматриваемого периода была делом сугубо добровольным. Главными регуляторами здесь выступили моральные установки внутри сообщества, которые, что нам еще предстоит затронуть, были противопоставлены иной этике — официальной. Отсюда вытекает немаловажная деталь в рассматриваемом нами коллективном портрете: именно особенности взаимоотношений со студенчеством, прежде всего связанные с благотворительностью, приоритизировали институт репутационного капитала. Даже при наличии снисходительного отношения администрации, карьера профессора могла быть разрушена при игнорировании этого приоритета.

Мы видим, что данная линия нередко высвечивается в дореволюционном академическом социуме. 13 декабря 1907 г. состоялось прощание студентов с Е.С. Образцовым, вышедшим в отставку за выслугой лет. В своем обращении профессор отметил, что «не считал себя вправе ограничиться выполнением офи-

циального долга по отношению к своим ученикам, но старался быть им полезным и за пределами клинического преподавания» [8. 1907. 19 дек.]. Ранее, летом 1902 г., на состоявшемся семейном торжестве по случаю 25-летия деятельности Е.С. Образцова студенты пожелали юбиляру и далее служить «на пользу родного университета» и «быть таким же защитником интересов юношества» [Там же. 1902. 2 июля].

В 1908 г. в отставку ушел и П.В. Буржинский. В своей прощальной лекции, состоявшейся 4 апреля в большой аудитории старого анатомического корпуса ИТУ, профессор подчеркнул ту «духовную связь, которая в течение многих лет существовала между ним и аудиторией». Под приветственным адресом подписалось несколько сотен студентов университета [Там же. 1908. 6 апр.]. О «гуманном и внимательном» отношении ученого к студентам и помощникам было сказано и 16 апреля, во время прощального ужина в Европейской гостинице Томска [Там же. 22 апр.].

Одним из маркеров внеофициального «узнавания» между профессорами и студентами, доверие которых выстраивалось порой за рамками чисто академической жизни, стали неформальные отношения за пределами университета. Профессор Томского университета И.А. Малиновский, который неоднократно выступал с публичными лекциями в пользу нуждающихся студентов, делал частные пожертвования, а также некоторое время был председателем Общества вспомоществования учащимся, вспоминал о том, как принимал у себя дома студентов. Мемуарист зафиксировал факты из жизни некоторых из них (Г.М. Колоножникова, П.Ф. Бычковского, И.И. Кузнецова и др.), что прямо указывает нам на степень близости и неформальности этих отношений. Малиновский упоминал и о том, как после оправдательного приговора по уголовному делу, заведенному на него в 1911 г. в связи с опубликованной им работой «Кровавая месть и смертная казнь» (вскоре после этого оправдание будет отменено, а профессор приговорен к тюремному заключению на 1 месяц; в 1913 г. был амнистирован), ему прислали поздравительную телеграмму студенты 3-го курса. Характерной чертой званных вечеров в доме Малиновских также стало присутствие студентов. Иоанникий Алексеевич вспоминал: «Особенной популярностью пользовалась среди студентов наша “кутья” 24 декабря... В устройстве елки помогали студенты... Гостей было много, часть студентов пела хором» [15. С. 336].

Бедственное положение отдельных студентов, таким образом, не могло не становиться личной проблемой профессоров. Идентичность учащихся и учащихся на этом поле в тесном взаимопроникновении во многом определила поведенческие стратегии представителей томской профессуры. В 1901 г. во время обсуждения записки, составленной комиссией профессоров, в Томском университете вновь было высказано достаточно определенное отношение к системе гонораров. Профессор ИТУ И.Г. Табашников, отметив несоответствие ее «условиям наших студентов и профессоров», указал и на умаление прав студентов, которые не имели возможности самостоятельно выбирать курсы и, следовательно, отказаться от уплаты

гонорара конкретному профессору. «Никого нельзя заставить принудить платить за то, – подчеркивал Табашников, – что никакой платы не стоит или что платящему вовсе не нужно. Всякое принуждение в таком деле носило бы характер грубейшего насилия, не вызываемого никакой необходимостью. Между тем в силу действующего университетского устава ни один студент не вправе отказаться от такой платы, если установленным порядком и по узаконенным причинам не будет освобожден от нее правлением университета» [16. С. 16].

Несмотря на то, что, как уже было сказано, целевое пожертвование гонораров профессоров ИТУ в первое полугодие работы вуза было беспрецедентным, имели место менее масштабные, но примечательные решения. 13 апреля 1896 г. Совет Томского университета постановил «в память священного коронования» Николая II учредить стипендию имени Императора, который, заметим, состоял почетным членом ИТУ. Капитал для стипендиального фонда решено было формировать из десятипроцентных отчислений от профессорских гонораров [17. С. 42–43]. Не обошлось, однако, без казусов. Отсутствовавший на заседании Совета экстраординарный профессор по кафедре общей химии Е.В. Вернер в ноябре того же года попросил у ректора во второе полугодие вычета с него не производить. Ректор А.И. Судаков отказал профессору, сославшись на то, что Государь Император «уже прислал благодарность за стипендию». Любопытна мотивировка Вернера, которого не минула этическое «бремя» профессуры: «В Томске так много благотворений и необходимо сознаться, что все они ложатся тяжелым бременем на профессоров, не занимающихся врачебной практикой в городе. Общество начального образования, физического развития, вспомоществования учащимся, балы и спектакли в пользу студентов, работные дома и друг. – все это не минует нас; а с жалованием экстраординарного, при страшной дороговизне и условиях жизни в Томске, едва сводим концы с концами» (цит. по: [18. С. 55]). Впрочем, не будем торопиться осуждать профессора. Сам он отметил, наряду с прочим, что в силу того, что 1-я аудитория, где проходили его лекции, не вмещала в себя всех студентов, вынужден был разделить курс на две группы и вместо 7 лекций прочитать 10 (без дополнительного гонорара). А в 1895 г. у Вернера на 6 часов лекций пришелся двухчасовой гонорар. Даже в таких случаях проблему приходилось решать в неофициальном ключе.

Расширим проблему неформальных связей профессоров и студентов и обратимся для этого к первым годам функционирования ИТУ. 21 декабря 1889 г. Правление университета в связи с отношением инспектора студентов А.С. Еленева рассмотрело поведение в «нетрезвом виде» студентов Серебренникова, Потоцкого, Полякова и Иванова. Заметим, что речь шла о поведении в театре, на частных квартирах, Доме общежития, т.е. вне учебного времени и аудиторий университета. Инспектор рекомендовал вынести «провинившимся» выговор, в том числе с внесением в Штрафную книгу. Профессор Н.М. Малиев тогда предложил отнестись «снисходительнее и ограни-

читься замечанием». Профессора С.И. Коржинский и А.С. Догель сочли поступки студентов «не настолько важными», чтобы «они могли быть предметом Правления». Дело, при протестах инспектора, решено было передать в ведение ректора, который сделает «выговор или замечание лично от себя» [19. Л. 36–38].

Все же 3 февраля следующего года «предметом» обсуждения Правления стало еще одно заявление Еленева: накануне студент 2-го семестра Святский, придя в общежитие и пререкаясь с педелем, «быстро пришел в состояние столь сильного раздражения, что дозволил себе бить его, не стесняясь даже присутствием помощника инспектора Серебренникова». Профессора Догель и Малиев, предположив, что поведение Святского могло быть спровоцировано педелем, не только сочли состояние опьянения смягчающим для студента обстоятельством, но и предложили ограничиться в качестве наказания заключением его в карцер. Более строгие меры могли, по их мнению, «озлобить студентов против служителей инспекции». Более того, Догель высказал сожаление, что «на должности служителей инспекции избираются лица не интеллигентные, а унтер-офицеры, которые, не желая того, могут по своей неразвитости вызывать раздражение студентов» [19. Л. 42].

Естественно, столь либеральный подход вскоре привлек внимание попечителя В.М. Флоринского, который своим решением одобрил предложение ректора В.Н. Великого и инспектора Еленева, удалив Святского из университета с правом поступления на тот же курс по истечении полугода. Описанные, а также ряд других случаев стали темой для обширной служебной записки Флоринского. Василий Маркович, среди прочего, счел неслучайным отсутствие ряда профессоров на отдельных заседаниях Правления. В частности, речь шла о заседании от 9 марта 1890 г., когда почетным членом университета был избран цесаревич и где, по мнению Флоринского, «отказались присутствовать» профессора Зайцев, Догель и Коржинский [20. Л. 10]. В отчете В.К. Анрепа, составленном на имя министра народного просвещения И.Д. Делянова, было высказано соображение, что непосещение профессорами заседаний было приурочено к тем случаям, когда впредь рассматривались дела по проступкам студентов. Возник вопрос и о «политической благонадежности» этих, как отмечалось в отчете (вероятно, со ссылкой на мнение Флоринского), «одних из наиболее талантливых» профессоров [21. Л. 262].

По прошению, в том числе в связи с описанными инцидентами, Догель и Коржинский были уволены из правления 26 июля 1890 г. (ранее, 8 октября 1889 г. из Правления был выведен и профессор С.И. Залесский). Формально причинами для немилости в глазах попечителя стали поблажки студентам при обсуждении мер взыскания за проступки, стремление искать популярность среди учащихся университета, влияние «на дух и направление студентов в нежелательном для университета направлении» [20. Л. 1 об.].

Устроитель Томского университета находил потенциально развращающую опасность для студентов равным образом как в политических ссыльных, жив-

ших в тот период в Томске, которые «сгруппировались при книжном магазине Макушина», так и в упомянутых «господах профессорах». Опасения В.М. Флоринского усиливали сообщения инспекции и местного жандармского управления, заметки из «Восточного обозрения» и «Сибирской газеты». В конечном итоге он поверил, что между профессорами Догелем, Залесским и Коржинским и «кружком Макушина» установились «близкие отношения».

В.М. Флоринский, бывший профессор Казанского университета, человек, который, как мы можем судить, ассоциировал себя с «университетской семьей», тем не менее, в рассматриваемой нами истории выступает как представитель русского чиновничества, а потому адвокат строгой субординации и философии предсказуемости в поведении студента и профессора. Так, он замечал относительно упомянутых профессоров, что «заведомое уклонение их от обсуждения подобных вопросов и чрезмерно снисходительное отношение их к проступкам студентов против нравственности и благопристойности несогласно с требованиями устава и инструкций и есть нарушение тремя членами правления своего служебного долга». Долг и обязанность действительно рисуют недвусмысленные эскизы, которым должны соответствовать как профессор, так и студент, а отклонение от «нормы» влечет за собой нежелательные и грозящие последствиями «распущенность и самовластье». Данные обстоятельства отводят профессору В.М. Флоринскому особое, в некотором роде изолированное место на рассматриваемом нами портрете.

Близок ему по данной ролевой модели оказался и упомянутый уже А.И. Судаков. Во второй половине 1890-х гг. он присоединился к критике Правления, которое снисходительно назначило на стипендии студентов, не рекомендованных инспекцией [18. С. 29–31]. Профессор-гигиенист Судаков после отъезда В.М. Флоринского в Петербург в сентябре 1898 г. исполнял обязанности попечителя Западно-Сибирского учебного округа и равным образом отличался консервативностью. Во время конфликта профессора ИТУ М.А. Рейснера и студента-юриста Чадова в 1902–1903 гг. он, будучи ректором, выступил своеобразным арбитром и в заключение дал исчерпывающую характеристику деятельности первого. Вспомним, что речь шла об искажении содержания одной лекции профессора, прочитанной в университете (или, напротив, точном, но неуместном ее пересказе [22]). Тем не менее для Судакова предосудительной показалась сама структура имиджа популярного среди студентов профессора, деятельность которого «не может быть признана полезной», но «может быть признана безразличной». «Эта деятельность, — отмечал Судаков, — может быть названа только вредной, отвлекающей студентов от серьезной научной работы и побуждающей их относиться с неуважением и враждой к установленному в России законному порядку вещей». Прибегнул Судаков и к нравственным отсылкам: «С нравственной точки зрения деятельность профессора Рейснера по некоторым ее проявлениям должна быть признана несовместимой со служебным долгом и не согласной

с достоинством члена университетской корпорации» [23. Л. 93 об.].

Отсылку к «университетской корпорации», впрочем, можно оспорить. Ведь именно в этих цитатах для нас приоткрывается основа противоречия и единомыслия в пространстве университета. Судаков и Флоринский, члены «университетской семьи» вне этой семьи, апеллируют к установленному эталону, которому должен соответствовать профессор Императорского университета (за скобками мы оставляем эталон студента, что является отдельной темой). Эталон этот определяется законами, уставом, а также незримым духом «нерушимого порядка вещей». Именно к такому «идеальному» образу с благоговением должны были относиться молодые университетские неофиты. Так, по «Правилам для студентов», при встрече «со всеми прямыми начальниками и профессорами» необходимо было «прикладывать руку к козырьку», а во время лекций (которые, как мы помним, нельзя было выбрать, но нужно было оплачивать) «ни под каким предлогом и ни в каком виде» не допускалось «выражение неодобрения» и даже «одобрения» [24. С. 11]. Таким образом фундаментировались всеобщая предсказуемость и иллюзия спокойствия, за сохранность которых администратор, в отличие от профессоров и студентов, нес прямую ответственность. Нарекания в данном контексте вызывают лишь ссылки на неформальные корпоративные правила, использованные, в том числе, и Судаковым: жизнь в сообществе преимущественно определялась не официальными нормами (законов, правил, предписаний), а практиками уклонения от них. Так, говоря о ритуалах почтения, мы можем обратиться к Штрафной книге. В октябре 1894 г. один студент, не поклонившись, заметил инспектору: «Я раскланиваюсь только с тем, от кого могу видеть для себя полезность и кого уважаю» [25. С. 75]. Ранее, в 1893 г., другой обучающийся прямо заявил инспектору Пятницкому, что ему «не нравится», что тот «заставляет их раскланиваться с профессорами» и с ним самим, подчеркнув формальность этого правила. К.М. Гречищев вспоминал эпизод из своих студенческих лет в ИТУ, когда экзамен по богословию (курс читал профессор Д.Н. Беликов) почтил присутствием томский архиерей Макарий. Один студент, встретивший церковного служителя в коридоре главного корпуса, ответил на «вытянутую ему руку для благословения» рукопожатием. Не обошлось без разбирательства. Гречищев отмечал, что впредь Макарий на экзамен не являлся [26. С. 404–405].

Возникновение над-официальной этики в университетской среде выводило на первый план систему знаков и намеков, позволявших распознавать «своих». В 1896 г. профессор Вернер стал «героем» конфликта в ИТУ, ответив «оскорблением» студентам, стучавшимся в его аудиторию. Студенты тогда, вопреки всем писанным правилам, приняли решение не посещать лекции Вернера, пока тот не извинится перед курсом. В развитие конфликта ректор Судаков приложил все усилия, чтобы вернуть студентов к занятиям, невзирая на их требования. Небольшая часть обучающихся последовала его внушениям. Гречищев, участник тех событий, однако, вспоминал позднее:

«Нельзя не отметить тот факт, подтвержденный в дальнейшем из профессорских источников, что профессор Вернер читал свои лекции штрейкбрехерам очень неохотно, без опытов и даже с презрением. Это обстоятельство давало студентам подумать, что профессор Вернер уклонился от извинений перед студентами в силу только запрета со стороны ректора». Подтверждением этой позиции служит и то, что не оправдались опасения студентов, в конце концов вернувшихся к занятиям, относительно возможной во время экзаменов мести Вернера, который, как ожидалось, «не преминет свести счеты с забастовщиками» [26. С. 385]. В дальнейшем имя Вернера произносилось студентами с уважением и признательностью. В 1908 г. в составленном вскоре после смерти профессора учащимися университета некрологе Евгений Валерианович был описан как «телесная форма» «жреца, служащего одному богу – мысли». Ученики вспомнили о той же тесной химической аудитории, где «седой, как лунь», профессор, «внешним видом напоминающий средневекового алхимика», поражал «глубиной и ясностью мысли». Студенты отмечали: «Была ли тут только химия? Нет! Это было разрушение и созидание мира... Это был гимн Разуму, – творчество, – жертва свободному духу исследования» [8. 1908. 1 марта].

Дискуссионным остается вопрос о влиянии политических взглядов на популярность среди студентов. Историк А.Е. Иванов отмечал, что профессора консервативно-монархических взглядов обречены были на нерасположенность студентов [1. С. 35]. Действительно, как вспоминал тот же Гречищев, М.А. Рейснер, начавший работу в Томском университете в 1899 г., несмотря на свое красноречие, «произвел странное впечатление». Его вступительная лекция была построена на вопросах религиозного исповедования, праве морали и религии. К тому же, отмечал Гречищев, во время лекции Рейснер «расшаркивался перед попечителем и профессором богословия», заставив о себе думать как о «махровом монархисте, заинтересованном в том, чтобы скорее уйти от скромного звания – исправляющий должность экстраординарного профессора» [26. С. 406]. Рейснер и сам в дальнейшем признал, что в томский период жизни изначально был охранителем, однако именно в этом сибирском городе он пережил политическую трансформацию. Популярность среди студентов он завоевал в период упомянутого конфликта, бросив вызов этике попечителей и министерства. Итогом стало его увольнение из университета с запретом преподавать в России. «Рейснер выехал на работу в Москву видным революционером», – писал Гречищев.

Вместе с тем Н. Зарницын (псевдоним бывшего студента ИТУ А.Н. Морачевского) вспоминал, что среди популярных профессоров был, например, М.Г. Курлов, который скорее придерживался консервативных взглядов [27. С. 423]. Гречищев признал, что И.Н. Грамматикати был отличным лектором и при этом «откровенный ретроград», «неизменный прихвостень губернатора и попечителя», «их советник по вопросам о режиме для студентов и репрессивных мер к ним» [26. С. 405].

И здесь можно предложить иную оптику, которая связана со всем вышесказанным и не ограничена исключительно политическим аспектом. Существование неформального этического фундамента в среде студенчества, которое, бесспорно, в массе своей скептически смотрело на «удушающий» режим тотального контроля, задавало набор правил и для профессора. Уклонение от них непременно влекло пресловутую непопулярность, а ситуация солидарности в самых разных смыслах (от благотворительности до открытой политической позиции) предлагала новый корпус жизненных и профессиональных нормативов. По всей вероятности, трудно было устоять перед искушением «тотального» взаимопонимания с главным участником университетского процесса – студентом. Это налагало ответственность на профессора. Зарницын вспоминал: «...за профессорской спиной стояла тесно спаянная единой волей и единым духом плотная, компактная масса молодежи, готовая в любой момент дать дружный отпор всяким посягательствам на свою личность и свои права, освященные старыми традициями» [27. С. 424]. Это же предоставляло возможность развивать данную модель в основном контактном пространстве университета – лекционных аудиториях.

Зарницын отмечал, что студенты не проявляли снисхождения к тем лекторам, которые «из года в год читали по одному и тому же конспекту, отмечая ногтем, где остановился и откуда начинать в следующий раз», «питались цитатами, то и дело выкрикивая имена ученых, на которых ссылались», искали «дешевой популярности». Любителей рассказывать анекдоты студенты, по словам мемуариста, без стеснения называли «орало-мучениками». «Конечно, – писал Зарницын, – ни в степени учености, ни, тем более, в нравственном отношении подобные профессора не имели и не могли иметь никакого влияния на студентов. Их третировали на каждом шагу и даже больше – ненавидели... Они аккуратно являлись на лекции, на экзамены, ставили студентам отметки, читали “свою ученую псалтырь” и покидали с чувством исполненного долга университет. Мы, студенты, не имели с ними никакого общения помимо официального и никогда не обращались к ним ни с чем более, как только с вопросами, касающимися учебной части» [12. 1913. 25 апр.].

Суду подвергалось все: А.И. Судаков с его провалами в памяти; Н.М. Малиев, сообщавший анекдоты «со смешной гримасой на лице»; М.Ф. Попов, лекции которого «было слушать бесполезно» в силу того, что читал их он «почти шепотом»; С.Г. Сабинин, «изводивший своих слушателей», «читая даже при одном человеке»; М.Н. Соболев, обходивший «самые животрепещущие вопросы»; П.А. Прокошев, любивший, чтобы «студенты за ним записывали». Даже за И.А. Малиновским студенты замечали «слабости»: вспоминали, что на него «магическое действие производило упоминание имени Владимирского-Буданова», «теории которого он рабски следовал» [27. С. 424]. И борец с гонорами профессор Табашников не избегал своего приговора. «Регулярно, через день, являлся он в аудиторию, – вспоминал Зарницын, – раскладывая листки и монотонно вычитывал “от сих и до

сих”. При первом звуке звонка профессор бросал на полуслове и убегал быстрыми шагами. Слушать такого ученого никто не хотел: под руками у каждого был такой же учебник, в котором совмещалась вся профессорская мудрость» [27. С. 423].

Традиционным атрибутом «подпольного» мира студенчества стали «клички» и нелюбимые сравнения. В.Н. Великого сравнивали с пономарем, М.Ф. Попова называли «шипящим», В.А. Юшкевича – «толстяком».

Не случайно, что теневая субкультура (не)почтения к профессуре получила столь широкое развитие. Принципиально заметить, что приоритет неформальной этики не означает прямое игнорирование правил и наставлений: речь, скорее, об уклонении и имитации, за который открывается «невидимая» повседневность. Пожалуй, наиболее последовательным был бы открытый «суд» над профессорами, предпочитавшими придерживаться системного этического кодекса и пользоваться априорным почтением, а точнее иллюзией этого почтения. Как известно, в революционный 1917 г. этому процессу будет дан ход. В более же ранний период участники академических игр концентрировали «подпольное разоблачение» лишь в отдельные моменты – в рамках ненормативной повседневности. Причем понятие «подполье» здесь порой принимало почти буквальный смысл.

Одним из наиболее ярких таких «моментов» был день упомянутого уже университетского акта (22 октября). После официальной части в Университетской Домовой церкви, которую, надо сказать, многие студенты предпочитали игнорировать, к вечеру профессора и учащиеся ИТУ собирались в общественном собрании. Символическая архитектура этого здания 22 октября становилась весьма определенной: наверху – концерт и благотворительный стол, внизу – то, что студенты тех лет называли «мертвецкой». Это большая комната, которую отводили специально для учащихся. Для пожелавших посетить это помещение профессоров студенты предлагали испытание: сказать «слово». «В зависимости от содержания сказанного им, – вспоминал Зарницын, – и симпатий к оратору, качали его или бесцеремонно, со свистом, выпроваживали. “Мертвецкой” профессора боялись и шли на “суд” своих учеников, как гимназисты на трудный экзамен. Иные лучше предпочитали не посещать совсем вечера, чем подвергнуться публичному осмеянию» [Там же. С. 426].

Впрочем, как вспоминал И.А. Малиновский, в эту комнату студенты приглашали лишь популярных профессоров. «Меня приглашали несколько раз, – пишет Малиновский. – Я говорил о том, что студенческая молодежь – надежда России, что наука – могучее средство, при помощи которого человечество может создать для себя счастливую жизнь» [15. С. 333]. Профессор указывал, что среди приглашенных бывали Курлов, Салищев, Сапожников и др.

Кстати, в процитированной выше записке Ф.М. Флоринского, со ссылкой на газету «Восточное обозрение», сказано, что «защитников слабостей и шалостей молодого поколения» (Залесского, Догеля, Коржинского) в первый студенческий акт (1889 г.)

студенты чествовали «качанием руках» и произнесением им хвалебных речей [20. Л. 7 об.]. Видимо, в «слове» профессоров не прозвучало официозного акцента.

Таким образом, мы можем признать, что без фактора взаимоотношений со студентами социально-психологический коллективный портрет профессоров Императорского Томского университета, равно и в целом дореволюционных русских вузов, без сомнения, будет неполным.

Настоящим исследованием мы концептуализировали проблемы академического мира дореволюционной России, главные участники которого в своих ролевых моделях оказались разделены между официальным и неформальным этическими началам.

Это создало ситуацию неустойчивой нормы, которая, с одной стороны, предлагала иллюзия порядка и предсказуемости, а с другой – делало основным полем взаимодействия профессора и студента пространство, контролируемое иной, андерграундной этикой. Она базировалась на вине профессора перед коллективным образом ученика (своеобразная разновидность вины интеллигенции перед народом); приоритете неформальных отношений, свободных от внешнего контроля (Министерства народного просвещения, попечителя, отчасти ректора), а потому разворачивавшихся прежде всего вне университета; наконец, на негласном договоре взаимной зависимости, защищавшей подчас от искушения силы и вседозволенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 360 с.
2. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
3. Ищенко О.В. Профессора и преподаватели томских вузов в условиях противостояния власти и студенчества на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 149–151.
4. Ищенко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 499 с.
5. Грибовский М.В. «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 67–73.
6. Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 144–163.
7. Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-101.
8. Сибирская жизнь (с июля 1894 г. по май 1895 г. Томский справочный листок, с июня 1895 г. по октябрь 1897 г. Томский листок). Томск.
9. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за первое полугодие по его открытию (Извлечение из «Томских университетских известий» за 1888/9 год). Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, 1889. 71 с.
10. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1890 г. Томск : Типо-литография В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1891. 65 с.
11. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск.
12. Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. Томск.
13. Отчет о деятельности Томского общества вспомоществования учащимся за 1904–1908 гг. Томск : Типо-литография Сибирского т-ва печатного дела, 1909. 54 с.
14. Фалевич Я. Итоги томской студенческой половой переписи (Доклад, читанный 18 февраля 1910 г. на заседании Пироговского студенческого медицинского общества при Томском университете) // Сибирская врачебная газета (Томск). 1910. № 18.
15. Малиновский И.А. Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.
16. Особое мнение по поводу предстоящего преобразования русских университетов профессора Императорского Томского университета И.Г. Табашникова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск : Типография Епархиального братства. С. 1–61.
17. Известия Императорского Томского университета. Томск : Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1897 [пагин. 16-я]. Кн. 12. С. 1–90.
18. Особое мнение ректора Императорского Томского университета орд. проф. А.И. Судакова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск : Типография Епархиального братства. С. 1–131.
19. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 480.
20. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959 226-1.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 150 Д. 941.
22. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. М.А. Рейснер и провинциальный аспект академических конфликтов в сообществе Императорского Томского университета // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, is. 2. P. 804–816.
23. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673.
24. Правила для студентов университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, б. г. 54 с.
25. Штрафная книга Императорского Томского университета. 1893–1900 // ГАТО. Ф. 102. Оп. 12. Д. 17. 231 с.
26. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
27. Зарницын Н. Дни юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2019 г.

A Collective Portrait of Professors of the Imperial Tomsk University in the Mirror of Their Relationships with Students (Late 19th – Early 20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 159–169.

DOI: 10.17223/15617793/446/20

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Alexey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: professors; students; collective portrait; history of everyday life; Imperial Tomsk University; ethics of relations.

In the research, the psychological aspects of the behavior of pre-revolutionary Russian professors that were connected with their relationships with students are examined based on archival materials, periodicals and sources of personal origin. The history of the Imperial Tomsk University, the establishment of which in 1878 marked the beginning of the first scientific and educational complex in Siberia, is studied. It is emphasized that one of the markers of the Tomsk professors' attitude to students was the honorarium system established by the General University Charter of 1884. Charity in favor of "insufficient students", whom Tomsk University had in large numbers throughout the pre-revolutionary period, became a kind of expression of the classical idea of "guilt to people" and a source of accumulation of professors' reputational capital. Conflicts within the university community, along with charity, disclose the informal ethical field, which, contrary to the official ethics, was crucial in shaping the professor's image in the eyes of students. Confrontation of professors S.I. Korzhinsky, A.S. Dogel, N.M. Maliev, A.M. Zaitsev, S.I. Zalessky with V.M. Florinsky, the first trustee of the West Siberian educational district, as well as Professor E.V. Werner's conflict with students and the context of its development, most clearly demonstrated the priority of informal grounds in the relationships between professors and students. It is noted, mainly from the memoirs of former students of Tomsk University, that one of the manifestations of informal ethics was the critical perception of personal and professional qualities of professors by students. A symbolic expression of this ethics was organized in the Tomsk Public Meeting building almost every year on the day of the University Assembly Holiday (October 22) in the form of a "mertvetskaya" ("mortuary"): it was a room in which professors invited by students made speeches, and speeches could result in both a standing ovation and a "booing". The study shows that relationships in the academic corporation were regulated not so much by official discourse (Charter, rules, power of the trustee and the inspector) as by underground rules during the period under review. Thus, the possibility to spoil the reputation in the eyes of students determined the professors' behavior no less than the administrative subordination, and the unwritten agreement of mutual dependence of the mentor and the student in the space of the university became an important factor in the formation of the reputational and behavioral styles of the pre-revolutionary Russian professor.

REFERENCES

- Ivanov, A.E. (2010) *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka* [The world of Russian students. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.
- Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The University in the capital city of the Russian Empire: the intellectuals, society and power (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
- Ishchenko, O.V. (2009) The professors and the teachers of Tomsk University and Tomsk Technological Institute in the conditions of an opposition between the authorities and students at the end of XIX – beginning of XX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 149–151. (In Russian).
- Ishchenko, O.V. (2010) *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' kak faktor obshchestvennogo dvizheniya i kul'turnoy zhizni Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Student youth as a factor in the social movement and cultural life of Siberia (late 19th – early 20th centuries)]. Omsk: Omsk State University.
- Gribovskiy, M.V. (2017) "It is none of students' business to appoint teachers themselves": Conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 67–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/9
- Gribovskiy, M.V. (2018) Professorial honorarium as a mirror of the "university issue" in the late 19th – early 20th c. *Dialog so vremenem – Dialog with Time*. 62. pp. 144–163. (In Russian).
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-101. (In Russian).
- Sibirskaya zhizn'*. Tomsk (*Tomskiy spravochnyy listok* (July 1894 – May 1895), *Tomskiy listok* (June 1895 – October 1897)). Tomsk.
- Imperial Tomsk University. (1889) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervoe polugodie po ego otkrytii (Izvlечение из "Tomskikh universitetskikh izvestiy" za 1888/9 god)* [Report on the status of the Imperial University of Tomsk for the first six months since its opening (Extract from Tomskie universitetskie izvestiya for 1888/9)]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
- Imperial Tomsk University. (1891) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1890 g.* [Report on the status of the Imperial University of Tomsk for 1890]. Tomsk: Tipo-litografiya V.V. Mikhaylova i P.I. Makushina.
- Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. Tomsk.
- Utro Sibiri*. Tomsk.
- Tomsk Student Welfare Society. (1909) *Otchet o deyatel'nosti Tomskogo obshchestva vspomoshchestvovaniya uchashchimsya za 1904–1908 gg.* [Report on the activities of the Tomsk Student Welfare Society for 1904–8]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo t-va pechatnogo dela.
- Falevich, Ya. (1910) *Itogi tomskoy studencheskoy polovoy perepisi (Doklad, chitannyy 18 fevralya 1910 g. na zasedanii Pirogovskogo studencheskogo meditsinskogo obshchestva pri Tomskom universitete)* [Results of the Tomsk student sex census (Report read on February 18, 1910, at a meeting of the Pirogov Student Medical Society at Tomsk University)]. *Sibirskaya vrachebnaya gazeta* (Tomsk). 18.
- Malinovskiy, I.A. (2014) *Marusya i deti [Marusya and children]*. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Tabashnikov, I.G. (1901) *Osoboe mnenie po povodu predstoyashchego preobrazovaniya russkikh universitetov professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta I.G. Tabashnikova* [The dissenting opinion regarding the upcoming transformation of Russian universities of I.G. Tabashnikov]. In: *Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozheniy g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmeneniy v deystviyushchiy Universitetskiy ustav 1884 g.* [Opinions of the members of the Council of the Imperial Tomsk University regarding the amendments proposed by the Minister of Education to the current University Charter of 1884]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva.
- Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. (1897) 12. pp. 1–90.
- Sudakov, A.I. (1901) *Osoboe mnenie rektora Imperatorskogo Tomskogo universiteta ord. prof. A.I. Sudakova* [The dissenting opinion of the rector of the Imperial University of Tomsk, Prof. A.I. Sudakov]. In: *Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozheniy g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmeneniy v deystviyushchiy Universitetskiy ustav 1884 g.* [Opinions of the members of the Council of the Imperial Tomsk University regarding the amendments proposed by the Minister of Education to the current University Charter of 1884]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva.
- State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 480. (In Russian).
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959 226-1. (In Russian).
- Russian State Historical Archive. Fund 733. List 150 File 941. (In Russian).
- Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2018) M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University. *Bylye Gody*. 48 (2). pp. 804–816. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1673. (In Russian).

24. Imperial Tomsk University. (n.d.) *Pravila dlya studentov universiteta* [Rules for university students]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 12. File 17. *Shtrafnaya kniga Imperatorskogo Tomskogo universiteta. 1893–1900* [The penal book of the Imperial University of Tomsk. 1893–1900].
26. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students of Tomsk University (until 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Zarnitsyn, N. (2014) Dni yunosti [Days of youth]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 14 July 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.04

Н.Н. Абакумова, В.А. Борисова

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ JUNIOR SKILLS КАК ПЕРСПЕКТИВНОЙ ПРОГРАММЫ РАННЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Раскрывается понятие Junior Skills, определяющее новую область содержания образования школьников – подготовка к решению задач приоритетных направлений развития науки и техники. Выделены показатели и сделано сравнение всех уровней организации по содействию профессиональному развитию кадров движения World Skills – World Skills International, World Skills Russia, Junior Skills (Юниор Профи) и World Skills Junior. Описаны организационные формы реализации Junior Skills. Систематизированы и выделены этапы развития Junior Skills в России, дана характеристика этих этапов. Сделаны выводы о возможности дальнейшей реализации Junior Skills в системе общего среднего и дополнительного образования.

Ключевые слова: Junior Skills; профессиональное самоопределение; соревнования; общее среднее образование; дополнительное образование.

Реализация программ, связанных с ранним профессиональным самоопределением и самореализацией обучающихся, необходима из-за кратного увеличения знаний во всех областях профессиональной деятельности, постоянного обновления атласа профессий, появления новых сфер деятельности, связанных с цифровой экономикой. Становится актуальной необходимость постоянного обновления в полевых условиях после окончания учебы любого уровня. Современная система общего среднего и дополнительного образования может быть эффективной, если для обучающихся будут актуализированы процессы личностного и профессионального самоопределения как можно раньше.

Беря за основу работы Н.С. Пряжникова, можно определить сущность профессионального самоопределения как постоянный поиск личностного смысла в выбираемой или осваиваемой профессиональной деятельности, как нахождение смысла в самом процессе самоопределения [1]. Современный школьник в своих профессиональных и жизненных выборах часто ориентируется на мнение референтной личности, т.е. того, кого он считает «сильными» и «успешными» в данном мире. Именно поэтому программы популяризации современных и будущих рабочих специальностей через средства массовой информации являются мощным средством воздействия на сознание самоопределяющейся молодежи. Существующие на сегодняшний день программы по профессиональному самоопределению и самореализации обучающихся, такие как соревнования в рамках движения Junior Skills или World Skills Russia, позволяют через специальные рубрики на официальных сайтах или периодические новостные телепередачи актуализировать проблемы профессионального и личностного самоопределения перед широкой аудиторией.

В настоящее время имеется большое разнообразие источников информации, обогащающих систему общего среднего образования и расширяющих возможности дополнительного образования, – это и является ключом образовательного вызова для управления огромными объемами знаний и существующих воз-

можностей. Создаются открытые образовательные платформы (Открытое образование, Лекториум, Универсариум), федеральная сеть «Кванториум» и др. систему общего среднего образования и расширяет возможности дополнительного образования – это является ключом образовательного вызова для управления огромными объемами знаний и существующих возможностей. Школы, которые активно способствуют реализации программ раннего профессионального самоопределения обучающихся, оснащаются современным оборудованием и инструментарием для проведения необходимых опытов, разработок и исследований. Поскольку знания динамичны, расширяются и постоянно обновляются, то обучающиеся, несомненно, должны развивать навыки и учиться использовать инструменты, адекватные современной промышленности и производству. Основываясь в своей работе на исследовании Т. Бэйтса [2], отметим, что академические знания с точки зрения их ценностей и целей не могут и не должны сильно меняться, но путь представления и применения должен и, несомненно, будет изменяться со временем. Ценность знаний в обществе возрастает с каждым годом. Это можно отследить через создание технико-внедренческих зон в регионах, открытие базовых кафедр в ведущих исследовательских университетах, запуск конкурса международных научно-образовательных центров. Ценностью обладают те знания, которые могут приводить к созданию инноваций, которые, в свою очередь, признаются критически важными для экономического развития страны. Это ведет к акцентированию внимания на практических знаниях, которые создаются путем внедрения академических знаний на практике, знаниях, полученных через опыт, в попытках разобраться, как это работает в реальных ситуациях. Все это, вместе взятое, влияет на понимание того, какой вид образования необходим в современном обществе в эпоху цифровых технологий. Это не просто знание как таковое, это также цифровая грамотность, навыки, связанные с обучением на протяжении всей жизни, а также нормы этики и социальное поведение в целом.

Все вышеперечисленное указывает на необходимость разработки современного формата программ по самоопределению обучающихся, внедренных в общий образовательный процесс школы, которые позволят им развивать способности и знание того, как находить, анализировать, организовывать и применять информацию в своей профессиональной и личной деятельности, уметь взять на себя ответственность за собственное обучение и быть гибкими и адаптируемыми в развитии новых знаний и навыков.

Таким образом, содержание программ по профессиональному самоопределению обучающихся должно представлять собой комбинацию академических знаний, практических навыков и собственных взглядов, и все чаще это становится необходимым для применения во всех областях обучения. Исследования последних лет [2, 3, 13, 14] подтверждают эффективность программ профессионального самоопределения, включающих возможность использования современных цифровых технологий в качестве неотъемлемой части обучения, привязанных к соответствующему контенту и навыкам в определенной профессиональной области.

Активная социальная позиция, способность осуществления самостоятельного жизненного выбора, а также постоянное самообразование в широком дисциплинарном поле заложены в нормативно-правовой базе развития дополнительного образования, активно поддерживающей развитие детского технического творчества во всех его направлениях. Это важно для современного информационного общества, которое характеризуется высокой степенью востребованности личности, обладающей не только академическими и предметными знаниями, но и способностью свободно ориентироваться в системе ценностей, и имеет ясное представление о своей профессиональной предрасположенности.

В педагогической практике сложилось устоявшееся мнение [4–6], что полноценное и направленное формирование работников квалифицированного труда начинается в старших классах средних учебных заведений, но осознанная внутренняя мотивация старшеклассников к соответствующей деятельности формируется с момента прихода в среднее звено школы. По мнению Л.Н. Серебренникова, профессиональную подготовку следует начинать минимум за 2–3 года до отбора в старшие профильные классы, чтобы учащиеся имели достаточно времени узнать о различных профессиях, а также попробовать свои силы в различных сферах деятельности [7]. Это подтверждается сложившейся системой профориентации школьников, организацией взаимодействия с предприятиями, внедрением в образовательный процесс элементов практико-ориентированных занятий на основе отработки компетенций, представленных программой Junior Skills. Когда речь идет именно о профессиональном самоопределении, средний подростковый возраст обучающихся 10–14 лет можно считать ранним.

Изменяющаяся форма внеурочной деятельности, реструктуризация дополнительного образования (его персонификация) позволяют поддерживать обучающегося еще в раннем возрасте, когда он почувствует к чему-то стойкий интерес, будет лучшей мотивацией

его саморазвития и успешности. Можно предположить, что наиболее успешным в будущем станет тот обучающийся, который в средней школе определился со своей траекторией профессионального развития и целенаправленно ей следует. Здесь определяющим вектором будет внутренняя мотивация к деятельности и удовлетворенность своим трудом. Удовлетворенность трудом является выражением общего отношения к своей работе [8]. Школьники с высокой вовлеченностью в работу характеризуются высокой продуктивностью и удовлетворенностью трудом, они более стабильны как психически, так и физически. Если обучающийся в процессе познания выбранного профиля в дальнейшем переопределится в направлении, то полученные им навыки и умения останутся с ними на всю жизнь и займут свое место в его системе ценностей и самооценки, формируя его как высокообразованную личность. Для формирования необходимых мотивационных установок была предложена программа Junior Skills, создающая образовательную среду, которая будет формировать и развивать умения и навыки для перспективного профессионального будущего обучающегося.

Для углубленного понимания проблемы профессионального самоопределения были использованы работы Е.А. Климова [9], в которых предлагается модель «восьмиугольник основных факторов выбора профессии». Эта модель характеризует ситуацию профессионального самоопределения и определяет само качество профессиональных планов подростка. Исходя из этой модели, можно теоретически спланировать профессиональные склонности обучающегося, помочь определиться с первым шагом на пути планирования своего профильного обучения. Но проблема заключается не столько в наличии знаний, сколько в том, как обучающиеся приходят к приобретению этих знаний и изучению того, как его можно использовать в разрезе реальных проектов. Как следствие, возникает вопрос: какие умения и навыки необходимы современным детям? Рассматриваемая модель может реализовываться в рамках программы «Junior Skills» (Фонд О. Дерипаски «Вольное Дело»). Основной задачей данной программы является предоставление возможности каждому школьнику освоить реальные профессии, обучаясь у профессионалов. Акцент делается не только на успешно существующих сегодня профессиях, но и на профессиях будущего. Программа «Junior Skills» ориентирована на цифровые технологии, которые не стоят на месте и постоянно развиваются. Именно по этой причине активно изучается и осваивается такая сфера, как интернет вещей, профессии, связанные с нейропрототипированием, а также широкий спектр специальностей в рамках hi-tech инженерных технологий. По мнению В.Н. Пронькина, «необходимо понимать и учитывать тот факт, что через 10–15 лет, когда сегодняшние дети окончат школу и выйдут из стен своих учебных заведений, в мире будут существовать совершенно новые технологии» [10].

Современная образовательная система РФ призвана активно реагировать на указанные вызовы через поиск новых стратегически эффективных программ обучения нового поколения. Поэтому формирование

педагогических условий в образовательной среде учреждения для реализации программ ранней профессиональной подготовки обучающихся является приоритетным направлением дальнейшего обновления содержания образования в российских школах. Основной целью таких программ будет систематическая работа по созданию условий для профессионального самоопределения обучающихся уже в среднем звене школы. Разработка и реализация программы Junior Skills дает каждому школьнику возможность для раннего профессионального самоопределения через пробу себя в разных профессиональных сферах, в том числе и в профессиях будущего, обучаясь у профессионалов, что будет способствовать их активному вовлечению в научно-технический прогресс современного мира. В перспективе школьники получат возможность углубленно освоить и даже получить к окончанию школы профессию.

Несмотря на государственную поддержку и продвижение программы Junior Skills и мероприятий, с ней связанных, на сегодняшний день фиксируется эклектичность во внедрении современных программ профессионального самоопределения обучающихся в российских школах. Активными участниками программы Junior Skills являются в основном центры дополнительного образования и профильные школы. Исследование позволило выявить противоречие между экономически обоснованной необходимостью внедрения программ профессионального самоопределения и профессиональных проб в рамках программы Junior Skills в среде обучающихся школ и недостаточной проработкой механизмов реализации этих программ в образовательной практике учреждений.

Согласно официальным документам Junior Skills – это образовательная программа ранней профориентации и формирования основ профессиональной подготовки, результаты которой участники демонстрируют в ходе соревнований по профессиональному мастерству [11]. Для оценки соответствия участников заявленным в регламентах компетенциям приглашаются специально подготовленные эксперты, которые впоследствии определяют победителей и дают им возможность продолжить соревновательную деятельность на более высоком уровне. Необходимо подчеркнуть, что новизна понятия «Junior Skills», отсутствие единой точки зрения и трактовки в исследованиях и педагогической практике указывают на необходимость определения дефиниции «Junior Skills» и конкретизации его в рамках исследуемой проблематики. Junior Skills представляет собой многоуровневую (региональный, национальный, международный) систему массовой профессиональной подготовки и практики школьников (10–17 лет), реализуемую через сеть соревновательных мероприятий и экспертных сообществ. В рамках этой системы предполагается владение определенным уровнем профессиональной подготовки согласно требованиям к компетенциям, зафиксированным в регламентах соревнований. Регламентами соревнования Junior Skills определяется 19 компетенций, которые делятся по возрастным категориям участников (10–13 лет, 14–17 лет). В рамках данного исследования в качестве основных ориенти-

ров были выбраны компетенции «Электроника», «Мобильная робототехника», «Интернет вещей» как наиболее перспективные и востребованные с точки зрения экспертного сообщества [10].

Актуальность разработки инструментов и механизмов массового внедрения программы Junior Skills в информационно-образовательную среду школ объясняется существующими на сегодняшний день проблемами и дефицитами в профессиональном самоопределении обучающихся:

- увеличение разрыва между потребностями рынка труда в кадрах и профессиональным выбором молодежи;

- отсутствие в большинстве учреждений общего образования (кроме профильных образовательных учреждений) соответствующей материальной базы для организации профессиональных практик и профессиональных проб школьников;

- отсутствие системной работы по повышению имиджа рабочих профессий;

- осуществление профессиональной ориентационной работы в основном педагогическими работниками, слабо связанными с другими сферами деятельности и не владеющими технологиями включения школьников в освоение профессиональных практик, и, как следствие, необходимость привлечения к этому процессу профессионалов с производственных предприятий.

Целевая установка исследования заключается в анализе фактов, обуславливающих успешное внедрение программы Junior Skills в российских школах. Она была определена из цели программы Junior Skills, которая позволяет создавать новые форматы и возможности для профессиональной ориентации и освоения современных профессиональных компетенций школьниками на основе инструментов движения Junior Skills и World Skills с опорой на передовой отечественный и международный опыт. Задачи программы Junior Skills состоят:

- в развитии Junior Skills как части движения World Skills;

- создании системы соревнований и конкурсов по основным профессиональным компетенциям;

- разработке профессиональных стандартов по компетенциям будущего для школьников;

- разработке целостной системы работы со школьниками с использованием различных форм: обучающие программы, индустриальные экспедиции, технические лагеря, профессиональные пробы, проектная деятельность, сетевые сообщества и др.;

- создании инфраструктуры программы: экспертные сообщества, специализированные центры компетенций;

- обучении педагогов (повышение квалификации, стажировки, слеты, конкурсы) по направлению разработки и реализации программ и компетенций Junior Skills.

Реализация этих задач ложится в основу содержательной части программ по формированию мотивационных, организационных и контрольных навыков и умений на этапах раннего профессионального самоопределения обучающихся и педагогов.

Практическая значимость программы Junior Skills состоит в том, чтобы дать реальную возможность обучающемуся познакомиться с профессиями. Это подтверждается позицией экспертов по вопросу развития Junior Skills: «Дети должны быть включены в реальные жизненные процессы, уметь менять жизнь за окном, а не сидеть в школах, изучая только некие академические дисциплины. Ведь школа создавалась по примеру и по требованиям университетских профессоров, предполагая, что все должны быть учеными, поступить в университеты и так далее. Сейчас этот постулат под большим сомнением» [10]. В перспективе это может быть реализовано через вовлечение в создание сети центров компетенций, которые станут центрами реализуемых проектов по типу бизнес-центров и социальных проектов.

Программа Junior Skills получила поддержку на самом высоком государственном уровне – в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2014 и 2015 гг. В.В. Путин отметил успехи юниоров и первенство России в проведении таких соревнований, а также предложил объединить соревнования Junior Skills и World Skills в систему чемпионатов «Молодые профессионалы» [12]. По итогам данных поручений Президента РФ соревнования Junior Skills были включены в стратегическую инициативу «Новая модель системы дополнительного образования детей». К началу 2018 г. Junior Skills стала фактически общероссийской программой, поддержанной на самом высоком уровне, с международной перспективой.

Сегодня в России движение World Skills и Junior Skills набирает все большую силу и популярность. Вместе с популярностью усиливается взаимодействие между институтами профессионального образования и обществом. Движение World Skills International (WSI) зародилось в послевоенные годы в Испании (1947 г.), когда был кризис квалифицированных рабочих. Первые чемпионаты проводились исключительно с целью привлечь людей к рабочим профессиям. На сегодня World Skills International (WSI) – некоммерческая ассоциация, открытая для членства агентствам или иным официальным органам, ответственным за развитие среднего профессионального образования (VET) в регионе или стране, которую они представляют. WSI осуществляет свою деятельность по всему миру, являясь политически и религиозно нейтральной организацией [11]. Это движение стало эффективным инструментом подготовки кадров в соответствии с мировыми стандартами и потребностями новых высокотехнологичных производств. Под эгидой World Skills проводятся региональные, национальные и мировые чемпионаты, континентальные первенства. Участники совершенствуют свои навыки, соревнуясь по шести блокам профессий: строительной отрасли, информационных и коммуникационных технологий, творчества и дизайна, промышленного производства, сферы услуг и обслуживания гражданского транспорта. За полувековую историю международного движения к World Skills присоединились 80 стран. Россия присоединилась к этому движению в 2012 г. [11].

Союз «Молодые профессионалы (World Skills Russia)» – официальный оператор международного некоммерческого движения World Skills International, задачами которого являются повышение стандартов подготовки кадров и развитие у них навыков и компетенций. Миссия организации состоит в том, чтобы показать, как компетентные, реально обладающие навыками люди способствуют экономическому росту своей страны и успешной профессиональной самореализации в жизни. Раз в два года одна из 80 стран-участниц движения проводит мировой чемпионат профессионального мастерства. Ежегодно победители региональных первенств соревнуются в национальном финале «Молодые профессионалы» (World Skills Russia). Из победителей формируется расширенный состав национальной сборной для участия в мировом чемпионате World Skills Competition. С 2017 г. начала формироваться отдельная возрастная линейка юниоров – World Skills Juniors (начиная с возраста 14–16 лет в отдельных компетенциях). В рамках международного сотрудничества и развития движения молодых профессионалов осенью 2014 г. при поддержке Агентства стратегических инициатив, World Skills Россия, Министерства образования и науки РФ, Министерства промышленности и торговли РФ была инициирована программа ранней профессиональной подготовки и профориентации школьников Junior Skills (Юниор Профи).

Ключевыми элементами программы Junior Skills являются стандарты, которые представляют собой правила и требования к организации профессиональной подготовки школьников, проведению самих чемпионатов Junior Skills на основе методики World Skills, к созданию инфраструктуры развития Junior Skills. Сама система чемпионатов Junior Skills является соревновательным мероприятием по профессиональному мастерству среди школьников и подразумевает участие школьников в разработке и реализации проектов на основе практического применения собственных профессиональных (hard skills – «жесткие» навыки) и универсальных (soft skills – «гибкие» навыки) компетенций, реализуется в рамках системы чемпионатов «Молодые профессионалы» (World Skills Russia). Необходимо отметить, что мероприятия, проводимые в рамках движения Junior Skills, направлены на развитие и оценку как «жестких» навыков, так и «гибких». Еще один важный положительный аспект программы раннего профессионального самоопределения – перспектива будущего трудоустройства сегодняшних обучающихся, так как эти навыки являются основополагающими, обеспечивающими успешное построение профессиональной траектории. «Гибкие» навыки в рамках Junior Skills – управление личным развитием, умение грамотно управлять своим временем, умение убеждать, навык поведения в команде, лидерство и т.д. Эти навыки обучающиеся развивают, когда взаимодействуют друг с другом в рамках подготовки к мероприятиям профессионального мастерства, когда работают в команде или когда представляют свой готовый проект экспертам соревнований, аргументируя обоснованность своего выбора того или иного решения поставленной задачи. «Жесткие» навыки по програм-

ме Junior Skills [13] предполагают, что эти навыки обучающийся может самостоятельно или при помощи учителя изучить, запомнить, применить на практике как в условиях подготовки к соревнованиям Junior Skills, так при непосредственном участии в соревнованиях. Эти навыки обеспечивают непосредственную профессиональную компетентность участника соревнований, определяют его способность справиться с техническим заданием в соответствии с регламентом соревнований. Но, если профессиональные навыки («жесткие») можно выучить, то унифицированные навыки («гибкие») требуют последовательной отработки и постоянной тренинговой практики такого рода ситуаций, которые вынуждают обучающегося принимать самостоятельные решения, анализируя ситуацию в реальном времени. Именно здесь проявляется важная роль формата соревновательных мероприятий Junior Skills, который способствует активизации внутреннего профессионального самоопределения у обучающегося при принятии решений в процессе возникновения проблемных ситуаций на практике [14]. В этот момент каждый участник соревнования может в условиях, приближенных к реальным, но при этом являющимися все же симуляцией, самостоятельно принять решение для себя о правильности своего профессионального определения и собственной готовности к принятию оптимальных решений в любой сложившейся ситуации, ведь именно от этого будет зависеть результат соревнований, но при этом сохраняется право на корректировку собственного профессионального самоопределения в будущем.

Основные сравнительные позиции движения содействия профессиональному самоопределению молодежи представлены в таблице.

Таблица

Программы движения некоммерческой организации World Skills

Критерии сравнения \ Уровни	World Skills International	World Skills Russia	Junior Skills (Юниор Профи)	World Skills Junior
Сокращенное название	WSI	WSR	JS	WS Junior
Год основания	1953	2012	2014	2017
Страна происхождения	Испания	Россия	Россия	Россия
Причина возникновения	Послевоенный кадровый дефицит	Создание базы квалифицированных кадров	Обеспечение экономики страны кадрами	Выход инициативы на мировой уровень
Уровень мероприятий	Международный	Национальный	Национальный	Международный
Возраст участников	18–27	18–22	10–17 лет	14–16 лет
Мотив участия	Подтверждение мастерства	Рост мастерства	Профессиональное самоопределение	Профессиональные пробы
Кол-во профессиональных компетенций	45	115	19	66

Таблица отражает хронологическое возникновение программ некоммерческой организации World Skills и краткое обоснование появления этого движения в России. Из материалов таблицы видно, что программа Junior Skills изначально была инициирована Россией в 2014 г. и направлена на профессиональное самоопределение и развитие именно школьников (10–17 лет) с целью популяризации рабочих профессий и обеспечения экономики страны высокопрофессиональными рабочими кадрами в ближайшем будущем. Немного позднее, в 2017 г., инициатива России по привлечению школьников к профессиональному самоопределению была поддержана мировым сообществом стран – участниц движения World Skills International, и программа для юниоров была выведена на международный уровень. Так появился международный уровень World Skills Junior, где обучающиеся в возрасте от 14 до 16 лет, показавшие наилучшие результаты на национальном соревновании Junior Skills, могут представлять свою страну по выбранным профессиональным компетенциям. После достижения обучающимися возраста 18 лет они могут продолжить свое участие в соревнованиях по профессиональному мастерству на международном уровне, выступая на World Skills Russia и мировом первенстве World Skills Competition. Из таблицы можно увидеть, что по мере повышения уровня соревнований увеличивается не

только возраст участников, но и количество компетенций, в которых можно принять участие. Самый большой выбор профессиональных компетенций, согласно регламентам соревнований, фиксируется в World Skills Russia. Такое разнообразие обусловливается развитием программ профессионального образования и создания квалифицированных, постоянно совершенствующихся кадров внутри страны.

Академия Junior Skills активно работает над разработкой программ по обучению школьников основам профессиональных («жестких» навыков) и универсальных («гибких» навыков) компетенций; обучению и сертификации экспертов и педагогов. Для объективной проверки уровня достижения тех или иных навыков у участников соревнований Junior Skills, независимо от того, в каком регионе проходят соревнования, существует линейка измерений. В этой линейке может быть до 250 показателей, каждый из которых оценивается по принципу «да-нет». Все это позволяет избежать субъективности и по достоинству оценить представленный макет или проект каждого участника. Идея использования формата соревнований в качестве основного механизма реализации для решения поставленных задач по профессиональной мотивации молодежи показала свою результативность. Это эффективный инструмент для сравнения между собой параметров,

находящихся в пределах, ограниченных правилами соревнования.

Соревновательный механизм программы Junior Skills является особенностью движения и широко представлен состязаниями по профессиональным компетенциям, которые ежегодно проводятся на региональном и национальном уровне, в ряде регионов и на муниципальном уровне. В России в 2017 г. 56 регионов присоединились к Junior Skills и провели отборочные чемпионаты по 14 основным и 19 презентационным компетенциям, в которых приняло участие более 3 тыс. юниоров и 900 экспертов и наставников. Кроме того, более 60 предприятий стали индустриальными партнерами программы и юниорских команд. Но несмотря на тот факт, что программа ранней профессиональной подготовки Junior Skills была представлена в 2014 г., а ее фактическая реализация полноценно началась с 2016 г., на сегодняшний день отсутствует единая программа по подготовке обучающихся к соревновательным мероприятиям Junior Skills, которая соответствует всем требованиям к оборудованию, подготовке педагогов, разработке программ обучения и т.д. Для эффективного применения в среде общеобразовательных учреждений инструментов программ по раннему самоопределению школьников необходима систематизация информации о программе Junior Skills, требований к компетенциям, алгоритмов подготовки обучающихся к соревнованиям, программ корректировки результатов участия и т.д. В исследовании была сделана попытка систематизации информации о разработке и распространении программ Junior Skills в российском образовании. Обобщая результаты анализа мероприятий, организуемых по направлению Junior Skills, можно выделить три этапа развития этого направления в России:

- I этап «стратегический» – заключался в разработке стратегии движения Junior Skills. Был дан официальный старт программы Junior Skills в России, формировались регламенты соревнований и стандарты компетенций. В это же время прошли первые состязания школьников по основам профессионального мастерства Junior Skills Hi-Tech.

- II этап «пилотный» – вывод инициативы России на международный уровень и представление его на чемпионате Euro Skills. Программа ранней профориентации и основ профессиональной подготовки школьников Junior Skills была представлена на стенде World Skills Russia в 2017 г.

- III этап «тактический» – программа ранней профессиональной ориентации Junior Skills закрепляется в среде некоммерческой организации World Skills и получает статус международных соревнований World Skills Junior.

В рамках первого национального чемпионата сквозных рабочих профессий высокотехнологичных отраслей промышленности по методике World Skills было привлечено 110 школьников в возрасте от 10 до 17 лет в составе 53 команд, а также 64 эксперта из восьми регионов России. В презентации программы ранней профориентации Junior Skills на чемпионате Euro Skills в 2017 г. приняли активное участие команды из Новосибирска и Казани. В ходе презентации

юниорами были проведены конкурсные задания по компетенциям «Электромонтажные работы» и «Лазерные технологии» [15].

На сегодняшний день можно говорить о начале формирования IV этапа – «диссеминации». Опыт реализации Junior Skills признается экспертами успешным [16] и начинает распространяться на международном уровне. Например, к программе Junior Skills уже присоединилась Белоруссия, команды юниоров Швейцарии и Нидерландов.

В качестве примеров перспективных разработок, реализованных в рамках подготовки к международному уровню соревнования Junior Skills (в компетенции «Интернет вещей», «Электроника», «Мобильная робототехника») на базе оснащенных платформ и показавших высокие результаты на соревнованиях, могут быть следующие проекты:

- Проект, реализованный учениками одного из лицеев Москвы совместно с компанией «First line software». Рабочее название «Проект взаимодействия с больницами и школами-интернатами для детей с ОВЗ». Суть проекта заключается в совместной организации онлайн-площадки для проведения конкурсов, соревнований по робототехнике. Площадка также используется для проведения вебинаров, трансляции различных мероприятий, мастер-классов.

- Проект «Умная система», представленный участниками внешкольной работы Авиастроительного района г. Казани на сетевых соревнованиях Junior Skills в категории 14+, по сборке макета (на базе Arduino Uno), монтажу и подключению датчиков, программированию микроконтроллера, отладке микроконтроллерной системы и реализации автономных функций, обмену данных с «облаком», хранению и обработке данных на сервере, созданию объектной модели данных и разработке пользовательского интерфейса [Там же].

Таким образом, можно обобщить и сформулировать основные преимущества освоения программ Junior Skills на базе учреждений общего и дополнительного образования:

- научно-методические, дидактические и технологические условия инновационных площадок для участников программы;

- формирование экспертного сообщества, объединяющего педагогов и специалистов из реального сектора экономики для оптимизации технических описаний компетенций к реалиям современности;

- распространение специальной технологии – отложенный трудовой договор [17], который позволяет многим высокотехнологичным предприятиям решать проблему поиска перспективных молодых кадров;

- длительное сопровождение профессионального самоопределения, которое обеспечивается отложенным трудовым договором;

- проектирование и коррекция будущей сферы профессиональной деятельности обучающегося.

С учетом того, что требования современного общества к профессионалу значительно возрастают, необходимо отметить потребность в высоком уровне приобретаемых навыков, которые нуждается в непре-

рывном развитии. Учителя и тренеры должны решать задачу по переходу от теоретических положений к практическому применению этих теорий в рамках образовательного опыта и вероятного будущего профессионального опыта.

Обобщая материалы исследования, важно актуализировать необходимость психологической, мотивационной и практической подготовки обучающихся к профессиональному самоопределению, реализующейся в РФ через соответствующие программы Junior Skills. Можно определить, что Junior Skills – это система массовой

профессиональной подготовки и практики обучающихся 10–17 лет, реализуемая в структуре соревнований и экспертных сообществ. Программа Junior Skills является уникальной разработкой российского образования, которая прошла несколько этапов развития. Установлено, что данная программа начинает активно распространяться на международном уровне. Junior Skills является неотъемлемой частью движения World Skills и может рассматриваться как перспективная образовательная практика личностного и профессионального самоопределения обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прыжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М. : Академия, 2007. 500 с.
2. Bates A.W. Teaching in a Digital Age: guidelines for designing teaching and learning. Tony Bates Associates Ltd. Vancouver BC, 2015. 618 p.
3. 21st Century competencies: foundation document for discussion / Queen's Printer for Ontario Public Service, 2016. 36 p. URL: http://www.edugains.ca/resources/21CL/About21stCentury/21CL_21stCenturyCompetencies.pdf (дата доступа: 21.02.2019).
4. Шалаева Т.В. Из опыта работы СОГБОУ СПО «Ярцевский индустриальный техникум» по сетевому взаимодействию с общеобразовательными организациями // Инновации в сфере профессионального образования: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Смоленск : Изд-во ГАУ ДПОС «СОПРО», 2014. 83 с.
5. Пинский А.А. Предпрофильная подготовка: начало эксперимента. М. : Альянс Пресс, 2004. 312 с.
6. Абакумова Н.Н. Организация среды профессионального самоопределения: предпрофильная подготовка и профильное обучение // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 194–199.
7. Серебренников Л.Н. Предпрофильная практико-ориентированная подготовка школьников // Школа и производство. 2006. № 5. С. 65–70.
8. Копкова Д.К. Формирование ценностных ориентиров и установок у подростка // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 484–485.
9. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2010. 304 с.
10. Пронкин В.Н. Профессии невозможно изучить по картинкам // Фгос-игра.рф: дошкольное образование: информ. портал. Электрон. дан. М., 2016. URL: <http://fgos-igra.rf/news/intervyu/1322-victor-pronkin-professii-nevozmozhno-izuchit-po-kartinkam> (дата доступа: 26.03.2019).
11. Официальные документы движения World Skills // Официальный интернет-сайт World Skills Russia. Электрон. дан. 2019. URL: <https://www.worldskills.org/about/organization/wsi/official-documents/> (дата доступа: 14.04.2019).
12. Обеспечение необходимой организационной и финансовой поддержки системы национальных чемпионатов рабочих профессий «Молодые профессионалы» в рамках движения «Ворлдскиллс Россия»: Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. Пр-2508, п. 1.16 // Поручения Президента. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/50899>
13. Kechagias K. Teaching and assessing soft skills / Mass Project. – 1st Second Chance School of Thessaloniki (Neapolis). 2011. 189 p.
14. Butterworth J., Thwaites G. Thinking skills: critical thinking and problem solving. Cambridge University Press, 2013. 354 p.
15. Программа ранней профориентации и основ профессиональной подготовки школьников // Фонд Олега Дерипаски «Вольное дело»: официальный интернет-сайт. Электрон. дан. 2019. URL: http://volnoe-delo.ru/directions/education/inzheneriy-novogo-pokoleniya/?sphrase_id=5880 (дата доступа: 24.02.2019).
16. Интерактивные кульманы и поля для испытания роботов: как школьники осваивают профессии будущего // mos.ru. Официальный сайт мэра Москвы. Электрон. дан. М., 2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/26592073/> (дата доступа: 24.01.2019).
17. Боброва Г.Г. Проект Junior Skills как программа гармоничного включения подрастающего поколения в социум // МБУДО «ЦБР» Авиастроительного района г. Казани. URL: <https://infourok.ru/proekt-uniorskills-kak-programma-garmonichnogo-vklyucheniya-podrastayushchego-pokoleniya-v-socium/>

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 июня 2016 г.

Implementation Mechanisms and Development Stages of Junior Skills as a Promising Program of Students' Early Professional Self-Determination

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 170–177.

DOI: 10.17223/15617793/446/21

Natalia N. Abakumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

Victoria A. Borisova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kitnessev@gmail.com

Keywords: Junior Skills; professional self-determination; competitions; general secondary education; supplementary education.

The presented study actualizes and solves the problem of developing and implementing the Junior Skills program, which gives schoolchildren an opportunity for early professional self-determination through self-testing in various professional fields by learning from professionals. A meta-analysis of psychological, pedagogical and sociological literature was made, which allowed recording the definition of the Junior Skills program for the Russian educational practice. Comparative and retrospective analyses were carried out and allowed identifying the stages and mechanisms for implementing the Junior Skills program. The study determined the relevance of developing tools and mechanisms for the massive introduction of the Junior Skills program into schools' information and education environment. The relevance is explained by existing problems and deficiencies in schoolchildren's professional self-determination such as the widening gap between the labor market demands and the professional choice of young people or the lack of systemic work to improve the image of vocational professions. The implementation of the tasks of developing an integrated system of working with schoolchildren and creating an integrated infrastructure of the Junior Skills program forms the basis of the substantive part of the programs on the formation of motivational, organizational and control skills and abilities on the stages of early professional self-determination of schoolchildren and teachers. The study highlighted the indicators and made a comparison of all levels of the organization to promote the professional development of the WorldSkills movement – WorldSkills International, WorldSkills Russia, Junior Skills (Junior Pro) and WorldSkills Junior. The study systematized information on the development and distribution of the Junior Skills program in Russian education. Three stages of the development of the Junior Skills program in Russia were identi-

fied: (1) the strategic stage that consisted in the development of a strategy for the Junior Skills movement; (2) the pilot stage was the stage of the Russian initiative's launch at the international level; (3) the tactical stage is the consolidation of the Junior Skills early vocational orientation program in the non-profit organization WorldSkills and the acquisition of the status of international competitions WorldSkills Junior. The beginning of the fourth stage is the spread of effective competitive practices in Russia and abroad. In conclusion, the need for psychological, motivational and practical training of schoolchildren in professional self-determination that is implemented in the Russian Federation through the relevant Junior Skills programs is emphasized. The Junior Skills program was defined as a system of massive professional training and practice for schoolchildren aged 10 to 17. Research materials prove that the Junior Skills program is a unique development of Russian education which has gone through several stages of development. It is established that this program is beginning to actively spread at the international level: in Belarus, Switzerland and the Netherlands. The Junior Skills program is an integral part of the WorldSkills movement and can be considered as a promising educational practice of schoolchildren's personal and professional self-determination.

REFERENCES

1. Pryazhnikov, N.S. (2007) *Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika* [Professional self-determination: theory and practice]. Moscow: Akademiya.
2. Bates, A.W. (2015) *Teaching in a Digital Age: Guidelines for Designing Teaching and Learning*. Vancouver BC: Tony Bates Associates Ltd.
3. Ontario Public Service. (2016) *21st Century Competencies: Foundation Document for Discussion*. Ontario: Queen's Printer for Ontario Public Service. [Online] Available from: http://www.edugains.ca/resources/21CL/About21stCentury/21CL_21stCenturyCompetencies.pdf. (Accessed: 21.02.2019).
4. Shalaeva, T.V. (2014) [From the Work Experience of Yartsevsk Industrial College in Network Interaction with General Educational Organizations]. *Innovatsii v sfere professional'nogo obrazovaniya* [Innovations in the Field of Vocational Education]. Proceedings of the Transregional Conference. Smolensk: Izdatelstvo GAU DPOS "SOIRO".
5. Pinskiy, A.A. (2004) *Predprofil'naya podgotovka: nachalo eksperimenta* [Preprofile Preparation: the Beginning of the Experiment]. Moscow: Al'yans Press.
6. Abakumova, N.N. (2007) Management of Professional Self-Determination Environment: Profile and Pre-Profile Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 194–199. (In Russian).
7. Serebrennikov, L.N. (2006) Predprofil'naya praktiko-orientirovannaya podgotovka shkol'nikov [Preprofile Practice-oriented Training of Schoolchildren]. *Shkola i proizvodstvo*. 5. pp. 65–70.
8. Kopkova, D.K. (2015) Formirovanie tsennostnykh orientirov i ustanovok u podrostka [The Formation of Values in a Teenager]. *Molodoy uchenyy*. 17. pp. 484–485.
9. Klimov, E.A. (2010) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Akademiya.
10. Pron'kin, V.N. (2016) Professii nevozmozhno izuchit' po kartinkam [It is Impossible to Learn about Professions from Pictures]. *RAOR Learning and Teaching Center*. [Online] Available from: <http://xn----8sbhby8arey.xn--p1ai/news/intervyu/1322-victor-pronkin-professii-nevozmogno-izuchit-po-kartinkam>. (Accessed: 26.03.2019).
11. World Skills Russia. (2019) *Official Documents*. [Online] Available from: <https://www.worldskills.org/about/organization/wsi/official-documents/>. (Accessed: 14.04.2019).
12. Kremlin.ru. (2015) *Instructions on implementation of Presidential Address to the Federal Assembly*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/50899>. (In Russian).
13. Kechagias, K. (2011) *Teaching and Assessing Soft Skills*. Thessaloniki: 1st Second Chance School of Thessaloniki (Neapolis).
14. Butterworth, J. & Thwaites, G. (2013) *Thinking Skills: Critical Thinking and Problem Solving*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Vol'noe Delo Fund. (2019) *Programma ranney proforientatsii i osnov professional'noy podgotovki shkol'nikov* [The program of early career guidance and the fundamentals of vocational training for schoolchildren]. [Online] Available from: http://volnoe-delo.ru/directions/education/inzheneriy-novogo-pokoleniya/?sphrase_id=5880. (Accessed: 24.02.2019).
16. The Official Portal of the Moscow Mayor and Moscow Government. (2017) *Interaktivnye kul'many i polya dlya ispytaniya robotov: kak shkol'niki osvayayut professii budushchego* [Interactive Drafting Tables and Fields for Testing Robots: How Students Learn about the Profession of the Future]. [Online] Available from: <https://www.mos.ru/news/item/26592073/>. (Accessed: 24.01.2019).
17. Bobrova, G.G. (2017) Proekt Junior Skills kak programma garmonichnogo vklyucheniya podrastayushchego pokoleniya v sotsium [The Junior Skills Project as a Program for the Harmonious Inclusion of the Younger Generation in Society]. *Infourok*. [Online] Available from: <https://infourok.ru/proekt-uniorskills-kak-programma-garmonichnogo-vklyucheniya-podrastayushchego-pokoleniya-v-socium-1660355.html>.

Received: 17 June 2016

Е.А. Головина, Ю.В. Гуренко, О.Б. Томашевская

ОТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА К ЗАНЯТИЯМ В ГРУППАХ ЗДОРОВЬЯ

Проанализированы результаты мониторинга, проводимого в группах здоровья, по выявлению отношения к занятиям женщин пожилого возраста (55–68 лет), занимающихся в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Показано, что неотъемлемой частью хорошего самочувствия женщин пожилого возраста является регулярная физическая активность. Областью применения результатов могут быть рекомендации для включения в реабилитационные программы по поддержанию физической формы лиц (женщин) пожилого возраста.

Ключевые слова: группа здоровья; возраст; физическая культура; средства; физическая активность; упражнения; долголетие.

В последнее время все больше внимания со стороны государства отводится пропаганде здорового образа жизни, особенно для лиц пожилого возраста. Регулярная физическая активность является общепризнанным защитным фактором для профилактики и лечения заболеваний [1]. Физическая активность определяется как любое движение тела, производимое скелетными мышцами, которое требует затрат энергии [2]. Вопросам физической активности пожилого возраста уделяют внимание многие ученые, в числе которых работы У.Ф. Мухамеджанова [3]. Автор раскрывает особенности адаптации лиц старшего возраста, отмечает важную роль физической культуры в жизни каждого человека. Физическая культура усиливает интеллектуальный, физический, духовный потенциал человека, помогает в пожилом возрасте реализовать поставленные цели, а также поддержать состояние здоровья, рационально использовать имеющиеся резервы организма [Там же].

Согласно исследованиям С.В. Шпагина эффективно использовать широкий круг средств и методов физической рекреации, двигательной реабилитации, дополненных профилактико-оздоровительными занятиями, воздействующими на организм как на единый комплекс морфофункциональных систем [4].

С точки зрения А.В. Дёмина, поддержания высокого уровня здоровья у людей старших возрастных групп – это увеличение продолжительности жизни и улучшение ее качества [5]. Именно в этом возрасте происходят морфофункциональные изменения организма, которые способствуют снижению жизнедеятельности. По данным А.В. Дёмина, малоподвижный образ жизни является одной из главных причин ухудшения здоровья, физическая активность большей части населения сводится к минимуму движений, необходимому для поддержания жизнедеятельности. С точки зрения автора, практически все мероприятия по улучшению здоровья среди пожилого и старческого населения сводятся к приему различных лекарственных средств [Там же]. У лиц старших возрастных групп нет стимула к занятиям физкультурой, они забывают о необходимости поддержания своей физической активности, которая является одним из факторов сохранения и укрепления здоровья. Подход «active ageing» является одним из современных условий работы с людьми пожилого возраста, который разрабо-

тан Всемирной организацией здравоохранения в 2002 г. и определен как «активная оптимизация возможностей для сохранения здоровья, обеспечения социальной защищенности и участия в жизни общества в целях улучшения и повышения качества жизни людей пожилого возраста» [6].

Академик А.М. Амосов считал, что использование средств оздоровительной физической культуры мобилизует все психосоматические процессы организма, переводя его на более адекватный уровень реагирования. Несмотря на это, на сегодняшний день в нашей стране отмечается достаточно низкий уровень физической активности населения, что особенно заметно у женщин пожилого возраста [7].

В связи с актуальностью вышеуказанной проблемы целью нашего исследования явилось определение отношения женщин пожилого возраста (55–68 лет) к занятиям в группах здоровья. Группа здоровья – это наиболее доступные виды занятий для людей старшего и пожилого возраста, направленные на повышение общей выносливости, гибкости, координации движений [8]. В настоящее время в спортивном клубе университета работают две группы здоровья для женщин пожилого возраста (55–68 лет). Создание таких групп решает основные задачи этого возраста – укрепление здоровья, повышение работоспособности, творческого долголетия, продление жизни. Предпочтения отдаются таким физическим упражнениям, которые предъявляют невысокие требования к организму занимающегося и легко дозируются по нагрузке. На занятиях используются методики из разных направлений: элементы йоги, пилатес, колланетика, ритмическая и дыхательная гимнастика, а также общие физические упражнения, адаптированные для людей пожилого возраста.

С помощью использования физических упражнений уменьшается риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, сокращаются дегенеративные изменения в организме, приводящие к таким болезням людей пожилого возраста, как ревматизм, артрит и др., увеличивается эластичность мышц, связок и сухожилий, подвижность суставов, преобразуется осанка.

В работе использован метод социологических исследований (анкетирование, опрос). Для определения отношения к занятиям были задействованы группы

женщин (N = 69), которые занимаются в группах здоровья БФУ им. И. Канта более двух лет под руководством опытных тренеров, имеющих профессиональную подготовку и опыт работы более 10 лет. Занятия проходят 3 раза в неделю. Статистическая обработка результатов была проведена с помощью расчета среднего значения

$$M = \frac{\sum \chi}{n},$$

где $\sum \chi$ – сумма значений; n – число исследований.

Респондентам предлагалось ответить на вопросы анкеты и выбрать наиболее подходящий вариант ответа из предложенного. Нами была разработана анкета, которая содержит в себе 24 вопроса и состоит из трех блоков:

– первый блок (вопросы 1–8) дает представление о занимающихся (возраст, выявление вредных привычек, представление о прошлой спортивной деятельности);

– второй блок (вопросы 9–15) – социологические характеристики, посвящен вопросам общей направ-

ленности (состояние здоровья, заболевания, оценка здоровья);

– третий блок (вопросы 16–24) – выявление отношения, побуждающего к занятиям (определение целей, направление занятий, отношение к здоровому питанию).

Согласно проведенному опросу, в группах здоровья занимаются 65,2%, людей пенсионного возраста, находящиеся на заслуженном отдыхе, 34,7% работающих, занимающихся преподавательской и научно-исследовательской деятельностью. На вопросы о вредных привычках 59,45% ответили, что употребляют алкоголь только по праздничным дням, на вопрос о курении 86,9% респондентов ответили, что не курят. Следовательно, можно отметить, что женщины ведут достаточно здоровый образ жизни.

Большинство женщин субъективно оценили состояние своего здоровья. Согласно рис. 1, ответы распределились следующим образом: 52,1% респондентов оценили как удовлетворительное, 26% – неудовлетворительное, 17,3% – хорошее, 4% затруднились с ответом.

Оценка состояния здоровья женщин

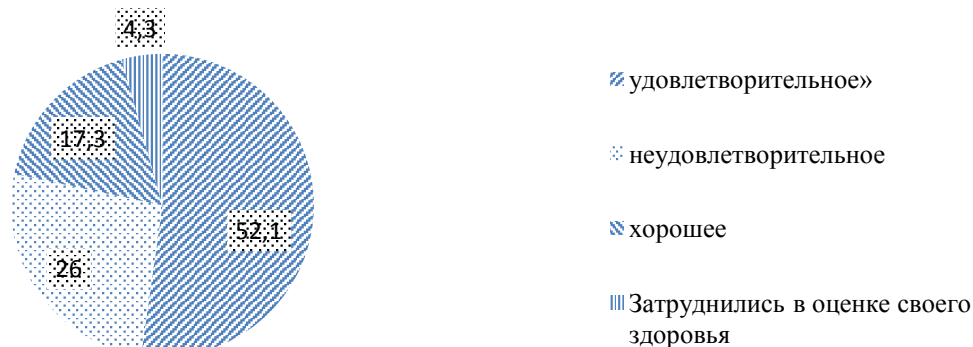


Рис. 1. Оценка состояния здоровья женщин

Таким образом, были выявлены отклонения в состоянии здоровья респондентов. На первом месте – заболевания суставов (36,2%), на втором и третьем месте заболевания сердечно-сосудистой и дыхательной систем (26,6%), на четвертом – нарушение обмена веществ (19,4%), на пятом месте отмечены заболевания глаз (9,3%), половой системы (4,3%), нервной (2,8%), заболевания желез внутренней секреции (1,4%).

Наличие болезней повлияло на здоровье занимающихся. Мы смогли проследить, как респонденты относятся к своему здоровью, задав им вопрос об уходе на «больничный». В результате из 24 человек, занимающихся умственным трудом, 62,5% переносят болезнь «на ногах» и не ходят на «больничный», а остальные 37,5% уходят на «больничный» 1 раз в год. По данным Фонда социального страхования, в последние годы россияне реже берут больничные листы. Так, в 2016 г. по стране выдали 40,5 млн листов, в 2017 – 40 млн, а за девять месяцев 2018 г. – всего 30,3 млн [8]. Большинство объясняют свое решение большим объемом работы, которую кроме них некому выполнить, а также нежеланием получать меньшую

зарплату из-за оформления больничного листа. Такие данные содержатся в результатах опроса, который провел исследовательский центр портала Superjob [9].

Около 49,2% респондентов занимались спортом только в детстве, 17,6% не занимались ни одним видом физической активности.

Следует уделить внимание вопросам о посещении занятий оздоровительной физической культурой до прихода в вуз: 59,4% опрошенных женщин посещали занятия, не долго, 24,6% посещали занятия регулярно, 15,9% даже не предполагали, что такие занятия существуют. Очевидно, что большая часть опрошенных не понимает значения и роли, которую должна играть физическая культура в их жизни. В процессе анкетирования было выяснено, какие направления оздоровительной физической культуры знают женщины: 42% – кардионагрузки (бег, ходьба, плавание); 24,6% – колланетику, шейпинг, аэробику, пилатес, стрейчинг; 15,9% – аквааэробику.

Важным компонентом в определении отношения к занятиям респондентов являются цели занятий. Согласно рисунку № 2 выделены коммуникативные цели (39,1%) – общение, улучшение настроения, само-

чувствия, «отключение» от накопившихся проблем, поддержание физического имиджа и оздоровительные цели (61%) – приобретение красивого телосложения,

гармоничной осанки, укрепление мышц, снижение массы тела, нормализация веса, развитие основных физических качеств.

цели занятий



Рис. 2. Цели занятий по мнению опрошенных женщин

Практически всех опрошенных женщин (рис. 3) привлекает в занятиях подобранная, регулируемая нагрузка (43,4%), грамотный подход тренера к

занятиям, умение работать с людьми (42%), музыкальное сопровождение (11,5%), разнообразие упражнений (2,8%).

Причины, посещения занятий в группах здоровья

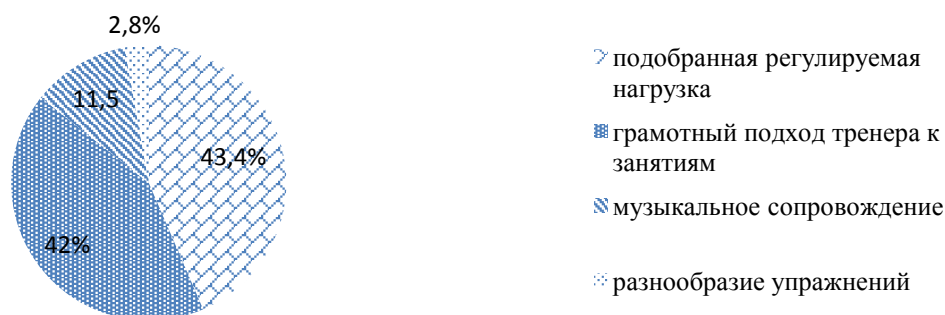


Рис. 3. Причины посещения занятий в группах здоровья

Систематичность занятий в группах здоровья – 2 раза в неделю (72,4%), 3 раза в неделю (14,4%), 1 раз (13%). В связи с дефицитом свободного времени, 65% женщин не выделяют время для самостоятельных занятий, предпочитают активный отдых, в виде пеших прогулок, поездок на природу и проведение времени на свежем воздухе 39,1% респондентов. Для поддержания настроения, жизненного тонуса и улучшения самочувствия 37,6% используют утреннюю гимнастику, 27,5% выполняют упражне-

ния по рекомендации врача (комплексы упражнений по заболеваниям).

63,7% опрошенных женщин понимают, что такое здоровое питание [11]. Это является подтверждением того, что занимающиеся интересуются полезностью употребляемых в пищу продуктов. Информацию о здоровом питании, согласно рис. 3, женщины предпочитают получать из средств массовой информации (71%), остальные доверяют специалистам-диетологам (29%).

Получение информации о здоровом питании

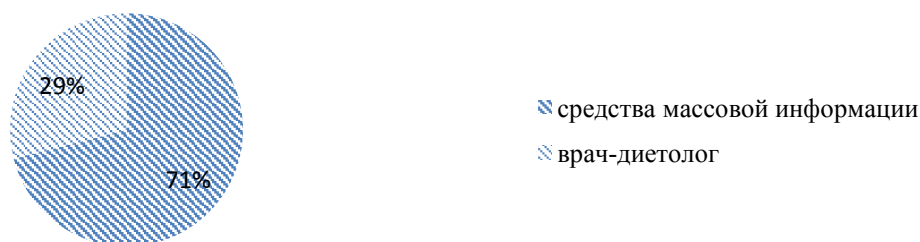


Рис. 4. Получение информации о здоровом питании

На вопрос, «Какие продукты стараетесь больше употреблять в своем рационе для обеспечения здорового питания?» 30,4% ответили, что это фрукты (овощи); каши (молочные продукты) – 27,5%; рыба (мясо) – 26%; 15,9% ответили, что «не стремятся питаться правильно». Было выяснено, какими порциями и сколько раз в день респонденты принимают пищу: 49,2% – не придерживаются здорового питания и употребляют пищу, когда хотят; 28,9% только завтракают и ужинают; 21,7% едят часто, но маленькими порциями. Проведя данный опрос, мы выяснили, что знаний в этой области женщинам не хватает. Знания – это система научных представлений о путях и средствах эффективной организации двигательной активности, о здоровье, о том, как его улучшить и сохранять. Знания являются главным следствием успешного решения образовательной направленности занятий оздоровительной физической культуры в вузе [12]. Был также задан вопрос: «Хотели бы Вы знать больше о здоровом питании?», где все опрошенные проявили заинтересованность в получении знаний. Определяя причину, по которой женщины не могут питаться здоровой пищей, выяс-

нилось, что «питаются и так правильно» 72,4% опрошенных, другой причиной 34,7% отметили «нехватку денег», 27,5% – «нехватку знаний».

Изучение отношения к занятиям в группах здоровья выявило низкую двигательную активность женщин (кроме занятий, которые проходят 2 раза в неделю), практически никто самостоятельно не занимается). В группах целей, решаемых на занятиях, приоритетными являются следующие: 1 – общение; 2 – улучшение настроения, самочувствия; 3 – поддержание физического имиджа; 4 – укрепление мышц; 5 – снижение массы тела; 6 – нормализация веса; 7 – развитие основных физических качеств. Наиболее значимым фактором, влияющим на отношения к занятиям женщин, являются осознанность и понимание значения двигательной активности в своей жизни.

Таким образом, исследования позволили определить отношение к занятиям физической культурой женщин пожилого возраста. С помощью средств физической культуры женщины улучшили свое настроение, смогли сохранить бодрость, повысили свои координационные способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 13 июля 2018 г. № 442 «Об организации работ по обеспечению технической возможности выражения мнения пациентами о качестве условий оказания услуг медицинскими организациями на официальном сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации в сети “Интернет”».
2. Глобальные рекомендации по физической активности для здоровья, 2009 г. Всемирная организация здравоохранения. Женева, Швейцария. URL: <http://www.who.int/ncds/prevention/physical-activity/en/>
3. Мухамеджанов У.Ф. Физическая культура в пожилом возрасте // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1226–1227. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30333/>
4. Shpagin S.V. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-metodiki-kompleksno-kombinirovannyh-zanyatiy-ozdorovitelnoy-fizicheskoy-kulturoy-s-zhenshinami-pozhilogo-vozrast/>
5. Дёмин А.В., Мороз Т.П., Волова А.А. Возрастные особенности качества жизни у женщин 60–79 лет // Молодой ученый. 2014. № 20. С. 55–57. URL: <https://moluch.ru/archive/79/13916/>
6. Борисов В.А., Силютин М.В., Таранина О.Н. Физическая активность у лиц старших возрастных групп // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 113–115. URL: <https://moluch.ru/archive/100/22544/>
7. Амосов Н.М. Раздумья о здоровье. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 176 с.
8. Дергачева А. Сколько россиян оформляют больничный, 2018-11-2018. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/331325-bolnichnyy>
9. Змановская А. Сотрудники предпочитают выходить больными на работу из-за большой загруженности и нежелания лишиться части зарплаты. URL: <https://iz.ru/news/589190>
10. Агранович Н.В., Анопоченко А.С., Кнышова С.А., Пилипович Л.А. Организация и проведение групп здоровья для лиц пожилого и старческого возраста – важный элемент способствующий продлению активного долголетия // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1.
11. Счастливцева И.В., Веретенникова А.В. Мотивация женщин к занятиям фитнесом // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10872>
12. Дружилов С.А. Здоровый образ жизни как целесообразная активность человека // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4. С. 654–648.
13. Никитина А.А., Девятова К.А., Головина Е.А., Споденко С.В. Анализ отношения и ценностных ориентаций студентов первого курса на физическую культуру в вузе // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 3 (17). С. 89–102.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 26 апреля 2019 г.

Elderly Women's Attitude to Training in Health Groups

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 178–182.

DOI: 10.17223/15617793/446/22

Elena A. Golovina, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ellen86@inbox.ru

Yuliya V. Gurenko, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: ms.yvk@mail.ru

Olga B. Tomashevskaya, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: obtu@rambler.ru

Keywords: health group; age; physical culture; means; physical activity; exercises; longevity.

The article gives a detailed analysis of the results of a monitoring focused on elderly women's attitude to physical training. The monitoring was organized in Immanuel Kant Baltic Federal University. Health groups of women (aged 55 to 68) who trained in the university for more than two years under the supervision of professional trainers with over ten years of professional experience were involved. The groups work out three times a week. Currently, two senior women groups are working at the university sport club. The training programs aim to improve the overall endurance, flexibility, coordination of movements, general health, productivity, creativ-

ity, to extend life. Work-outs do not require a good shape, the loads are easily controlled. Elements of different types of fitness are used: yoga, pilates, callanetics, etc.; they are all adapted for senior people. With the help of physical activity, risk factors for cardiovascular diseases, degenerative body conditions that can cause rheumatism, arthritis, etc. are reduced; the mobility and elasticity of joints, muscles, ligaments are increased, a better posture is achieved. For collecting the information on the problem a multiple-choice questionnaire was designed. It had three parts. The first one included basic questions about the respondents (age, unhealthy habits, previous sporting activities), the second included questions about their sociological characteristics (health status, illnesses, health assessment), the third part was to determine reasons for engaging in physical activity (definition of goals, type of training, attitude to healthy nutrition). According to the questionnaire, 65.2% of the health groups participants are non-working retired persons. 34.7% are retired but still working. All the respondents showed a lack of physical activity. The most common goals the respondents mentioned were: (1) communication; (2) better behavior and health; (3) maintaining body shape; (4) stronger muscles; (5) reducing body weight; (6) normalizing weight; (7) better physical qualities. The analysis of the answers on nutrition revealed the little knowledge in the field among the respondents. The most relevant factor that influenced the women's attitude to physical activity was the awareness and understanding of its importance for life. Thus, the study determined the attitude of women aged 55 to 68 to physical culture. By means of physical activity, women improved their mood, were able to retain vigor and developed coordination abilities. The results of the study can be applied in rehabilitation programs for keeping elderly women fit.

REFERENCES

1. Ministry of Health of the Russian Federation. (2018) *Order No. 442 "On the organization of Work to Ensure the Technical Ability of Patients to Express Opinions on the Quality of the Provision of Services by Medical Organizations on the Official Website of the Ministry of Health of the Russian Federation on the Internet.* [Online] Available from: https://static-0.rosminzdrav.ru/system/attachments/attaches/000/039/140/original/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_%D0%BE%D1%82_13_%D0%B8%D1%8E%D0%BB%D1%8F_2018_%D0%B3_%E2%84%96_442.pdf?1531743037. (In Russian).
2. World Health Organization. (2009) *Global Recommendations on Physical Activity for Health.* [Online] Available from: <http://www.who.int/ncds/prevention/physical-activity/en/>.
3. Mukhamedzhanov, U.F. (2016) Fizicheskaya kul'tura v pozhilom vozraste [Physical Education in Elderly Age]. *Molodoy uchenyy*. 11. pp. 1226–1227. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/115/30333/>.
4. Shpagin, S.V. (2018) Substantiation of the Method of Complex-Combined Health-Improving Physical Training Exercises with Elderly Age Women. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 1 (171). pp. 83–89. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-metodiki-kompleksno-kombinirovannyh-zanyatiy-ozdorovitelnoy-fizicheskoy-kulturoy-s-zhenshinami-pozhilogo-vozrasta>. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-83-89
5. Demin, A.V., Moroz, T.P. & Volova, A.A. (2014) Vozrastnye osobennosti kachestva zhizni u zhenshin 60–79 let [Age-related Features of Quality of Life of 60–79 Years Old Women]. *Molodoy uchenyy*. 20. pp. 55–57. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/79/13916/>.
6. Borisov, V.A., Silyutina, M.V. & Taranina, O.N. (2015) Fizicheskaya aktivnost' u lits starshikh voznrastnykh grupp [Physical Activity of People of Elderly Age Groups]. *Molodoy uchenyy*. 20. pp. 113–115. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/100/22544/>.
7. Amosov, N.M. (1987) *Razdum'ya o zdorov'e* [Thoughts on Health]. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoye knizhnoye izdatel'stvo.
8. Dergacheva, A. (2018) Skol'ko rossiyan ne oformlyayut bol'nichnyy [How Many Russians Do Not Take Sick Leave]. *The Village*. [Online] Available from: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/331325-bolnichnyy>.
9. Zmanovskaya A. (2015) 82% rossiyan ne berut bol'nichnyy [82% of Russians Do Not Take Sick Leave]. *Izvestiya*. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/589190>.
10. Agranovich, N.V., Anopchenko, A.S., Knyshova, S.A. & Pilipovich, L.A. (2015) The Organization and Carrying out Groups of Health for Persons of Advanced and Senile Age – the Important Element Promoting Extension of Active Longevity. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 1–1. (In Russian).
11. Schastlivtseva, I.V. & Veretennikova, A.V. (2013) Motivatsiya zhenshin k zanyatiyam fitnesom [Motivation for Women to Do Fitness]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 6. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10872>.
12. Druzhilov, S.A. (2016) Healthy Lifestyle as the Purposeful Activity of the Man. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii – Modern Scientific Researches and Innovations*. 4. pp. 654–648.
13. Nikitina A.A. et al. (2018) Analiz otnosheniya i tsennostnykh orientatsiy studentov pervogo kursa na fizicheskuyu kul'turu v vuze [Analysis of the attitude and value orientations of first-year students in physical education at the university]. *Diskurs*. 3 (17). pp. 89–102.

Received: 26 April 2019

Л.Г. Пащенко

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К СОСТЯЗАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Представлен механизм разработки опросника «Отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности». Концептуальной основой опросника явились теоретические положения, представленные в работах В.Н. Мясничева, В.С. Мерлина. Компонентами оценивания выделены эмоциональный, познавательный, деятельностный и поступочный. Основное назначение результатов разработанного опросника видится в содействии совершенствования физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы, организуемой в вузе, предусматривающей состязательную деятельность.

Ключевые слова: отношение; состязательность; физическая активность; студенческая молодежь; валидность; надежность; опросник.

Для достижения амбициозных целей, сформулированных министром науки и высшего образования Российской Федерации М. Котюковым, а именно завоевания лидерских позиций нашей страной в мировом научно-технологическом развитии, обеспечения устойчивого роста экономики, требуется формирование человеческого потенциала нового поколения, готового к решению поставленных задач. Курс, взятый президентом и Правительством РФ на инновационное, прорывное развитие современных высокотехнологичных сфер отечественного производства, повышает важность подготовки будущих специалистов в стенах высших учебных заведений. Инициативные, здоровые, физически культурные личности, умеющие использовать свои потенциальные возможности, вступать в конкурентные отношения и достигать результатов в той или иной деятельности – таковыми видятся современные выпускники вузов. Их профессиональная успешность будет зависеть не только от сформированных в процессе обучения профессиональных компетенций, но и от проявления состязательности как установки личности помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для улучшения личных или коллективных достижений. Состязательность, рассматриваемая как фактор преобразования физического и духовного потенциала населения, наиболее ярко проявляется в сфере спорта и физической культуры. Увеличение числа спортивных мероприятий, организуемых для различных слоев населения в рамках развития массового спорта, в том числе для студенческой молодежи, не привело к значительному повышению активности участия в них жителей нашей страны. Важность изучения отношения юношей и девушек к состязательной деятельности, проявляемой в процессе физической активности, и отсутствие соответствующего диагностического инструментария обусловили актуальность настоящего исследования.

Состязательность, являясь собирательным понятием, имеет, по мнению А.Л. Славко, как минимум четыре значения. Первое – состязательность как характеристика социальных отношений, отличительной чертой которых является компаративное самоутверждение (самоутверждение индивида или группы индивидов в сравнении с другими индивидами или

группами индивидов). Второе – состязательность как вид социальных отношений, заключающихся в компаративном самоутверждении его участников. Третье – как вид социальных процессов, представляющих собой серию явлений на основе установления состязательных отношений, завершающей стадией которых выступает сравнение результатов его участников. Четвертое – состязательность как психологическое состояние индивида или группы людей побуждающее к деятельности и определяющее выбор ее направленности [1, 2].

Состязательное отношение присутствует практически во всех случаях проявления человеком своей общественной сущности, и, как считает М.А. Богданова, может трактоваться как универсальное отношение человека к себе, другим людям и окружающему миру. Повсеместность распространения состязательных отношений обусловлена, во-первых, необходимостью социальной оценки деятельности людей на основе сопоставления с определенным эталоном; во-вторых, человеческим честолюбием как ведущей движущей силой социума; в-третьих, необходимостью самоопределения индивида в социальном бытии в ситуации сопоставления его с другими людьми [3]. Возникшая в глубокой древности в условиях противостояния человека природе состязательная деятельность в настоящее время проявляется в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в сфере физической активности, и, имея легитимный статус, способствует не только улучшению физиологических показателей, но и развитию личности [4].

Для формирования в общественном сознании привлекательности образа занимающегося спортом и развивающегося с помощью физических упражнений собственную телесность человека, по мнению Н.Н. Визитей, должна быть выработана приемлемая мировоззренческая позиция в отношении спорта и физической культуры [5]. Отечественный подход к развитию физической культуры и спорта в настоящее время основывается, прежде всего, на организации и проведении массовых физкультурно-спортивных мероприятий. Одной из приоритетных задач совершенствования системы физического воспитания является увеличение числа лиц, участвующих в соревновательной физкультурно-спортивной деятельности, что нашло от-

ражение в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О развитии массового спорта» [6]. Согласно стратегии развития отрасли физической культуры в Российской Федерации, определенной Правительством РФ, к 2020 г. количество регулярно занимающихся физической культурой студентов вуза должно составить 80% от числа обучающихся [7]. Несмотря на увеличение числа физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий, проводимых в вузах, к сожалению, не наблюдается повышения активности участия юношей и девушек в тех из них, где предусматривается проявление состязательности [8]. Мотив, являющийся конструирующим признаком деятельности, при проявляемом интересе к ней приобретает эмоциональную окраску с положительным знаком, но под влиянием ситуации и характеристик выполняемой работы знак может измениться на противоположный [9]. Исследование мотивов занятий физической культурой и спортом студенческой молодежи показало, что соперничество и стремление к лидерству, являющиеся, по мнению Р.С. Данилова, частными проявлениями состязательности [10], относятся к числу мало-значимых как для юношей, так и для девушек [11].

Вместе с этим, наряду с мотивом, побудительную функцию к осуществляемой деятельности выполняет и отношение: «Источником мотива может быть отношение, мотив может явиться источником отношения» [12, С. 50]. В зарубежной литературе имеются противоречивые данные о влиянии субъективного отношения индивида к деятельности на эффективность ее выполнения: в исследовании J. Ajzen [13] по обоснованию теории планируемого поведения представлены данные об имеющейся корреляции ($r = \text{от } 0,59 \text{ до } 0,66$) между отношением, намерением и поведением, тогда как в обзорной статье S.G. Trost, N. Owen et al. [14] констатируют отсутствие взаимосвязи между отношением людей к физической активности и собственно осуществляемой ими деятельности. Исследования ведущих советских и российских ученых показывают, что отношение к чему-либо или к кому-либо возникает в процессе жизнедеятельности индивида, а продуктивность какой-либо деятельности обусловлена системой субъективных отношений к ней и характеризуется проявлением соответствующих действий и поступков человека [15, 16]. Субъективные отношения отличаются устойчивостью и постоянством, благодаря которым личность преодолевает воздействия среды, сопротивление внешних условий и, в конечном итоге, осуществляет свои цели и намерения [17]. В работах В.С. Мерлина субъективные отношения понимаются как существенные свойства личности, отражающие общественные отношения и характеризующие активную жизненную позицию человека [18]. К.А. Абульханова констатирует, что утверждение своего отношения к элементам жизнедеятельности осуществляется на основе имеющегося опыта самоопределения личности по отношению к ходу отдельных событий и к жизни в целом и является сознательным актом [19].

Система отношений человека к различным аспектам действительности: к другим людям, к самому себе, к своей деятельности тесно связана с мотивацион-

ной сферой личности и охватывает феномены потребностей, побуждений, склонностей, интересов, ценностей, установок, позиций. В структуре отношений одним из значимых, помимо отношения к своему будущему и к себе, является отношение к различным видам деятельности, характеризующее наличие, силу и содержание побуждений к ним и содержание возникающих в связи с этим переживаний [20].

Ведущий ученый в области психологии В.Н. Мясищев определяет личность как «субъект отношений, также как и субъект внешней деятельности» и выделяет в ней способность не только приспосабливаться к окружающей его действительности, но и переделывать ее соответственно своим целям и потребностям [21]. В структуре личностно-средового взаимодействия центральное место отводится именно отношениям субъекта, которые определяют характер его деятельности. В процессе жизнедеятельности личность изменяется, развивается, наряду с этим меняется и характер отношения. Любое очередное изменение среды приводит к изменениям личности и ее системы отношений.

Рассматривая с этих позиций отношение индивида к состязательной деятельности в процессе физической активности, основанное на имеющемся опыте участия в физкультурно-спортивных праздниках и соревнованиях, полученных при этом эмоциональных переживаний и приобретенных вследствие этого знаний, можно говорить о его мотивированной деятельности или бездеятельности в мероприятиях, предусматривающих проявление состязательности.

Из практикуемых в сфере физической культуры и спорта диагностических методик, направленных на выявление отношения, а также мотивации занятий физкультурно-спортивной деятельностью, наиболее популярными являются следующие: «Изучение интереса к спорту» Е.Г. Бабушкина [22], тест «Субъективное отношение к физической культуре и спорту» А.А. Пашина и В.А. Кабачкова [23], «Изучение уровня стремления у спортсменов к достижениям высоких спортивных результатов» Г.Д. Бабушкина и Ю.Ф. Назаренко, «Потребность в достижении» Ю.М. Орлова [24], «Мотивы занятий спортом» А.В. Шаболтас по выявлению доминирующих целей занятий физической культурой и спортом населения [25], «Опросник спортивной мотивации» Е.Г. Бабушкина по изучению отношения к соревнованиям и тренировочным занятиям спортсменов, «Изучение мотивации соревновательной деятельности» Г.Д. Бабушкина по выявлению соревновательной мотивации спортсмена, «Изучение спортивной мотивации» Р.А. Пилюяна в модификации Е.Г. Бабушкина для спортсменов высокой квалификации, «Методика диагностики актуальных потребностей юных боксеров» Е.Г. Бабушкина и В.Б. Антипина по выявлению актуальных потребностей, удовлетворение которых способствует сохранению спортивной мотивации юных спортсменов. Представленные опросники предназначены либо для спортсменов (начинающих или высококвалифицированных), либо для лиц, занимающихся физической активностью без учета их отношения к спортивным соревнованиям и проявляемой состязательной деятельности.

Проведенный анализ существующих тестов и опросников, применяемых в сфере физической культуры и спорта, показал отсутствие тестирующих методик, позволяющих дать оценку субъективному отношению индивида, не являющегося спортсменом, к проявлению состязательности в процессе физической активности. Для проведения дальнейших исследований по изучению отношения населения, а именно студенческой молодежи, к участию в мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, предусматривающих проявление состязательности, имеется необходимость разработки соответствующего диагностического инструментария.

Цель исследования – разработать диагностический инструментарий оценки субъективного отношения индивида к проявлению состязательности, проявляемой в процессе физической активности. Задачи исследования: 1. Разработать опросник по изучению субъективного отношения индивида к проявлению состязательности в процессе физической активности. 2. Проверить разработанный опросник на надежность и валидность.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный университет». Использовались методы: психолого-педагогическое тестирование, анкетирование, экспертной оценки, математической статистики. В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся на 1–3-х курсах ($n = 160$, юношей – 88, девушек – 72) в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст составил $20,1 \pm 1,1$ год). Исследование проводилось в период с февраля по май 2018 г. Первоначальное тестирование проводилось в марте 2018 г., повторное – через 1 месяц – в апреле 2018 г. В ретестовом исследовании приняли участие те же студенты, что и в первоначальном.

Анализ научно-методической литературы показал, что процессуально-содержательный аспект субъективного отношения к деятельности может быть представлен сочетанием различных структурных компонентов.

Субъективные отношения, не поддающиеся объективным наблюдениям, по мнению Е.Л. Башмановой, проявляются в осознанном опыте, вербальных реакциях, внешнем поведении индивида, а также в некоторых физиологических реакциях [26]. Разрабатывая модель отношения школьников к учению и школе, ею были выделены когнитивно-познавательный (рациональный), эмоционально-волевой (эмоциональный), мотивационно-деятельностный (поведенческий) компоненты. По мнению О.И. Шутовой, компонентами структуры субъективного отношения выступают мотивационный (соотносящийся с потребностями человека, раскрывающий осознанный и целенаправленный характер саморегуляции деятельности), операциональный (направленный на обеспечение реализации задач осуществляемой деятельности посредством осознания целей и средств) и прагматический (раскрывающий смысловую сторону осуществляемой деятельности) аспекты [27]. Эмоционально-когнитивный и мотивационно-волевой аспекты субъективного отношения личности выделяет В.С. Мерлин. По В.Н. Мясичеву, формирование отношений в структу-

ре личности происходит в результате отражения им на социальном уровне тех социальных и объективно существующих отношений общества, в котором он живет [28]. Будучи результатом субъективного отражения объективно существующих познавательных, эмоциональных и практических отношений субъекта с миром, представляет собой единство когнитивной, аффективной и мотивационной составляющих. Субъективные отношения личности, по мнению Б.Ф. Ломова, проявляются в любом ее действии, но наиболее полное выражение они находят в поступках – действиях человека, в которых ведущее значение имеет сознательное отношение его к другим людям, обществу, нормам общественной морали [29].

Таким образом, для изучения субъективного отношения индивида к состязательной деятельности в процессе физической активности необходимо знать его эмоциональное отношение к событиям, имеющим место в спортивной практике; характер проявления интереса к знаниям в области физической культуры и спорта, связанным с проведением соревнований; отношение индивида к непосредственному участию в мероприятиях, предусматривающих состязательную деятельность, степень его готовности включиться в соперничество в процессе физкультурно-спортивных мероприятий; степень активности в привлечении окружающих его людей к участию в состязательной деятельности, возможности изменения их отношения к физкультурно-спортивным мероприятиям.

На основе анализа имеющихся данных научно-методической литературы, а также с учетом требований, предъявляемых к разработке диагностических методик, используемых в психолого-педагогических исследованиях [30], был разработан опросник «Отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности».

Под отношением к состязательной деятельности в процессе физической активности нами понимается многокомпонентная внутренняя позиция индивида, выражающаяся в мотивах, эмоциях, поступках, действиях, обуславливающих активность использования средств и методов физической культуры и спорта, имеющих состязательную направленность.

Концептуальной основой разработанного опросника явились теоретические положения об обусловленности действий, поступков человека, продуктивности осуществляемой деятельности сложившейся в процессе жизнедеятельности системой субъективных отношений к объектам и явлениям окружающего мира, об имеющейся связи субъективного отношения к действительности с различными сторонами объективной реальности, представленные в работах В.Н. Мясичева, В.С. Мерлина. Компонентами оценивания субъективного отношения человека явились эмоциональный, познавательный, деятельностный и поступочный.

Разработанный опросник относится к группе психодиагностических методик, в котором задания представлены в виде утверждений, с которыми опрашиваемый человек соглашается или не соглашается, выражая тем самым субъективное отношение к предмету исследования – состязательной деятельности, проявляемой в процессе физической активности. Испытуе-

мый выносит суждения, используя альтернативный выбор ответов (да, это так; скорее это так; скорее это не так; нет, это не так). Данный опросник является личностным, по форме – индивидуальным, по характеру ответов относится к закрытым, предоставляющим испытуемому возможность выражения своего согласия с утверждениями в виде шкалы измерений.

С целью нивелирования тенденции испытуемого к определенному позиционному стилю ответов, утверждения чередуются по принадлежности к изучаемым компонентам, а также предусмотрено изменение положения полюсов шкал в прямом и обратном порядке.

Представленные в опроснике утверждения имеют смысловую ясность формулировок, не допускающую многозначности толкования их содержания и апеллируют непосредственно к опыту субъекта. Каждый из четырех компонентов опросника включает в себя одинаковое количество утверждений – по шесть, из которых два имеют противоположную направленность.

Эмоциональный компонент позволяет дать оценку психологическому состоянию, связанному с осуществлением состязательной деятельности, и отражает, насколько человек эмоционально чувствителен к происходящим спортивным событиям, в том числе с собственным участием. Утверждения, входящие в эмоциональный компонент опросника: «Победы спортсменов моей страны (города, вуза, любимой команды) меня радуют, а поражения огорчают», «Мне не понятны чувства людей, которые с удовольствием участвуют в соревнованиях», «После участия в соревнованиях чувствую прилив бодрости и энергии», «Мне нравится общаться с человеком, имеющим спортивный опыт и достижения в спорте», «Мне не нравится атмосфера соревнований, (не понимаю тех, кто находит удовольствие в соперничестве)», «Порой я ощущаю потребность с кем-либо посоревноваться».

Познавательный компонент позволяет определить, насколько человека интересуют знания, связанные с организацией и содержанием состязательной деятельности, насколько он активен в получении необходимой информации об особенностях функционирования организма в условиях соревнования. Утверждения, представляющие этот компонент: «Когда в компании начинают говорить о спортивных событиях, рекордах, достижениях, мне становится скучно», «Мне интересна информация как правильно подготовиться к соревнованиям», «Бывает, я целенаправленно ищу информацию о спортивном соревновании, Олимпиаде, рекордах», «Мне не интересна информация о правилах проведения соревнований по какому либо виду спорта», «Меня интересуют знания, как правильно (быстро и эффективно) восстановиться после соревнований», «Просматривая новости, информацию о спортивных событиях и результатах соревнований читаю в первую очередь».

Деятельностный компонент дает характеристику активности участия в физкультурно-спортивных мероприятиях, предусматривающих проявление состязательности, показывает, насколько человек готов принять участие в соревнованиях, вступить в сорев-

тельные отношения. Предусмотрены следующие утверждения: «Если мне предложат принять участие в спортивной игре, посоревноваться, я охотно соглашусь», «Занимаясь в спортивном зале или на площадке, всегда ищу объект для соперничества», «Стараюсь избегать участия в спортивных соревнованиях, праздниках», «Участвуя в соревнованиях, стремлюсь показать лучший результат», «Я регулярно участвую в спортивных соревнованиях, праздниках», «На соревнованиях, спортивных праздниках я предпочел бы роль болельщика, а не участника».

Поступочный компонент отражает стремление человека своими поступками повлиять на отношение окружающих к участию в состязательной деятельности, сознательное отношение к другим людям с позиции приобщения их к физкультурно-спортивному движению. Этот компонент опросника включает утверждения: «Я стараюсь привлечь своих друзей, родных к участию в соревнованиях», «Считаю, что приглашение посетить соревнование – не лучшая идея провести свободное время», «Мне удастся заинтересовать друзей, родных и привлечь их к участию в соревнованиях, спортивных праздниках», «Случалось, что я проявлял инициативу и участвовал с друзьями в организации каких либо соревнований, спортивных праздников», «Мне никогда не приходилось обучать других людей правилам соревнований по разным видам спорта», «Я охотно пойду на спортивное соревнование и возьму с собой друга, родственника».

Полное согласие с утверждением оценивается в 3 балла, неполное согласие – 2, скорее несогласие – 1 и полное несогласие – 0 баллов. В утверждениях с противоположным смысловым поясом начисление баллов изменяется на противоположное: полное согласие соответствует 0, а несогласие – 3 баллам.

Суммирование значений эмоционального, когнитивного, деятельностного и поступочного компонентов позволяет определить показатель интенсивности субъективного отношения к состязательной деятельности индивида в процессе физической активности и охарактеризовать степень его сформированности. Основным назначением использования результатов разработанного опросника видится их учет при организации физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий для студенческой молодежи, предусматривающих состязательную деятельность, содействуя активизации внеучебной деятельности по физическому воспитанию вуза.

Проверка разработанного опросника проводилась на базе ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет». Для оценки надежности и валидности использовали методы математической статистики.

Случайное разделение всей совокупности выборки испытуемых на две группы и сравнение полученных статистических данных показали отсутствие достоверных различий. Ретестирование с участием тех же студентов, проведенное через 1 месяц, показало отсутствие достоверных различий как между отдельными компонентами опросника, так и в целом по интегральному показателю интенсивности субъективного отношения (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ результатов первичного и повторного тестирования студентов ($M \pm m$)

№	Компонент опросника				Интенсивность показателя
	эмоциональный	познавательный	деятельностный	поступочный	
1 (03.2018)	12,29 $\pm$ 0,27	11,05 $\pm$ 0,41	11,05 $\pm$ 0,37	9,69 $\pm$ 0,39	44,08 $\pm$ 1,23
2 (04.2018)	12,01 $\pm$ 0,31	10,78 $\pm$ 0,42	10,79 $\pm$ 0,38	9,54 $\pm$ 0,39	43,1 $\pm$ 1,30
P	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05	> 0,05

Коэффициент стабильности интегрального параметра интенсивности опросника при ретестовом исследовании по критерию Пирсона составил $r = 0,95$. Коэффициенты стабильности показателей отдельных компонентов опросника составили: эмоциональный $r = 0,83$, познавательный $r = 0,91$, деятельностный $r = 0,91$, поступочный $r = 0,89$, что позволяет констатировать о надежности разработанного опросника.

Проверка на валидность показала наличие внутренней согласованности – показатели исследуемых компонентов коррелируют с интегральным показателем интенсивности субъективного отношения к состязательной деятельности испытуемых: эмоциональный $r = 0,79$, познавательный $r = 0,87$, деятельностный $r = 0,90$, поступочный $r = 0,83$.

Наличие взаимосвязи с проявлением мотива «Стремление стать победителем в состязаниях» по тесту М.М. Безруких «Отношение к занятиям физической культурой и спортом» ($r = 0,93$) также является доказательством валидности показателя интенсивности субъективного отношения студенческой молодежи к состязательной деятельности в процессе физической активности является.

Содержательная валидность оценивалась группой экспертов, в состав которой вошли 10 квалифициро-

ванных специалистов (2 доктора педагогических наук, 2 кандидата психологических наук, 6 кандидатов педагогических наук). Эксперты оценивали содержательное соответствие каждого из утверждений, представленного в опроснике, заявленной цели в диапазоне от 0 до 5 баллов, где 0 – полное несоответствие утверждения исследуемому компоненту, 5 – полное соответствие утверждения. В результате экспертной оценки содержательное соответствие эмоционального компонента составило $4,75 \pm 0,06$, познавательного – $4,73 \pm 0,04$, деятельностного – $4,85 \pm 0,03$, поступочного – $4,66 \pm 0,05$ балла.

Полученные в результате исследования интегральные показатели интенсивности субъективного отношения к состязательной деятельности имеют нормальное распределение, что позволило рассчитать шкалу по уровням: низкий – 25 баллов и меньше, ниже среднего – 26–37, средний – 38–49, выше среднего – 50–61, высокий – 62 балла и больше.

Значения эмоционального, когнитивного, деятельностного и поступочного компонентов субъективного отношения к состязательной деятельности в процессе физической активности студентов в зависимости от уровня интегрального показателя интенсивности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значения компонентов субъективного отношения к состязательной деятельности в процессе физической активности студентов в зависимости от уровня интегрального показателя интенсивности ($M \pm m$)

Уровень	Компонент				Интенсивность
	эмоциональный	познавательный	деятельностный	поступочный	
Низкий ($n = 11$)	7,73 $\pm$ 0,5	3,36 $\pm$ 0,8	4,55 $\pm$ 0,6	3,18 $\pm$ 0,7	18,82 $\pm$ 0,9
Ниже среднего ($n = 18$)	10,44 $\pm$ 0,4	8,22 $\pm$ 0,5	8,06 $\pm$ 0,6	6,67 $\pm$ 0,5	33,39 $\pm$ 0,7
Средний ($n = 45$)	12,24 $\pm$ 0,3	10,96 $\pm$ 0,4	10,76 $\pm$ 0,3	9,58 $\pm$ 0,4	43,53 $\pm$ 0,5
Выше среднего ($n = 25$)	14,08 $\pm$ 0,3	13,84 $\pm$ 0,4	14,00 $\pm$ 0,4	12,32 $\pm$ 0,4	54,24 $\pm$ 0,7
Высокий ($n = 10$)	16,00 $\pm$ 0,6	17,36 $\pm$ 0,3	17,00 $\pm$ 0,3	15,64 $\pm$ 0,8	66,00 $\pm$ 0,9

Как видно из табл. 2, низкому уровню субъективного отношения к состязательной деятельности в процессе физической активности соответствуют самые низкие показатели составляющих его компонентов – эмоционального, когнитивного, деятельностного, поступочного. Соответственно, наибольшие показатели наблюдаются в группе с высоким уровнем. Значения каждого из компонентов, дифференцированных по уровням, достоверно отличаются между собой ($p < 0,05$).

Дифференцировав испытуемых на две группы – студентов, активно участвовавших в течение учебного года в спортивно-массовых мероприятиях ($n = 43$),

и студентов, ни разу не принимавших участие в каких либо соревнованиях ($n = 67$), и сравнив значения интенсивности субъективного отношения к состязательной деятельности в процессе физической активности, были обнаружены достоверные различия в группах ($p < 0,01$; $t = 6,0$) – $52,09 \pm 1,55$ и $39,36 \pm 1,45$ балла соответственно. Также показатель деятельностного компонента, характеризующего активность участия в мероприятиях, предполагающих проявление состязательности у студентов первой группы, достоверно больше ($p < 0,01$; $t = 4,95$), чем у студентов второй группы ($13,35 \pm 0,48$ и $9,85 \pm 0,52$ соответственно). Это позволяет констатировать соответствие по-

лученных показателей субъективного отношения студентов к состязательной деятельности существующей практики участия в мероприятиях физкультурно-спортивной направленности, предусматривающих проявление состязательности.

Таким образом, субъективное отношение к состязательной деятельности в процессе физической активности является важной составляющей физической культуры личности. Его изучение поможет определить основные пути, методы и средства повышения

активности участия молодежи в физкультурно-спортивных мероприятиях, предусматривающих проявление состязательности. Основным назначением использования результатов разработанного опросника является совершенствование организации физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий для студентов вуза. Проверка опросника на надежность и валидность доказала его состоятельность и возможность использования в практике физического воспитания студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славко А.Л. Социокультурные особенности физкультурно-спортивной деятельности // Аналитика культурологии. 2011. № 21. С. 132–135.
2. Славко А.Л. Условия эффективного использования социокультурного потенциала физкультурно-спортивной деятельности для решения задач физического воспитания курсантов вузов МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 2. С. 60–62.
3. Богданова М.А. Спорт в современном обществе: антропокультурное измерение и перспективы гуманизации : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Волгоград, 2015. 46 с.
4. Починкин А.В. К вопросу об эволюции состязательной деятельности человека // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 21–22.
5. Визитей Н.Н., Ибрагимов М.М., Андреева Е.В. Философия спорта: диалоги об онтологических основаниях и смысловой целесообразности // Актуальные проблемы физической культуры и спорта. 2013. № 26 (1). С. 66–72.
6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 14 июня 2017 года № 170-СФ «О развитии массового спорта в Российской Федерации». URL: www.docs.cntd.ru/document/456071345 (дата обращения: 10.09.2018).
7. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года // Распоряжение № 1101-р Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 года. URL: www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/ (дата обращения: 18.09.2018).
8. Нестерюк А.А., Пашенко Л.Г. Активизация соревновательной деятельности студентов путем совершенствования системы массового студенческого спорта в вузе // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. 2018. С. 79–84.
9. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. М. : Юрайт, 2018. 170 с.
10. Данилов Р.С. Состязательность как форма социального бытия человека : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов, 2007. 16 с.
11. Пашенко Л.Г. Проявления состязательности у студентов вуза в процессе физкультурно-спортивной деятельности // Мир науки. 2017. № 5 (6). С. 44.
12. Мясичев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
13. Ajzen Icek. The theory of planned behaviour: Reactions and reflections // Psychology & Health. 2011. № 26 (9). P. 1113–1127.
14. Trost S.G., Owen N., Bauman A.E., Sallis J.F., Brown W. Correlates of adults' participation in physical activity: review and update // Med. Sci. Sports Exerc. 2002. № 34 (12). P. 1996–2001.
15. Зерщикова Т.А. Исследование субъективных отношений первокурсников к своему организму в рамках проблемы экологических отношений личности // Известия Уральского государственного университета: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 81 (4). С. 37–43.
16. Лазурский А.Ф. Психология общая и экспериментальная. М. : Юрайт, 2016. 245 с.
17. Гудкова Е.В. Обзор представлений об отношениях в современных психологических теориях личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 6. С. 27–31.
18. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. Москва : Институт практической психологии; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 448 с.
19. Абульханова К.А. Соотношение индивидуальности и личности в свете субъектного подхода // Мир психологии. 2011. № 1. С. 22–31.
20. Соломин И.А. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. СПб., 2001. 70 с.
21. Беребин М.А. Концепция отношений В.Н. Мясичева и теория психической адаптации личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Психология. 2008. № 33. С. 18–25.
22. Бабушкин Г.Д. Психодиагностика личности при занятиях физической культурой и спортом. Омск : СибГУФК, 2012. 328 с.
23. Пашин А.А., Кабачков В.А. Исследование возрастных особенностей физической подготовленности и субъективного отношения к физической культуре и спорту учащихся общеобразовательных школ // Вестник спортивной науки. 2010. № 4. С. 47–52.
24. Ильин Е. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2003. 512 с.
25. Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 410 с.
26. Башманова Е.Л. Разработка модели отношения школьников к учению в школе: типология, структура, динамика // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2009. № 3 (11).
27. Шутова О.И. Влияние профессиональной идентичности обучающихся на субъективное отношение к осваиваемым компетенциям при подготовке специалистов профессий помогающего типа : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2017. 23 с.
28. Мясичев В.Н. Психология отношений. Москва : Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1998. 356 с.
29. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
30. Белякова Е.Г., Строкова Т.А. Психолого-педагогический мониторинг. М. : Юрайт, 2018. 243 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 мая 2019 г.

Diagnostic Tools for Evaluating Students' Subjective Attitude to Competing During Physical Activity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 183–190.

DOI: 10.17223/15617793/446/23

Lena G. Pashchenko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: lenanv2008@yandex.ru

Keywords: attitude; competitiveness; physical activity; student youth; validity; reliability; questionnaire.

The aim of the study was to develop diagnostic tools for assessing the subjective attitude of an individual to competing during physical activity. The author understands the attitude to competing during physical activity as an individual's multicomponent inner position expressed in motives, emotions and actions that determine the activity of the use of means and methods of physical culture

and sports that have a competitive orientation. The components of evaluation are emotion, cognition, activity and action. The emotional component evaluates the psychological state associated with performing competitive activities, reflects the emotional sensitivity of a person to the ongoing sporting events, including their own participation. The cognitive component determines how much a person is interested in knowledge related to the organization and content of competitive activities. The activity component characterizes the activity of participation in sporting events that assume manifestations of competitiveness, readiness to take part in competitions, to enter into competitive relations. The action component reflects the desire of a person to influence the others' attitude to the participation in competitive activities, to introduce them to the sports movement. The summation of the values of the components allows determining the intensity of an individual's subjective attitude to competing during physical activity and characterizing the degree of its formation. The main purpose of using the results of the developed questionnaire is to improve the organization of recreational and sports events with competitive activities for students and thus to contribute to the activation of extracurricular activities in physical education. The developed questionnaire was tested for reliability and validity on the basis of Nizhnevartovsk State University. The respondents were first-, second- and third-year students ($n=160$, 88 males, 72 females) aged 18 to 23 (20.1 ± 1.1 y.o. on average). The results of the study proved the validity of the diagnostic tools. The stability coefficient of the integral parameter of the intensity of the questionnaire in the retest study by Pearson's criterion was $r=0.95$. The validity check showed internal consistency. The conducted research allows stating the possibility of using the developed questionnaire in the practice of physical education of university students.

REFERENCES

- Slavko, A.L. (2011) Sotsiokul'turnye osobennosti fizkul'turno-sportivnoy deyatel'nosti [Sociocultural features of sports activities]. *Analitika kul'turologii*. 21. pp. 132–135.
- Slavko, A.L. (2014) Conditions of Effective Use of Socio-Cultural Potential of Sports Activities for Solving Problems of Physical Education of Students of Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law-Enforcement Activity*. 2. pp. 60–62. (In Russian).
- Bogdanova, M.A. (2015) *Sport v sovremennom obshchestve: antropokul'turnoe izmerenie i perspektivy gumanizatsii* [Sport in modern society: anthropocultural dimension and the prospects of humanization]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Volgograd.
- Pochinkin, A.V. (1997) Towards Problem of Human Competitive Activities Evolution. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*. 6. pp. 21–22. (In Russian).
- Vizitey, N.N., Ibragimov, M.M. & Andreeva, E.V. (2013) Philosophy of Sport: Dialogs about Ontological Grounds and Semantic Expedience. *Aktual'ni problemy fizicheskoy kul'tury i sportu. – Contemporary Problems of Physical Culture and Sports*. 26 (1). pp. 66–72. (In Russian).
- The Federation Council of the Federal Assembly of Russia. (2017) Act No. 170-SF "On the Development of Mass Sports in the Russian Federation". [Online] Available from: www.docs.cntd.ru/document/456071345. (Accessed: 10.09.2018). (In Russian).
- The government of Russia (2009) Decree No. 1101-r "On Approval of the Strategy for the Development of Physical Education and Sports in the Russian Federation for the Period until 2020". [Online] Available from: www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/. (Accessed: 18.09.2018). (In Russian).
- Nesteryuk, A.A. & Pashchenko, L.G. (2018) [Activisation of Competitive Activities of Students by Improving the System of Mass Student Sports at the University]. *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury, sporta i olimpizma* [Problems of Improving Physical Education, Sports and Olympism]. Proceedings of the International Conference. Omsk. 13–14 December 2017. Omsk: Siberian State Academy of Physical Culture and Sports. pp. 79–84. (In Russian).
- Bakshaeva, N.A. & Verbitskiy, A.A. (2018) *Psikhologiya motivatsii studentov* [Psychology of Student Motivation]. Moscow: Yurayt.
- Danilov, R.S. (2007) *Sostyazatel'nost' kak forma sotsial'nogo bytiya cheloveka* [Competitiveness as a Form of Human Social Life]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Saratov.
- Pashchenko, L.G. (2017) The Manifestation of the Competition for University Students in the Process of Sports Activity. *Mir nauki – World of Science*. 5 (6). (In Russian).
- Myasishchev, V.N. (1995) *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relationships]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO "MODEK".
- Ajzen, I. (2011) The Theory of Planned Behaviour: Reactions and Reflections. *Psychology & Health*. 26 (9). pp. 1113–1127. DOI: 10.1080/08870446.2011.613995
- Trost S.G. et al. (2002) Correlates of Adults' Participation in Physical Activity: Review and Update. *Medicine and Science in Sports and Exercise*. 34 (12). pp. 1996–2001. DOI: 10.1097/00005768-200212000-00020
- Zershevikova, T.A. (2010) Issledovanie sub"ektivnykh otnosheniy pervokursnikov k svoemu organizmu v ramkakh problemy ekologicheskikh otnosheniy lichnosti [The Study of the Subjective Relations of Freshmen to Their Body in the Framework of the Problem of Environmental Relations of the Individual]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science And Culture*. 81 (4). pp. 37–43.
- Lazurskiy, A.F. (2016) *Psikhologiya obshchaya i eksperimental'naya* [General and Experimental Psychology]. Moscow: Yurayt.
- Gudkova, E.V. (2012) Review of Notions about Relations in Contemporary Psychological Personality Theories. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. 6. pp. 27–31. (In Russian).
- Merlin, V.S. (1996) *Psikhologiya individual'nosti* [Psychology of Individuality]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO "MODEK".
- Abul'khanova, K.A. (2011) Sootnoshenie individual'nosti i lichnosti v svete sub"ektivnogo podkhoda [The Correlation of Individuality and Personality in the Light of the Subjective Approach]. *Mir psikhologii*. 1. pp. 22–31.
- Solomin, I.A. (2001) *Psikhosemanticheskaya diagnostika skrytoy motivatsii* [Psychosemantic Diagnosis of Hidden Motivation]. St. Petersburg: IMATON.
- Berebin, M.A. (2008) Myasishchev's Conception of Personality' Attitude and the Theory of Psychic Adaptation of Personality in Medical Psychology. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya. – Bulletin of the South Ural State University. Psychology*. 33. pp. 18–25. (In Russian).
- Babushkin, G.D. (2012) *Psikhodiagnostika lichnosti pri zanyatiyakh fizicheskoy kul'turoy i sportom* [Psychodiagnostics of a Personality during Physical Education and Sports]. Omsk: Siberian State Academy of Physical Culture and Sports.
- Pashin, A.A. & Kabachkov, V.A. (2010) Issledovanie vozrastnykh osobennostey fizicheskoy podgotovlennosti i sub"ektivnogo otnosheniya k fizicheskoy kul'ture i sportu uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol [The Study of Age-Related Characteristics of Physical Fitness and Subjective Attitudes towards Physical Education and Sports of Secondary School Students]. *Vestnik sportivnoy nauki – Sports Science Bulletin*. 4. pp. 47–52.
- Il'in, E. (2003) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg: Piter.
- Karelin, A.A. (2007) *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [Big Encyclopedia of Psychological Tests]. Moscow: Eksmo.

26. Bashmanova, E.L. (2009) Modeling Relations Schoolchildren to Exercise and School: Typology, Structure, Dynamics. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes: The Online Academic Journal of Kursk State University*. 3 (11). [Online] Available from: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/011-13.pdf>. (In Russian).
27. Shutova, O.I. (2017) *Vliyanie professional'noy identichnosti obuchayushchikhsya na sub'ektivnoe otnoshenie k osvvaivayemym kompetentsiyam pri podgotovke spetsialistov professiy pomagayushchego tipa* [The Influence of Students' Professional Identity on the Subjective Attitude to the Mastered Competencies in the Training of Specialists of Helping Professions]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Volgograd.
28. Myasishchev, V.N. (1998) *Psikhologiya otnosheniy* [The Psychology of Relationships]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO "MODEK".
29. Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow: Nauka.
30. Belyakova, E.G. & Strokova, T.A. (2018) *Psikhologo-pedagogicheskiy monitoring* [Psychological and Pedagogical Monitoring]. Moscow: Yurayt.

Received: 11 May 2019

С.В. Сафоненко

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОГЛАСОВАННОСТИ ДВИГАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ГРУППОВЫХ УПРАЖНЕНИЯХ С ОБРУЧЕМ У ДЕВОЧЕК 10–11 ЛЕТ

Представлены разработанные и внедренные в учебно-тренировочный процесс девочек 10–11 лет, занимающихся художественной гимнастикой, экспериментальные комплексы упражнений, направленные на совершенствование согласованности двигательных действий гимнасток в групповых упражнениях с обручем на этапе спортивного совершенствования. Экспериментально доказана и подтверждена эффективность разработанных комплексов упражнений, повышающих качество выполнения композиций в групповых упражнениях.

Ключевые слова: художественная гимнастика; групповые упражнения; согласованность двигательных действий; совершенствование; спортивный результат.

В последнее время на соревнованиях по художественной гимнастике все более значимым и зрелищным видом программы становятся групповые упражнения. Однако в большей части литературы авторы преимущественно рассматривают вопросы индивидуальной подготовленности спортсменок.

Проблема согласованности двигательных действий не находит должного внимания в теоретических исследованиях. В групповых упражнениях требуются выполнение упражнений в едином темпе, ритме, синхронность в движениях. Именно согласованность всех двигательных действий является специфическим критерием исполнительного мастерства выступлений в групповых упражнениях художественной гимнастики. Это подтверждает тот факт, что в групповых упражнениях художественной гимнастики постоянно происходят изменения в составе команд, в силу проблемы развития согласованности двигательных действий участниц [1]. В настоящее время не имеется научно разработанной методики обучения и совершенствования навыков согласованности действий партнёров по команде на основе определённых признаков совместной деятельности. Формирование согласованности двигательных действий, на наш взгляд, является актуальной проблемой и требует доработки.

Объект исследования – учебно-тренировочный процесс совершенствования двигательных действий гимнасток 10–11 лет в групповых упражнениях.

Предмет исследования – комплексы упражнений для совершенствования согласованности групповых двигательных действий гимнасток в групповых упражнениях с обручем на этапе спортивного совершенствования.

Гипотеза. Предполагается, что применение специальных упражнений, которые направлены на повышение уровня согласованности двигательных действий с применением научно обоснованных вспомогательных средств, позволит повысить качество выполнения композиций в групповых упражнениях.

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать эффективность применения специальных упражнений для совершенствования согласованности двигательных действий в учебно-тренировочных группах, выступающих в групповых упражнениях с обручем.

Для достижения цели были решены следующие задачи:

1. Определить уровень подготовленности гимнасток, выступающих в групповых упражнениях с обручем, с помощью тестирования.

2. Разработать специальные комплексы упражнений для совершенствования согласованности двигательных действий в соревновательной композиции гимнасток в групповых упражнениях с обручем для девочек 10–11 лет.

3. Проверить эффективность разработанных комплексов упражнений в педагогическом эксперименте.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: анализ и обобщение данных научно-методической литературы; анализ документальных материалов; педагогическое наблюдение; тестирование; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Необходимо отметить, что в групповых упражнениях художественной гимнастики принципиально важными становятся равенство девочек по технической подготовленности, способность работать в команде, а также согласовывать свои действия с партнёрами [2]. В настоящее время групповые упражнения художественной гимнастики предъявляют высокие требования к показателям физической, технической, а также предметной подготовленности, психофизиологическим характеристикам и индивидуально-психологическим особенностям гимнасток. Немаловажным показателем является и согласованность двигательных действий гимнасток в команде [3].

Выявление основных факторов, которое имеют большое значение в тренировках спортсменов в избранном виде спорта, применение адекватных средств и методов, необходимых для осуществления планируемого результата, обеспечивают успешное управление спортивной подготовкой.

К основным показателям совершенства исполнения композиции можно отнести следующие: физические качества, технически правильное исполнение движений, а также эстетичность, музыкальность, артистичность исполнения соревновательной композиции [4].

Вышеперечисленные показатели отражают достоинства и недостатки исполнения композиции в худо-

жественной гимнастике, а также создают предпосылки для совершенствования исполнительского мастерства в групповых упражнениях художественной гимнастики.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для совершенствования тренировочного процесса, а также осуществления педагогического контроля за уровнем согласованности двигательных действий в групповых упражнениях художественной гимнастики.

Для определения влияния музыкально-ритмической, а также координационной подготовленности спортсменок в групповых упражнениях с обручем на соревновательный результат, было проведено тестирование гимнасток с различным уровнем подготовленности.

Для оценки индивидуальной подготовленности спортсменок был использован тест «Музыкально-ритмические способности» [5].

Для оценки индивидуальной координационной подготовленности гимнасток были использованы следующие тесты: «Дозированный теппинг-тест» правой и левой рукой [6], «Проба Ромберга» на правой и левой ноге [7], «Тест Фирилевой» [8], «Ловля линейки» правой и левой рукой [6], «Динамическое равновесие» [9].

Для оценки уровня владения предметом испытуемым предлагалось выполнить серии некоторых заданий, которые направлены на освоение наиболее важных компонентов техники работы с обручем, характерной для групповых упражнений на этапе углубленной специализации.

Первая серия заданий предполагала овладение подготовительными действиями, выявленными в результате изучения структуры и техники бросков обруча (освоение рабочих поз, хватов и т.д.) [5].

Задания второй серии направлены на формирование точного движения руки в стадии броска. Упражнения подбирались с учетом структуры и характера выполнения действий в подготовительной и основной стадиях, а также в момент вылета обруча.

Третья серия заданий была направлена на овладение целостным базовым бросковым движением, которое выполнялось на высоту 70–80% от максимально возможной. Чтобы определить высоту полета, использовали вертикальную масштабную ленту.

Четвертая серия заданий предполагает формирование двигательного навыка, который бы позволил варьировать броском обруча, т.е. по заданию изменять его параметры. Для варьирования дальности полета обруча испытуемым нужно было выполнить броски на разное расстояние, которое было отмечено на полу.

Для проверки эффективности комплексов упражнений совершенствования согласованности двигательных действий в групповых упражнениях художественной гимнастики был проведен педагогический эксперимент. В эксперименте приняли участие 32 девочки в возрасте 10–11 лет, занимающихся художественной гимнастикой. Эксперимент проводился в течение 6 месяцев. Однородность группы определяли следующие показатели: возраст испытуемых, уровень физического развития, а также уровень двигательной подготовленности. В учебно-тренировочный процесс был разработан и внедрен комплекс упражнений, необходимый для совершенствования согласованности двигательных действий в соревновательной композиции с обручами в групповых упражнениях художественной гимнастики.

Результаты исследования внедрены в учебно-тренировочный процесс спортсменок отделения художественной гимнастики «СДЮСШОР № 5» г. Самары.

Эффективность применения разработанной серии специальных заданий определили с помощью сравнения показателей музыкально-ритмической и координационной подготовленности каждой спортсменки до и после педагогического эксперимента, а также путем анализа оценок судей за исполнение соревновательной композиции с обручем контрольной и экспериментальной группами. Применение разработанных комплексов упражнений предполагает достижение максимальной синхронности, точности, а также согласованности двигательных действий между всеми гимнастками в команде, а это, в свою очередь, положительно повлияет на соревновательный результат.

В таблице 1 представлен уровень оценки показателей координационной и музыкально-ритмической подготовленности гимнасток на момент начала эксперимента.

Таблица 1

Результаты тестирования подготовленности команд в групповых упражнениях художественной гимнастики до начала эксперимента

№	Контрольные упражнения	Экспериментальная группа	Контрольная группа	P_0
		$\bar{X} \pm \sigma$	$\bar{X} \pm \sigma$	
1	Музыкально-ритмические способности	$3,33 \pm 0,81$	$2,5 \pm 0,54$	$\leq 0,05$
2	Дозированный «теппинг-тест» правой рукой	$0,46 \pm 0,05$	$0,5 \pm 0,17$	$\leq 0,05$
3	Дозированный «теппинг-тест» левой рукой	$0,46 \pm 0,02$	$0,51 \pm 0,09$	$\leq 0,05$
4	Проба Ромберга на правой ноге	$24,3 \pm 2,65$	$23,1 \pm 2,56$	$\leq 0,05$
5	Проба Ромберга на левой ноге	$23 \pm 2,68$	$21,8 \pm 2,22$	$\leq 0,05$
6	Тест Фирилевой	$2,07 \pm 0,2$	$1,9 \pm 0,53$	$\leq 0,05$
7	Ловля линейки правой рукой	$2,33 \pm 2,06$	$1 \pm 1,26$	$\leq 0,05$
8	Ловля линейки левой рукой	$1,5 \pm 1,04$	$1 \pm 1,09$	$\leq 0,05$
9	Динамическое равновесие	$13,3 \pm 1,75$	$12,5 \pm 1,87$	$\leq 0,05$

Также спортсменки контрольной и экспериментальной групп выполняли соревновательную композицию с обручем на контрольной тренировке в начале

эксперимента. В оценках судейской бригады за синхронность исполнения композиции значительные различия не наблюдались (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ синхронности исполнения соревновательной композиции с обручем контрольной и экспериментальной группами на контрольной тренировке

Статистический показатель	Оценка синхронности исполнения (из 10 баллов), баллы							
	Работа предметом, комбинации танцевальных шагов		Рисунки и перестроения		Общая синхронность		Сумма баллов	
	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.
Хср	4,5	4,25	3,75	4,0	4,5	4,5	12,75	12,75

Организация эксперимента предусматривает одинаковые условия для спортсменок контрольной и экспериментальной групп. В течение 6 месяцев гимнастики тренировались в одинаковых условиях. В период проведения эксперимента у спортсменок обеих групп планировались два соревнования городского и областного уровня.

Учебно-тренировочные занятия в контрольной группе проводились по традиционной методике с учетом программы обучения. Тренировочные занятия в экспериментальной группе были дополнены разработанными сериями учебных заданий. На каждом занятии в течение 20–25 минут в конце подготовительной или в начале основной части занятия гимнастики экс-

периментальной группы выполняли специальные задания.

После завершения педагогического эксперимента в контрольной и экспериментальной группах мы провели итоговое контрольное тестирование как музыкально-ритмической, так и координационной подготовленности спортсменок, выступающих в групповых упражнениях художественной гимнастики.

Данные, полученные после итогового тестирования, говорят о том, что показатели музыкально-ритмической и координационной подготовленности в обеих группах улучшились по сравнению с данными тестирования, проводимого в начале эксперимента (табл. 3).

Таблица 3

Результаты тестирования подготовленности команд в групповых упражнениях художественной гимнастики после эксперимента

№	Контрольные упражнения	Экспериментальная группа	Контрольная группа	P_0
		$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	
1	Музыкально-ритмические способности	$1 \pm 0,89$	$1,16 \pm 0,75$	$\leq 0,05$
2	Дозированный «теппинг-тест» правой рукой	$0,29 \pm 0,07$	$0,41 \pm 0,09$	$\leq 0,05$
3	Дозированный «теппинг-тест» левой рукой	$0,31 \pm 0,07$	$0,32 \pm 0,08$	$\leq 0,05$
4	Проба Ромберга на правой ноге	$29,6 \pm 4,84$	$24,1 \pm 2,31$	$\leq 0,05$
5	Проба Ромберга на левой ноге	$24,6 \pm 2,33$	$24,1 \pm 1,47$	$\leq 0,05$
6	Тест Фирилевой	$1,78 \pm 0,42$	$1,81 \pm 0,46$	$\leq 0,05$
7	Ловля линейки правой рукой	$3,66 \pm 1,36$	$1,5 \pm 1,04$	$\leq 0,05$
8	Ловля линейки левой рукой	$2,33 \pm 1,03$	$1 \pm 1,09$	$\leq 0,05$
9	Динамическое равновесие	$11 \pm 1,41$	$11,1 \pm 1,47$	$\leq 0,05$

Мы проанализировали полученные данные и сделали следующий вывод: в результате применения на занятиях комплексов упражнений (серии специальных заданий) гимнастками экспериментальной группы, произошли положительные изменения практически по всем изучаемым показателям.

В контрольной группе также улучшились некоторые показатели. Это говорит о том, что гимнастки контрольной группы в течение полугода тренировались по программе и повышали свое мастерство.

Далее мы проанализировали результаты тестирования навыка владения обручем гимнасток, выступающих

в групповых упражнениях, до и после эксперимента. По результатам исследования выявлено, что практически все гимнастки после эксперимента выполнили задания лучше, чем до начала эксперимента. Сравнительные данные итогового тестирования представлены в табл. 4.

Таким образом, гимнастки и контрольной, и экспериментальной групп стали выполнять броски обруча более точно, а также научились бросать предмет новыми способами. Это говорит о том, что согласованность двигательных действий в командах стала выше, что, в свою очередь, значительно влияет на соревновательный результат.

Результаты тестирования навыка владения обручем в групповых упражнениях художественной гимнастики контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента

Задания	Экспериментальная группа		P_0	Контрольная группа		P_0
	До эксперимента	После эксперимента		До эксперимента	После эксперимента	
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$		$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	
1 серия						
Пр	$4,6 \pm 0,08$	$4,71 \pm 0,09$	$\leq 0,05$	$4,38 \pm 0,47$	$4,5 \pm 0,4$	$\leq 0,05$
Л	$4,48 \pm 0,24$	$4,6 \pm 0,2$	$\leq 0,05$	$4,18 \pm 0,59$	$4,3 \pm 0,56$	$\leq 0,05$
2 серия						
Пр	$4,51 \pm 0,24$	$4,58 \pm 0,24$	$\leq 0,05$	$4,31 \pm 0,47$	$4,38 \pm 0,4$	$\leq 0,05$
Л	$4,33 \pm 0,23$	$4,46 \pm 0,22$	$\leq 0,05$	$4,31 \pm 0,4$	$4,33 \pm 0,3$	$\leq 0,05$
3 серия						
Пр	$4,56 \pm 0,22$	$4,65 \pm 0,24$	$\leq 0,05$	$4,36 \pm 0,25$	$4,48 \pm 0,23$	$\leq 0,05$
Л	$4,38 \pm 0,23$	$4,48 \pm 0,2$	$\leq 0,05$	$3,73 \pm 1,84$	$4,36 \pm 0,36$	$\leq 0,05$
4 серия						
Пр	$4,03 \pm 0,1$	$4,15 \pm 0,1$	$\leq 0,05$	$3,65 \pm 0,5$	$3,78 \pm 0,49$	$\leq 0,05$
Л	$3,76 \pm 0,12$	$3,96 \pm 0,13$	$\leq 0,05$	$3,58 \pm 0,38$	$3,68 \pm 0,34$	$\leq 0,05$

На основании полученных результатов нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Нами был определён уровень подготовленности гимнасток, выступающих в групповых упражнениях с обручем, с помощью тестирования. Уровень технической подготовленности контрольной и экспериментальной групп идентичен. Музыкально-ритмический уровень подготовки требует разнообразия в синхронизации движений и музыки. При тестировании координационных способностей результат можно оценить как удовлетворительный. По «Тесту Фирилевой» обе группы показали сравнительно одинаковый результат, интерпретируемый как «отлично» и «хорошо». Самые низкие результаты в обеих группах в четвёртом задании (броски обруча на разное расстояние и различными способами), согласованность двигательных действий в обеих группах развита недостаточно.

2. Нами были разработаны специальные комплексы упражнений для совершенствования согласованности двигательных действий в соревновательной композиции гимнасток 10–11 лет в групповых упражнениях с обручем. Комплексы упражнений включали следующие моменты:

- освоение заданных положений и амплитуд движений тела всей командой;
- воспроизведение всеми участницами команды заданных амплитуд движений в заданном ритме;

– совершенствование пространственной ориентации;

– совершенствование умения перестраивать двигательные соединения;

– совершенствование навыка владения предметом.

3. В результате проведённого эксперимента была доказана эффективность разработанных комплексов упражнений. В тесте «Музыкально-ритмические способности» гимнастки экспериментальной группы стали выполнять значительно меньше ошибок. Повысились показатели в тестах, оценивающих координационные способности гимнасток: улучшения произошли в задании «Ловля линейки правой и левой рукой», в тесте «Динамическое равновесие». Гимнастки экспериментальной группы стали выполнять броски обруча более точно, а также научились бросать предмет новыми способами. Это говорит о том, что согласованность двигательных действий в командах стала выше, что, в свою очередь, значительно влияет на соревновательный результат.

Таким образом, использование разработанных нами комплексов упражнений (специальных заданий) в экспериментальной группе оказывает благоприятное влияние, расширяя двигательные возможности спортсменок, а также способствует повышению уровня подготовленности гимнасток, выступающих в групповых упражнениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Евтушенко Т.А. Особенности формирования согласованности двигательных действий юных танцоров // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 2 (72). С. 82–85.
- Пантелеева Е.А. Оценка предполагаемой результативности выступлений юных гимнасток в групповых упражнениях по психолого-педагогическим характеристикам спортсменок // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 3 (21). С. 236–239.
- Украинец А.В. Отбор квалифицированных спортсменок в команды для участия в соревнованиях по групповым упражнениям с использованием методов психодиагностики // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2007. № 7. С. 144–148.
- Путинцева Е.В. Структура видов подготовки детей 7–8 лет в спортивных танцах : автореф. ... канд. пед. наук. М., 2008. 25 с.
- Бабушкин Г.Д. Психолого-педагогическое обеспечение подготовки спортсменов к соревнованиям : учеб.-метод. пособие для тренеров, спорт. психологов, аспирантов, преподавателей, студентов физкультурных вузов. Омск, 2007. 42 с.
- Вишнякова С.В., Солопов И.Н., Замов Б.М. Совершенствование функциональных возможностей спортсменок на начальных этапах подготовки в художественной гимнастике : учеб.-метод. пособие. Волгоград, 1998. 54 с.
- Чикалова Г.А., Мамзин В.И. Техника и методика обучения базовым броскам упражнениям с обручем в художественной гимнастике : учеб.-метод. пособие. Волгоград, 2002. 45 с.
- Фирилева Ж.Е., Сайкина Е.Г. Танцевально-игровая гимнастика для детей : учеб. пособие для педагогов дошкольных и школьных учреждений. М., 2016. 352 с.
- Горская И.Ю., Суянгүлова Л.А. Базовые координационные способности школьников с различным уровнем здоровья. Омск, 2000. 210 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 31 января 2019 г.

A Study of the Features of Improving the Coordination of Movements in Group Exercises with a Hoop in Girls Aged 10 and 11

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 191–195.

DOI: 10.17223/15617793/446/24

Svetlana V. Safonenko, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: sve21547052@yandex.ru

Keywords: rhythmic gymnastics; group exercises with hoop; coordination of movements; mastering skills; sporting result.

The article presents a study of the problem of finding an effective method of teaching and improving coordination skills in group exercises in rhythmic gymnastics. The aim of the article is to present special exercises developed and experimentally substantiated to improve the coordination of movements in training groups of girls aged 10 and 11 who perform group exercises with a hoop. The study is based on the methods of analysis of scientific and methodological literature, pedagogical observation, testing, pedagogical experiment, methods of mathematical statistics. The author conducted a pedagogical experiment to test the effectiveness of special exercises aimed at improving the coordination of movements in group exercises with a hoop in girls aged 10 and 11. The experiment involved the introduction of sets of exercises into the training process (five series of exercises of different types) to improve the coordination of movements in a competitive performance with a hoop. These sets are aimed at achieving maximum synchronization, accuracy, coordination of movements of all gymnasts in the team, which in turn will positively affect the competitive result. Particular attention in the sets was paid to the following aspects: the mastering of given positions and amplitudes of body movements by the whole team; reproduction of specified amplitudes of movements in a given rhythm by all members of the team; improvement of orientation in space; improvement of the ability to rearrange connections of movements; improvement of the hooping skills. The article also presents practical applications of the proposed exercises. The article provides an analysis of the indicators of musical-rhythmic and coordination training of gymnasts before and after the experiment, as well as an analysis of the judges' scores for making a competitive performance with a hoop. The article confirms the effectiveness of the developed exercises, as evidenced by a comparative analysis of the research results. The gymnasts of the experimental group significantly reduced the number of errors in the test "Musical and Rhythmic Abilities" and increased their indicators in tests assessing coordination abilities, e.g., "Catching a Ruler with the Right and Left Hands", "Dynamic Equilibrium". They also began to perform the hoop throws more precisely and learned to throw it in new ways, which proves an increase in the coordination of movements in the team. Thus, the developed exercises presented in the article have a beneficial effect on the experimental group. They expand the athletes' motor abilities and contribute to the improvement of the gymnasts' preparedness, which helps to improve the coordination of their movements in group exercises with a hoop.

REFERENCES

1. Evtushenko, T.A. (2011) Features of Formation of the Motion Actions Coordination of Young Dancers. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2 (72). pp. 82–85. (In Russian).
2. Panteleeva, E.A. (2015) Assessment of Estimated Productivity of the Young Gymnasts' Performance in Group Exercises According to Psychology and Pedagogical Characteristics of Sportswomen. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 3 (21). pp. 236–239. (In Russian).
3. Ukrainets, A.V. (2007) Selection of Elite Sportsmen for a Team in Group Exercises by Means of Psychodiagnosis Methods. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta – Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports*. 7. pp. 144–148. (In Russian).
4. Putintseva, E.V. (2008) *Struktura vidov podgotovki detey 7–8 let v sportivnykh tantsakh* [The structure of the types of sport dances training for children aged 7 and 8]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
5. Babushkin, G.D. (2007) *Psikhologo-pedagogicheskoe obespechenie podgotovki sportsmenov k sorevnovaniyam* [Psychological and Pedagogical Support for the Preparation of Athletes for Competitions]. Omsk: Siberian State Academy of Physical Culture and Sports.
6. Vishnyakova, S.V., Solopov, I.N. & Zamov, B.M. (1998) *Sovershenstvovanie funktsional'nykh vozmozhnostey sportsmenok na nachal'nykh etapakh podgotovki v khudozhestvennoy gimnastike* [Improving the Functionality of Athletes in the Initial Stages of Training in Rhythmic Gymnastics]. Volgograd: Volgograd State Physical Education Academy.
7. Chikalova, G.A. & Mamzin, V.I. (2002) *Tekhnika i metodika obucheniya bazovym broskam uprazhneniyam s obruchem v khudozhestvennoy gimnastike* [Technique and Methodology for Teaching Basic Throwing Exercises with a Hoop in Rhythmic Gymnastics]. Volgograd: Volgograd State Physical Education Academy.
8. Firileva, Zh.E. & Saykina, E.G. (2016) *Tantseval'no-igrovaya gimnastika dlya detey* [Dance-and-Play Gymnastics for Children]. St. Petersburg: Detstvo Press.
9. Gorskaya, I.Yu. & Suyangulova, L.A. (2000) *Bazovye koordinatsionnye sposobnosti shkol'nikov s razlichnym urovnem zdorov'ya* [Basic Coordination Abilities of Students with Different Levels of Health]. Omsk: Siberian State Academy of Physical Culture and Sports.

Received: 31 January 2019

ПРАВО

УДК 342.4

Е.С. Аничкин, Т.И. Ряховская

«КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»: К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ТЕРМИНА

Рассматривается проблема понимания термина «конституционная идентичность», обнаруживается его двойственная характеристика, связанная в основном с переводом. Предлагается введение термина «конституционная самобытность», который наиболее точно с точки зрения логики и русского языка соответствует смыслу оборота, закрепленного в тексте Договора о Европейском Союзе. Более того, предпринимается попытка уточнения определения этого понятия.

Ключевые слова: конституционная идентичность; конституционная самобытность; конституция; конституционный контроль; традиция; наднациональное право; конституционное право.

В связи с активизацией деятельности наднациональных судебных органов в отечественной и зарубежной государственно-правовой доктрине все чаще и острее ставится вопрос о категории «конституционной идентичности» государства. Однако единой позиции ученых по поводу единого понимания этой категории, пока, не обнаруживается. Отсутствует и легальное определение понятия, которое встречается в пункте 2 статьи 4 Договора о Европейском Союзе: «Союз соблюдает равенство государств-членов перед Договорами, уважает национальную индивидуальность государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местного и регионального самоуправления» [1], но при чтении этого положение в оригинале, обнаруживается, что оно содержит не «национальную индивидуальность», а «national identities» [2], что дословно переводится как «национальные идентичности». Возможно, именно последнее ввел в замешательство отечественную государственно-правовую науку, в которой конституционную идентичность принято понимать, как нечто особенное, присущее только конкретному государству. Однако, «identities», взятое отдельно, переводится как сходство, т.е. ни о каком своеобразии здесь и не говорится.

Целью настоящего исследования как раз и является уточнение понятия «конституционная идентичность».

Понятия «индивидуальность» и «идентичность» – антонимы. Первый термин может трактоваться как «характерная, отличительная особенность, своеобразие чего-либо» [3. С. 43]. Идентичность же рассматривается через значение прилагательного «идентичный (совпадающий с кем-либо, чем-либо, тождественный чему-либо, кому-либо): тождественность, совпадение» [Там же]. Похожая мысль встречается и в словаре иностранных слов: «идентичность (лат. *identicus* “соответственный”) – полная тождественность», а «индивидуальность (лат. *individuum* “неделимое”) – совокупность особенностей, отличающих данное явление, предмет или существо от ему подобных» [4. С. 223, 234]. Таким образом, в официальном переводе Договора, по идее, закономерно используется «индивидуальность» ввиду логики того, что, закреплено в оригинальном тексте.

По этому поводу Жульен Стерк уточняет: конституционную идентичность лучше всего понимать как самостоятельность, т.е. как постоянную способность государств – членов Европейского Союза определять себя в рамках развивающегося процесса европейской интеграции [5]. Он же говорит о сложившейся тенденции противопоставления конституционной идентичности как единообразия и конституционной идентичности как самости, приводящей к тому, что национальные суды могут отдавать предпочтение либо базовому определению основных конституционных особенностей, либо подходу, в котором преобладает способность определять себя [6. Р. 281]. Другими словами, по мнению ученого, рассматриваемый термин имеет два значения. Вопрос в том, каково его конкретное понимание со стороны органа внутригосударственного конституционного контроля, который может трактовать «идентичность» и как схожесть, и как самобытность [7. С. 47].

Л.Ф.М. Бесселинк, анализируя постулаты Лиссабонского договора относительно указанного вопроса, пишет, что обозначенный акт здесь ориентирован на «государственные структуры и акцент смещается от национальной идентичности как таковой до конституционной». И «наиболее важное значение это имеет в отношении степени, в которой государства-члены разрешают или запрещают региональное и местное самоуправление» [8. Р. 42–44]. Полагаем, именно это оказывается одной из составляющих конституционной самобытности.

Кстати, Венгерский Конституционный суд в своем решении от 12 июля 2010 г. по проверке Лиссабонского договора указал, что доктрина конституционного суверенитета должна рассматриваться как источник конституционной самобытности страны и именно она служит ограничением принципа приоритета норм ЕС. Аналогичные решения выносились в Польше (24 ноября 2010 г.), где к конституционной самобытности относят положения разделов 1, 2 и 12 Конституции 1997 г. (принципы конституционного строя, права и свободы граждан, поправки к Основному закону), и Чехии (8 марта 2006 г.) [9. Р. 18–19]. Как можно наблюдать, некоторые зарубежные органы конституционного контроля взяли за основу именно идею о неповторимости содержания своих основных

законов, обозначив это термином «конституционная самобытность».

Дайний Жалимас, представитель литовской юриспруденции, характеризуя конституционную идентичность Литвы, предполагает, что она основана на такой фундаментальной конституционной ценности, как уважение к естественным правам человека, государственной независимости и демократии, и должна восприниматься в более широком контексте как неотъемлемая часть западной демократической конституционной идентичности [10. Р. 48]. И в данном случае наблюдается, что категория «конституционная идентичность» употребляется как «тождественность».

Испанский ученый П. Бон, выделил с лингвистической точки зрения в понятии «идентичность» два значения, в которых оно употребляется: 1) синоним специфичности (важная сторона фундаментальных начал, защита которой обеспечивается ссылкой на национальную или конституционную идентичность, является особенной, присущей именно данной стране и не характерной для других стран – членов Европейского Союза (как, например, дело, связанное с отменой дворянских званий в Австрии)); 2) синоним тождества, когда одна вещь является тем же самым, что и другая (в качестве составной части национальной или конституционной идентичности под защитой оказываются институты и ценности, являющиеся по сути общими для государств-членов, как в случае защиты фундаментальных основ конституционного строя, к которым относятся, например, принципы правового государства, демократического государства, защита прав и свобод человека) [7. С. 47].

В России и странах СНГ чаще используется термин «конституционная идентичность» в первом значении, что находит свое отражение в трудах известных ученых, а также в практике Конституционного Суда РФ.

Так, Т.А. Васильева о данной концепции говорит, что этот термин допускает наличие у государств – членов Союза таких конституционных особенностей, которые выделяют их из числа других государств [11. С. 318].

Конституционная идентичность, как пишет С.П. Чигринов, – явление многоаспектное, включающее: 1) политико-правовую природу государства (форма правления, политико-территориальное устройство, политический режим); 2) наличие конституционного ядра, т.е. норм и принципов, обладающих абсолютным характером; 3) обеспечение второго гарантий вечности. Конституционная идентичность является одним из основных факторов, определяющих ценностные доминанты индивидуального конституционного правосознания и конституционной культуры как общесоциального явления [12. С. 36]. В этом определении акцент поставлен на содержании (элементах) понятия, а не на его сущности. Однако, полагаем, указанное может вызывать сомнения.

По первому параметру характеристики государства с точки зрения теории государства и права успешно подразделяются на виды и могут полностью или частично совпадать. Например, конституционно в Туркменистане (ст. 1), Таджикистане (ст. 1) и Ка-

захстане (ч. 1 ст. 2) – присутствует указание на республиканскую форму правления, которая названа «президентской».

По второму параметру видится, что указанная формулировка весьма размыта: предложенное ученым может также содержать постулаты о правах человека, которые ввиду сотрудничества государств и общих международно-правовых актов будут совпадающими. В частности, и в Республике Казахстан (ч. 2 ст. 18 Конституции Казахстана) и в Республике Узбекистан (ст. 36 Основного закона Узбекистана) устанавливается право каждого на тайну личных вложений и сбережений, помимо традиционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

По третьему параметру, как представляется, не все Конституции мира содержат положения о своей неизменности, что вовсе не означает отсутствие их самобытности. Так, в Узбекистане и в Киргизии отсутствуют указания на неизменность положений Основного закона, делая их более гибкими относительно описанных.

Вместе с тем в современном мире, как говорит В.Д. Зорькин, не может быть одинаковых конституционных идентичностей в разных государствах, впрочем, как и не может быть абсолютно одинаковых конституционных ценностей. Причем в процессе взаимодействия с другими государствами, проходя этап «согласования» своей правовой системы с международными обязательствами, должна сохраняться ее открытость к новым положительным изменениям и устойчивость, не позволяющая размывать национальные конституционные нормы и гарантии прав человека [13. С. 27]. Полагаем, что могут иметь место одинаково написанные нормы, содержащиеся в одной и той же форме, но с разным восприятием субъектами реализации права. И, говоря в данном контексте о рассматриваемом явлении, В.Д. Зорькин на самом деле описывает, чем государства могут отличаться друг от друга, тем самым имея в виду конституционную самобытность, а не схожесть.

Г.А. Гаджиев считает, что доктрина конституционной идентичности в первую очередь предполагает нетекстуальное понимание конституционных изменений, использование достижений современной герменевтики, которая уже давно вышла за пределы толкования исключительно текстов. По его идее, в защите нуждаются только особо защищенные части конституционного текста, составляющие системообразующее ядро национального конституционного порядка, методологию распознавания которых еще предстоит создать [14. С. 32]. Исходя из изложенного, спорным кажется утверждение, что другие положения конституции (рядовые) не нуждаются в особой защите. Кроме того, прежде чем создать методологию распознавания «ядерных традиций», полагаем, следует определиться с терминами и их значениями.

В то же время некоторые авторы, в частности Д.А. Подольян, уточняют, что в Российской Федерации уже сформировалась доктрина конституционной идентичности. По мнению Д.А. Подольян, конституционная идентичность – универсальная интегрирую-

щая категория, отражающая всю правовую организацию идентичной правовой системы государства, его целостную правовую действительность, особенности конституционного строя государства, играющая ключевую роль в системе ценностей [15. С. 98]. Однако спорным является утверждение о сформированности доктрины конституционной идентичности, так как анализ существующих научных трудов по этому вопросу выявляет отсутствие конкретизации данного термина. Здесь же можно наблюдать и переплетение индивидуальности (самобытности) и идентичности (универсальности). По идее, особенное не может быть универсальным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П [16] можно обнаружить, что используется термин «национальная конституционная идентичность», но впоследствии встречается «конституционная идентичность» – формулировка, которая, по мнению Суда, содержит в первую очередь нормы о фундаментальных правах, нормы об основах конституционного строя. Однако представляется, что это понятие значительно шире и не получило здесь «полного раскрытия» ввиду иной задачи органа конституционной юстиции в рамках вынесения этого Постановления. Более того, в правовой позиции Конституционного Суда оно видится не конкретным: по смыслу напрашивается «конституционная самобытность», а употребляется «конституционная идентичность», причем перечисленное представленным органом может совпадать и с другими государствами и не быть абсолютно уникальным: подобное наблюдается в практике органов конституционного контроля Италии, ФРГ, Франции и др.

В Постановлении от 19.01.2017 № 1-П [17] рассматриваемый термин встречается в следующем контексте: «...от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правовом порядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации», – отсюда напрашивается вывод, что именно в Основном законе закрепляются вопросы, связанные с конкретизацией данного понятия. В то же время представляется, что Суд использует «идентичность» в контексте сходства, которое предопределено для государств, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Несколько иное значение приобретает «конституционная идентичность» в Постановлении от 06.12.2018 № 44-П [18], и из его смысла следует, что без разрешения связанных с конституционными началами вопросов о территориях субъектов Российской Федерации, включая республики, невозможна полноценная кон-

ституционно-правовая идентичность субъектов Российской Федерации как публично-правовых территориальных образований в федеративном государстве [18]. Опять же «идентичность» может быть воспринята здесь как параметр сходства, следуя которому определяются субъекты России.

Президентом РФ В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г., по нашему мнению, наиболее удачно выбран иной термин, который упоминался в рамках необходимости строить международное общение на основе базовых принципов: равноправия, прагматизма и взаимного уважения, сохранения национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц (что было упомянуто в контексте предстоящей активизации работы Евразийского экономического союза) [19]. Интересно, что использовался именно термин «национальная самобытность». Раскрывая его значение, обнаруживаем, что трактуется он через прилагательное самобытный – «своеобразный, не похожий на других, идущий своими путями. Самостоятельный в своем развитии» [20. С. 618]. И в изложенном случае, полагаем, этот терминологический оборот использовался не только в этнологическом, но и в правовом смысле, т.е. означал конституционную самобытность, которую можно обнаружить не только в конкретных конституционно-правовых нормах, но и в духе Основного закона.

На данный момент в науке конституционного права лишь К.В. Карпенко употребляет термин «конституционная самобытность», переводя положение ранее указанного договора (constitutional identity), который предлагается понимать как уникальность и неповторимость государства по сравнению со всеми прочими [21. С. 272].

Резюмируя изложенные позиции, если следовать логике зарубежных авторов, то конституционная идентичность в основном может восприниматься именно как конституционная самобытность. В отечественной государственно-правовой доктрине это понятие по-прежнему остается предметом дискуссий и неточностей, которые связаны в первую очередь с некорректным переводом положений Лиссабонского договора. Однако, несмотря на то что Россия не является членом Европейского Союза, конкретизация данного оборота и его легальное закрепление позволили бы более плодотворно взаимодействовать в Совете Европы и не иметь сложностей во взаимоотношениях с Европейским Судом по правам человека.

По нашему мнению, Конституция Российской Федерации – форма закрепления некоторых положений конституционной идентичности и самобытности: некоторые нормы соответствуют требованиям общепризнанных принципов и норм международного права, а иные – являются исключительными, особенными, характерными только для отечественного государства.

Для конституционной идентичности характерно рецепирование конституционно-правовых норм, их универсализация. А для самобытности – национальная преемственность, традиция.

Конституционную самобытность было бы не корректно воспринимать лишь как исключительно нормативные постулаты, охраняемые принципом невмешательства во внутренние дела государства. Эта категория отражает не только формально определенные правила-поведения, хотя их и можно было бы в таком случае назвать «конституционным ядром». Это еще и правовая деятельность Конституционного Суда, которая создает динамику конституционно-правовых норм без изменения их формы, тем самым обеспечивая постоянное конституционно-правовое развитие государства, посред-

ством создания динамической стабильности норм Конституции.

Категория конституционной самобытности включает также и национальный интерес, который может быть переменным в зависимости от этапа исторического развития государства и его устремлений, и правовое сознание.

Таким образом, категории «конституционная идентичность» и «самобытность» разнонаправлены и не тождественны друг другу, а следовательно, направляется необходимость дальнейшей проработки их признаков и разграничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст (прекратил действие). URL: <http://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz5o2kxt0px> (дата обращения: 16.03.2019).
2. Договор о Европейском Союзе. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 7: И – КАЮР. М.; СПб.: Наука, 2007.
4. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
5. Sterck J. Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity // UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies Research Paper No. 03061213 (материал размещен: 21 May 2014). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204 (дата обращения: 16.03.2019).
6. Sterck J. Sameness and Selfhood: The Efficiency of Constitutional Identities in EU Law // European Law Journal. 2018. Vol. 24, is. 4–5. P. 281–296.
7. Бон П. Национальная или конституционная идентичность – новое юридическое понятие / пер. Г.Н. Андреева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 42–47.
8. Besselink L.F.M. National and constitutional identity before and after Lisbon // Utrecht Law Review. 2010. Vol. 6, is. 3. P. 36–49.
9. Golecki M. Judicial dialogue and the new doctrine of constitutional sovereignty in judgments of central European constitutional courts // IX Word congress of constitutional law (Oslo, 16–20.06.2014). Warszawa, 2015. P. 18–19.
10. Dainius Žalimas. The interaction between the constitutional identity of Lithuania and the protection of human rights // Jurisprudencija. 2017. 24 (1). P. 35–49.
11. Васильева Т.А. Верховенство права ЕС и уважение национальной идентичности государств – членов Союза // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения = Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's readings: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.) / отв. ред. М.В. Немытина. М.: РУДН, 2018. С. 313–318.
12. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 32–38.
13. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика (доклад на международной конференции в Конституционном суде Российской Федерации (СПб., 16 мая 2017 г.)) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 7–30.
14. Гаджиев Г.А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12. С. 31–34.
15. Подолян Д.А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4. С. 94–100.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального Закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального Закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание Законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации Постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против России» в связи с запросом министерства юстиции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия». URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2019).
19. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. № 278.
20. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 15-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1984.
21. Карпенко К.В. Конституционная самобытность как расширение предмета конституционного права // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная-научно-практическая конференция (Кулафинские чтения): материалы конф.: в 4 ч. М.: Проспект, 2016. Ч. 1. С. 271–277.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 июня 2019 г.

“Constitutional Identity”: On the Specification of the Term

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 196–201.

DOI: 10.17223/15617793/446/25

Evgeniy S. Anichkin, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: rrd231@rambler.ru

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: constitutional identity; constitutional originality; constitution; constitutional control; tradition; supranational law; constitutional law.

The authors analyze the opinions established in the domestic and foreign doctrine on the definition of the concept “constitutional identity”. Scholars still do not have a single opinion on this issue, and there is no legal interpretation of this term. This is due to the inaccuracy of the translation of the Treaty on the European Union, in which it is used for the first time. The urgency of specifying this concept is primarily associated with the intensification of the activities of supranational judicial bodies. Despite the fact that Russia is not a member of the European Union, the specification of the concept would also allow for a more fruitful interaction in the Council of Europe, and when dealing with the European Court of Human Rights. That is why the aim of this study is to clarify the meaning of the term “constitutional identity”. The study is based on theoretical works by foreign (L.F.M. Besselink, D. Žalimas, J. Sterck, P. Bonaire, S.P. Chigrinov) and Russian (T.A. Vasilyeva, G.A. Gadzhiev, V.D. Zorkin, K.V. Karpenko, D.A. Podolyan) authors. The methodological basis of the study was dialectic, formal-logical and formal-legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the term “constitutional identity” in its formation and development. The formal-logical method contributed to distinguishing between the concepts “constitutional identity” and “constitutional originality”. The formal-legal method helped show the ambiguity of the language fixed in the norms. The study revealed that, if we follow the logic of foreign authors, constitutional identity, basically, can be perceived as constitutional originality. In the Russian state legal doctrine, this concept is still the subject of inaccuracies, which are primarily associated with the incorrect translation of the provisions of the Treaty on the European Union. As a result, it is proposed to pay attention to the fact that constitutional identity and originality are different, although they have a common form of consolidation, which is the Constitution of the Russian Federation. Constitutional identity is characterized by the reception of constitutional legal norms, their universalization, while originality is characterized by continuity. The authors assume that the category of constitutional originality includes the national interest, which can vary depending on the stage of the historical development of the state and its aspirations, which allows considering this category as a developing one.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2007) *Dogovor o Evropeyskom Soyuze (Maastrikht, 7 fevralya 1992 g.) (v red. Lissabonskogo dogovora 2007 g.)*. Konsolidirovannyi tekst (prekratil deystvie) [Treaty on the European Union (Maastricht, February 7, 1992) (as amended by the Lisbon Treaty 2007). Consolidated text (terminated)]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/2566557/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/#ixzz5o2kxt0px>. (Accessed: 16.03.2019).
2. EUR-lex. (2012) *Dogovor o Evropeyskom Soyuze* [Treaty on the European Union]. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>. (Accessed: 16.03.2019).
3. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2007) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 7. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
4. Moskvina, A.Yu. (ed.) (2006) *Bol'shoy slovar' inostrannykh slov* [A large dictionary of foreign words]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
5. Sterck, J. (2014) Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity. *UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies*. Research Paper No. 03061213. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204. (Accessed: 16.03.2019).
6. Sterck, J. (2018) Sameness and Selfhood: The Efficiency of Constitutional Identities in EU Law. *European Law Journal*. 24 (4–5). pp. 281–296.
7. Bon, P. (2016) *Natsional'naya ili konstitutsionnaya identichnost' – novoe yuridicheskoe ponyatie* [National or constitutional identity, a new legal concept]. Translated from Spanish by G.N. Andreeva. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 42–47.
8. Besselink, L.F.M. (2010) National and constitutional identity before and after Lisbon. *Utrecht Law Review*. 6 (3). pp. 36–49.
9. Golecki, M. (2015) Judicial dialogue and the new doctrine of constitutional sovereignty in judgments of central European constitutional courts. *IX Word Congress of Constitutional Law. Contributions by Polish Scholars*. Oslo, 16–20 June 2014. Warszawa: Biuro Trybunału Konstytucyjnego. pp. 18–19.
10. Žalimas, D. (2017) The interaction between the constitutional identity of Lithuania and the protection of human rights. *Jurisprudencija*. 24 (1). pp. 35–49.
11. Vasil'eva, T.A. (2018) [The rule of law of the EU and respect for the national identity of the Member States of the Union]. *Tendencies of development of law in sociocultural space. Zhidkov's Readings*. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 24–25 March 2017. Moscow: RUDN. pp. 313–318. (In Russian).
12. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 3 (58). pp. 32–38. (In Russian).
13. Zor'kin, V.D. (2017) *Konstitutsionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika* (doklad na mezhdunarodnoy konferentsii v Konstitutsionnom sude Rossiyskoy Federatsii (SPb., 16 maya 2017 g.)) [The constitutional identity of Russia: doctrine and practice (report at an international conference in the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, May 16, 2017))]. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva*. 12. pp. 7–30.
14. Gadzhiev, G.A. (2017) O sudebnoy doktrine konstitutsionnoy identichnosti [On the judicial doctrine of constitutional identity]. *Sud'ya*. 12. pp. 31–34.
15. Podolyan, D.A. (2017) The formation of the doctrine of constitutional identity. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskii vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 4. pp. 94–100. (In Russian). DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-4-94-100
16. Russian Federation. (2015) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P of 14 July 2015 “On the verification of the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and Its Protocols, Paragraphs One and Two of Article 32 of the Federal Law On International Treaties of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 11, Paragraph Four of Part Four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 13, Paragraph Four of Part Three of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Parts One and Four of Article 15, Paragraph Four of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Paragraph

Two of Part Four of Article 413 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the request of the State Duma deputies group". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 4658. (In Russian).

17. Russian Federation. (2017) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P of 19 January 2017 "On resolving the issue of the possibility of enforcement, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, of a ruling of the European Court of Human Rights of July 31, 2014 in the case of OJSC Oil Company Yukos v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 5. Art. 866. (In Russian).
18. Constitutional Court of the Russian Federation. (2018) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 44-P of 6 December 2018 "On the verification of the constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia On Approval of the Agreement on the Establishment of a Border Between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic and the Agreement on the Establishment of a Border Between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic in connection with request of the Head of the Republic of Ingushetia"*. [Online] Available from: <http://www.pravo.gov.ru>. (Accessed: 1104.2019). (In Russian).
19. *Rossiyskaya gazeta*. (2014) Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 04.12.2014 [Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 04 December 2014]. 278.
20. Ozhegov, S.I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words]. 15th ed. Moscow: Rus. yaz.
21. Karpenko, K.V. (2016) [Constitutional identity as an extension of the subject of constitutional law]. *Razvitie rossiyskogo prava: novye konteksty i poiski resheniya problem. III Moskovskiy yuridicheskiy forum* [Development of Russian law: new contexts and the search for solutions to problems]. Proceedings of the 10th International Conference. In 4 parts. Pt. 1. Moscow: Prospekt. pp. 271–277. (In Russian).

Received: 14 June 2019

А.В. Архипов

СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ «ИЗЪЯТИЕ» И «ОБРАЩЕНИЕ» ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ХИЩЕНИЯ

Рассматривается проблема определения содержания терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества, с помощью которых обозначается преступное деяние в легальном определении хищения, данном в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ. Анализируются точки зрения по указанной проблеме, существующие в доктрине уголовного права, новеллы уголовного законодательства и судебная практика. Делается вывод о том, что в последние годы содержание указанных терминов существенно расширилось в связи с изменением представления о предмете хищения.

Ключевые слова: хищение; изъятие; обращение; действие; бездействие.

В пункте 1 примечания к ст. 158 УК РФ при описании объективной стороны хищений законодатель использует термины «изъятие» и «обращение». Именно изъятие чужого имущества у собственника (владельца) и обращение его в пользу виновного или иного лица являются сутью хищения. Без них хищение не может считаться не только оконченным, но и вообще совершенным даже в тех случаях, когда виновным производятся какие-то иные действия, направленные на изъятие и обращение чужого имущества (например, обман при мошенничестве).

Изъятие является существительным производным от глагола изъять, обозначающим исключение чего-либо, устранение, а также вообще удаление [1. С. 120]. В науке уголовного права понятие изъятия определяется по разному. Так, например, Н.А. Лопашенко определяет изъятие как исключение имущества из владения собственника или законного владельца, устранение (удаление) последнего [2. С. 126]. С.А. Елисеев выделяет две стороны изъятия имущества – фактическую и юридическую. Под фактической стороной изъятия он понимает исключение имущества из сферы вещественного, имущественного обладания потерпевшего, а под юридической – умаление меры юридической власти, правового господства, закрепленной за субъектом-собственником того или иного имущества [3. С. 27].

Легальное определение хищения появилось в современном российском уголовном законодательстве в 90-х годах прошлого века. В те времена обязательность вещного признака имущества как предмета хищения под сомнение не ставилась, в связи с чем описание объективной стороны хищения в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ было дано с учетом того, что предметом хищения может быть только вещь. Представляется, что изначальное значение термина «изъятие», которое было вложено в него законодателем в момент принятия УК РФ, заключалось в простом перемещении виновным в пространстве похищаемой им вещи. При таком понимании рассматриваемого термина выстраивалась конструкция, при которой в одних случаях похищаемое движимое имущество потерпевшего, а затем присваивалась, т.е. обращалось в свою пользу или в пользу иного лица (как правило, это имело место при краже, мошенничестве, грабеже или разбое), в других случаях имущество обращалось в

пользу виновного или иных лиц без его физического перемещения виновным в пространстве, т.е. без изъятия (присвоение и растрата). Все что не укладывалось в приведенную схему, не должно было признаваться хищением, а для случаев незаконного завладения объектами гражданских прав, не имеющими физического признака, дабы не отходить от обязательности физического (вещного) признака имущества, было использовано понятие «приобретение права на имущество».

Порочность данной конструкции была быстро осознана исследователями. Так, еще в начале 2000-х гг. А.И. Бойцов обратил внимание на то, что изъятие чужого имущества толкуется законодателем в узко физическом смысле как противоправное извлечение (исключение, удаление, выведение) имущества из владения собственника с одновременным переводом его в фактическое незаконное обладание похитителя или других лиц. При этом он отмечал, что «трактовка изъятия как внешнего процесса воздействия на похищаемое имущество, связанного с извлечением имущества с места постоянного или временного его местонахождения и его унесением, ограничена правосознанием прошлого». Продолжая свою мысль, А.И. Бойцов приходит к выводу о том, что изъятием можно считать не только физическое извлечение и удаление из обладания какого-либо лица, но и юридическое обособление имущества, которое фактически уже находилось в обладании виновного на законных основаниях, а также «юридическое» изъятие, которое имеет место в случаях мошеннического завладения различного рода товаровладельческими документами, передача которых согласно ч. 3 ст. 224 ГК РФ приравнивается к передаче вещи, а также завладение объектами недвижимости [4. С. 227].

З.А. Незнамова пишет о физическом и юридическом изъятии. При этом при физическом изъятии движимая вещь перемещается в пространстве, а при юридическом изъятии происходит переход собственности на недвижимое имущество, смена собственника [5. С. 269].

Представляется, что подход к определению термина «изъятие», предложенный указанными авторами, наиболее соответствует существующим реалиям и потребностям современной экономики, однако следует признать, что предложенное понимание изъятия во всех его разновидностях (физическом, формальном и

юридическом) противоречит действующей редакции п. 1 примечания к ст. 158 и ч. 1 ст. 159 УК РФ. Выделение в законе права на имущество в качестве отдельного предмета преступлений против собственности и противопоставление приобретения права на имущество хищению имущества препятствует квалификации противоправного оформления права на недвижимое имущество как хищения.

В последние годы с изменением понимания предмета хищения произошло и изменение понимания термина «изъятие». Так, применительно к хищению безналичных денежных средств под их изъятием понимается списание данных средств со счета потерпевшего. Очевидно, что никакого перемещения имущества в данном случае не происходит и не может произойти, так как безналичные денежные средства не материальны. Все, что происходит в реальной действительности, – это лишь изменение цифры в одной из граф бухгалтерской документации банка. Аналогичная ситуация имеет место при хищении бездокументарных ценных бумаг. Представляется, что для случаев хищения именных ценных бумаг и прав требования изъятием следует считать заключение договора цессии, условием которого является отчуждение соответствующих прав потерпевшим, а при хищении ордерной ценной бумаги изъятие происходит посредством нанесения на нее индоссамента.

Обращение является существительным производным от глагола обратить. Глагол обратить имеет множество значений, наиболее близким из которых для определения понятия хищения может быть такое значение, как «употребить, дать чему-нибудь назначение (например, обратить средства на улучшение оборудования)» [1. С. 434]. В уголовном праве под обращением понимается установление фактического незаконного господства виновного над чужим имуществом [6. С. 13], замена собственника или законного владельца на незаконного пользователя [7. С. 72] и т.п.

Существенным образом отличаются мнения ученых о том, обязательно ли для квалификации деяния как хищения и изъятие имущества, и его обращение в свою пользу, или окончанным хищением может быть признано в определенных случаях любое из этих деяний в отдельности. Поводом для возникновения данного спора послужило использование законодателем в определении хищения между терминами «изъятие» и «обращение» соединительного союза «и» и разделительного союза «или». Указанная редакция позволила некоторым авторам сделать вывод о том, что хищением может считаться изъятие имущества, обращение имущества, а также изъятие и обращение имущества [8. С. 190]. Другие авторы полагают, что в одних случаях (кража, грабёж) хищение должно включать в себя и изъятие чужого имущества, и его обращение виновным в свою пользу или в пользу третьих лиц, в случаях же мошенничества, присвоения и растраты изъятия чужого имущества не происходит, поскольку либо потерпевший сам передает имущество виновному (мошенничество), либо на момент начала реализации объективной стороны имущество уже находится во владении виновного (присвоение и растрата), а значит, хищение в таких случаях с объективной сто-

роны будет выражаться только в обращении чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц [6. С. 12; 9. С. 391; 10. С. 539]. Третьи полагают, что изъятие и обращение имущества представляют собой стадии совершения хищения и в отдельности характеризовать хищение не могут. Использование законодателем между ними разъединительного союза «или» сторонники этой точки зрения объясняют желанием подчеркнуть противоправный характер обоих стадий хищения [2. С. 126]. Следует согласиться с С.А. Елисеевым, полагающим, что такое разнообразие в интерпретации характера действий при хищении не может способствовать единообразному применению закона [3. С. 36].

В какой бы форме не совершалось хищение, оно всегда сопряжено с уменьшением имущественной массы собственника или владельца имущества. Имущественная масса потерпевшего состоит не только из того имущества, которым он непосредственно владеет в момент совершения у него хищения, но и из имущества, переданного им другим лицам, но продолжающего оставаться его собственностью. Таким образом, при хищении имущества у потерпевшего оно всегда исключается из его имущественной массы, просто в одних случаях изъятие этого имущества происходит лицом, у которого оно уже находится на момент начала реализации объективной стороны преступления, путем обособления этого имущества от иного имущества потерпевшего (присвоение, растрата, некоторые случаи краж), в других случаях исключение имущества из обладания потерпевшего производится не виновным лицом, а самим введенным в заблуждение потерпевшим (мошенничество). К сожалению, приведенная точка зрения не соответствует буквальному толкованию понятия хищение, данному в примечании к ст. 158 УК РФ. Представляется, что законодатель, ставя между изъятием и обращением разделительный союз «или», допустил возможность совершения хищения только путем обращения имущества в пользу виновного и других лиц. Довод о том, что союз «или» использовался для того, чтобы подчеркнуть противоправный характер и изъятия, и обращения, выглядит несколько надуманным. Несоответствие легального описания объективной стороны хищения его реальному механизму, по нашему мнению, является аргументом в пользу необходимости законодательного реформирования п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ.

При совершении мошенничества потерпевший под воздействием обмана либо сам передает имущество виновному, либо не препятствует виновному его забрать. В последнем случае изъятие производится посредством совершения активных действий виновным. В первом же случае активные действия, связанные с непосредственным исключением похищаемого имущества из сферы имущественного обладания потерпевшего, совершает сам потерпевший, но говорить об отсутствии изъятия при таких обстоятельствах нельзя. Представляется возможным в данном случае провести параллель с передачей имущества потерпевшим по требованию преступника при разбое или насильственном грабеже. И в том и в другом случае потер-

певший под воздействием преступника сам передает ему имущество, и в обоих случаях действует не по доброй воле. Разница лишь в том, что при мошенничестве воля преступника искажена обманом, а при разбое или насильственном грабеже сломлена насильем или угрозами его применения. При таких обстоятельствах отрицание наличия изъятия имущества при мошенничестве означает отрицание его наличия и в приведенных примерах разбоя и грабежа.

Общим признаком изъятия и обращения, исходя из легального определения хищения, является его противоправность. Трудно не согласиться с С.А. Елисеевым, считающим данный признак излишним [3. С. 36]. Очевидно, что противоправность является признаком любого преступления и какой-либо необходимости в указании на данный признак в легальном определении хищения не имеется.

Следующим признаком хищения является безвозмездность его изъятия. Данный признак означает, что имущество исключается из имущественной массы потерпевшего без предоставления ему соразмерного эквивалента. В литературе также встречается точка зрения, согласно которой данный признак является излишним. Так, С.М. Кочои пишет об отсутствии необходимости включения в определение хищения признака безвозмездности, кроме прочего потому, что на безвозмездность указывает общественно опасное последствие, характерное для хищения (реальный ущерб), которое не может наступить при возмездном завладении чужим имуществом [11. С. 103]. На наличие взаимосвязи между безвозмездностью и ущербом указывает и П.С. Яни [12].

Очевидно, что безвозмездным является изъятие чужого имущества без предоставления потерпевшему чего-либо взамен. Сложнее обстоят дело, когда речь идет об изъятии чужого имущества с предоставлением взамен иного имущества. Такая ситуация нередко имеет место при совершении мошенничества, например, когда преступник использует в качестве способа совершения преступления обман, передавая за плату потерпевшему товар, явно не соответствующий заявленной стоимости ввиду отсутствия нужных покупателю характеристик, однако имеющий какую-то цену. Пленум Верховного Суда РФ признал наличие в таком случае безвозмездности изъятия [13]. Предпринималась попытка оспорить конституционность положений закона в этой части, но Конституционный Суд РФ не нашел оснований для вмешательства [14]. Довольно точно, на наш взгляд, определил безвозмездность изъятия П.С. Яни, указавший, что признак безвозмездности должен пониматься как «отсутствие в момент изъятия имущества, направленного на причинение собственнику (владельцу) имущества ущерба, эквивалентного возмещения» [15].

В случае если собственнику (иному владельцу) имущества был представлен эквивалент изъятых, признак безвозмездности отсутствует. Таким эквивалентом может быть имущество (например, деньги вместо изымаемой индивидуально определенной вещи), право на имущество, а также иные действия имущественного характера, например, трудозатраты или услуги. Так, признак безвозмездности будет отсутствовать в том случае, если лицо, организовав

фиктивное трудоустройство в организацию, скажем, своего родственника, получало за него заработную плату, но при этом выполняло тот объем работы, который должен был бы выполнить фиктивно трудоустроенный родственник.

Отметим, что, исходя из буквального толкования п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ, безвозмездность является признаком только изъятия, но не обращения. Как следует расценивать такую формулировку? Если это означает, что по замыслу законодателя хищение, совершенное только путем обращения чужого имущества, может быть безвозмездным, то каким образом в таком случае причиняется ущерб собственнику или иному владельцу имущества? Если же это означает, что хищение предполагает обязательное наличие безвозмездного изъятия чужого имущества, то непонятно для чего в легальном определении хищения между изъятием и обращением поставлен разделительный союз «или»? Очевидно, что данная формулировка является еще одним недостатком легального определения хищения, затрудняющим уяснение его содержания.

Обращение чужого имущества при хищении может производиться как в пользу виновного, так и в пользу других лиц. И если с обращением похищаемого имущества в пользу виновного все более или менее ясно, то включение в легальное определение указания на возможность обращения изъятых у потерпевшего имущества в пользу других лиц вызывает споры. Ряд авторов [16. С. 10–11; 17] полагают, что такое указание, по сути, означает законодательное закрепление «бескорыстного хищения». Действительно, закон не делает каких-либо ограничений относительно круга лиц, в пользу которых может быть совершено обращение изъятых при хищении имущества, что в свою очередь означает возможность признания хищением обращение виновным имуществом в пользу лиц (в том числе юридических), материальное положение которых для виновного безразлично (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»).

В науке уголовного права традиционно считается, что хищение может быть совершено только путем совершения действий. Данное утверждение принимается, как правило, аксиоматично, в связи с чем глубокому анализу не подвергается. Так, например, Н.А. Лопашенко пишет: «...невозможно себе представить хищение, вымогательство или угон, совершенные путем бездействия» [2. С. 57]. С.М. Кочои утверждает, что «хищение... всегда активное поведение» [18]. Между тем признать справедливость приведенных утверждений можно не всегда. Безусловно, в случаях, когда предметом хищения является имущество, имеющее материальную форму, похитить его без совершения каких-либо действий невозможно. Но аналогично ли складывается ситуация, когда предметом хищения является имущество, материальной формы не имеющее, например, безналичные денежные средства?

Так, если способом совершения мошенничества является не активный, а пассивный обман, представляю-

щий собой бездействие, действия виновного могут быть связаны только с получением имущества от потерпевшего (например, получение излишне выданной сдачи у продавца, предоставление реквизитов банковского счета для перечисления безналичных денежных средств). В том же случае, когда при совершении хищения безналичных денежных средств реквизиты банковского счета виновного были известны потерпевшему до начала реализации объективной стороны преступления (например, были переданы виновным потерпевшему ранее при совершении правомерных действий), а мошенничество совершается путем пассивного обмана, на стадии изъятия имущества виновным никаких действий не совершается. Например, предприниматель узнает о том, что его контрагент, который ранее неоднократно перечислял безналичным путем денежные средства на его расчетный счет, допустил опечатку в платежном поручении банку, в результате которой сумма, которая действительно должна была быть ему перечислена, была увеличена в десять раз. Решив похитить денежные средства контрагента, он, действуя недобросовестно (а значит, в нарушение норм гражданского законодательства, например, ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 10 ГК РФ и др.), не сообщает ему о выявленной ошибке, в результате чего безналичные деньги списываются банком со счета контрагента и зачисляются на счет виновного. Заканчивается изъятие

безналичных денежных средств их списанием с банковского счета потерпевшего, обращение похищенных денежных средств производится путем их зачисления на банковский счет виновного, при этом никаких действий со стороны самого виновного не требуется. Таким образом, в процессе реализации всей объективной стороны хищения ни одного телодвижения виновный не совершает и никому никакую информацию не передает. Очевидно, что назвать такое преступное деяние действием нельзя, поскольку у него отсутствует как материальное, так и идеологическое содержание. Квалифицировать данное деяние не как мошенничество, а, например, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), равно как и считать его вообще уголовно ненаказуемым, оснований нет, поскольку все признаки хищения здесь имеют место. Остается только одно, признать, что в данном случае хищение было совершено путем бездействия. Уголовный закон не содержит указаний на то, что хищение может быть совершено только посредством совершения действий. Более того, законодатель прямо описал в законе случай мошенничества, который, как правило, и совершается путем бездействия. Речь идет о мошенничестве при получении выплат, совершенном путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1990. 921 с.
2. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. 528 с.
3. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 176 с.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. 775 с.
5. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М. : Норма, 2001. 960 с.
6. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2011. 184 с.
7. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Авторский курс: в 4 кн. Кн. II: Общая теория хищений. Виды хищений. М. : Юрилитинформ, 2019.
8. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части : краткий курс. М. : КОНТРАКТ ; Волтерс Клувер, 2010. С. 190, 192.
9. Уголовное право: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана. М. : Юриспруденция, 1999.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010.
11. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Профобразование; АНТЕЯ, 2000.
12. Яни П.С. Квалификация хищений: момент окончания, безвозмездность, ущерб // Законность. 2015. № 12. С. 43–47.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2009 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Яни П. Понятие хищения конституционно // Закон. 2011. № 1. С. 43–51.
16. Уланова Ю.Ю. Общие признаки хищения в составе кражи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
17. Складов С. Неопределенность понятия и однозначность нормы // Правосудие в Восточной Сибири. 2002. № 1–2. С. 5–6.
18. Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 104–110.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 мая 2019 г.

The Content of the Terms “Seizure” and “Appropriation” of Another’s Property as Elements of the Objective Side of the Theft

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 202–206.

DOI: 10.17223/15617793/446/26

Andrey V. Arkhipov, Tomsk Regional Court (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aav180@mail.ru

Keywords: theft; seizure; appropriation; action; inaction.

The article is devoted to the problem of clarifying the content of the concepts “seizure” and “appropriation”, with the help of which the legislator determines the criminal act in the legal definition of theft referred to in Paragraph 1 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the chosen topic is due to recent significant changes in the under-

standing of the objective side of theft. The changes were caused by the expansion of the subject matter of the crimes under consideration at the legislative and law enforcement levels. In the article, the author aims to identify the indicated changes and, with their consideration, to determine the current content of the terms in question. On the basis of the dialectical method, analysis, synthesis and specific legal methods (formal legal, historical), the author conducts a study of current laws and court practice, studies approaches to solving the designated problem in the science of criminal law. The author states that the legislator's refusal of the obligatoriness of the proprietary (physical) attribute of property as the subject of theft entailed changes in the understanding of the content of the terms "seizure" and "appropriation" during theft. The original meaning of the term "seizure", given by the legislator at the time of the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, was to simply move the stolen thing in space by the offender. In recent years, the content of the term "seizure" has become significantly wider. So, in case of theft of non-cash money their seizure is understood as writing off these funds from the victim's account; in case of theft of personalized securities and receivables seizure should be considered as signing an agreement on assignment of claim; in case of theft of order securities seizure occurs by means of putting endorsement on them. Appropriation is understood as establishment of the actual illegal possession by the offender of another's property, replacement of the owner or the legal possessor by the illegal user. A conclusion is made that seizure of another's property is inherent in any theft, since in any form theft it implies the reduction of the owner's property. However, the legislator used the disjunctive conjunction "or" between seizure and appropriation in the legal definition of theft, thus allowing for a possibility of committing theft only by appropriating another's property in favor of the offender and other persons. The inconsistency of the legal description of the objective side of theft with its real mechanism is an argument in favor of the need for a legislative reform of Paragraph 1 of the Note to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. Besides, a conclusion is substantiated that seizure and appropriation of another's property in theft can be made by inaction in certain cases.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian language: 70,000 words]. Moscow: Rus. yazyk.
2. Lopashenko, N.A. (2012) *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Property infringement]. Moscow: Norma; Infra-M.
3. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii)* [Crimes against property under the criminal law of Russia (theory issues)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Boytsov, A.I. (2002) *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg: Yurid. tsentr "Press".
5. Kozachenko, I.Ya. et al. (eds) (2001) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. Moscow: Norma.
6. Karpova, N.A. (2011) *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti* [Theft of another's property: qualification issues and problems of differentiation of criminal liability]. Moscow: Yurisprudentsiya.
7. Lopashenko, N.A. (2019) *Prestupleniya protiv sobstvennosti. Avtorskiy kurs: v 4 kn.* [Crimes against property. An authorial course: in 4 books]. Book II. Moscow: YurLitinform.
8. Kochoi, S.M. (2010) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: kratkiy kurs* [Criminal law. General and special parts: A short course]. Moscow: KONTRAKT; Volters Kluver.
9. Gaukhaman, L.D. (ed.) (1999) *Ugolovnoe pravo: v 2 t.* [Criminal law: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yurisprudentsiya.
10. Brilliantov, A.V. (ed.) (2010) *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. General and Special Parts]. Moscow: Prospekt.
11. Kochoi, S.M. (2000) *Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Responsibility for mercenary crimes against property]. Moscow: Profobrazovanie; ANTEYa.
12. Yani, P.S. (2015) Classification of thefts: time of termination, gratuitousness, damage. *Zakonnost'*. 12. pp. 43–47. (In Russian).
13. Konsul'tantPlyus. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of 30 November 2017 "On court practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
14. Konsul'tantPlyus. (2009) *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2009 № 1037-O-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Khodorkovskogo Mikhaila Borisovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ey 160 i primechaniem 1 k stat'e 158 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1037-O-O of 02 July 2009 "On the refusal to accept for consideration a complaint of a citizen Mikhail Borisovich Khodorkovsky about the violation of his constitutional rights by Article 160 and Note 1 to Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
15. Yani, P. (2011) Ponyatie khishcheniya konstitutsionno [The concept of larceny is constitutional]. *Zakon*. 1. pp. 43–51.
16. Ulanova, Yu.Yu. (2011) *Obshchie priznaki khishcheniya v sostave krazhi* [General signs of larceny as part of theft]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
17. Sklyarov, S. (2002) Neopredelennost' ponyatiya i odnoznachnost' normy [Uncertainty of the concept and the unambiguity of the norm]. *Pravosudie v Vostochnoy Sibiri*. 1–2. pp. 5–6.
18. Kochoi, S.M. (2013) New regulations on fraud in the Criminal Code of the Russian Federation: special features and distinctions. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 4. pp. 104–110. (In Russian).

Received: 21 May 2019

О.П. Грибунов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕХАНИЗМА СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Исследуются проблемы частной криминалистической теории причинности, представляющей возрастающий интерес представителей криминалистической науки. Положения теории являются необходимыми для рассмотрения категории «механизм следообразования», а также иных криминалистических аспектов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Анализ отмеченной проблемы строится на учете отдельных методологических положений, нашедших отражение в философии, а также на теоретических положениях криминалистической науки.

Ключевые слова: причинность; криминалистическая теория; криминалистические категории; теория расследования преступлений; механизм следообразования.

Анализ криминалистической литературы позволяет говорить о том, что при исследовании вопросов организации расследования отдельных видов преступлений недостаточно полно задействуются теоретико-методологические положения криминалистики, в основе которых лежат отдельные категории философии, ее учения о познании. Одними из важнейших положений выступают положения, раскрывающие причинно-следственные связи. Для криминалистической теории и практики наибольшее значение эти положения имеют при рассмотрении вопросов механизма преступления и тесно связанного с ним вопроса механизма следообразования. По этой причине возрастание в настоящий момент интереса криминалистического сообщества к положением криминалистической причинности имеет объективный характер. В частности, на это указывает проведение в МГУ круглого стола под названием «Криминалистическая теория причинности: современное состояние и перспективы развития», а также публикация ряда работ по данной проблематике, в том числе монографического характера.

Определенное методологическое значение имеет вопрос об уровне концептуализации криминалистических положений причинности. В настоящий момент обозначились две научные позиции. Одна из них состоит в том, «что частная криминалистическая теория о причинно-следственных связях относится к числу формирующихся теорий (учений)» [1. С. 100]. Другая же научная позиция выражается во взгляде на то, что «криминалистическая теория причинности... в настоящее время уже достигла уровня полноценно сформированного комплексного научного знания» [2. С. 21]. Соответственно, принятие той или иной точки зрения влияет на оценку уровня достоверности знания о тех или иных категориях криминалистики: в первом случае опора на положения криминалистической причинности потребует от исследователя проверки этих положений с позиции философии; во втором же случае положения криминалистической причинности будут приниматься как безусловная основа разработки различных категорий, не требующая развернутого рассмотрения отмеченных положений. Анализ немногочисленных работ по проблемам криминалистической причинности позволяет согласить-

ся с первой научной позицией. По этой причине автор в настоящей статье считает необходимым постоянно обращаться к соответствующим публикациям. Особое значение это имеет при анализе механизма преступления и взаимосвязанного с ним механизма следообразования. Имеется в виду, что парадигмальными основами криминалистики являются «след» и «отражение».

Вне всяких сомнений, механизм преступления является ключевой криминалистической категорией, как считает В.Ф. Ермолович, он является «...основным, центральным, синтезирующим компонентом общественно опасного деяния» [3. С. 70]. И действительно, динамика совершения конкретного преступления – основной вопрос, требующий разрешения в процессе расследования. В этой связи необходимо подчеркнуть универсальность предложенного Р.С. Белкиным понятия механизма совершения преступления.

Так, определяя и обосновывая динамичность и системность его структуры, обусловленные непосредственной деятельностью лица, совершившего противоправное деяние, он определяет содержание механизма преступления в виде совокупности ряда элементов, представляя в их числе лицо, совершившее преступление, его сформировавшееся отношение к соучастникам в условиях совершения преступления группой лиц, последствиям, наступившим в результате совершения преступления.

Кроме того, абсолютно оправданно в содержание механизма преступления включены его способ, элементы обстановки преступления, характеристика предмета посягательства, а также действия лиц, которые оказались участниками события случайно [4. С. 117].

Вполне очевидно, что таким образом было предложено так называемое собирательное понятие, включающее в себя основные признаки, тесно связанные с признаками уголовно-правовой характеристики преступления, в частности, с его признаками субъективного и объективного характера.

Данный подход имеет методологическое значение, поскольку криминалистические аспекты причинности традиционно исследуются в контексте уголовно-правовых и криминологических аспектов причинно-следственных связей.

По нашему мнению, рассматривая теорию причинности с точки зрения криминалистического подхода, необходимо в первую очередь ориентироваться на механизм следообразования, так как событие преступления, а именно механизм его реализации, по справедливому уточнению И.М. Комарова и Е.И. Ян, «...представляет собой непрерывную в пространстве и времени череду действий, отражение которых в их связи можно считать следовой картиной преступления» [5. С. 114].

Именно поэтому механизм преступления в большей степени соотносится с объективной стороной состава преступления. Как отмечено В.И. Куликовым, в отличие от способа преступления, данные о его механизме характеризуют «...не качественную, а последовательную, технологическую сторону» совершения преступления, определяя сложный динамический порядок существующих между его этапами связей, элементов подготовки, совершения и сокрытия преступления, иных обстоятельств, посредством изучения которых возможно воссоздание картины его совершения [6. С. 106]. Таким образом, речь идет об этапности и стадиях механизма преступления, анализ содержания которых позволяет выявлять закономерности механизма следообразования.

Согласно результатам анализа современной правоприменительной практики, в последние годы качественные показатели преступности кардинально изменились. Так, прежде всего, создание новых и совершенствование реализовавшихся ранее способов подготовки, совершения и сокрытия различных видов преступлений, в том числе значительное повышение уровня технической оснащенности преступников, ставят перед криминалистической наукой задачи преодоления новой по своему характеру криминогенной обстановки.

В 2018 г. из общего числа 1991,5 тыс. зарегистрированных преступлений не было раскрыто 860,4 тыс., в том числе 839,9 тыс. – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [7]. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего невозможностью сформировать доказательственную базу лицом, осуществляющим досудебное производство, а с позиций криминалистической теории причинности – обнаружить и зафиксировать элементы механизма следообразования посредством применения криминалистических средств и методов, в том числе проведением следственных действий [8. С. 163].

Соответственно, без осуществления глубокого криминалистического анализа следовой картины преступлений сотрудникам правоохранительных органов невозможно своевременно и качественно реагировать на совершение новых преступлений.

Абсолютно прав А.В. Гусев, утверждая, что «...преступная деятельность носит достаточно сложный характер, так как преступление характеризуется сложной системой причинно-следственных отношений, выявление которой в процессе расследования основывается на глубоком понимании диалектической сущности этих отношений» [9. С. 98]. Вполне очевидно, что без философского осмысления сущно-

сти преступной деятельности сложно выстраивать теоретическую конструкцию как механизма преступления, так и механизма следообразования. В этом смысле нельзя не согласиться с авторами, отмечая, что «...без учета определенных философских категорий, таких как детерминизм, означающий всеобщую обусловленность явлений и процессов и причинность с точки зрения причинной производительности, где одно событие порождает другое, невозможно исследовать преступление как таковое» [10. С. 165].

В достаточной степени обоснованно философские и теоретические аспекты теории причинности изложил И.М. Комаров, указав, что в настоящее время отсутствуют исследования, которые отражали бы в полной мере «...методологическое значение причинности как инструмента научного познания преступления» [11. С. 21].

Соответственно, криминалистическая наука должна постоянно пополняться научно-обоснованными рекомендациями, получаемыми на основе комплексной оценки практики применения действующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм [Там же. С. 22]. Фактически невозможно без выявления «уголовно-правовых и уголовно-процессуальных связей» [12. С. 51] и аспектов совершенствовать те или иные положения криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Относительно роли философии и сближения философских и нефилософских знаний в формировании фундаментальных криминалистических основ Р.С. Белкин абсолютно верно указал на отражение как на такую концептуальную категорию, которая образует фундамент криминалистики, а именно понятие «след» [13. С. 26–32]. В аналогичном контексте проводила исследования Е.А. Холина, определившая, что основа криминалистической теории отражения – философский постулат: «...подобно тому, как все в живой природе обладает свойством ощущения, неживая природа обладает свойством отражения», а криминалистика всегда исследует событие, произошедшее ранее [14. С. 200]. Соответственно, изучению подвергаются не только отношение отображаемого и отображенного, но и элементы механизма такого отображения, что способствует выявлению закономерностей процесса совершения преступлений в плане информационно-отражательного явления [15. С. 16].

Понимание следа и следовой картины, действительно, сегодня рассматривается намного шире, чем это было в советской криминалистике. Так, кроме традиционных следов, ученые уделяют пристальное внимание выявлению, фиксации и исследованию следов в виртуальном пространстве. Более того, в криминалистике, помимо собственно «следовой картины», исследуются причинно-следственные связи, проявляющиеся при подготовке к совершению преступлений, в том числе на стадии обнаружения умысла, а также других действий, направленных на сокрытие преступления и иное противодействие расследованию.

Необходимо согласиться с тем, что «механизм следообразования следует рассматривать в разрезе

причинной производительности, так как любое событие преступления может быть представлено как взаимодействие физических тел и происходящих при этом материальных процессов. Именно они и являются объектами отражения» [14. С. 199]. В этой связи заслуживает внимания суждение Н.П. Майлис, которая считает, что «след и механизм слеодообразования являются важными составляющими процесса отражения» [16. С. 151]. Данное обстоятельство предопределяет возможность проследить причинную обусловленность объектом своего отражения – совершенного преступления [5. С. 113–114].

Полагаем, что возможно признать основополагающей формулировку предмета формирующейся криминалистической теории причинности, данную Р.С. Белкиным в виде научного исследования признаков явлений, которые предопределяют вывод о причинной связи, характеризуют содержание процесса отражения, с целью установления причинной зависимости его результата от отражаемого объекта, в качестве которого представляется само преступное деяние [17. С. 189].

Изучение тех или иных аспектов причинности в криминалистике приоритетно должно быть ориентировано прежде всего на исследование вопросов ее частных проявлений, важнейшим из которых является вопрос о механизме слеодообразования как доказательственная основа деятельности следователя. Основываясь на постулате о невозможности существования явлений вне связи с другими явлениями, причинность, а точнее причинную производительность, целесообразно рассматривать с технико-криминалистической точки зрения относительно каждого материального следа. Так, представляет интерес предложение А.В. Гусева о целесообразности создания так называемых структурно-логических схем причин и условий следствия, наступившего в результате совершения конкретного действия по каждому сформировавшемуся следу, что, бесспорно, самым непосредственным образом будет оказывать позитивное влияние на качество диагностирования механизма образования конкретных следов и, соответственно, указывать в большей или меньшей степени на признаки сле-

дообразующего объекта, необходимые для его идентификации [8. С. 100]. Таким образом, экспертно-криминалистическая диагностика и идентификация – это основное направление изучения причинности в криминалистике в её научно-прикладном значении.

Подводя определённые итоги, нельзя не согласиться с Е.А. Холиной с тем, что «...без доскональных знаний всего того, что понимается под терминами причинность, причина и следствие, принцип причинности, причинно-следственные звенья и цепи, нельзя создать следственную версию или экспертную гипотезу, а без этого не может быть ни расследование преступления, ни исследование объектов экспертизы» [14. С. 202].

Ведя речь о путях формирования криминалистической теории причинности, следует учитывать методологическое положение, состоящее в том, что криминалистическая наука есть системное явление, и исследование того или иного ее элемента, в нашем случае криминалистической причинности, может быть успешным, как отмечают отдельные авторы, лишь при условии задействования ее многочисленных связей с устоявшимися криминалистическими категориями, позволяющими дать «насыщение специфическим содержанием» методико-криминалистические рекомендации [18. С. 18].

Представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Всеобъемлющий характер причинности как проявления детерминации ставит перед криминалистической наукой, формирующей криминалистическую теорию причинности, необходимость комплексного задействования таких категориальных положений, как системность, ситуационность, этапность и др.

2. В целях отграничения причины и условий в теории и практике криминалистической причинности важное значение имеет использование положений криминалистической теории личности преступника.

3. С криминалистической точки зрения исследование причинности способствует установлению обстоятельств возникновения и развития механизма слеодообразования, что является предпосылкой результативности доказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князьков А.С. Частная криминалистическая теория причинности как методологическая проблема // Причинность в криминалистике : сб. науч.-практ. ст. 2018. С. 100–110.
2. Гармаев Ю.П., Боровских Р.Н. Проблемы доказывания и описания причинной связи, иных признаков составов преступлений как предмет криминалистических исследований // Причинность в криминалистике : сб. науч.-практ. ст. 2018. С. 21–28.
3. Ермолович В.Ф. Способы и механизм преступления. Минск, 2000 г. 107 с.
4. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
5. Комаров И.М., Ян Е.И. Криминалистическая диагностика причинных связей в преступлении // Причинность в криминалистике : сб. науч.-практ. ст. 2018. С. 111–122.
6. Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. 219 с.
7. Состояние преступности январь–декабрь 2018 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/>
8. Игнатьев М.Е. Отдельные методы установления причин и условий совершения преступления и возможности их использования в расследовании // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 162–171.
9. Гусев А.В., Медведева С.Н. Использование признаков материального следа для определения компонентов причинно-следственной связи механизма слеодообразования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 97–102.
10. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций. Томск : Изд-во ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
11. Комаров И.М., Ян Е.И. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 21–27.
12. Игнатьев М.Е. Криминалистические данные об установлении причинности и причинно-следственных связей в уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 50–56.

13. Белкин Р.С. Криминалистика: Проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма-Инфра, 2001. 240 с.
14. Холина Е.А. К проблеме создания криминалистической теории причинности // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 199–202.
15. Журавлев С.Ю. Типология механизма преступной деятельности экономической направленности и базовая методика расследования преступлений. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2013. 272 с.
16. Майлис Н.П. Роль теории отражения при производстве экспертного эксперимента // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина : материалы Междунар. науч.-практ. конф. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста. 2018. 481 с.
17. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М. : Инфра-М, 1970. 282 с.
18. Варданян А.В., Айвазова О.В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 17–23.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 июня 2019 г.

The Forensic Theory of Causality in the Establishment of the Trace Creation Mechanism: Philosophical and Theoretical Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 207–211.

DOI: 10.17223/15617793/446/27

Oleg P. Gribunov, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: gribunov@mail.ru

Keywords: causality; categories of forensic science; philosophical categories; mechanism of trace creation; theory of forensic science; investigation of crimes.

The article considers causality as a philosophical category. The mechanism of crime is a key category of forensic science; it is considered to be the main, central, synthesizing component of a socially dangerous act. The dynamics of commission of a specific crime is the main question which requires solution during investigation. Therefore, it is necessary to emphasize the universality of the concept of the mechanism of commission of a crime. As far as aspects of causality are concerned, it should be recognized that they have traditionally been studied in the context of criminal law and criminological aspects of cause-effect relationships. Considering the theory of causality in terms of a forensic approach, one must first focus on the mechanism of trace creation, as the event of a crime, namely the mechanism of its implementation, is a continuous sequence of actions in space and time, and the reflection of these actions in their connection can be considered as the trace picture of a crime. That is why the mechanism of a crime mostly relates to the objective aspect of *corpus delicti*. Without a detailed forensic analysis of both the circumstances of a crime as a whole and its trace picture in particular, it is impossible for law enforcement officers to react promptly and accurately to the commission of new crimes. As for the role of philosophy in the formation of fundamentals of forensic science, it is correct to mention reflection as a conceptual category that forms the foundation of forensic science, namely, the concept of a trace. Forensic science, in addition to the ‘trace picture’ itself, explores some causal relationships, e.g., preparation for the commission of crimes, including the stage of detection of intent, other actions aimed at concealing a crime and other counteraction to investigation. The mechanism of trace creation should also be studied in terms of causal productivity since any crime event can be represented as an interaction of physical bodies and occurring material processes. Aspects of studying causality in forensic science should primarily focus on research of its particular manifestations, e.g., explanation of the origin of a material trace, not only on the more traditional interaction with the criminal law aspects of a causal relationship. Thus, in terms of forensic science, the study of causality directly contributes to the establishment of circumstances of the emergence and development of the mechanism of a crime, which is an objective evidence factor. Various statements on cause-effect relationships are important for theory and practice and, above all, for the search and cognitive activity of relevant officials while disclosing, investigating and preventing crimes.

REFERENCES

1. Knyaz'kov, A.S. (2018) Chastnaya kriminalisticheskaya teoriya prichinnosti kak metodologicheskaya problema [Private forensic theory of causality as a methodological problem]. In: Komarov, I.M. (ed.) *Prichinnost' v kriminalistike* [Causality in forensics]. Moscow: Yurlitinform. pp. 100–110.
2. Garmaev, Yu.P. & Borovskikh, R.N. (2018) Problemy dokazyvaniya i opisaniya prichinnoy svyazi, inyykh priznakov sostavov prestupleniy kak predmet kriminalisticheskikh issledovaniy [Problems of proving and describing a causal relationship, other signs of corpus delicti as a subject of forensic processing]. In: Komarov, I.M. (ed.) *Prichinnost' v kriminalistike* [Causality in forensics]. Moscow: Yurlitinform. pp. 21–28.
3. Ermolovich, V.F. (2000) *Sposoby i mekhanizm prestupleniya* [Methods and mechanism of crime]. Minsk: ISPI.
4. Belkin, R.S. (2000) *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Forensic Encyclopedia]. Moscow: Megatron XXI.
5. Komarov, I.M. & Yan, E.I. (2018) Kriminalisticheskaya diagnostika prichinnykh svyazey v prestuplenii [Forensic diagnosis of causal relationships in crime]. In: Komarov, I.M. (ed.) *Prichinnost' v kriminalistike* [Causality in forensics]. Moscow: Yurlitinform. pp. 111–122.
6. Kulikov, V.I. (1994) *Osnovy kriminalisticheskoy teorii organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the forensic theory of organized crime]. Ulyanovsk: MSU Branch.
7. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2019) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2018 goda* [Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2018]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/>.
8. Ignat'ev, M.E. (2019) Individual methods of establishing the causes and conditions of committing crimes and the possibility of their use in the investigation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 1 (88). pp. 162–171. (In Russian). DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10015
9. Gusev, A.V. & Medvedeva, S.N. (2017) Use of signs of a material trace for definition of components of cause-and-effect relationship of mechanism of traces appearance. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2 (36). pp. 97–102. (In Russian).
10. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Forensics: a course of lectures]. Tomsk: Izd-vo TML-Press.
11. Komarov, I.M. & Yan, E.I. (2017) Criminalistic theory of the causes: some philosophical and theoretical bases. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law-Enforcement Activity*. 1. pp. 21–27. (In Russian).
12. Ignat'ev, M.E. (2017) Criminalistic data on the establishment of causes and causal-investigatory relations in criminal proceedings. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti – Problems of Law-Enforcement Activity*. 3. pp. 50–56. (In Russian).

13. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: Problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Forensics: The problems of today. Topical issues of Russian forensics]. Moscow: Norma-Infra.
14. Kholina, E.A. (2011) The problems of a forensic theory of causality. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 1. pp. 199–202. (In Russian).
15. Zhuravlev, S.Yu. (2013) *Tipologiya mekhanizma prestupnoy deyatel'nosti ekonomicheskoy napravlenosti i bazovaya metodika rassledovaniya prestupleniy* [The typology of the mechanism of criminal activity of an economic orientation and the basic technique for investigating crimes]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
16. Maylis, N.P. (2018) [The role of reflection theory in the production of an expert experiment]. *Sovremennoe razvitie kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy kak realizatsiya idey R.S. Belkina* [Modern development of forensic science and forensics as an implementation of R.S. Belkin's ideas]. Proceedings of the International Conference. To the 95th anniversary of the birth of a scientist, teacher, journalist. Moscow: Prospekt. (In Russian).
17. Belkin, R.S. (1970) *Kurs kriminalistiki* [A forensics course]. Moscow: Infra-M.
18. Vardanyan, A.V. & Ayvazova, O.V. (2016) Principles of formation of private criminalistic methods: current status and options for improving. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*. 1–2. pp. 17–23. (In Russian).

Received: 13 June 2019

Л.В. Зайцева

ЭКОНОМИЧЕСКИ ЗАВИСИМЫЕ САМОЗАНЯТЫЕ: РАЗЛИЧИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Исследованы различные национальные подходы к регулированию труда экономически зависимых самозанятых на основе сравнения законодательства и судебной практики России, Испании, Германии, США и других стран. Определены существующие в мире способы искоренения вредных практик социального демпинга в сфере труда. В результате выявлены дефекты в приоритетах правовой политики РФ в области регулирования деятельности самозанятых. Сделан вывод о возникновении в РФ рисков ухудшения условий труда и занятости.

Ключевые слова: действие трудового права по кругу лиц; самозанятые; коллективный договор; трудовое отношение; минимальная зарплата.

Введение

Современный рынок труда становится гораздо более гибким. Часто можно наблюдать переход работников из категории наемных работников в категорию самозанятых. Возник даже термин «уберизация» экономики, когда такие онлайн-посредники, как Uber, стали связывать самозанятых с клиентами, вытесняя сотрудников, подпадающих под защиту трудового законодательства. Хотя сама по себе экономическая основа для искусственного сужения круга лиц, находящихся под защитой трудового права, возникла гораздо раньше и была связана не столько с цифровой экономикой, сколько со стремлением снижения издержек, повышения экономической эффективности, конкурентоспособности, в том числе и с помощью применения различных форм аутсорсинга. Существующая сегодня статистика ясно показывают, что во многих государствах самозанятые составляют значительную долю рабочей силы, а процент самозанятости растет во многих государствах. Разрыв между охраняемым трудовым законодательством работником и осуществляющим на свой страх и риск деятельность самозанятым часто приводит к ухудшению условий труда и тех и других. В Европейском Союзе это принято называть социальным демпингом, а в США – вредной или нечестной конкуренцией. Результатом расширения этих явлений становятся уменьшение размера компенсаций, ухудшение условий труда, коррозия норм профессиональной практики как для работников, так и для самозанятых, а также снижение социального диалога – все это вместе в значительной степени способствует серьезному экономическому неравенству.

В «серую часть» между трудовым и гражданско-правовым регулированием попадают, прежде всего, те работники и самозанятые, чьи отношения с работодателем или заказчиком носят атипичный характер. Со стороны работников это, прежде всего, фрилансеры (дистанционные работники). Если говорить о самозанятых, то это те из них, кто оказывает услуги заказчику лично и по факту находится от него в существенной зависимости.

Актуализация феномена самозанятости в современной России

Трудовое законодательство РФ не дает адекватного понятия «самозанятый» вообще и «экономически

зависимый самозанятый» тем более. Под самозанятым, мы вслед за Межгосударственным стандартом (ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения) понимаем лиц, самостоятельно занятых трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства.

В современной России внимание к самозанятым и их правовому статусу связано с попытками вывода из тени доходов граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но имеющих более-менее постоянный доход от лично предоставляемых ими услуг.

Сначала в ст. 83 Налогового кодекса РФ вводится норма о регистрации в качестве налогоплательщиков физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, но оказывающих услуги другим физическим лицам «для личных, домашних и (или) иных подобных нужд» [1]. До конца 2019 г. самозанятые освобождаются от уплаты налогов на доходы, полученные ими от услуг, перечисленных в п. 70 ст. 217 Налогового кодекса РФ, но должны зарегистрироваться в соответствующем качестве в налоговых органах. Немного позднее в ст. 23 Гражданского кодекса РФ вносится норма, позволяющая физическим лицам осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя [2]. Далее принимается Федеральный закон, которым учреждается эксперимент по взиманию налога на профессиональный доход с самозанятых в Москве, Московской и Калужской областях и Татарстане с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2028 г. [3]. Цель этих законов очевидна – «вывод из тени самозанятых» [4, 5]. Причем имеются в виду не все самозанятые, как их определяет вышеназванный международный стандарт, а лишь незначительная их часть – физические лица: 1) оказывающие услуги другим физическим лицам; 2) оказывающие услуги, связанные с удовлетворением личных, хозяйственных и других нужд (установлен перечень видов деятельности, при котором спецрежим не может применяться); 3) не имеющие работников (работающих у них по трудовому договору, хотя и без запрета на заключения с другими

физическими лицами договоров гражданско-правового характера в качестве заказчиков); 4) с годовым доходом, не превышающим 2,4 млн руб.

Насколько масштабна и одновременно сложна проблема вывода из тени доходов самозанятых в РФ, свидетельствуют данные об их численности, представляемые различными российскими ведомствами. С одной стороны, по данным Федеральной налоговой службы, с 1 января 2018 г. по состоянию на 1 января 2019 г. в России зарегистрировано всего 2 123 самозанятых [6]. С другой стороны, по оценкам Росстата, число самозанятых в стране может достигать 15 млн человек [7], Минэкономразвития – 30 млн человек [8]. Из них как минимум для 3,5 млн человек доходы от самозанятости являются основным источником дохода [9].

Несмотря на высказываемые представителями властей оптимистичные прогнозы относительно введения специального режима (налога на профессиональный доход в субъектах РФ, где федеральным законом объявлен эксперимент) для самозанятых [10], появляются очень сдержанные мнения экспертов относительно его эффективности [11] и также тревожные сообщения о нарушении прав работников путем принуждения их работодателем к регистрации в качестве самозанятых [12].

Смещение акцента государственной политики на вывод доходов самозанятых из тени не только создает риски искусственного вывода части работников из сферы действия трудового права, но и реальные предпосылки для легального сужения круга лиц, чей труд регулируется нормами трудового права. Речь идет о законопроекте по внесению изменений в Трудовой кодекс РФ, подготовленный Минтрудом России и предусматривающий исключение из сферы действия трудового права всех лиц, оказывающих услуги физическим лицам, в том числе в области помощи по хозяйству [13]. Конечно, можно говорить, что сегодня нормы гл. 48 ТК РФ практически не применяются из-за нежелания работодателей – физических лиц легализовывать трудовые отношения с домашними работниками. Тем не менее существование в ТК РФ соответствующих норм обеспечивает возможность защиты трудовых прав таких работников, в том числе и судебной. Исключение же их из числа субъектов трудовых отношений хоть и является логичным продолжением легализации их доходов в целях налогообложения, но лишает их всех трудовых прав, установленных трудовым законодательством.

Работник, индивидуальный предприниматель, самозанятый: решение проблем искусственной подмены статуса средствами трудового права

На самом деле, формальная или неформальная, легальная или нелегальная самозанятость, во всех случаях речь может идти о фактической подмене фигуры работника на самозанятого, или (и) на индивидуального предпринимателя.

До недавнего времени казалось, что проблема абсолютно решаема путем применения ч. 2 ст. 15 и ч. 7 ст. 11 ТК РФ, позволяющих признать через суд отношения, возникшие из гражданско-правового договора

трудовыми, в том числе и с исполнителем – индивидуальным предпринимателем. И такие судебные решения имеются в российской судебной практике по искам лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но фактически вступивших в трудовые отношения и стремящихся восстановить свои нарушенные трудовые права [14]. Устойчивости такой судебной практики способствуют содержание ч. 1 ст. 15 ТК РФ, четко закрепившей признаки трудового правоотношения, а также официальная позиция Верховного Суда РФ, еще раз в 2018 г. подробнейшим образом описавшего признаки трудового отношения и возможные доказательства его возникновения [15].

Кроме того, имеется административная практика налоговых органов, которые при проведении проверок устанавливают случаи, когда в целях занижения налоговой базы и получения необоснованной налоговой выгоды по НДС и НДФЛ осуществляется привлечение индивидуальных предпринимателей по договорам гражданско-правового характера, при этом физические лица, зарегистрированные в качестве предпринимателей, фактически являются работниками и по договорам гражданско-правового характера выполняют свои трудовые функции. В таких случаях суды также осуществляют переквалификацию гражданско-правовых отношений в трудовые с последующими налоговыми последствиями [16].

Но, несмотря на это, практика перевода части работников в категорию индивидуальных предпринимателей до сих пор не иссякает, в том числе в отсутствие сопротивления самих работников и слабой профсоюзной защиты. Соответственно, нет никакой гарантии, что очень скоро судебная практика в РФ не обогатится решениями о признании трудовыми отношений с самозанятыми лицами. Хотя судебные перспективы здесь могут быть гораздо более туманными. Ведь признание отношений трудовыми, если с лицом необоснованно заключен гражданско-правовой договор об оказании услуг или выполнении работ, происходит из сравнения сходных между собой по объекту правоотношений. Суд всегда с более-менее высокой долей вероятности может выяснить, выполнялась ли трудовая функция или конкретно определенная, имеющая свое объективное измерение и окончание работа; имело ли место подчинение работника (исполнителя) воле работодателя (заказчика), являлся ли труд самостоятельным или выполнялся под контролем и управлением и т.п. А если работник выводится за рамки организационной структуры бывшего работодателя и продолжает оказывать те же услуги населению, что и ранее как работник этого работодателя, но теперь напрямую и непосредственно заказчику – физическому лицу, при этом с бывшим работодателем его продолжает связывать только, например, договор аренды или франчайзинга? Бывший работник продолжает неформально находиться под контролем бывшего работодателя, который имеет от работника уже «чистый доход» в виде арендной платы или франшизы, не неся никаких издержек на рабочую силу. При этом и у самого работника снижаются налоговые платежи. Представляется, что перед нами но-

вый соблазн нечестной «оптимизации налогообложения», отягощенный снижением уровня социальной защиты фактического работника. И это при том, что нынешнее трудовое законодательство РФ не имеет адекватных инструментов защиты прав фактического работника в этом случае, поскольку такой самозанятый никаких работ или услуг в пользу благоприобретателя – юридического лица не осуществляет.

Что же касается вопроса признания трудовыми отношений с индивидуальным предпринимателем, то аналогичный российский правилам подход существует и в ряде других стран, и не только постсоветского пространства. Например, в Польше нормативные акты позволяют однозначно квалифицировать любые правовые отношения, которые проявляют определенные черты, как трудовые отношения [17]. Верховный Суд Польши постановил, что когда физическое лицо является предпринимателем, но заключает договор, который имеет некоторые признаки трудового договора, такое лицо не действует в рамках своей предпринимательской деятельности, и поэтому отсутствуют препятствия для признания этого лица работником [18]. При том, что в Польше с 2018 г. (как и в России с 2014) с работником допускается заключение исключительно трудового договора [19].

Таким образом, самозанятого подрядчика и (или) индивидуального предпринимателя, заключившего в качестве исполнителя гражданско-правовой договор, предметом которого является выполнение работ или оказание услуг, можно признать работником, если национальное трудовое законодательство содержит нормы, аналогичные тем, что действуют в России или в Польше.

Но это далеко не единственный подход к решению вопроса искоренения «социального демпинга», вызываемого недобросовестным применением труда самозанятых. Особенно той их части, которая организационно и экономически зависит от основного заказчика.

Экономически зависимый самозанятый: уязвимость «переходного состояния» между предпринимателем и работником

Один из основных отличительных признаков работника – это несамостоятельность его трудовой деятельности. Причем не только в смысле подконтрольности и управляемости со стороны работодателя, но и в организационной зависимости от последнего [20. Р. 490]. Тогда как предприниматель осуществляет деятельность на свой страх и риск и самостоятельно организует собственную деятельность. В реальной жизни не все так однозначно. Индивидуальный предприниматель или самозанятый (в узком понимании налогового законодательства РФ), выполняя работы или оказывая услуги по договору гражданско-правового характера, может по условиям договора выполнять работу из материалов и средствами заказчика, под контролем заказчика и, мало того, длительное время взаимодействовать с одним и те же заказчиком, получая от него преимущественную долю своих доходов.

Еще один из важных, квалифицирующих признаков самозанятого, чье положение максимально схоже со

статусом работника, когда он становится «более сотрудником, нежели предпринимателем», – это неиспользование им труда других работников [21. Р. 36].

Осознавая всеобщность проблем определения статуса наемного работника с целью обеспечения реализации трудовых прав, Международная организация труда в 2006 г. утвердила Рекомендацию о трудовом правоотношении № 198, которая, кроме прочего, указывает критерии, позволяющие определить факт наличия трудового отношения тогда, «когда предпринимаются попытки (его) замаскировать» [22]. В пункте 13 Рекомендаций перечислены основные признаки трудового отношения, при наличии которых отношение должно признаваться трудовым в целях защиты работника независимо от того, на основании соглашения какого вида оно возникло. Для осуществления контроля за исполнением Рекомендации № 198 Международному бюро труда было поручено разработать Руководство по ее применению, что и было сделано в 2007 г. на основании материалов, подготовленных группой экспертов из разных стран [23]. В разделе 6 Рекомендаций отдельно приводятся примеры национальных практик, применяемых в различных правовых порядках с целью дезавуировать недобросовестные попытки скрыть трудовые отношения, поскольку это лишает работников надлежащей защиты [21. С. 42].

С целью определения специфики правового положения экономически зависимого от заказчика самозанятого, признания за ним трудовых прав в зарубежных правовых порядках принято применение таких терминов, как «лже самозанятый», «зависимый самозанятый», «экономически зависимый самозанятый» (Испания), «зависимый подрядчик» (Швеция), «зависимый предприниматель» и «зависимые самостоятельные занятые» (Великобритания), «автономный работник», «лицо, схожее с работником» (Австрия) и «лицо, похожее на сотрудника» (Германия) или «квази-работник» (Бельгия) и т.п. Но даже существующее правовое регулирование и устоявшаяся в законодательстве терминология могут подвергаться критике. Например, Миа Рённмар предлагает использовать категорию «квазисотрудник», хотя в шведском трудовом законодательстве существуют нормы, адресованные «зависимым подрядчикам» [24. Р. 163]. Такой расширительный подход можно расценить как реакцию на потребности расширить указанную категорию за счет лиц, занятых и франчайзингом [25. Р. 45; 26. Р. 70].

Сегодня многие ученые, изучающие проблемы самозанятости, отмечают увеличение числа зависимых самозанятых в «серой зоне», что означает высокий риск социального демпинга и трудового насилия [27].

Проблема определения статуса экономически зависимых самозанятых представляется неоднозначной и запутанной. Некоторые британские ученые давно указывают на неопределенность положения «зависимых самозанятых». Для достижения «равного обращения» ими предлагается приравнивать таких самозанятых в области заработной платы, рабочего времени и занятости к работникам при условии заключения договора об оказании личных услуг, от которых они получают большую часть

своих доходов [21. Р. 37]. Несмотря на то что научное сообщество Великобритании обсуждает эти проблемы с конца XX в., только в 2018 г. лейбористская партия внесла в Британский парламент законопроект, который предлагает приравнять самозанятых к работникам в части прав на отпуск в связи с рождением ребенка [28].

Значительная же часть ученых рассматривают проблемы гибкости трудового права по отношению к экономически зависимым самозанятым в контексте их борьбы за получение коллективного представительства, реализацию права на свободу ассоциации в целях ведения коллективных переговоров, распространение на них коллективных договоров и соглашений, предоставление трудовых гарантий и получение прав в области социального страхования без какой бы то ни было дискриминации [21, 29].

Итак, можно говорить о необходимости отдельного правового регулирования «экономически зависимой работы» [29] и усиления защиты самозанятых. Конечно, в разных странах это регулирование осуществляется по-разному, значительно отличаются уровни социальной защиты указанных лиц, что можно объяснить и разницей в экономическом развитии, и особенностями, присущими национальным правовым системам.

Специальное законодательство как способ предоставления социально-трудовых прав самозанятым

Один из наиболее радикальных способов избежать жесткого разделения статуса работника и зависимого самозанятого и обеспечить законодательную защиту самозанятых – это принятие специального законодательства о самозанятых, которое распространяет на них целый ряд традиционных трудовых прав работников.

В 2007 г. в Испании был принят первый в ЕС законодательный акт, специально предназначенный для регулирования договорных условий труда самозанятых работников, предоставив им правовую защиту, очень похожую на защиту наемных работников [30].

Закон устанавливает отдельную категорию зависимых самозанятых работников [29. Р. 22–23], относя к ним тех, кто обычно и лично осуществляет экономическую или профессиональную деятельность, непосредственно и преимущественно для физического или юридического лица, называемого клиентом, от которого экономически зависит, получая от него, по крайней мере, 75% дохода.

Чтобы считаться зависимым самозанятым работником необходимо:

а) не иметь наемных работников и не заключать субподрядные контракты, т.е. не передавать исполнение части или всех обязательств третьим лицам;

б) не выполнять работу, идентичную услугам, оказываемым наемными работниками, нанятыми клиентом (иначе речь будет идти о ложно самозанятых, на которых этот закон не распространяется, но они признаются судом работниками);

в) иметь собственную производственную инфраструктуру и материалы, необходимые для осуществления своей деятельности, независимо от инфраструктуры и материалов клиента, когда они имеют экономическое значение для указанной деятельности;

г) осуществлять свою деятельность с использованием собственных организационных и технических ресурсов;

д) получать согласованное с клиентом вознаграждение в зависимости от результата деятельности, осуществляемой на свой страх и риск.

При этом есть две серьезные практические проблемы. Во-первых, условие зависимости самозанятого работника должно быть прямо указано в договоре, а заказчик может этому препятствовать. Во-вторых, существует проблема доказывания существования этой экономической зависимости. Это чрезвычайно важный вопрос для компаний-клиентов, потому что, кроме случаев эксклюзивности, они должны верить на слово самозанятому.

Согласно испанскому закону все самозанятые имеют такие основные права, как равенство и защита от дискриминации, право на охрану здоровья, физическое и психологическое благополучие, свободу вероисповедания, эффективную правовую защиту, право на труд, свободный выбор карьеры, право хозяйственной инициативы и свободной конкуренции, право интеллектуальной собственности, касающиеся их собственной работы, договорное обеспечение, право на вознаграждение, совмещение профессиональной и личной жизни, профессиональную подготовку и переподготовку.

Кроме того, зависимые самозанятые имеют право:

– на заключение соглашения, представляющего профессиональный интерес (Acuerdos de Interes Profesional; далее – AIP);

– коллективную защиту и защиту в целом;

– участие во внесудебных системах для решения коллективных проблем в соответствии с договоренностями AIP;

– обязательное страхование на случай временной нетрудоспособности, которое ранее было только добровольным;

– досрочный выход на пенсию за услуги, предоставляемые в условиях, которые являются вредными или опасными;

– пособие по безработице;

– оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 дней в году, если большая продолжительность не предусмотрена контрактом или соглашением;

– выходные и праздничные дни;

– ограничение сверхурочных работ, продолжительность которых должна быть установлена в договоре и не превышать 30% от согласованного обычного времени;

– коррекцию своего графика с учетом их профессиональной и личной жизни;

– расторжение договора по ограниченному числу оснований: по взаимному согласию сторон; в связи со смертью, уходом на пенсию или инвалидностью; отказом работника; серьезным неисполнением обяза-

тельств клиентом; по уважительной причине или в случае необходимости; в связи с насилием по признаку пола;

- возмещение ущерба в случае признания увольнения осуществленным без уважительных причин;

- временное приостановление деятельности: при наличии обоюдного согласия; в связи с семейными обязанностями; серьезной угрозой для жизни или здоровья самозанятого работника; временной нетрудоспособностью; материнством или отцовством; насилием по признаку пола или форс-мажором;

- рассмотрение споров судом по социальным и трудовым вопросам;

- рассмотрение споров специализированными внесудебными органами по урегулированию конфликтов, в том числе обязательным арбитражем.

Таким образом, испанский закон о самозанятости представляет собой воплощенную концепцию «от трудового права к трудовым правам» [31. Р. 231], а именно формирует систему трудовых прав лиц, формально не являющихся субъектами трудового права. В развитие этого закона в Испании были приняты и другие нормативные правовые акты, посвященные регулированию труда самозанятых, например, королевский указ, в соответствии с которым разрабатываются Автономный статут труда, касающийся трудового договора с самозанятым работником и его регистрации, а также Государственный реестр профессиональных объединений самозанятых работников [32]. Мало того, в 2018 г. Правительство Испании разработало закон, призванный «покончить с “фальшивым предпринимательством”», который гласит, что работники, предлагающие свои услуги компании, приравниваются к ее персоналу» [33].

Распространение отдельных норм трудового права на самозанятых как способ устранения недобросовестных практик на рынке труда

В целом ряде стран в отдельных законах о труде содержатся нормы, распространяющие их действие (как правило, в определенной части) на самозанятых. Национальное законодательство в таких случаях устанавливает критерии, согласно которым самозанятый признается зависимым. Например, в Австрии к экономически зависимым самозанятым (лицам, схожим с работниками) относят лиц, которые выполняют работы (оказывают услуги) за счет другого лица, не заключая трудовой договор. При этом работа выполняется в пользу одного или очень ограниченного круга лиц, не используются собственные производственные ресурсы, вознаграждение является основным источником средств к существованию [23. Р. 43]. Такие лица не приравниваются к работникам полностью, к ним применяются только отдельные нормы трудового права, например, о трудовых судах, запрете дискриминации, заемном труде, охране труда и некоторые другие.

Германия разработала уникальные нормы, касающиеся самозанятых. В немецком законодательстве представлена категория «лица, похожие на сотрудников», которые имеют статус предпринимателей, вы-

полняют работу лично для одного клиента либо зарабатывают не менее половины своего дохода только из одного источника. Такие предприниматели имеют доступ к некоторым институтам немецкого трудового права, они могут вступать в трудовые споры и заключать коллективные договоры, или вступать аналогично работникам в индивидуальные споры, которые рассматриваются в суде по трудовым спорам. Такие лица (подобные работникам) могут также признаваться субъектами системы социального обеспечения наравне с работниками. В то же время они пользуются некоторой автономией самозанятых, поскольку работодатели (заказчики) не могут диктовать им место и время выполнения работы. В отличие от испанского закона, в законодательстве Германии нет самостоятельного закона, но соответствующие положения содержатся в Законе о тарифном (коллективном) договоре [34], которые распространяются и на самозанятых. Кроме того, немецкое законодательство устанавливает меньший уровень экономической зависимости самозанятых по сравнению с испанским законодательством, требуя, чтобы более 50% дохода работника было получено от одного заказчика. Кроме того, немецкое законодательство содержит некоторые общие положения, которые применяются как к наемным работникам, так и к самозанятым. Например, предусмотрен 24-дневный оплачиваемый отпуск специально для зависимых самозанятых [35].

Схожие подходы к регулированию труда самозанятых прослеживаются и в некоторых других европейских правовых порядках. В Италии самозанятые трудящиеся также могут пользоваться правом на ведение коллективных переговоров и могут быть представлены профсоюзными органами, призванными в основном защищать наемных работников.

В шведском трудовом законодательстве используется термин «зависимый подрядчик». Эта категория в шведское коллективное трудовое право была введена еще в 1940-х г. и сохранилась в действующих сегодня законах, которые предоставляют зависимым подрядчикам те же права, что и работникам в части свободы ассоциации, коллективных договоров, прав на информацию, безопасности труда, социального страхования (в том числе от безработицы) и т.п. [24. Р. 163]. И хотя многие считают, что применение труда зависимых подрядчиков в Швеции перестало быть актуальным, другие предлагают расширить сферу действия коллективного трудового права на лиц, работающих в бизнесе франчайзинга [25. Р. 70].

В тех странах, где отсутствуют нормативное регулирование феномена самозанятости или нормы трудового права, описывающие признаки трудового отношения, позволяющие четко отграничивать друг от друга трудовые и гражданско-правовые отношения по выполнению физическими лицами работ или оказания услуг, вопросы гибкости трудового регулирования, тем не менее, могут стать предметом судебного разбирательства. Например, в Южно-Африканской Республике закон исключает независимого подрядчика из сферы действия трудового и социального законодательства, но судам, тем не менее, приходится рассматривать дела, связанные с разграничением ра-

ботника и независимого подрядчика, используя подход «доминирующего впечатления». Причем без должного выяснения содержания фактически сложившихся отношений, что критикуется учеными-юристами [36]. В качестве положительного опыта в этой связи приводится практика США, где независимым подрядчиком признается тот, кто предоставляет услуги «широкой публике», имеет ряд клиентов, несет экономический риск потери работы. Подрядчики же, которые экономически зависят от лица, для которого они выполняют услуги в целом, должны рассматриваться как работники. Такие факторы, как низкая заработная плата, низкий уровень квалификации и наличие одного или нескольких работодателей, должны препятствовать признанию лица в качестве независимого подрядчика [37].

Защита зависимых самозанятых коллективным договором: светлый идеал или коллизия с нормами антимонопольного законодательства?

В разных странах, в том числе странах ЕС, правовое регулирование и степень защиты самозанятых находятся на совершенно разных уровнях.

В отсутствие специального законодательного регулирования труда зависимых самозанятых особо актуальным становится вопрос о распространении на них свободы ассоциации и коллективных переговоров. Конечно, распространение на зависимых самозанятых коллективных договоров и тарифных соглашений, действующих в конкретной организации, способно максимально уравнивать их в правах с работниками, особенно касательно гарантий в сфере оплаты труда. Но здесь существуют объективные экономические, социальные и правовые препятствия. И сводятся они не только к пробелам правового регулирования и традиционной сферы применения трудового законодательства. Этот вопрос как раз может быть решен путем внесения соответствующих норм в действующее национальное законодательство, расширяющих сферу действия коллективного трудового права, как уже сделано в отдельных странах, упоминаемых выше.

Гораздо более сложной проблемой является реальная возможность и желание зависимых самозанятых присоединяться к профсоюзному движению, а у профсоюзов – защищать права тех, кто может умышленно с помощью приобретения статуса самозанятого уклоняться от страховых обязательств с целью получения преимуществ на рынке труда. Тем не менее нарастающие проблемы профсоюзов, связанные с прокарнизацией рынка труда и уменьшением численности их членов, а значит, и снижающие авторитет, могут привести к смягчению позиции к самозанятым, как потенциальным участникам ассоциации. Если говорить об интересах самих зависимых самозанятых то следует присоединиться к мнению тех исследователей, которые выступают за расширение их прав при проведении коллективных переговоров [38]. Здесь следует отметить, что, например, в Нидерландах эта проблема решена полностью, поскольку зависимым самозанятым, как и работникам, предоставлено право

на объединение в профсоюзы и право на коллективные переговоры [39. Р. 164].

Распространению в ЕС практики ведения коллективных переговоров самозанятыми, в том числе и в целях установления минимальной оплаты, во многом препятствует Европейское законодательство о конкуренции.

Важным с точки зрения европейской юриспруденции является недавно вынесенное судебное решение по делу Голландского профсоюза работников оркестра «FNV Kunsten Informatie en Media» [40], где рассмотрен вопрос о том, ограничиваются ли минимальные выплаты для самозанятых, установленные коллективным договором, положениями законодательства ЕС о конкуренции. Суд в итоге уклонился от оценки этого вопроса, сославшись на то, что «замещающие основных оркестрантов самозанятые» – это «ложные самозанятые», и поэтому они на деле являются сотрудниками. В указанном случае суд посчитал, что решающее значение имеет реалистичное определение того, является ли поставщик услуг подчиненным работодателю. А значит, самозанятые были признаны работниками, на которых распространяются гарантийные нормы по минимальной зарплате, установленные коллективным договором. При этом проблема коллизий норм конкурентного и коллективного трудового права осталась без судебной оценки.

В Европе коллективно-договорное установление минимальных выплат для самозанятых возникает в первую очередь (если вообще возникает) из национального трудового законодательства. В Нидерландах, как уже отмечалось выше, такую минимальную плату можно включить в коллективный договор. Там Закон о коллективном труде 1927 г. включает следующее положение: «...коллективный трудовой договор может также относиться к договорам на выполнение конкретной работы и договорам на оказание профессиональных услуг» [41]. Тем не менее некоторые положения законодательства ЕС, как представляется, создают проблемы для выплат самозанятым, устанавливаемых на национальном уровне, на основании или закона, или коллективных договоров.

ЕС объявляет вне закона соглашения между предприятиями, ограничивающие конкуренцию на рынке ЕС (ст. 101 ДФЕС [42]). Самозанятые лица, действующие как физические лица или наниматели очень небольшого штата, квалифицируются в качестве предприятий для целей законодательства о конкуренции, поскольку они предлагают услуги и товары на рынке. В этой связи следует упомянуть Решение Европейской Комиссии от 24 июня 2004 г. по поводу принятой Бельгийской ассоциацией архитекторов шкалы тарифов, согласно которому соглашение о минимальных тарифах архитекторов признано горизонтальным сговором лиц, представляющих интересы предприятий, а значит – односторонним решением, нарушающим законодательство о конкуренции [43].

При этом коллективные договоры могут быть исключены из запрета ст. 101(1) ДФЕС, если будут соблюдены определенные необходимые условия. В первых, соглашение должно быть результатом кол-

лективных переговоров между организациями, представляющими работодателей и работников. Во-вторых, коллективный договор должен непосредственно способствовать улучшению условий труда работников [44].

В США односторонние действия профсоюза в принципе освобождаются от антимонопольного законодательства, если профсоюз действует в собственных интересах и не объединяется с нетрудовыми группами. Основным прецедентом в этом вопросе является решение по делу Кэрролл [45]. Спор касался того, что американская Федерация музыкантов требовала от руководителей оркестров взимать со своих клиентов минимальные цены. Верховный Суд пришел к выводу, что руководители оркестра, работающие не по найму, действительно являлись «рабочей группой» и были вовлечены в «трудовой спор», поскольку существовала «конкуренция за работу или заработную плату или какая-либо другая экономическая взаимосвязь, затрагивающая законные интересы профсоюза, между членами профсоюза и независимыми подрядчиками». Суд определил, что профсоюз может объединяться с независимыми подрядчиками, если «работа и функции, выполняемые независимыми подрядчиками, фактически или потенциально затрагивают время, заработную плату, гарантии занятости или условия труда членов профсоюза в одной и той же отрасли». Таким образом, с помощью прецедента решается вопрос о возможностях предоставления трудовых гарантий работникам зависимых самозанятых лиц [44].

Антимонопольное законодательство США разрешает профсоюзам, включающим как наемных работников, так и самозанятых, в одностороннем порядке устанавливать взносы, обязательные для самозанятых членов профсоюза, когда эти сборы влияют на заработную плату работников. Однако антимонопольное законодательство США запрещает организациям, состоящим исключительно из самозанятых, вести коллективные переговоры с клиентами о минимальном размере их оплаты. Существует множество норм трудового законодательства США, которые мешают работникам и самозанятым объединяться для заключения сделок с клиентами самозанятых, даже если такие переговоры не нарушают антимонопольное законодательство США. Действительно, в соответствии со статьей 8(е) национального Закона «О трудовых отношениях» [46] даже профсоюзу, членами которого являются исключительно наемные работники, не разрешается заключать соглашение со своим работодателем, запрещающее последнему нанимать самозанятых лиц, которые не получают установленного минимального вознаграждения (29 U. S. c. § 158(е)). Вместе с тем существуют отдельные исключения из раздела 8(е) для швейной и строительной отраслей, в которых независимые подрядчики, работающие не по найму, являются весьма распространенным явлением. В указанных секторах профсоюз работников может на законных основаниях вести переговоры со своим работодателем о размере вознаграждения независимых подрядчиков, нанятых работодателем.

Заключение

Можно с уверенностью сказать, что доля самозанятых в экономике в современных условиях, связанных с глобальными изменениями на рынке труда (прекаризация труда, автоматизация и роботизация производственных процессов, цифровизация экономики), будет продолжать расти. Этот рост влечет за собой целый ряд социально-экономических рисков, которые государство не может позволить себе игнорировать. Это прежде всего рост теневой экономики, сужение финансово-экономической основы традиционных фондов общественного потребления, в том числе и обязательного социального страхования, бюджетный кризис в части реализации социальных программ, снижение уровня социальной защиты трудящихся (в широком понимании этого слова), а значит, риск социально-политической нестабильности и угроза хрупкому социальному миру.

Все эти обстоятельства и объясняют то пристальное внимание, которое сегодня в мире уделяется вопросам гибкого трудового права и изучению возможностей предоставления мер социальной защиты экономически зависимых от заказчика самозанятых, включая меры, традиционно предоставляемые наемным работникам.

Как видим, способы реагирования на вызовы расширения сферы применения экономически зависимой самозанятости в разных странах разные – от полного игнорирования проблемы на уровне законодательства с возможностями судебного разрешения споров о признании отношений трудовыми (ЮАР) до издания специального закона о самозанятых с предоставлением экономически зависимым самозанятым трудовых прав и гарантий, сопоставимых с правами и гарантиями наемных работников (Испания). Между этими двумя, казалось бы, крайними способами, существует множество вариантов, например:

- включение в законы о труде норм, распространяющих действие отдельных правил для наемных работников на зависимых самозанятых (Германия, Швеция);
- установление возможностей участия самозанятых в коллективно-договорном регулировании (Нидерланды);
- формирование системы судебных прецедентов, позволяющих квалифицировать отношения как трудовые (США) с одновременным нормативным закреплением признаков трудового отношения (США);
- законодательный запрет на заключение гражданских договоров с целью регулирования трудовых отношений с возможностью восстановления нарушенного права в результате нарушения этого запрета в суде (Польша, Россия) и др.

Во всех случаях фактически расширяется действие трудового права, хотя и с помощью различных средств.

Обращает на себя внимание неоднозначный новый тренд развития российского законодательства о самозанятых, мало того что происходит их искусственное разделение на индивидуальных предпринимателей и всех остальных, кто оказывает услуги физическим

лицам. Это, кстати, отчасти нивелирует и может сделать латентной проблему экономически зависимых самозанятых, поскольку и те и другие могут находиться в фактической зависимости от одного основного заказчика работ или услуг. В случае вывода самозанятых, оказывающих услуги физическим лицам, из сферы действия трудового законодательства (что предлагает сегодня Минтруд) через суд признать отношения трудовыми с помощью норм ст. 11 и 15 ТК РФ можно будет только тем лицам, которые заключили гражданско-правовой договор об оказании услуг с юридическим лицом или ИП в целях осуществления последним предпринимательской деятельности. Таким образом, уровень защиты остальных зависимых самозанятых упадет ниже минимального предела всяких международных стандартов.

Представляется, что сегодня основная проблема российского правотворчества в отношении регулирования деятельности самозанятых заключается в неверном определении приоритетов, главные из них – вывод самозанятых из тени, борьба с теневой экономикой, перспектива расширения налоговой базы и

повышение собираемости налогов. Однако все приведенные выше примеры международного подхода к проблемам самозанятых и экономически зависимых самозанятых, как и примеры зарубежного гибкого применения трудового права и частичного расширения сферы его действия, говорят о других приоритетах международной и зарубежной повестки. Только защищенные в правовом смысле самозанятые могут рассматриваться как стабильная часть рынка труда, а экономические результаты их деятельности – как часть ВВП страны и основа ее финансовой и бюджетной обеспеченности. Непродуманные решения в этой сфере способны еще в большей степени прокартировать рынок труда и загнать «в тень» доходы наименее защищенных групп экономически активного населения, выводя его за пределы формальной занятости.

Обобщая зарубежный опыт, можно сделать вывод, что в России еще предстоит осмыслить и начать решать проблемы, связанные с искусственным выводом из сферы действия трудового права самозанятых, которые занимаются экономически зависимой от одного заказчика-работодателя деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.11.2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6844.
2. Федеральный закон от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4748.
3. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.
4. Малис Н.И. Новые правила налогообложения микробизнеса должны способствовать росту налоговых поступлений // Налоги и финансы. 2017. № 4. С. 40–45.
5. Лысенко Е.Д. Актуальные проблемы правового регулирования самозанятости // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2017. № 2. С. 1–11.
6. Федеральная налоговая служба. Статистика по самозанятым гражданам. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ (дата обращения: 9.02.2019).
7. URL: <http://tass.ru/ekonomika/5229974> (дата обращения: 9.02.2019).
8. Горелова И. «Всем выйти из сумрака»: какие изменения ждут самозанятых в 2019 году. URL: <https://v1.ru/text/longread/business/65656161/> (дата обращения: 9.02.2019).
9. Роструд. Трудовые ресурсы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 9.02.2019).
10. В ФНС уже признают эксперимент с самозанятыми успешным // Новые известия. 2019. 15 января. URL: <https://newizv.ru/news/economy/15-01-2019/v-fns-priznali-eksperiment-s-samozanyatymi-uspeshnym> (дата обращения: 10.02.2019).
11. Попкова Ж.Г. Новая категория самозанятых лиц: проблемы правового статуса // Право и экономика. 2017. № 2. С. 5–14.
12. Мишина И. Первые «ягодки»: Закон о самозанятых уже бьет по государству и работникам // Новые известия. 2019. 11 января. URL: <https://newizv.ru/news/economy/11-01-2019/pervye-yagodki-zakon-o-samozanyatyh-udaril-po-gosudarstvu-i-rabotnikam> (дата обращения: 12.01.2019).
13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников)». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54427.html> (дата обращения: 12.01.2019).
14. Решение Пролетарского районного суда г. Твери № 2-1325/2015 2-1325/2015-М-1081/2015 М-1081/2015 от 30 июня 2015 г. по делу № 2-1325/2015 по иску Щегловой А.Ю. к ОАО «Московско-Тверская пригородная пассажирская компания». URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 1.09.2018).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.
16. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2018 г. по делу № А70-13715/2017. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 10.02.2019).
17. Ustawa z dnia 26 czerwca 1974 r. Kodeks pracy (Dz.U. z 1974 r. nr 24, poz. 141). URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19740240141> (дата обращения: 10.02.2019).
18. Rathod J.M., Skapski M. Reimagining the Law of Self-Employment: a Comparative Perspective // Hofstra Labor & Employment Law Journal. 2013. Vol. 31, is. 1.
19. Изменения в Трудовом кодексе Польши в 2018 году. URL: <http://vsetutpl.com/ru/yzmenenyya-v-trudovom-kodekse-polshy-v-2018-godu> (дата обращения: 10.02.2019).
20. Waas B. Heerma van Voss G. Restatement of Labour Law in Europe. Vol. I: The Concept of Employee Bloomsbury Publishing, 2017. 880 p.
21. Fudge J. Labour Protection for Self-Employed Workers // Just Labour. 2003. Vol. 3. P. 36–45.
22. Преамбула Рекомендации № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» (Принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2019).

23. Regulating the Employment Relationship in Europe and Central Asia: a Guide to Recommendation No. 198 / International Labour Office, Governance and Tripartism Department. Geneva : ILO, 2014.
24. Rönmar M. The Personal Scope of Labour Law and the Notion of Employee in Sweden // The 7th JILPT Comparative Labour Law Seminar. Tokyo, 9–10 March 2004. Tokyo, 2004. P. 159–165.
25. Bergqvist O., Lunning L., Toijer G. Medbestämmandelagen: lagtext med kommentarer. Stockholm : Publica, 1997. 595 p.
26. Engblom S. Self-Employment and the Personal Scope of Labour Law: Comparative Lessons from France, Italy, Sweden, the United Kingdom and the United States : EUI PhD theses. Florence, 2003. 314 p.
27. Coletto D., Pedersini R. Self-Employed Workers: Industrial Relations and Working Conditions (2009). URL: https://www.researchgate.net/publication/268448326_Self-Employed_Workers_Industrial_Relations_and_Working_Conditions (дата обращения: 16.05.2018).
28. Hall J. This Law Could Give the Self-Employed the Same Rights as Employees // Simply Business. URL: <https://www.simplybusiness.co.uk/knowledge/articles/2018/02/law-could-give-self-employed-workers-same-rights-as-employees/> (дата обращения: 06.05.2018).
29. Pedersini R., Coletto D. Self-Employed Workers: Industrial Relations and Working Conditions. Dublin : European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2010. 66 p. URL: <http://www.eurofound.europa.eu/docs/comparative/t0801018s/t0801018s.pdf> (дата обращения: 11.02.2019).
30. Ley 20/2007, de 11 de julio, del Estatuto del trabajo autónomo. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Laboral/l20-2007.html (дата обращения: 09.02.2019).
31. Torres E.S. Self-Employed Worker: the Spanish Law on Dependent Self-Employed Workers: a New Evolution in Labor Law // 31 Comp. Lab. L. & Pol'y J. 2010. № 31.
32. Real Decreto 197/2009, de 23 de febrero, por el que se desarrolla el Estatuto del Trabajo Autónomo en materia de contrato del trabajador autónomo económicamente dependiente y su registro y se crea el Registro Estatal de asociaciones profesionales de trabajadores autónomos. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Laboral/rd197-2009.html (дата обращения: 17.02.2019).
33. Власти Испании облегчат жизнь самозанятых граждан (30.10.2018). URL: <http://noticia.ru/allnews/ekonomika/vlasti-ispanii-obleghchat-zhizn-samozanyatyh-grazhdan.htm> (дата обращения: 16.02.2019).
34. Tarifvertragsgesetz 09.04.1949. Tarifvertragsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 25 August 1969 (BGBl. I S. 1323), das durch Artikel 5 des Gesetzes vom 11 August 2014 (BGBl. I S. 1348). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/tvg/BJNR700550949.html> (дата обращения: 13.02.2019).
35. Mindesturlaubsgesetz für Arbeitnehmer (Bundesurlaubsgesetz) 1963 08 Januar. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/burlg/> (дата обращения: 13.02.2019).
36. Fourie E.S. Non-standard workers: the South African context, International law and regulation by the European Union // Potchefstroomse Elektroniese Regsblad – Potchefstroom Electronic Law Journal. 2008. Vol. 11, № 4. P. 110–152.
37. Benjamin P. An Accident of History: Who is (and Who Should be) an Employee Under South African Labour Law? // Industrial Law Journal (Juta). 2004. Vol. 25. P. 787–804.
38. Stone K.V.W. Legal Protections for Atypical Employees: Employment Law for Workers Without Workplaces and Employees Without Employers // Berkeley Journal of Employment and Labor Law. 2006. № 27 (2). P. 253–286.
39. Westerveld M. The 'New' Self-Employed: An Issue for Social Policy? // European Journal of Social Security. September 2012. № 14 (3). P. 156–173.
40. Judgment of the Court (First Chamber), 4 December 2014. FNV Kunsten Informatie en Media v Staat der Nederlanden. URL: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/P_106320/fr/?rec=RG&jur=C&anchor=201412C0354#201412C0354 (дата обращения: 13.02.2019).
41. Artikel 1 (2) Wet van 24 december 1927, houdende nadere regeling van de Collectieve Arbeidsovereenkomst. URL: <https://www.businesslegalconsultancy.com/nl/wet-van-24-december-1927-houdende-nadere-regeling-van-de-collectieve-arbeidsovereenkomst/> (дата обращения: 14.02.2019).
42. Договор о функционировании Европейского Союза (англ. Treaty on the Functioning of the European Union, TFEU). URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 14.02.2019).
43. Commission of the European Communities. Commission Decision of 24 June 2004 relating to a proceeding under Article 81 of the EC Treaty. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/38549/38549_72_1.pdf (дата обращения: 13.02.2019).
44. Grosheide E., Barenberg M. Minimum Fees for the Self-Employed: a European Response to the «Uber-Ized» Economy? // Colum. J. Eur. L. 2016. № 22. P. 193.
45. Fed'n of Musicians v. Carroll, 391 U.S. 99, 104 (1968). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/391/99/>
46. Титул 29, глава 7, подглава II, Свод законов США. URL: <https://www.nlr.gov/sites/default/files/attachments/basic-page/node-4094/the-nlr-text-of-the-act-rus.pdf> (дата обращения: 17.02.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 марта 2019 г.

The Economically Dependent Self-Employed: Differences in National Approaches to the Determination of Their Legal Status
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 212–222.

DOI: 10.17223/15617793/446/28

Larisa V. Zaitseva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

Keywords: field of labor law in terms of individuals; self-employed; collective agreement; minimum wage.

The aim of this research is to identify the most effective mechanisms for countering the practice of “unfair competition” in the labor market with the participation of the self-employed. To achieve the aim, the features of the legal status of the economically dependent self-employed in various modern legal orders are examined. In this research, the author analyzed the regulatory legal acts and court practice of the Russian Federation, Austria, Belgium, Germany, Italy, Spain, the Netherlands, Norway, Poland, the USA, Sweden, the Republic of South Africa on the regulation of dependent self-employed activities, recognition of civil law labor relations, widespread use of collective contractual regulation and its interaction with competition law. The documents of the International Labor Organization and the European Union, as well as publications of Russian and foreign researchers on the subject of the article were studied. The main methodological approaches in the study were comparative studies, the method of expert assessments, analysis and synthesis, formal legal and functional methods. The author found out that the modern labor market is characterized by an increase in the number of self-employed persons and a decrease in the number of employees. It can therefore be concluded that these processes narrow the scope of labor law, worsen the working conditions and the level of social protection for both self-employed people and employees. Since this problem is acquiring a global character, the article summarizes different national approaches to the regulation of the labor of the self-employed, to the determination of their legal status and the possibility of a flexible application of labor law norms to them. The phenomenon of self-employment for modern Russia was actualized. The article demonstrates a traditional labor law method for solving the problems of concealing an employment relationship for an employer to obtain illegal prefer-

ences. Different national practices existing in the Russian Federation and in other countries were compared. The author identified signs of economically dependent self-employed persons in different legal orders that separate them from other self-employed and employees. The problems arising from the provision of collective bargaining rights to the self-employed from the standpoint of anti-trust legislation were studied. As a result, the general problems and priorities of legal policy in this area have been identified, and the ways in which the national labor market is protected from “social dumping” existing in different countries have been generalized by bringing the status of economically dependent self-employed persons close to that of employees. The conclusion is made about the imperfection of the priorities of the legal policy of the Russian Federation in the field of the regulation of the self-employed. The policy aims at using monetary methods to withdrawing the self-employed “out of the shadow” to the detriment of social protection with the risk of the deterioration of working and employment conditions.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2016) Federal'nyy zakon ot 30.11.2016 № 401-FZ “O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 401-FZ of 30 November 2016 “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *SZ RF*. 49. Art. 6844.
2. Russian Federation. (2017) Federal'nyy zakon ot 26.07.2017 №199-FZ “O vnesenii izmeneniy v stat'i 2 i 23 chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 199-FZ of 26 July 2017 “On Amending Articles 2 and 23 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”]. *SZ RF*. 31 (I). Art. 4748.
3. Russian Federation. (2018) Federal'nyy zakon ot 27.11.2018 № 422-FZ “O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo nalogovogo rezhima “Nalog na professional'nyy dokhod” v gorode federal'nogo znacheniya Moskve, v Moskovskoy i Kaluzhskoy oblastiakh, a takzhe v Respublike Tatarstan (Tatarstan)” [Federal law No. 422-FZ of 27 November 2018 “On the experiment to establish a special tax regime “Profit Tax” in the city of federal significance Moscow, in Moscow and Kaluga Oblast, as well as in the Republic of Tatarstan (Tatarstan)”]. *SZ RF*. 49 (I). Art. 7494.
4. Malis, N.I. (2017) New rules of taxation of microbusiness should provide increasing of tax receipts. *Nalogi i finansy*. 4. pp. 40–45. (In Russian).
5. Lysenko, E.D. (2017) Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya samozanyatosti [Topical issues of legal regulation of self-employment]. *Publitsno-pravovye issledovaniya*. 2. pp. 1–11.
6. Federal Tax Service of Russia. (2019) *Statistika po samozanyatym grazhdanam* [Statistics on self-employed citizens]. [Online] Available from: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/. (Accessed: 9.02.2019).
7. TASS. (2018) *The State Duma passed in the first reading a bill on the accounting of self-employed citizens in tax authorities*. [Online] Available from: <http://tass.ru/ekonomika/5229974>. (Accessed: 9.02.2019). (In Russian).
8. Gorelova, I. (2018) “Vsem vyiti iz sumraki”: kakie izmeneniya zhdut samozanyatykh v 2019 godu [“Out of the gloom, everyone”: what changes await the self-employed in 2019]. [Online] Available from: <https://v1.ru/text/longread/business/65656161/>. (Accessed: 9.02.2019).
9. Gks.ru. (2018) *Rostrud. Trudovye resursy* [Rostrud. Labor resources]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#. (Accessed: 9.02.2019).
10. *Novye izvestiya*. (2019) V FNS uzhe priznaly eksperiment s samozanyatymi uspeshnym [The Federal Tax Service has already recognized the experiment with the self-employed as successful]. 15 January. [Online] Available from: <https://newizv.ru/news/economy/15-01-2019/v-fns-priznali-eksperiment-s-samozanyatymi-uspeshnym>. (Accessed: 10.02.2019).
11. Popkova, Zh.G. (2017) A new category of self-employed persons: issues of the legal status. *Pravo i ekonomika*. 2. pp. 5–14. (In Russian).
12. Mishina, I. (2019) Pervye “yagodki”: Zakon o samozanyatykh uzhe b'et po gosudarstvu i rabotnikam [The first “berries”: the law on the self-employed already hits the state and workers]. *Novye izvestiya*. 11 January. [Online] Available from: <https://newizv.ru/news/economy/11-01-2019/pervye-yagodki-zakon-o-samozanyatykh-udaryl-po-gosudarstvu-i-rabotnikam>. (Accessed: 12.01.2019).
13. Consultant.ru. (2018) *Proekt Federal'nogo zakona “O vnesenii izmeneniy v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy ot del'nykh kategoriy rabotnikov)”* [The draft Federal Law “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation (in terms of improving the legal regulation of labor relations of certain categories of workers)”]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/54427.html>. (Accessed: 12.01.2019).
14. Sudact.ru. (2015) *Decision of the Proletarsky District Court of Tver No. 2-1325/2015 2-1325/2015~M-1081/2015 M-1081/2015 of June 30, 2015, in case No. 2-1325/2015 in a lawsuit by A.Yu. Scheglova to OJSC Moscow-Tver Suburban Passenger Company*. [Online] Available from: <https://www.sudact.ru>. (Accessed: 1.09.2018).
15. Supreme Court of the Russian Federation. (2018) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.05.2018 № 15 “O primenении sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud rabotnikov, rabotayushchikh u rabotodateley – fizicheskikh lits i u rabotodateley – sub'ektov malogo predprinimatel'stva, kotorye otneseny k mikropredpriyatiyam” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 of 29 May 2018 “On the application by the courts of laws regulating the labor of workers working with individual employers and with small business employers that are classified as microenterprises”]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 7.
16. Sudact.ru. (2018) *Decision of the Eighth Arbitration Court of Appeal of June 7, 2018, in case No. A70-13715/2017*. [Online] Available from: <https://www.sudact.ru/>. (Accessed: 10.02.2019). (In Russian).
17. ISAP. (1974) *Ustawa z dnia 26 czerwca 1974 r. Kodeks pracy (Dz.U. z 1974 r. nr 24, poz. 141)*. [Online] Available from: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19740240141>. (Accessed: 10.02.2019).
18. Rathod, J.M. & Skapski, M. (2013) Reimagining the Law of Self-Employment: a Comparative Perspective. *Hofstra Labor & Employment Law Journal*. 31 (1).
19. Vsetut.pl. (2018) *Izmeneniya v Trudovom kodekse Pol'shi v 2018 godu* [Changes to the Polish Labor Code in 2018]. [Online] Available from: <http://vsetutpl.com/ru/yzmeneniya-v-trudovom-kodekse-polshy-v-2018-godu>. (Accessed: 10.02.2019).
20. Waas, B. & Heerma van Voss, G. (eds) (2017) *Restatement of Labour Law in Europe*. Vol. I: The Concept of Employee. Bloomsbury Publishing.
21. Fudge, J. (2003) Labour Protection for Self-Employed Workers. *Just Labour*. 3. pp. 36–45.
22. Konsul'tantPlyus. (2006) *Preamble to Recommendation No. 198 of the International Labor Organization “On the Labor Relations” (Adopted in Geneva on 15 June 2006 at the 95th session of the ILO General Conference)*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
23. International Labour Office, Governance and Tripartism Department. (2014) *Regulating the Employment Relationship in Europe and Central Asia: a Guide to Recommendation No. 198*. Geneva: ILO.
24. Rönmar, M. (2004) The Personal Scope of Labour Law and the Notion of Employee in Sweden. *The 7th JILPT Comparative Labour Law Seminar*. Tokyo. 9–10 March 2004. Tokyo. pp. 159–165.
25. Bergqvist, O. & Lunning L. (1997) *Toijer G Medbestämmandelagen: lagtext med kommentarer*. Stockholm: Publica.
26. Engblom, S. (2003) *Self-Employment and the Personal Scope of Labour Law: Comparative Lessons from France, Italy, Sweden, the United Kingdom and the United States*: EUI PhD theses. Florence.
27. Coletto, F. & Pedersini, R. (2009) *Self-Employed Workers: Industrial Relations and Working Conditions*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/268448326_Self-Employed_Workers_Industrial_Relations_and_Working_Conditions. (Accessed: 16.05.2018).

28. Hall, J. (2018) *This Law Could Give the Self-Employed the Same Rights as Employees*. [Online] Available from: <https://www.simplybusiness.co.uk/knowledge/articles/2018/02/law-could-give-self-employed-workers-same-rights-as-employees/>. (Accessed: 06.05.2018).
29. Pedersini, R. & Coletto, D. (2010) *Self-Employed Workers: Industrial Relations and Working Conditions*. Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. [Online] Available from: <http://www.eurofound.europa.eu/docs/comparative/tn0801018s/tn0801018s.pdf>. (Accessed: 11.02.2019).
30. Noticias Jurídicas. (2007) *Ley 20/2007, de 11 de julio, del Estatuto del trabajo autónomo*. [Online] Available from: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Laboral/l20-2007.html. (Accessed: 09.02.2019).
31. Torres, E.S. (2010) Self-Employed Worker: the Spanish Law on Dependent Self-Employed Workers: a New Evolution in Labor Law. *CLLPJ*. 31.
32. Noticias Jurídicas. (2009) *Real Decreto 197/2009, de 23 de febrero, por el que se desarrolla el Estatuto del Trabajo Autónomo en materia de contrato del trabajador autónomo económicamente dependiente y su registro y se crea el Registro Estatal de asociaciones profesionales de trabajadores autónomos*. [Online] Available from: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Laboral/rd_197-2009.html. (Accessed: 17.02.2019).
33. Noticia.ru. (2018) *Vlasti Ispanii oblegchat zhizn' samozanyatykh grazhdan* [The Spanish authorities will facilitate the life of self-employed citizens]. 30 October. [Online] Available from: <http://noticia.ru/allnews/ekonomika/vlasti-ispainii-oblegchat-zhizn-samozanyatykh-grazhdan.htm>. (Accessed: 16.02.2019).
34. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1949) *Tarifvertragsgesetz 09.04.1949. Tarifvertragsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 25 August 1969 (BGBl. I pp. 1323), das durch Artikel 5 des Gesetzes vom 11 August 2014 (BGBl. I pp. 1348)*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/tvg/BJNR700550949.html>. (Accessed: 13.02.2019).
35. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1963) *Mindesturlaubsgesetz für Arbeitnehmer (Bundesurlaubsgesetz) 1963 08 Januar*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/burlg/>. (Accessed: 13.02.2019).
36. Fourie, E.S. (2008) Non-standard workers: the South African context, International law and regulation by the European Union. *Potchefstroomse Elektroniese Regsblad – Potchefstroom Electronic Law Journal*. 11 (4). pp. 110–152.
37. Benjamin, P. (2004) An Accident of History: Who is (and Who Should be) an Employee Under South African Labour Law? *Industrial Law Journal*. 25. pp. 787–804.
38. Stone, K.V.W. (2006) Legal Protections for Atypical Employees: Employment Law for Workers Without Workplaces and Employees Without Employers. *Berkeley Journal of Employment and Labor Law*. 27 (2). pp. 253–286.
39. Westerveld, M. (2012) The 'New' Self-Employed: An Issue for Social Policy? *European Journal of Social Security*. September. 14(3). pp. 156–173.
40. EU Court of Justice. (2014) *Judgment of the Court (First Chamber), 4 December 2014. FNV Kunsten Informatie en Media v Staat der Nederlanden*. [Online] Available from: https://curia.europa.eu/jcms/jcms/P_106320/fr/?rec=RG&jur=C&anchor=201412C0354#201412_C0354. (Accessed: 13.02.2019).
41. Business Legal Consultancy. (1927) *Artikel 1 (2) Wet van 24 december 1927, houdende nadere regeling van de Collectieve Arbeidsovereenkomst*. [Online] Available from: <https://www.businesslegalconsultancy.com/nl/wet-van-24-december-1927-houdende-nadere-regeling-van-de-collectieve-arbeidsovereenkomst/>. (Accessed: 14.02.2019).
42. EU Law. (n.d.) *Treaty on the Functioning of the European Union*. [Online] Available from: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>. (Accessed: 14.02.2019). (In Russian).
43. Commission of the European Communities. (2004) *Commission Decision of 24 June 2004 relating to a proceeding under Article 81 of the EC Treaty*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/38549/38549_72_1.pdf. (Accessed: 13.02.2019).
44. Grosheide, E. & Barenberg, M. (2016) Minimum Fees for the Self-Employed: a European Response to the “Uber-Ized” Economy? *Colum. J. Eur. L.* 22.
45. Justia. (1968) *Fed'n of Musicians v. Carroll*, 391 U.S. 99, 104 (1968). [Online] Available from: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/391/99/>.
46. Nlrb.gov. (n.d.) *Code of Laws of the United States of America. Title 29. Chapter 7. Subchapter II*. [Online] Available from: <https://www.nlrb.gov/sites/default/files/attachments/basic-page/node-4094/the-nlra-text-of-the-act-rus.pdf>. (Accessed: 17.02.2019). (In Russian).

Received: 04 March 2019

А.Е. Канакова

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

Выявляются общие и специфические особенности теоретических и конституционно-правовых основ трансформации социально-экономической сферы в Российской Федерации. Анализ основан на действующем законодательстве Российской Федерации. Основным методом исследования был формально-юридический. Сделан вывод, что налог на профессиональный доход является примером изменения государственного подхода к решению проблемы теневой занятости населения.

Ключевые слова: налог; право на труд; свобода труда; рыночная экономика.

Необходимость выведения трудоспособного населения из теневого сектора экономики (20,1%, или 14,6 млн человек [1]) и правового регулирования данной деятельности активно обсуждается на протяжении последних четырех лет. Некоторые из предлагаемых инициатив не были поддержаны общественностью или юридическим сообществом, некоторые были реализованы, однако независимо от итоговых результатов все обсуждаемые варианты решения данной проблемы повлияли на современное состояние рассматриваемой сферы, в частности, являются предпосылками создания экспериментального налогового режима «налог на профессиональный доход».

Интересным фактом является то, что первые серьезные обсуждения механизма вовлечения трудоспособных, но официально не трудоустроенных лиц в процесс финансирования социальных расходов государства связаны не с событиями, происходящими на территории Российской Федерации, а были следствием нововведений, принятых в Республике Беларусь. Как известно, 2 апреля 2015 г. был принят Декрет № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» [2] (далее – Декрет № 3). Согласно положениям указанного Декрета граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, получившие разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь, в случае их неучастия в финансировании государственных расходов или участия в таком финансировании менее 183 календарных дней в налоговом периоде признаются плательщиками сбора на финансирование государственных расходов. Возможность заимствования опыта белорусских коллег широко обсуждалась юридическим сообществом и детально освещалась СМИ, однако сравнительный анализ наших типов экономических систем и учрежденных конституционных категорий в сфере труда выявил невозможность применения на территории Российской Федерации такого способа решения проблемы занятости населения в теневом секторе экономики.

Несмотря на то что в конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь не содержатся прямые указания на тип экономики, учрежденный в каждом государстве, анализ конституционных положений позволяет сделать вывод о том, что Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция РФ) закрепила рыночную экономику, в то время как Конституция Республики Беларусь 1994 г.

(далее – Конституция РБ) установила смешанный тип экономики, сочетающий элементы командно-административной и рыночной экономики. Различные типы экономики предполагают разную степень вмешательства государства в регулирование рыночных механизмов и социальной сферы. В рамках рыночного типа экономики степень государственного вмешательства должна быть минимальной, государство должно выступать в качестве «ночного сторожа» либо инструмента компенсации «провалов рынка» [3. С. 239–240], в то время как в условиях смешанной экономики государство участвует в регулировании указанных сфер в той степени, в которой это закреплено в нормативных правовых актах данного государства.

Несомненно, говорить о фактическом существовании рыночной экономики в России не представляется возможным, так как трансформация советской командно-административной экономики в рыночную предполагает переходный период, в рамках которого степень государственного регулирования рынка и социальной сферы будет постепенно минимизироваться. На сегодня Российская Федерация принимает активное участие при распределении ограниченных ресурсов и берет на себя решение тех задач, которые рынки либо вообще не могут решить (например, социальное обеспечение), либо решают не лучшим образом (трудоустройство безработных и т.п.) [4. С. 53–54]. Однако политика государства однозначно демонстрирует стремление построить рыночную экономику, т.е. создать рынок с функционирующим механизмом саморегулирования и передать основную часть ответственности за социальную сферу населению страны. Соответственно, полное заимствование механизма, предусмотренного в Декрете № 3, будет противоречить политике государства и конституционно закрепленному типу экономики, так как он не уменьшает степень государственного вмешательства в указанные вопросы, а наоборот, увеличивает (государство должно самостоятельно контролировать исполнение Декрета № 3, выявлять нарушителей и применять к ним соответствующие меры).

Еще одним фактором, не позволяющим обратиться к опыту и практике белорусских коллег, является различие в конституционно закрепленных категориях в сфере труда. Согласно ст. 41 Конституции РБ гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд, детализирующееся и раскрывающееся в этой и

последующих статьях Конституции РБ. В частности, из права на труд вытекает запрет принудительного труда, из содержания которого исключены работы и службы, назначенные по приговору суда или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении (ст. 41). Сочетание конституционных положений и положений Декрета № 3 в первоначальной редакции создало ситуацию, когда граждане, обладающие правом на труд, под которым подразумевается официальная занятость или деятельность, приравненная к таковой, должны участвовать в софинансировании государственных расходов посредством выплат, осуществляемых на основании их трудовой деятельности, или уплаты специального сбора, а за невыполнение данной обязанности они должны нести административную ответственность в виде штрафа или административного ареста, сопряженного с обязательными общественно полезными работами. Таким образом, государство оставляло своим гражданам только три возможных варианта поведения: осуществление трудовой деятельности, уплата сбора или несение ответственности. Данный механизм является примером внеэкономического принуждения к труду, когда под страхом наказания человек вынужден работать. Использование внеэкономического принуждения к труду возможно в условиях смешанной экономики, но недопустимо в рамках рыночного типа экономики.

Указанная выше невозможность одновременного учреждения внеэкономического принуждения к труду и рыночного типа экономики заключается в том, что неотъемлемой характеристикой рыночной экономики является закрепление свободы труда, предоставляющей человеку право полностью отказаться от осуществления любой трудовой деятельности без угрозы наказания. Единственной допустимой формой принуждения к труду в рамках рыночного типа экономики является экономический механизм принуждения, предусматривающий взаимосвязь уровня удовлетворяемых человеком потребностей и уровня его экономического благосостояния, в частности, эффективности его труда. Конституция РФ не содержит прямых указание на учрежденные в сфере труда категории, так как применяет непрямой метод конституирования, предполагающий закрепление содержания категории без прямого указания ее наименования. Таким образом, в Конституции РФ закреплены свобода труда и право на труд. Субъективными положениями, составляющими содержание конституционного принципа свобода труда, являются возможность принятия человеком решения об осуществлении трудовой занятости или отказе от таковой (ч. 1 ст. 37); возможность выбора определенного рода деятельности и профессии (ч. 1 ст. 37); запрет принудительного труда, кроме оговоренных законом случаев (ч. 2 ст. 37); недопустимость дискриминации при волеизъявлении человека в сфере труда (ст. 19 и ч. 3 ст. 37). Конституционный принцип права на труд включает конституционные положения, связанные с трудовой деятельностью, основанной на трудовом договоре: возможность выбора определенного рода деятельности и профессии (ч. 1 ст. 37), право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37), право на

вознаграждение (ч. 3 ст. 37), право на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37), право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37) и право на отдых (ч. 4 ст. 37).

Соответственно, включение запрета принудительного труда в состав свободы труда обеспечивает возможность человека безнаказанно отказаться от выполнения любой трудовой деятельности, что полностью соотносится с сущностью рыночной экономики. Следовательно, заимствовать положения Декрета № 3 не представляется возможным, так как они будут противоречить Конституции РФ.

Таким образом, можно резюмировать, что, несмотря на активное и широкое обсуждение перспективы заимствования опыта белорусских коллег, фактическое внедрение этих положений в нашу правовую систему было невозможно. Однако нельзя не отметить, что именно события, произошедшие в Республике Беларусь, выступили в роли спускового механизма для разработки изменений и нововведений в сфере теневой занятости населения Российской Федерации.

Например, под влиянием белорусского Декрета № 3 Законодательным собранием Санкт-Петербурга был подготовлен пакет поправок в Федеральные законы, среди которых указывалось положение о том, что граждан, не работающих свыше шести месяцев (при наличии подходящей работы), необходимо привлекать к исправительным работам сроком до одного года [5]. Не вызывает сомнений то, что принятие данных положений было бы неконституционным, так как они вступают в противоречие с конституционными положениями, устанавливающими свободу труда и рыночную экономику. Причем важно отметить, что данные поправки предлагали гражданам только два варианта поведения: либо официальное трудоустройство, либо несение ответственности. Отказ от трудовой деятельности при условии денежного возмещения государственных затрат на социальную сферу в указанном пакете поправок не предусматривался. Иными словами, указанные предложения возвращали ранее существовавшую обязанность трудиться. Учреждение обязанности трудиться возможно в двух случаях: во-первых, в условиях командно-административной или смешанной экономики и совместно с правом на труд и, во-вторых, в рамках рыночной экономики, но только в качестве моральной обязанности, не предусматривающей реального наказания. Таким образом, при попытке заимствования зарубежного опыта Законодательное Собрание Санкт-Петербурга не учло различия конституций Республики Беларусь и Российской Федерации и выступило с инициативой, противоречащей Конституции РФ.

Приведенные выше обсуждения породили иные инициативы в данной сфере, направленные на регулирование занятости населения в теневом секторе экономики. Наиболее обсуждаемым было предложение по введению так называемого налога на тунеядство. Важно отметить, что указанное наименование не является официальным, так как данный законопроект не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации (ГД РФ).

«Налогом на тунеядство» данные предложения называли исключительно в СМИ, что значительно искажило их суть. Как отмечал Д.А. Медведев, наименование обсуждаемой инициативы как «налог на тунеядство» не является правильным, так как речь идет не о наказании за сам факт отсутствия работы, а о вовлечении неработающих граждан в систему социальных платежей во внебюджетные фонды [6]. Отсутствие текста законопроекта, разрозненная и противоречивая информация о самом факте разработки данных изменений [7, 8], несомненно, усложняют процедуру анализа содержания данных предложений, но, несмотря на это, суть данных изменений была сформулирована достаточно четко.

Рассматриваемая инициатива, разумеется, продолжила идею, заложенную в Декрете № 3, но в адаптированном под рыночную экономику варианте: трудоспособных, но официально не осуществляющих трудовую деятельность граждан не обязывали трудоустраиваться, не вводили для них ответственность за отсутствие работы, но обязывали в таком случае уплачивать за себя страховые взносы во внебюджетные фонды. Предлагаемые нововведения напрямую не преследовали цель уменьшения числа официально безработных и фактического выведения граждан из теневого сектора экономики, так как в рамках рыночной экономики, во-первых, рынки, в том числе рынок труда, должны функционировать на условиях саморегулирования, что не предполагает государственного контроля над уровнем занятости, и, во-вторых, стопроцентная занятость населения в рыночных условиях является недостижимой. Соответственно, данная инициатива не противоречила сущности рыночного типа экономики и не нарушала запрет принудительного труда. Посредством так называемого налога на тунеядство предполагалось искоренение «социально-го иждивенчества», когда официально неработающие граждане пользуются всеми благами, обеспечиваемыми внебюджетными фондами Российской Федерации, за счет государственных средств и денежных средств, перечисляемых за граждан, работающих официально. То есть данная инициатива затрагивала вопросы социальной справедливости и перенесения расходов и ответственности за социальную сферу на граждан России.

Помимо введения нового механизма социальной ответственности данные изменения вносили серьезные коррективы в характер взаимодействия социальных и экономических прав и свобод человека и гражданина, объединяя их в одну категорию «социально-экономические права и свободы». Причина такой трансформации заключалась в том, что предлагаемые изменения ставили социальную составляющую жизни человека в прямую зависимость от его экономического статуса и благосостояния. Доступ ко всем социальным благам имели бы только трудящиеся или лица, способные самостоятельно оплачивать страховые взносы. Таким образом, не реализуя основные экономические права, человек не получает доступа к определенным социальным благам. Вектор объединения социальной и экономической составляющей жизни человека проявлялся и в иных предложениях,

озвучиваемых в тот период, например, отмены индексации пенсии работающим пенсионерам и трансформации содержания категории «бесплатная медицинская помощь».

Следовательно, можно констатировать, что данные предложения соотносились с политикой построения рыночной экономики, не противоречили сущности социального государства (так как не отменяли социальные права, учрежденные в ст. 7, 39, 41 Конституции РФ), устанавливали взаимосвязь существующих конституционных социальных и экономических прав и свобод (ст. 34, 37, 39, 41 Конституции РФ), учитывали государственные гарантии равенства прав и свобод (ст. 19 Конституции РФ), а также опирались на конституционно закрепленную обязанность уплачивать законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ), перечень которых установлен в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ). Однако, несмотря на соответствие политике государства и действующему законодательству, общественной поддержки инициатива вовлечения граждан в систему платежей во внебюджетные фонды не получила. Представляется, что значительная доля негативной реакции общества была вызвана искажениями, допускаемыми СМИ, в первую очередь связанными с наименованием данного предложения. Формулировка «налог на тунеядство» создала стойкую ассоциацию с возвратом в советский период, в рамках которого существовала поголовная обязанность трудиться. А предшествующий этому пакет поправок, подготовленный Законодательным собранием Санкт-Петербурга в 2015 г., только усилил эту ассоциацию.

Важно отметить, что причина отказа от дальнейшей разработки этой инициативы заключался не только в негативной реакции общества, но и в крайне сложном механизме ее реализации. Рассматриваемая идея порождала множество правовых вопросов, в частности необходимо было определить вид платежа, его размер, периодичность, получателя. Единое мнение по этим вопросам отсутствовало, поэтому текст законопроекта разработать не удалось, вследствие чего обсуждение «налога на тунеядство» прекратилось. Несмотря на то что периодически предлагаются инициативы, созвучные с «налогом на тунеядство» [9], представляется, что они столкнутся с аналогичными трудностями и не будут до конца разработаны.

Следующая волна обсуждения была связана с появлением новой категории «самозанятые». В 2016 г. в НК РФ были внесены изменения, позволяющие физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями и оказывающим без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, встать на учет в налоговом органе на основании представляемого им уведомления об осуществлении деятельности по оказанию услуг физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд (п. 7.3 ст. 83 НК РФ). Перечень видов деятельности, позволяющих встать на учет по п. 7.3. ст. 83 НК РФ, включает в себя только три варианта: услуги по присмотру и уходу за детьми, больными лицами, лицами,

достигшими возраста 80 лет, а также иными лицами, нуждающимися в постоянном постороннем уходе по заключению медицинской организации; услуги по репетиторству; услуги по уборке жилых помещений, ведению домашнего хозяйства (п. 70 ст. 217 НК РФ). После постановки на учет указанные лица не платят с получаемых ими доходов от данной деятельности налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и страховые взносы (п. 70 ст. 217, пп. 3 п. 3 ст. 422 НК РФ) и не могут быть привлечены к ответственности за ведение незаконной предпринимательской деятельности. На сегодня «налоговые каникулы» для указанных категорий лиц продлены до 31 декабря 2019 г. После завершения этого периода указанным лицам необходимо либо прекратить свою деятельность, либо определиться с подходящим для них вариантом уплаты налогов с получаемых ими доходов.

В качестве основного варианта легализации данных доходов рассматривается переход самозанятых на патентную систему налогообложения [10]. Для того чтобы самозанятые в будущем имели возможность перейти на патентную систему налогообложения, в рамках которой налогоплательщиками признаются индивидуальные предприниматели (ст. 346.44 НК РФ), в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены соответствующие изменения. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. скорректировал положения, связанные с определением предпринимательской деятельности, закрепив то, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия ведения гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Указанные изменения не только создали правовые основы для дальнейшего существования категории «самозанятые», но и отграничили самозанятых от лиц, осуществляющих незаконную предпринимательскую деятельность.

Важно отметить, что введение категории «самозанятые» обозначило изменение государственной политики в отношении лиц, трудящихся неофициально. Первоначальный подход к указанной проблеме предполагает процедуру выявления данных лиц и вовлечения их в официальную трудовую деятельность, однако в рамках рыночной экономики государство может наказывать за нарушение закона, но не может заставить этих лиц в дальнейшем трудиться в рамках законно установленных правил. Соответственно, необходимость решения данной проблемы требовала модернизации подхода. В зависимости от причин ведения такой деятельности меняются и пути решения проблемы неофициальной занятости. Причины ведения неофициальной трудовой деятельности могут быть разными, начиная от умышленного желания скрыть свои доходы и не уплачивать с них налоги и заканчивая непониманием, что осуществляемая ими деятельность подпадает под категорию трудовой или предпринимательской. Умышленное нарушение закона происходит под воздействием экономических факторов: неуплата налогов и страховых взносов за себя

и своих работников образует незаконно сбереженную экономическую выгоду. Изменение сложившейся ситуации возможно только в том случае, если официальная занятость станет экономически более привлекательной для индивидов, чем ее незаконный аналог. Государство предпринимает необходимые для этого меры, например, комитет ГД РФ по финансовому рынку разрабатывает поправки о необходимости снижения уровня долговой нагрузки заемщиков, ограничив размер траты россиян на погашение кредита – не более 50% от совокупного дохода семьи [11]. В данном случае получить кредит будет возможно на основании справки по форме 2-НДФЛ, выдаваемой только при официальной занятости. Причем важно отметить, что негативный эффект указанных изменений распространится и на лиц, официальный доход которых находится на минимальной границе, так как основную часть заработной платы они получают «в конверте»: документально подтвержденного размера дохода может быть недостаточно для выдачи необходимого кредита.

Однако предпринимаемые государством меры являются точечными и требуют достаточного количества времени для получения реальных результатов по вопросу уменьшения уровня неофициальной занятости населения. Для получения более быстрого результата государство параллельно стало разрабатывать иной подход к решению данной проблемы и вместо того, чтобы пытаться «вписать» лиц, трудящихся неофициально, в существующие на сегодня категории «трудоустроенный» и «индивидуальный предприниматель», оно стало создавать новые категории в данной сфере. Необходимость введения новых категорий обусловлены непониманием людей и (или) их убежденностью, что осуществляемая ими деятельность не подпадает под категории «трудоустроенный» и «индивидуальный предприниматель» и, следовательно, не нуждается в официальном оформлении и не подлежит налогообложению. В первую очередь речь идет, например, о работах и услугах, оказываемых на периодической основе родственникам, знакомым, посредством интернета или при использовании жилых помещений, гаражей.

Появление категории «самозанятые» стало первой попыткой в регулировании деятельности, которую ранее было достаточно сложно соотнести с какой-либо уже существующей категорией лиц. «Самозанятые» без коллизий и противоречий встраиваются в нашу правовую систему, имеют конституционные основы (ст. 34, 47, 57 Конституции РФ), однако эффективность данных изменений оказалась крайне низкой: на 1 декабря 2018 г. в России было зарегистрировано только 2 880 самозанятых, а к 1 марта 2019 г. их количество увеличилось лишь на 536 человек – 3 416 самозанятых [12].

В обобщенном виде причины низкой эффективности института «самозанятых» можно обозначить как некачественное информационное сопровождение такого изменения. Во-первых, проблемы вызывает дефиниция данной категории, которая до сих пор отсутствует. Министерство юстиции Российской Федерации разработало два законопроекта, направленных на

устранение соответствующего пробела. Но даже в их текстах определения самозанятых отличаются [13, 14]. Продвижение этих проектов остановилось на этапе общественных обсуждений и независимой антикоррупционной экспертизы, оставив юридическую общественность без четкого понимания нового правового института.

Во-вторых, дальнейшие перспективы института «самозанятых» являются крайне размытыми. На данный момент отсутствует ясность в том, что именно произойдет с самозанятыми по завершении налоговых каникул: их снимут с учета, переведут на какую-либо систему налогообложения или в специальный налоговый режим или переведут освобождение от уплаты налогов и страховых взносов на постоянную основу? Опасение за будущие последствия останавливают граждан от постановки на учет в качестве самозанятых.

Низкая эффективность института «самозанятых» не дискредитировала сам подход по созданию новых категорий трудовой занятости. Поэтому, несмотря на то что вся процедура от внесения в ГД РФ законопроекта об экспериментальном специальном налоговом режиме «налог на профессиональный доход» (НПД) до опубликования закона заняла всего лишь два месяца, данные изменения нельзя назвать неожиданными и спонтанными. События, происходящие на протяжении последних четырех лет, вели к созданию более масштабного и продуманного подхода, регулирующего «проблемные» формы осуществления трудовой деятельности. Однако важно отметить, что появление НПД только усугубило проблему отсутствия четких, детальных разъяснений принимаемых инициатив. СМИ и представители государственной власти употребляют категории «налог на самозанятых» и «НПД» как синонимы, вследствие чего возникает вопрос: действительно ли содержание этих правовых явлений совпадает? Если эти категории идентичны, то о каких самозанятых может вестись речь до введения НПД? Если лица, уплачивающие НПД, являются одним из видов самозанятых, то как именовать лиц, осуществляющих определенную трудовую деятельность для личных нужд и на основании положений НК РФ освобожденных от уплаты НДФЛ и страховых взносов? Ведь общеизвестно, что составная часть и целое не могут иметь одинаковое название. Если анализируемые категории имеют разную правовую природу, то по какой причине происходит смешение этих понятий?

Наиболее правильной представляется позиция разграничения категорий «самозанятые» и лица, уплачивающие НПД, так как между данными институтами существует ряд различий. Во-первых, они отличаются субъектным составом. Положения НК РФ и законопроекты Министерства юстиции Российской Федерации подчеркивают, что самозанятыми являются физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, в то время как применять НПД имеют право физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели (ч. 1 ст. 2 Федерального закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима

“Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» (далее – ФЗ о «НПД») [15]. Во-вторых, самозанятые на время налоговых каникул освобождены от уплаты НДФЛ и страховых взносов, в то время как в рамках применения НПД соответствующие лица заменяют свою обязанность уплачивать НДФЛ (для индивидуальных предпринимателей – еще и НДС) на обязанность уплачивать НПД, а обязанность уплачивать страховые взносы у данных лиц отсутствует (ч. 8, 9, 11 ст. 2, ч. 1, 2 ст. 15 ФЗ о «НПД»). В-третьих, данные категории трудящихся обладают разными критериями признания их таковыми. Основываясь на указанных выше различиях и несовпадении механизмов установления и уплаты указанных налогов, не представляется возможным их объединение в одну категорию.

В противовес категории «самозанятые», охватывающей только три вида деятельности, применение НПД доступно достаточно широкому перечню лиц. Под действие НПД подпадают физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, не имеющие работодателей и наемных работников по трудовому договору, получающие доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), годовой размер которых не превышает 2,4 млн рублей. Однако важно отметить, что введение НПД не создало абсолютно новые группы налогоплательщиков, а позволяет лицам, которые и сейчас обязаны уплачивать соответствующие налоги, перейти на более удобный, простой и выгодный способ их уплаты. Индивидуальные предприниматели в таком случае освобождаются от обязанности подавать декларацию, не признаются плательщиками страховых взносов и получают возможность уплачивать налоги по меньшей ставке: налоговая ставка НПД – 4 или 6%, упрощенная система налогообложения – 6 или 15%, единый сельскохозяйственный налог – 6%, единый налог на вмененный доход – 15%. Несомненно, эти факторы положительно влияют на экономическую привлекательность перехода на НПД.

Наряду с созданием более благоприятных условий для индивидуальных предпринимателей введение НПД преследовало и иную цель: охватить трудовую деятельность лиц, которые обязаны уплачивать НДФЛ, но по каким-либо причинам этого не делают. Новизна подхода в данном случае заключается в том, что ранее физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, не были субъектами, имеющими право переходить на специальный налоговый режим. Таким образом законодатель пытается упростить и облегчить исполнение обязанности по уплате налогов для лиц, не занимающихся масштабной трудовой деятельностью. Так, изготовление даже одного торта для знакомых, оплачивающих его приготовление, является доходом, подлежащим налогообложению по ставке 13% (пп. 6 п. 1 ст. 208, п. 1 ст. 224 НК РФ). Однако в подавляющем количестве случаев данный доход не будет задекларирован. Причины могут быть разными, однако самыми распространенными является то, что индивиды

либо не знают о своей обязанности уплатить НДФЛ с указанного дохода, либо не знают, как это сделать, в частности, испытывают трудности при заполнении справки по форме 3-НДФЛ. Все процедуры, начиная с регистрации в качестве налогоплательщика НПД и заканчивая уплатой этого налога, осуществляются в мобильном приложении, что, несомненно, является более удобным для большей части населения России.

Однако цель создания нового специального режима налогообложения нельзя сводить к упрощению процедуры уплаты налога, так как ведение НПД – это очередной шаг к построению рыночной экономики. Разумеется, первостепенной конституционной основой НПД является ст. 57 Конституции РФ, обязывающая уплачивать законно установленные налоги, но наряду с этим НПД затрагивает сущность и содержание иных конституционных положений, в частности ст. 34, 37, регулируя осуществление не запрещенной законом экономической деятельности, а также ст. 7, 39 и 41, внося коррективы в обязанности уплачивать страховые взносы.

Именно в трансформации социального аспекта заложена основная особенность НПД. Согласно положениям ФЗ о «НПД», индивидуальные предприниматели, указанные в подп. 2 п. 1 ст. 419 НК РФ, не признаются плательщиками страховых взносов на период применения специального налогового режима (ч. 11 ст. 2 ФЗ о НПД), а выплаты и иные вознаграждения, получаемые налогоплательщиками – физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, не признаются объектами обложения страховыми взносами для плательщиков, указанных в абз. 2 и 3 подп. 1 п. 1 ст. 419 НК РФ (при наличии чека, сформированного в установленном порядке) и указанных в абз. 4 подп. 1 п. 1 ст. 419 НК РФ. ФЗ о «НПД» отсылает к Главе 34 НК РФ, регулирующей уплату страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование. Соответственно, освобождение от уплаты страховых взносов в отношении лиц, находящихся на НПД, подразумевает отсутствие обязанности уплачивать во все социальные внебюджетные фонды. Такое решение законодателя соотносится с конституционно закрепленной целью построения рыночной экономики, так как ответственность за социальное обеспечение в первую очередь должна возлагаться на самого индивида. Таким образом, индивид вправе самостоятельно решать вопрос необходимости уплаты страховых взносов. Если индивид желает участвовать в финансировании собственного социального обеспечения, то он может либо осуществлять свою деятельность в качестве индивидуального предпринимателя (при условии осуществления деятельности не в рамках НПД) и уплачивать обязательные страховые взносы «за себя», либо перейти на НПД и оплачивать страховые взносы в добровольном порядке. Если же индивид не желает тратить заработанные денежные средства на собственное социальное обеспечение, то переход на НПД предоставляет ему законную возможность не участвовать в этом финансировании. Следовательно, государство постепенно уменьшает степень властного

влияния на социальную сферу, перекладывая принятие соответствующих решений на индивидов.

На фоне произошедших изменений логичным и предсказуемым является возникновение вопроса о том, не противоречат ли данные положения ст. 7 Конституции РФ, устанавливающей на территории России социальное государство. Несмотря на кажущуюся радикальность принятых нововведений, государство не отказалось от взятых на себя обязанностей по охране и гарантиям, предусмотренным в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ. Позволение не уплачивать страховые взносы на социальное страхование обусловлено тем, что в подавляющем большинстве случаев индивид, не имеющий работодателя, не имеет права на получение выплат из Фонда социального страхования. Соответственно, оплата «услуг» государства в социальной сфере, которыми в дальнейшем индивид не может воспользоваться, представляется неправильной. Отсутствие обязанности уплачивать страховые взносы на пенсионное страхование для лиц, находящихся на НПД, не означает отказ государства от предоставления данным индивидам государственной пенсии. Вопрос сводится лишь к тому, какой вид пенсии будет предоставляться индивиду. Если индивид согласен на получение социальной пенсии, то требование государства уплачивать страховые взносы для будущего назначения указанному лицу страховой пенсии является нелогичным. Освобождение от уплаты страховых взносов на медицинское страхование не лишает данных лиц возможности пользоваться бесплатными медицинскими услугами. Согласно ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [16] субъекты Российской Федерации вносят страховые взносы на обязательное медицинское страхование неработающего населения, т.е. восполняют складывающийся дефицит указанного фонда. На первый взгляд, такая ситуация является экономически невыгодной для государства, потому что в данном случае происходит не полное освобождение от этой обязанности, а замена субъекта исполнения обязанности. Однако для объективной оценки сложившейся ситуации необходимо учесть законодательные изменения, порожденные введением НПД. Как и любой другой налог, НПД подлежит зачислению в определенный бюджет. Доходы от уплаты НПД по нормативу 63% зачисляются в бюджет субъекта Российской Федерации и по нормативу 37% – в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования (п. 2 ст. 56, пп. 3 п. 1 ст. 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации). Важно отметить, что стандартный тариф страхового взноса на обязательное медицинское страхование составляет 5,1% (пп. 3 п. 2 ст. 425 НК РФ). Таким образом, от плательщиков НПД в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования поступает сумма больше, чем за лиц, трудоустроенных на основании трудового договора. Единственное отличие этих поступлений в том, что страховые взносы являются персонализированными, а доходы от НПД поступают не от конкретного лица.

Следовательно, НПД соответствует конституционным положениям, соотносится с политикой государства по построению рыночной экономики, охватывает категории лиц, трудящихся неофициально, переносит ответственность за социальное обеспечение на самих граждан, но при этом пополняет бюджеты субъектов Российской Федерации и фонда обязательного медицинского страхования.

Основываясь на проведенном анализе правовых взглядов, норм Конституции РФ, законов, законопроектов и иной юридической практике, можно сделать ряд выводов. Во-первых, высокий процент занятости населения в теневом секторе экономики создает проблему социального иждивенчества, когда лица, не работающие официально, получают социальные блага за счет страховых взносов трудящихся и денежных средств государства. Во-вторых, учреждение свободы

труда и рыночной экономики, к построению которой стремится Российская Федерация, не позволяет государству в принудительном порядке обязывать граждан трудоустроиваться. Соответственно, дефицит бюджетов, образующийся по причине неуплаты налогов лицами, занятыми в теневом секторе экономики, государству необходимо восполнять иными способами. В-третьих, на протяжении последних четырех лет государство предпринимало ряд попыток урегулирования теневой занятости и восполнения бюджетного дефицита, однако некоторые из инициатив было невозможно реализовать в силу их неконституционности, некоторые продемонстрировали низкий уровень эффективности. На сегодня НПД является результатом накопленного законодателем опыта изменений социально-экономической сферы и способен исполнить возложенную на него цель.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России увеличилось число занятых в неформальном секторе // Интернет-портал «Российской газеты». Электр. дан. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/03/27/v-rossii-uvlechilos-chislo-zaniatyh-v-neformalnom-sektore.html> – Загл. с экрана.
2. Декрет № 3 от 2 апреля 2015 г. «О предупреждении социального иждивенчества» // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Электр. дан. 2015. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135/ – Загл. с экрана.
3. Андреева Г.Н. Конституционное право зарубежных стран : учеб. М. : Норма, 2009. 509 с.
4. Липсиц И. В. Экономика : учеб. М. : КНОРУС, 2013. 312 с.
5. В России предлагают возродить наказание за тунеядство // Известия. Электр. дан. 2015. URL: <https://iz.ru/news/585864> – Загл. с экрана.
6. Медведев: Речь о введении налога на тунеядство не идет // Интернет-портал «Российской газеты». Электр. дан. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/10/21/medvedev-rech-o-vvedenii-naloga-na-tuneiadstvo-ne-idet.html> – Загл. с экрана.
7. В правительстве не обсуждают введение налога на тунеядство, заявила Голодец // РИА Новости. Электр. дан. 2017. URL: <https://ria.ru/society/20170602/1495676868.html> – Загл. с экрана.
8. В правительстве РФ обсуждают проект налога на тунеядство // Деловая электронная газета Бизнес Online. Электр. дан. 2016. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/324143> – Загл. с экрана.
9. Налог для тунеядцев: безработным придется раскошелиться // Газета.Ру. Электр. дан. 2018. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/11/20/12065227.shtml> – Загл. с экрана.
10. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. Электр. дан. 2015. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/ONNP_2016-2018.pdf
11. Долговой яме ограничат глубину // Коммерсантъ. Электр. дан. 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3895441> – Загл. с экрана.
12. Статистика по самозанятым гражданам // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Электр. дан. 2019. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/ – Загл. с экрана.
13. О внесении изменений в статью 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов». Электр. дан. 2017. URL: <https://regulation.gov.ru/p/66723> – Загл. с экрана.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов». Электр. дан. 2018. URL: <https://regulation.gov.ru/p/80737> – Загл. с экрана.
15. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан) : Федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.
16. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 июня 2019 г.

Tax on Professional Income: Preconditions for Introduction and Constitutional Fundamentals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 223–230.

DOI: 10.17223/15617793/446/29

Anna E. Kanakova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kananna19@yandex.ru

Keywords: tax; right to labor; freedom of labor; market economy.

The aim of this study is to identify the general and specific features of the theoretical and constitutional legal bases of the essence, content and preconditions for the transformation of the socioeconomic sphere in the Russian Federation. The constitutional establishment of market economy has predetermined the necessity of an actual transition from the command and administrative system to the market management. One of the crucial components of the given transition is the transformation of the socioeconomic sphere. In spite of numerous initiatives providing for socioeconomic changes, most of them were not realized due to their contradictions with the RF Constitution and the essence of the market economy. This situation has created the need to find solutions to this

problem. The analysis is based on the current legislation of the Russian Federation, bills, articles of official media, foreign regulatory legal acts. The main methods of the study were formal legal (used to study the texts of the basic laws) and comparative legal (used to identify the common and the specific). The article uses the dialectical method of scientific knowledge, as well as logical, historical and systemic methods. Of particular importance were the methods of analysis and synthesis. In the article, the author analyzed the initiatives to change the socioeconomic sphere in their historical development. The first similar discussions were the results of the adoption of Decree No. 3 “On the Prevention of Social Dependence” in the Republic of Belarus. Despite the wide discussions of the experience of Belarusian colleagues, the implementation of the mechanism given in Decree No. 3 on the territory of the Russian Federation is impossible. Some attempts to transform the given concept according to Russian realities produced the idea of involving the non-working population into the system of payments to the extra-budgetary funds of Russia, or, as media called it, the idea of a tax on parasitism. But the bill was never introduced in the RF State Duma. Another initiative on the introduction of the category “self-employed” was put into effect but demonstrated its ineffectiveness, which predetermined the necessity to work out new legislative changes in this sphere. Having generalized the previous experience, a new special experimental procedure – a tax on professional income – was elaborated. The analysis of the innovation shows that this tax is an example of the changes in the state’s approach to solving the problem of the population’s shadow employment. In this case, the state does not strive for eradicating unemployment but it applies legal regulation to people who are officially unemployed. At the same time, this special tax procedure is consistent with the constitutional provisions and the state policy of constructing market economy. Its main feature is that the state transfers its responsibility for social security to the citizens themselves and also supplies the budgets of the constituent entities and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund. Depending on the results of the experiment on the introduction of the tax on professional income, the state will either continue to implement the policy or have to search for new ways to transform the socioeconomic sphere.

REFERENCES

1. Rg.ru. (2019) *V Rossii uvelichilos' chislo zanyatykh v neformal'nom sektore* [In Russia, the number of people employed in the informal sector has increased]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2019/03/27/v-rossii-uvelichilos-chislo-zaniatykh-v-neformalnom-sektore.html>.
2. President.gov.by. (2015) *Dekret № 3 ot 2 aprelya 2015 g. “O preduprezhdenii sotsial'nogo izhdivenchestva”* [Decree No. 3 of April 2, 2015, “On the Prevention of Social Dependence”]. [Online] Available from: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-3-ot-2-aprelja-2015-g-11135/.
3. Andreeva, G.N. (2009) *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran* [Constitutional law of foreign countries]. Moscow: Norma.
4. Lipsits, I.V. (2013) *Ekonomika* [Economics]. Moscow: KNORUS.
5. Iz.ru. (2015) *V Rossii predlagayut vozrodit' nakazanie za tuneystvo* [In Russia, they propose to revive the punishment for parasitism]. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/585864>.
6. Rg.ru. (2016) *Medvedev: Rech' o vvedenii naloga na tuneystvo ne idet* [Medvedev: We are not talking about the introduction of a tax on parasitism]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2016/10/21/medvedev-rech-o-vvedenii-naloga-na-tuneystvo-ne-idet.html>.
7. RIA Novosti. (2017) *V pravitel'stve ne obsuzhdayut vvedenie naloga na tuneystvo, zayavila Golodets* [The government does not discuss the introduction of a tax on parasitism, said Golodets]. [Online] Available from: <https://ria.ru/society/20170602/1495676868.html>.
8. Biznes Online. (2016) *V pravitel'stve RF obsuzhdayut proekt naloga na tuneystvo* [The government of the Russian Federation discusses the draft tax on parasitism]. [Online] Available from: <https://www.business-gazeta.ru/news/324143>.
9. Gazeta.Ru. (2018) *Nalog dlya tuneystsev: bezrabotnym pridetsya raskoshelit'sya* [Tax for parasites: the unemployed will have to fork out]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/business/2018/11/20/12065227.shtml>.
10. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2015) *Osnovnye napravleniya nalogovoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2016 god i planovyy period 2017 i 2018 godov* [The main directions of the tax policy of the Russian Federation for 2016 and the planning period of 2017 and 2018]. [Online] Available from: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/ONNP_2016-2018.pdf.
11. Kommersant. (2019) *Dolgovoy yame ogranichat glubinu* [They will limit the depth of a debt pit]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3895441>.
12. Federal Tax Service of Russia. (2019) *Statistika po samozanyatym grazhdanam* [Statistics on self-employed citizens]. [Online] Available from: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/.
13. Regulation.gov.ru. (2017) *O vnesenii izmeneniy v stat'yu 2 Zakona Rossiyskoy Federatsii “O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii”* [On introducing amendments to Article 2 of the Law of the Russian Federation “On Employment in the Russian Federation”]. [Online] Available from: <https://regulation.gov.ru/p/66723>.
14. Regulation.gov.ru. (2018) *O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosu opredeleniya statusa samozanyatykh grazhdan* [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on determining the status of self-employed citizens]. [Online] Available from: <https://regulation.gov.ru/p/80737>.
15. Russian Federation. (2018) *O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo nalogovogo rezhima “Nalog na professional'nyy dokhod” v gorode federal'nogo znacheniya Moskve, v Moskovskoy i Kaluzhskoy oblasti, a takzhe v Respublike Tatarstan (Tatarstan): Feder. zakon ot 27.11.2018 № 422-FZ* [On the experiment to establish a special tax regime “Profit Tax” in the city of federal significance Moscow, in Moscow and Kaluga Oblast, as well as in the Republic of Tatarstan (Tatarstan): Federal Law No. 422-FZ of November 27, 2018]. *SZ RF*. 49 (I). Art. 7494.
16. Russian Federation. (2010) *Ob obyazatel'nom meditsinskom strakhovanii v Rossiyskoy Federatsii: Feder. zakon ot 29.11.2010 № 326-FZ* [On compulsory health insurance in the Russian Federation: Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010]. *SZ RF*. 49. Art. 6422.

Received: 14 June 2019

Л.Г. Коновалова

СОВЕТЫ ИЛИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕЙ

Данная статья продолжает вновь поднятую в последние годы дискуссию о достоинствах и недостатках советской представительной системы по сравнению с современной доктриной парламентаризма. Обозначаются базовые различия этих моделей представительства, но предлагается все же не отходить от избранного на сегодня пути становления парламентаризма и не поддерживать идеи использования отдельных компонентов советской представительной системы.

Ключевые слова: парламентаризм; представительные учреждения; мандат депутата; разделение властей; отзыв депутата; многопартийность.

Советская государственность составляет весомую часть истории нашей страны, а идея Советов как «работающих корпораций» на протяжении 75 лет открыто соперничала с концепцией парламентаризма, определяя политику не только в России, но и за рубежом. На сегодня практика Советов подвергается различным оценкам от полного ее уничтожения до восхваления. С одной стороны, Советы зачастую рассматриваются исключительно как орудие властвования коммунистической партии [1. С. 5; 2. С. 50], а опыт советской государственности – как ошибочный. С другой стороны, звучат предложения использовать модель Советов как наиболее эффективную по сравнению с современными парламентскими учреждениями, в качестве представительства в будущем [3. С. 45]. Некоторые авторы считают необходимым применять в современности лишь некоторые элементы советской представительной системы, например, указы депутатам, отзыв депутатов, неосвобожденный характер работы депутатов и т.п. [4. С. 32; 5. С. 28].

Съезды Советов и Верховные Советы обвиняют в том, что они занимались лишь формальным голосованием за подготовленные для них Центральным исполнительным комитетом, Президиумом Верховного Совета или партией проекты актов, а самостоятельно не могли эффективно работать из-за короткого срока сессий, неквалифицированности и многочисленности делегатов, склонности их к «митинговой демократии» [6. С. 16; 7. С. 17]. В то же время утверждается, что сила съездов состояла не в скрупулезной работе над законопроектами, а в отражении «живого дыхания масс», в идее представительства по принципиальным вопросам общественной жизни, тем более сессии Советов предшествовала слаженная работа по подготовке документации, выносимой на обсуждение [8. С. 265; 9. С. 8].

Столь диаметрально противоположные оценки обусловлены длительностью и многогранностью советской истории нашего государства. При присущих тому времени массовых фактах насилия, чрезмерной идеологизации управления проводилась социализация государственной политики, существенно расширялись формы народного представительства по сравнению с периодом царизма. Поэтому набор достоинств и недостатков советской представительной системы главным образом предопределяется методологическими подходами и ценностными установками различных

авторов. Предложения о возврате к модели Советов или отдельным ее компонентам пока не находят политической поддержки, однако с теоретических позиций представляется интересным сопоставить некогда конкурирующие концепции народного представительства.

Политико-правовая мысль советского периода должна была соотноситься с представлениями лидеров партии. В.И. Ленин считал Советы единственно возможным видом демократичных, интернациональных представительных учреждений для государства трудящихся. При этом вождь пролетариата отмечал, что «без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже пролетарской демократии, а без парламентаризма можем и должны» [10. С. 112].

Поэтому идея противопоставления Советов парламентаризму прослеживалась на протяжении всего периода существования Советского государства. Парламентаризм понимался как «метод управления и деятельности представительных органов, основанных на принципах, дающих возможность представлять и подавлять народ», как орудие господства буржуазии [11. С. 149]. В качестве элементов парламентаризма, способствующих подавлению народа, рассматривались двухпалатная структура парламента, затянутая процедура принятия законов в трех чтениях, подписание законов главой государства, отстранение парламента от решения исполнительно-распорядительных вопросов, свободный мандат депутата, деятельность политических партий, приводящих к власти исключительно представителей буржуазии, «игра в оппозицию», превращающая представительное учреждение в «театр бессодержательных словесных дуэлей» [12. С. 3–15]. Развитие парламентаризма советским авторам виделось как череда трех стадий: 1) оформление начальных элементов парламентаризма при создании первых парламентов; 2) совершенствование и зрелость парламентаризма при развитии партийной системы, закреплении всеобщего избирательного права; 3) кризис буржуазного парламентаризма, вызванный полным подчинением парламентов органам исполнительной власти. Прогнозировались неминуемая гибель парламентаризма в будущем вместе с самой буржуазной государственностью и замена ее системой Советов.

Выдающиеся советские исследователи зарубежной конституционно-правовой практики, такие как

Я.М. Бельсон, С.Б. Крылов, И.Д. Левин, А.А. Мишин [13. С. 199; 14. С. 3–46; 15. С. 99], проводили очень подробный анализ деятельности европейских парламентов, подчеркивая достоинства и недостатки системы парламентаризма. Их аргументированная и взвешенная критика работы зарубежных парламентов во многом актуальна и сегодня. Однако подобного скрупулезного расклада недостатков советской представительной системы в юридической науке того времени предложено не было, хотя советские авторы регулярно и задавались вопросом усовершенствования работы советов. Более того, в публикациях советских ученых с 1960-х гг. можно найти указания на то, что члены зарубежных парламентов вынуждены считаться с настроениями масс избирателей [16. С. 291].

Крупнейшими представителями советской правовой мысли периода ее становления были М.А. Рейснер, П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, Г.С. Гурвич. Известный русский и советский правовед М.А. Рейснер рассматривал право и государство с позиций сочетания марксизма и психологической теории права Л.И. Петражицкого. Он явился одним из разработчиков первой Конституции РСФСР и ряда декретов о суде, позволивших судьям использовать «революционное правосознание пролетариата» для разрешения конкретных дел. Советскую республику М.А. Рейснер воспринимал в качестве позитивного и «надежного проводника интуитивного пролетарского права, не искаженного парламентаризмом, бюрократизмом и обширным законодательством». По его мнению, Советское государство не нуждается в формальном праве, оно должно руководствоваться принципом целесообразности и рациональности устройства управленческого аппарата. Однако автора несколько смущало чрезмерное применение большевиками силы и имевшее место на практике доминирование исполкомов над Советами. Поэтому он не побоялся публично сетовать на превращение «Совдепии в исполкомию» [17. С. 15].

П.И. Стучка явился создателем особой теории «революционного права», воспринимая его как общественные отношения. Соответственно, закон советским правоведом определялся как формально закрепленная система мер господствующего класса, юридическое проявление защиты классовых интересов [18. С. 89]. Е.Б. Пашуканис пытался подстроить правовые конструкции под политическую целесообразность государства пролетариата [19. С. 50]. Г.С. Гурвич в своих трудах настолько рьяно отстаивал истинность представительства народа в Советском государстве, что даже не допускал каких-либо сравнений Советов с парламентами. Автор особо гордился разносторонностью решаемых Советами вопросов и императивным характером мандата советских депутатов [20. С. 140].

Параллельно в среде русской эмиграции в 1920–1930-х гг. возникло политическое учение евразийцев (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский, Л.Н. Карсавин, Н.Н. Алексеев). Опираясь на идею самодостаточности национальных культур, евразийцы в целом позитивно восприняли революцию в России, с которой связывали переход исторической инициативы от Запада к Востоку. Аналогично большевикам,

евразийцы считали европейский парламентаризм неудачным средством выявления народной воли, а демократию – оторванной от общества системой правления. Идеологический и политический плюрализм, разделение властей, по их мнению, ослабляют силу государства. Советская система привлекала евразийцев тем, что была подчинена партийной воли. Однако в идеале, согласно взглядам представителей этого течения, государство должно формироваться путем делегирования представителей от территорий, профессиональных и национальных групп. Несмотря на толерантное отношение к советской властной системе многие вернувшиеся на Родину представители евразийцев были подвергнуты репрессиям [21. С. 847].

С середины 20-х гг. почти на три десятилетия роль главного охранителя ленинских идей и ведущего теоретика права была присвоена Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) И.В. Сталиным. Он акцентировал внимание на обеспечении коллективных интересов в деятельности Советов и всего государства в целом. Элементами «социалистической демократии» считал систему Советов и негосударственные организации – профсоюзы, кооперативы, союзы молодежи, партию большевиков. При этом национальным лидером отставалась идея сращивания партийного и государственного аппарата [22. С. 76]. Например, в 1939 г. И.В. Сталин отметил: «Кадры партии – это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти – они являются также командным составом руководящих государственных органов» [23. С. 239]. После проведения А.Я. Вышинским Совещания по вопросам науки Советского государства и права в 1938 г. взгляды И.В. Сталина на государственно-правовые явления были абсолютизированы.

Позднее стали считаться авторитетными в области народного представительства работы таких советских авторов, как Г.В. Барабашев, Д.Л. Златопольский, С.С. Кравчук, А.И. Лепешкин, Б.Н. Топорнин, К.Ф. Шеремет [24. С. 285; 25. С. 199; 26. С. 92; 27. С. 34; 28. С. 207], рассматривающих достоинства системы единства Советов, принципа «демократического централизма», ответственности советских депутатов перед народом, «единства интересов и воли советского народа».

С позиции современности необходимо признать, что основные черты советской представительной системы были диаметрально противоположны признакам парламентаризма.

Во-первых, принцип верховенства закона, свойственный парламентаризму, на начальных этапах советской государственности полностью отвергался, уступив место концепции «революционной целесообразности», а в более позднее время был заменен на конструкцию «советской законности». Концепция «революционной целесообразности» предполагала рассмотрение права исключительно как орудия диктатуры пролетариата, не требующего использования традиционных юридических представлений о правотворчестве. Сам термин «закон» до принятия Конституции СССР 1936 г. не использовался. Различными правотворческими органами, включая Съезды сове-

тов, ВЦИК, Совнаркомы и даже предприятия, издавались декреты, постановления, распоряжения, инструкции и т.д. При этом не была регламентирована их юридическая сила, на практике они зачастую противоречили друг другу, а во многих сферах общественной жизни вообще отсутствовали. Поэтому советским судьям было официально разрешено применять «социалистическое правосознание» для рассмотрения конкретных дел [23. С. 188–235].

Такой подход считался рациональным для скорейшего укоренения советской власти. Например, по мнению П.И. Стучки, непрофессиональные советские судьи лучше других поддерживали режим «революционной законности», и хотя иногда выносили «дикие, несуразные решения», но в целом они рассматривали дела, исходя из перспектив коммунистического строительства [21. С. 796].

Впоследствии появилась потребность в более четком и системном регулировании общественных отношений, поэтому было принято решение использовать отдельные традиционные буржуазные юридические конструкции для целей социалистического строительства. Соответственно, с 1936 г. категория «закон» получает конституционное закрепление. Полномочием издавать законы были наделены исключительно Верховные Советы Союза и республик, акты других органов не должны были противоречить законам. Но советские законы существенно отличались от современных представлений о законодательных актах. Они принимались в процедуре, далекой от правил классического законодательного процесса и в основном выражали волю Президиума Верховного Совета. Например, в период с 1938 по 1988 г. Верховный Совет СССР принял менее 1% действовавших законов. Остальные 99% законодательных актов утверждались указами Президиума, а затем уже списком одобрялись на заседаниях Верховного Совета СССР [2. С. 47]. Акты официального толкования Президиумом своих указов вообще не проходили процедуру утверждения Верховным Советом [29. С. 20].

Многие существенные вопросы общественной жизни не регламентировались советскими законами, зачастую они подменялись совместными постановлениями Совета министров и ЦК КПСС, указами наркомов или министерств. В связи с этим в советской науке даже появилось широкое понятие «ведомственное законодательство», которым характеризовали практику нормотворчества распорядительных органов [30. С. 220].

В содержательном плане советские законы должны были соотноситься с данным А.Я. Вышинским в 1938 г. официальным определением советского права как «совокупности правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества» [31. С. 108].

Наконец, практическая деятельность органов государственного управления (министерств, ведомств, отделов, местных исполкомов) многократно свидетельствовала о нарушении законности [32. С. 53]. Сталинский период истории нашей страны просто поражает размахом незаконных и внеконституционных форм деятельности государственных органов, сопряженных с массовыми репрессиями. При этом до 1987 г. граждане не имели возможности обжаловать в суд незаконные действия государственных органов [30. С. 220].

Во-вторых, вместо разделения властей в Советском государстве использовался принцип единства государственной власти. Не в плане современного восприятия концепта единства государственной власти, не исключающего разделения государственной власти на ветви и предопределенного единством источника государственной власти и целей управления страной, а в плане прямого отрицания принципа разделения властей.

Такое отрицание было связано с обозначенными еще К. Марксом и Ф. Энгельсом реальными недостатками практики разделения властей в Европе, обусловленными преобладанием исполнительной власти над законодательной в силу сосредоточения в ее руках наиболее значимых полномочий в финансовой, полицейской и военной сферах деятельности, неэффективностью парламентского контроля и оторванностью избирателей от принимаемых государственно-властных решений [33. С. 342]. Соответственно, в Советском государстве была поставлена задача обеспечить полновластие народа через полновластие представительных учреждений, не ограниченных в компетентном плане перечнем решаемых вопросов. Большие надежды возлагались на систему «всевластных Советов», в которых должен был реализовываться принцип участия каждого депутата в повседневной работе по управлению государством [10. С. 245].

Однако с первых же лет советский власти выборные представительные органы не выполнили предназначенной им в теории роли. Слияние законодательства и управления было осуществлено сначала в лице Совета Народных Комиссаров, а потом Совмина, Президиума Верховного Совета и т.д. Избираемые судебные органы юридически были подконтрольны Советам, а на деле – их президиумам [34. С. 330]. То есть по факту в Советском государстве, так же как и в Европе, основные властные рычаги были сосредоточены не в представительных органах, а в органах государственного управления. Но положение усугублялось тем, что наряду с основными государственными учреждениями в Советском государстве регулярно создавались какие-либо чрезвычайные органы (Все-российская чрезвычайная комиссия, Наркомат продовольствия, революционные комитеты, Объединенное государственное политическое управление, Комисariat внутренних дел, чрезвычайные трибуналы и т.п. [23. С. 188]), обладающие в отдельных сферах деятельности практически неограниченными полномочиями и выполнявшие, как правило, репрессивные задачи. Исключительность советской государственной

системе придавала и руководящая роль ЦК КПСС, обеспечившая вторжение партии во все существенные вопросы государственно-паровой жизни [35. С. 35].

Даже в формально-юридическом смысле «важно отметить, что все государственные органы, а не только Советы практически являлись субъектами государственной власти в пределах своей компетенции, и в этом смысле Советы никогда не были единственными и непосредственно полновластными органами власти» [34. С. 330].

Более того, советская наука и практика, рьяно отрицая разделение властей, официально признавали целесообразность «распределения функций» органов власти. Этому факту в немалой степени способствовали эксперименты с реальным предоставлением всех полномочий местным советам в 1928–1934 гг., когда за представительными органами закреплялись обязанности осуществления надзора за проведением в жизнь обязательных постановлений, регистрационные действия с землей, раскулачивание крестьян, ведение нотариальных книг, проведения обысков и выемок, сбор налогов и т.д. [36. С. 13–21]. Подобные правила приводили к существенным перегрузкам в деятельности депутатов и порождали совершенно неэффективную работу коллегиальных органов, по природе не способных осуществлять исполнительно-распорядительный функционал. Конституция СССР 1977 г. предлагала расширенный перечень видов государственной деятельности: 1) законотворчество, 2) исполнительно-распорядительная деятельность (управление), 3) правосудие, 4) прокурорский надзор, 5) арбитраж [37]. Считалось, что эти виды деятельности могут определять целевое назначение и компетенцию создаваемых советами органов, но не исключают полновластия представительных органов [28. С. 67].

Как справедливо замечает П.А. Астафичев с позиций современной конституционно-правовой науки, «парламентаризму чужда идея полновластия представительных органов, весомость власти не означает ее абсолютизации» [38. С. 101].

В-третьих, в отличие от свойственного парламентаризму свободного характера депутатского мандата в советской представительной системе регламентировалась постоянная связь депутата с избирателями. Лейтмотивом использования в Советах императивного мандата депутата была позиция В.И. Ленина, считавшего необходимым для построения власти «работающих корпораций» установление подотчетности депутатов населению, высшей формой которой должен был стать отзыв избирателями представителей, не оправдавших их доверия [10. С. 243].

Соответственно, право отзыва применялось в Советах еще до Октябрьской революции 1917 г., главным образом для отстранения от работы недостаточно радикальных депутатов [8. С. 69]. В дальнейшем это право регламентировалось в советских конституциях, предоставлявших возможность отзыва в случаях, если депутат не оправдал доверия избирателей или же совершил действия, недостойные высокого звания депутата. Другие признаки императивного мандата также были закреплены законодательно. Устанавливались обязанности депутатов принимать наказания избирате-

лей и отчитываться перед ними [26. С. 27]. Депутаты считались представителями именно своих избирателей, однако во избежание излишнего регионализма Конституция СССР 1977 г. закрепила, что «в своей деятельности депутат руководствуется общегосударственными интересами» и лишь «учитывает запросы населения избирательного округа» [37].

Институт императивного мандата депутата подробно исследован в трудах советских ученых. Он считался единственным верным, поскольку признавалось, что свободный мандат не соответствует идее народного суверенитета [39. С. 7]. Вместе с тем конструкция императивного мандата порождала споры. Даже по поводу содержания императивного мандата не существовало единства мнений. Одни авторы полагали, что императивность мандата заключается в наказах и иных выражениях воли избирателя вовне (обращения, выступления на собраниях, анкеты и т.п.) [40. С. 11], другие видели его в ответственности депутата за свою деятельность перед избирателями и в праве отзыва депутата избирателями [41. С. 44]. Весьма распространенной была трактовка императивного мандата как совокупности трех элементов: наказов, отчетности и отзыва депутата [42. С. 112].

Так и не решенными остались вопросы отграничения наказов избирателей от иных форм обращений граждан к депутатам, а отчетов от – других видов встреч с избирателями, хотя предпринимались неоднократные попытки формулировки соответствующих критериев различий. Ученые задавались вопросом периодичности принятия наказов и проведения отчетов, регламентации процедуры их проведения [43. С. 11; 44. С. 60; 45. С. 92; 46. С. 45]. Однако накал дискуссий по этому поводу так и не был снят.

Сегодня очень распространено мнение, что императивный мандат советского депутата был в большей мере формальностью. Наказы подгонялись под планы, доводимые сверху, от избирателей принимались лишь те поручения, которые требовали минимальных усилий, отзыв использовался для политической борьбы с «неудобными», отчеты депутатов не соответствовали критерию информативности и т.д. [47. С. 12; 48. С. 13]

Даже в советской науке императивный мандат подвергался критике по следующим соображениям: 1) избиратели далеко не по всем вопросам, в решении которых участвует депутат, высказывают свое мнение; 2) давая наказ или выражая свою волю в иной форме, избиратели могут не располагать сведениями о каких-то объективно существующих обстоятельствах, влияющих на формирование общественного мнения; 3) ученые, разделяющие концепцию императивного мандата, исходят лишь из связи, которая существует между избирателями округа и депутатом, тогда как помимо нее существует и другая не менее прочная связь между депутатом и представительным органом [40. С. 14]. Более того, сам Ф. Энгельс в 1872 г. писал, что метод использования императивного мандата таков, что «делегат подчиняется ему, если считает для себя удобным, а если нет, то ссылается на непредвиденные обстоятельства и, в конечном счете, делает то, что ему выгодно... Императивный мандат – чрезвычайно действенный метод господства...» [49. С. 168].

Вместе с тем многие бывшие депутаты Советов рассматривают свою деятельность по исполнению наказов как реальную и полезную, современное население испытывает ностальгию по включению в план работы госорганов конкретных просьб социально-экономического характера (строительство школ, ремонт дорог, освещение улиц и т.д.).

Объективно оценить роль императивного мандата в советское время не представляется возможным в силу политизации этого вопроса и разнообразной правоприменительной практики, существовавшей в то время. Однако притягательность идеи решения депутатами конкретных просьб избирателей и юридической ответственности за игнорирование интересов населения остается. Но эта притягательность обманчива, поскольку императивный мандат депутата в условиях рыночной экономики и признания разделения властей содержит в себе принципиальное противоречие: депутат не может брать на исполнение поручение социально-экономического характера, которое не входит не только в его полномочия, но и в компетенцию самого парламента. Соответственно, юридически невозможен отзыв депутата за неисполнение этого наказа. Поэтому принятие наказов социально-экономического содержания правомерно лишь в условиях плановой экономики и отсутствия разделения властей, продемонстрировавших на примере Советского государства свою неэффективность.

Недаром современная судебная практика пресекает попытки отдельных субъектов РФ по установлению возможности депутатов распоряжаться бюджетными средствами для удовлетворения наказов избирателей. Были примеры финансирования наказов из так называемых резервных фондов, когда определенный процент бюджета субъекта РФ отводился на реализацию наказов избирателей. «Резервная» сумма в равных долях делилась между депутатами, самостоятельно формирующими соответствующие целевые расходы, которые затем проходили формальное утверждение парламентом. Такие законы некоторое время существовали в Санкт-Петербурге, Тюменской области, но были отменены в суде как противоречащие бюджетному законодательству и принципу разделения властей [50; 51. С. 5].

Помимо императивного мандата депутата советских представителей отличал неосвобожденный характер работы, что также являлось одной из мер по недопущению отрыва народных избранников от нужд населения. Считалось, что депутат должен не превращаться в бюрократа и иметь четкие представления о жизни обычных граждан. Крупнейший ученый С.А. Авакьян оценивает этот факт как явление скорее экономической целесообразности, нежели политики. Однако автор отмечает имевшее в то время место неравномерное возмещение расходов депутатам в связи с участием в работе представительного органа. Командировочные расходы и другие компенсационные выплаты были в разы больше для депутатов высшего звена системы советов [6. С. 14].

В-четвертых, в условиях отрицания многопартийности и права на политическую оппозицию большое внимание уделялось обеспечению связи населения

с механизмом государства. Еще на начальных этапах становления советской государственности иные партии, кроме партии большевиков, были признаны союзниками «врагов народа» и ликвидированы [23. С. 205]. Впоследствии закрепленный в Конституции СССР 1977 г. принцип партийного руководства государством [37] советской наукой трактовался как «принцип принципов», поскольку в соответствии с ним должна была быть организована политическая система и строиться общественная жизнь. КПСС воспринималась как партия, ответственная перед народом за принятый и одобренный им политический курс. При этом обращалось внимание на то, что партия не должна подменять деятельность Советов, а, напротив, призвана обеспечивать приведение в жизнь прямого назначения всех государственных органов, обязана проводить свои решения через Советы [28. С. 55]. На практике ЦК КПСС принимала постановления, регламентирующие и оценивающие деятельность Советов [48. С. 15; 52. С. 37]. Руководители партии одновременно занимали руководящие государственные должности [23. С. 239]. Все кадровые вопросы предварительно решались в партийных ячейках, в том числе для допуска к избранию депутата требовалась партийная санкция [48. С. 13].

Вместе с тем в условиях официально признанной однопартийности и отрицания идеологического многообразия Советское государство стремилось к расширению форм взаимодействия населения с властными институтами. С 1918 г. ставилась задача обеспечить участие каждого гражданина в управлении местной территорией и государством в целом. Идейно это было связано с предполагаемым в будущем исчезновением государственного аппарата и передачей его функций общественным органам и самому населению [53. С. 86].

Политика вовлечения в управление делами государства широких масс населения выразилась в политическом представительстве различных народностей, проживающих на территории государства, в наделении избирательными правами женщин. Такая политика давала результаты уже в первые годы советской государственности. Например, по итогам выборов 1925–1926 гг. в составе городских советов Узбекистана насчитывалось уже 12,7% женщин, в Татарии – 8,6%. В целом уделялось большое внимание обеспечению равноправия граждан.

Выборность судей, участие в суде народных заседателей, простота судебной системы делали суд более доступным для населения, нежели в имперский период. С 1918 по 1920 г. государство даже финансировало работу защитников и представителей в судах [8. С. 112]. Провозглашенный принцип демократического централизма предполагал выборность всех органов власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих [54. С. 201].

Возрастала роль общественных организаций в решении вопросов государственного управления. Наряду с детскими, молодежными, спортивными, профсоюзными объединениями была создана новая форма связи Советов с населением – депутатские группы,

образуемые на предприятиях. Они включали депутатов, избранных от конкретного завода или фабрики, а также активистов. Депутатские группы должны были заниматься удовлетворением нужд избирателей, принимать жалобы, давать разъяснения по правовым вопросам и т.п. [8. С. 185].

Конституция СССР 1977 г. регламентировала право Советов на образование органов народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. К советской политической системе Конституция относила не только государство и партию, но и общественные организации и трудовые коллективы. За общественными организациями с 1977 г. было закреплено даже право законодательной инициативы. Институты непосредственной демократии регламентировались как основные компоненты политической системы [37].

Нормой поведения советских граждан являлись членство в общественных объединениях и активная социальная деятельность. Например, по состоянию на 1981 г. наряду с 2,2 млн депутатов Советов в работе представительных органов принимали участие более 30 млн активистов [28. С. 69]. Такой размах работы общественных организаций можно было бы назвать советским гражданским обществом, если не принимать во внимание принудительность многих объединений, подчинение их единой позиции партии и наличие жесткой системы идеологической пропаганды.

Регламентацию социальных прав граждан, резкое возрастание государственных расходов на просвещение и здравоохранение, по сравнению с дореволюционным бюджетом, хочется воспринять как следствие налаженной связи советского механизма государства с населением. Однако однозначности такого вывода препятствуют известные факты произвольного распределения благ, лишения прав отдельных граждан, бюрократизма, формального отношения к закону. Поэтому вопрос истинности или декларативности советской демократической модели следует считать открытым. Например, еще в 1990 г. известный ученый В.В. Невинский, проанализировав 14 форм советской непосредственной демократии (выборы, всенародное обсуждение законопроектов, наказания избирателей, отзыв депутатов избирателями, отчетность исполнительно-распорядительных органов перед трудовыми коллективами и организациями, привлечение к работе советов актива граждан, собрания трудового коллектива, сельские сходы, народная законодательная инициатива, референдум, митинги, демонстрации, уличные шествия, подача петиций), многие из которых не имели аналогов за рубежом, с горечью констатировал, что «в советском обществе, рожденном под лозунгом власти трудового народа, рядовой человек оказался отстраненным от реального осуществления политической власти» [55. С. 42].

Таким образом, советская государственность попыталась предложить миру новый формат представительных органов – Советов, которые нельзя

называть парламентами в силу того, что их полномочия юридически не были ограничены и выходили за пределы законодательной функции, а также по причине непостоянного характера их работы и по существу безальтернативного порядка формирования. Система Советов прямо противопоставлялась парламентаризму через отрицание принципа разделения властей и свободного мандата депутата, через провозглашение «всевластия советов», принципов «демократического централизма», особой «социалистической законности», руководящей роли партии и связанности депутатов мнением избирателей. Однако высоких целей построения эффективно работающих и истинно народных представительных органов Советскому государству не удалось достичь. Фактически всевластие Советов превратилось в правление органов государственного управления и партии с жесткой идеологической пропагандой, грубым попранием закона и прав человека в интересах политической целесообразности. Безусловными плюсами периода власти Советов были расширение избирательных прав граждан, признание прав национальностей, функционирование многочисленных объединений трудящихся, социально-ориентированный характер правотворчества.

По мнению многих исследователей, советская государственность оказала мировому конституционализму неоценимую услугу, заставив под воздействием жесткой критики и политического противостояния демократизировать институты буржуазного парламентаризма и активизировать социальную политику во многих странах, но сама идея Советов не смогла превзойти конструкцию парламентаризма [6. С. 16; 38. С. 89].

Поэтому, глядя на современный отечественный парламент со всеми его недостатками (лоббизм, популизм, отсутствие представительства широких слоев населения, политически подчиненное положение по отношению к структурам исполнительной власти, зачастую неэффективные принимаемые законодательные акты и т.п.), следует все же избежать соблазна снова менять представительную систему на модель Советов. Думается единственно верным решением для нашего государства будет совершенствование работы представительных органов через доктрину парламентаризма, предполагающую: верховенство закона; разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; подотчетность исполнительной власти парламенту; многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства [56. С. 123; 57. С. 9; 58. С. 24; 59. С. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткаченко В.Г. Парламентаризм в России: особенности и этапы становления // Журнал российского права. 2001. № 6.
2. Шеховцов В.А. Становление отечественного парламентаризма // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт : материалы науч. конф. / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003.
3. Рассказов М.А. Марксистско-ленинская теория народного представительства: обоснованно ли советы преданы забвению? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11.
4. Иванченко А.В. Законодательство об отзыве депутатов (Состояние и перспективы) // Советское государство и право. 1991. № 10.
5. Бендюрина С.В., Югов А.А. Конституционные основы статуса народных представителей в органах публичной власти // Российский юридический журнал. 2001. № 3.
6. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России. М., 1999.
7. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994.
8. История отечественного государства и права / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. Ч. 2.
9. Современный парламент : учеб. / под общ. ред. О.Н. Булакова. М., 2005.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 33.
11. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971.
12. Рыжов В.А. Буржуазный парламентаризм как особая политическая система капиталистического общества // Важнейшие правовые институты и направления деятельности буржуазного государства на современном этапе : сб. науч. тр. М., 1981.
13. Бельсон Я.М. Современное буржуазное государство и народное представительство. М., 1960.
14. Левин И.Д. О некоторых чертах современного буржуазного государства и государственного права // Вопросы современного государственного права буржуазных стран. М., 1958.
15. Мишин А.А. Государственный строй США. М., 1958.
16. Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960.
17. Рейснер М.А. Централизация, разделение функций и Советы // Власть Советов. 1922. № 10.
18. Стучка П.И. Право – закон – техника // Советское государство и революция права. 1930. № 1.
19. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм // Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.
20. Гурвич Г.С. Основы советской Конституции. М. ; Л., 1930.
21. История политических и правовых учений : учеб. / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010.
22. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1946.
23. Исаев И.А. История государства и права России : учеб. пособие. М., 2006.
24. Кравчук С.С. Система органов советского государства // Советское государственное право / под ред. С.С. Кравчука. М., 1985.
25. Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1961.
26. Златопольский Д.Л. Верховный Совет СССР – выразитель воли советского народа. К 60-летию образования СССР. М., 1982.
27. Барабашев Г.В., Шеремет К.Ф. Советское строительство. М., 1974.
28. Теоретические основы советской Конституции / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 1981.
29. Колоколов Я.Н. Отечественный парламент лишен права на аутентическое толкование своих законов // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2.
30. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
31. Нерсисянц В.С. Советская теория права (основные концепции) // История политических и правовых учений. XX век. М., 1995.
32. Тихомирова Ю.А. Система правовых актов Советского государства // Право и правотворчество: вопросы теории. М., 1982.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М., 1960. Т. 17.
34. Разделение властей : учеб. пособие / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
35. Труфанов С.В. Деятельность юридической комиссии Совета министров РСФСР по разработке правовой базы функционирования судебной системы в документах Государственного архива РФ // История государства и права. 2012. № 1.
36. Мигущенко О.Н. Правовая деятельность сельских советов Центрально-Черноземной области в 1928–1934 годах как метод формирования правосознания сельского населения // История государства и права. 2008. № 14.
37. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
38. Астафичев П.А. Народное представительство и парламентаризм: конституционные проблемы / под ред. Г.Н. Комковой. Орел, 2004.
39. Коток В.Ф. Наказы избирателей в социалистическом государстве. М., 1967.
40. Безуглов А.А. Советский депутат. Государственно-правовой статус. М., 1971.
41. Зиновьев А.В. Императивный характер депутатского мандата // Правоведение. 1984. № 1.
42. Кучинский В.А. Мандат советского депутата // Советское государство и право. 1963. № 2.
43. Завадская Б. Мандат депутата в социалистическом государстве // Современное польское право. 1988. Т. 3, № 79.
44. Авакьян С.А. Депутат: статус и деятельность. М., 1991.
45. Старовойтов Н.Г. Наказы избирателей. М., 1975.
46. Кряжков В.А. Отчет перед избирателями // Народный депутат. 1991. № 8.
47. Ваганова Н.А. Институт отзыва выборных лиц местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004.
48. Смирнова К.С. Концептуальные основы развития местных советов депутатов трудящихся в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Общество и право. 2008. № 3.
49. Энгельс Ф. Императивные мандаты на Гаагском конгрессе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 1.
50. Определение Верховного Суда РФ от 06 апреля 2001 г. № 89-Г01-6 // СПС «Консультант Плюс».
51. Вишневский Б.Л. Парламентаризм по-петербургски. Каждому депутату – по «кусочку» бюджета // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2002. № 2.
52. Тицкий И.А. Формирование правовой основы деятельности местных советов во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. // Общество и право. 2010. № 3.
53. Лиманский Г.С. Формирование системы местного самоуправления в России (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000.
54. Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1961. Т. 1.
55. Невинский В.В. Новое мышление и некоторые вопросы волеизъявления граждан в современном обществе // Проблемы формирования советского социалистического правового государства : сб. науч. тр. Кемерово, 1990.
56. Шеховцов В.А. Развитие российского парламентаризма. Владивосток, 2002.
57. Усанов В.Е. Парламентаризм в России: Конституционно-правовые основы становления и деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
58. Амиантов А.А. Конституционные принципы парламентаризма // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18.
59. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2001.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 июня 2019 г.

Soviets or Parliamentarism: The Competing Ideas

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 231–239.

DOI: 10.17223/15617793/446/30

Lyudmila G. Konovalova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@yandex.ru

Keywords: parliamentarism; representative institutions; mandate of deputy; separation of powers; recall of deputy; multi-party system.

This article discusses two models of representation that were once competing: Soviets and parliamentarism. The following basic differences between the construction of Soviets and parliamentarism are indicated: Soviets lack the separation of powers, adhere to the principle of “socialist legality”, have the imperative mandate of the deputy and a one-party system. It is concluded that, with the initial idea of building a truly national representation through a system of actually working and sovereign representative institutions, the concept of Soviets, in practical implementation, demonstrated the supremacy of government bodies and disregard for the law. Many significant issues of public life were not regulated by Soviet laws, they were often replaced by administrative acts; the laws were not respected in practice. In the conditions of the refusal from a multi-party system and from the right to political opposition in the Soviet state, great attention was paid to ensuring the connection of the population with the mechanism of the state; however, the effectiveness of this interaction is questionable. The imperative nature of the deputy’s mandate, appealing in the modernity, is analyzed, but it is not recommended to use it due to the contradiction between the mandate given to the deputy and the competence of the parliament. Deputies cannot execute instructions of a socioeconomic nature that are not in their powers and are not in the competence of the parliament itself. Accordingly, it is legally impossible to recall a deputy for non-execution of such instructions. Therefore, it is legitimate to take instructions of socioeconomic content only in the conditions of a planned economy and of the lack of separation of powers, which proved to be inefficient by the Soviet state as an example. Modern examples of the appropriation by the legislative bodies of executive and administrative powers are considered in the article as contradicting the law. In general, the article proposes not to deviate from the path chosen for the establishment of parliamentarism and not to support the idea of using the Soviet representative system. At the same time, there is a positive importance of the competition of the concepts of Soviets and parliamentarism, which is expressed in the democratization of the institutions of bourgeois parliamentarism and the activation of social policy in many countries.

REFERENCES

1. Tkachenko, V.G. (2001) *Parlamentarizm v Rossii: osobennosti i etapy stanovleniya* [Parliamentarism in Russia: features and stages of formation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6.
2. Shekhovtsov, V.A. (2003) [The formation of Russian parliamentarism]. *Parlamentskie protsedury: problemy Rossii i zarubezhnyy opyt* [Parliamentary procedures: problems of Russia and foreign experience]. Proceedings of the Conference. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
3. Rasskazov, M.A. (2012) Marksistsko-leninskaya teoriya narodnogo predstavitel'stva: obosnovanno li sovety predany zabveniyu? [The Marxist-Leninist theory of popular representation: are councils soundly forgotten?]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11.
4. Ivanchenko, A.V. (1991) *Zakonodatel'stvo ob otzyve deputatov (Sostoyaniye i perspektivy)* [Laws on the recall of deputies (State and Prospects)]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10.
5. Bendyurina, S.V. & Yugov, A.A. (2001) *Konstitutsionnye osnovy statusa narodnykh predstaviteley v organakh publichnoy vlasti* [The constitutional foundations of the status of people’s representatives in public authorities]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 3.
6. Avak'yan, S.A. (1999) *Federal'noe Sobranie – parlament Rossii* [The Federal Assembly is the parliament of Russia]. Moscow: Rossiyskiy yuridicheskiy izdatel'skiy dom.
7. Korzhikhina, T.P. (1994) *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: noyabr' 1917 – dekabr' 1991 g.* [The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991]. Moscow: RSUH.
8. Chistyakov, O.I. (2011) *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of the Russian state and law]. Pt. 2. Moscow: Yurayt.
9. Bulakov, O.N. (ed.) (2005) *Sovremennyy parlament* [The modern parliament]. Moscow: Eksmo.
10. Lenin, V.I. (1967) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 33. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
11. Petrov, V.S. (1971) *Sushchnost', soderzhanie i forma gosudarstva* [The essence, content and form of the state]. Leningrad: Nauka.
12. Ryzhov, V.A. (1981) Burzhuznnyy parlamentarizm kak osobaya politicheskaya sistema kapitalisticheskogo obshchestva [Bourgeois parliamentarism as a special political system of capitalist society]. In: Blatova, N.T. (ed.) *Vazhneyshie pravovye instituty i napravleniya deyatel'nosti burzhuznogo gosudarstva na sovremennom etape* [The most important legal institutions and areas of activity of the bourgeois state at the present stage]. Moscow: [s.n.].
13. Bel'son, Ya.M. (1960) *Sovremennoe burzhuznoe gosudarstvo i narodnoe predstavitel'stvo* [The modern bourgeois state and popular representation]. Moscow: Gosyurizdat.
14. Levin, I.D. (1958) O nekotorykh chertakh sovremennogo burzhuznogo gosudarstva i gosudarstvennogo prava [On some features of the modern bourgeois state and state law]. In: Kotok, V.F. (ed.) *Voprosy sovremennogo gosudarstvennogo prava burzhuznykh stran* [Issues of modern state law of the bourgeois countries]. Moscow: USSR AS.
15. Mishin, A.A. (1958) *Gosudarstvennyy stroy SShA* [US Government]. Moscow: Gosyurizdat.
16. Levin, I.D. (1960) *Sovremennaya burzhuznaya nauka gosudarstvennogo prava: kritika osnovnykh napravleniy* [Modern bourgeois science of state law: criticism of the main directions]. Moscow: USSR AS.
17. Reysner, M.A. (1922) Tsentralizatsiya, razdelenie funktsiy i Sovety [Centralization, separation of functions and the Soviets]. *Vlast' Sovetov*. 10.
18. Stuchka, P.I. (1930) *Pravo – zakon – tekhnika* [Right – law – technology]. *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*. 1.
19. Pashukanis, E.B. (1980) *Izbrannyye proizvedeniya po obshchey teorii prava i gosudarstva* [Selected works on the general theory of law and the state]. Moscow: Nauka. pp. 32–181.
20. Gurvich, G.S. (1930) *Osnovy sovetskoy Konstitutsii* [Fundamentals of the Soviet Constitution]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
21. Martyshin, O.V. (ed.) (2010) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of political and legal doctrines]. Moscow: Norma.
22. Stalin, I.V. (1946) *Voprosy leninizma* [Issues of Leninism]. Moscow: Partizdat.
23. Isaev, I.A. (2006) *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* [History of state and law of Russia]. Moscow: Yurist’.
24. Kravchuk, S.S. (1985) *Sistema organov sovetskogo gosudarstva* [The system of organs of the Soviet state]. In: Kravchuk, S.S. (ed.) *Sovetskoe gosudarstvennoe pravo* [Soviet state law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
25. Lepeshkin, A.I. (1961) *Kurs sovetskogo gosudarstvennogo prava* [The course of Soviet state law]. Moscow: Gosyurizdat.

26. Zlatopol'skiy, D.L. (1982) *Verkhovnyy Sovet SSSR – vyrazitel' voli sovetского naroda. K 60-letiyu obrazovaniya SSSR* [The Supreme Soviet of the USSR as an expression of the will of the Soviet people. To the 60th anniversary of the formation of the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
27. Barabashev, G.V. & Sheremet, K.F. (1974) *Sovetskoe stroitel'stvo* [Soviet construction]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
28. Topornin, B.N. (ed.) (1981) *Teoreticheskie osnovy sovetской Konstitutsii* [Theoretical foundations of the Soviet Constitution]. Moscow: Nauka.
29. Kolokolov, Ya.N. (2011) Otechestvennyy parlament lishen prava na autenticheskoe tolkovanie svoikh zakonov [The domestic parliament is deprived of the right to an authentic interpretation of its laws]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-Government*. 2.
30. Kravets, I.A. (2002) *Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki)* [The formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice)]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
31. Nersesyants, V.S. (1995) Sovetskaya teoriya prava (osnovnye kontseptsii) [The Soviet theory of law (basic concepts)]. In: Nersesyants, V.S. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. XX vek* [History of political and legal doctrines. 20th century]. Moscow: Nauka.
32. Tikhomirova, Yu.A. (1982) Sistema pravovykh aktov Sovetskogo gosudarstva [The system of legal acts of the Soviet state]. In: Bobotov, S.V. et al. (eds) *Pravo i pravotvorchestvo: voprosy teorii* [Law and law-making: theory issues]. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences.
33. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
34. Marchenko, M.N. (2004) *Razdelenie vlastey* [The separation of powers]. Moscow: Yurayt-Izdat.
35. Trufanov, S.V. (2012) The activities of the legal commission of the RSFSR council of ministers to develop a legal framework for the functioning of the judicial system in the documents of the State Archive of the Russian Federation. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 1. (In Russian).
36. Migushchenko, O.N. (2008) Pravovaya deyatel'nost' sel'skikh sovetov Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti v 1928–1934 godakh kak metod formirovaniya pravosoznaniya sel'skogo naseleniya [Legal activity of village councils of the Central Black Earth Region in 1928–34 as a method of forming the legal awareness of the rural population]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 14.
37. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. (1977) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Constitution (Basic Law) of the Union of the Soviet Socialist Republics]. 41. Art. 617.
38. Astafichev, P.A. (2004) *Narodnoe predstavitel'stvo i parlamentarizm: konstitutsionnye problemy* [People's representation and parliamentarism: constitutional problems]. Orel: Izdatel'stvo orlovskogo gosudarstvennogo universiteta.
39. Kotok, V.F. (1967) *Nakazy izbirateley v sotsialisticheskoy gosudarstve* [Electors' instructions in a socialist state]. Moscow: Nauka.
40. Bezuglov, A.A. (1971) *Sovetskiy deputat. Gosudarstvenno-pravovoy status* [A Soviet deputy. A state and legal status]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
41. Zinov'ev, A.V. (1984) Imperativnyy kharakter deputatskogo mandata [The imperative nature of the deputy mandate]. *Pravovedenie*. 1.
42. Kuchinskiy, V.A. (1963) Mandat sovetского deputata [The mandate of the Soviet deputy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 2.
43. Zavadskaya, B. (1988) Mandat deputata v sotsialisticheskoy gosudarstve [Mandate of a deputy in a socialist state]. *Sovremennoe pol'skoye pravo*. 3 (79).
44. Avak'yan, S.A. (1991) *Deputat: status i deyatel'nost'* [Deputy: status and activity]. Moscow: Politizdat.
45. Starovoytov, N.G. (1975) *Nakazy izbirateley* [Electors' instructions]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
46. Kryazhkov, V.A. (1991) Otchet pered izbiratelyami [Report to the electors]. *Narodnyy deputat*. 8.
47. Vaganova, N.A. (2004) *Institut otzyva vybornykh lits mestnogo samoupravleniya* [Institution for recall of elected representatives of local self-government]. Abstract of Law Cand. Diss. Perm.
48. Smirnova, K.S. (2008) Kontseptual'nye osnovy razvitiya mestnykh sovetov deputatov trudyashchikhsya v period “otpepeli” (1953–1964 gg.) [The conceptual framework for the development of local councils of working people's deputies during the “thaw” (1953–64)]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 3.
49. Engels, F. (1961) Imperativnye mandaty na Gaagskom kongresse [Imperative mandates at the Hague Congress]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
50. Konsul'tant Plyus. (2001) *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 06 aprelya 2001 g. № 89-G01-6* [The determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 89-G01-6 of 6 April 2001]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
51. Vishnevskiy, B.L. (2002) Parlamentarizm po-peterburgskiy. Kazhdomu deputatu – po “kusochku” byudzheta [Parliamentarism in St. Petersburg style. A “piece” of the budget for each deputy]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy – Representative power – 21st century: Legislation, Commentary, Problems*. 2.
52. Titskiy, I.A. (2010) Formirovanie pravovoy osnovy deyatel'nosti mestnykh sovetov vo vtoroy polovine 1960-kh – nachale 1970-kh gg. [Formation of the legal basis for the activities of local councils in the second half of the 1960s – early 1970s]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 3.
53. Limanskiy, G.S. (2000) *Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Formation of the system of local self-government in Russia (historical and legal research)]. Law Cand. Diss. Samara.
54. Lepeshkin, A.I. (1961) *Kurs sovetского gosudarstvennogo prava* [A course of Soviet state law]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
55. Nevinskiy, V.V. (1990) Novoe myshlenie i nekotorye voprosy voleiz'yavleniya grazhdan v sovremennom obshchestve [New thinking and some issues of the will of citizens in modern society]. In: Boytsov, V.Ya. (ed.) *Problemy formirovaniya sovetского sotsialisticheskogo pravovogo gosudarstva* [Problems of the formation of the Soviet socialist legal state]. Kemerovo: Kemerovo State University.
56. Shekhovtsov, V.A. (2002) *Razvitie rossiyskogo parlamentarizma* [The development of Russian parliamentarism]. Vladivostok: Dal'nauka.
57. Usanov, V.E. (2006) *Parlamentarizm v Rossii: Konstitutsionno-pravovye osnovy stanovleniya i deyatel'nosti* [Parliamentarism in Russia: Constitutional and legal foundations of formation and activity]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
58. Amiantov, A.A. (2007) Konstitutsionnye printsipy parlamentarizma [Constitutional principles of parliamentarism]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 18.
59. Avak'yan, S.A. (ed.) (2001) *Konstitutsionnoe pravo. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Constitutional law. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Norma.

Received: 14 June 2019

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СУДЫ В КОНТЕКСТЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ СУДЕБНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ

Исследуются место и роль специализированных судов в процессах дифференциации и интеграции судебных юрисдикций, обосновываются критериями их создания. Анализируются виды специализированных судов в странах Европы, приводится их классификация. Выявляются преимущества и недостатки специализированных судов. Обосновывается вывод о том, что специализированные суды должны обладать определенной сферой компетенции и иметь специальное регулирование в рамках трех составляющих механизма правосудия: судостроительной, судопроизводительной и судебско-статусной.

Ключевые слова: специализированные суды; судебная система; специализация; судопроизводство; юрисдикция; судебная реформа; зарубежный опыт.

В последние годы судебная система России существенно реформирована. С 3 июля 2013 г. начал работать специализированный арбитражный суд – Суд по интеллектуальным правам [1], рассматривающий в качестве суда первой и кассационной инстанций дела по спорам о защите интеллектуальных прав. Произошло объединение в единый судебный орган Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: с 6 августа 2014 г. Верховный Суд Российской Федерации является высшей судебной инстанцией по гражданским делам, экономическим спорам, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам [2. Ч. 7, ст. 1]. С 15 сентября 2015 г. вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующий порядок рассмотрения административных дел Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями [3]. Созданы новые судебные инстанции: апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, изменена система военных судов [4].

При структурных преобразованиях судебной системы может происходить как дифференциация судебных юрисдикций, так и их интеграция.

Дифференциация судебных юрисдикций осуществляется посредством создания нескольких самостоятельных систем судов (ветвей судебной власти, имеющих или не имеющих свои высшие судебные органы) либо учреждения специализированных судов в рамках единых систем судов. Кроме того, может осуществляться специализация судей в рамках одних и тех же судов (например, в России при наличии административного судопроизводства специальные административные суды не созданы, а рассмотрение административных дел осуществляется в судах общей юрисдикции с учетом специализации судей, объединяемых в судах апелляционной и кассационной инстанций в судебные коллегии по административным делам).

Интеграция юрисдикций может осуществляться посредством объединения нескольких ветвей судебной власти в единую ветвь либо объединения высших судебных органов каждой ветви в единый орган, параллельно могут создаваться специализированные суды, также системно замыкающиеся на единый высший судебный орган.

Соответственно, создание специализированных судов может быть способом как дифференциации, так и интеграции судебных юрисдикций.

Специализированные суды в рамках нескольких юрисдикций существуют, например, в Германии, где действуют пять ветвей судебной власти – общая и четыре специализированные (административная, трудовая, социальная и финансовая), каждую из которых возглавляет свой высший судебный орган.

Так, систему административной юрисдикции в Германии составляют: 51 административный суд (Verwaltungsgericht), 14 высших административных судов (Oberverwaltungsgericht) и высшая инстанция для административных дел – Федеральный административный суд (Bundesverwaltungsgericht), расположенный в Лейпциге. Административное судопроизводство осуществляется на основании Административного судебного положения от 21 января 1960 г. (Verwaltungsgerichtsordnung) [5]. Федеральный административный суд является также высшей судебной инстанцией для Федерального дисциплинарного суда (Bundesdisziplinargericht) и военных трибуналов (Truppendienstgerichte).

В систему судов по трудовым делам Германии входят: 111 судов по трудовым делам (Arbeitsgerichte), рассматривающих дела по первой инстанции, 18 высших судов земли по трудовым делам (Landesarbeitsgerichte) и Федеральный суд по трудовым делам (Bundesarbeitsgerichte), расположенный в г. Эрфурт. Статус судов по трудовым делам установлен Законом о трудовых судах 1953 г. [6].

Система финансовой юстиции Германии включает две инстанции: 18 финансовых судов (Finanzgerichte), рассматривающих налоговые и таможенные споры, и Федеральный финансовый суд (Bundesfinanzhof), расположенный в Мюнхене [7. С. 71–72].

Суды по социальным вопросам в Германии созданы и функционируют на основании Закона о социальных судах 1953 г. [8], согласно которому система судов социальной юрисдикции включает: 59 судов по социальным вопросам (Sozialgerichte), рассматривающих дела по первой инстанции, 16 высших земельных судов по социальным вопросам (Landessozialgerichte) и высшую судебную инстанцию – Федеральный суд по социальным вопросам (Bundessozialgericht), расположенный в г. Кассель. При этом с согласия ответчика истец вправе обжаловать решение по делу,

принятому судом по социальным вопросам, напрямую в Федеральный суд по социальным вопросам, минуя вторую инстанцию.

Суды общей юрисдикции Германии, рассматривающие гражданские и уголовные дела, включают следующие инстанции: участковые суды (Amtsgericht); суды земель (Landesgericht); высшие суды земель на межрегиональном уровне (Oberlandesgericht); Верховный федеральный суд (Bundesgerichtshof), расположенный в Карлсруэ [9].

В систему судов общей юрисдикции Германии входит специализированный суд – Федеральный патентный суд в Мюнхене (Bundespatentgericht), рассматривающий жалобы на решения Федерального патентного бюро. Высшей судебной инстанцией для Федерального патентного суда является Верховный федеральный суд [10].

Кроме того, в Германии действует система конституционного правосудия, включающая конституционные суды федеральных земель и Федеральный конституционный суд (Bundesverfassungsgericht).

В отличие от Германии, в России законодательство не предусматривает возможности наличия нескольких судебных юрисдикций, но допускает создание специализированных судов.

В современном мире во многих государствах создаются специализированные суды для рассмотрения определенных категорий дел, что обусловлено усложнением регулируемых правом общественных отношений, становящихся предметом судебной процессуальной деятельности, а сложность объекта деятельности требует дифференциации функций ее субъекта [11. С. 362].

По мнению Д.М. Замышляева, потребность в специализированных судах возникает, когда существующие суды и участники судопроизводства сталкиваются с затруднениями, которые невозможно устранить при сохранении судебной системы и судебных процедур [12. С. 29].

Наличие тех или иных специализированных судов, их система и компетенция в каждом государстве определяются историческими, политическими, социальными особенностями, финансовыми возможностями, степенью распространенности дел той или иной категории и множеством других факторов. В пределах одной юрисдикции могут существовать несколько специализированных судов, компетенция каждого из которых отделена от компетенции других судов категориями дел, субъектным составом участников правоотношений и иными факторами. В этом случае специализированные суды могут осуществлять тот же вид судопроизводства, что и другие суды юрисдикции, но в отношении определенной категории лиц или категории дел, например, военные суды в России осуществляют те же виды судопроизводства, что и другие суды общей юрисдикции [13. С. 13–16]. В этом аспекте к специализированным судам в России можно отнести Суд по интеллектуальным правам, арбитражные суды, конституционные (уставные) суды, военные суды. Кроме того, как отмечалось, специализированные суды могут составлять отдельные самостоятельные юрисдикции.

Специализированные суды могут быть как постоянно действующими, так и создаваться по мере необходимости. Например, в Польше согласно статьям 12–13 Закона от 27 июля 2001 г. «Об организации общих судов» [14] районный и региональные суды состоят из двух палат – уголовной и гражданской, однако при необходимости могут быть образованы и иные палаты (по делам семьи и несовершеннолетних, по трудовым и социальным вопросам и др.).

Критериями специализации судов, как правило, являются: субъектный состав спорных правоотношений; характер и (или) предмет спора; характер правоотношения и процессуальная роль суда в разрешении спора и др. [15. С. 30–33]

К наиболее распространенным специализированным судам можно отнести следующие.

1. Административные суды. Данный вид судов рассматривает жалобы на решения и действия органов публичной власти и должностных лиц таких органов.

Так, во Франции система административных судов (juridictions de l'ordre administratif) в настоящее время включает 42 административных трибунала (Les Tribunaux administratifs), 8 административных апелляционных судов (les cours administratives d'appel) и Государственный совет (Le Conseil d'État) [16].

С 1 января 2016 г. на Кипре начал работать Административный суд (Administrative Court), который рассматривает жалобы на решения органов государственной власти. Решения Административного суда могут быть обжалованы в Верховный суд Кипра.

В Австрии высшим судебным органом по административным делам является Высший административный суд (Verwaltungsgerichtshof, VmGH), действующий на основании Закона о Высшем административном суде от 4 января 1985 г. (в редакции от 15 сентября 2017 г.).

В Португалии согласно статье 209 Конституции Верховный административный суд (Supremo Tribunal Administrativo) входит в единую судебную систему, являясь высшим судебным органом для административных судов (tribunais administrativos), включающих окружные административные суды (tribunais administrativos de círculo) и три центральных административных судов (tribunais centrais administrativos), а также возглавляет систему налоговых судов (tribunais tributários).

В Болгарии Верховный административный суд (Върховен административен съд) является высшей судебной инстанцией для административных судов [17].

Согласно статье 175 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г. в стране действуют специализированные административные суды, статус, полномочия и структура которых определяются Законом от 25 июля 2002 г. «О системе административных судов» и от 30 августа 2002 г. «О судопроизводстве в административных судах» [18]. Система административных судов включает два уровня: воеводские суды и Высший административный суд (действующий самостоятельно от Верховного суда).

В Чешской Республике для системы административных судов высшим судебным органом является

Верховный административный суд (Nejvyšší správní soud), в состав которого входят 35 судей.

В Греции для административных дел высшей судебной инстанцией является Верховный суд по административным делам (суд Государственного совета) [19. Ст. 95], для дел, связанных с бюджетным законодательством, – Суд Счетной палаты (Суд аудиторов) [Там же. Ст. 98].

2. Суды по делам несовершеннолетних. Такие суды рассматривают дела о преступлениях или правонарушениях, совершенных несовершеннолетними либо в отношении несовершеннолетних, а также гражданские дела с участием детей. Суды по делам несовершеннолетних могут действовать в рамках системы общих судов либо независимо.

Например, в Италии согласно статье 49 Уложения о судоустройстве [20] трибуналы по делам несовершеннолетних (tribunal per i minorenni) действуют независимо от судов общей юрисдикции и рассматривают, в частности, гражданские дела об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, об осуществлении родительских прав, уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 18 лет, и др. Коллегия трибунала состоит из магистрата апелляционного суда, магистрата трибунала и двух почетных судей (мужчины и женщины), избранных из числа экспертов в области психиатрии, педагогики и психологии. Апелляционные жалобы на решения трибунала по делам несовершеннолетних рассматриваются специальной палатой апелляционного суда (Corte d'appello), состоящей из магистрата Кассационного суда, двух магистратов апелляционного суда и двух экспертов (мужчины и женщины). Решения этой палаты могут быть обжалованы в кассационном порядке в Высший кассационный суд (Corte suprema di cassazione).

Суды по делам несовершеннолетних также функционируют в Великобритании, Греции, на Кипре, Мальте, в Швейцарии и некоторых других странах [21. С. 421].

3. Суды по трудовым спорам. К подсудности таких судов относятся дела по спорам между работниками и работодателями, возникающими из трудовых правоотношений, и (или) коллективные трудовые споры. Суды по трудовым спорам могут создаваться как в системе общих судов, так и независимо.

На Кипре трудовые споры рассматриваются трибуналами по промышленным спорам (Industrial Disputes Tribunals), действующими на основании Закона от 27 мая 1967 г. № 24 «О прекращении трудовых отношений» и Закона от 19 декабря 1997 № 100 «О защите материнства». Эти суды состоят из судьи и двух непрофессиональных членов, которые представляют интересы соответственно работодателей и работников.

В Словении в соответствии с Законом «О трудовых и социальных судах» [22] созданы суды по трудовым и социальным спорам (delovno in socialno sodišče), рассматривающие дела по индивидуальным и коллективным трудовым спорам, спорам о назначении социальных выплат. Второй инстанцией для судов по трудовым и социальным спорам является

Высший трудовой и социальный суд (Visje delovno in socialno sodišče), третьей – Верховный суд Республики Словения (Vrhovno Sodišče Republike Slovenije).

В Бельгии в каждом судебном округе действуют не входящие в суды первой инстанции суды по трудовым спорам (le tribunal du travail), решения которых в апелляционном порядке обжалуются в Высший суд по трудовым спорам (La cour du travail), состав и полномочия которого урегулированы в разделе 2 главы III Судебного кодекса Бельгии. Высшей инстанцией для решений по трудовым спорам является Кассационный суд Бельгии (Cour de cassation) – единая высшая судебная инстанция Бельгии. Соответственно, в Бельгии юрисдикция по трудовым спорам включает специализированные суды на уровне первой и апелляционной инстанций, замыкаясь на кассационном уровне на единую высшую судебную инстанцию.

Во Франции индивидуальные трудовые споры рассматриваются советами прудомов (conseil des prud'hommes), количество которых в настоящее время составляет 210, они состоят из выборных членов: два от работодателей и два от работников (требования к кандидатам: достижение возраста 21 год, отсутствие судимости, французское гражданство, работа по трудовому договору или официальная регистрация в качестве безработного), избираемых сроком на 5 лет. Обжалование решений советов прудомов осуществляется в Социальную палату апелляционного суда, а затем – в Кассационный суд (Cour de cassation).

В Норвегии суды по трудовым конфликтам (Arbeidstretten), действующие на основании Закона от 27 января 2012 г. № 9 «О трудовых конфликтах» [23], рассматривают только коллективные трудовые споры, касающиеся толкования коллективных договоров и законности забастовок.

4. Семейные суды. Данные суды рассматривают имущественные и неимущественные споры между супругами, бывшими супругами, родителями и детьми, возникающие из семейных правоотношений.

На Кипре действуют 5 судов по семейным делам, которые состоят из председателя, назначаемого Греческой православной церковью, и двух членов, назначаемых Верховным судом [24. С. 167–168]. К подсудности судов по семейным делам относятся споры в сфере брачно-семейных отношений, вопросы опеки, усыновления, уплаты алиментов.

Кроме того, на Кипре создан суд по семейным делам для религиозных групп в городе Никосия, рассматривающий дела о расторжении браков между православными гражданами Кипра и любыми иными лицами, постоянно проживающими на территории Республики Кипр, а также о порядке осуществления родительских прав такими лицами в отношении детей.

5. Военные суды. Такие суды созданы во многих странах (Болгария, Греция, Италия, Кипр, Латвия, Польша, Россия, Румыния, Франция и др.) и рассматривают дела о преступлениях военнослужащих, а также гражданские и иные дела с участием военнослужащих. Военные суды могут входить в систему общих судов, а также действовать независимо.

В то же время, например, в Бельгии с 1 января 2004 г. упразднены действовавшие с 1899 г. военные

суды, существование которых в мирное время признано несовместимым с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [25].

6. Пенитенциарные суды. К компетенции таких судов относятся вопросы, возникающие при исполнении наказаний за совершение преступлений, в том числе вопросы об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания иным видом наказания, об отсрочке отбывания наказания в связи с болезнью, об изменении вида исправительного учреждения и др. Кроме того, такие суды могут рассматривать жалобы осужденных и дела о преступлениях, совершенных осужденными в период отбывания наказания.

Например, в Португалии действуют суды, которые рассматривают дела по пенитенциарным вопросам (Tribunal de Execução das Penas), возникающим в сфере исполнения наказаний, в том числе вопросы об условно-досрочном освобождении, предоставлении заключенному работы и др. [24. С. 233]. Пенитенциарные суды функционируют также в Финляндии [26. С. 71] и Польше [27].

Создаются и иные специализированные суды. Например, на территории Кипра действуют 3 суда по контролю за рентными отношениями (Rent Control Courts), которые рассматривают дела по спорам об изъятии имущества, а также и дела, возникающие из арендных правоотношений [24. С. 168].

В Финляндии Суд по торговому праву (markkinaoikeus), находящийся в г. Хельсинки, рассматривает споры о конкуренции между коммерческими организациями, в том числе в сфере государственного заказа, а также в сфере интеллектуальной собственности. Решения суда по торговому праву обжалуются либо в Высший административный суд, либо в Верховный суд.

На территории Португалии в соответствии с Законом от 4 сентября 1986 г. № 35/86 «О морских судах» созданы морские суды в Лиссабоне, Лейшойнше, Фару, Фуншале и Понта-Делгаде, они рассматривают гражданские дела по спорам в сфере морских перевозок и морской торговли [24. С. 233].

Во Франции действуют 228 коммерческих судов (Tribunal de commerce), формируемых предпринимателями для разрешения споров между ними при цене иска до 10 000 евро.

Статьей 99 Конституции Греции предусмотрено создание Особого суда по делам судей. Этот суд не является постоянно действующим, к его подсудности относятся дела о совершении судьями неправомерных действий при осуществлении правосудия, а также дела о пенсиях и иных предусмотренных специальным законодательством денежных выплатах действующим судьям и судьям в отставке. В состав суда включаются члены суда Государственного совета, член Кассационного суда, член Суда аудиторов, два профессора с юридических факультетов университетов, два адвоката из Высшего дисциплинарного совета адвокатуры.

Какой же подход к созданию системы специализированных судов оптимальный? Для ответа на этот

вопросы выделим преимущества и недостатки специализированных судов.

Преимуществами специализированных судов являются:

- специализация судей, позволяющая более детально изучить материально-правовые и процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий дел. Работа специализированных судов может быть связана с необходимостью применения иных социальных регуляторов, помимо права и использования неюридических знаний в области психологии, педагогики, информационных технологий, экономики, бухгалтерского учета и так далее, поэтому в качестве судей специализированных судов могут отбираться граждане, имеющие не только юридическое образование и стаж работы по юридической специальности, но и обладающие специальными познаниями. Например, согласно абз. 3 п. 8 ст. 5 Федерального конституционного закона от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» при принятии решения о рекомендации гражданина на должность судьи специализированного суда квалификационная коллегия учитывает наличие квалификации, соответствующей специализации суда. В силу части 2 статьи 27 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации» преимущественным правом на назначение на должность судьи военного суда обладают имеющие воинское звание офицера граждане, проходящие военную службу, пребывающие в запасе или находящиеся в отставке. Аппарат специализированных судов также может формироваться из лиц, обладающих углубленными специальными познаниями. Например, согласно части 5 статьи 45 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в аппарате специализированного арбитражного суда формируется группа советников, обладающих квалификацией, соответствующей специализации суда, для изучения специальных вопросов;

- создание оптимальных условий рассмотрения дел для участников судебного процесса, в частности несовершеннолетних, лиц с особым статусом (военнослужащих, предпринимателей, заключенных, работников и работодателей и т.д.);

- учет особенностей правоотношений в конкретных сферах [12. С. 29], что может выражаться в создании особых процессуальных процедур рассмотрения дел, наиболее полно соответствующих специфике тех или иных общественных отношений;

- сокращение судебных ошибок [28. С. 9]. По некоторым оценкам, стаж и опыт судьи позволяют на 33% снизить количество отменяемых судебных постановлений, а наличие специализации – на 75% [13. С. 14];

- единообразное правоприменение среди специализированных судов.

К недостаткам специализированных судов можно отнести:

- риск отсутствия единообразия судебной практики между несколькими звеньями судов. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно наличие специализиро-

ванных судов на уровне первой и апелляционной инстанций. На уровне кассации необходимо существование единого суда для выработки единой судебной практики для всей судебной системы;

– запутанность юрисдикции и сложности в определении подсудности (подведомственности). Так, к началу судебной реформы в 60-х гг. XIX в. в России существовало огромное количество специализированных судебных учреждений с неопределенной компетенцией [29. С. 52];

– споры о подсудности и конкуренция между судами. Более того, неопределенность юрисдикции содержит и коррупциогенный фактор, поскольку предоставляет в ряде случаев возможность выбрать суд, рассмотрение дела в котором является более предпочтительным по тем или иным причинам.

В силу изложенного полагаем, что специализированные суды должны обладать определенной сферой компетенции и иметь специальное регулирование в рамках трех составляющих механизма правосудия [30. С. 32]: судостроительной (по нашему мнению, целесообразно наличие самостоятельных специализированных судов на уровне первой и апелляционной инстанций; на уровне кассации необходимо наличие единого суда, на который системно замыкаются специализированные суды, для выработки единой судебной практики); судопроизводительной (наличие специальных процессуальных правил, учитывающих

особенности рассмотрения дел специализированными судами) и судейско-статусной (возможность установления специальных требований к кандидатам на должности судей в специализированных судах). Подобные принципы образования специализированных судов применяются в России, что представляется оптимальным на современном этапе развития судебной системы.

Мы не согласны с позицией Л.В. Ложкиной [31. С. 78], а также Е.Н. Гапонова [32. С. 12] о том, что с учетом огромной территории России введение системы специализированных судов будет неэффективным, поскольку прямая зависимость между территорией государства и возможностью эффективного функционирования специализированных судов не установлена, кроме того, нами предлагается специализация только на уровне судов первой и апелляционной инстанций.

С учетом данных судебной статистики [33] представляется целесообразным обсуждение вопроса о создании в нашей стране на уровне первой и апелляционной инстанций специализированных семейных судов (которые бы рассматривали как споры между супругами, так и споры о воспитании детей), судов по трудовым спорам, финансовых судов (по рассмотрению кредитных, страховых и налоговых споров) и судов по жилищным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам: Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 № 4-ФКЗ (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7334.
2. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.
3. О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08.03.2015 № 22-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1392.
4. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4811.
5. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/vwgo/VwGO.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).
6. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/arbgbg/ArbGG.pdf> (дата обращения: 21.06.2019).
7. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 488 с.
8. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/sgg/SGG.pdf> (дата обращения: 23.06.2019).
9. URL: http://www.bundesgerichtshof.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 23.06.2019).
10. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/patg/PatG.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
11. Петрухин И.Л., Батунов Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
12. Замышляев Д.М. Об исторических аспектах специализации судов // Администратор суда. 2014. № 3. С. 27–33.
13. Замышляев Д.М. Специализация как форма развития судебной системы: судопроизводство, юрисдикция, компетенция // Российский судья. 2015. № 8. С. 13–16.
14. URL: <http://www.krs.pl/en/about-us/legal-acts> (дата обращения: 19.06.2019).
15. Замышляев Д.М. К вопросу о критериях специализации судов // Российский судья. 2013. № 10. С. 30–33.
16. URL: <https://www.justice.fr/pr%C3%A9sention-ordre-judiciaire-ordre-administratif> (дата обращения: 21.06.2019).
17. Конституция Болгарии. URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf> (дата обращения: 09.07.2019).
18. Официальный сайт Высшего административного суда Республики Польша. URL: <http://www.nsa.gov.pl/en.php> (дата обращения: 15.07.2019).
19. Конституция Греции. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=153> (дата обращения: 15.07.2019).
20. Об утверждении Уложения о судостроительстве: Королевский декрет от 30.01.1941 № 12 (в редакции от 15.08.2017) // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 1941. № 28.
21. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 3: Евразия / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 528 с.
22. О трудовых и социальных судах: Закон Словении от 2004 г. // Uradni list RS. Št. 2/04.
23. Lov om arbeidstvister (Закон о трудовых конфликтах) // Norsk Lovtidend. 2012. № 3.
24. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 2. Южная и Восточная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 528 с.

25. Об отмене военных судов в мирное время и их сохранение в военное время (Loi réglant la suppression des juridictions militaires en temps de paix ainsi que leur maintien en temps de guerre): Закон Бельгии от 10.04.2003 // Belgisch Staatsblad. 2003. 10 avril.
26. Яровая М.В. Судебная система Финляндии // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 70–72.
27. URL: <http://www.yuristvpolshe.ru> (дата обращения: 20.07.2019).
28. Кистринова О.В. Специализированные суды: опыт России и зарубежных стран // Российский судья. 2015. № 2. С. 9–11.
29. Немыгина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 403 с.
30. Клеандров М.И. О модели радикальной автономизации мировой юстиции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 31–42.
31. Ложкина Л.В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 252 с.
32. Гапонов Е.Н. К вопросу об учреждении пенитенциарных судов в судебной системе России // Российский судья. 2008. № 8. С. 10–13.
33. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 15.07.2019).

Статья представлена научной редакции «Право» 8 сентября 2019 г.

Specialized Courts in the Context of the Differentiation and Integration of Court Jurisdictions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 240–246.

DOI: 10.17223/15617793/446/31

Alexandr V. Malyskhin, Vladimir Regional Court (Vladimir, Russian Federation); Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: law33region@yandex.ru

Keywords: specialized courts; judicial system; specialization; legal proceedings; jurisdiction; judicial reform; foreign experience.

The aim of the article is to study the place and role of specialized courts in the processes of differentiation and integration of court jurisdictions. To achieve this aim, the author analyzed the types of specialized courts in Europe (administrative courts, juvenile courts, labor courts, family courts, military courts and others), justified the criteria for the specialization of courts, revealed their advantages and disadvantages. The author proceeds from the fact that the creation of specialized courts can be a way of both differentiation and integration of court jurisdictions. The existence of specialized courts, their system and competence in each state are determined by historical, political, social characteristics, financial possibilities, the degree of prevalence of a particular category of cases and many other factors. One jurisdiction may have several specialized courts; the competence of each of them is separated from the competence of other courts by categories of cases, subject composition of participants in legal relations and other factors. In this case, specialized courts may carry out the same type of proceedings as other courts of jurisdiction, but in respect of a certain category of persons or category of cases, for example, military courts in Russia carry out the same types of proceedings as other courts of general jurisdiction. Specialized courts within several jurisdictions exist, for example, in Germany, where there are five branches of the judiciary – general and four specialized (administrative, labor, social and financial), each headed by its highest judicial authority. The basic criteria of the specialization of the courts are: the subject structure of disputable legal relations; the nature and (or) the subject of the dispute; the nature of the relationship and the procedural role of the court in resolving the dispute, and others. The advantages of specialized courts are: specialization of judges allowing to study the content and the procedural features of certain categories of cases; creation of optimal conditions for the consideration of cases for participants in the trial, in particular, for minors, for persons with special status; consideration of the peculiarities of legal relations in specific areas; reduction of judicial errors; uniform law enforcement among specialized courts. The disadvantages of specialized courts are: risk of the lack of uniformity of court practice between several levels of courts; confusion of jurisdiction and difficulties in determining jurisdiction; disputes about jurisdiction and competition between courts. The author substantiates the conclusion that specialized courts should have a certain sphere of competence and have a special regulation within the three components of the justice mechanism: court structure, judicial procedure, status of judges.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2011) On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” and the Federal Constitutional Law “On Arbitration Courts in the Russian Federation” in connection with the creation of the Intellectual Property Rights Court in the system of arbitration courts: Federal Constitutional Law No. 4 -FKZ of 6 December 2011 (with the latest amendments and addenda). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 50. Art. 7334. (In Russian).
2. Russian Federation. (2011) On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Law of the Russian Federation on amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 2-FKZ of 05 February 2014. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 6. Art. 548. (In Russian).
3. Russian Federation. (2011) On the introduction into effect of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 22-FZ of 08 March 2015. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 10. Art. 1392. (In Russian).
4. Russian Federation. (2011) On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” and certain federal constitutional laws in connection with the establishment of cassation courts of general jurisdiction and courts of appeal of general jurisdiction: Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 29 July 2018. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 4811. (In Russian).
5. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1960) *Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO)*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/vwgo/VwGO.pdf>. (Accessed: 18.06.2019).
6. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1953) *Arbeitsgerichtsgesetz*. [Online] Available from: <https://www.gesetze-im-internet.de/arbgbg/ArbGG.pdf>. (Accessed: 21.06.2019).
7. Kurbanov, R.A. & Gurbanov, R.A. (eds) (2019) *Sudebnye sistemy Evropy i Evrazii: nauchno-entsiklopedicheskoe izdanie: v 3 t.* [The judicial systems of Europe and Eurasia: a scientific encyclopedic publication: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
8. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1953) *Sozialgerichtsgesetz (SGG)*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/sgg/SGG.pdf>. (Accessed: 23.06.2019).
9. *Bundesgerichtshof*. [Online] Available from: http://www.bundesgerichtshof.de/DE/Home/home_node.html. (Accessed: 23.06.2019).
10. Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz sowie des Bundesamts für Justiz. (1936) *Patentgesetz*. [Online] Available from: <http://www.gesetze-im-internet.de/patg/PatG.pdf>. (Accessed: 20.07.2019).
11. Petrukhin, I.L., Baturov, G.P. & Morshchakova, T.G. (1979) *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiya* [Theoretical foundations of the effectiveness of justice]. Moscow: Nauka.

12. Zamyshlyayev, D.M. (2014) On historical aspects of specialization of courts. *Administrator suda – Court's Administrator*. 3. pp. 27–33. (In Russian).
13. Zamyshlyayev, D.M. (2015) Specialization as a form of development of the judicial system: Legal proceedings, jurisdiction, competence. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 8. pp. 13–16. (In Russian).
14. National Council of the Judiciary of Poland. (2018) *Legal acts*. [Online] Available from: <http://www.krs.pl/en/about-us/legal-acts>. (Accessed: 19.06.2019).
15. Zamyshlyayev, D.M. (2013) On the issue of criteria of specialization of courts. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 10. pp. 30–33. (In Russian).
16. Justice.fr. (2017) *Présentation de l'ordre judiciaire et de l'ordre administratif*. [Online] Available from: <https://www.justice.fr/pr%C3%A9sentation-ordre-judiciaire-ordre-administratif>. (Accessed: 21.06.2019).
17. National Assembly of the Republic of Armenia. (1991) *Konstitutsiya Bolgarii* [Constitution of Bulgaria]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf>. (Accessed: 09.07.2019).
18. *Supreme Administrative Court of Poland*. [Online] Available from: <http://www.nsa.gov.pl/en.php>. (Accessed: 15.07.2019).
19. Worldconstitutions.ru. (1975) *Konstitutsiya Gretsii* [Constitution of Greece]. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=153>. (Accessed: 15.07.2019).
20. *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. (2017) Ob utverzhdenii Ulozheniya o sudoustroystve: Korolevskiy dekret ot 30.01.1941 № 12 (v redaktsii ot 15.08.2017) [On the approval of the Code of Judicial System: Royal Decree No. 12 of 30 January 1941 (as amended on 15 August 2017)]. 28.
21. Kurbanov, R.A. & Gurbanov, R.A. (eds) (2019) *Sudebnye sistemy Evropy i Evrazii: nauchno-entsiklopedicheskoe izdanie: v 3 t.* [The judicial systems of Europe and Eurasia: a scientific encyclopedic publication: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Prospekt.
22. *Uradni list RS*. (2004) O trudovykh i sotsial'nykh sudakh: Zakon Slovenii ot 2004 g. [On labor and social courts: Slovenian law of 2004]. Št. 2/04.
23. *Norsk Lovtidend*. (2012) Lov om arbeidstvister. 3.
24. Kurbanov, R.A. & Gurbanov, R.A. (eds) (2019) *Sudebnye sistemy Evropy i Evrazii: nauchno-entsiklopedicheskoe izdanie: v 3 t.* [The judicial systems of Europe and Eurasia: a scientific encyclopedic publication: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
25. *Belgisch Staatsblad*. (2003) Loi réglant la suppression des juridictions militaires en temps de paix ainsi que leur maintien en temps de guerre. 10 avril.
26. Yarovaya, M.V. (2006) *Sudebnaya sistema Finlyandii* [The judicial system of Finland]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 70–72.
27. *Yuristvpolshe.ru*. [Online] Available from: <http://www.yuristvpolshe.ru>. (Accessed: 20.07.2019).
28. Kistrinova, O.V. (2015) Specialized courts: experience of Russia and foreign states. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 2. pp. 9–11. (In Russian).
29. Nemytina, M.V. (1999) *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [The court in Russia: the second half of the 19th – early 20th centuries]. Law Dr. Diss. Moscow.
30. Kleandrov, M.I. (2015) On the Model of the Global Justice Radical Autonomation in the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 31–42. (In Russian).
31. Lozhkina, L.V. (2007) *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdennykh, zlostno uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazaniya v vide shtrafa, obyazatel'nykh rabot, ispravitel'nykh rabot ili ogranicheniya svobody (voprosy teorii i praktiki)* [The detention of convicts who maliciously evade serving a sentence in the form of a fine, compulsory labor, correctional labor or restriction of freedom (issues of theory and practice)]. Law Cand. Diss. Izhevsk.
32. Gaponov, E.N. (2008) K voprosu ob uchrezhdenii penitentsiarnykh sudov v sudebnoy sisteme Rossii [On the establishment of penitentiary courts in the judicial system of Russia]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 8. pp. 10–13.
33. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2018) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2018 god* [Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>. (Accessed: 15.07.2019).

Received: 08 September 2019

А.В. Шеслер

МЕТОДЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматривается содержание методов криминологического исследования групповой преступности, включающих в себя методологию исследования (философскую основу исследования в виде диалектики и метафизики), общенаучные методы исследования (общенаучные подходы исследования и теории среднего уровня) и частнонаучные методы исследования (конкретные методы, разработанные в основном социальными науками). Их сочетание и специфика применения к изучению групповой преступности образуют методику ее исследования.

Ключевые слова: метод; методология; общенаучный метод; частнонаучный метод; методика; криминологическое исследование; групповая преступность.

В отечественной криминологии немало внимания уделялось вопросам методов исследования преступности. Однако эти вопросы рассматривались преимущественно в учебной литературе по криминологии в главах, посвященных предмету и методу этой науки. Работ, специально посвященных методам криминологических исследований, немного и все они касаются в основном тех методов, которые могут быть применены ко всем видам преступности [1–3]. Методы, применяемые к изучению отдельных видов преступности, рассматривались в основном во вводной части соответствующих диссертационных исследований. Причем набор этих методов в основном повторял общие методы криминологических исследований, а специфика их применения, как правило, не выделялась. Исследование групповой преступности в аспекте рассматриваемой проблемы исключения не составляло. Вместе с тем специфика предмета исследования всегда определяла и его методику, состоящую из методологии, общенаучных и частнонаучных методов исследования.

Методология исследования авторами, занимающимися проблемами методологии науки, раскрывается через такие философские методы, как диалектический (предполагающий изучение наиболее общих законов природы, общества и познания в их постоянном развитии) и метафизический (предполагающий изучение явлений при неизменности их сущности, повторяемости и развитии только форм проявления этой сущности) [4. С. 183–184, 187, 209, 245–254].

Применение диалектического метода к социальным явлениям предполагает изучение их развития во взаимосвязи и взаимозависимости в конкретно-исторических условиях [5. С. 9–11]. Применение метафизического метода к этим явлениям означает признание неизменности их сущности и изменение только форм ее проявления. Наиболее очевидное воплощение этого метода состоит в православном воззрении на неизменную сущность человека как венца Божьего творения, созданного по образу и подобию Его, а также на неизменную сущность греха, состоящего в отступлении от заповедей Бога, данных человеку в Новом и Ветхом Заветах [6. С. 23–27, 81–90]. Однако отметим, что метафизический метод находит применение и в сатанинских учениях о человеке, в соответствии с которыми человек не является венцом Божьего

творения, представляет собой греховное существо. Ярко этот подход выражен в глумливых экспериментах Воланда из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» над советским человеком 1920-х гг., подвергнутым дьяволом искушению материального потребления («Горожане сильно изменились, внешне...», «...изменились ли эти горожане внутренне»). Торжественный вывод сатаны состоял в том, что греховная сущность человека в течение тысячелетий не изменилась («...люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было...»).

В криминологических исследованиях констатируется наличие диалектического и метафизического методов [7. С. 19–20]. Основное противоречие между ними выражается в дискуссиях между сторонниками формального и материального определения преступления и вытекающего из этого определения преступности [8. С. 185–188]. Причем все исследователи не отрицают необходимость исторического подхода к понятиям преступления и преступности, содержание которых зависит от конкретного исторического периода. Одиозное применение диалектического метода привело некоторых авторов к выводу о том, что нет деяний, которые во все исторические времена законодателем признаются преступлением в силу отсутствия у этих деяний общих сущностных свойств и в силу их неодинаковой правовой оценки в различные исторические периоды тем или иным государством. В результате авторы делают вывод, что преступлением является только то деяние, которое указано как преступное в уголовном законе [9. С. 209], соответственно преступность проявляется только в деяниях, признаваемых преступными законодателем «здесь и сейчас» [10. С. 242].

Безусловно, такой подход не дает ответа на вопрос о том, чем руководствоваться законодателю при установлении уголовной наказуемости определенных деяний, и оправдывает субъективное усмотрение законодателя в таком установлении. Поэтому метафизический подход к понятию преступления и преступности является более предпочтительным. Его сторонники исходят из материального определения преступления, суть которого состоит в том, что деяние может быть включено в круг уголовно наказуемых деяний, если оно по своей правовой природе является преступлением. Сторонники православного метафизического

подхода основываются на том, что сущностью любого преступления, его материальным признаком, независимо от способа законодательного описания в различные исторические периоды является его греховность. Она состоит в нарушении заповедей, данных Богом человеку, зафиксированных в Ветхом и Новом Заветах («Не убивай», «Не кради», «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» и т.д.), и определенных в современной уголовно-правовой терминологии через общественную опасность. Соответственно этому сущность преступности сторонниками метафизического подхода усматривается в множественном проявлении греховности (общественной опасности) [11. С. 49–53, 227–229]. Этот подход ориентирует законодателя в определенный исторический период на твердые нравственные ценности, лежащие в основе уголовно-правового запрета.

Большая часть исследователей придерживается умеренно диалектического подхода, исходя из которого, изучение развития понятий преступления и преступности должно осуществляться применительно к каждому историческому периоду, в который законодатель криминализировал деяния. Однако при этом исследователи констатируют, что определения преступления и преступности должны быть материальными и основываться на таком их сущностном признаке, как общественная опасность [12. С. 419–424]. По сути, такой подход является компромиссным, устраняющим односторонность познания преступности при применении только диалектического метода или только метафизического метода. Применительно к групповой преступности умеренно диалектический подход позволяет обосновать ее родовую сущность как разновидности преступности – ее общественную опасность [13. С. 12–17].

В качестве общенаучных методов исследования в криминологии применяются общенаучные подходы и теории среднего уровня. Наибольшее распространение в исследованиях групповой преступности получил системный подход и философское учение о человеческой деятельности [14. С. 5–8, 18–19].

В философии под системой понимается совокупность необходимых элементов, структурированных в определенную целостность [15. С. 377–378]. Структурирование элементов системы в целостность зависит от скрепляющего их системообразующего признака [16. С. 17]. Для социальных систем системообразующим признаком является человеческая деятельность [17. С. 177–179], которая характеризует социальную форму движения материи, обладает свойствами целенаправленного отражения действительности, приспособления к ней и ее преобразования [18. С. 131–132]. Эти свойства человеческой деятельности определяют включение в качестве основных элементов всякой социальной системы действий, в которых она реализуется, а также ее субъекта, в качестве которого выступает не только отдельный человек, но и макро-, а также микрогруппы [19. С. 49].

Данные положения позволяют рассматривать групповую преступность как социальную систему, системообразующим признаком которой выступает совместная преступная деятельность, определяющая в

качестве элементов системы групповые преступления, в которых она реализуется, а также субъектов групповых преступлений (лиц, их совершивших, и преступные группы как коллективные субъекты деятельности). Все элементы групповой преступности обладают таким сущностным свойством ее интегрирующего элемента (группового преступления), как общественная опасность. Количественная интеграция общественной опасности группового преступления и субъектов совместной преступной деятельности приводит к появлению нового целостного качества – общественной опасности групповой преступности, которая является более высокой, чем общественная опасность преступности, состоящей из преступлений, совершенных отдельными лицами. Это обусловлено тем, что общественная опасность групповой преступности интегрирует в себе повышенную общественную опасность группового преступления (разделение функций и соединение усилий, которого нет при совершении преступлений в одиночку, всегда повышает результативность деяния) и преступной группы (она аккумулирует и повышает индивидуальные способности своих участников).

Среди теорий среднего уровня, занимающих в социальных науках промежуточное положение между общими теориями социальных систем и простыми эмпирическими описаниями социальных явлений [20. С. 64–65, 69–71, 78–79, 95–100], наибольшее применение получили социометрическая и стратометрическая концепции. Суть социометрической концепции сводится к выявлению эмоциональных отношений в группе, на основе которых описывается внутренняя структура группы (структура межличностных отношений). Социометрический подход вообрал в себя наиболее применяемые социологические методы, которые были скорректированы исходя из предмета исследования – социальной группы, а именно: социометрический эксперимент, социометрический тест (тест социальной близости), тест невмешательства, ролевая игра и т.д. Социометрические результаты наглядно отражаются в социограмме (диаграмме, схематически отражающей межличностные отношения в группе) или социометрической матрице (таблице, отражающей индивидуальный выбор участниками группы друг друга) [21. С. 54–55, 85, 115, 138–151, 157–159 и др.]. Техника социометрического подхода достаточно давно и активно применяется в отечественных социологических исследованиях при изучении внутригрупповых процессов [22. С. 157–169]. Однако эта техника основывается на стратометрическом подходе. Это связано с тем, что исследование групповых процессов на основе социометрического подхода дает ограниченные результаты, характеризующие только межличностные эмоциональные отношения, внутренние влечения, возникающие между участниками группы. Мотивы межличностного выбора в группе этот подход выявить не позволяет [23. С. 44, 51–52, 54–55, 66, 72, 100–101].

Односторонний подход к изучению социальных групп, свойственный социометрическому подходу, преодолен стратометрическим подходом. Сторонники последнего исходят из деятельного опосредования

межличностных отношений в группе, которые выражаются в общении, определяемом формами совместной деятельности. Характер совместной деятельности в конечном счете определяет основные параметры группы (состав, структуру, групповые процессы), а также классификацию групп [19. С. 143–150]. Некоторые исследователи рассматривают общение как самостоятельный вид деятельности [24. С. 121–124].

Использование в криминологии стратометрического подхода позволяет исследователям объяснить механизм формирования и динамику развития преступных групп, выделить различные виды преступных групп, основанные на степени опосредования межличностных отношений содержанием совместной преступной деятельности, установить количественный и качественный состав преступной группы, ее структуру, характер лидерства, внутригрупповой статус ее участников, исходя из содержания этой деятельности. Наглядно выявленные характеристики групп отражаются в социограммах и социометрических матрицах. На основе выявленных характеристик преступных групп предлагаются формы воздействия на них, в основном в виде их разложения (использование внутригрупповых конфликтов, дискредитация лидеров, привлечение участников группы к уголовной ответственности), в отдельных случаях в виде их частичной переориентации [25. С. 13–15, 18–24, 24–52, 84–88, 92–93; 26. С. 15–17, 22–54, 93–179; 27. С. 233–249].

Использование в криминологии подхода, в соответствии с которым общение рассматривается как вид человеческой деятельности, позволяет исследователям обосновать преимущественно групповой характер преступности несовершеннолетних, обусловленный их повышенной потребностью в обществе сверстников, показать механизм формирования преступных групп несовершеннолетних, происходящие в них внутригрупповые процессы, раскрыть особенности предупреждения преступности несовершеннолетних [28. С. 9–11, 95–96, 106, 124–151, 186–187, 244–259].

Частные методы исследования, разработанные в основном социальными науками, применяются, как и методология и общенаучные методы, при изучении групповой преступности с учетом специфики последней как предмета исследования. Так, статистические методы применяются для характеристики количественно-качественных показателей групповой преступности (состояния, структуры, динамики, вреда). При этом специфика статистических методов состоит в ограниченной возможности получения с их помощью информации о групповой преступности, так как уголовная статистика оперирует только с данными о зарегистрированной преступности, отраженной в документах первичного учета. Причем эти данные отражают только те преступления, которые совершены в соучастии, и не отражают другие формы групповых преступлений. В частности, как групповое преступление в уголовной статистике не отражается выполнение объективной стороны состава преступления несколькими лицами, из которых лишь одно является

субъектом преступления, а остальные не достигли возраста уголовной ответственности или являются невменяемыми.

Среди социологических методов, которые не охватываются стратометрическим подходом, при изучении групповой преступности используются различные виды опросов участников преступных групп, их родных и близких, населения (анкетирование, беседа, интервью), экспертная оценка для выявления мнения судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о состоянии и противодействии групповой преступности, анализ документов (документов первичной и вторичной статистики, уголовные дела, учетно-профилактические дела, дела оперативного учета и т.д.), наблюдение за деятельностью преступных групп и деятельностью органов уголовной юстиции по противодействию им. Использование этих методов также характеризуется определенной спецификой. Так, закрытость преступной среды не позволяет использовать метод включенного наблюдения. Метод опроса участников преступных групп, их родных и близких дает довольно часто искаженные сведения либо не может быть применен в силу того, что указанные лица вообще отказываются от опроса. Ограниченной является сфера применения эксперимента. Он касается только отдельных аспектов деятельности органов уголовной юстиции, в частности деятельности по оказанию ими помощи хозяйствующим субъектам в создании системы криминологической безопасности от преступных групп.

Метод сравнительного правоведения применяется для сравнения отечественного уголовного законодательства и иного законодательства, создающего правовые основы противодействия групповой преступности, и соответствующего зарубежного законодательства с целью заимствования позитивного правового опыта.

Логико-языковой метод, основанный на сочетании правил формальной логики и языка, применяется для содержательного анализа уголовно-правовых и криминологических терминов с точки зрения адекватности отражения ими конкретных проявлений групповой преступности.

Отдельные попытки применения математических методов исследования преступности в криминологии и в науках криминального цикла в целом не получили широкого применения, так как не дали ощутимых результатов даже на уровне простого краткосрочного прогноза преступности. Данное обстоятельство обусловлено тем, что преступность как любое социальное явление не может быть описана и объяснена вне системы моральных оценок и ценностей [29. С. 41].

Завершая характеристику методов криминологического исследования, можно сделать вывод о том, что сочетание методологии, общенаучных и частных методов исследования, специфика их применения к групповой преступности образуют методику ее исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашков Н.Н. Количественные методы в криминологии. М. : Юрид. лит., 1971. 184 с.
2. Панкратов В.В. Методология и методика криминологических исследований. М. : Юрид. лит., 1972. 134 с.
3. Кардополов Ю.Ф. Методы криминологических исследований. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2005. 204 с.
4. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 576 с.
5. Рабочая книга социолога. М. : Наука, 1976. 512 с.
6. Осипов А.И. Православие и духовная безопасность. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2013. 224 с.
7. Клейменов М.П. Криминология. М. : Норма, 2008. 448 с.
8. Шеслер А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 185–188.
9. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. М. : Астрель, 2006. 618 с.
10. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 322 с.
11. Христианское учение о преступлении и наказании. М. : Норма, 2009. 336 с.
12. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2017. 736 с.
13. Шеслер А.В. Групповая преступность: Криминологические и уголовно-правовые аспекты: специализированный учебный курс. Саратов : Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2006. 152 с.
14. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 2001. 33 с.
15. Спиркин А.Г. Философия. М. : ИД Юрайт, 2012. 828 с.
16. Целикова О.П. Нравственная целостность личности. М. : Наука, 1983. 160 с.
17. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М. : Высш. шк. ; КД «Университет», 1997. 448 с.
18. Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. СПб. : Изд-во ДНК, 2001. 536 с.
19. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 1999. 376 с.
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ ; АСТ Москва ; Хранитель, 2006. 873 с.
21. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М. : Академический Проект, 2001. 384 с.
22. Как провести социологическое исследование. М. : Политиздат, 1990. 288 с.
23. Десев Л. Психология малых групп. М. : Прогресс, 1979. 208 с.
24. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М. : Политиздат, 1988. 319 с.
25. Зырянов В.Н. Групповая преступность женщин и ее предупреждение органами внутренних дел. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1988. 96 с.
26. Самонов А.П. Психология преступных групп. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1991. 230 с.
27. Кондратьев Л.В. Антропология преступления (микрোকриминология). М. : НОРМА, 2001. 344 с.
28. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2001. 280 с.
29. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М. : Проспект, 2009. 400 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 июля 2019 г.

Methods of Criminological Research of Group Crime

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 247–251.

DOI: 10.17223/15617793/446/32

Aleksandr V. Shesler, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

Keywords: method; methodology; general scientific method; specific scientific method; technique; criminological research; group crime.

The article discusses the main methods used in the study of group crime. It aims to analyze the specifics of the main methods used in criminological research in relation to group crime. The author used the dialectic approach as a methodology in the study; he showed the specifics of its application to group crime, which allowed proving the social danger of this type of crime as its generic nature. The author used general scientific methods: a systemic approach and the philosophical doctrine of human activity. Group crime was thus presented in the form of a system, the structure-forming feature of which is a group offense. The main quality of group crime is social danger that integrates the increased social danger of group crime (separation of functions and joint efforts, which is not the case in the commission of crimes alone, always increase the effectiveness of the offense) and of criminal group (it accumulates and increases the individual abilities of its members). The author also used a stratometric approach. According to this approach, the main parameters of a social group are determined by the nature of their joint activity that mediates the interpersonal relations of the group members. Using this approach in the study of group crime allows explaining the mechanism of formation and dynamics of criminal groups, identifying different types of criminal groups based on the degree of mediation of interpersonal relations by the content of joint criminal activity. It also allows establishing the quantitative and qualitative composition of a criminal group, its structure, the nature of leadership, the intra-group status of its members based on the content of activity. The author used mostly sociological methods as specific scientific methods. They find specific application in the study of group crime. Firstly, the closed nature of a criminal group does not allow using the method of overt observation. Secondly, the method of interviewing members of criminal groups, their relatives and friends often gives distorted information, or cannot be applied because these persons refuse to be interviewed at all. Thirdly, the experiment concerns only certain aspects of the activities of criminal justice bodies. The author concludes that the combination of methodology, general and specific scientific methods of research, the specificity of their application to group crime form the methodology of its research.

REFERENCES

1. Kondrashkov, N.N. (1971) *Kolichestvennye metody v kriminologii* [Quantitative methods in criminology]. Moscow: Yurid. lit.
2. Pankratov, V.V. (1972) *Metodologiya i metodika kriminologicheskikh issledovaniy* [Methodology and techniques of criminological research]. Moscow: Yurid. lit.
3. Kardopolov, Yu.F. (2005) *Metody kriminologicheskikh issledovaniy* [Methods of criminological research]. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.

4. Kokhanovskiy, V.P. (1999) *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Rostov-on-Don: Feniks.
5. Osipov, G.V. (ed.) (1976) *Rabochaya kniga sotsiologa* [The workbook of a sociologist]. Moscow: Nauka.
6. Osipov, A.I. (2013) *Pravoslaviye i dukhovnaya bezopasnost'* [Orthodoxy and spiritual security]. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov'.
7. Kleymentov, M.P. (2008) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma.
8. Shesler, A.V. (2014) The Concept of a Crime in the Russian Criminal Legislation. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 2 (31). pp. 185–188. (In Russian).
9. Sorokin, P.A. (2006) *Prestupleniye i kara, podvig i nagrada* [Crime and punishment, feat and reward]. Moscow: Astrel'.
10. Gilinskiy, Ya.I. (2004) *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyy kontrol'* [Deviance, crime, social control]. St. Petersburg: Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press".
11. Kharabet, K.V. & Tolkachenko, A.A. (eds) (2009) *Khristianskoe ucheniye o prestuplenii i nakazanii* [The Christian doctrine of crime and punishment]. Moscow: Norma.
12. Mal'tsev, G.V. (2017) *Mest' i vozmездie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow: Norma; INFRA-M.
13. Shesler, A.V. (2006) *Gruppovaya prestupnost': Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty: spetsializirovannyi uchebnyy kurs* [Group crime: Criminological and criminal aspects: a specialized training course]. Saratov: Saratovskiy tsentr po issledovaniyu problem organizovannoy prestupnosti i korruptsii.
14. Prozumentov, L.M. (2001) *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdeniye* [Group crime of minors and its prevention]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
15. Spirkin, A.G. (2012) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: ID Yurayt.
16. Tselikova, O.P. (1983) *Nravstvennaya tselostnost' lichnosti* [Moral integrity of personality]. Moscow: Nauka.
17. Momdzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedeniye v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to social philosophy]. Moscow: Vyssh. shk.; KD "Universitet".
18. Karmin, A.S. & Bernatskiy, G.G. (2001) *Filosofiya* [Philosophy]. St. Petersburg: Iz-vo DNK.
19. Andreeva, G.M. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
20. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Translated from English. Moscow: AST; AST Moskva; Khranitel'.
21. Moreno, Ya.L. (2001) *Sotsiometriya: Eksperimental'nyy metod i nauka ob obshchestve* [Sociometry: An experimental method and the science of society]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt.
22. Gorshkov, M.K. & Sheregi, F.E. (eds) (1990) *Kak provesti sotsiologicheskoye issledovaniye* [How to conduct a sociological study]. Moscow: Politizdat.
23. Desev, L. (1979) *Psikhologiya malykh grupp* [The psychology of small groups]. Moscow: Progress.
24. Kagan, M.S. (1988) *Mir obshcheniya: Problema mezhsob"ektnykh otnosheniy* [The world of communication: The problem of intersubjective relations]. Moscow: Politizdat.
25. Zyryanov, V.N. (1988) *Gruppovaya prestupnost' zhenshchin i ee preduprezhdeniye organami vnutrennikh del* [Group crime of women and its prevention by internal affairs bodies]. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.
26. Samonov, A.P. (1991) *Psikhologiya prestupnykh grupp* [Psychology of criminal groups]. Perm: Permskoye knizhnoye izd-vo.
27. Kondratyuk, L.V. (2001) *Antropologiya prestupleniya (mikrokriminologiya)* [Anthropology of crime (microcriminology)]. Moscow: NORMA.
28. Prozumentov, L.M. (2001) *Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i osnovnyye napravleniya ee preduprezhdeniya* [Group crime of minors and the main directions of its prevention]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
29. Zhalinskiy, A.E. (2009) *Ugolovnoye pravo v ozhidanii peremey: teoretiko-instrumental'nyy analiz* [Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis]. Moscow: Prospekt.

Received: 10 July 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА Наталия Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

АБРАМОВА Мария Алексеевна – д-р пед. наук, зав. отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); профессор кафедры социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета. E-mail: marika24@yandex.ru

АНДРЕЕВ Константин Павлович – аспирант, преподаватель кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: andrejew92@mail.ru

АНИЧКИН Евгений Сергеевич – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: rrd231@rambler.ru

АНТОШИН Алексей Валерьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

АРТИБЯКИНА Татьяна Юрьевна – ст. преподаватель кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: Artibyakina_TU@mail.ru

АРХИПОВ Андрей Валерьевич – канд. юрид. наук, судья Томского областного суда; доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: aav180@mail.ru

БАБИНОВИЧ Василий Сергеевич – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: winterik1@mail.ru

БОРИСОВА Виктория Анатольевна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: kitnessev@gmail.com

ГОЛОВИНА Елена Александровна – ст. преподаватель ресурсного центра физической культуры Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград). E-mail: ellen86@inbox.ru

ГОНЧАРОВА Галина Савитовна – науч. сотр. отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: alek-mari@yandex.ru

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич – д-р геогр. наук, вед. науч. сотр. лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: stgorohov@yandex.ru

ГРИБУНОВ Олег Павлович – д-р юрид. наук, зам. начальника (по научной работе) Восточно-Сибирского института МВД России г. Иркутск). E-mail: gribunov@mail.ru

ГУРЕНКО Юлия Вячеславовна – канд. пед. наук, ст. преподаватель ресурсного центра физической культуры Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград). E-mail: ms.yvk@mail.ru

ДЕБРЕНН Мишель – д-р филол. наук, директор французского центра Новосибирского государственного университета; ст. науч. сотр. лаборатории сравнительных исследований в урбанистике Томского государственного университета. E-mail: micheledebrenne@gmail.com

ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (г. Москва); ст. науч. сотр. лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Лариса Владимировна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета. E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

ЗАМЫСЛОВА Елизавета Евгеньевна – аспирант кафедры истории русской литературы и журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

ЗАПАРИЙ Юлия Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: julia.zapariy@mail.ru

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. E-mail: optysmith@gmail.com

ИВАНЦОВА Екатерина Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ekivancova@yandex.ru

ИЛЮХИНА Надежда Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва. E-mail: ilnadezhda@rambler.ru

КАНАКОВА Анна Евгеньевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: kananna19@yandex.ru

КОЛОМИЕЦ Татьяна Ивановна – д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Томского государственного университета. E-mail: tkolom@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Людмила Геннадьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: vaskova82@yandex.ru

КОСТЮК Всеволод Григорьевич – ст. науч. сотр. отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kostyuk.vsevolod@yandex.ru

КОЧЕРГИНА Кристина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: tinakohergina@gmail.com

ЛЕНЬКО Галина Николаевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: gallina-l@yandex.ru

МАЛЫШКИН Александр Викторович – канд. юрид. наук, председатель Владимирского областного суда; доцент кафедры «Судебная деятельность» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: law33region@yandex.ru

НАЗАРЕНКО Иван Иванович – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

ПАЩЕНКО Лена Григорьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Нижневартковского государственного университета. E-mail: lenanv2008@yandex.ru

ПОГОРЕЛЬСКАЯ Анастасия Михайловна – канд. ист. наук, зам. директора Центра международного научного сотрудничества, ст. преподаватель кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: lisbonne@rambler.ru

ПОМОРИНА Инна Вячеславовна – канд. экон. наук, ст. преподаватель Бат Бизнес Школы Университета Бат Спа, (Великобритания); науч. сотр. лаборатории сравнительных исследований в урбанистике Томского государственного университета. E-mail: i.pomorina@bathspa.ac.uk

РОСТОВА Наталья Николаевна – д-р филос. наук, ст. преподаватель кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nnrostova@yandex.ru

РУМЯНЦЕВ Петр Петрович – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: petroom@mail.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru; ryahovskaya.ti@gmail.com

САЛИХОВА Лейла Багаутдиновна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала). E-mail: leila.salihova@yandex.ru

САФОНЕНКО Светлана Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: sve21547052@yandex.ru

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна – д-р социол. наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета. E-mail: skalaban@corp.nstu.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СЫРОВ Василий Николаевич – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: narrat59@gmail.com

ТОЛСТОНОЖЕНКО Оксана Алексеевна – аспирант, преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: t_oksa@mail.ru

ТОМАШЕВСКАЯ Ольга Борисовна – канд. пед. наук, доцент ресурсного центра физической культуры Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (г. Калининград). E-mail: obtu@rambler.ru

УЛЬЯНОВ Павел Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: imperialnext@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ШЕСЛЕР Александр Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Томского государственного университета; профессор кафедры уголовного права Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк); E-mail: sofish@inbox.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 446. Сентябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 26.09.2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № Цена свободная.

Дата выхода в свет 15 октября 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru